

Мирослав Йованович

Русская эмиграция
на **БАЛКАНАХ**
1920-1940

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»

Ex cathedra

**Возникновение эмиграции
подобно сотворению мира.**

Борис Поплавский

Мирослав Йованович

Русская эмиграция
на **БАЛКАНАХ**
1920-1940

Москва
Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» • Русский путь
2005

ББК 63.3(2)6-4
И-75

ISBN 5-98854-001-5
ISBN 5-85887-235-2

*Федеральная целевая программа
«Культура России»
(программа «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)*

Редакционная коллегия серии

Любовь Белошевская
Мария Васильева
Стефано Гардзонио
Ричард Дэвис
Алексей Козырев
Олег Коростелев
Леонид Ливак
Джон Малмстад
Владимир Хазан
Рашит Янгиров

Дизайн серии

О.В. Комарова

Редакторы выпуска

А.В. Громов-Колли
Е.В. Михайлов

© М. Йованович, 2005
© А.Ю. Тимофеев, перевод, 2005
© О.В. Комарова, дизайн, 2005
© Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2005
© Русский путь, 2005

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Архивные документы и опубликованная литература стали источником многих важных данных, послуживших нам в попытке максимально широкого и детального изучения многосторонних аспектов жизни русских беженцев на Балканах. Однако сложнейшая задача кропотливого воссоздания всей цельной картины существования русских беженцев на Балканах вряд ли могла быть решена настолько полно, если бы не драгоценная помощь друзей. Она была всесторонней и крайне важной для меня как в постановке вопросов и вычленении важнейших проблем истории русской эмиграции, так и в поиске архивных материалов и сборе других адекватных форм исторических источников. Вот почему я хочу еще раз, пользуясь случаем, выразить сердечную благодарность моим помощникам.

Книга, находящаяся в руках читателя, и в исследовательском плане, и в аспекте достижения конечных результатов не могла бы иметь настоящего вида без неопенимой и самоотверженной помощи, которую мне оказали д-р И.Н. Качаки и А.Б. Арсеньев, также занимающиеся исследованием истории русской эмиграции. Помощь и поддержка дорогого друга и большого знатока истории русской эмиграции Арсеньева была многогранной и безграничной. Наши бесчисленные многочасовые беседы об истории русской эмиграции помогли мне познакомиться со многими деталями и подводными камнями этой темы, разрешить некоторые вопросы, возникшие в ходе работы. Алексей Борисович бескорыстно позволил мне использовать свою исключительно богатую личную коллекцию, собиравшуюся им собственноручно; а также ряд важных книг из своей богатой библиотеки, что, без всякого сомнения, значительно повлияло на качество данной книги. Разумеется, книга была бы намного беднее, если бы не дружеская и бескорыстная помощь И. Качаки, который предоставил в мое распоряжение свои фотокопии и выписки, собранные им в ходе его собственных исследований в архиве Гуверовского института. Этот бескорыстный акт с его стороны я воспринял как жест настоящего ученого и большого друга и исключительно благодарен ему за такое благородное и доброе отношение.

Эта книга создана на основе докторской диссертации автора «Русская эмиграция на Балканах 1920—1940», защищенной на философском факультете Белградского университета в феврале 2001 г. перед комиссией, в которую входили: научный руководитель А. Митрович, М. Сибинович, М. Ристович и Л. Димич. Высказанные комиссией замечания и предложения, большинство из которых я учел, принесли большую пользу при работе над книгой.

Несравнимо большее число источников, а также соответствующих старых и новых публикаций, использованных при написании книги, были изучены мною в ходе ряда исследовательских поездок в Москву. Основная часть труда в московских архивах и библиотеках была осуществлена в ходе шестимесячного пребывания в России в 1996—1997 гг. Выполнение работы стало возможным благодаря стипендии пражского фонда *Research support scheme OSI/HESP*, за что я выражаю особую благодарность.

В течение многочисленных поездок в Москву в 1993, 1996—1997 и 2000 гг. многие друзья помогали мне всесторонне познакомиться с соответствующей новой литературой и в особенности с методикой деятельности московских архивов и библиотек. Всем им я хотел бы выразить здесь сердечную благодарность. Чрезвы-

чайно ценной была для меня помощь директора Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) С.В. Мироненко и исключительного знатока фондов Зарубежной России Л.И. Петрушевой. Неоценимую научную и дружескую (а нередко и административную) помощь и поддержку в работе мне оказали коллеги с исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова: Г.Ф. Матвеев, Л.В. Кузьмичева, В.А. Тесемников, Х.Х. Хайретдинов, О.Р. Айрапетов и др. Особая благодарность коллегам и друзьям из Института славяноведения РАН, которые неоднократно оказывали мне помощь, — ныне покойному В.К. Волкову, В.И. Косику, К.В. Никифорову, А.Л. Шемякину и др. Кроме того, я хотел бы отметить бесценную помощь в исследованиях, оказанную мне А.И. Ушаковым, который и сам занимается изучением истории русской эмиграции. Особенно хочется поблагодарить за всестороннюю и бескорыстную дружескую поддержку и внимание, которым я был окружен в течение моих частых пребываний и исследований в России, со стороны моих близких друзей О.А. Демидова и С.А. Баронова.

Не меньшим вниманием и готовностью помочь и в исследованиях, и в решении соответствующих вопросов в ходе пребывания в стране, и в предоставлении драгоценной информации о новейших публикациях по вопросам русской эмиграции я был окружен со стороны друзей, коллег, исследователей и сотрудников архивов в Софии как на историческом факультете Софийского университета им. св. Климента Охридского, так и в Центральном государственном архиве в ходе моей научной работы весной 1998 г. в Софии. Прежде всего я имею в виду важную и во всех аспектах ценнейшую помощь, которую оказали мне мои друзья и коллеги С. Димитрова и Н. Кайчев, ныне покойная М. Лалкова, И. Илчев, дорогой друг Ц. Степанов и Л. Спасов в Велико-Тырновском университете.

Столь же важную помощь и горячую дружескую поддержку во всех сербских архивных учреждениях, где мне приходилось работать, мне оказывали: в Архиве Сербской академии наук и искусств — М. Станич, З. Живкович и Д. Опсеница; в Архиве Югославии — М. Милошевич, в Архиве Сербии — мой дорогой друг Й. Пеин; в Историческом архиве Белграда — М. Радойчич, Б. Ракочевич и О. Латинчич; в Университетской библиотеке — дорогой друг Н. Маркович; а также сотрудники Народной библиотеки в Белgrade и архивов в Которе и Херцег-Новом. Я хочу выразить благодарность и тем моим коллегам и друзьям, которые в ходе своих исследований в ряде других сербских и иностранных архивов тратили свое драгоценное время на то, чтобы сделать для меня выписку или ксерокопию отдельных документов, важных для моей работы.

Исключительную, и вероятно решающую, поддержку в том, чтобы эту книгу увидел русский читатель, мне оказал со всем энтузиазмом, пониманием и терпением директор издательства «Русский путь» В.А. Москвин. Я выражаю мою величайшую благодарность за оказанное доверие, внимание и многолетнее терпение, проявленные им в ходе моей длительной работы над рукописью книги. Большую благодарность за труд и дружескую помощь я бы хотел выразить и переводчику А.Ю. Тимофееву, без чьих усилий, старания и безупречного знания сербского языка эта книга не появилась бы перед русским читателем.

И последнее — по порядку перечисления, но не значению — всю свою любовь и благодарность я хотел бы выразить моей супруге Весне и сыну Борису, без чьих понимания, терпения и поддержки вся моя работа была бы тщетной.

Всем, кто тем или иным образом оказал мне свою помощь и поддержку в том, чтобы эта книга приобрела свой настоящий вид, а также всем, кого я абсолютно непреднамеренно пропустил в своем перечислении, но чья помощь и поддержка

были мне также чрезвычайно важны, я хотел бы еще раз выразить свою искреннюю признательность, сознавая невозможность в полной мере возблагодарить их за объем и ценность оказанных услуг.

В то же время я хотел бы подчеркнуть, что моим желанием было, в соответствии с моими знаниями и возможностями, максимально изучить и осветить жизнь русских беженцев на Балканах во всей ее целостности; хочется также признать здесь свою собственную ответственность за все ошибки, недостатки и неточности, которые, возможно, присутствуют в работе.

Россия и Балканы

Исторические связи России и Балкан имеют десятивековую традицию, начиная с первых контактов, установленных еще в X в. во времена Византии и Крещения Руси, и вплоть до бурного XX в. В течение этого долгого времени взаимоотношения России и балканских стран и балканских народов не были однозначными и неизменными — за тысячу лет периоды сотрудничества и взаимодействия прерывались периодами противостояния и взаимного отчуждения.

Возрастание интереса друг к другу и значительное усиление взаимных связей можно непрерывно проследить со времен Петра Великого, т.е. с начала XVIII в. Особую интенсивность взаимные политические, экономические и духовные связи приобрели в течение XIX и особенно XX в., когда Россия неоднократно выступала защитницей православных славянских народов, помогала им бороться против Османской империи, всячески поддерживала их борьбу за независимость. На это повлиял ряд факторов, важнейшим из которых, как нам кажется, был тот, что с начала XIX в., после вступления России в ряды мировых держав и победы над Наполеоном, она все более сильно и открыто выражала свои внешнеполитические амбиции на Балканах и в остальной юго-восточной Европе. Особенно это стало заметно со времени Великого восточного кризиса 1875—1878 гг.

Эти тенденции получили новый импульс в XX в. Балканы занимали существенное место на карте русской дипломатии, также и Россия во внешней политике балканских государств играла важную, зачастую ключевую роль. Так было во время Балканских войн, до начала Первой мировой войны, так было и в последующую эпоху. Революционное изменение власти в Петрограде и Москве в 1917 г., по сути дела, незначительно отразилось на характере этих связей. В политике Советского Союза Балканы по-прежнему занимали исключительно важное место, а после Второй мировой войны СССР стал главным внешнеполитическим партнером, идеологическим, политическим и военным защитником почти всех балканских государств.

В этой десятивековой, непрямолинейной, пульсирующей и яркой истории отношений России и Балкан, которая отмечена, как уже говорилось, эпохами тесного сближения и сотрудничества и резких расхождений, самое ценное — это человеческие судьбы. Судьбы многих (сегодня в большинстве своем полузабытых) революционеров, авантюристов, шпионов, торговцев, преподавателей, ремесленников, рабочих, простого люда, приезжавших из России на Балканы или с Балкан в Россию. На фоне этого огромного потока 200 тыс. русских эмигрантов, прибывших в балканские страны в 1919—1920 гг., их жизнь в этих краях до и после Второй мировой войны нельзя назвать эпохальным явлением. Однако в общественно-политическом аспекте это, несомненно, одно из наиболее драматических, психоло-

гически сложных и исключительно плодотворных в культурном аспекте событий в русско-балканских взаимоотношениях.

Изучая историю русской эмиграции в балканских странах и учитывая всю многовековую специфику как отношений России с Балканами, так и индивидуальное лицо самих балканских стран в межвоенный период, вполне логично задаться вопросом — можно ли рассматривать территорию Балкан в геополитическом смысле как единое целое, с четко обозначенными характеристиками, определившими феномен русской эмиграции на Балканах, если сравнивать его с аналогичными феноменами, например американским или дальневосточным, или все-таки речь идет о механической сумме отдельных, независимых сюжетов эмиграции в пяти балканских государствах: в Югославии, Болгарии, Турции, Греции, Румынии? Это одна из ключевых методологических дилемм, от решения которой зависит не только подход к изучению конкретной проблемы, но и ожидаемые историографические результаты и возможные (сравнительные) выводы.

Несколько фактов, связанных с возникновением, историей и миграционными тенденциями внутри эмигрантской группы, свидетельствуют о том, что многие важные процессы переплетались, коррелировались и даже взаимодополнялись на всей территории Балкан (невзирая на внутренние различия государств, приютивших русских беженцев), и что, следовательно, территорию Балкан в истории русской эмиграции можно (и даже необходимо) рассматривать как единое историографическое целое.

Это прежде всего относится к историко-демографическим характеристикам возникновения и жизнедеятельности русской эмигрантской группы на Балканах, которые проявили однотипные тенденции развития на всей территории Балкан, несмотря на различия в положении русских беженцев внутри каждой отдельной балканской страны. С этой точки зрения можно ясно выделить шесть периодов, которые характеризовали историю русской эмиграции на Балканах.

1. Эмиграция в начале 1920-х годов. После поражения белых армий в Гражданской войне с юга России в ходе ряда эмиграционных волн прибыло около 200 тыс. эмигрантов.

2. Прибытие эмигрантов и первая волна реэмиграции в середине 1920-х годов. Вследствие ряда факторов: решения французских властей вывести части русской армии из лагерей в районе Константинополя и трудоустроить этих солдат и офицеров на договорной основе в Болгарии и Югославии; решения турецких властей изменить с 1926 г. правовой статус русских беженцев в Константинополе; потери рабочих мест, полученных русскими военными по коллективным договорам в Югославии и Болгарии; роста заинтересованности французских и бельгийских фирм в массовом трудоустройстве русских эмигрантов и т.д. произошло более или менее окончательное распределение эмигрантов по балканским государствам. Позже начался более продолжительный процесс, происходивший параллельно с распределением — первое массовое вымывание эмигрантов с этих территорий, после чего общее число русских эмигрантов на Балканах в течение определенного времени свелось к 70 тыс. человек.

3. Консолидация в конце 1920-х — начале 1930-х годов. После быстрого и массового оттока эмигрантов наступило заметное сокращение миграционных процессов (которые, как это необходимо подчеркнуть, никогда не прекращались полностью) и появились первые признаки долгосрочной и полной адаптации эмигрантов к жизни в новой среде. В то время число беженцев стабилизировалось на уровне 55–60 тыс. человек.

4. Начало ассимиляции, сопровождавшейся небольшим, но постоянным оттоком эмигрантов, в 1930-х годах. Жизнь русских людей на Балканах стабилизировалась, осуществлялась более полная интеграция их в новое общество, что, однако, происходило на фоне непрерывного процесса оттока эмигрантов с Балкан. До начала Второй мировой войны число беженцев уменьшилось до 40 тыс. человек.

5. Годы Второй мировой войны, приведшие к значительно усилившейся эмиграции и сильно выраженной политизации эмигрантской жизни.

6. Массовый отъезд с Балкан или полная ассимиляция в послевоенный период. В связи с политическими изменениями, вызванными Второй мировой войной, число русских эмигрантов и их потомков на территории всех Балкан сократилось до 10 тыс. человек.

В то же время, сравнивая эмиграцию на Балканах с эмиграцией в других регионах и государствах, легко заметить, что территория Балкан (как единого региона) в рамках общей периодизации русской эмиграции была основным ареалом первой фазы эмиграции — когда в начале 1920-х годов эмигранты, надеясь, что «скорое возвращение домой» в ближайшем будущем, старались сконцентрироваться в государствах, географически расположенных близко к России, т.е. в широком поясе, включавшем Прибалтику, Польшу, Германию, Чехословакию, Балканы, Маньчжурию.

В связи с этим необходимо отметить, что отток русских беженцев из всех балканских стран (несмотря на их взаимные различия) в течение 1920—1930-х годов был направлен исключительно в сторону Западной Европы (в первую очередь — во Францию и Бельгию), а не в Америку или на Дальний Восток. Это полностью соответствует второй миграционно-географической фазе в истории русской эмиграции, когда беженцы, пережив крушение своих первоначальных надежд на скорое возвращение на родину, все в большей степени (в поисках работы) переселялись из Германии, Польши, Югославии или Болгарии во Францию. (Лишь позднее — накануне, в течение и в особенности после Второй мировой войны — русские эмигранты решались в большом количестве уехать из Европы и переселиться в Америку.)

Даже эти два признака наглядно показывают, что территория Балкан имела важные общие характеристики в истории русской эмиграции. Эти общие характеристики становятся еще более заметными, если обратиться к сравнительным исследованиям конкретных исторических явлений (например, отношения среды к беженцам, процесса потери беженцами социального статуса в новой среде, истории отдельных эмигрантских организаций, церкви или некоторых политических объединений).

Взгляд на русскую эмиграцию в зеркале всемирной истории

Существует определенный стереотип того, что читатели ожидают обнаружить в исторической научной литературе — повествование о войнах, важных политических решениях, дипломатических комбинациях и ловушках, о выдающихся исторических деятелях, военачальниках, политиках, победителях и побежденных... Формированию этого стереотипа в значительной степени способствовала традиционная политическая историография, сконцентрированная исключительно на освещении политических, военных и дипломатических аспектов прошлого.

Но существует и другое понимание истории и историографии. В течение XX в. оно выработало целый ряд историографических направлений и школ, чьи пред-

ставители старались и стараются до сих пор предложить заинтересованному читателю значительно более широкий круг знаний о жизни человека в прошлом — обращая свои исследования к рассмотрению вопросов культурной, экономической и общественной истории, истории структур, больших социальных групп, истории менталитета, повседневной жизни «простого», или так называемого «маленького», человека, детства, семьи, привычек, воспоминаний, взаимоотношений полов, сексуальности, смерти... Этот богатый подбор различных взглядов, исследовательских подходов и понимания прошлого расширяет исторические рамки, привлекает и даже подталкивает все новые поколения историков в соответствии с современными тенденциями, уважая, конечно, и опыт традиционной историографии, обратить свои усилия к попытке удержать в поле зрения всю совокупность исторических фактов, процессов и явлений.

Стремление к изучению всей совокупности исторической реальности (a total history) соответствует нашему видению современной историографии и, несомненно, представляет собой интересный научный шанс. Разумеется, попытка реконструкции всей совокупности прошлого не подразумевает невозможного: воссоздания истории каждого дня, каждого отдельного человека, каждого важного и не важного факта. Стремление к рассмотрению совокупности фактов прошлого представляет собой, по сути дела, желание понять многосторонние аспекты человеческой жизнедеятельности в прошлом через рассмотрение всех проблем, с которыми сталкивался в прошлом человек, анализ способов взаимоотношений с окружением; причем понимая и воспринимая прошлое как многоплоскостной феномен.

Прошлое многогранно и одновременно неделимо. Различные стороны жизни (которые часто и совершенно неоправданно рассматривают изолированно) переплетались и взаимодействовали во многих точках соприкосновения. Это прекрасно видно на примере истории русской эмиграции. Почти нет событий, которые отражались бы только в одной сфере человеческой деятельности (например, в политике), не затрагивая при этом и других — социальной или личной. Достаточно напомнить о нескольких наглядных примерах, когда конкретные политические события и факты (например, революция и Гражданская война в России или решение французских властей разоружить и распустить Русскую армию, дислоцированную в Константинополе) самым непосредственным, иногда весьма драматичным образом отражались на жизни отдельного человека, вынуждая его покинуть родину или лишая средств к существованию, не говоря уже о том, насколько они меняли его психологию и менталитет и т.д. Порою и определенные социальные характеристики эмигрантской группы влияли на соответствующие политические решения властей балканских государств (так, высокий образовательный уровень русских эмигрантов вызвал решение о приеме на государственную службу специалистов и профессоров университетов).

Русская эмиграция на Балканах представляла собой сложное историческое и социальное явление, которое было частью значительно более широкого миграционного процесса — оттока населения из Советской России в годы революции и Гражданской войны, что привело к массовой политической эмиграции межвоенного времени. Таким образом, речь шла о явлении, в одинаковой мере важном в истории как Балкан, так и России (СССР), а также европейской и мировой истории, о явлении, которое включало все аспекты исторической реальности и жизни людей: политический, дипломатический, социальный, демографический, антропологический, психологический, структурный и культурный.

На основании анализа причин, вынудивших беженцев покинуть свою родину, а также многочисленных проблем, вызванных более или менее успешными по-

пытками урегулирования их юридического статуса в новой среде, возможно однозначно утверждать, что русская эмиграция являлась преимущественно политическим, военным и дипломатическим феноменом. В то же время, если сконцентрироваться на понимании интенсивности и всеохватности изменений, которые эмиграция привнесла в ежедневную жизнь отдельного человека, с одной стороны, и нового балканского окружения, с другой стороны, если посмотреть, насколько резкие перемены обусловил этот процесс в отдельных жизненных фазах (детство, молодость, зрелость, старость), как он повлиял на отношения полов, поколений, внутрисемейные связи, как он помешал сохранению старых привычек в новой общественной среде (что вело к их неизбежным изменениям) и т.д., то все это с необходимостью ставит задачу исследования социально-антропологических и психологических плоскостей феномена русской эмиграции.

Вместе с тем изменения, которые вызывала массовая эмиграция как в обществе, из которого люди эмигрировали, так и в обществах, в которые они иммигрировали, — суть важный социальный и демографический феномен. При этом сама русская эмигрантская группа на Балканах представляет собой центральную социальную структуру, по отношению к которой принимались важнейшие решения. Это вынуждает нас рассматривать историю русской эмиграции на Балканах поэтапно, начиная с формирования группы, дальнейшей жизни внутри этой группы (структуры) и взаимодействия данной группы с окружением. Это придает нашему исследованию структуральный характер. Существует богатое интеллектуальное наследие русской эмиграции, в котором содержатся раздумья о позиции и значении эмиграции и эмигрантских учреждений в истории России, в современности и (желаемом) будущем, попытки осмысления общественных и исторических процессов и перемен, вследствие которых и произошла эмиграция, взгляды на настоящее положение и будущую роль изгнанников, оказавшихся вдали от Родины (идея о «миссии» русской эмиграции); все это, в свою очередь, заставляет нас рассматривать и идеологическую борьбу в эмигрантской среде. Наконец, взаимоотношения русских эмигрантов и балканского окружения, встреча с социальными и культурными контрастами, значение деятельности русских эмигрантов в области культуры, а также те заметные следы, которые русские пришельцы оставили в новых обществах и культурах, выдвигают необходимость исследования эмиграции с точки зрения культуры и культурологии.

Таким образом, эта книга задумана и концептуально структурирована с намерением рассмотреть все важнейшие аспекты эмигрантской жизни на Балканах в межвоенный период и предложить читателю возможность увидеть этот исторический феномен.

Источники и литература

Это исследование выполнено почти исключительно на исторических источниках первого уровня: архивных и опубликованных документах эмигрантских организаций и различных государственных учреждений, которые занимались приемом, размещением русских беженцев и урегулированием основных вопросов, связанных с их жизнью в новой среде. В тех случаях, когда источники первого уровня не несли никакой существенной информации по истории русской эмиграции, использовались источники мемуарного типа (мы были вынуждены поступить так при освещении участия русских военных в военном путче в Албании в 1924 г.). Воспоминания участников и современников были драгоценным материалом и в

ходе изучения некоторых проблем, важных для понимания истории быта, личного восприятия жизни в изгнании и атмосферы в эмигрантской среде. Лишь в тех случаях, когда определенные аспекты было невозможно выявить на основании источников первого уровня, использовались вторичные источники (эмигрантская периодика) и литература, основанная на первичных исторических источниках. Мы сделали акцент на использовании исторических источников первого уровня, чтобы как можно надежнее реконструировать события и процессы, поскольку вторичные исторические источники (это прежде всего относится к эмигрантской периодике) были перегружены политическими страстями, взаимными обвинениями и повседневными политическими склоками, что в значительной степени уменьшает их надежность.

Реконструкция истории русской эмиграции на Балканах на основании первичных исторических источников — неопубликованных (архивные документы) и опубликованных (напечатанные доклады о деятельности различных организаций и учреждений, современные тематические сборники источников и т.д.) — оказалась возможной благодаря тому, что архивные фонды эмигрантских организаций и государственных учреждений, занимавшихся данным вопросом, крайне богаты и относительно хорошо сохранились.

Вероятно, нецелесообразно подробно перечислять здесь все архивы и архивные фонды, материалы которых были использованы в этой книге, поэтому укажем лишь основные.

Еще в середине 1920-х годов в Праге был создан специальный Русский зарубежный исторический архив, в котором скапливались текущие документы важнейших эмигрантских учреждений (оригиналы или третий и четвертый экземпляры копий), а после закрытия отдельных учреждений и организаций собирались и хранились и их рабочие архивы. Важность сохранения исторических документов отлично сознавалась в эмигрантской среде, в которой был исключительно высок удельный вес лиц с высшим образованием, ученых (и, в частности, специалистов гуманитарного профиля), лиц творческих профессий. После Второй мировой войны этот архив по решению правительства Чехословакии был передан Советскому Союзу и ныне находится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФе) в Москве. Многие годы документы из этого архива не были доступны широким исследовательским кругам, но политические изменения в России 1980—1990-х годов сделали его исключительно богатые фонды доступными.

Личные архивы выдающихся деятелей русской эмиграции, как, например, генералов П.Н. Врангеля, Е.К. Миллера; М.Н. Гирса, долгое время находившегося на должности председателя Совета русских послов в Париже и располагавшего значительными средствами для финансирования русских беженцев в различных странах; С.Н. Палеолога, уполномоченного правительства по вопросам русских беженцев в Королевстве СХС; А. Белича, в течение длительного периода председательствовавшего в Государственной комиссии по вопросам русских беженцев в Югославии, кн. А.Л. Ратиева в Софии, П.Н. Милюкова; профессора Д.Н. Иванцова в Париже и др., неоднократно переходили из одних архивов в другие. Значительная часть этих исключительно важных документов хранится сегодня в Архиве Гуверовского института мира, революции и войны (Hoover Institute of war, revolution and peace) при Стэнфордском университете (шт. Калифорния, США). При изучении истории русских беженцев на Балканах, и особенно в Югославии, исключительно важны и документы, которые содержатся в Архиве внешней политики Российской империи в Москве (АВПРИ), фонд миссии в Белграде, представлявшей дипломатические интересы Российской империи в Сербии; в 1924 г. после

формального закрытия она была переименована в Делегацию по защите интересов русских беженцев.

Кроме вышеупомянутых архивов, ценные материалы по нашей теме собраны в Архиве Югославии, в Архиве Сербской академии наук и искусств (САНИ) и в Архиве Сербии в Белграде, а также в болгарских — Центральном государственном архиве и Центральном государственном историческом архиве в Софии.

Помимо этого нами были использованы материалы еще нескольких крупных иностранных архивов: бывшего «Особого архива», составленного из трофейных материалов, включенного в конце XX в. в Российский государственный военный архив в Москве (РГВА), Дипломатического архива Министерства иностранных дел в Париже (Archives diplomatiques du Ministère des affaires étrangères à Paris) и Государственного архива — Вена, Архива Республики (Staatsarchiv — Wien, Archiv der Republik). Использовались также материалы нескольких местных архивов: Исторического архива Белграда, Архива Херцег-Нового, Исторического архива Котора, а также Исторического архива Дубровника; использовались и частные архивные собрания и коллекции — А.Б. Арсеньева и семьи Кисловских.

Кроме архивных документов, в работе над книгой использованы важные документы о деятельности различных эмигрантских организаций, которые еще в 1920–1930-х годах публиковывались самими эмигрантами, как, например, сборники материалов о церковных соборах за рубежом¹ или докладов о деятельности обществ, учреждений и организаций, занимавшихся в эмиграции гуманитарной и культурной деятельностью². Особое значение имели различные тематические сборники документов, появившиеся за последнее десятилетие³, а также монографии, в рамках которых содержится прекрасная подборка архивных документов по рассматриваемой нами теме⁴. Из них наиболее ценными, особенно при реконструкции социального состава эмигрантской группы и при отдельных сравнительных анализах, были статистические сборники, опубликованные как в 1920–1930-х годах⁵, так и за последнее десятилетие⁶.

Несмотря на хорошую сохранность и разнообразие, исторические источники первого уровня в контексте реконструкции истории русской эмиграции на Балканах имеют известную ограниченность. Прежде всего, фонды эмигрантских обществ и учреждений, как и государственных организаций, которые занимались беженцами, наиболее богаты за период до 1925–1926 гг., а в некоторых случаях и до начала 1930-х годов. После же этого количество доступных архивных материалов уменьшается, что затрудняет полную реконструкцию важных исторических процессов. Подобная диспропорция в сохранности архивных материалов естественна, так как период 1920-х годов связан в первую очередь с приемом, размещением, содержанием, трудоустройством, адаптацией и интеграцией русских беженцев; это также время максимальной активности государственных и эмигрантских организаций, занимавшихся решением этих проблем. В течение 1930-х годов интеграция беженцев в новую среду уже достигла достаточно высокого уровня и русская эмиграция перестала быть столь острой социально-политической проблемой. Соответственно, сократилась активность государственных учреждений и эмигрантских организаций, связанная с организацией помощи беженцам, что неизбежно отразилось на количестве дошедших до наших дней архивных документов того периода.

Доступные исторические источники можно охарактеризовать как достаточно достоверные. Особенно это относится к регулярным архивным поступлениям государственных учреждений, архивам эмигрантских обществ и к многочисленным аналитическим докладам, создававшимся по поручению некоторых организаций.

Тем не менее в сообщениях и внутренних докладах некоторых эмигрантских организаций может быть заметна политическая пристрастность, а также необъективность в оценке значения и важности отдельных организаций (конкретно — армии) в политической жизни, слишком хвалебные или слишком критические (гиперкритические и попросту очернительские) высказывания о новом окружении и его отношении к беженцам, об отдельных эмигрантских институтах или личностях. Эти документы ясно выражают негативные политические воззрения авторов документов на деятельность учреждений и лиц, о которых они пишут, или просто определенную психологическую неудовлетворенность жизнью в изгнании.

Однако вышеприведенные недостатки исторических источников первого уровня не могли серьезно помешать успешной реконструкции важнейших событий и процессов, формировавших историю русской эмиграции на Балканах, если принять во внимание, что они могут быть компенсированы и проконтролированы с помощью многочисленных и хорошо сохранившихся вторичных исторических источников, как, например, книги мемуаров, периодика, а также с помощью политологической, публицистической и исторической литературы 1920–1930-х годов. Неоспоримую ценность в контексте формирования целостного представления о жизни в изгнании представляет собой богатая мемуарная литература. Особую значимость имеют неопубликованные мемуары кн. Е.С. Эристойвой, И.А. Быкадорова, С.А. Кисловского и Л.П. Сукачева, а также опубликованные воспоминания митрополита Евлогия⁷, И. Грицкат⁸, кн. А.Л. Ратиева⁹ и семьи Зерновых¹⁰.

В исполнении некоторых, достаточно редких, пробелов в исследовании русской эмиграции на Балканах свою роль, с определенными оговорками, сыграла и относительно объемная литература по этой теме.

Интерес к истории русского рассеяния появился сравнительно рано. Еще в 1920-х годах сами эмигранты опубликовали свои первые работы и сборники статей о политических и организационных проблемах жизни в изгнании, прежде всего о роли и судьбе Русской армии¹¹, в то же время были опубликованы первые заметные работы о русской эмиграции западноевропейских исследователей¹². Одновременно и в Советском Союзе вышли (исходящие, безусловно, из противоположных идеологических воззрений) первые публицистические и мемуарные произведения, которые затрагивали проблемы беженцев¹³.

Тридцатые годы отмечены очень серьезными исследованиями по истории русской эмиграции и эмигрантской проблематике в целом. В это время и Лига Наций начала публиковать бюллетени и аналитические обзоры по проблемам эмиграции, которые готовили специально приглашавшиеся эксперты по этим вопросам¹⁴. Наиболее важной работой такого плана было сочинение сэра Дж. Х. Симпсона, опубликованное накануне Второй мировой войны, в котором русская эмигрантская проблематика рассматривалась как часть всеобщей европейской проблемы беженцев¹⁵. Кроме того, в 1930-х годах появилось и несколько по-настоящему квалифицированных исторических работ о русской эмиграции¹⁶.

После Второй мировой войны интерес к истории русской эмиграции временно отошел на второй план, а сам феномен изучался лишь как часть общеевропейского миграционного процесса¹⁷. Но уже с середины 1950-х годов, когда было опубликовано первое издание исключительно важного исследования Г.П. Струве об истории русской эмигрантской литературы¹⁸, интерес к русской эмиграции как историческому феномену возрос. С начала 1970-х годов, после появления книги П.Е. Ковалевского, одной из наиболее важных обобщающих работ на тему истории русской эмиграции¹⁹, этот интерес еще более усилился и в 1990-х годах достиг

своего пика, выразившегося в лавине монографий, сборников, тематических сбораний документов, дискуссий и статей, посвященных этой проблематике.

До настоящего времени история русской эмиграции на Балканах крайне мало изучалась как единая историографическая проблема. Существуют лишь две работы, которые, крайне условно, можно занести в эти рамки. Первая из них — это публицистическая книга Н.Е. Соничевой, которая посвящена так называемому южному направлению эмиграции из России (т.е. территории Балкан) в истории эмиграции²⁰. Но публицистический характер этой работы в значительной мере ограничил ее научно-исследовательскую ценность. Затем появилось и совместное исследование семи авторов, в котором безо всякого теоретического обоснования и даже без простого методологического объяснения территория Балкан (юго-восточной Европы) объединялась с Центральной Европой²¹. Эта нелогичность еще более выражена в содержании этого исследования (сборника статей?), который ни тематически, ни по проблематике, ни хронологически не дает логического обоснования географического объединения, заявленного в названии. Остальные работы, посвященные русской эмиграции на Балканах, представляют собой лишь частичное исследование этой темы. Небольшое число авторов занимались проблемами истории русской эмиграции на территории одиночных балканских стран, а большинство исследователей интересовались микроисторическим рассмотрением отдельных регионов (городов) или отдельными темами. Часть авторов рассматривали тему эмиграции в рамках взаимоотношения балканских государств и СССР либо взаимоотношений коммунистических партий на Балканах и СССР. Первые исследования, посвященные истории русской эмиграции на Балканах, появились еще в середине 1960-х годов²². После этого наступило определенное затишье, а с начала 1990-х годов внимание к истории русской эмиграции на Балканах, как и во всем мире, значительно усилилось.

Уже из этого небольшого обзора следует, что изучение истории русской эмиграции первой волны может быть поделено на две четко выраженные фазы. Первую, до начала 1990-х годов, характеризует тот факт, что это изучение проходило в двух параллельных направлениях, которые не соприкасались и уж тем более не пересекались и не переплетались друг с другом. Работы, опубликованные в этот период, в значительной мере были перегружены идеологическими страстями, предрассудками и нетерпимостью, которые проявлялись обеими сторонами этого воображаемого научного фронта. В первой фазе ясно выделились три историографических направления: эмигрантская историография межвоенного периода (которую создавало первое поколение русских беженцев); условно говоря, «западная» историография до и после 1945 г. (в которую можно включить работы, опубликованные в Западной Европе и США, причем как западных историков, Х. фон Римши, У. Хантингтона, Р. Джонстона, Дж. Стефана, так и историков второго поколения эмиграции, например П.Е. Ковалевского, Д. Леховича или М. Раева); и так же условно говоря, «социалистическая» историография, к которой можно отнести работы авторов из СССР, опубликованные после 1920 г. (начиная с Н. Алексеева, В.И. Белова, И.И. Лунченкова, Л. Владимирова, Г. Федорова и др. вплоть до А.Л. Афанасьева, Д.И. Мейснера, Н.Г. Думовой, Ю.В. Мухачева и, несомненно, наиболее известного среди них Л.К. Шкаренкова). Сюда могут быть включены также работы историков и публицистов из стран социалистического лагеря, которые появились после 1945 г. (И. Митев, Д. Даскалов, В. Винавер, С. Лозо и др.).

Вторая фаза, начавшаяся с начала 1990-х годов, характеризуется отказом — точнее сказать, попыткой освобождения — от «идеологических шор» и слиянием

двух дотоле разделенных, «враждебных» и идеологизированных исследовательских направлений в единое общенаучное русло. Этот поворот в изучении русской эмиграции отмечен тенденцией беспристрастного, чисто научного подхода к изучаемой теме (с учетом определенной научно обоснованной теоретической дистанции). Однако, несмотря на перемены, характерные для последнего десятилетия, общее научное наследие, посвященное теме русской эмиграции, в значительной мере идеологизировано. С этой точки зрения дополнительная сложность состоит в том, что наследие эмиграции, со всеми его особенностями, до сих пор не получило достойной научной систематизации. В то же время сама тема, несмотря на многочисленные публикации последних десятилетий, все еще недостаточно исследована. Наконец, особую проблему представляет отсутствие точного (а зачастую и вообще какого бы то ни было) научно-теоретического обоснования большинства работ, появившихся в последнее время. Здесь сказались результаты стихийного освобождения от прошлых идеологизированных матриц, которые доминировали в науке, а также недостаточной предварительной подготовки отдельных авторов, которые пытались, например, темы и проблемы, связанные с социальной историей, разрабатывать и объяснять с использованием методологии и формы изложения материалов, свойственных традиционной политической и военной историографии.

Большим подспорьем для современного читателя стало известное число широкомасштабных, хотя, конечно, недостаточно полных библиографических работ. Исключительную ценность имеет библиография печатных трудов русских эмигрантов в Королевстве СХС (Югославии), созданная Й. Качаки²³, несомненный интерес представляют библиографии, подготовленные Т.А. Осоргиной-Бакуниной²⁴ и И.Л. Беленьким²⁵. Кроме того, важные обзоры эмигрантских книг и журналов, вышедших в Болгарии, опубликовал Д. Даскалов²⁶.

Если современные работы о русской эмиграции систематизировать по тематическим группам и направленности, можно констатировать присутствие особого акцента на исследованиях русской культуры в эмиграции. Большое внимание уделялось также изучению отдельных эмигрантских организаций. Условно говоря, сложившаяся историография русской эмиграции может быть расчленена на следующие направления:

- работы, которые относятся к русской эмиграции как историческому феномену в рамках всемирной истории²⁷;
- исследование эмиграции в границах отдельных государств²⁸;
- изучение отдельных феноменов или процессов, выделяющихся в истории эмиграции²⁹;
- микроисторические исследования и местная история³⁰;
- изучение отдельных эмигрантских учреждений, например армии, церкви, политических и молодежных организаций³¹;
- исследования, в которых тема эмиграции рассматривается лишь в контексте взаимоотношений отдельных государств или связей местных коммунистических организаций с СССР³²;
- исследования, посвященные истории русской эмигрантской литературы³³;
- тематические собрания документов;
- публицистические сочинения;
- энциклопедии и словари³⁴.

Одно лишь поверхностное перечисление важнейших работ по истории русской эмиграции на Балканах свидетельствует о том, что среди них было крайне мало попыток рассмотрения более широких тематическо-проблемных комплек-

сов, ясно заметно отсутствие сравнительных исследований, которые осветили бы различные аспекты жизни в эмиграции, и в особенности законченных работ, в которых бы в одинаковой мере были разработаны политические, дипломатические, структурные, социальные, демографические, психологические, антропологические, культурологические и идейные аспекты истории русского человека в изгнании.

К этому можно добавить, что, с одной стороны, в отдельных работах особое внимание уделялось исследованию изолированной эмигрантской среды, причем вопрос взаимоотношений беженцев и окружавшей их общественной среды отодвигался на второй план или попросту оставался в тени. Это создавало обманчивую картину эмиграции как некоего искусственно выделенного объекта, вырванного из общества и страны, в которой проживали беженцы³⁵. С другой стороны, эти исследования были нацелены зачастую исключительно лишь на рассмотрение «культурного вклада русских беженцев» в среду, в которой они жили и творили³⁶.

Эти теоретические недостатки привели к тому, что не было уделено должного (или даже вовсе никакого) внимания некоторым важнейшим проблемам жизни в эмиграции. Приведем всего лишь несколько примеров: отсутствие в большей части сегодняшней литературы сбалансированного отношения исследователя к проблемам жизни и адаптации в новой среде, с одной стороны, и жизни в рамках Зарубежной России, с другой, приводит к неадекватному освещению положения эмигрантов в новой среде (в последние годы, стоит признать, появились несколько сборников, в которых рассматриваются именно проблемы адаптации беженцев, а представленные в этих работах выводы свидетельствуют, что эти проблемы являются важнейшими в исследовании русской эмиграции³⁷); сомнительный подход, когда социальная структура эмигрантской группы использовалась лишь для доказательства отдельных тезисов автора, без детального анализа структуры, причем чаще всего терялся из виду тот факт, что в новой среде неминуемо происходили перемены (к худшему) социального положения, а это всесторонне влияло на жизнь эмигрантов; заметно, что некоторым работам присущи либо тенденция идеализации отношений эмигрантов и среды, либо схематическое определение этих взаимоотношений в черно-белых тонах. Одним из наиболее важных теоретических недостатков историографии можно назвать и практическое отсутствие сравнительных исследований о жизни русских эмигрантов в различных государствах. Вследствие этого исследователи порою характеризовали как исключительно присущие изучаемой ими стране отдельные явления, характерные для русской эмиграции как исторического феномена в целом (или распространенные на уровне целого региона).

Рассмотрение политических, дипломатических, структурных, социальных, демографических, психологических, социально-антропологических и культурологических аспектов истории жизни русского человека в изгнании позволяет нам обрисовать всю историческую совокупность событий прошлого и дает возможность исследования этой совокупности. В то же время идея сравнительного изучения различных аспектов исторической реальности на всей территории Балкан позволяет нам дополнительно обосновать и проверить полученные результаты.

Сама идея возможности исследования, обработки и охвата сознанием всей совокупности прошлого, безусловно, ставит перед исследователем высокие задачи и предъявляет высокие требования. Но без постановки столь больших задач невоз-

можно ожидать и их реализации. Насколько же нам удалось приблизиться к решению этих задач, предстоит оценить строгому и объективному суду читателя.

¹ Деяния Русского Всезаграничного Церковного Собора состоявшегося 8–20 ноября 1920 г. (21 ноября — 3 декабря) в Сремских Карловцах в Королевстве С. Х. и С. Сремски Карловци, 1922; Деяния второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви за границей... Белград, 1939.

² Извештај Сједињеног комитета Руског друштва Црвеног крста, Сверуског земског савеза и Сверуског савеза градова у Краљевини СХС. Београд, 1922; *Брянский Г.* Отчет о деятельности представительства Всероссийского союза городов в Королевстве СХС за 1924 год. Б. м., 1925; Русский народный Университет в Белграде: Отчет за 1925 учебный год. Белград, б. г.; Русско-Болгарский Культурно-Благотворительный Комитет 1920–1925. София, 1925; Совещание представителей русских беженских организаций Болгарии в Софии 1–12 августа 1921. Б. м., б. г.; Очерк деятельности Всероссийского земского союза за границей (апрель 1920 — 1 января 1922). София, 1922; Положение о русских гимназиях Всероссийского Союза городов и Зем.-гор. Комитета в Болгарии. София, 1925; Устав Союза взаимопомощи русских в Болгарии. Пловдив, 1934 и др.

³ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: Сб.: В 2 ч. М., 1994; Дети русской эмиграции (Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники). М., 1997; Русская военная эмиграция 20–40-х годов: Документы и материалы. М., 1998. Т. 1. Кн. 1–2; 2001. Т. 2; 2002. Т. 3. Политическая история русской эмиграции 1920–1940 гг. Документы и материалы. М., 1999.

⁴ См., напр.: *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля: Неизвестные материалы по истории русской эмиграции 1920-х годов. СПб., 1996; *Митрофанов Г.*, свящ. Православная церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. СПб., 1995.

⁵ Дефинитивни резултати пописа становништва од 31 јануара 1921 године. Сарајево, 1932; Краљевина Југославија: Статистички годишњак 1937. Београд, 1938. Књ. 8; Краљевина Југославија: Статистички годишњак 1938–1939. Београд, 1939. Књ. 9; Статистически годишник на Българското Царство: 1913–1922. София, 1924. Г. 5–14; Статистически годишник на Царство България. София, 1931. Г. 23; Статистически годишник на Царство България. София, 1940. Г. 32; Статистические данные о русских беженцах в Варне и ее районе (1919–1922). Варна, 1922.

⁶ *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. М., 1996; *Кабузан В.М.* Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996; Россия, 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995; Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991; Jugoslavija 1918–1988: Statistički godišnjak. Beograd, 1989; *Šatava L.* Národnostní menšiny v Evrope: Enciklopedická příručka. Praha, 1994.

⁷ Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994.

⁸ *Грицкат-Радуловић И.* У лебдивом ходу: Сећања. Нови Сад, 1994.

⁹ *Ратиев А.Л.* То, что сохранила мне память. София, 1999.

¹⁰ За рубежом. Белград — Париж — Оксфорд: Хроника семьи Зерновых 1921–1972 / Под ред. Н.М. и М.В. Зерновых. Париж, 1973.

¹¹ *Даватц В.Х.* Годы: Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926; *Даватц В.Х., Львов Н.Н.* Русская армия на чужбине. Белград, 1923; Дети эмиграции: Сб. статей / Ред. В.В. Зеньковский. Прага, 1925; *Крюков П.И.* Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920–1922. Белград, 1924; *Львов Н.Н.* Белое движение. Белград, 1924; Русская армия в изгнании 1920–1923. Б. м., б. г.; Русские в Галлиполи 1920–1921. Берлин, 1923; Русский учитель в эмиграции. Прага, 1926 и др.

¹² См. например: *von Rimscha H.* Der russische Bürgerkrieg und die russische Emigration 1917–1921. Jena, 1924; *Idem.* Russland jenseits der Grenzen 1921–1926: Ein Beitrag zur russischen Nachkriegsgeschichte. Jena, 1927.

¹³ [Н. Алексеев]. На службе у империалистов / Перед загл. авт.: Б-ой С. М., 1923; *Мещеряков Н.Л.* На переломе: (Из настроения белогвардейской эмиграции). М., 1922; *Белов В.* Белое похмелье: Русская эмиграция на распутье: Опыт исследования психологии, настроения и бытовых условий русской эмиграции в наше время. М.; Пг., 1923; *Лунченков И.* За чужие грехи: (Казаки в эмиграции). М.; Л., 1925; *Владимиров Л.* Возвратите их на Родину: (Жизнь врангелевцев в Галли-

поли и Болгарии). М., 1924; Федоров Г. Путешествие без сентиментов (Крым, Галлиполи, Стамбул): Воспоминания беженца. Л.; М., 1926 и др.

¹⁴ См., например: Refugees and the League. L., 1935; The Refugees: Information section. Geneva, 1938.

¹⁵ Simpson J.H. The refugee problem: Report of a survey. Oxford, 1939.

¹⁶ См., например: Пию-Ульский Г.Н. Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. Белград, 1939; Стратонов И. Русская церковная смута 1921—1931. Берлин, 1932; Таубер Л.Я. Лига Наций и юридический статут русских беженцев. Белград, 1933; Fedorov N. Ruska emigracija: Historija, suština, rad, značenje. Zagreb, 1939; Huntington W.C. The Homestick million: Russia-out-of-Russia. Boston, 1933 и др.

¹⁷ См., например: Kulisher E.M. Europe on the move: War and population changes 1917—1947. N. Y., 1948.

¹⁸ Струве Г.П. Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. 3-е изд. М., 1996.

¹⁹ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920—1970). Париж, 1971 (далее ссылки даются на это издание); Он же. Зарубежная Россия: Дополнительный выпуск. Париж, 1973.

²⁰ Соничева Н.Е. На чужом берегу. М., 1991.

²¹ Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов: (гражданские беженцы, армия, учебные заведения): Учебное пособие для студентов / Пивовар Е.И., Герасимова Н.П., Голотик С.И. и др. М., 1994.

²² Маевский В.А. Русские в Югославии 1920—1945 гг. Нью-Йорк, 1966; Чернявский Г.И., Даскалов Д. Борбата на БКП против врангелисткия заговор. София, 1964; Vinaver V. Jugoslovensko-sovjetski odnosi 1919—1929 // Istoriija XX veka: Zbornik radova. Beograd, 1965. Knj. 7. S. 93—186; Митев Й. Борбата на Българската комунистическа партия против белогвардейците и в защита на съветската страна (1919—1923 г.) // Исторически студии. София, 1963. С. 70—170. В тот же период в 1963 г. в Висконсинском университете была защищена магистерская диссертация: Gakovich R.P. Russian emigrees in Jugoslavia between two world wars.

²³ Katchaki J.N. Bibliography of Russian refugees in the Kingdom of S.H.S. (Yugoslavia) 1920—1945. Arnhem, 1991; Качаки J. Руске избеглице у Краљевини СХС (Југославији): Библиографија радова 1920—1944. Покушај реконструкције. 2 доп. и прерађ. изд. Београд, 2003.

²⁴ Ossorguine-Bakounine T. L'Émigration russe en Europe: Catalogue collectif des périodiques russe (en langue russe) 1855—1940. P., 1976.

²⁵ Бельский И.Л. Библиография «Русское зарубежье» // Россия и современный мир. М., 1998. Вып. 3—4 (<http://www.inion.ru/product/russia/bibliogr.htm>).

²⁶ Даскалов Д. Бялата емиграция в България. София, 1997; Он же. Издательская деятельность русской эмиграции в Болгарии // Славяноведение. М., 1996. № 5.

²⁷ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа...; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. 3-е изд. М., 1987; Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. Т. 1; Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции, 1919—1939. М., 1994; Россия в изгнании: Судьбы российских эмигрантов за рубежом / Алдохова Е.И., Бегидов А.М., Владимирская Т.Л. и др. М., 1999.

²⁸ Маевский В.А. Русские в Югославии 1920—1945 гг.; Козлитин В.Д. Русская и украинская эмиграция в Югославии. Киев, 1998; Даскалов Д. Бялата емиграция в България и др.

²⁹ Ушаков А.И. История Гражданской войны в литературе русского зарубежья: Опыт изучения. М., 1993; Јовановић М. Досељевање руских избеглица у Краљевину СХС 1919—1924. Београд, 1996.

³⁰ Арсеньев А. У излуцины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999; Павлов Б.Л. Русская колония в Великом Бечкереке (Петровграде-Зренянине). Зренянин, 1994; Deleon J. The White Russians in Stambul. Istanbul, 1995.

³¹ Бортневский В.Г. Загадка смерти генерала Врангеля; Спасов Л. Врангеловата армия в България 1919—1923. София, 1999; Косик В.И. Русская церковь в Югославии (20—40-е гг. XX века). М., 2000; Стефан Дж. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции 1925—1940. М., 1992; Александров С.А. Лидер российских кадетов П.Н. Милюков в эмиграции. М., 1996; Окороков А.В. Молодежные организации русской эмиграции (1920—1945). М., 2000 и др.

³² Чернявский Г.И., Даскалов Д. Борбата на БКП...; Vinaver V. Jugoslovensko-sovjetski odnosti...; Митев Й. Борбата на Българска комунистическа партия... и др.

³³ Бурић О. Руска литерарна Србија 1920–1941: Писци, кружоци, издања. Горњи Милановац; Београд, 1990 и др.

³⁴ Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997; Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л. Художники русской эмиграции (1917–1941): Биографический словарь. СПб., 1994; Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940): В 2 т. М., 1997–1998 и др.

³⁵ См., например, работы П.Е. Ковалевского, М. Раева или сборник работ двенадцати авторов «Россия в изгнании: Судьбы российских эмигрантов за рубежом».

³⁶ См., например: Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Београд, 1994. Књ. 1–2; Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами: Результаты и перспективы исследований. Сб. докладов. Прага, 1995; Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры: Тезисы докладов. М., 1993.

³⁷ История российского зарубежья: Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. М., 1996; Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX веках: Сб. статей. М., 1997.

ПОЛИТИКА

Революционные перевороты и Гражданская война 1917–1922 гг. привели к изгнанию из России огромного количества людей. Они рассеялись по Европе и остальному миру, значительная их часть попала и на Балканы, где они более или менее продолжительное время жили и трудились. В русской диаспоре оказались самые разные люди. Члены императорской семьи — вдовствующая императрица Мария Федоровна, великие князья Александр Михайлович, Дмитрий Павлович, Мария Павловна и другие; два претендента на освободившийся престол (великие князья Николай Николаевич и Кирилл Владимирович). Видные аристократы — князья Оболенские и Юсуповы, Лобановы-Ростовские и Мещерские, высшие правительственные чиновники, например В.Н. Коковцов, бароны Гинцбург и многие, многие другие. Известные генералы — А.И. Деникин, Н.Н. Юденич, П.Н. Врангель, А.П. Кутепов, Е.К. Миллер, Э.В. Экк, А.П. Богаевский, П.Н. Краснов, А.Г. Шкуро, герой Русско-японской войны генерал В.А. Ирманов... Политики — А.Ф. Керенский, П.Н. Миллюков, М.В. Родзянко, В.В. Шульгин, А.И. Гучков, А.В. Кривошеин, П.Б. Струве... Свыше 140 университетских профессоров и известных всему миру ученых, среди них — М.И. Ростовцев, Е.В. Аничков, В.Н. Ипатьев, С.Л. Франк, И.И. Сикорский, С.Н. Виноградский, А.В. и Г.В. Флоровские, Н.П. Кондаков, Ф.В. Тарановский, А.А. Кизеветтер, Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский, В.В. Зеньковский, Г.В. Вернадский, Б.П. Вышеславцев... Деятели искусства и литературы — Ф.И. Шаляпин, И.А. Бунин, Б.К. Зайцев, А.И. Куприн, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, М.И. Цветаева, А.П. Павлова, И.С. Шмелев, А.Н. Бенуа, С.П. Дягилев, С.В. Рахманинов, И.Ф. Стравинский, Б.Д. Григорьев, Л.Н. Андреев, В.Ф. Нижинский, Н.С. Гончарова, Л.С. Бакст, Ю.П. Анненков, А.М. Ремизов, Ф.А. Малявин, Е.И. Замятин... Такие выдающиеся деятели церкви, как митрополиты Антоний (Храповицкий), Евлогий (Георгиевский), архиепископы Иоанн (Шаховской), Иоанн (Максимович), Анастасий (Грибановский)... В эмиграции оказалось и множество простых людей: мещан, студентов, гимназистов, солдат и унтер-офицеров, торговцев, рабочих, крестьян, донских и кубанских, терских и астраханских казаков и т.д. Эта разнородная масса людей в новых условиях сплотилась в более или менее единую социальную общность — общественную группу, известную под названием «русское зарубежье» или «русская эмиграция».

Революционные потрясения 1917 г., в особенности октябрьский государственный переворот, стали началом массовой эмиграции отдельных людей и организованных групп из России. Кульминация этого процесса и его символическое завершение наступили после поражения частей Русской армии генерала Врангеля и их эвакуации из России в 1920 г., а на Дальнем Востоке — с поражением Белой армии и интервентов в 1922 г.

К этому времени за границей оказалось свыше двух миллионов граждан России. Это была первая массовая политическая эмиграция новейшего времени. Радикальные перемены, произошедшие в 1917 г., и политическая нетерпимость, которая нарастала во время Гражданской войны, полностью разделили русское население на большевиков и антибольшевиков, интернационалистов и националистов, монархистов и республиканцев... Драматизм этого раскола отразился и на политическом бытии русской эмиграции.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА И СУДЬБА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Большевистский переворот, заключение сепаратного мира с Германией и выход России из войны вызвали резкое осуждение государств — членов Антанты. События Гражданской войны позволили правительствам недавних союзников России, все еще продолжавших войну с Центральными державами, активно вмешиваться в ее внутривнутриполитическую жизнь. Непосредственное участие в боевых действиях и военная интервенция на севере, юге и Дальнем Востоке было лишь одной из форм этого вмешательства. Другая форма сводилась к оказанию политической поддержки антибольшевистским силам.

Особое внимание союзников привлекло отличавшееся от позиций украинских националистов и казаков атамана П.Н. Краснова решение главы Добровольческой армии А.И. Деникина, принятое им по возвращении на Дон летом 1918 г., о недопустимости сотрудничества с немцами. После этого правительства в Лондоне и Париже решили оказать Добровольческой армии политическую и материальную помощь.

Государства Антанты выслали свои военные миссии во главе со специальными военными представителями в Главный штаб Добровольческой армии. При штабе Деникина находились военные представители Великобритании, Франции, Королевства СХС, США, Болгарии и других государств. Однако самой важной была политическая, военная и материальная помощь, которую белым генералам оказывали Франция и Великобритания — два ведущих европейских государства того времени. Политическую и дипломатическую инициативу первым проявило правительство Великобритании, которое покровительственно относилось к Добровольческой армии. Это стало очевидно, когда в мае 1919 г. генерал Г. Холмэн, новый шеф английской военной миссии Великобритании, прибывший вместо генерала Ч. Бригза, вручил генералу Деникину одну из высших британских наград — орден Бани. Вместе с орденом Холмэн передал и личное письмо У. Черчилля, тогдашнего военного министра Великобритании. Черчилль сообщал Деникину, что «цель приезда <генерала Холмэна...> всяческим образом помочь Вам в Вашей задаче сломить большевистскую тиранию. <...> В согласии с политикой правительства Его Величества, мы сделали все возможное, чтобы помочь Вам во всех отношениях»¹. По мнению Деникина, деятельность генерала Холмэна свидетельствовала о том, что он равно заботился о русских и британских интересах. Это мнение основывалось и на том факте, что военно-морские силы и авиация Великобритании, размещенные в районе Черного моря, и сам Холмэн неоднократно участвовали в операциях Добровольческой армии.

Когда же к началу весны 1920 г. фронт, которым командовал Деникин, был прорван и началось общее отступление армии и гражданских лиц к черноморским портам, проходившее в обстановке хаоса и паники в Одессе и Новороссийске; когда перед Британской империей возникла опасность непосредственной ответственности за судьбы людей, которым она до сих пор оказывала политическую, материальную, военную и, что самое важное, финансовую поддержку, англичане проявили присущий им политический праг-

матизм. Они полностью изменили свое отношение к своему недавнему союзнику и подопечному. В марте 1920 г. Верховный совет Антанты на основании анализа положения в Европе пришел к выводу, что продолжение Гражданской войны в России стало фактором крайнего беспокойства и опасности. Спустя семь дней после того, как А.И. Деникин уехал из Новороссийска, 2 апреля 1920 г. (по новому стилю), в то время, когда остатки разбитой армии собирались в Крыму, чтобы продолжить борьбу против большевиков, верховный комиссар Великобритании в Константинополе, руководствуясь поступившими из Лондона инструкциями, послал совершенно секретную телеграмму Деникину. Главнокомандующему Добровольческой армией была великодушно предложена последняя помощь: «...Верховный Совет находит, что продолжение гражданской войны в России представляет собой, в общей сложности, наиболее озабочивающий фактор в настоящем положении Европы. Правительство Его Величества желает указать генералу Деникину на ту пользу, которую представляло бы собой, в настоящем положении, обращение к советскому правительству, имея в виду добиться амнистии как для населения Крыма вообще, так и для личного состава Добровольческой армии в частности. Проникнутое убеждением, что прекращение неравной борьбы было бы наиболее благоприятно для России, Британское правительство взяло бы на себя инициативу означенного обращения, по получении согласия на это генерала Деникина, и предоставило бы в его распоряжение и в распоряжение его ближайших сотрудников гостеприимное убежище в Великобритании. Британское правительство, оказавшее генералу Деникину в прошлом значительную поддержку, которая только и позволила продолжать борьбу до настоящего времени, полагает, что оно имеет право надеяться на то, что означенное предложение будет принято. Однако, если бы генерал Деникин почел бы себя обязанным его отклонить, дабы продолжить явно безнадежную борьбу, то в этом случае Британское правительство сочло бы себя обязанным отказаться от какой бы то ни было ответственности за этот шаг и прекратить в будущем всякую поддержку и помощь, какого бы то ни было характера, генералу Деникину»². Деникин, несмотря на катастрофическое положение, в котором он находился, не согласился на это великодушное предложение о посредничестве при заключении перемирия с большевиками. В свою очередь Великобритания его отказ использовала как предлог для того, чтобы прекратить свое политическое участие в Гражданской войне в России³. После этого она более или менее последовательно отказывалась участвовать во всем том, что было связано с Гражданской войной и ее результатами. В дальнейшем нейтралитет англичан особенно возрос. Это ярко проявилось во время пребывания беженцев в Константинополе. Еще позже эта последовательность выразилась в неприязненном отношении к генералу П.Н. Врангелю, который, несмотря на советы из Лондона, решил продолжать борьбу против большевиков.

После эвакуации Новороссийска правительство Великобритании взяло под свою опеку 10 тыс. человек, в основном раненых. Они были расположены на британских военных базах в Египте, на Кипре и Лемносе. Британские власти не планировали содержать продолжительное время на своей территории этих людей, за судьбу которых они с формальной точки зрения были ответственны. Великобритания вовсе не собиралась перевозить их на территорию самого Соединенного Королевства. Это было связано и с тем, что официальная

политика Великобритании стала уделять большее внимание большевистскому новообразованию на востоке Европы и выработать новый внешнеполитический курс по русскому вопросу. Поэтому сразу же по размещении беженцев на своих военных базах Великобритания начала по дипломатическим каналам искать, на чью территорию и на чье попечение можно было бы перебросить незваных гостей. Небольшая часть этих беженцев, 2 тыс. человек, размещенных на Лемносе, вскоре была перевезена в Королевство СХС. В то же время переговоры о судьбе беженцев в Египте и на Кипре между правительствами Белграда и Лондона затянулись на два года⁴. В конце концов с 30 марта 1922 г. правительство Великобритании перенесло финансовую ответственность за судьбу беженцев в Сербии, на Кипре и в Египте на Лигу Наций⁵. Таким образом, англичане окончательно прекратили свое политическое участие в событиях в России и в разрешении их последствий.

Французское правительство проводило иную политику, особенно в вопросе о беженцах. Франция, как и Великобритания, держала свою военную миссию при штабе Деникина. Однако после поражения белых Франция, в отличие от англичан, не отозвала этих представителей; были оставлены французские представители и при штабе генерала Врангеля в Крыму.

Когда в начале ноября 1920 г. стало полностью очевидным, что борьба антибольшевистских отрядов в Крыму обречена на провал, военный представитель Франции на юге России гр. де Мартель 12 ноября 1920 г. — всего за четыре дня до массовой эвакуации из черноморских портов — сообщил генералу П.Н. Врангелю, что правительство Республики Франция примет на свое попечение беженцев из Крыма. В качестве материального обеспечения своих гарантий Франция захватила 30 кораблей русского военно-морского флота⁶. Такое поведение правительства Франции было продиктовано не только желанием оказать открытую поддержку борьбе Врангеля с большевиками в период с апреля по ноябрь 1920 г. Это было результатом и некоторых далеко идущих политических расчетов. Когда 15 ноября в Босфоре собралось 126 пароходов, крейсеров, яхт и просто катеров, которые увозили из России в изгнание 145 693 человека, правительство Франции столкнулось с реальными последствиями своего решения. Перед французами и генералом Врангелем на первом месте стоял вопрос о том, как, где и на какие средства разместить, накормить и спасти от смерти массу людей — 150 тыс. человек, которые не были единым организмом, а представляли собой разнородное скопление народа: гражданских лиц — женщин, детей, стариков; военных разных званий и видов войск, среди которых были раненые.

Тем не менее координированные усилия, направленные на обеспечение первоочередных потребностей этих людей, быстро дали результаты. Большинство беженцев были размещены в военных и гражданских лагерях в Константинополе и пригородах, а небольшая часть — в различных европейских государствах, в основном на Балканах — в Югославии и Болгарии. По выполнении этого большого и неотложного дела французам и Врангелю предстояло договориться, насколько это было возможно, о политических планах.

Именно в этом контексте генерал Врангель первым сформулировал свою основную идею — сохранить военную организацию и структуру армии для дальнейшей борьбы с большевиками. Именно этот вопрос и стал причиной политических недоразумений и конфликтов. Поначалу французы не имели

ничего против этой идеи, но их волновал вопрос о том, под чьим командованием будут находиться эти 60 тыс. опытных, хорошо вооруженных и дисциплинированных солдат. Однако концентрация такого огромного числа хорошо вооруженных солдат иностранного государства в политически нестабильном районе проливов неминуемо вызвала политическую реакцию и протест англичан. Тем более что их отношение к Врангелю было крайне негативно еще с того момента, когда он отказался вести переговоры с большевиками об окончании Гражданской войны. К такой позиции своих партнеров по Международной администрации в Константинополе французские власти должны были относиться со вниманием. В конце 1920 г. правительство Ж. Лейга заявило, что оно снимает с себя обязанность по дальнейшему содержанию эвакуированных солдат⁷. Отныне бывшие военные союзники превращались в невольных политических партнеров, которым предстояло заботиться о судьбе 60 тыс. человек. К тому же эти партнеры преследовали различные, практически противоположные политические цели: для Врангеля целью было сохранение армии, а для французов — ее роспуск и ликвидация.

Уже первые споры с представителями Франции отрезвили П.Н. Врангеля. Он начал срочные переговоры с правительствами семи государств, которые намекали на готовность принять его войска. Более всего он надеялся на Королевство СХС и Болгарию, но не менее энергичные усилия были предприняты и для переговоров с правительствами Чехословакии, Греции, Венгрии, а также Японии и Грузии. Из-за тяжести сложившейся ситуации он был вынужден вести переговоры даже с главами афонских монастырей⁸. В то же время французы по политическим причинам поставили разоружение и демилитаризацию условием дальнейшего пребывания Русской армии в Константинополе и его окрестностях. Интересы и стремления европейских политических элит сводились к выводу Русской армии из района Босфора и Дарданелл или ее полному роспуску. В начале 1921 г. премьер-министр Франции объявил, что материальная помощь армии будет прекращена 1 февраля 1921 г.⁹ Врангель, задействовав все свои политические связи и обратившись с рядом прошений, смог заморозить выполнение этого решения. Тогда французские власти предложили Врангелю три возможных варианта решения судьбы армии, каждый из которых был экстремальным: армия в полном составе возвращается в Советскую Россию, или уезжает в Бразилию и Перу, или живет на свои средства¹⁰. Врангель, как и Деникин за год до этого, отверг любую возможность возврата в Советскую Россию и сдачи своих людей на милость большевиков. От другого предложения — о коллективном переселении в Бразилию и Перу — он также отказался. Был избран третий вариант, который французы рассматривали как наименее возможный и который Врангель готовил еще со времени начала переговоров с правительствами Королевства СХС, Болгарии, Греции и Венгрии, т.е. начиная с декабря 1920 г.

Несмотря на принятое решение, политическая борьба вокруг вопроса о дальнейшем существовании Русской армии продолжалась. Французы, не удовлетворенные позицией П.Н. Врангеля, сообщили, что с 1 апреля 1921 г. они прекращают дальнейшее кредитование¹¹. В апреле ими было объявлено, что Русская армия больше не существует и что никто не обязан далее подчиняться своим командирам, которых Франция больше не признает. После этого французы разрешили широкую агитацию по лагерям за возврат в Совет-

скую Россию и за эмиграцию в Бразилию¹². И все же Врангель, несмотря ни на что, не отказался от идеи сохранения армии и продолжал начатые переговоры. В конце концов во второй половине 1921-го — начале 1922 г. русские войска были переброшены из лагерей под Константинополем в Болгарию и Королевство СХС. Таким образом, французы, следуя в общем русле европейской политики, сбросили с себя дальнейшую политическую ответственность за судьбу Русской армии и значительного числа беженцев, продолжая заботиться лишь о тех русских, которые эмигрировали непосредственно во Францию. Это позволило Франции иметь такую же свободу действий, какая была у Великобритании, и начать внешнеполитические заигрывания с Советской Россией. Перемену политической ориентации Антанты беженцы несколько наивно расценивали как своего рода оскорбление, нанесенное им как союзникам¹³. Впрочем, это не меняло их участи.

Внимание европейских политиков все более привлекали новые власти в Москве. Это вытесняло эмигрантов на периферию интересов ведущих европейских держав. Уже 16 марта 1921 г., в то время когда проходили напряженные переговоры Врангеля с французами о будущем армии, расположенной в лагерях Константинополя, министр торговли Великобритании Р. Хорн подписал в Лондоне торговое соглашение с представителем РСФСР Л.Б. Красным. В апреле следующего 1922 г. советские представители были приглашены на международную конференцию в Женеву. Два года спустя, 1 февраля 1924 г., правительство Великобритании во главе с Д.Р. Макдональдом официально признало СССР. А через неделю, 7 февраля, в Риме был подписан советско-итальянский договор о торговле и мореплавании, что стало официальным признанием Италией новых правителей России. В том же году дипломатические отношения с Советским Союзом установили Франция, Австрия, Греция, Норвегия, Швеция, Дания, Мексика и Китай. Наконец, 18 сентября 1934 г. СССР вступил в Лигу Наций и, таким образом, стал полноправным членом международного сообщества. Отказ Великобритании и, в еще большей мере, Франции от роли политического покровителя русских беженцев совпал с введением должности верховного комиссара по делам русских беженцев при Лиге Наций. На эту должность в феврале 1921 г. был избран известный полярный исследователь Ф. Нансен. С тех пор началась его работа по определению международного статуса беженцев и по их финансированию. Нансен развернул широкую деятельность. Было принято несколько соответствующих конвенций; кроме того, в 1922, 1924 и 1926 гг. подписаны международные договоры, а в 1928 г. организована большая международная конференция о положении русских и армянских беженцев. Определенное количество вопросов было отдано и в ведение Международного бюро труда. Таким образом, проблема русских беженцев, ставших в XX в. первой массовой политической эмиграцией, преобрела международный масштаб.

¹ Цит. по: *Лехович Д.* Белые против красных: Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992. С. 247.

² Телеграмма полностью приведена в кн.: *Врангель П.Н.* Записки. М., 1992. Ч. 2. С. 530–532.

³ Подробнее см.: *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. 3. С. 585–587, 740–742; *Думова Н.Г., Трухановский В.Г.* Черчилль и Миллюков против Советской России. М., 1989. С. 180–181.

⁴ О переговорах, политическом давлении и судьбе беженцев подробнее см.: *Јовановић М. До-селавање... С. 115–123.*

⁵ *Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji: Godišnji izveštaji Britanskog poslanstva u Beogradu 1921–1938. Beograd; Zagreb, 1986. Т. 1 (1921–1930). S. 33–34.*

⁶ *Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа... С. 21.*

⁷ *Там же. С. 26.*

⁸ *Даватиц В.Х. Годы... С. 129.*

⁹ *Там же. С. 130.*

¹⁰ *Там же. С. 131.*

¹¹ П.Н. Врангель — Александру Карагеоргиевичу, 4 апреля 1921 г. // АЈ. Министарски савет КЈ. 138. Несређена грађа; *Даватиц В.Х. Годы... С. 132.*

¹² П.Н. Врангель — Александру Карагеоргиевичу, 4 апреля 1921 г. // АЈ. Министарски савет КЈ. 138. Несређена грађа; *Даватиц В.Х. Годы... С. 132.*

¹³ Об этом с большим огорчением писал русский политик В.В. Шульгин: «Да, мы оскорблены, прежде всего оскорблены... Эти константинопольские русские, эти дети бесконечных эвакуаций, живее всего чувствуют оскорбление... Ибо это те, которые, несмотря ни на что, оставались верными Антанте... Это те, которые хранить союзный договор, заключенный Государем Императором, почитали своей священной обязанностью... Это те, которые если не были уверены в помощи и благодарности, то все же были убеждены, что их будут уважать. Вместо уважения...» (*Шульгин В.В. Дни — 1920. М., 1990. С. 501–502.*)

В НОВЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Гражданская война в России, характеризовавшаяся исключительной остротой политического и идеологического противостояния, взволновала не только политические элиты крупных европейских государств. Эта война существенно повлияла и на отношение политической элиты балканских стран к событиям в России и к большевистским властям в Москве.

Русский вопрос на протяжении всего межвоенного периода так или иначе представлял собой актуальную проблему политики и дипломатии балканских государств, и прежде всего Королевства СХС, Болгарии и Греции. Еще во время Гражданской войны в России правительства балканских стран оказались политически и дипломатически в неопределенной ситуации между большевистскими властями в Москве и антибольшевистскими центрами сопротивления. Они также были вынуждены обращать большое внимание на позицию Франции и Британии, которые имели существенное и непосредственное влияние на политику балканских государств. Именно из-за этого прямое военное участие Антанты в Гражданской войне поставило на повестку дня очень деликатный вопрос о конкретном военном участии армий балканских государств в военной интервенции против большевиков. В начале 1920-х годов русский вопрос еще более усложнился в связи с появлением массы беженцев на Балканах. В этом хитросплетении различных политических планов, акций и стремлений каждое балканское государство, исходя из собственных интересов, по-разному подошло к решению данной крайне запутанной проблемы. Отдельные компоненты этой проблемы отличались особой сложностью.

Во взаимоотношениях Москвы и Бухареста оставались неразрешенными несколько вопросов. Все они в большей или меньшей степени были следствием присоединения Румынией Бессарабии в конце Первой мировой войны. В начале 1920-х годов эти проблемы вызывали большую напряженность и в особенности крайне негативно отражались на статусе местного русского населения и русских беженцев в Румынии.

Позиция Турции значительно отличалась от позиций других балканских государств, а отношение к русскому вопросу было значительно более ясным и недвусмысленным. Вскоре после переворота в России Турция установила двусторонние отношения с Москвой. В середине 1920-х годов, когда истек срок международного протектората над Константинополем и он стал неотделимой частью новой, республиканской Турции, признание Советской России и политическое и военное сотрудничество с последней негативно отразились на положении русских беженцев.

В конце концов появление на Балканах почти 200 тыс. беженцев, и в особенности нескольких десятков тысяч сравнительно хорошо вооруженных, но опытных и дисциплинированных русских солдат, неминуемо породило многочисленные политические и дипломатические вопросы. Все это было вызвано предположениями о целях и характере пребывания русских беженцев на Балканах. Реальной казалась и возможная опасность использования этой серьезной вооруженной силы в каком-нибудь перевороте на Балканах. Британ-

ские оккупационные силы видели в размещении русских войск в Константинополе потенциальную угрозу своему господству над проливами. В Болгарии и Королевстве СХС партии левой ориентации постоянно ставили вопрос о целях пребывания там русских военных и в критические моменты обвиняли их, в особенности в Болгарии, в подготовке государственного переворота. С дипломатической точки зрения присутствие русских военных в Королевстве СХС вызывало подозрение итальянцев. Время доказало, что ни одно из этих подозрений и обвинений не имело под собой почвы. Лишь небольшая группа русских военных была вовлечена в один из многочисленных политических кризисов на Балканах — она участвовала в государственном перевороте в Албании в 1924 г.

БАЛКАНСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ МЕЖДУ БЕЖЕНЦАМИ, СОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКОЙ: ГРЕЦИЯ, КОРОЛЕВСТВО СХС, БОЛГАРИЯ

Политические элиты Греции, Королевства СХС и Болгарии во время Гражданской войны проводили почти одинаковую политику по отношению к сложному русскому вопросу, хотя и исходили из различных политических и дипломатических интересов. Сходными были и позиции балканских государств по вопросу о русских беженцах. Частично это вытекало из того, что политика указанных государств в значительной мере зависела от отношения великих европейских держав — прежде всего Франции — к Гражданской войне в России. Однако позднее Болгария и Югославия стали проводить более самостоятельную линию в отношении СССР. Кроме страха перед идеями большевизма на их позицию, несомненно, косвенно (а возможно, и прямо) влияло пребывание в этих странах большого количества русских беженцев.

Отношение Греции к русскому вопросу

Политическая позиция Греции по отношению к изменениям в России начиная с 1917 г. в основном согласовывалась с политикой Франции. После того как Советская Россия подписала сепаратный мир с Германией в Брест-Литовске, Греция, как и ряд других государств, разорвала политические отношения с большевистскими властями в Москве. Когда Франция, в соответствии с общим планом Антанты об интервенции против большевиков, в конце 1918 г. направила одну дивизию на юг России, правительство Э. Венизелоса решило послать 42 тыс. своих солдат под командованием генерала К. Нидера в качестве помощи Франции, которая выделила лишь 15 тыс. человек. Основным внешнеполитическим мотивом греческого правительства было стремление обеспечить поддержку со стороны Франции в том случае, если бы Великобритания и США, чья поддержка уже была получена, подняли вопрос о присоединении к Греции Восточной Фракии и Смирны¹. Вооруженные действия греческих войск имели такой же результат, как и у остальных войск союзников.

Когда весной 1919 г. Красная армия нанесла поражение смешанным войскам союзников у Николаева и Херсона, греческие войска были эвакуированы из России вместе с войсками союзников и местным населением, которое отправилось в изгнание. Греческие экспедиционные войска, вернувшиеся из России, высадились в районе Смирны².

Во время Гражданской войны в России в Греции постоянно действовало русское дипломатическое представительство, состав которого оставался таким же, как и во времена Российской империи. Во главе миссии находился опытный дипломат Е.П. Демидов, бывший посланником в Греции с 1912 г. (ко всему он был еще и дядей принца Королевства СХС Павла Карагеоргиевича)³. В смутные времена Гражданской войны русская миссия представляла интересы властей, сформированных на юге России, в первую очередь — правительства генерала А.И. Деникина, а впоследствии и генерала П.Н. Врангеля. После появления русских беженцев в Греции в сферу задач миссии вошла и защита интересов эмигрантов. Следует сказать, что Греция приняла всего несколько тысяч беженцев, несмотря на внешнеполитическое давление (в первую очередь — со стороны Парижа), оказываемое на Афины, чтобы заставить Грецию принять больше русских беженцев. Однако страна и без того была перегружена греческими беженцами и переселенцами из Болгарии и Турции, причем после катастрофы в Малой Азии ситуация еще более ухудшилась.

Малое количество русских беженцев, которых приняла Греция, облегчило ей политическое переориентирование по отношению к новому советскому правительству в России. Когда кабинеты ведущих европейских стран пересмотрели свою политику относительно СССР, Греция с готовностью приняла эти перемены. В марте 1924 г. во главе первого республиканского правительства встал Папанастасиу. Менее чем через три месяца, 1 июня, Греция установила дипломатические отношения с Москвой, и в Афинах было открыто дипломатическое представительство СССР. Тогда же была окончательно закрыта старая русская миссия, которую возглавлял Демидов. Договор о таможенных тарифах между Грецией и Советским Союзом был подписан уже 23 июня 1924 г. Однако греческий парламент не ратифицировал этот договор, поэтому 11 июня 1929 г. был подписан новый договор. В последующие годы, несмотря на имевшие место мелкие инциденты и недоразумения, советско-греческие отношения развивались нормально⁴.

Отношение Королевства СХС к русскому вопросу

В 1917–1918 гг. сербское правительство, находившееся в то время в эмиграции, столкнулось с многосторонней проблемой вследствие большевистского переворота и заключения Советской Россией сепаратного мира. Сербия теряла не только своего традиционного внешнеполитического союзника, но и одного из важнейших гарантов ее политической программы — формирования единого государства сербов, хорватов и словенцев. Решение Антанты о военной интервенции против большевиков во время Гражданской войны в России еще более осложнило положение сербской стороны. Весной 1918 г. Антанта потребовала от сербского правительства реального военного участия в борьбе

против большевиков, имея в виду в первую очередь резервный батальон Добровольческого корпуса, который находился в России. Но сербское правительство успешно противилось этим намерениям, что было вызвано рядом причин. Находясь в эмиграции, правительство Сербии, по собственному видению ситуации, не могло предпринимать активных действий в России. Кроме того, оно было убеждено, что во внутренние дела России лучше не вмешиваться. В то же время оно стремилось каждого солдата по возможности использовать на Салоникском, а не на каком-либо другом фронте или в иной горячей точке Европы. И наконец, правительство Сербии считалось с традиционными дружескими отношениями с Россией. В связи с этим сама возможность того, что сербский солдат окажется по другую линию фронта и будет сражаться против русского солдата (не важно, под каким тот будет флагом), наталкивалась на сильный и решительный отпор правящих кругов, при всем их антибольшевизме и антипатии к Советской России.

Несмотря на нежелание вмешиваться в Гражданскую войну в России, сербское правительство, выполняя пожелания союзников по Антанте, все же было вовлечено во внутренние российские конфликты. Военное участие было минимизировано и выразилось в том, что одно из подразделений сербской армии по требованию союзников приняло участие в охране железной дороги в районе Архангельска. Но в политическом аспекте вмешательство правительства Сербии, а позднее — Югославии в русские проблемы оказалось значительно глубже и разносторонней.

Здесь не имеет смысла подробно реконструировать все факторы и нюансы сложных междоусобных отношений, строившихся на нескольких уровнях в треугольнике между Белградом (т.е. Корфу до освобождения Сербии) — с одной стороны, официальной Москвой (или Петроградом) — с другой, и антибольшевистскими правительствами в Омске (адмирал А.В. Колчак), в Екатеринодаре (генерал А.И. Деникин) и в Севастополе (генерал П.Н. Врангель) — с третьей. Необходимо лишь указать на несколько моментов, которые в дальнейшем решительным образом повлияли на общеполитическую ситуацию и тем самым на положение русских беженцев в Югославии.

Политику сербских властей (как в Сербии, так и в Югославии) по отношению к русскому вопросу определяла их — в большей или меньшей степени — прорусская политическая ориентация. Действительно, Сербия и Черногория на протяжении всего XIX в. и до 1914 г. были в значительной мере связаны с Российской империей, русскими политическими элитами, русской церковью и культурой. Вершиной многолетних связей двух народов (и двух политических элит) стала открытая поддержка со стороны России, оказанная Сербии в решающие дни накануне Первой мировой войны, летом 1914 г. За этим последовало многостороннее военное сотрудничество, поддержка военной программы Сербии, помощь сербскому правительству в эмиграции после поражения и последовавшей в 1915 г. оккупации Сербии. Кроме того, сербский престолонаследник и будущий король Югославии Александр Карагеоргиевич (по-сербски Карађорђевић; Караџорђевић) был русским питомцем и проходил обучение в Пажеском корпусе в Петербурге. И наконец, династии Сербии и Черногории, Карагеоргиевичи и Петровичи-Негоши, многими брачными связями породнились с русской императорской семьей Романовых. Таким образом, несложно понять, почему официальное сербское правительство еще

во время эмиграции (т.е. до освобождения Сербии и до провозглашения Королевства СХС) заняло крайне консервативную позицию по отношению ко всем происходившим в России изменениям, в особенности — к большевистскому перевороту и расстрелу царской семьи в июле 1918 г.

При таком политическом курсе сербского правительства становится ясным, почему Сербия оказала неприкрытую поддержку участникам антибольшевистского сопротивления во время Гражданской войны в России. Это сопротивление рождало надежду на возможность реставрации «старой России». Логическим следствием такой политической позиции был отзыв сербского посланника М. Спалайковича из Москвы 20 июля 1918 г., а также последовавший полный разрыв дипломатических отношений с советским правительством в марте 1919 г. Последовательная антибольшевистская ориентация правительства Сербии, а позже Королевства СХС привела к установлению контактов с одним из антибольшевистских центров сопротивления, участвовавшим в Гражданской войне. Хотя в географическом и политическом аспекте ощущались симпатии сербского правительства к руководителям антибольшевистских армий на юге России, в апреле 1919 г. Белград принял решение об официальном признании Всероссийского временного правительства в Омске, которое за шесть месяцев до этого, в сентябре 1918 г., в Уфе образовали законно избранные депутаты Учредительного собрания, в январе того же года разогнанного большевиками. Когда 2 декабря 1918 г. адмирал Колчак встал во главе этого правительства, оно было признано и другими командующими крупнейших антибольшевистских армий — Н.Н. Юденичем и А.И. Деникиным. В результате под одной властью была объединена вся территория, которую не контролировали большевики. А вскоре, в апреле 1919 г., после встречи в Париже Н. Пашича и С.Д. Сазонова, министра иностранных дел в правительстве адмирала Колчака, последовало взаимное признание правительств в Белграде и Омске. После этого были открыты официальные дипломатические представительства. В качестве дипломатического представителя Королевства СХС при правительстве в Омске был назначен Й.Д. Миланкович в статусе поверенного в делах. Правительство Колчака назначило посланником в Белграде В.Н. Штрандтмана, который учился в Пажеском корпусе в Петербурге вместе с будущим королем Александром Карагеоргиевичем, с 1911 г. находился на службе в дипломатической миссии России в Сербии, а до того в течение года был прикомандирован к русской миссии в Цетине (Черногория). С июля 1914 г., после неожиданной смерти посланника Н.Г. Гартвига, Штрандтман стал поверенным в делах России в Сербии. В ходе Первой мировой войны он вместе с сербской армией проделал марш через Албанию на о. Корфу, где его и застало новое назначение. Королевство СХС оказалось единственным государством, официально признавшим правительство в Омске и установившим с ним дипломатические отношения. Последовавшее вскоре поражение войск адмирала Колчака хотя и повлияло на ситуацию, все же не вызвало полной перемены позиции Королевства по русскому вопросу.

После поражения Колчака Штрандтман остался во главе русской миссии как представитель правительства Деникина, а после отъезда последнего из России — как представитель правительства генерала Врангеля. Штрандтман остался на своем посту, и когда генерал Врангель, последний глава правительства, которое посланник представлял, прибыл в Королевство и поселился в

Сремских Карловцах. Штрандтман играл важную дипломатическую роль во время прибытия русских беженцев в Королевство СХС в 1919–1921 гг. В начале марта 1924 г. Королевство СХС, как и большинство других европейских стран, прекратило деятельность бывшей русской миссии. Но формально она даже тогда не была окончательно закрыта, а В.Н. Штрандтман и далее фигурировал в списках дипломатического корпуса, аккредитованного в Белграде⁵. После формального закрытия миссия была переименована в Делегацию по защите интересов русских беженцев, которую Штрандтман возглавил. За Делегацией сохранялось помещение русской миссии, а на фасаде здания продолжал оставаться императорский двуглавый орел и вывешивался флаг Российской империи.

Последовательная антибольшевистская позиция Белграда в значительной мере определила решение принять в страну свыше 40 тыс. русских беженцев, хотя очевидно, что на принятие такого количества беженцев повлияли и рекомендации Парижа. Но без сомнения, именно антибольшевистская позиция была решающей в том, что королевское правительство последовательно, даже вопреки политической логике, настаивало на официальном непризнании советской власти. Такому поведению политической элиты способствовало несколько причин, одной из которых являлось и политическое влияние многочисленных беженцев, проживавших в Королевстве. Югославия, таким образом, оказалась одним из последних европейских государств, которое признало Советский Союз. Это случилось лишь после начала Второй мировой войны, в июне 1940 г., при полностью изменившихся политических обстоятельствах в Европе⁶.

Русский вопрос в болгарской политике

Несмотря на то что в Первой мировой войне Болгария участвовала на стороне Центральных держав, оказавшись в ситуации, полностью противоположной той, в которой оказались Греция и Королевство СХС, Болгария по отношению к событиям в России также придерживалась официального политического курса, проводимого Францией. Это объяснялось весьма прагматическими мотивами. В конце 1918-го и в течение 1919 г. Болгария, следуя в фарватере французской политики, пыталась по возможности избежать последствий поражения в войне. После подписания Нейского мирного договора в декабре 1919 г. Болгария таким образом стремилась облегчить свою позицию и обязательства, которые на нее налагались. Согласно оценке Л. Спасова «почти во всех случаях над русофильскими чувствами и классовыми мотивами преобладали планы, простиравшиеся из возможностей извлечения очевидной политической пользы»⁷.

Как союзница Центральных держав Болгария была одним из участников подписания мирного договора с Советской Россией в Брест-Литовске 3 марта 1918 г. Таким образом, были установлены дипломатические и политические связи между властями в Москве и Софии. Тем не менее после окончания Гражданской войны и смены правительства в Софии официальные отношения были прерваны. Внешнеполитическая переориентация новых властей привела к перемене позиции и по русскому вопросу. В начале 1920-х годов из-

за сложной внутривнутриполитической ситуации в самой Болгарии отношение властей в Софии к Советской России и антибольшевистским армиям, а после окончания Гражданской войны — и к беженцам и войскам Русской армии, размещенным в стране, никогда не было последовательным и однозначным. В те годы периоды симпатий к силам, олицетворявшим отпор большевизму (в том числе и к беженцам), перемежались с периодами негативного отношения к беженцам, и в особенности к армии, что было продиктовано сильным давлением со стороны Болгарской коммунистической партии, заинтересованной в установлении официальных дипломатических отношений с СССР. Этот период был обозначен дипломатическими контактами Софии с Москвой, и политическими гонениями на русских эмигрантов. Однако официальные дипломатические и политические взаимоотношения в тот период так и не были установлены — правый государственный переворот в Болгарии 9 июня 1923 г. стимулировал консолидацию официальной болгарской государственной политики как по отношению к русским беженцам, так и по отношению к СССР. Разумеется, политическая реальность тех лет была значительно более сложной, чем представляется из этого схематичного обзора болгарской политики по отношению к Советской России и к русским антисоветским организациям. Но, пожалуй, что невозможно — да, как мы полагаем, и не нужно — реконструировать все детали политической ситуации, чтобы понять положение русских беженцев. Для этого достаточно лишь дать схему основного развития болгарской политики по русскому вопросу.

Первые официальные связи Болгарии с антибольшевистскими силами на юге России были установлены вскоре после подписания перемирия в Салониках 29 сентября 1918 г., в результате чего Болгария вышла из войны и попала под союзническое оккупационное управление. Кабинет А. Малинова подписал тогда договор с правительством генерала Деникина, по которому Болгария была обязана поставлять оружие Добровольческой армии. Речь шла о трехстороннем договоре, который одновременно подписали болгарский военный министр С. Савов, представитель Добровольческой армии генерал И.Г. Эрдели и командующий войсками Антанты в Болгарии французский генерал А. Кретьен⁸. Подписание этого договора вполне логично привело к разрыву советско-болгарских дипломатических отношений. В начале декабря 1918 г. договор подтвердило и следующее правительство — Т. Теодорова. Тем временем в страну вернулись и некоторые болгары, которые во время войны сражались на стороне русской царской армии. Среди них был генерал И. Сарафов. Именно он развил большую политическую активность по сбору помощи Добровольческой армии на юге России, даже высказывал идею о том, что необходимо отправить две болгарских дивизии в поддержку Деникину. Официальная София некоторое время серьезно рассматривала это предложение, в особенности потому, что в нем она видела шанс угодить Антанте и помешать демобилизации болгарской армии. Но Болгария не смогла осуществить эту идею из-за сложной внутренней и внешней ситуации. Несмотря на это, деятельность генерала Сарафова имела и конкретные значимые результаты. Правительство Т. Теодорова 24 июля 1919 г. во время успешного наступления Добровольческой армии приняло решение направить в штаб генерала Деникина своего специального уполномоченного, т.е. сформировать свою военную

миссию на юге России. Главой этой миссии был назначен, как и следовало ожидать, генерал И. Сарафов.

Миссия генерала Сарафова сделала возможным успешное осуществление договора о поставках оружия. Болгария послала Деникину несколько десятков тысяч винтовок и пулеметов, свыше 30 млн. патронов и некоторое количество пушек. Деятельность болгарской миссии при штабе Деникина осенью 1919 г., и в особенности идея посылки болгарских войск в южную Россию, несмотря на тот факт, что на смену правительству Т. Теодорова пришло первое коалиционное правительство А. Стамболийского, породила планы открытия русской военной миссии в Софии и установления дипломатических отношений. Поэтому Деникин 3 октября 1919 г. произвел назначение на пост русского военного представителя в Софии полковника В.А. Палицына. В течение следующего месяца, после многочисленных консультаций с болгарями, решительно отказывавшимися принять кого-либо из старого дипломатического корпуса — например, А.А. Нератова или кн. Г.Н. Трубецкого, «которые занимали антиболгарские позиции», в особенности по вопросу сербо-болгарских взаимоотношений, — Деникин направил в Софию на место русского посланника А.М. Петряева. Таким образом, были установлены дипломатические отношения, хотя до официального взаимного признания дело не дошло.

Установление дипломатических отношений сильно способствовало тому, что 36 тыс. беженцев были приняты в Болгарии в 1920–1921 гг. Особое значение имело прибытие 17 тыс. солдат Русской армии в течение 1921 г., благодаря чему Болгария стремилась избежать выполнения некоторых условий Нейского договора. Но уже в конце 1921 г., а в особенности в начале 1922-го появились симптомы перемены отношения Болгарии к русскому вопросу.

К тому времени стали очевидны признаки политического сближения правительства А. Стамболийского и Болгарской коммунистической партии. Сотрудничество А. Стамболийского и болгарских коммунистов, стоявших тогда на втором месте в стране по политическому влиянию, привело к дипломатическим контактам болгарских официальных лиц с Москвой. Дело дошло до встречи самого А. Стамболийского с советскими делегатами на конференции в Женеве в апреле 1922 г., в результате чего симпатии Москвы распространились и на Болгарский земледельческий народный союз.

Тем временем Петряев по-прежнему исполнял свои обязанности в русской миссии в Софии. Его роль по размещению русских беженцев была весьма заметной. Практически же куда больший политический вес имели пожелания официальных французских представителей и их обращения лично к Стамболийскому с просьбой, чтобы Болгария приняла беженцев.

Встреча в Женеве крайне негативно отразилась на положении Русской армии и беженцев в Болгарии. Этому способствовало также политическое давление болгарских коммунистов и демонстрации, которые они организовали по всей стране. В начале мая последовало открытие официальной миссии Советского Красного Креста в Софии, с одновременными обвинениями в адрес врангелевских частей в организации заговора и подготовке государственного переворота, которые сопровождались преследованиями видных русских эмигрантов. Отношения официальных болгарских властей и беженцев были тогда самыми напряженными, а официальное признание Болгарией Советской

России представлялось неизбежным. Осенью последовала еще одна волна обвинений и преследований. В такой ситуации в конце 1922 г. Петряев покинул Софию, и русская миссия была закрыта. Но как бы то ни было, до официального признания СССР дело так и не дошло.

После государственного переворота в июне 1923 г. и в особенности после подавления восстания коммунистов в сентябре того же года новое болгарское правительство радикально изменило политику по русскому вопросу. Советские учреждения в Софии — миссия Красного Креста и Союз за возврат на родину — были закрыты, а с эмигрантами вновь началось активное сотрудничество.

Официальное признание СССР было сделано только через десять лет, в абсолютно другой международной обстановке. Правительство К. Георгиева 23 июля 1934 г. после взаимного обмена телеграммами между наркомом иностранных дел СССР М.М. Литвиновым и болгарским министром иностранных дел К. Баталовым заключило договор об открытии дипломатических представительств. В течение 1939 г. отношения между двумя странами были расширены и заключен новый, весьма перспективный торговый договор⁹.

БЕССАРАБИЯ И ПОЛИТИКА РУМЫНИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К СОВЕТСКОЙ РОССИИ, РУССКИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ МЕНЬШИНСТВАМ И БЕЖЕНЦАМ

Румыния воспользовалась дестабилизацией, наступившей в России после большевистского переворота, подписания сепаратного мира с Германией, Гражданской войны, и присоединила к себе территорию Буковины и Бессарабии. С тех пор политика Бухареста по отношению к Советской России, к антибольшевистским силам в России и к русскому населению на румынской территории, состоявшему из русского национального меньшинства и беженцев, определялась проблемой Буковины и Бессарабии.

Во время Гражданской войны, следуя в фарватере политики Антанты, и прежде всего Франции, части румынской армии вместе с французскими интервентами участвовали в боях с большевиками на юге России. При этом румынские офицеры не поддерживали прочных связей со штабом Добровольческой армии (как это делали Королевство СХС и Болгария), так как боялись, что А.И. Деникин в случае победы в Гражданской войне не согласится признать их территориальные изменения и потребует возврата захваченных районов России. Несмотря на осторожное и подозрительное отношение со стороны Румынии, Деникин все-таки направил в Бухарест своего военного представителя — генерала А.В. Геруа. Он был представителем Добровольческой армии при командовании Антанты в Румынии, во главе которого стоял генерал А. Бертло¹⁰. После поражения в районе Николаева и Херсона весной 1919 г. румынские части отступили на территорию Бессарабии. Весь ход исторических событий — с момента заключения сепаратного мира в Брест-Литовске, присоединения Бессарабии и Буковины и участия Румынии в интервен-

ции — неуклонно вел к разрыву дипломатических отношений между Бухарестом и Москвой.

Присоединение Буковины и Бессарабии вызвало рост напряженности в советско-румынских отношениях. Румыния считала, что Бессарабия присоединена к «матери-родине» на основании свободного волеизъявления местных румын, составлявших большинство населения. Советские власти, со своей стороны, отрицали свободный характер волеизъявления и правовую обоснованность этого решения, называя румынские действия оккупацией Бессарабии. Они также отрицали, что местное население является румынским, и утверждали, что это были молдаване, к тому же составлявшие не абсолютное, а лишь относительное большинство на территории Бессарабии. Русские политические круги в эмиграции также полностью осуждали это присоединение, утверждая, что речь идет об исконно русских землях.

В течение всего этого времени в Бухаресте действовала, хотя и в крайне ограниченных рамках, довоенная русская дипломатическая миссия, возглавляемая С.А. Поклевским-Козеллом (в свое время он был личным другом румынского короля Кароля I)¹¹.

Такая напряженная ситуация продолжалась несколько лет. В начале 1920-х годов даже ходили слухи о том, что Красная армия концентрирует войска на границе с Румынией и готовится военным путем вернуть утраченные территории. Из-за этого навигация по Днестру, который являлся границей между двумя государствами, была запрещена до 1923 г. Даже после открытия навигации в силе остался запрет легального перехода через реку и контактов через границу. Европа несколько лет не могла найти решения этого вопроса и только в марте 1920 г. сообщила Румынии о своем официальном признании присоединения к Румынии всей Бессарабии. На основании этого решения 28 октября 1920 г. Великобритания, Франция, Италия и Япония подписали Парижский протокол с Румынией; в нем было установлено, что «от России потребуют присоединения к этому договору, как только будет сформировано русское правительство, которое будет признано правительствами стран, подписавших протокол»¹². Такая ситуация, хотя бы *de jure*, наступила в начале 1924 г., когда некоторые из государств, подписавших Парижский протокол, официально признали Советский Союз. Вскоре, в течение февраля и марта, начались советско-румынские переговоры в Вене по вопросу о Бессарабии. В ходе переговоров не было достигнуто каких-либо конкретных результатов¹³.

Несогласие как советских властей, так и русских политических кругов в изгнании признавать присоединение Буковины и Бессарабии к Румынии неминуемо отразилось на положении бывших жителей Российской империи в Румынии, шла ли речь о членах русского национального меньшинства в этих областях или о русских беженцах. С момента захвата Бессарабии румынские власти с большим подозрением относились к любым всероссийским организациям на своей территории, пытаясь всячески затруднить их работу. Такая политическая обстановка препятствовала всяким попыткам оценить, хотя бы даже приблизительно, общее количество русских в Румынии. Румынская сторона настаивала на том, что на ее территории находились в лучшем случае два десятка тысяч русских, а русские источники сообщали намного более значимую цифру — от нескольких сотен тысяч до двух миллионов.

Формулировка позиции официального Бухареста по русскому вопросу через призму Буковины и Бессарабии по-разному влияла на положение той части населения, которое себя считало русскими. Румыния приняла меньше русских беженцев, чем какая-либо другая балканская страна, всего чуть больше тысячи, а их положение и права были крайне ограничены¹⁴. Кроме того, статус русского национального меньшинства в Буковине и Бессарабии различными способами ограничивался. В течение первых лет после присоединения этих областей румынский режим в них был, по словам местного населения, «остро шовинистическим и злобно русофобским»¹⁵. Со временем положение немного улучшилось, но официальная румынская политика осталась неизменной. Политическая жизнь в этих областях контролировалась сигуранцей — управлением государственной безопасности. Местное русское городское и земское самоуправление было отменено.¹⁶ После подписания Парижского протокола был принят аграрный закон, согласно которому земля оставалась лишь владельцам, имевшим румынское гражданство, а «иностранцам» было предоставлено право на денежное вознаграждение¹⁷. Международные договоры о правах меньшинств не применялись по отношению к русскому населению. Официальные власти в Бухаресте включили в Конституцию Румынии 1923 г. основные гарантии прав меньшинств, но не дополнили их соответствующими законами и правовыми актами, которые обеспечили бы их соблюдение в повседневной жизни. На основании пояснений к закону о гражданстве от 24 февраля 1924 г. часть населения Бессарабии осталась без гражданства. Русские, кроме того, не имели и основных прав на свободное вероисповедание. Большинство русских начальных школ были закрыты еще в 1919 г., после официального заявления о том, что в Бессарабии нет русского населения; оставили лишь 240 школ для детей украинской национальности, но и они вскоре были закрыты по причине отсутствия учебников на украинском языке. Во всех официальных государственных учреждениях обязательным было использование исключительно румынского языка и т.д.¹⁸ Такая жесткая политика привела к стихийному протесту местного русского и еврейского населения, которое во внутренней коммуникации использовало исключительно русский язык, в результате чего попытки румынизации приобретали чисто внешний характер. В начале 1920-х годов среди местного населения ходил анекдот о том, что Румыния за четыре года смогла сделать то, что Российская империя не смогла сделать и за 150 лет — окончательно русифицировать всю Бессарабию¹⁹.

Несмотря на шуточный тон этого анекдота, он отражает всю серьезность проблемы напряженных отношений местного населения и румынских властей. Эта напряженность со временем лишь усиливалась.

Официальные дипломатические отношения между Румынией и СССР были установлены лишь 9 июня 1933 г., после обмена письмами между советским наркомом иностранных дел М.М. Литвиновым и румынским министром иностранных дел Н. Титулеску. Однако, несмотря на это, проблема Бессарабии не была решена. Решение данного вопроса, который постоянно усиливал напряженность в советско-румынских отношениях, не было найдено до Второй мировой войны²⁰.

ПОД МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРОТЕКТОРАТОМ: ПРОБЛЕМА КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Русский вопрос в политике официальной Турции имел совершенно другое значение. Это было обусловлено двумя причинами. На основании решений Севрского мирного договора Константинополь находился под международным протекторатом. Вследствие этого официальные турецкие власти в Анкаре непосредственно не сталкивались с проблемой русских беженцев. С другой стороны, политические и общественные перемены, которые после Первой мировой войны произошли в Турции, и укрепление власти М. Кемаль-паши привели к сближению официальных властей Анкары и Москвы. Это ставило отношения Турции к Советской России абсолютно в противоположные условия по сравнению с тем, что происходило в других балканских странах.

После поражения Врангеля и эвакуации из Крыма в конце весны 1920 г. в Константинополе оказалось почти 200 тыс. русских беженцев. Стремительный приток такого большого количества людей обычно вызывает различные общественные и политические изменения. Однако прибытие русских беженцев не повлекло за собой крупных проблем в политическом плане, потому что город с пригородами находился под управлением Антанты. Две ведущих страны «взаимного согласия» в течение 1920 г. независимо друг от друга взяли на себя политическое покровительство над людьми, которые были вынуждены бежать из России. Великобритания зимой и весной 1920 г., после поражения Добровольческой армии генерала Деникина, приняла на себя покровительство над беженцами из Одессы и Новороссийска. Франция 12 ноября того же года, после поражения Русской армии взяла на себя покровительство над 150 тыс. беженцев из Крыма. И хотя поначалу прибытие русских беженцев в Турцию не грозило серьезными политическими проблемами, они быстро возникли.

Размещение гражданских беженцев в городе и пригородах само по себе не вызвало особых политических последствий, хотя и привело к некоторым санитарным, гуманитарным и экономическим трудностям. Но они имели лишь второстепенное значение, без какой-либо серьезной политической подоплеки. А вот прибытие и размещение вооруженных частей Русской армии в военных лагерях в районе Константинополя повлекло за собой крупные политические проблемы. Размещение Русской армии в политически нестабильном районе проливов вызвало немало вопросов и разногласий. Великобритания выражала особое недовольство и настороженность по поводу сохранения военной организации и присутствия Русской армии в районах Босфора и Дарданелл. Франция, которая была политическим покровителем Врангеля, была вынуждена считаться с британским сопротивлением и недовольством. Поэтому еще весной 1921 г. было осуществлено серьезное давление как на Врангеля, так и на самих солдат в лагерях, с тем чтобы армейские части были расформированы, а военные были переведены на положение гражданских беженцев. Политическую напряженность удалось снять только во второй половине 1921 г., после переброски частей Русской армии в Болгарию и Королевство СХС. Таким образом была решена политическая проблема, возникшая в результате размещения частей Русской армии в Константинополе.

Пребывание в нем гражданских беженцев не создавало властям Антанты политических проблем, тем более что город был лишь перевалочной станцией на пути большинства беженцев. Уже через два месяца, максимум через два года они покидали его организованными группами или в частном порядке, разъезжаясь по другим европейским государствам. Вследствие этого количество беженцев в бывшей турецкой столице очень быстро и резко сокращалось. К 1926 г., когда город вернулся под турецкое государственное управление, в нем жило всего 5 тыс. русских беженцев. В течение следующих нескольких лет тенденция массового оттока беженцев продолжилась, и в 1929 г. их осталось всего 1400 человек. Несомненно, причиной этому были крепкие политические связи турецких властей в тот период с Советским Союзом.

Политические перемены в Турции, отмена султанской власти и установление светского правительства М. Кемаля-паши, последовавшие после Первой мировой войны, вызвали подозрительное отношение со стороны Антанты и всей Европы, но с пониманием и поддержкой были встречены в Советской России. Уже 16 марта 1921 г. в Москве был заключен Договор о дружбе и братстве между РСФСР и Турцией. Договор, согласно которому Москва официально признавала правительство Кемаля в Анкаре, содержал совместное заявление о «солидарной борьбе против империализма», причем имелся в виду вопрос Константинополя и проливов. Шесть месяцев спустя, 13 октября 1921 г., закавказские советские республики при участии Советской России заключили договор с Турцией, согласно которому они отрекались от всех своих территориальных прав, которые могли бы им принадлежать на основании Севрского договора, который Турция подписала с Антантой. С другой стороны, новым договором были подтверждены территориальные уступки Турции со стороны России по Брест-Литовскому мирному договору. Эти уступки были предметом особого, Александропольского мирного договора между советскими закавказскими республиками и Турцией и касались главным образом армянских территорий.

Позднее Турция и СССР заключили еще один важный договор, который подтверждал их взаимные добрососедские отношения. В 1925 г. Москва и Анкара подписали Договор о дружбе и нейтралитете. Это был первый пакт о ненападении, подписанный Советским Союзом. Поэтому после начала Второй мировой войны, во время заключения договора с Великобританией и Францией, Турция полностью отказалась от любых действий, направленных против СССР²¹.

По Лозаннскому договору 1923 г. между Турцией и европейскими государствами был изменен и практически отменен Севрский договор, а также урегулирован вопрос Константинополя и проливов. Они, как и острова Мраморного моря и некоторые острова Эгейского моря, были демилитаризованы. Таким образом, город вернулся под управление Турции. Это резко изменило ситуацию, в которой находились русские беженцы, жившие в нем.

До середины 1925 г. правовое положение беженцев в Константинополе не менялось коренным образом по сравнению с временами управления Антанты. Единственным нововведением, которое осуществила турецкая администрация, была отмена «возвратной визы». Это означало, что русским, желавшим уехать из города, не чинили никаких преград, но возвращаться в него они уже не имели права. Это решение Турция последовательно выполняла.

Весной 1925 г. официальная турецкая политика по отношению к иностранцам, в том числе и к русским, стала более жесткой. Турецкое правительство приняло несколько декретов, якобы с целью защиты интересов турок от иностранной конкуренции. На основании этих декретов иностранцы не имели права заниматься некоторыми видами ремесел и профессий, что особенно тяжело отразилось на положении беженцев, которые не имели никакой дипломатической защиты, и сразу же вызвало рост безработицы среди них²². В то же время турецкое правительство ограничило русским политический статус беженцев определенными временными рамками: они должны были до 1 января 1927 г. принять либо советское, либо турецкое гражданство²³ (позже этот срок был продлен до августа 1927 г.)²⁴. Поставленные перед таким тяжелым выбором и в то же время ограниченные в праве на работу, беженцы пытались вступить в контакт с правительством Турции, чтобы улучшить или хотя бы немного смягчить свое положение. Но официальные турецкие лица не желали вести с ними переговоры²⁵. В эту ситуацию вмешалась даже Лига Наций, которая в начале 1926 г. направила в Анкару специальных представителей Международной организации труда при Лиге Наций — Шарпантье и Морета. Их приняли министры иностранных и внутренних дел Турции, но миссия не улучшила положения беженцев. Все предложения представителей Лиги Наций о предоставлении беженцам права на «возвратную визу» или о предоставлении им свободы передвижений по всей стране для поисков работы были решительно отклонены. Кроме того, им также объяснили, что принятие турецкого гражданства не значило автоматического получения всех прав, которыми пользовались турки, а максимум лишь тех прав, которыми пользовались христиане Турции. После этой встречи Шарпантье, обращаясь к русским беженцам, подчеркнул, что он «непоколебимо уверен в том, что они должны, в любом случае, бежать из страны»²⁶.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ В БАЛКАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СМУТАХ: АЛБАНСКИЙ ЭПИЗОД

В Албании в декабре 1924 г. был совершен государственный переворот. На смену Ф. Ноли к власти пришел А. Зогу. Это событие не было бы интересным в контексте истории русской эмиграции, так как в Албании не было русских беженцев, если бы в государственном перевороте на стороне А. Зогу не участвовала группа русских военных, размещенных в Королевстве СХС.

Этот эпизод сам по себе не особо заметен в истории русской эмиграции, тем более что в акции участвовали относительно небольшие русские силы, всего несколько сотен человек. Однако он важен как прецедент, который показывает, что, несмотря на стремление верховного командования Русской армии остаться нейтральными в локальных политических конфликтах, часть русских военных была все же вовлечена в балканские политические смуты.

В начале 1920-х годов в Албании, несмотря на ее фактическое признание и членство в Лиге Наций с декабря 1920 г., а также формальное признание 9 ноября 1921 г., сложилась напряженная и нестабильная политическая ситуация.

Если посмотреть на нее в общих чертах, то в стране обозначаются две политические группировки. Консерваторы во главе с богатым землевладельцем Ш. Ферлачи опирались на сильные традиционалистские и патриархальные тенденции, защищая сохранение старых имущественных отношений, и выступали против аграрной реформы. Они смогли сформировать правительство. Оппозицию консерваторам составляла либеральная политическая элита, которая опиралась на мелкую буржуазию и стремилась к радикальным общественным изменениям — укреплению демократии, отмене остатков феодализма, обеспечению экономической независимости крестьянина и т.д. Во главе второй группировки стоял епископ Ф. Ноли, получивший образование в США.

Нестабильная политическая ситуация, перевороты и относительно частые перемены правительства, политический радикализм, тенденции сепаратизма и самовольство локальных политических лидеров делали возможным вмешательство иностранных сил в события в Албании. Самое большое внимание к событиям в этой стране проявляли ближайшие соседи — Греция и Югославия, а также заморский сосед — Италия. Иностранное влияние на албанскую внутреннюю политику не было явным. Особенно это влияние стало заметным в 1922–1923 гг. В начале 1924 г. вспыхнуло восстание крестьян на юге и севере страны. Восстание привело к поражению консервативных сил и формированию правительства, которое возглавил Ноли. Один из самых влиятельных консерваторов, министр вооруженных сил А. Зогу эмигрировал из Албании 10 июля 1924 г. в Королевство СХС (которое его поддерживало, тогда как Ноли поддерживала Италия). Однако в начале 1924 г. наступила некоторая нормализация отношений Рима и Белграда, что опять непосредственно повлияло на дестабилизацию внутренних дел Албании. В этой крайне неясной и напряженной политической ситуации Ф. Ноли обратил свои политические симпатии в неожиданном направлении — к СССР. К сентябрю 1924 г. между СССР и Албанией были установлены дипломатические отношения на уровне миссий. 1 ноября того же года полпредом СССР в Албании был назначен А.А. Краковецкий. Однако дипломатические отношения не возникли²⁷.

Сближение Ноли с Советским Союзом, конечно же, породило предположение о возможной большевизации Албании и сразу вызвало бурные отклики. В такой ситуации, именуя себя представителем последнего законного правительства, А. Зогу начал готовить свое возвращение из эмиграции. Во время пребывания в Белграде он обеспечил себе поддержку со стороны Королевства СХС, которое надеялось, что, пока Муссолини будет занят внутренними проблемами, Белград укрепит свое влияние в Албании. Но Зогу одновременно раздавал обещания и Белграду, и Риму, и англо-персидской нефтяной компании. Это дало ему возможность собрать свои военные силы из албанцев, которые его поддерживали, и из русских военных, размещенных в Королевстве СХС. Уже 17 декабря 1924 г. он перешел границу и вместе со своими солдатами вторгся в Албанию. Тирана была взята 24 декабря, а правительство Ноли эмигрировало в Италию. Военные регулярной армии отказались сражаться против Зогу. После взятия Тираны Зогу пришел к власти и отменил все законы, «пока не вернется конституционное правительство»²⁸. Свое правительство он сформировал 22 января 1925 г. и фактически стал диктатором. Три

с половиной года спустя, 1 сентября 1928 г., Национальное собрание провозгласило А. Зогу королем.

Появление «красной опасности» в непосредственной близости встревожило не только официальный Белград, но и русских эмигрантов, которые еще недавно, во время Гражданской войны, боролись против большевиков²⁹. Это дало возможность Зогу заключить договор с одним из русских офицеров, полковником Миклашевским, об использовании русских военных в планировавшейся акции в Албании. Договор был заключен на срок до конца марта 1925 г. Во главе русской части, состоявшей из 150–200 человек³⁰, встал Миклашевский. Кроме него в штабе были и его помощник полковник Берестовский, полковник Русинов — начальник штаба, полковник Барбович — командир батареи и полковник Улагай — командир пулеметных расчетов. На вооружении части состояли, кроме винтовок и пистолетов, восемь пулеметов «фиат» и четыре старых бронзовых пушки, которые, «вероятно, сохранились со времен молодости Франца-Иосифа»³¹. Эта русская часть вошла вместе с Зогу в Тирану на Рождество 1924 г. По окончании договора в конце марта 1925 г. русские офицеры и солдаты были приглашены на службу в албанскую армию. Ряд солдат и почти все офицеры, кроме самого Миклашевского, который вернулся в Королевство СХС, приняли приглашение и остались на службе в албанской армии, на этот раз под командованием Берестовского. Вскоре большая часть этих людей покинула Албанию, так что в конце 1930-х годов на службе в албанской армии осталось всего 19 русских. Среди них были четыре офицера, полковник Улагай (в 1939 г. он также вернулся в Югославию), ротмистр Красенский (который был публично повешен после прихода к власти Э. Ходжи), поручик Белевский (погибший в боях с коммунистами) и Л.П. Сукачев (как и трое предыдущих, он состоял на итальянской службе во время оккупации и в конце Второй мировой войны смог перебраться через Италию на Запад)³².

Таким образом, как видно из вышеприведенного историографического очерка, балканские политические элиты во время указанного исторического периода проходили в своем политическом развитии две основные фазы. В данном случае мы имеем в виду ту сторону политики, которая отражала отношение балканских стран к русскому вопросу, т.е. к беженцам. Для первой фазы было характерно непризнание большевистских властей и неприятие перемен, которые произошли в России (при более или менее активном участии в Гражданской войне в России). Вторая фаза выражалась в официальном признании новой политической реальности, которую представляла собой советская власть. Эти две фазы не наступали одновременно во всех балканских государствах, но все балканские политические элиты, кроме Турции, кто раньше, а кто позднее, прошли через них.

В начале 1920-х годов, которые с точки зрения политической и социальной адаптации русских беженцев были решающими, балканский политический климат был благоприятен для эмигрантов. Советская Россия находилась в политической изоляции, а беженцы олицетворяли собой напоминание о «красной угрозе», которая витала над Европой. Это помогло им урегулировать

свое положение в приютивших их странах и в социальном плане, хотя бы отчасти, найти свое место в новом обществе. Позднее, когда политическая ситуация в Европе изменилась, когда в политических кругах ведущих европейских государств окончательно была забыта идея продолжения военной интервенции против Советского Союза, а сами беженцы переместились на обочину интересов европейской политической общественности, проблема признания СССР уже не могла радикально повлиять на их положение.

В какой-то степени та двойственность, те две фазы в отношениях к большевистскому правительству были следствием изменения политических позиций самих русских, которые различались у первого и второго поколения.

¹ *Zapantis A.L. Greek-Soviet relations 1917–1941. N. Y., 1982. P. 47.*

² *Спасов Л. България и южноруските правителства на Деникин и Врангел (март 1919 — ноември 1920 г.) // Исторически преглед. София, 1990. № 2. С. 4.*

³ О Е.П. Демидове см.: Чему свидетели мы были...: Переписка бывших царских дипломатов 1934–1940. М., 1998. Кн. 2. С. 373.

⁴ Подробнее см.: *Zapantis A.L. Greek-Soviet relations...*; а также: *Јелачић А. Русија и Балкан: Преглед политичких и културних веза Русије и балканских земаља 866–1940. Београд, 1940. С. 119.*

⁵ О В.Н. Штрандтмане см.: Чему свидетели мы были... С. 379.

⁶ Об отношении Сербии и Королевства СХС к событиям в России существует несколько работ, подробнее об этом, а также обзор историографии вопроса см.: *Jovanović M. Kraljevina SHS i antiboljševička Rusija 1918–1924: Skica za sveobuhvatno tumačenje // Tokovi istorije. Beograd, 1995. Knj. 1/2. S. 93–126; Из более старой литературы, посвященной этому вопросу, см.: *Поповић Н. Односи Србије и Русије у Првом светском рату. Београд, 1977; Храбак Б. Југословени у интервенционистичким трупама на северу Русије 1918–1919 године // Историјски гласник. Београд, 1963. № 2. С. 3–51; Vinaver V. Jugoslovensko-sovjetski odnosi... Обширный обзор югославской историографии по данному вопросу с солидной критической оценкой см.: *Popović N. Jugoslovenska istoriografija o diplomatskim jugoslovensko-sovjetskim odnosima između dva svetska rata // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 1976. № 1. S. 69–77.***

⁷ *Спасов Л. България и южноруските правителства... С. 18.*

⁸ *Там же. С. 3.*

⁹ *Там же. С. 3–18; Јелачић А. Русија и Балкан... С. 119.*

¹⁰ *Эйлер А. Доклад о командировке в Румынию и Бессарабию, апрель 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 2 об.*

¹¹ О С.А. Поклевском-Козелле см.: Чему свидетели мы были... С. 376.

¹² *Јелачић А. Русија и Балкан... С. 118.*

¹³ *Там же. С. 118–119.*

¹⁴ *Эйлер А. Доклад о командировке в Румынию и Бессарабию, апрель 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 2.*

¹⁵ *Там же. Л. 3.*

¹⁶ *Там же. Л. 3 об. — 4.*

¹⁷ С.А. Поклевский-Козелл — М.Н. Гирсу, 17 апреля 1921 г., копия // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 13–14. После принятия этого закона лишь небольшое количество русских приняли румынское гражданство, хотя большинство из них поменяли русские документы на румынские, чтобы сохранить право собственности на землю. Румынские власти, тем не менее, этот обмен документов считали добровольным принятием гражданства, учитывая его при переписи.

¹⁸ Ср.: Совещание делегатов русских меньшинств в Женеве, 15 августа 1930 г. // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 368а. Л. 1–8.

¹⁹ *Эйлер А. Доклад о командировке в Румынию и Бессарабию, апрель 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 3 об.*

²⁰ *Јелачић А. Русија и Балкан... С. 119.*

²¹ Подробнее см.: *Там же. С. 116–117.*

²² Справка о положении русских беженцев в Константинополе, 6 апреля 1926 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 39–40.

²³ Совещание по вопросу о положении русских беженцев в Константинополе, 24 февраля 1926 г. // Там же. Л. 76.

²⁴ А.Ф. Шебунин — М.Н. Гирсу, 20 марта 1926 г., копия // Там же. Л. 53.

²⁵ Справка о положении русских беженцев в Константинополе, 6 апреля 1926 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 39.

²⁶ А.Ф. Шебунин — М.Н. Гирсу, 20 марта 1926 г., копия // Там же. Л. 51–54.

²⁷ Подробнее см.: *Pavlowitch S.K. A history of the Balkans 1804–1945*. L.; N. Y., 1999. P. 232–235.

²⁸ *Ibid.* P. 235.

²⁹ *Sukacev L.P. Soldier under three flags*. (Мемуары в рукописи) // Hoover. 76010.8.37. 1.

³⁰ В.Н. Штрандтман — М.Н. Гирсу // Hoover. Girs. 48.3.

³¹ *Sukacev L.P. Op. cit.*

³² *Ibid.*

ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ (ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ) ГОРИЗОНТЫ НА РУССКИХ БАЛКАНАХ

Мы, русская Диаспора, — воплощенная критика России, как бы от нее отошедшая мысль и совесть, суд над Нею настоящей, и пророчество о Ней будущей. Да, мы — это, или — ничто.

Дмитрий Мережковский¹

Политическая разобщенность и внутренние конфликты, характерные для русской политической сцены до большевистского переворота, в значительной степени отразились и на эмиграции. Весь спектр дореволюционных политических идей сохранился и в эмиграции. Монархисты, республиканцы, кадеты, эсеры и другие продолжили на страницах эмигрантских газет свои резкие и язвительные дебаты добольшевистской эпохи. В эмиграции нашли убежище немало выдающихся представителей русской дореволюционной политической элиты, но упомянем, ради полноты политического колорита, что в среде эмигрантов были и представители большевиков — агенты ЧК (позднее — ОГПУ и НКВД) и других служб, вновь действовавших подпольно.

Проводились встречи политических органов, были организованы съезды, на которых различные политические группировки вели дискуссии о возможном политическом объединении беженцев, претенденты на царский престол писали воззвания «к своему народу». Одним словом, эмигрантская политическая сцена производила ложное впечатление постоянной активности и прежнего политического разнообразия, а по сути дела, была полна ссор, конфликтов и прежней разобщенности.

И все же по одному вопросу — отношению к большевикам — беженцы имели общее мнение. Правда, не все политические группировки одинаково оценивали большевиков и созданное ими советское государство в России. Это было логично, так как некоторые эмигранты, например эсеры, в первые месяцы после октябрьского переворота 1917 г. входили в структуры новой власти. Тем не менее все они видели в большевиках своих главных неприятелей. Хотя, по правде говоря, для некоторых, считавших их смертельными врагами, они были всего лишь главными политическими оппонентами. Такое отношение к Советам оставалось неизменным на протяжении всего межвоенного периода. Несмотря на это, политика в жизни русских эмигрантов оставалась на втором месте.

С одной стороны, именно политика, политические изменения и политический максимализм в России были ключевыми факторами, которые привели к вынужденному исходу двухмиллионной массы беженцев. И все-таки при тяжелой повседневной жизни беженцев, в условиях, когда главной заботой было обеспечение самыми необходимыми средствами существования, влияние политических идей не могло быть решающим. Несомненно, размышления о политике порою привлекали внимание всего эмигрантского сообщества. В основном это происходило в моменты, когда действия некоторых политиче-

ских (или военных) лидеров будили у эмигрантов надежды (как показало время, ложные) на возможный возврат на родину или тогда, когда разгорались жаркие споры о том, «кто виноват» в злосчастной доле беженцев. Но самой политикой большинство беженцев заниматься не могло и не желало. Поэтому роль своего рода политических и, в большей мере, общественных лидеров выпала в среде русской эмиграции тем институтам, которые обеспечивали материальную поддержку, помогали едой или одеждой, давали возможность найти подходящую работу, организовать образование детей и оказать квалифицированную медицинскую помощь.

Таким образом, политика, которая вызвала эмиграцию, в реалиях жизни в изгнании была полностью вытеснена на периферию. Ненависть к большевикам, конечно, не была забыта, но все чаще слышались едкие замечания в адрес «тех, кто разрушил монархию» и «проложил путь большевизму», с прозрачными намеками на масонский или еврейский заговор. Несмотря на неприятие советской власти, все свои надежды и стремления русские эмигранты связывали с Россией, веря в то, что скоро им удастся вернуться домой. Но этот день возвращения никак не наступал. Шли годы. Вырастало новое поколение, которое в политических идеях первой генерации видело лишь груз несбывшихся надежд и нереалистичных притязаний, источник ссор и бесплодных споров. Жизнь за рубежом неизбежно влияла и на изменение политического менталитета. Новое поколение, выросшее в эмиграции, добавляло к дореволюционным политическим идеям все новые политические проекты, интересную смесь актуальных политических программ и старых идей, приведенных в соответствие с политической реальностью межвоенной Европы. Позже сама политическая повседневность в преддверии Второй мировой войны и с ее началом вышла на первый план. В это время политическая монолитность эмигрантского мира по отношению к большевизму в России окончательно распалась. Новая политическая реальность Европы вынуждала всех сделать свой радикальный выбор.

МИР ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЙ: ПЕРВОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Политическая многоголосица дореволюционного времени не была воспроизведена в среде русских эмигрантов на Балканах, как это произошло в Париже. Настроения большинства эмигрантов в балканских странах были монархическими, хотя, конечно, имелись отдельные представители, симпатизирующие другим многочисленным дореволюционным партиям и движениям. Такая ситуация обуславливалась несколькими причинами, из них две были наиболее важными. Во-первых, это пребывание на Балканах таких видных деятелей, последовательно выражавших монархические взгляды и имевших огромное влияние в эмигрантской среде, как генерал П.Н. Врангель и митрополит Антоний. Во-вторых, это монархическая ориентация руководителей самых важных эмигрантских институтов, которые занимались приемом, размещением и обеспечением беженцев, распределением помощи и рабочих мест, а также защитой интересов беженцев перед властями балканских государств. Среди них

важнейшее влияние имел Генеральный штаб Русской армии, размещенный в начале 1920-х годов на Балканах, и такие бывшие дипломатические представители царской России, имевшие связи с местными королевскими домами и вполне объяснимую монархическую ориентацию, как вышеупомянутые Е.П. Демидов, В.Н. Штрандтман и С.А. Поклевский-Козелл².

Поэтому абсолютно логично, что на Балканах не были организованы ячейки русских дореволюционных политических партий: кадетов, эсеров, социал-демократов и т.д.³ Точнее сказать, их возникавшие представительства не имели там ни политического веса, ни большого влияния среди беженцев. Политическую жизнь характеризовала почти единодушная поддержка монархических взглядов, в особенности — в двух славянских государствах, в Югославии и Болгарии, в которых после 1922 г. проживало около 90 % всех беженцев на Балканах и в которых политическая жизнь эмигрантского сообщества может всерьез рассматриваться. В остальных государствах — Греции, Румынии и Турции — незначительное количество эмигрантов делало бессмысленной активную политическую деятельность. Тем не менее даже в этих странах наиболее активными, а зачастую и единственными были монархические движения и союзы. Так, например, в Румынии действовали монархисты-легитимисты во главе с кн. Путятиним, полковником Европеусом и капитаном Саблиным, а также официальный представитель великого князя Кирилла Владимировича генерал Геруа⁴. В то же время в Греции Союз русских монархистов (во главе которого одно время находился действительный статский советник камергер Л.М. Савёлов) с филиалом в Салониках был единственной политической организацией эмигрантов⁵. В отличие от этих стран, в Константинополе в начале 1920-х годов политическая ситуация среди эмигрантов была куда более пестрой и даже хаотичной. Прежде всего это объяснялось большим количеством большевистских агентов. В связи с тем, что пребывание эмигрантов в этом городе носило транзитный характер, политическая деятельность там не приняла организованных форм. Таким образом, развитие политических идей русской эмиграции на Балканах легче и полнее всего можно проследить на примере Югославии и Болгарии.

Монархизм

По приблизительной оценке, монархисты в Королевстве СХС имели поддержку 80–90 % политически активных эмигрантов, 8–9 % поддерживали кадетов, а всего лишь около 1 % — эсеров⁶. Похожая ситуация сложилась и в Болгарии, где «монархизм присутствовал как составная часть политических взглядов, в особенности — старшего поколения эмигрантов»⁷.

Монархисты в эмиграции раскололись на две группы, горячо конфликтовавшие между собой по вопросу о том, кто является престолонаследником — великий князь Николай Николаевич или великий князь Кирилл Владимирович, который 8 августа 1924 г. издал обращение к русскому народу, утверждая, что он является единственным законным претендентом на престол, а тремя неделями позже, 31 августа, формально провозгласил себя царем Кириллом I⁸. Этот раскол в среде монархистов существовал и на Балканах. Однако руководство Русской армии полностью поддерживало кандидатуру великого князя

Николая Николаевича и его права на престол, поэтому его сторонники были в большинстве.

В Королевстве СХС монархисты были разделены на четыре группировки. Первую, самую многочисленную, во главе с генералом Безобразовым, составляли сторонники абсолютной монархии, поддерживавшие кандидатуру великого князя Николая Николаевича. В другую, во главе с гр. В.А. Бобринским⁹, входили приверженцы абсолютной монархии, поддерживавшие кандидатуру великого князя Кирилла Владимировича. Кроме того, существовало еще два, условно говоря, монархических течения. Это были две крайне правые кадетские группировки. Одна из них защищала идею конституционной монархии, в которой монархические начала преобладали над демократическими, тогда как другая, во главе с профессором С.Н. Салтыковым, была сторонницей конституционно-парламентской монархии¹⁰.

Поскольку руководство армии поддерживало кандидатуру великого князя Николая Николаевича, в начале 1920-х годов большинство его сторонников концентрировались вокруг армии, а после 1924 г. — в структурах Русского общевойскового союза (РОВСа)¹¹, в который была преобразована армейская структура. Хотя П.Н. Врангель строго запретил всем членам РОВСа заниматься политикой, что вызывало сомнение радикальных монархистов в искренности его подчинения великому князю Николаю Николаевичу, все же абсолютно очевидно, что монархисты в Югославии собирались вокруг РОВСа¹². Аналогичным образом в Болгарии с армией вообще, а позднее — с РОВСом было солидарно большинство эмигрантов. Более того, симпатии к РОВСу или принадлежность к этой организации считали свидетельством благонамеренности и правильного политического и национального определения, несмотря на то что в Софии существовало и представительство великого князя Кирилла Владимировича, во главе которого стоял генерал Гербов (Гербенке)¹³. В Греции политически самой активной организацией русских эмигрантов был Союз монархистов. Он выражал приверженность монархическим принципам в различных формах, даже по отношению к греческой внешней политике, а претензии великого князя Кирилла Владимировича на царский престол считал неприемлемыми¹⁴.

Политические воззрения русских монархистов на Балканах включали ограниченный круг идей. «За веру, царя и отечество!» было основным лозунгом еще со времен существования империи, за которым стояли как военные, так и гражданские лица монархических убеждений¹⁵. По сути дела, этот лозунг включал основные идеи монархических организаций: славу Российской империи и защиту монархических институтов и традиций. О поражении большевизма монархисты размышляли только с позиций обновления монархии, ставя между первым и вторым знак равенства¹⁶. Ведущая роль монархизма в политической и общественной жизни русских беженцев на Балканах частично, как отмечают современные исследователи, была плодом концепции «русский дух, русская история и русская традиция определяют необходимость монархического строя»¹⁷.

Несмотря на сильную консервативную идею, в межвоенный период предпринимались и попытки «модернизации» монархизма. В конце 1930-х годов новое поколение монархистов под влиянием новых идей ввело новую терминологию. Согласно их представлениям русская монархия должна была быть

«народной», «рабочей», «социальной» и опираться на многомиллионную массу русского крестьянства¹⁸. Несмотря на такие «осовремененные» проекты, монархические идеи всего межвоенного периода были тесно связаны с национально-патриотической ориентацией.

После смерти великого князя Николая Николаевича в 1929 г. противостояние в монархической среде было ослаблено. Наблюдалось даже некоторое сближение, но в 1932 г. начались новые конфликты в связи с призывом великого князя Кирилла Владимировича к сближению с той частью населения СССР, которая была недовольна большевиками. Но это уже было другое время, когда новые политические проекты и идеи привлекали внимание эмигрантской политической среды. В августе 1938 г. делегаты «Белого съезда», очевидно, утомленные политическими распрями в эмиграции, приняли по вопросу о династии единую резолюцию. В ней было отмечено, что «300-летнее царствование Дома Романовых навсегда вписано славою в историю России и никогда не исчезнет из нашего сердца. Мученическая кончина Императора Николая II и его семьи всегда пребудет днем национального траура. В каждом отпрыске Дома Романовых мы чтим наше великое прошлое. Но это прошлое должно достойно повести нас в славное будущее. В противном случае историческая роль его окажется законченной. Династия призвана не только блюсти русское национальное достоинство, но и служить активно всероссийскому национальному интересу, выдвигая обязанности своего служения, а не преждевременное провозглашение своих прав на трон со стороны зарубежных партий, среди которых имеется даже одна советская. Не народ существует для династии, а династия для народа. Спасти Россию может только человек воли и мудрости, человек больших решений, великой храбрости и политического умения. Мы будем счастливы, если такой человек выдвинется из династии Романовых. Но если этого не случится, то мы будем помогать всякому русскому человеку, который мужественно поведет Россию к спасению от большевизма и от иностранных вторжений».¹⁹ Время монархического идеализма закончилось, на сцене появилось новое, более рационалистическое в политических вопросах поколение эмигрантов.

Республиканские (левые) идеи

В начале 1920-х годов в русской эмиграции в Королевстве СХС кроме монархистов существовали еще три политические группировки. Во-первых, это была Национально-республиканская партия. Во-вторых, «Крестьянская Россия», основанная аграрным крылом одной из сильнейших дореволюционных партий — социалистов-революционеров (эсеров), чей центр находился в Праге. Во главе ее стоял профессор-социолог С.С. Маслов²⁰. И в-третьих, существовала белградская группа конституционно-демократической партии (кадетов), также известной дореволюционной партии, чей центр в эмиграции находился в Париже. В эту группу входили известные интеллектуалы русской эмиграции в Белграде: А.В. Маклецов, В.З. Оболенский, Н.Н. Богданов, Л.Я. Таубер, Г.Г. Сахновский, Л.В. Зверев, В.Ф. Кокоскин, В.В. Зеньковский, С.Г. Семченко и М.П. Чубинский, который не был формальным членом, а только сочувствующим²¹. Однако их влияние среди беженцев не было

велико. Интересно, что в то же время в Болгарии была сформирована небольшая ячейка партии кадетов под руководством профессора К.Н. Соколова, к которой вскоре присоединился и член ЦК партии П.Д. Долгоруков²². Несмотря на это, республиканские идеи получили существенное признание только в середине 1920-х годов, когда в Королевстве СХС начало свою деятельность эсеровское движение Земгор.

В начале 1924 г. в Королевство СХС прибыл из Праги полковник старой русской армии Ф.Е. Махин²³. 19 мая того же года он открыл в Белграде представительство Земгора (Объединенного комитета Земского и Городского союзов)²⁴. Это была эсеровская организация. Официальные лидеры эмиграции того времени, например В.Н. Штрандтман, связывали основание Земгора с деятельностью одной из самых непопулярных в эмиграции, особенно среди монархистов, личностей — председателя Временного правительства А.Ф. Керенского²⁵. Тем не менее, несмотря на протесты известных представителей эмигрантских кругов, власти Королевства СХС разрешили свободную деятельность Земгора.

Идеологические позиции республиканских организаций базировались на дореволюционных программах ведущих партий этого направления. Специфические условия эмиграции отражались в программах неприятием роли и позиции Русской армии в изгнании (и конкретно — П.Н. Врангеля), а точнее — популярных в армейских кругах монархических идей. Уже в начале 1920-х годов известные эмигранты, поборники республиканских идеалов, открыто выражали свое негативное отношение к армии и Врангелю. Еще в декабре 1920 г. В.Д. Плетнев, директор Первой русско-сербской гимназии в Белграде и русский представитель в Государственной комиссии Королевства СХС по вопросу русских эмигрантов, заявил по этому поводу: «Мы в Сербии, и никаких правительственных представителей несуществующего <русского> Правительства нет <...> при чем тут Военный Агент — никакой Армии нет — и на территории Сербии нет Русских офицеров, а ЕСТЬ ТОЛЬКО БЕЖЕНЦЫ...»²⁶ Похожее отношение к армии и Врангелю выразила и белградская группа кадетов на встрече, проведенной в апреле 1921 г. по поводу формирования Русского совета в Константинополе: «...мы считаем бесплодной и даже вредной тенденцией видеть в вожде армии полномочного носителя гражданской власти и создавать столь эфемерные учреждения, как Русский Совет»²⁷.

Приезд Ф.Е. Махина в Белград практически означал обновление старых идеологических споров. В одном из своих первых официальных писем, обращенных к правительству Королевства СХС, Махин сформулировал собственное (т.е. Земгора) видение перемен, произошедших в России, и перспективы их развития. Он отстаивал свои суждения об эмигрантской среде в Королевстве СХС и возможные пути решения вопроса беженцев. При этом он в полную меру, с дореволюционной эсеровской пылкостью обрушивался на монархистов: «Что касается Королевства СХС, к сожалению, приходится констатировать, что еще не подготовлен простор для демократизации эмигрантских масс. Официальные представители русских-эмигрантов — это худшие враги демократизации. <...> Деятельность этих русских политиков полна духа неслыханной злобы, нетерпеливости и желания мести. В Королевство СХС была частично пересажена дореволюционная самодержавная Россия, которая, честно говоря, очень похожа на большевистскую Россию. Официальные представи-

тели русских ненавидят либерализм и демократизм и смешивают их с большевизмом, который на самом-то деле — их дитя...»²⁸

Позднее к Махину присоединился В.И. Лебедев, также видный эсер и бывший министр вооруженных сил в правительстве, которое в 1918 г., во время Гражданской войны, сформировали депутаты разогнанного Учредительного собрания в Уфе²⁹. Они развили мощную общественную деятельность, включавшую в себя финансирование школ и детских садов, открытие библиотек, создание биржи труда, организацию переквалификации беженцев и т.д. Поэтому Земгор очень скоро превратился во влиятельное учреждение в русских кругах.

Это позволило ему собрать вокруг себя и другие организации, которые не стояли на позициях монархизма, как, например, Союз русских писателей и журналистов, Союз русских студентов, «Крестьянскую Россию» профессора Маслова, Национальный комитет и некоторые казачьи организации, и сформировать Объединение прогрессивных и демократических сил русской эмиграции в Югославии. Во главе его стал профессор юридического факультета в Суботице М.П. Чубинский. Влияние этой организации было заметным в эмигрантской среде в отличие от аналогичного, также объединенного движения монархистов, которое было разорвано распрями двух претендентов на престол³⁰. Тем не менее даже этот успех не смог вытеснить того влияния, которое имели в среде эмигрантов монархические организации, и в особенности РОВС.

Другие политические идеи среди эмигрантов первого поколения на Балканах не имели того влияния, которое было у монархистов и, в меньшей степени, — у республиканцев. Но с политической точки зрения две из этих идей являются крайне показательными.

Антисемитизм

Делегаты проведенного в 1938 г. «Белого съезда» одну из своих резолюций посвятили антисемитизму, или — шире — отношению эмиграции к еврейскому вопросу.

Антисемитизм как явление не был чужд довоенному и дореволюционному русскому обществу. Отрицательное отношение крайне правых к евреям было выражено в эмиграции еще в большей степени³¹. Среди правых антисемитизм и антимасонство имели свои корни в революционных переворотах 1917 г. И если за Февральскую революцию вину мазонов³², то октябрьский государственный переворот полностью был приписан «еврейскому заговору». Масштабы антиеврейских настроений в эмиграции очень убедительно демонстрирует один из слухов, широко распространенный среди эмигрантов в Королевстве СХС весной 1924 г. В результате этой фантастической новости из Советского Союза, полученной «из информированных источников», эмигранты на полном серьезе пересказывали содержание телеграммы, которую якобы известный советский военачальник С.М. Буденный послал великому князю Николаю Николаевичу. Ее мрачное содержание было следующим: «Режу жидов, иду на Москву, жду Вас». «Текст» телеграммы сопровождался такой же «надежной» информацией, что в Белград прибыл специальный еврейский делегат, который якобы просил помощи, «что в течение еще одного месяца можно вывезти евреев, а дальше будет поздно: всех евреев вырежут». В качест-

ве самого главного доказательства всего этого утверждали, что Ленин, будучи при смерти, завещал русскому народу перебить всех евреев и т.д.³³

Этот анекдотический эпизод, распространение подобных слухов, конечно, свидетельствовали о присутствии идей антисемитизма в эмигрантской среде. На это явление, по сути дела, и реагировали делегаты «Белого съезда» в полностью изменившихся условиях в Европе, когда уже стали поступать первые известия о событиях в нацистской Германии. Из резолюции съезда «О еврейском вопросе» можно сделать два вывода. Хотя делегаты и не прекратили полностью обвинять евреев в проведении большевистского государственного переворота, они тем не менее стремились к более уравновешенной позиции по этому вопросу. «Страстное участие евреев в русской революции, — заявляли они, — не подлежит сомнению и никем не оспаривается... Несправедливо было бы, однако, приписывать всему русскому еврейству такое отношение к большевизму. Множество евреев потеряло в революции свое состояние. Целые ряды евреев и полуевреев боролись против коммунистической революции и геройски шли на смерть. Евреи в России делятся на угнетающих партийцев и подавляемый пролетариат. Синагоги закрываются, раввины ссылаются... Ввиду этого мы должны признать, что антисемиты не заботятся о правде, а ведут демагогическую агитацию... Антисемиты стремятся не к освобождению русского народа от еврейства, а к покорению доверившихся их пропаганде масс. Поэтому антисемитизм несет не свободу, а новое рабство. Борьба с революционным еврейством необходима, гнет его в России губителен и нестерпим. Но этот гнет, организуемый коммунистами всех наций и рас, не дает нам ни малейшего основания желать замены его новым гнетом — гнетом русских авантюристов-антисемитов, желающих заменить коммунистов у руля, и гнетом оккупационных сил, желающих вовлечь русский измученный народ в бесконечную, как в Китае, гражданскую войну, субсидируемую из-за границы»³⁴.

Резолюция ясно показывает, что на эмигрантскую сцену вступило новое поколение. Наступавший фашизм нашел сторонников среди молодого поколения эмиграции и содержал все те элементы, которые осуждал «Белый съезд». С другой стороны, делегаты съезда поддерживали куда более умеренную политическую линию. В годы Второй мировой войны это противостояние превратилось в острый конфликт. Но не все политические идеи первого поколения беженцев были позаимствованы из партийных программ дореволюционной эпохи.

Евразийство

В идеологических течениях русской эмиграции на Балканах наиболее заметна была монархическая ориентация. Проявлялись и умеренные республиканские взгляды эсеров, и националистические, традиционно окрашенные антисемитской идеологией взгляды приверженцев Союза русского народа. В то же время в эмигрантской среде 1920-х годов, и именно на Балканах — в Болгарии, зародилась абсолютно новая идеология евразийства. (Впрочем, в литературе указывается, что идеи «протоевразийства» выдвигались Н.С. Трубецким и Г.В. Вернадским еще до эмиграции.)

Сборник текстов «Исход к Востоку» был опубликован в Софии в 1921 г.³⁵ Его издала группа молодых русских ученых, которые, оказавшись в эмигра-

ции, в 1920—1921 гг. образовали небольшой интеллектуальный кружок. В него входили лингвист кн. Н.С. Трубецкой, географ и экономист П.Н. Савицкий, философ и позднее священник и видный богослов Г.В. Флоровский и музыкальный критик П.П. Сувчинский. Пятым участником этого кружка, человеком, который вдохновлял остальных членов публиковать свои труды и который, по оценке Савицкого, был, «можно сказать, инициатором первого евразийского сборника», но не занимался публицистической деятельностью, являлся светл. кн. А.А. Ливен, ставший вскоре священником³⁶. В этом сборнике авторы представили свою концепцию Евразии. Все современные исследователи подчеркивают, что появление этого сборника формально означало рождение евразийства как идейного, научного и политического движения³⁷. Это была единственная действительно новая идейно-политическая система, которая родилась в эмиграции.

В этом сборнике, до появления которого в свет выходили и некоторые отдельные труды его авторов³⁸, несколько интеллектуалов среднего поколения, несомненно размышлявших над причинами катастрофы двухмиллионной массы эмиграции, пытались наметить уравновешенную программу будущего развития России³⁹. Согласно их мнению это развитие могло базироваться на научных данных (экономики, антропологии, лингвистики, географии, истории и культурологии) и на предыдущем политическом опыте.

В своей основе программа евразийства базировалась на нескольких идеологических предпосылках:

- отказ от европоцентризма и признание принципиального равенства всех цивилизаций;
- крайне критическое отношение к романо-германскому Западу, который стремился к всеобщей европеизации человечества и уничтожению самобытных национальных культур;
- формулирование России как Евразии, особого континента, самобытного культурно-географического мира, отличавшегося от Европы и Азии, но со склонностью к Азии;
- русский народ не исчерпывается «славянством», а связан «туранским» элементом своей культуры с неславянскими народами Евразии, что обеспечивает единство континента благодаря схожести психологических типов;
- монгольское рабство принесло пользу России, потому что русские именно от монголов приняли государственную идеологию и способность объединить континент в единое государственное тело;
- оценка русской революции, с одной стороны, как катастрофического конца процесса европеизации России, а с другой стороны, как начала его благоприятного «поворота к Востоку»;
- констатация крушения либеральной идеологии и появления нового государственного устройства, которое ее заменит, — идеократии, устройства, в котором «правлящий слой отбирается по признаку преданности общей идеоправительнице» (Н.С. Трубецкой)⁴⁰. Одну из наиболее емких формулировок евразийства Трубецкой дал в 1927 г.: «Национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР <...> может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в каче-

стве такой обладающая особым национализмом. Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию — Евразией, ее национализм — евразийством»⁴¹.

В принципе, речь шла о научном взгляде на исторические просторы, которые включала Россия, не как *географический континент*, который объединял части Европы и Азии, а как *географический свет*, который включал в себя не только географические, но и исторические и культурные характеристики определенной части мира⁴². Ключевой аспект культуры Евразии согласно авторам сборника представляло православие⁴³. Конечно, такой научно-политический проект натолкнулся на многочисленных оппонентов. В эмиграции развилась полемика о теориях евразийцев. Критика поступала и со стороны ученых, которые в политическом плане были настроены республикански, и со стороны тех, чьи идеалы были монархическими. Тем не менее ни одни, ни другие не могли оспорить научной основательности и полезности исследований евразийцев⁴⁴.

Роль Балкан (а точнее, Болгарии) в дальнейшем развитии евразийского проекта была мала с учетом того, что отдельные авторы, а именно П.Н. Савицкий и Г.В. Флоровский, уже в 1921 г. из Софии переехали в Прагу. Почти все основатели этого движения, кроме А.А. Ливена, продолжили свою деятельность вне Балкан и параллельно начали преподавательскую деятельность, которую в дальнейшем продолжили во многих европейских и американских университетах⁴⁵. Позднее важнейшие публикации по евразийству выходили уже не на Балканах. С 1922 г. издательским центром евразийцев стал Берлин, где вышло несколько сборников, в которых были опубликованы работы расширенного круга авторов⁴⁶, а с 1925 г. их издательский центр переместился в Париж⁴⁷. Последними значительными акциями евразийцев стали издания двух томов «Евразийского сборника» в Праге в 1929 г. и сборника «Тридцатые годы» в Париже в 1931 г.⁴⁸ Тому, что первая книга нового научно-политического движения вышла именно в Софии, т.е. на Балканах, отдельные авторы придавали особую значимость⁴⁹.

Евразийство как политическое движение имело свои отделения и проводило семинары в Праге, Париже, Софии, Берлине, Брюсселе и Харбине⁵⁰. Но крайне быстро, уже в течение первой половины 1920-х годов, движение начало затухать и уходить на периферию эмигрантской политики. Например, в Болгарии, на родине евразийства, движение имело сторонников только до 1922 г., пока его основатели не уехали из страны⁵¹. Отдельные евразийцы нашли себе место и даже стали политически активны в других движениях и партиях, а появление сменовеховцев (политического движения, искавшего пути сближения с Советами)⁵² привело к тому, что в общей картине эмигрантских политических партий значение евразийцев, которых уподобляли сменовеховцам, практически сошло на нет⁵³. Научное влияние евразийцев надолго пережило их политическую ангажированность.

Часть идей евразийского движения, конечно значительно преобразенных, нашла своих сторонников среди некоторых политических лидеров следующего поколения.

Среди политических идей, популярных у первого поколения эмигрантов на Балканах, для обычных людей, которые еще помнили «батюшку-царя» и не разделяли эсеровские взгляды, ни одна идея не была более привлекательной,

чем монархическая. Столь существенная поддержка монархизма может быть отчасти объяснена тем, что на Балканах присутствовало большое количество аристократов, офицеров и бывших государственных чиновников царской администрации⁵⁴, но гораздо более важным фактором была его широкая распространенность в традиционном русском обществе.

Совсем иной оказалась политическая ориентация поколения, выросшего в эмиграции. Тяжелые условия жизни в изгнании, скрытое желание вернуться в Россию, сама мечта о родине и юношеское нетерпение в значительной степени повлияли на изменение их взглядов по сравнению с отцовскими и дедовскими.

ИДЕИ ЭМИГРАНТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Среди представителей второго поколения русских беженцев, выросших или родившихся на Балканах, ни одна политическая идея не занимала господствующего места, как это происходило с монархизмом первого поколения. Однако правда и то, что среди сыновей и дочерей монархистов находилось множество сторонников и приверженцев монархической идеи. Воспитание как дома, так и в особенности в школе было исключительно монархическим⁵⁵. Но взгляды второго поколения монархистов не были ни оригинальными, ни отличными от тех, что декларировали их предшественники. Саму политическую доктрину монархизма они не обогатили никакими нововведениями.

Колорит идей следующего поколения варьировался от ультраправых идейных движений до умеренно левых. Тем не менее только три организации, по существу, определяли политическую активность и идейно-политические концепции молодого поколения эмигрантов: Национальный трудовой союз нового поколения (НТС), «Молодая Россия» и Русская фашистская партия. Их деятельность и идейно-политические позиции в значительной степени отражали все политические ориентиры, сомнения и искания поколения эмигрантов, которое В.С. Варшавский назвал «незамеченным поколением»⁵⁶. Еще основатели евразийского движения в начале 1920-х годов остро критиковали и сомневались в способностях старшего поколения политиков противостоять большевизму и выдвинуть ему альтернативу в будущем. Политическую бесплодность они усматривали у монархистов, в чьих рядах в последние годы существования империи скопилось множество «некачественных элементов». Этот факт, по их мнению, безусловно приведет к тому, что в дальнейшем, когда наступит эпоха возрождения и очищения монархического движения, шансы реставрации монархии будут невысоки. Но одновременно они осуждали и эсеров с кадетами, которые в 1917 г. входили во Временное правительство, а затем в правительство генерала А.И. Деникина. Евразийцы утверждали, «что невозможно найти достаточно ярких слов, чтобы охарактеризовать ту степень бессилия и неспособности к деятельности, которое было показано этими группировками во время своего «величия»»⁵⁷.

Взгляды второго поколения эмигрантов (с конца 1930-х годов) на реальный мир вокруг себя, на политическое наследство, которое им оставило стар-

шее поколение, прекрасно выразил поэт В. Гальский в своей программной поэме «Беспутье»:

Не проклинаяте нас, отцы и деды,
Мы ваша плоть и кровь, но мы не вы.
Мы не горели в чаянье победы
И не теряли в бегстве головы.

.....
Мы всюду лишние. Нам все чужое:
Готический торжественный собор,
И небо юга слишком голубое,
И Запада величье и позор.

И в этом мире затхло-изобильном
Мы никогда покоя не найдем,
Пока не мстителем, а блудным сыном
Войдем опять в опустошенный дом.

.....
Мы не хотим России вахт-парадов,
Колонных зал, мундиров, эполет,
Нам падшего величия не надо,
Но вне Руси нам места в мире нет.

Белград, 1936 г.⁵⁸

«Молодая Россия»

Это общество — оно еще называлось Союз младороссов — лишь условно может быть отнесено к политическим организациям второго поколения эмигрантов. Съезд, на котором движение было основано, состоялся еще в 1923 г. в Мюнхене⁵⁹. Главные постулаты опирались на переработанные и дополненные монархические принципы. В монархических спорах младороссы, выступая с позиции легитимизма, поддерживали великого князя Кирилла Владимировича. Деятельность союза в 1930-х годах, когда выросло новое поколение, а сам союз в 1934 г. превратился в Младоросскую партию, стала куда более заметной и разветвленной. Во главе движения стоял известный активист А.Л. Казем-Бек. Союз создал хотя и малочисленную, но крайне прочную и разветвленную организацию с центром в Париже и отделениями в Югославии, Болгарии, Чехословакии, США, Южной Америке и Китае. Издавался как минимум десяток периодических изданий. Деятельность партии сводилась в основном к организации множества разнообразных собраний и пропагандистской работе⁶⁰.

Союз младороссов опирался на крайне разнородные и даже противоречивые политические принципы, пытаясь создать своеобразный «право-левый» синтез. В идеологии союза монархические традиции объединялись с социалистическими и националистическими идеями⁶¹. Выражалась и склонность к фашистской символике, и кокетничанье с крайними, фашиствующими правыми движениями. Так, например, на съезде в Берлине в 1933 г. вместе с руководителем русских фашистов К.В. Родзаевским присутствовал и председатель движения младороссов А.Л. Казем-Бек⁶². С другой стороны, в конце

1930-х годов союз проявил готовность сотрудничать с большевиками, хотя его понимание социализма отличалось от марксистского и было, по сути дела, куда более близким к корпоративизму итальянских фашистов. Основной идеей Казем-Бека было создание «второй советской партии», т.е. «монархической партии для советской среды»⁶³. Два основных лозунга были: «Лицом к России» и «Царь и Советы»⁶⁴, которые вытекали из принятия большевистской революции в России как одного из основных факторов русской истории; эти лозунги наглядно демонстрируют идеологию союза. Младороссы утверждали, что поражение революции станет поражением России. Союз младороссов выдвигал идею так называемого третьего пути. Этот средний путь выражался в партийных лозунгах о «социальной монархии» и «союзной империи». Младороссы признавали отдельные экономические и социальные достижения советской власти, видя в гражданах Советского Союза прежде всего русских, «кровных братьев». Выдвигали и лозунг «Не красные, не белые, а русские». Называли «преступлением уничтожение всех достижений Советской России после победы над коммунистами». Тем не менее единственным способом свержения власти большевиков в России они считали национальную революцию в самой России. Поэтому, несмотря на негативное отношение к личности Сталина, они поддерживали перемены 1930-х годов в СССР, направленные, по их оценке, ко «все большей национализации», и обращали свои надежды на довольно неопределенные образы «националистов» из рядов Красной армии. В связи с этим они выдвинули лозунг «Вся власть Армии!»⁶⁵. С другой стороны, идею об уничтожении советского режима путем продолжения борьбы с большевизмом в эмиграции они полностью отрицали. Так что вполне понятно, почему их позиции подвергались острой критике монархистских кругов⁶⁶.

От этой специфической, не очень реалистической и довольно противоречивой идейной смеси младороссы в конце 1930-х годов перешли на антигитлеровские позиции. В смутные времена Второй мировой войны это давало им более твердое положение и привлекало многих представителей молодого поколения эмигрантов. Значительное количество членов движения участвовали в различных европейских движениях сопротивления, считая это своим фронтом борьбы с врагами России. Тем не менее идейно-политическая основа Союза младороссов была не оригинальной, а являлась переработанной (можно сказать, перемешанной) монархической концепцией. Независимая идейно-политическая концепция второго поколения эмиграции на Балканах получила полное развитие лишь в рамках Национального союза нового поколения, т.е. Национально-трудового союза.

Национальный союз нового поколения (НТС)

В Белграде с 1 по 5 июля 1930 г. был проведен первый съезд Русского союза национальной молодежи, в котором приняли участие различные молодежные и студенческие организации⁶⁷. В работе съезда участвовали делегаты из Югославии, Франции и Болгарии, они приняли решение об основании Национального союза русской молодежи. При этом были сформированы основные положения политической программы этого союза. На следующем съезде,

состоявшемся в декабре 1931 г., была окончательно сформирована политическая программа, а союз стал называться Национальным союзом нового поколения (НСНП). В последующие годы союз еще два раза менял свое название — сначала в 1936 г. его переименовали в Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП), а после Второй мировой войны — в Народно-трудовой союз (НТС)⁶⁸. Официальную программу союза принял его Совет на собрании в Белграде в 1935 г. Тогда в официальные акты организации было введено положение, что в союз могут вступать только люди, родившиеся после 1895 г. Идея о введении формальной возрастной границы для членства высказывалась с самого начала существования союза. Еще на первом съезде шла дискуссия о предложении М.А. Георгиевского о том, что в союз не должны принимать людей старше 34 лет. Принятие в 1935 г. формального решения о введении возрастного ценза при приеме новых членов было не только выражением стремления нового поколения дистанцироваться от неудачных политических проектов старшего поколения. Так новая политическая организация, выросшая из РОВСа, желала оградить себя от самых реакционных членов этой военно-монархической организации⁶⁹. Несмотря на название, под которым существовал союз, он действовал как полулегальная организация и достаточно последовательно защищал свои политические взгляды. Политические противники ехидно называли членов этого союза «нацмальчики».

Молодежь, объединенная вокруг Национального союза нового поколения, в своих программных заявлениях прежде всего выдвигала претензии к старшему поколению. Она заявляла, что ощущает «что-то ненормальное и абсурдное в нашем сегодняшнем положении», что вспоминает о России, только разглядывая старые фотографии, встречая старых друзей, и накануне великих праздников («Иногда мы *мечтаем*, стеснительно и сладостно, — тайком, как дети — о дне, когда...»). Молодые отмечали, что основная забота людей — устройство личной и общественной жизни в эмиграции, а это, конечно же, не просто и, вероятно, вызывает усталость. Что в изгнании потрачена «колоссальная энергия», чтобы воскресить «Россию в миниатюре», обновлены «русские школы, русские газеты, книги, библиотеки, научные общества... воскрешена даже Иверская часовня». Что жизнь в эмиграции устраивается, и «устраивается надолго». Что все «надеются на что-нибудь иностранное (чужое)» и ожидают, что это «чужое» сделает все само и вернет им Родину, что надеются то на голод, то на английских консерваторов, то на Гитлера, а то и на «неминуемое движение какого-то колеса истории». Только и делают, что находят и выдумывают те фантастические силы, «которые бы *вместо нас* освободили Россию». Отсутствует понимание обязанностей самой эмиграции и того, что только эмиграция может свергнуть большевиков. Молодые осуждали прежде всего пассивность.

О себе члены союза говорили: «...мы не “блевотина русской революции”, как нас называют большевики. Мы — русские» и страстно заключали: «Мы все любим Россию... время начать работу серьезно и “мощно”...» Они провозглашали, что каждый обязан, согласно со своими возможностями, включаться в работу и что не существует причин, которые могли бы освободить от этой обязанности. Работа сводилась к трем главным областям: активная и последовательная борьба с большевиками, национально-политическое самообразование и самоутверждение и, наконец, борьба с денационализацией, с упадком

духа и «сонливостью» в эмигрантской повседневности. Для всей этой объемной работы, для служения родине, как они утверждали, молодое поколение должно организоваться, так как, только будучи организованным, оно сможет достичь поставленной цели...⁷⁰

Ставя перед собой масштабные задачи, прежде всего — последовательной борьбы с большевизмом, основатели Национального союза нового поколения должны были развить широкую организационную основу. Уже на втором съезде, в декабре 1931 г., кроме представителей из Югославии, Болгарии и Франции присутствовали делегаты из Польши, Эстонии, Латвии, Литвы, Германии, Венгрии и Бельгии. После этого съезда отделения НСНП были открыты в Югославии, Болгарии, Чехословакии, Эстонии, Финляндии, Франции, Бельгии и на Дальнем Востоке (в Шанхае и Харбине), кроме того, существовали конспиративные отделения в Польше и Германии⁷¹. В последующие годы движение расширилось почти на все страны, где существовала русская эмиграция. Формально отделения союза присутствовали во всех европейских государствах, кроме Испании, Португалии, Швеции и Норвегии. Самое большое количество членов союза проживало в Югославии (1000), Франции и Польше (120—150). В некоторых странах было всего лишь по несколько членов: в Италии и Нидерландах — по одному, а в Венгрии и Швейцарии — по два члена. Кроме того, организации НСНП в прибалтийских республиках и Румынии, несмотря на недовольство руководства, оказались под полным контролем РОВСа⁷². Несмотря на это, союз из монархического и военно-политического движения перерастал в одну из тех редких организаций, которые распространили свою структуру по всей Зарубежной России.

На первом съезде, в 1930 г., была сформирована организационная структура союза. Им руководили: Исполнительное бюро, Совет союза и особая Центральная управа по странам. Верховным органом был Совет союза, в который входили представители Центральной управы союза по странам — из Франции, Бельгии, Германии, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Венгрии, Польши и три члена Исполнительного бюро. Совет союза был обязан собираться один раз в три года. Исполнительное бюро, в которое входили председатель, член бюро и секретарь, представляло собой исполнительный орган союза. На первом съезде председателем Совета союза был избран герц. С.Н. Лейхтенбергский (один из членов заговора против генерала Врангеля в июне 1920 г. в Крыму), председателем Исполнительного бюро — В.М. Байдалаков, членом бюро — инженер К.Д. Вергун, а секретарем — М.А. Георгиевский. Уже на следующем съезде, проведенном в декабре 1931 г., председателем Совета союза был избран бывший корнет Изюмовского кавалерийского полка Байдалаков. Он закончил сельскохозяйственный факультет Белградского университета и работал инженером-химиком на одном экспериментальном предприятии близ Белграда. Одновременно Байдалаков исполнял обязанности председателя Исполнительного бюро⁷³. Белград стал не только организационным, но и идеологическим центром союза⁷⁴ (Байдалаков переехал в Берлин лишь в 1941 г.). Генеральным секретарем и главным идеологом союза был бывший приват-доцент исторического факультета Варшавского университета, профессор Белградского университета и Первой русско-сербской гимназии М.А. Георгиевский, который жил в Земуне (пригороде Белграда)⁷⁵. Кроме Белграда крупное отделение союза располагалось в Со-

фии, где с 1932 г. начало выходить официальное периодическое издание союза — «За Россию»⁷⁶. Союз располагал небольшими материальными средствами. Но и в таких условиях была организована активная деятельность. Главный акцент был поставлен на ознакомление с марксистской литературой (например, с «Капиталом» К. Маркса) и на подготовку политических агитаторов⁷⁷. Тем не менее основная деятельность была направлена против Советского Союза. Уже в 1930-х годах первые активисты союза были переброшены по каналам РОВСа и Братства русской правды на территорию СССР. В Москве была организована группа НСНП (НТС), но вскоре все ее члены были арестованы и расстреляны. Первыми членами союза, которые жизнью заплатили за свою деятельность, были П.И. Ирошников и М. Флоровский. Члены союза связывали провал организации с одним из видных членов Братства русской правды, обвиняя его в том, что он советский агент⁷⁸. В течение 1930-х годов еще несколько членов союза погибли при попытках переброски на территорию СССР (С. Спица, Г. Конява, Н. Гурский, С. Симчук, В. Бабкин и В. Бергулько). Другие, как, например М. и В. Дурновы и В. Леушин, на протяжении длительного периода действовали в Советском Союзе, формируя там своего рода тайную нелегальную организацию. Задачей некоторых членов союза был переход на территорию СССР с целью сбора информации и последующий возврат, что удалось Г. Околовичу и А. Колкову⁷⁹.

Идейно-политические позиции Национального союза нового поколения сформировались под влиянием разнообразных факторов и представляли собой смесь различных принципов. Близость к национальным идеям, которые выдвигали монархисты и лидеры Русской армии и РОВСа, не скрывалась. Тем не менее программа союза представляла собой комбинацию различных идейно-политических концепций; в основе ее лежала идея «трудового солидаризма», которую во Франции в середине XIX в. сформулировал П. Леру, а позднее практически применил Л. Буржуа и развил в теории Э. Дюркгейм. В самой основе эта идея была заимствована от русских мыслителей А.С. Хомякова, В.С. Соловьева, частично и от П.А. Кропоткина. Это была та же самая идея, которую в эмиграции развивали С.Л. Франк, Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский и С.А. Левицкий, а практически пытался осуществить известный русский адвокат Г.К. Гинс, включивший ее в свою солидаристскую правовую систему.

В принципе речь шла о специфическом христианско-социалистическом учении⁸⁰. Основная программа состояла из 10 пунктов: 1 — свержение коммунистической власти, режима террора, самодурства и нищеты; 2 — возвращение стране ее исторического названия Россия; 3 — защита территориального единства Русского государства; 4 — предоставление народам России свободы и права на национально-культурную самобытность; 5 — освобождение узников концентрационных лагерей и тюрем; 6 — введение права на свободу вероисповедания, политических свобод и твердого законодательства; 7 — введение права на труд, свободу труда и равноправные возможности всех граждан; 8 — восстановление права частной собственности, заработанной собственным трудом, но ограничиваемой интересами нации и государства; 9 — установление нового порядка, основанного на началах рабочей солидарности, трудового сотрудничества; 10 — запрещение классово-борьбы⁸¹. В идеологическом плане союз требовал безусловного свержения коммунистической партии и создания Великой России. Он отстаивал идею «всероссийской национальной рево-

люции», а после свержения большевиков требовал введения диктатуры для преодоления послереволюционного хаоса и построения государства на принципах новой идеологии. Поддерживалась идея твердой центральной власти, которая стояла бы над партиями и классами, черпала бы силы из идеи служения России и была бы пропитана сознанием своей ответственности перед родиной⁸². Во внешнеполитическом плане союз поддерживал «политику здорового национального эгоизма»⁸³. Упрощенно говоря, политика, идеология и политическая деятельность союза выражалась в лозунгах: «Родина — православию — народ», «Ударить в центр по красной голове», «Долой красное самодержавие», «Вставай за Родину», «В борьбе с большевиками цель оправдывает средства», «Всероссийская национальная революция»⁸⁴.

Старшее поколение беженцев с симпатией смотрело на монархическую ориентацию НСНП, но осуждало разделение эмиграции на поколения, одно из которых прогрессивно, а другое бесполезно, и считало опасным и вредным их фразеологию активизма⁸⁵.

Основная политическая программа Национального союза нового поколения проистекала из правого спектра политических идей, которые в первом поколении выражались в форме монархизма и монархистско-националистической программы вождей Русской армии, а позднее РОВСа. Сама организация была близка к Братству русской правды и РОВСу, а по некоторым данным, НТС даже происходил из РОВСа⁸⁶. Хотя в некоторых статьях и выступлениях ведущих деятелей союза можно было услышать отзвуки крайне правых идей, и прежде всего итальянского фашизма (так, например, воспринималось открытое заседание союза, проведенное в Белграде 4 июня 1935 г. по теме «Новый человек»⁸⁷), НСНП (НТС) не был фашистской организацией, как то позже утверждалось в сугубо черно-белой характеристике эмигрантских политических движений, которую рисовала советская историография⁸⁸. Это место занимало другое движение — Русская фашистская партия, чье влияние среди представителей второго поколения беженцев на Балканах было второстепенным, несмотря на тот факт, что первая политическая организация, которая в своем названии использовала слово «фашистский», возникла именно в Югославии. Все же ее существование дополняет картину спектра тех идей, которыми увлекалось «незамеченное поколение».

Русская фашистская партия

Разочарование в бездеятельности старшего поколения привлекло внимание многих беженцев второго поколения к новой боевой идеологии, родившейся в межвоенной Европе и исполненной энергии — к фашизму. Важнейшие центры русского фашизма в межвоенное время находились в Маньчжурии и США. Однако само начало русского фашистского движения связано с Югославией. Первую известную эмигрантскую организацию — Организацию русских фашистов — основал генерал-майор П.В. Черский в 1926 г. В то время он жил в Загребе и работал чиновником на железной дороге. По предположениям современных исследователей, он принял идеи итальянских фашистов в результате своих контактов с хорватскими усташами⁸⁹. Воззрения Черского отличались от ранних профашистских идей, которые появились в середине

1920-х годов в русских студенческих кружках и объединениях на Дальнем Востоке, прежде всего по причине его полного разрыва с монархизмом⁹⁰. Члены организации Черского заявляли: «Мы не правые, мы не левые — мы сыны нашего Отечества и стражи интересов русской нации — мы русские фашисты». Они утверждали, что в России возврата к старому нет, но нет там места и для коммунистов. Они провозглашали защиту «новой национальной России», которая появится в результате соединения всего того лучшего, что русская нация создала в ходе полезных нововведений революционного времени. Стремилась к «реальной свободе и культурной жизни» после восстановления государственности и порядка, реформированных в соответствии с новым направлением русской жизни. Поддерживали объединение всех рабочих и «национально-мыслящих» людей в целях образования «национального правительства», которое стояло бы «над всеми политическими партиями и классами». Призывали к развитию «национального народного хозяйства», «русской культуры, торговли и промышленности»⁹¹. Несмотря на такую глобально осмысленную идеологическую основу действий, усилия Черского по созданию крупной организации в Европе не дали никаких результатов⁹². Русский фашизм пустил свои корни на других континентах. Именно деятельность этих организаций, а не группы Черского привела к попытке образования других русских фашистских партий на Балканах.

После формирования различных профашистских кружков и групп в течение второй половины 1920-х годов в Маньчжурии 22 июля 1931 г. была создана Русская фашистская партия. Она возникла в результате слияния с Национально-монархической партией мелких фашистских и профашистских групп, действовавших с середины 1920-х годов. Центр партии располагался в Харбине. Ее первым председателем был генерал-майор В.Д. Косьмин, а генеральным секретарем — К.В. Родзаевский, человек, чье имя в последующие годы символизировало русское фашистское движение на Дальнем Востоке. Деятельность Всероссийской фашистской партии в Маньчжурии была во многом определена сотрудничеством с японским оккупационным управлением, сформированным после присоединения этой области в 1931–1932 гг. Поэтому реальная сила русских фашистов на Дальнем Востоке начала значительно уменьшаться, когда японская дипломатия пришла к выводу, что помощь русских фашистов ей больше не нужна. Русский фашизм потерял свою опору и начал слабеть.

По другую сторону Тихого океана, в США, А.А. Вонсяцкий создал в мае 1933 г. Всероссийскую фашистскую организацию. Создание партии и успех нацистов в Германии вдохновили русских фашистов в Америке на попытку объединиться с политическими единомышленниками в Харбине. Уже в следующем 1934 году 3 апреля в Йокохаме был проведен торжественный фашистский съезд, на котором произошло объединение русских фашистов Маньчжурии и США во Всероссийскую фашистскую партию. Это объединение было самым крупным успехом русских фашистов из США, но одновременно обозначило начало их упадка. Центр новой, объединенной партии и дальше оставался в Харбине. Хотя во главе ее и стоял вождь американских фашистов Вонсяцкий, партией фактически руководил вождь русских фашистов из Харбина Родзаевский. Результаты этого вскоре отразились и на практике, после того как в июле 1935 г. из партии был изгнан Вонсяцкий. Во главе партии его заменил, как и следовало того ожидать, Родзаевский. После этого партия полно-

стью превратилась в проводника японской политики на Дальнем Востоке⁹³. В организационном плане это были важнейшие вехи в развитии русского фашизма.

Деятельность русских фашистских партий, созданных в Харбине и США в течение 1930-х годов, привела к появлению русских фашистских групп и в других частях света. Их секции были открыты в Шанхае, Каире, Александрии, Париже, Берлине, Софии, Белграде и ряде других мест⁹⁴. Так, на Балканах во второй раз появился русский фашизм, после того как в Софии и Белграде были открыты отделения Всероссийской фашистской партии из Харбина. Это произошло в специфических условиях.

Части русской молодежи в Югославии и Болгарии фашистские идеи стали близки прежде всего в результате недовольства существующей политикой эмиграции. В атмосфере постоянных партийных ссор, обвинений и расколов идея доминирования нации над партиями и партийными склонами виделась им особенно привлекательной. Италия под управлением Б. Муссолини казалась мощным образцом спасения России от трагедии «коллективизма», а возрождение национализма и победа национального самосознания над интернационализмом считались залогом обновления России. Фашизм представлялся им спасительным путем, самой короткой дорогой к достижению общей цели, к которой все стремились — к свержению большевизма. Верховный совет Русской фашистской партии из Харбина в июле 1933 г. принял решение открыть в Болгарии отделение РФП. Во главе его, по указу Верховного совета, был поставлен К.П. Кондырев. На этот пост его порекомендовал тот самый А.А. Ливен, который был одним из основателей движения евразийцев. Кондыреву посоветовали не вступать в контакты с РОВСом и НСНП, но разрешили контакты с младороссами⁹⁵. В последующие годы фашистская группа была сформирована и в Белграде. Несмотря на привлекательность фашистских идей, в Болгарии и Югославии они не смогли охватить значительного количества эмигрантов. Та часть молодежи, которая с симпатией смотрела на фашизм, надеясь, что он может предложить формулу такого желанного свержения власти большевиков, тем не менее не была готова принять участие в деятельности самих фашистских партий⁹⁶. Основные идейно-политические концепции русских фашистов, кроме идеологических основ, позаимствованных у итальянских фашистов и немецких нацистов, отразились в характерном лозунге: «Бог, нация, труд»⁹⁷. Новое поколение русских фашистов, как ни парадоксально это звучит, стояло на позициях самодержавия, т.е. значительное их количество было настроено монархически. Такая позиция объяснялась тем, что монархизм — основа русской истории и русской народности, а поэтому он должен быть сохранен⁹⁸.

Популярность идей фашизма среди русской молодежи не должна остаться незамеченной, особенно с учетом того, что на этой почве были основаны и другие фашистские и профашистские группы. Первую из них, так называемую группу туркуловцев, а официально Русский национальный союз участников войны, основал в 1936 г. в Париже генерал-майор А.В. Туркул. Их политическим девизом стал «Бог, Родина и социальная справедливость», а идеалом —

«фашистская монархия»⁹⁹. Речь шла о группе офицеров, которая выделилась из РОВСа, недовольная его решительным желанием остаться «вне политики»¹⁰⁰. Главной задачей союза была, по замыслам основателей, деятельность в России. Кроме штаба в Париже у союза были свои отделения во Франции, Бельгии, Чехословакии, Аргентине и Уругвае, а также в трех балканских государствах: Югославии, Греции и Албании¹⁰¹. Тем не менее на Балканах союз не смог привлечь в свою организацию большого количества людей. Деятельность союза закончилась во время Второй мировой войны, когда казачьи части под командованием генерала Туркула участвовали в боях против Красной армии в рядах Русской освободительной армии генерала Власова.

Деятельность еще одной крайне правой политической группировки, которая, в идеологическом плане, заигрывала с фашизмом, также была связана с Балканами, точнее с Болгарией. Речь идет о Русском народно-имперском (штабс-капитанском) движении. Его основал в Софии после своего бегства за рубеж из ГУЛАГа в 1935 г. философ-публицист И.Л. Солоневич.

О самом движении в историографии существуют скудные данные. Больше внимание привлекает колоритная фигура самого основателя. Можно сказать, что его личность полностью заслонила само движение. Однако основные черты идеологии движения могут быть реконструированы. Вскоре после основания движения разгорелась острая ссора между Солоневичем и РОВСом. В то время в Софии выходила его газета «Голос России». Но уже в 1938 г., после того как от письма-бомбы, посланного в редакцию (вероятнее всего, это было делом рук НКВД), погибли его супруга Т.В. Солоневич и секретарь газеты Н.П. Михайлов, Солоневич уехал из Болгарии и переселился в Германию, где до 1938 г. издавал «Нашу газету». После переезда Солоневича в Берлин его влияние на Балканах полностью маргинализировалось.

В идеологическом плане движение стояло на крайне правых политических позициях. В своей основе теория Солоневича сводилась к тому, что русский национализм как идея, находясь в неразрывной связи с православием, в течение столетий объединял и воспитывал русскую нацию. Кроме того, русский национализм как «идея Божьей правды» не должен заниматься примирением сословий, классов и каст, а должен их отменить. Монархия являлась точкой концентрации всех созидательных сил нации и т.д. В конце концов движение Солоневича, как утверждалось, было не группой, не партией, не союзом, даже не организацией, а движением, которое началось «тысячу лет до нас и которое просуществует тысячу лет после нас»¹⁰². В повседневной политической деятельности Солоневич достаточно долго, до 1941 г., возлагал надежды на Гитлера как на «спасителя России»¹⁰³.

На появление фашистских идей среди эмигрантов реагировали и другие политические силы в изгнании. Так, монархический «Белый съезд», проведенный в 1938 г., среди прочего принял резолюцию и о «тоталитарном государстве». В ней недвусмысленно осуждался русский фашизм: «“Тоталитарное”, т.е. всевластное, государство есть явление противохристианское, болезненное и в России неприемлемое... Поэтому так называемый “русский фашизм”, не имеющий ничего общего с организациями, созданными Муссолини и Франко, есть течение болезненное. Это новый вид слепого подражания Западу. Это есть проявление творческого бессилия в эмиграции. Мало того: когда это течение соединится с беспринципным личным честолюбием, тогда оно

будет стремиться захватить власть в эмиграции при помощи иноземной политической полиции и пропаганды, а впоследствии захватить власть в России при помощи иностранных штыков. Пусть иностранные державы сами блюдут свои интересы как умеют и хотят. Но русские национальные круги должны оградить себя от влияния таких господ»¹⁰⁴.

Предсказание делегатов «Белого съезда» в точности сбылось, когда всего через несколько лет после нападения Германии на СССР начался глубокий раскол в среде политических движений второго поколения. Абсолютно логично, что немногочисленная группа русских фашистов в этой борьбе пошла за нацистами, своими идеологическими вдохновителями и политическими покровителями.

Русская молодежь и в школе, и дома воспитывалась в национальном духе и наполнялась любовью к далекой, покинутой (а для самых молодых — даже ни разу не виденной) родине. Всем сердцем молодежь хотела вернуться на родину, которую она лишь туманно помнила да лишь слышала рассказы о ней. Юношеская горячность заставляла их обвинять старшее поколение в политической бесплодности и пассивности, а самим предлагать собственные способы и пути осуществления страстного желания вернуться в отечество. Бурные и политически радикальные 1930-е годы, когда стали актуальны упрощенные тоталитарные программы, основанные на пропаганде быстрых и радикальных решений, лишь усиливали конфликт поколений. Усиливался этот конфликт и во время Второй мировой войны. Тогда яснее всего стала вся глубина политического раскола, в котором находилась русская эмиграция.

¹ Мережковский Д. Первое письмо: О мудром жале // Новый дом. Париж, 1926. № 2. С. 31.

² См. с. 31, 33–34, 38 наст. изд.

³ Даскалов Д. Бялата эмиграция в България. С. 84.

⁴ Rumunja. Legitimiści-monarhiści, Bukareszt; Przedstawiciel Wielkiego Księcia Ciriła w Rumunji. Bukareszt, Ekspozitura 2 Oddział II Sztabu Głównego Polski, t. II // РГВА. Ф. 461/к. Оп. 1. Ед. хр. 191. Л. 43–44.

⁵ Русские беженцы в Греции // ГАРФ. Ф. Р-5780. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 22 об.

⁶ Козлитин В.Д. Российская эмиграция в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (1919–1923) // Славяноведение. М., 1992. № 4. С. 17–18.

⁷ Даскалов Д. Бялата эмиграция в България. С. 80.

⁸ См.: Манифест Великого князя Кирилла Владимировича 31 августа 1924 г. // Политическая история русской эмиграции... С. 72–74. Интересно сравнить и реакцию великого князя Николая Николаевича: Заявления Великого князя Николая Николаевича и вдовствующей императрицы Марии Федоровны 21 сентября (4 октября) 1924 г. // Там же. С. 74–75. Проблема легитимности претендентов на престол стала самым серьезным вопросом, который занимал монархические круги в изгнании. Очень сложно было определить, кому принадлежит право престолонаследия, так как большевики убили всех непосредственных претендентов на престол: сына Николая II царевича Алексея, самого Николая, его брата — последнего (однодневного) императора России Михаила, их дядю Павла, родного брата императора Александра III. Выжившие мужские представители династии Романовых были представлены дальними родственниками Николая II. Великий князь Николай Николаевич, который был внуком Николая I и двоюродным дядей Николая II, сам сомневался в своих правах на престол, хотя и привлекал симпатии большинства монархистов. Великого князя Кирилла Владимировича поддерживал малый круг монархистов, и в основном его вдохновляла амбициозная супруга Викториа Федоровна, герцогиня Саксен-Кобургская. Кирилл Владимирович был внуком Александра II и двоюродным братом Николая II. Ни законы, ни обычаи не определяли точно, кому в такой чрезвычайной ситуации должно принадлежать право

престолонаследия. Это усугубляло раскол среди монархистов в изгнании. Об основных этапах развития монархического движения в изгнании подробнее см.: *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. С. 57–61; *Стефан Дж.* Русские фашисты... С. 31–35. О съезде монархистов в Бад-Райхенхау 16–24 мая 1921 г. подробнее см.: Политическая история русской эмиграции... С. 112–124; *Стефан Дж.* Русские фашисты... С. 39.

⁹ О нем и его деятельности подробнее см.: *Арсеньев А.* У излуцины Дуная... С. 83–93. Самопровозглашенный наследник престола Кирилл Владимирович имел в Королевстве СХС разветвленную сеть своих представителей. Кроме гр. В.А. Бобринского у него был и специальный представитель в Белграде А.А. Столыпин, в Нови-Саде — С.Ф. Шульгин, а также специальный военный представитель генерал Н.А. Обручев (ГАРФ. Ф. Р-5763. Оп. 1. Ед. хр. 21).

¹⁰ Политика. Белград, 1924. 24 апр.

¹¹ О взаимоотношениях Русской армии, Врангеля, РОВСа и великого князя Николая Николаевича подробнее см.: *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля. С. 22–65.

¹² В.Н. Штрандтман — М.Н. Гирсу // Hoover. Girs. 48.4; *Арсеньев А.* У излуцины Дуная... С. 71.

¹³ *П.Я.* Русские в Болгарии, июль — август 1932 г. // ГАРФ. Ф. Р-9116. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 15; *Ратиев А.* То, что сохранила мне память. С. 548; *Даскалов Д.* Бялата эмиграция в България. С. 81.

¹⁴ А.К. Русские в Греции // Последние новости. Париж, 1922. № 757.

¹⁵ *Врангель П.Н.* Циркуляр от 10 сентября 1923 г. // *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля. С. 121–123.

¹⁶ *Даскалов Д.* Бялата эмиграция в България. С. 79.

¹⁷ Там же. С. 80.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Резолюции съезда русских белых организаций, август — сентябрь 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-5942. Оп. 5. Ед. хр. 133. Л. 3.

²⁰ Политика. Белград, 1924. 24 апр.

²¹ Протокол заседания Белградской группы кадетов, 24 апреля 1921 г. // Hoover. Paleologue. 002.8. О деятельности партии кадетов в эмиграции, со списком литературы, см.: *Александров С.А.* Лидер российских кадетов...

²² *Даскалов Д.* Бялата эмиграция в България. С. 31.

²³ О Ф.Е. Махине подробнее см.: *Бурић О.* Руска литерарна Србија... С. 29–32.

²⁴ *Арсеньев А.* У излуцины Дуная... С. 73.

²⁵ В.Н. Штрандтман — М.Н. Гирсу, 3 ноября 1926 г. // Hoover. Girs. 48.4.

²⁶ Крамарёв — С.Н. Палеологу, 10 декабря 1920 г. // Hoover. Paleologue. 002.8.

²⁷ Протокол заседания Белградской группы кадетов, 24 апреля 1921 г. // Там же.

²⁸ Ф.Е. Махин — правительству Королевства СХС, 20 ноября 1924 г. // АЈ. Збирка В. Јовановића-Марамбоа. Ф. 20.

²⁹ О Лебедеве подробнее см.: *Јовановић М.* О једној забуни у нашој историографији, или Ко је В. Лебедев? // Зборник Филозофског факултета. Сер. А, Историјске науке. Белград, 1994. Књ. 18: Споменница Радована Самарџића. С. 337–354. О формировании правительства Комитета членов Учредительного собрания в сентябре 1918 г. в Уфе, с указателем литературы, см.: *Jovanović M.* Kraljevina SHS i antiboljševička Rusija 1918–1924... S. 112–118.

³⁰ *Арсеньев А.* У излуцины Дуная... С. 74–76.

³¹ На монархическом «Белом съезде» такое поведение крайне правых было осуждено: «Крайне правые движения в эмиграции в течение всех двадцатых годов остались верны себе и своему пониманию борьбы. Вся их идеология сводилась на отношение к “жидам” и “масонам” ради реабилитации своего собственного прошлого и ради захвата власти. Свою вину они не понимают, а на творчество они не способны. Их программа сводится к поискам “царя”, который безусловно подчинялся бы их партийному влиянию» (Резолюции съезда русских белых организаций, август — сентябрь 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-5942. Оп. 5. Ед. хр. 133. Л. 5).

³² Антимасонские мнения выражали, например, и лидеры Русской православной зарубежной церкви в известном послании митрополита Антония 1932 г. — см. в кн.: *Николаевский Б.И.* Русские масоны и революция. М., 1990. С. 173–180; *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии 1921–1939 годы // Славяноведение. М., 1996. № 6. С. 73. Интересно, что даже участники «Белого съезда» считали необходимым в конце официального документа, опубликованного по его материалам, подчеркнуть: «Съезд подтверждает, на основании несомненных доказательств, что в его составе не было ни одного масона...» (Резолюции съезда русских белых организаций, август — сентябрь 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-5942. Оп. 5. Ед. хр. 133. Л. 3).

³³ См.: *Палеолог С.Н.* Записка о беженских настроениях // Палеолог С.Н. Около власти: Очерки пережитого. С приложением архивных документов. М., 2004. С. 309.

³⁴ Резолюции съезда русских белых организаций, август — сентябрь 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-5942. Оп. 5. Ед. хр. 133. Л. 5—6.

³⁵ Исход к Востоку: Утверждение евразийцев. София, 1921.

³⁶ Политическая история русской эмиграции... С. 236.

³⁷ Подробнее, с обзором старой и современной литературы по этому вопросу, см.: Евразийская перспектива: Сб. статей. М., 1994; *Раев М.* Россия за рубежом... С. 138—139, 190; *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. С. 221—222; *Johnston R.H.* New Mecca, new Babylon: Paris and the Russian exiles 1920—1945. Kingston; Montreal, 1988. P. 92; *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. С. 88—89; *Лауров С.Б.* Гумилев и евразийство // Гумилев Л. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 7—19; *Чиняева Е.В.* Русские интеллектуалы в Праге: Теория евразийства // Русская эмиграция в Европе: 20—30-е годы XX века. М., 1996. С. 177—198; *Степанов Н.Ю.* Научная и преподавательская деятельность евразийцев в Европе в 1920—1930-е гг. // Там же. С. 199—221; *Subotić M.* Evroazijska interpretacija ruske istorije // Tokovi istorije. Beograd, 1995. Knj. 1/2. S. 127—146; *Казнина О.А.* Н.С. Трубецкой и кризис евразийства // Славяноведение. М., 1995. № 4. С. 89—95; *Аксенова Е.П.* Из переписки Г.В. Вернадского и А.В. Флоровского // Там же. 1994. № 4. С. 92—101; Славянофилы эпохи футуризма (из истории евразийского движения) // Политическая история русской эмиграции... С. 236—238, 239—302.

³⁸ Свообразную предысторию евразийского движения содержат две работы: *Трубецкой Н.* Европа и человечество. София, 1920 и рецензия на нее: *Савицкий П.Н.* Европа и Евразия // Русская мысль. София, 1921. № 1/2.

³⁹ «Статьи, входящие в состав настоящего сборника, сложились в атмосфере катастрофического мироощущения. Тот отрезок времени, в котором протекает наша жизнь, начиная от возникновения войны, переживаемся нами как поворотное, а не только переходное время. В совершающемся и совершающемся мы видим не только потрясение, но кризис, и ожидаем от наступающего глубокого изменения привычного облика мира. В катастрофическом происходящем мы видим знание назревающего, ускоряющего переселения и перерождения культуры» (Предисловие к сборнику «Исход к Востоку», 1921 г. // Политическая история русской эмиграции... С. 240).

⁴⁰ Политическая история русской эмиграции... С. 237.

⁴¹ Цит. по: *Лауров С.Б.* Гумилев и евразийство. С. 9. О ключевых вопросах и проблемах евразийства см. также: Евразийство (формулировка 1927 г.) // Политическая история русской эмиграции... С. 260—272.

⁴² *Чиняева Е.В.* Русские интеллектуалы в Праге... С. 180.

⁴³ Об отношении евразийцев к роли религии, в особенности православия, см. следующие основополагающие труды: Предисловие к сборнику «Исход к Востоку»... // Политическая история русской эмиграции... С. 241; Евразийство (формулировка 1927 г.) // Там же. С. 261, 265—266; *Раев М.* Россия за рубежом... С. 190.

⁴⁴ О спорах, которые вызвали высказывания евразийцев, с подбором литературы, см.: *Чиняева Е.В.* Русские интеллектуалы в Праге... С. 177—180.

⁴⁵ Подробнее об их работе в европейских университетах см.: *Степанов Н.Ю.* Научная и преподавательская деятельность евразийцев... С. 199—221.

⁴⁶ На путях. Берлин, 1922; Россия и латинство. Берлин, 1923; Евразийский временник. Берлин, 1923; Евразийские хроники. Берлин, 1925. Вып. 1—5.

⁴⁷ Евразийские хроники. Париж, 1925—1927. Вып. 6—12; Временник. Париж, 1927. С 24 ноября 1928 г. по 7 сентября 1929 г. в Париже выходила газета «Евразия» (вышло 35 номеров).

⁴⁸ Евразийский сборник. Прага, 1929; Тридцатые годы. Париж, 1931.

⁴⁹ «При этом надо учесть еще и специфику Софии тех лет — крах белого движения, трагедия Галлиполи и переброска воинских частей в Болгарию и Сербию, предательство Запада, господствующее чувство безысходности русской эмиграции. Неизбежен был поиск и рождение альтернативы — реальной, но отнюдь не сиюминутной» (*Лауров С.Б.* Гумилев и евразийство. С. 8).

⁵⁰ *Чиняева Е.В.* Русские интеллектуалы в Праге... С. 178.

⁵¹ *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. С. 88—89.

⁵² Подробнее см.: *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. С. 218—221; *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. С. 74—85.

⁵³ *Раев М.* Россия за рубежом... С. 190.

⁵⁴ Об аристократии в Королевстве СХС подробнее см.: Сведения о русских беженцах в Королевстве СХС, 1928 // Hoover. Paleologue. 029.44.

⁵⁵ «Политический климат в корпусе был в своей основе непоколебимо, радикально монархическим вначале и умеренно монархическим в последующее время...» (*Эйссер А.В.* Путь в эмиграцию. Сербия, Прага // Русская эмиграция в Европе: 20–30-е годы XX века. С. 257).

⁵⁶ *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. М., 1992.

⁵⁷ *Савицкий П.Н.* Еще о национал-большевизме: Письмо к П. Струве, 5 ноября 1921 г. // Хрестоматия по отечественной истории (1914–1945). М., 1996. С. 789. Похожую негативную оценку деятельности старшего поколения политиков, в особенности во время Февральской революции, выдвинул и лидер младороссов. См.: *Казем-Бек А.Л.* Первые итоги (1928) // Политическая история русской эмиграции... С. 446.

⁵⁸ Цит. по: *Арсеньев А.* У излучины Дуная... С. 138.

⁵⁹ *Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. С. 53–55; Декларация «Всеобщего съезда национально мыслящей молодежи» // Политическая история русской эмиграции... С. 434–435; *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. С. 223–226; *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. С. 185.

⁶⁰ Политическая история русской эмиграции... С. 433; *Арсеньев А.* У излучины Дуная... С. 147; *Даскалов Д.* Бялата эмиграция в България. С. 89–90.

⁶¹ *Казем-Бек А.Л.* Речь на конференции I и II района младороссовской партии // Политическая история русской эмиграции... С. 471.

⁶² Из письма А.А. фон Лампе к Е.К. Миллеру, 4 октября 1933 г. // Политическая история русской эмиграции... С. 329. О самом съезде подробнее см.: *Стефан Дж.* Русские фашисты... С. 155–156. В 1920-х годах сторонники русского фашистского движения носили в качестве отличительной части формы синюю рубашку и приветствовали своего вождя возгласами: «Глава! Глава!» (*Геллер М.Ю., Некрич А.М.* Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней: В 3 кн. М., 1995. Кн. 1. С. 191).

⁶³ *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. С. 185.

⁶⁴ Лозунг «Царь и Советы» выдвинул еще в 1919 г. сын А.С. Суворина А.А. Суворин, один из отцов младороссов идей, писавший под псевдонимом А. Порошин. Эту идею резко критиковали руководители НТС. См. также: *Георгиевский М.А.* Вопросы программы // За Россию. 1933. 16 июня.

⁶⁵ См. также: *Казем-Бек А.Л.* Первые итоги // К Молодой России. Сборник Младороссов. Париж, 1928. С. 7–22; К Молодой России // Оповещение Союза Младороссов. 1929. 7–8 окт. С. 9–10; *Збышевский В.* О Красной Армии // Там же. С. 36–37; Убийство Кирова // Бодрость! 1934. 9 дек. № 6/7; Приветствуем чистку компартии // Там же. 1935. 20 янв. № 12; Что каждый должен знать о младороссах // Там же. 1935. 22 сент. № 47; Этапы русской эволюции // Там же. 1935. 29 дек. № 61; *Бутаков Г.А.* О стахановском движении // Там же. 1936. 29 марта. № 74; *Казем-Бек А.Л.* Россия, военная опасность и сталинская власть // Там же. 1936. 3 мая. № 79; Лозунг Молодой России: Через национальный социализм ко всечеловечности // Там же. 1936. 12 июля. № 89 (все эти тексты перепечатаны также в сб.: Политическая история русской эмиграции... С. 436–448, 451–452, 453–454, 455, 458–459, 461–464, 464–465, 465–468, 472).

⁶⁶ *Даскалов Д.* Бялата эмиграция в България. С. 89–90; Политическая история русской эмиграции... С. 433.

⁶⁷ Еще в середине 1920-х гг. в Болгарии и Королевстве СХС были основаны организации русской национальной молодежи. В Софии в 1924 г. был создан Кружок русской национальной молодежи, а в Белграде в 1926 г. сформировался Союз русской национальной молодежи, который имел и свое периодическое издание «Наше будущее». Во главе его стояли инженеры А.И. Зинкевич и В.М. Байдалаков и бывший петербургский прокурор и сенатор С.Н. Трегубов. Оба союза были основаны в ответ на формирование Содружества прогрессивных и демократических сил, в знак отрицания идеи, что молодежь может последовать за организацией, сформированной «на базе Временного правительства, получившего по заднице от пьяного матроса» (Руки прочь // Наше будущее. Белград, 1926. Май. № 1. С. 1). Они также отбрасывали идею любого сближения или взаимопонимания с большевиками, которую поддерживали младороссы. Политический лозунг, которым руководствовались оба союза, был следующим: «Нам нужна Великая Россия, мы должны быть достойны ее», а политический идеал, к которому они стремились, был «Великая, национальная Россия» (Информационная записка, 1 сентября 1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 946. Л. 23).

⁶⁸ Национальный союз нового поколения, Конспект XVI, «Наша идеология — наши задачи» // АСАНУ. 14386. 2495; На службе России. Народно-трудовой союз. Frankfurt a. M., 1978. С. 17;

Арсеньев А. У излуцины Дуная... С. 147; о движении подробнее см.: Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. С. 240–252.

⁶⁹ См. также: Программные и уставные документы НСНП (№ 16–17), 1935 г. // Политическая история русской эмиграции... С. 374; Из протоколов допросов лидера Национально-Трудового Союза Нового Поколения М.А. Георгиевского // Кентавр. М., 1994. № 4. С. 116.

⁷⁰ Ошибки эмиграции, настоящее положение и наш долг // АСАНУ. 14386. 2495. См. также: Георгиевский М.А. Сущность спора // За Россию. 1932. Май. № 3; Байдалаков В.М. Новое поколение // Там же. 1932. Ноябрь. № 9.

⁷¹ Nacionalnuj savez novoga pokoleniya, 1934 // РГВА. Ф. 461/к. Оп. 1. Ед. хр. 190. Л. 133–139.

⁷² Из протоколов допросов лидера Национально-Трудового Союза Нового Поколения М.А. Георгиевского. С. 117.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Прянишников Б. Новопоколенцы. Silver Spring, 1986. С. 11.

⁷⁵ Из протоколов допросов лидера Национально-Трудового Союза Нового Поколения М.А. Георгиевского. С. 116; Арсеньев А. У излуцины Дуная... С. 149; см. также: Политическая история русской эмиграции... С. 726, 733.

⁷⁶ О деятельности союза в Болгарии подробнее см.: Даскалов Д. Бялата эмиграция в България. С. 85–88.

⁷⁷ Halafoff I.V. An autobiographical sketch. Melbourne, 1988. P. 22–23.

⁷⁸ На службе России: Народно-Трудовой Союз. С. 20–21.

⁷⁹ Там же. С. 21; Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. С. 244.

⁸⁰ О солидаризме как движении подробнее см.: Программные и уставные документы НСНП, 1935 г. // Политическая история русской эмиграции... С. 360–370; Национально-Трудовой Союз Нового Поколения. Курс национально-политической подготовки. Белград, 1939. Ч. 3. С. 104–105. См. также: На службе России: Народно-трудовой союз. С. 9–10.

⁸¹ Национально-Трудовой Союз Нового Поколения: Программные положения и Устав Национально-Трудового Союза Нового Поколения. Белград, 1938. С. 5–6. (Полностью опубликовано в: Национальный Союз Нового Поколения (Национально-Трудовой Союз). Б. м. (Белград), 1935. С. 13–70; частично в: Политическая история русской эмиграции... С. 358–384.)

⁸² Идеология Национального Союза Нового Поколения // АСАНУ. 14386. 2495. См. также: Специальный лист для России, 1934 г. // Политическая история русской эмиграции... С. 353–355; От Исполнительного Бюро Совета Союза, январь 1934 // Там же. С. 355–356.

⁸³ Национальный союз нового поколения, Белградское отделение, Открытое собрание, 4 июня 1935 г. // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 907. Л. 20.

⁸⁴ См.: От Исполнительного Бюро Совета Союза. Общедоступные боевые задачи, апрель 1933; От Исполнительного Бюро Совета Союза «К новому поколению России», июнь 1933 г.; Специальный лист для России, 1934 г.; От Исполнительного Бюро Совета Союза, январь 1934 // Политическая история русской эмиграции... С. 350, 352, 353–355, 355–356. См. также: Даскалов Д. Бялата эмиграция в България. С. 86.

⁸⁵ Резолюции съезда русских белых организаций, август — сентябрь 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-5942. Оп. 5. Ед. хр. 133. Л. 4–5.

⁸⁶ На службе России: Народно-Трудовой Союз. С. 17, а также: Улитин В.Г. Политическое наследие русской эмиграции // Кадетская переключка. N. Y., 1984. № 37. С. 85.

⁸⁷ См.: ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 907. Л. 20 об.

⁸⁸ Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. С. 182.

⁸⁹ Политическая история русской эмиграции... С. 303, 335, 768.

⁹⁰ Там же. С. 335.

⁹¹ Основоположения Организации Российских Фашистов (1926) // Там же. С. 306–307.

⁹² Политическая история русской эмиграции... С. 303.

⁹³ Об истории русского фашистского движения см.: Стефан Дж. Русские фашисты...; Oberländer E. Die «Allrussische Faschistische Partei» // Internationaler Faschismus 1920–1945. München, 1966. S. 218–239; Назаров М. Миссия русской эмиграции. С. 255–282; Лебедев В. Поред колевке једног фашизма: (Руски фашизам — оруђе нове политике Јапана) // Руски архив. Београд, 1936. № 38/39. С. 112–134. Об идеологии русского фашизма подробнее см.: Тарданов Г.В. Из «Азбуки фашизма», 1934 // Политическая история русской эмиграции... С. 310–316; Письмо К.В. Родзаевского И.В. Сталину, 1945 г. // Отечественная история. М., 1992. № 3. С. 94–100.

⁹⁴ Oberländer E. Die «Allrussische Faschistische Partei». S. 228.

⁹⁵ Харбинский отдел Русской фашистской партии — К.П. Кондыреву, 24 июля 1933 г. // ЦДИА. Ф. 370 к. Оп. 6. А.е. 354.

⁹⁶ Даскалов Д. Бялата емиграция в България. С. 90–91; Арсеньев А. У излучины Дуная... С. 146–147.

⁹⁷ Харбинский отдел Русской фашистской партии — К.П. Кондыреву, 24 июля 1933 г. // ЦДИА. Ф. 370 к. Оп. 6. А.е. 354; Даскалов Д. Бялата емиграция в България. С. 91.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Об идеологии союза см.: Речь А.В. Туркула на собрании Русского Национального Союза участников войны, 16 июля 1937 г. // Политическая история русской эмиграции... С. 392–393; Зеленецкий А.А. В единении — сила (июнь 1938 г.) // Там же. С. 395–396. См. также: Там же. С. 339; Арсеньев А. У излучины Дуная... С. 79.

¹⁰⁰ Несмотря на это, руководство союза пыталось получить согласие руководства РОВСа на то, чтобы его члены смогли свободно вступать в союз. См. также: письмо П.А. Кусонского Ф.Ф. Абрамову, 6 ноября 1936 г. // Политическая история русской эмиграции... С. 394–395.

¹⁰¹ Там же. С. 339.

¹⁰² Солоневич И.Л. Политические тезисы Российского Народно-Имперского (штабс-капитанского) движения (1940–1941) // Политическая история русской эмиграции... С. 396–425.

¹⁰³ Политическая история русской эмиграции... С. 340.

¹⁰⁴ Резолюции съезда русских белых организаций, август — сентябрь 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-5942. Оп. 5. Ед. хр. 133. Л. 4.

РУССКИЕ БАЛКАНЫ И СССР: ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕТЕРПИМОСТЬ

Нетерпимость и радикализм по отношению к большевикам были, очевидно, развиты как среди политических лидеров, так и среди простых представителей русской эмиграции на Балканах. Советская власть, со своей стороны, видела в эмигрантах побежденных контрреволюционеров и классовых врагов и, демонстрируя полное отсутствие толерантности, относилась к ним с крайней политической и идеологической непримиримостью. Взаимная политическая ненависть вполне понятна. Речь шла о представителях двух противостоявших сторон во время Гражданской войны, которая глубоко разделила Россию. В последующие годы взаимное противостояние превратилось в политическую символику. Политические лидеры эмиграции часто повторяли, что сама эмиграция — символ отпора «красному злу» и символ тех сил, которые защитили Европу от этого зла.

Только в предвоенные годы часть политической элиты, находившейся в изгнании, разрушила черно-белую картину взаимоотношений большевиков и эмигрантов. В изменившихся политических условиях в Европе последовательная идеологическая непримиримость по отношению к политическому противнику была поставлена под вопрос в результате осознания эмигрантами сложившейся ситуации, и в особенности после нападения Германии на Советский Союз, когда родина оказалась в опасности.

Одинаковое отношение беженцев к большевистской власти в России, с одной стороны, и большевиков к политической проблеме беженцев, с другой, выразилось на различных уровнях. В плане пропаганды с обеих сторон преобладала ненависть. Кроме вербальных выражений, враждебность существовала и на многих других уровнях. Отдельные эмигрантские политические организации старались перебросить своих агентов на территорию Советского Союза, чтобы путем террористических актов, пропагандистской деятельности, распространения антибольшевистской литературы и т.д. попытаться спровоцировать стихийный бунт против советской власти внутри самой страны. По замыслам одних, бунт населения СССР должен был подготовить почву для новой деятельности Русской армии (из эмиграции) и свержения большевиков путем продолжения Гражданской войны, в то время как согласно идеям других бунт должен был перерасти в народную революцию, которая привела бы к столь долгожданному для эмиграции свержению большевиков. Со своей стороны советская власть также вела активную политику по отношению к эмигрантам. Она инспирировала и поддерживала враждебное отношение местных коммунистов к беженцам, организовывала разведывательную и агентурную работу в эмигрантской среде: внедряла в нее своих людей и вербовала видных активистов в верхушках самых влиятельных эмигрантских организаций. В конце концов, планировались и осуществлялись даже похищения и убийства политических лидеров эмиграции (например, двух влиятельных представителей РОВСа, генералов А.П. Кутепова в 1930 г. и Е.К. Миллера в 1937 г.).

Эту драматическую борьбу сложно реконструировать во всех деталях. Тем не менее даже общий очерк важнейших событий конфликта может помочь

нам понять всю глубину раскола между русской эмиграцией и советскими властями в России.

«КТО ВИНОВАТ ЗА НАШУ ЗЛУЮ ДОЛЮ...»: РАЗМЫШЛЕНИЯ НАЧАЛА 1920-х ГОДОВ

«Я, с полной уверенностью, утверждаю, что уже тогда, т.е. раньше, чем мне исполнилось шесть лет <...> происходила своего рода идеологическая дифференциация, не только среди взрослых русских, но, подсознательно, и среди нас, детей, вследствие действия семейных флюидов: это происходило и со мной, и с Ольгой. Мы сидели на полу на небольшом коврикe и рассматривали книжку с картинками. На одной страничке мы увидели волка. Испуганная Ольга сразу же перевернула страничку и прошептала: “Не буду на него смотреть. Он — большевик”»¹. Это на первый взгляд такое незначительное с политической точки зрения детское воспоминание И. Грицкат показывает всю глубину ненависти к большевикам, которая пропитывала значительную часть эмиграции. Их ненависть вполне объяснима, если иметь в виду тот факт, что большинство беженцев во время Гражданской войны либо боролись против большевиков с оружием в руках, либо в той или иной мере сочувствовали этой борьбе и потому оказались в изгнании.

Политические элиты в эмиграции сфокусировали свою антибольшевистскую пропаганду на двух основных идеях: они осуждали большевиков за уничтожение государства, антinationальную политику, отмену основных гражданских прав (права собственности, труда и вероисповедания) и за террор против народа, а также при всяком удобном случае подчеркивали, что именно политические силы, оказавшиеся в эмиграции (прежде всего — Русская армия, т.е. монархические политические круги), своей борьбой спасали Европу от «коммунистического зла». Эти две идеи служили им, особенно в начале 1920-х годов, главными политическими и пропагандистскими козырями для получения поддержки европейских политических элит с целью продолжить вооруженную борьбу с большевизмом в России.

О ситуации в Советской России эмигрантские пропагандисты говорили в различных аспектах. Тем не менее существовал четкий круг вопросов и определений, которые признавались всеми авторами. Политическую жизнь в России описывали как «гибель матушки России» и «кровавое рабство»², «большевистское рабство»³, «коммунистическую отраву»⁴ и т.д. Большевиков представляли как «клятвопреступников и цареубийц, воров и разбойников»⁵, «завоевателей», «иностранцев и иноверцев», которые «поставили перед собой задачу полностью уничтожить народную культуру»⁶, как «наследников и наместников закопанного под стенами Кремля “красного царя”»⁷ и т.д. Политическая элита в изгнании декларировала, что, борясь против такого врага, Русская армия «делала большое дело, спасала от гибельного шага мир, который был готов броситься в объятия разбойников и предателей»⁸, «Европа была спасена русской кровью»⁹. В такой атмосфере отдельные эмигрантские организации, считая, что некоторые политические шаги правительств или конкретных политиков вели к сближению с Советской Россией, не стеснялись

прибегать к прямым протестам, выразившимся в обращениях к балканским или европейским общественным институтам. Так, например, в декабре 1929 г. Общество русских ученых в Королевстве СХС отреагировало на переговоры, проводившиеся британским правительством Д. Ллойд Джорджа с большевиками, официальным письмом, выражающим протест против этих переговоров и направленным ректорам университетов в Оксфорде и Кембридже¹⁰.

Само присутствие русских беженцев на Балканах их политические лидеры считали своего рода символическим предупреждением местным властям о той опасности, которая угрожает со стороны большевиков. Например, когда радикалы Н. Пашича в начале 1925 г. заняли твердую антибольшевистскую позицию, не принимая политический вызов С. Радича, желавшего сближения с СССР, бывший русский посланник В.Н. Штрандтман эту перемену оценил следующим образом: «Прежние безумные мысли о какой-то необходимости ради каких-то политических и экономических выгод протянуть руку красной Москве сменились более трезвым сознанием и пониманием действительной сущности большевизма и его методов работы»¹¹.

Среди эмигрантов встречались и другие взгляды на ситуацию в России. Республиканские и либеральные политические силы дореволюционного периода, и прежде всего эсеры и кадеты, имели несколько иную позицию. Они критиковали большевиков за положение народа в СССР, но в той же мере обвиняли в этом и дореволюционный монархический режим. Понятно, что их оценки не были критическими, когда речь шла о деятельности республиканских сил, собранных во Временном правительстве. Так, например, председатель Земгора Ф.Е. Махин в своем обращении к правительству Королевства СХС подчеркивал: «К сожалению, русская революция перешла границы исторически необходимого: ее судьба попала в руки политической партии, которая поставила на последнее место интересы России и русского народа, а на первое место выдвинула задачу использовать русскую революцию для разжигания пожара мировой революции. В этом пожаре роль России — быть угольком, который разожжет огонь, а сам превратится в пепел. Что ожидает Россию после их экспериментов, вожди большевизма прекрасно знали, но это им не мешало <...> Защитники русской демократии, которым были одинаково чужды и идеология, и практика абсолютизма, с одной стороны, и режим коммунистической диктатуры, с другой стороны, уверены, что идея демократии в конце концов победит...»¹²

Большевики, в свою очередь, уже в первые годы после захвата власти были гораздо более радикальны по отношению к тем, кто уехал из страны. Это ясно выражалось в личных высказываниях вождей большевизма, в речах и пропаганде, и, вероятно, наиболее заметно отразилось в области законодательства.

Верхние слои советского руководства относились к русской эмиграции с презрительностью и неуважением. При этом в начале 1920-х годов В.И. Ленин неоднократно подчеркивал, что тот факт, что остатки врангелевской армии были не до конца разбиты и находились рядом с границами страны, таил в себе опасность для Советской России¹³. Вышеприведенная позиция лидера советских большевиков, несомненно, отразилась и на общем отношении Советского государства к тем людям, которые уехали из страны во время Гражданской войны. Ряд правовых актов советской власти ограничивал или

даже отменял гражданские права эмигрантов. Важнейшим среди этих постановлений был декрет ВЦИК и СНК от 15 декабря 1921 г., согласно которому гражданства лишились все лица, которые «без одобрения Советской власти» покинули Россию после государственного переворота 7 ноября 1917 г.¹⁴, вследствие чего эмигранты практически потеряли возможность вернуться на родину. Но Ленин не останавливался на этом. В мае 1922 г. во время дискуссии по проекту Уголовного кодекса РСФСР на заседании Политбюро ЦК партии он предложил расстреливать всех, кто вернется в Россию из-за границы без разрешения советских властей. Таким образом, между эмигрантами и их родиной была возведена непроходимая стена. Эта стена была окончательно укреплена решением ЦИК и СНК СССР от 13 ноября 1926 г. о лишении гражданства СССР следующих лиц: бывших военнопленных, интернированных солдат царской и Красной армии, амнистированных лиц, служивших в белых армиях или участвовавших в контрреволюционных выступлениях, которые находились за границей и «пропустили сроки регистрации»¹⁵. Таким образом, даже те люди, которые до этого могли вернуться на родину, практически потеряли эту возможность. Нетерпимую и крайне радикальную политику дополняют и пропагандистские высказывания партийных лидеров, в которых выражалась нескрываемая ненависть и отсутствие какой-либо толерантности к эмигрантам.

В сентябре 1919 г. Ленин в ответ на просьбу М. Горького защитить интеллигенцию от преследований и гонений грубо заявил: «Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно»¹⁶. Полностью поддерживая позицию Ленина, партийные круги Советской России в начале 1920-х годов последовательно проводили политику нетерпимости к интеллигенции. Так, например, в течение 1922 г. была изгнана целая группа (200 человек) ведущих российских мыслителей. На одном корабле, позднее получившем название «философский пароход», из страны уехали Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Ф.А. Степун, Л.П. Карсавин, Е.Д. Кускова и многие другие¹⁷. Вскоре в Москве поняли, что такие преследования интеллигенции могут отрицательно отразиться на развитии промышленности. В то время, когда В.И. Ленин был еще жив, Ф.Э. Дзержинский, глава ЧК, призвал к возврату части изгнанных интеллигентов¹⁸. Оценивая ситуацию как крайне серьезную, Политбюро приняло решение разрешить возврат русских специалистов из эмиграции и их трудоустройство, но в то же время ЧК получила приказ «организовать разложение белогвардейской эмиграции и использование некоторых ее представителей в интересах советской власти»¹⁹. Изменение политики государственной верхушки СССР по отношению к эмигрантам не ослабило чувства нетерпимости и ненависти, а лишь расширило фронт борьбы с «белыми». В непримиримую борьбу теперь включились местные коммунисты и специальные службы ЧК и ГПУ, их иностранные отделы.

Мнение высшего руководства партии большевиков, что в изгнании находятся контрреволюционные силы, непримиримые враги «нового, справедливого мира», неизбежно отразилось и на поведении коммунистов на местах. Еще в апреле 1921 г. Ленин обратил внимание на то, что иностранные коммунисты в тех странах, где находились русские беженцы, должны были бы орга-

низовать за последними систематическое наблюдение, сравнивать и изучать внутреннюю организацию эмигрантов и способы, которыми «они пользуются для создания угрозы советской власти». Вскоре после этого на Третьем конгрессе Коминтерна Ленин попросил «иностранных товарищей специально заняться этим вопросом»²⁰. Его призывы оказались услышанными.

Директивы Москвы на Балканах были восприняты коммунистами Югославии и Болгарии крайне серьезно. В начале 1920-х годов, во время прибытия русских беженцев в Королевство СХС, местные коммунисты организовали ряд демонстраций против приема «белых». Иногда доходило и до физических расправ. Самый крупный инцидент произошел в декабре 1920 г. в городке Борово (который до 1918 г. входил в состав Австро-Венгрии), когда группа местных коммунистов встретила на вокзале беженцев, которые, по плану Государственной комиссии, должны были быть размещены в городе и его окрестностях, разбросала их вещи и угрожала смертью всем, кто попадет на глаза²¹. В свою очередь болгарские коммунисты организовали куда более серьезные политические нападки на беженцев. В начале 1920-х годов, будучи второй по значению парламентской партией, они часто развязывали парламентские дебаты с требованием изгнать из страны не только части Русской армии, но и всех беженцев. Весной 1922 г., когда началось определенное сближение властей Софии и Москвы, болгарские коммунисты организовали массовые демонстрации в стране под единым лозунгом: «Врангелевцы — вон из Болгарии!»²²

Акции местных коммунистов сопровождала деятельность специальных советских разведывательных и контрразведывательных служб, которые старались организовать сеть своих агентов в рядах эмигрантов. Агентурная деятельность координировалась из трех центров: ЧК (агентурная сеть тайной полиции), Военсовета (военные разведчики) и Коминтерна (партийная разведывательная структура). Большевицкая агентурная сеть на Балканах была очень разветвленной и имела многочисленные задачи. В том случае, когда речь шла об эмигрантах, задачи большевицкой агентуры имели много аспектов: организация просоветской агитации, вербовка отдельных лиц, в особенности военных, с тем чтобы ослабить офицерский корпус Русской армии, проведение конкретных акций, направленных против эмигрантов, например покушений, заброска провокаторов в важные эмигрантские организации, сбор информации об эмигрантах и т.д.²³

Взаимная враждебность эмигрантов и большевицких властей в Москве оставалась в той или иной мере константой политической жизни русского зарубежья на протяжении всего межвоенного периода. Однако с течением времени происходили более или менее значительные изменения, которые косвенно влияли и на эти взаимоотношения. Большевицкий режим отказался от идеи мировой революции и ощущал себя все более уверенно. С другой стороны, беженцы постепенно теряли иллюзии, что могла произойти какая-либо вооруженная акция мощных государств, которая помогла бы им вернуться в Россию и свергнуть большевиков. Это, конечно же, не означало прекращения борьбы со стороны непримиримых противников. Напротив, борьба эта развивалась и далее, что наглядно доказывают похищения Кутепова и Миллера.

Перед началом Второй мировой войны, когда политическая ситуация в Европе резко обострилась, в эмиграции произошел специфический раскол политического фронта борьбы с большевиками.

«РОДИНА В ОПАСНОСТИ», ИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ «ОКОНЧАТЕЛЬНО РАССЧИТАТЬСЯ»: ВЗГЛЯДЫ КОНЦА 1930-х ГОДОВ

Поляризация политической жизни Европы радикально отразилась и на взглядах эмигрантской политической элиты. Ситуация дополнительно усложнилась с выходом на политическую арену нового поколения. Близость и вероятность грядущей войны усилила раскол внутри эмигрантской колонии. Одни видели в войне шанс на свержение большевиков, что сделает возможным «возвращение домой», а другая часть эмигрантов считала, что (вероятное) нападение на Советский Союз на самом деле является реальной угрозой для их родины. В этом расколе эмиграцию и застала война.

Накануне войны, осенью 1938 г., монархические организации провели «Белый съезд». Одним из основных вопросов в повестке дня было, конечно, рассмотрение ситуации, сложившейся в Советском Союзе. В заключение собравшиеся несколько наивно выразили уверенность в неизбежности внутреннего переворота и свержения большевиков в результате массового недовольства. Грядущую войну рассматривали в другом ключе: «Советский строй в России вступил в период острого кризиса. Хозяйственная противоестественность коммунизма и бессмысленное инвестирование советского капитала привели страну в экономический тупик <...> ни террор, ни мелкие уступки, занимающие хозяев, не помогут. Все это завершается кризисом в партии и кризисом в армии <...> Отсрочить окончательное крушение коммунизма могла бы только новая мировая война и новые могущие возникнуть из нее вспышки мирового большевизма. Сталин знает это и добивается этой отсрочки любой ценой <...> Это усиление террора захватывает не одних коммунистов, но всю страну <...> Бессмыслие коммунизма запутывается в бессмыслии террора <...> Страх имеет свой предел, после которого паника охватывает самих террористов. Тогда русский народ приступит к ликвидации коммунизма и к самоосвобождению. К этому часу мы должны быть готовы... Итак: национальная Россия заинтересована отнюдь не в “интервенции”, но в быстром назревании внутреннего переворота и самостоятельного внутреннего возрастания. А в дальнейшем ее может спасти только национальная диктатура, не опирающаяся ни на какие иностранные штыки»²⁴. Такой подход во многом был утопическим, хотя отрицал идею использования возможной мировой войны для свержения большевиков и захвата власти.

Рядовые эмигранты не входили в эти тонкости. Порою ненависть мutilа разум, даже несмотря на серьезную опасность войны, угрожавшей всей Европе. Все, что исходило от СССР, просто вызывало отторжение. Прибытие советской миссии в Белград в 1940 г. привело к установлению культурных связей между Югославией и СССР. Одним из первых символических шагов на этом пути была демонстрация фильма «Волга — Волга». Конечно же, русские

эмигранты из любопытства или ностальгии шли смотреть этот образец советского искусства. Тем, кому фильм понравился, как, например, известному режиссеру Ю.Л. Ракитину, друзья с упреком говорили: «Да, хорошо играют и весело, но как можно восхищаться игрой и актерами, когда там существуют концентр<ационные> лагеря»²⁵. Ракитин видел в таких высказываниях ослепленность ненавистью к большевикам (несмотря на то что, по его мнению, они «все же достойны ненависти») и радикализм, не приемлемый в то время, когда уже вся Европа была покрыта концлагерями.

Политико-художественный раскол среди друзей по поводу фильма «Волга — Волга» наглядно показывает разделение в среде эмигрантов на «оборонцев» и «пораженцев»²⁶ в трагические дни перед нападением Германии на Советский Союз. Часть эмигрантов старалась сгладить существовавший раскол. Одна из политических групп второго поколения, Национальный союз нового поколения, непосредственно накануне начала войны выдвинула лозунг: «Не со Сталиным и не с Гитлером, а с нашим народом». В годы войны эта группа вела нелегальную националистическую работу на территориях, оккупированных Третьим рейхом, а часть членов вступили в Русскую освободительную армию генерала А.А. Власова²⁷.

Другая группа, в которую входили желавшие большевикам поражения в грядущей войне, считала важнейшим свержение диктатуры Сталина, что могли бы осуществить немцы, а уж после этого народ России сам расправится с иностранными захватчиками²⁸. После нападения Германии на Советский Союз группа журналистов, поддерживавших вторую точку зрения, обратилась к русским эмигрантам в оккупированной Сербии: «22 июня <1941> наконец пришел час, которого начиная с 1917 года ожидают все национально мыслящие русские. 22-го начался последний, решающий бой нового мирового порядка с иудо-большевизмом, который поработил Великую Россию... Не верьте, что Германия Адольфа Гитлера идет “завоевывать Россию”. Вождь немецкого народа ясно и открыто заявил, что он не враг русского народа, что Германия никогда не была неприятелем России и что война ведется исключительно против жидовско-большевистских узурпаторов в Москве <...> Все на борьбу против жидов и коммунистов <...>»²⁹ Это мнение не находило понимания среди простых людей в Сербии, которые вполголоса укоряли русских эмигрантов, задавая себе вопрос: «Почему русская эмиграция, по крайней мере теоретически, а то и некоторыми действиями встает на сторону Германии в этой войне?» На это отдельные русские отвечали следующим образом: «Вы, сербы, так ненавидите немцев, что вы бы боролись с ними и в союзе с самим дьяволом; а мы, русские, так ненавидим коммунизм, что боремся с ним плечом к плечу с другим дьяволом, с немецким нацизмом»³⁰. Большинство сторонников этой идеи во время войны сплотились в Русский охранный корпус, который, несмотря на желания и надежды, не был направлен на Восточный фронт, чтобы бороться с большевиками, а остался в оккупированной Сербии в качестве вспомогательной немецкой части.

С другой стороны, «оборонцы» считали, что в столкновении Гитлера и Сталина важнее всего победа над Германией, после чего Сталин будет вынужден пойти на некоторые уступки. Благодаря этим уступкам, как предполагали они, народ поднимет голову и коммунизм постепенно изменится³¹. Интересно, что «оборонцы» в основном выходили из рядов младороссов, которые в

1920-х и начале 1930-х годов заигрывали с фашизмом. Свою новую позицию младороссы начали выражать чуть позже, после прихода Гитлера к власти. Во все более накалявшейся атмосфере дело доходило и до скандалов. Один из них 5 марта 1934 г. на открытом собрании на тему «О международном положении России» вызвал известный активист младоросского движения И.И. Толстой, внук Л.Н. Толстого. На собрании присутствовала элита эмигрантского общества: В.Х. Даватц, В.В. Шульгин, Е.А. Жуков, А.И. Ксюнин и др. Вводную речь произнес П.Б. Струве. После него слово взял Толстой и прямо заявил, что в грядущей возможной войне эмиграция должна встать в ряды защитников России. Поначалу это вызвало замешательство, а потом и резкую реакцию собравшихся, из зала доносилось: «Вон!» — а председатель Даватц прервал Толстого и удалил его с трибуны. Пресса оценила произошедшее как скандал, сопроводив его описание недвусмысленными заголовками вроде «Русские выбросили внука Толстого из *Русского дома*»³². Большинство младороссов во время и особенно после Второй мировой войны вернулись в Советский Союз. Среди них были И.И. Толстой и основатель движения А.Л. Казем-Бек.

И все же, невзирая на всю ненависть и нетерпимость, несмотря на тот факт, что политические разногласия стали причиной их беженской доли, политические страсти, и в особенности междоусобные ссоры и конфликты, привлекали небольшую часть беженцев. Тем более что эмигрантская политическая элита, несмотря на огромную энергию, потраченную на междоусобицы, ссоры и выяснение, кто прав и кто единственный способен успешно решить все задачи, показала очевидную неспособность выполнить свою основную цель — обеспечить возврат на родину. Большинство эмигрантов воздерживались от политической ангажированности, заботясь об обеспечении самого основного для выживания и стараясь не слишком выделяться из политических и общественных условий жизни в новых государствах.

В марте 1940 г. ту безнадежную ситуацию, в которую попали эмигрантские политические элиты, на собрании, проходившем под названием «Что ожидает Россию?» в Русском доме в Белграде, сжато описал К.Н. Николаев: «За 20 лет эмиграции ее руководящие круги не выработали линии своего поведения на случай изменения политической обстановки в мире и сдвига в связи с этим России с той точки, к которой приковали ее большевики. Поэтому возобновление мировой войны застало эмиграцию неподготовленной и растерянной. Это усложнилось еще и тем, что разделенная между воюющими и нейтральными странами эмиграция в силу необходимости оказалась обязанной подчиняться настроениям стран своего пребывания»³³.

Политическая жизнь в изгнании проходила под знаком парадокса: занятие политикой было бесплодно и обречено, но без политических перемен в России для этих людей туда не было возврата, поскольку они именно из-за своего политического радикализма оказались в изгнании. Такая политика вела в тупик. Вызвав массовую эмиграцию из страны, она не могла изменить статус беженцев и эмигрантскую повседневность десятков и сотен тысяч человек.

Поэтому русский человек в эмиграции обращался к реальному миру вокруг себя. К личным повседневным проблемам и новой среде, которая предъ-

являла свои законы и требования. В этой ситуации особенно помогло как ощущение принадлежности к определенной группе, так и общественные организации, возникшие в эмиграции. Все это формировало историческую сущность феномена русской эмиграции.

¹ Грицкат И. У лебдивом ходу. С. 43.

² Эти документы П.Н. Врангеля 1922 г. см. в кн.: *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля. С. 107, 110.

³ См.: *Коренчевский В.Г.* Доклад <...> IV-му съезду представителей русских академических организаций за границей // Деловое объединение русской эмиграции. Прага, 1928. С. 3.

⁴ Национальный союз нового поколения. Белградское отделение. Открытое собрание; 4 июня 1935 г. // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 907. Л. 20.

⁵ *Врангель П.Н.* Обращение от 4 июля 1922 г. // *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля. С. 107.

⁶ См.: Послание митроп. Антония от имени Русского Всеамериканского Церковного Собора // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 42.

⁷ *Жуков Е.* Результаты «ленинизма» // Вестник Главного правления Общества галлиполийцев. Белград, 1924. С. 52.

⁸ *Врангель П.Н.* Приказ от 9 декабря 1920 г. // *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля. С. 94.

⁹ *Врангель П.Н.* Приказ от 4 апреля 1921 г. // Там же. С. 99.

¹⁰ *Хвостов А.А.* Общественная, умственная и политическая жизнь русских беженцев в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, декабрь 1920 г. // Hoover. Paleologue. 029.44.

¹¹ В.Н. Штрандтман — М.Н. Гирсу, 25 апреля 1925 г. // Hoover. Girs. 48.4.

¹² Ф.Е. Махин — Правительству Королевства СХС, 20 ноября 1924 г. // АЖ. Збирка В. Јовановића-Марамбоа. Ф. 20.

¹³ *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. С. 27.

¹⁴ *Тарле Г.Я.* Эмиграционное законодательство России до и после 1917 года: (Анализ источников) // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX—XX веках. С. 31.

¹⁵ Протокол заседания Президиума ЦИК СССР, 13 ноября 1925 г. // ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 13. Ед. хр. 3. Л. 205—205 об.

¹⁶ *Волкогонов Д.А.* Ленин: Политический портрет: В 2 кн. М., 1994. Кн. 2. С. 184.

¹⁷ Очень показательны размышления и объяснения Ленина в связи с этими преследованиями: «т. Сталин! К вопросу о высылке из России меньшевиков, народных социалистов, кадетов и т.п. я бы хотел задать несколько вопросов ввиду того, что эта операция, начатая до моего отпуска, не закончена и сейчас. Решено ли “искоренить” всех этих энесов? <...> По-моему, всех выслать <...> Тоже А.Н. Потресов, Изгоев и все сотрудники “Экономиста” <...> Меньшевики Розанов (врач, хитрый) <...> Н.А. Рожков (надо его выслать; неисправим); С.Л. Франк (автор “Методологии”). Комиссия под надзором Манцева, Мессинга и др. должна представить списки, и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго <...> Озеров и все сотрудники “Экономиста” — враги самые беспощадные. Всех их — вон из России. Делать это надо сразу. К концу процесса эсеров, не позже. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов — выезжайте, господа! Всех авторов “Дома литераторов”, питерской “Мысли” <...>» // Там же. С. 185—186.

¹⁸ В августе 1923 г. он обратился к Политбюро с письмом, в котором высказал следующую оценку: «За границей имеется ряд довольно крупных русских специалистов, тяготящихся условиями своей жизни и желающих вернуться в Россию и работать. А мы бедны спецами. Самые лучшие у нас спецы — это полученные и почему-либо не расстрелянные от Колчака, Деникина и Врангеля» // Там же. С. 191.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. С. 243—244.

²¹ АЖ. МУП КЈ. 14. 224.801.

²² *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. С. 44.

²³ О деятельности большевистской агентуры на Балканах в начале 1920-х гг. подробнее см.: *Jovanović M.* Boljševička agentura na Balkanu 1920—1923: (Teze o organizaciji, strukturi, planovima i praksi) // Istorija 20 veka. Beograd, 1995. Knj. 2. S. 37—50.

²⁴ Резолюции съезда русских белых организаций, август — сентябрь 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-5942. Оп. 5. Ед. хр. 133. Л. 1.

²⁵ *Арсеньев А.* Ракитин међу руским емигрантима // Зборник Матице Српске за сценске уметности и музику. Нови Сад, 1995. Књ. 16/17. С. 259.

²⁶ На службе России. Народно-трудовой союз. С. 22.

²⁷ Там же. С. 24–29.

²⁸ Там же. С. 24.

²⁹ Русские журналисты в Сербии — русскому народу и русской эмиграции // ИАБ. Зшт. ж. к 194.

³⁰ *Грицкат И.* У лебдивом ходу. С. 191.

³¹ На службе России: Народно-трудовой союз. С. 22.

³² *Ђурић О.* Руска литерарна Србија... С. 186. То же событие описано на основании воспоминаний Н.И. Толстого, сына Ильи Ильича: *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). С. 126–127; *Он же.* Русская Югославия: Фрагменты истории 1919–1944 // Славяноведение. М., 1992. № 4. С. 30.

³³ *Николаев К.Н.* Что ожидает Россию // Русский голос. Белград, 1940. 17 марта (цит. по: *Арсеньев А.* У излучины Дуная... С. 79–80).

ΓΡΥΠΠΑ

Генерал-лейтенант П.Н. Врангель издал 11 ноября 1920 г. известный приказ об оставлении Крыма: «Русские люди! Оставшаяся одна в борьбе с насильниками, Русская армия ведет неравный бой, защищая последний клочок Русской земли, где существует право и правда. В сознании лежащей на мне ответственности, я обязан заблаговременно предвидеть все случайности. По моему приказанию уже приступлено к эвакуации и посадке на суда в портах Крыма всех, кто разделял с Армией ее крестный путь, семей военнослужащих, чинов гражданского ведомства с их семьями и отдельных лиц, которым могла бы грозить опасность в случае прихода врага <...> Для выполнения долга перед Армией и населением сделано все, что в пределах сил человеческих. Дальнейшие наши пути полны неясности. Другой земли, кроме Крыма, у нас нет. Нет и государственной казны. Открыто, как всегда, предупреждаю всех о том, что их ожидает. Да ниспошлет Господь всем силы и разум пережить и одолеть русское лихолетье. *Генерал Врангель*»¹. В течение следующих пяти дней, до 16 ноября 1920 г., «145 693 человека, не считая судовых команд»² погрузились на 126 кораблей, яхт, барок, шхун и других плавающих средств. Гражданская война на юге России была закончена. Если до тех пор и были еще некоторые надежды, то после 16 октября 1920 г. больше не было сомнений в перспективах людей, оставивших Россию. Именно тогда началась завершающая фаза формирования русской эмиграции. Сценой ее основных событий начала 1920-х годов стали Балканы.

Четыре элемента оказались решающими для структурно-исторического аспекта русской эмигрантской группы на Балканах: ее формирование, размер, состав и, наконец, факторы, которые сделали возможным идентифицировать эту разрозненную массу людей как единую социальную группу.

ФОРМИРОВАНИЕ

Эвакуация Крыма явилась последним и наиболее массовым исходом населения с юга России. Она завершила почти двухлетний организованный процесс переселения из страны значительного числа людей. В ходе трех крупных волн переселения и сложилась русская группа эмигрантов на Балканах. Этот процесс начался в апреле 1919 г. после поражения и отступления войск интервентов, которые вместе с антибольшевистскими русскими армиями сражались против большевиков во время Гражданской войны. Вторая волна эмигрантов появилась на Балканах менее года спустя, в течение января—марта 1920 г., после поражения Добровольческой армии под командованием А.И. Деникина. Третья волна миграции последовала после поражения Русской армии П.Н. Врангеля и эвакуации крымских портов в ноябре 1920 г.

Все остальные движения беженцев на Балканах представляли собой лишь внутренние миграции. Правда, и после этого времени мелкие группы русских эмигрантов попадали в балканские страны, но их уже нельзя отнести к организованным массовым волнам.

Однако и до весны 1919 г. на Балканах проживали некоторые граждане России. В их числе можно назвать:

1. Военнослужащих Русской императорской армии — бывших военнопленных (Австро-Венгрии, Германии и Болгарии). В первое время (1918—1919 гг.) на Балканах находилось сравнительно большое число бывших военнопленных: в Королевстве СХС — 4—5 тыс.³, в Болгарии — около 5 тыс.⁴; в Румынии — несколько сотен или тысяч⁵; в Константинополе — около 50 человек⁶. В это время на Балканах собирались и новые русские военнопленные из других европейских государств, главным образом из Германии. Так, например, в январе 1920 г. из Германии через Францию в Болгарию пришла группа из 1100 бывших военнопленных⁷. Во время Гражданской войны многие из них вернулись в Россию, в связи с чем в начале 1920 г. из этой группы на Балканах осталось лишь несколько сотен человек⁸. Из этого числа около 200 более или менее постоянно проживали в Югославии, точно 45 человек в Константинополе, определенное число (которое, по словам современников, было «невозможно перечислить») в Румынии и также неизвестное количество в Болгарии, которые в этой стране приобрели родственные и экономические связи и «полностью включились в жизнь новой страны»⁹.

2. Бывших дипломатических представителей Российской империи. Эта сравнительно небольшая по численности группа имела огромное значение в процессе переселения русских на Балканы. Именно они защищали интересы беженцев перед правительствами балканских стран. В начале 1920-х годов такими представителями в балканских столицах являлись: в Афинах — Е.П. Демидов, бывший посланником в Греции еще до Первой мировой войны¹⁰; в Бухаресте — С.А. Поклевский-Козелл (также занимал этот пост еще до начала Первой мировой войны)¹¹; в Константинополе — А.А. Нератов, назначенный на эту должность Деникиным в апреле 1920 г.¹²; в Софии — А.М. Петряев¹³; в Белграде — В.Н. Штрандтман¹⁴.

3. Солдат, воевавших на Салоникском и Румынском фронтах (тех из них, кто не успел или не захотел вернуться в Россию после 1917 г.).

4. Единичных беженцев, покинувших Россию после событий октября 1917 г.

Общая численность представителей всех четырех групп составляла оценочно 1000 человек. Большинство из них во время Гражданской войны вернулись на родину, некоторые покинули Балканы и переселились в другие европейские государства. Для правительств балканских стран такое число эмигрантов серьезной проблемы не представляло. Осложнения начались с появлением первой организованной эмигрантской волны.

ИЗГНАНИЕ

Первая эмиграционная волна (весна 1919 года)

Массовый и организованный исход из России начался за 20 месяцев до того, как 150 тыс. человек под предводительством генерала Врангеля отправились из крымских портов в изгнание.

Первая значительная группа беженцев (15–20 тыс. человек) организовано покинула Россию в период с 3 по 6 апреля 1919 г. из района Одессы. Это было следствием провала французской интервенции на юге России, начавшейся 19 декабря 1918 г.

После короткого визита главнокомандующего союзниками на востоке генерала Л.Ф. Франше д'Эспре в Севастополь и Одессу в конце марта 1919 г. и его вывода о том, что для успеха интервенции в Гражданской войне в России потребовалось бы до 500 тыс. французских солдат и миллиарда французских франков, официальный Париж 1 апреля 1919 г. приказал Франше д'Эспре эвакуировать Одессу¹⁵. Об этом решении французы не сообщили даже главнокомандующему Добровольческой армией на юге России А.И. Деникину¹⁶. Генерал Ж. д'Ансельм, заместитель Франше д'Эспре и командующий войсками союзников на юге России, уже 2 апреля издал приказ об эвакуации Одессы в течение 48 часов. Для жителей города это решение было абсолютно неожиданным. Самой важной задачей французы считали эвакуацию французских, греческих и румынских военнослужащих. Французские и греческие солдаты 5 и 6 апреля на кораблях отправились к Константинополю, румынские — к Констанце¹⁷.

Гражданское население и русских солдат, также собиравшихся покинуть Одессу, французское командование направило: в Новороссийск (к Деникину); в Константинополь; в Констанцу (Румыния). Эта группа покинула Россию пешим ходом¹⁸.

В Константинополь прибыло несколько тысяч человек¹⁹. Среди русских, покинувших Одессу вместе с французскими войсками, находился глава местной администрации генерал А.В. Шварц, а также церковные иерархи — митрополит Херсонский и Одесский Платон, архиепископ Кишиневский и Хотинский Анастасий и архиепископ Минский и Туровский Георгий, банкиры Гальперин и Ашкенази²⁰. В группе, которая оказалась в Румынии, было

12 330 военнослужащих из бригады генерала Н.С. Тимановского и несколько тысяч гражданских беженцев. Все они прошли через приемный пункт в городе Тульча²¹. Французское командование намеревалось переправить их к А.В. Колчаку в Сибирь. Большинство этих людей действительно в скором времени покинули территорию Румынии в результате целенаправленной политики румынских властей²². Часть солдат и офицеров подчинились приказу А.И. Деникина от 28 мая 1919 г. о возвращении всех военнослужащих в ряды Добровольческой армии²³. Другая часть этой группы переселилась частично в Югославию в середине мая 1919 г. (1600 человек²⁴) и частично — в Болгарию осенью 1919 г. (около 1000 человек²⁵). Сразу по прибытии этой группы в 1919 г. румынские власти запретили прием новых групп беженцев в страну²⁶. Это решение в дальнейшем резко отрицательно сказалось на отношении румын к русским беженцам вообще.

Важной особенностью первой организованной группы беженцев, которая появилась на Балканах, является высокое миграционное движение. Поэтому в начале 1920-х годов только несколько сотен человек из этой группы проживали в Румынии и несколько сотен — в Болгарии и Королевстве СХС. К середине 1920-х годов на Балканах их осталось от одной до двух тысяч.

Вторая эмиграционная волна (зима—весна 1920 года)

Эвакуация вследствие поражения Вооруженных сил Юга России (Добровольческой армии генерала Деникина) началась 7 февраля. За два дня до этого генерал Н.Н. Шиллинг, опираясь на полученные главнокомандующим и Антантой гарантии от 31 января со стороны правительства Румынии, что оно не будет препятствовать переброске беженцев через свою территорию, подписал приказ о пешей эвакуации из Одессы в направлении Румынии. Второй этап начался почти два месяца спустя, 26—27 марта 1920 г., и закончился стихийной и трагической эвакуацией Новороссийска.

Эвакуация Одессы

Генерал Деникин учитывал возможность поражения своей армии и старался заранее обеспечить и скоординировать эвакуацию войска и населения с территорий под его командованием. Еще в конце 1919 г. он начал переговоры с правительствами Югославии и Болгарии о временном приеме этими странами больных, раненых и инвалидов. Дипломатические усилия дали положительные результаты, и первые небольшие группы были отправлены в Болгарию²⁷.

В январе 1920 г. правительства Королевства СХС и Болгарии дали принципиальное согласие принять беженцев с юга России. 24 января белградское правительство приняло официальное решение о приеме 8 тыс. беженцев²⁸. Для организации помощи этим людям был учрежден специальный Государственный комитет²⁹. Правительство Болгарии 9 февраля объявило об аналогичном решении, тем самым подтвердив неофициальное соглашение от 29 января³⁰. Для организации приема был учрежден Русско-болгарский культурно-благотворительный комитет, который возглавил митрополит Стефан³¹.

Переброска людей, прежде всего в Болгарию, началась сразу после принятия политических решений. Только в течение января в Болгарию через порт Варна было эвакуировано около 2500 человек, в их числе — воспитанники школ, двух девичьих институтов, Донского кадетского корпуса³². К концу января первые группы беженцев появились и в Югославии. Они перебрасывались через греческий порт Салоники и дальше поездом через Гевгели³³.

Кроме Югославии и Болгарии беженцев направляли в Константинополь и на острова Средиземноморья — Лемнос, Кипр, Принцевы острова³⁴. Часть беженцев (6 тыс. человек) были в течение весны 1920 г. отправлены в британские военные лагеря в Египте³⁵.

Морская эвакуация в январе—феврале 1920 г. в целом прошла благополучно, чего нельзя сказать об эвакуации сухопутной. Вопреки существовавшим договоренностям переброска 13 тыс. человек из района Одессы на территорию Румынии обернулась трагедией³⁶. 5 февраля 1920 г., когда эта группа приблизилась к румынской границе у крепости Овидиополь, власти вопреки прежним договорам и гарантиям объявили об отказе в их приеме. Первый трагический инцидент произошел 10 февраля: румынские пограничники встретили огнем минометов и пулеметов несчастных мальчишек-кадетов и персонал Одесского кадетского корпуса, которые шли к румынской крепости Аккерман по замерзшему устью Днестра. На следующее утро почти все беженцы двинулись по льду к крепости. Но до конца дня румынские власти пропустили в крепость только иностранцев, находившихся в составе группы, и часть кадетов, а остальных оставили ждать на льду всю ночь. На следующий день власти отказались принять оставшуюся часть кадетов и официально «выдворили» их из страны³⁷.

После этого ответственный за эвакуацию генерал Васильев решил пробиться с 12 тыс. человек к Тирасполю и там, в соответствии с достигнутыми договоренностями, попытаться переправить их на территорию Румынии. Колонна беженцев растянулась почти на семь километров и по двенадцатиградусному морозу пешком шла трое суток, почти не останавливаясь, без отдыха и пищи. Но до Тирасполя они так и не добрались. Их продвижение было прервано у немецкой колонии Кандель на русской территории в результате прорыва большевистских отрядов Ф.Я. Левензона и кавалерии под командованием Г.И. Котовского. На заседании высших чинов армии было принято решение предпринять попытку перейти Днестр и пробиться на территорию Бессарабии, к деревне Раскаец. Тогда и произошел новый трагический эпизод. Румынские войска вновь открыли огонь по беженцам, запретили бессарабскому населению принимать и помогать несчастным людям, выгоняли раненых... Во время всеобщей сумятицы, когда румынские войска стреляли с одной, а большевики — с другой стороны, погибло большое количество людей, а генерал Васильев застрелился на льду на середине Днестра.

В итоге из 13 тыс. человек, которые в соответствии с договорами и гарантиями с румынской стороны пошли пешком из Одессы в изгнание, на территории Румынии оказалось лишь 1800 (14% всей группы). Большинство из них в апреле—мае 1920 г. румынское правительство переправило в Югославию и Болгарию³⁸.

Эвакуация Новороссийска

Эвакуация Новороссийска 26–27 марта 1920 г., несмотря на всю подготовку, которая велась командованием армии, проходила в обстановке хаоса и паники. В результате внезапного прорыва фронта у Новороссийска армия и гражданские лица хлынули в город. 11 марта было принято решение об эвакуации. В течение двух дней, 12–13 марта, производилась спешная посадка на пароходы. Но командование не смогло обеспечить места для всех, кто искал спасения в отъезде из России. Обезумевшие люди штурмовали стоявшие у причалов пароходы. В городе царил хаос, болезни, смерть. Семьи разлучались, были отмечены случаи самоубийства, некоторые в отчаянии пытались вплавь достичь одного из уходящих кораблей³⁹.

Отправка беженцев осуществлялась в тех же самых направлениях, как и в январе–феврале: в Югославию, Болгарию, Константинополь, некоторые были размещены на островах Средиземноморья и в Египте. Основная часть армии направилась в Крым и присоединилась к Врангелю, чтобы продолжить борьбу.

Эвакуация в Югославию проводилась в соответствии с решением правительства от 28 января принять 8 тыс. беженцев. Основная часть беженцев прибыла сюда в течение марта и апреля 1920 г., однако въезд отдельных групп продолжался до июня включительно. Всего с января по июнь в Югославию переправилось 7–8 тыс. эмигрантов⁴⁰. В Болгарию, также в соответствии с решением правительства страны от 9 февраля, все беженские группы были приняты до конца марта. Всего же беженцев этой волны в Болгарию прибыло 8600 человек. Однако многие из них очень быстро покинули Болгарию, и уже к 1 июля того же года из этой группы в стране осталось не более 4 тыс. человек⁴¹.

Переселение в Константинополь, по сравнению с переселением в Болгарию и Югославию, оказалось в гораздо большей степени стихийным. Оккупационные власти Антанты в Константинополе решали вопросы о приеме беженцев по каждой конкретной группе, зачастую определяя место их размещения лишь в последний момент. Поэтому общая картина их расселения оказалась довольно сложной, охватывающей все восточное Средиземноморье. Зимой–весной 1920 г. в сам город было перевезено около 25 тыс. эмигрантов⁴². В то время, в середине апреля 1920 г., турецкие власти предложили союзному командованию удалить русских эмигрантов из Константинополя. Свое предложение они мотивировали серьезными проблемами, с которыми сталкивался город, где присутствовали и русские, и турецкие беженцы (65 тыс.), которые пребывали тут еще со времен Балканских войн. Турецкие власти также жаловались и на проблему безработицы. При этом они значительно преувеличивали число русских беженцев, утверждая, что в Константинополе находится 65–90 тыс. человек⁴³. Но несмотря на эти жалобы, представители Антанты отвергли все предложения о выселении русских эмигрантов из города. Кроме того, еще 13 тыс. человек были эвакуированы на Принцезы острова — Антигону, Принкипо, Халки, Проти (4155 человек); на Лемнос (2 тыс. казаков), на Кипр (1500) и в Египет, в британские военные лагеря в Сиди-Бишир (около 6 тыс.)⁴⁴.

4 апреля в Константинополь прибыл А.И. Деникин. Через два дня, 6 апреля, в здании русского посольства был застрелен начальник генштаба Вооруженных сил Юга России генерал-лейтенант И.П. Романовский (кото-

рого многие считали главным виновником провала борьбы Добровольческой армии). Убийца не был разыскан. После этого случая генерал А.И. Деникин ушел из политической и вообще из общественной жизни⁴⁵.

В течение лета 1920 г. генерал Врангель, который продолжил борьбу в Крыму, издал несколько приказов о пополнении формирований Русской армии офицерами и солдатами, находившимися вне пределов России. Следуя этим приказам, летом 1920 г. около 4 тыс. офицеров и около 5 тыс. гражданских лиц вернулись в Россию⁴⁶.

В итоге зимой и весной 1920 г. из России на Балканы эмигрировало, по разным оценкам, от 35 до 45 тыс. человек. Из этого числа около 25 тыс. было размещено в Константинополе и на островах, 6–8 тыс. — в Болгарии, 7–8 тыс. — в Югославии и около 1800 — в Румынии.

Вместе с существовавшей до их прибытия русской беженской диаспорой на Балканах эвакуация начала 1920 г. послужила основой того уникального явления, которое окончательно сформировалось после падения Крыма в ноябре 1920 г.

Третья эмиграционная волна (ноябрь 1920 года)

В период с 13 по 16 ноября 1920 г. крымские порты на 126 судах покинули, по данным генерала Врангеля, 145 693 человека, не считая экипажей судов⁴⁷, т.е. всего — 148 678 (по британским данным)⁴⁸. До 24 ноября 1920 г. все 126 судов пришли в порты Константинополя, а 27 ноября капитан Бюссон, заместитель начальника второго бюро штаба французской Восточно-средиземноморской эскадры, констатировал, что эвакуация полностью закончена⁴⁹.

Так началось переселение третьей эмиграционной волны на Балканы. Закончилось оно, учитывая переброску армии из района Константинополя в Болгарию и Югославию, в конце 1921 г. Тогда стала ясной и окончательная картина распределения русских беженцев на Балканах.

В то же время четко определились три важнейшие проблемы, связанные с третьей эмиграционной волной:

- 1) организация размещения беженцев, а также благотворительного и медицинского обеспечения их в Константинополе;
- 2) разгрузка Константинополя как политический вопрос;
- 3) проблема армии.

По предварительным французским подсчетам, после поражения армии генерала Врангеля в Константинополе ожидалось прибытие 30 тыс. человек⁵⁰. В действительности их оказалось в пять раз больше — 150 тыс. Среди 150 тыс. беженцев третьей волны, по данным самого П.Н. Врангеля, находилось две трети военных (50 тыс. солдат с фронта, 40 тыс. солдат тыловых частей, 6 тыс. военных инвалидов и раненых, 3 тыс. учеников военных корпусов) и одна треть гражданских лиц (13 тыс. мужчин, 30 тыс. женщин и 7 тыс. детей)⁵¹. По данным советской разведки — 86 тыс. солдат и около 60 тыс. гражданских лиц⁵².

Сосредоточение 150 тыс. человек в портах Константинополя вызвало серьезные организационные проблемы. Французскому командованию — генералам Ш. Шарпи и М. Пеллё, — как и правительству в Париже (Ж. Лейг), пришлось заняться организацией приема беженцев в Константинополе. Одно-

временно власти Франции приступили к дипломатическим переговорам с правительствами балканских стран о принятии максимально возможного числа эмигрантов. В деле организации приема, а также медицинского и благотворительного обеспечения беженцев французы оказались одиноки из-за того, что британское командование и правительство Великобритании отказались от поддержки беженцев. Как заявил британский главнокомандующий в Константинополе Ч. Харингтон, английское «правительство разъяснило, что ответственность лежит только на французах и мы <англичане> не должны оказывать помощь»⁵³.

В порту Мода пришвартовались почти все суда из Крыма (подводные лодки встали на стоянку в порту Сирхеджи). Рядом был организован своего рода приемный пункт на турецких и русских кораблях, которые находились в городе (для 10 тыс. человек). Остальным беженцам пришлось в ужасных условиях скученности, антисанитарии, недостатка продуктов питания ждать разгрузку 108 судов, на которых они добрались до Турции. Те, кому повезло, сошли на берег через пять дней, большинство оставалось на судах гораздо дольше. 19 ноября началось обустройство специальных лагерей для беженцев в Константинополе и его окрестностях (Галлиполи, Мудрос)⁵⁴.

Первым, очень важным политическим вопросом, на котором настаивали британцы, было размещение армии вне окрестностей самого Константинополя (т.е. удаление армии из района проливов). Поэтому французы приняли следующее решение:

— 1-й армейский корпус генерала А.П. Кутепова численностью 29 тыс. человек разместить в ноябре—декабре в районе города Галлиполи с населением 10 тыс. жителей. Состав корпуса был поделен между лагерями Буюк-Дере (Долина Смерти) — 17—18 тыс. человек и Галлиполи — 9—10 тыс.⁵⁵;

— Донской корпус (командующий — генерал Ф.Ф. Абрамов) направить в район Чатадджи. Там в четырех лагерях: Хадем-Кей, Чилинбир, Санджак-Тепе, Кабаджа — было размещено в течение ноября—декабря 19—20 тыс. военнослужащих. С начала 1921 г. солдат отсюда стали переводить в другие лагеря, поэтому в феврале в районе Чатадджи осталось 8729 человек, а в апреле — 2841⁵⁶;

— Кубанский казачий корпус (под командованием генерала М.А. Фостикова) начиная с конца ноября разместить в военных лагерях на острове Лемнос и в городе Мудрос. Разрешение на это после долгих дипломатических переговоров с французами дали британские власти. В этих лагерях насчитывалось 19—20 тыс. человек. В конце декабря их число снизилось до 15—16 тыс. Однако в связи с переводом в этот район в начале 1921 г. части подразделений Донского корпуса из района Чатадджи контингент здесь вновь вырос. В феврале 1921 г. на Лемносе находилось 19 893 человека, в начале апреля — 20 744⁵⁷.

Для гражданских беженцев французское командование в Константинополе организовало три вида приемных пунктов:

— в больницах и госпиталях (Гиль-Хане, Зейтин-Бурну, Йилдыз, Малтепе, Мифара, Паша-Бахче, Селиме), где были размещены 4 тыс. больных и раненых (к концу апреля 1921 г. там осталось 824 человека)⁵⁸;

— семь специально организованных гражданских лагерей (Лан, Канробер, Бернадот, Селиме, Халки, Тузла, Сирхеджи) и тринадцать общежитий (Нус-

кетие, Фламур, Галата, Св. София, Дисдерие, Шах-Заде, Топрак, Махмуд, Нишанташ, Осман-Бей, Фери-Киой, Буюк-Дере, Терапие), где нашли временное пристанище несколько десятков тысяч гражданских беженцев (в апреле 1921 г. в этих лагерях и общежитиях еще находилось свыше 8300 человек)⁵⁹;

— своеобразный «приемный пункт» был организован на кораблях в порту Мода. Работа там велась оперативно. 27 ноября там находилось, по нашим данным, 60 тыс. человек, к 30 ноября осталось 45 тыс.; к 10 декабря — 17 тыс.; 18 декабря деятельность «приемного пункта» в порту Мода была успешно завершена⁶⁰. Тогда французские власти открыли новый «приемный пункт» в порту Бейкоз. Интересно проследить динамику пропуска беженцев в этом пункте: в конце декабря здесь находилось 6 тыс. человек; в январе 1921 г. — 5182; в апреле — 1760 (560 гражданских беженцев и 1200 членов судовых команд)⁶¹.

В этих обстоятельствах с кораблей и из общежитий в город с середины декабря до конца января вышли 16–20 тыс. человек⁶². Появление огромного числа вынужденных переселенцев в Константинополе затруднило их учет. В литературе существуют данные о 190⁶³, 200⁶⁴, 300 тыс. беженцев⁶⁵. Но в действительности беженцев в Константинополе из-за постоянных миграций оказалось меньше. Надо также учитывать, что для Балкан 150 тыс. человек было в то время слишком большим количеством людей (особенно если учесть, что Белграде в 1920 г. насчитывалось 111 739⁶⁶, а в Софии в 1921 г. — 154 025⁶⁷ жителей). Поэтому, если мы хотим определить число русских беженцев в Константинополе, надо учитывать, что из 150 тыс. эвакуированных из Крыма 29 тыс. сразу были перенаправлены в балканские государства, а 6 тыс. — в Бизерту (экипажи судов). Таким образом, фактически в Константинополе осталось 115 тыс. человек. Тем самым в конце 1920 г. общее число русских в городе, включая и предыдущие волны, достигло максимум 167–170 тыс. Однако по различным причинам число русских в Константинополе быстро сокращалось. Уже в первой половине 1921 г. в городе находилось 90–99 тыс.⁶⁸, в конце 1921 г. — только 30 тыс., а по другим данным, даже 11 тыс. русских⁶⁹.

Так закончился процесс переселения русских на Балканы. Все остальное можно рассматривать уже как начало истории жизни русских беженцев на чужбине.

НА БАЛКАНАХ

Сразу после эвакуации Крыма французские власти и генерал Врангель начали вести дипломатические переговоры с правительствами балканских стран по поводу приема максимально возможного количества беженцев (предполагалось перебросить в эти страны 35–40 тыс. человек). Однако полностью на встречу пожеланиям французов и П.Н. Врангеля пошло только правительство Королевства СХС (Югославии).

Разгрузка Константинополя

Белградское правительство дважды давало официальное согласие принять русских беженцев из Крыма. На одном из заседаний, проведенном до 13 ноя-

бря, было решено принять 10 тыс. человек⁷⁰, вторично на одном из заседаний, состоявшемся до 26 ноября, — еще 10 тыс.⁷¹ Для разгрузки Константинополя переселение 20 тыс. беженцев не играло решающей роли, но для Югославии это было огромное количество людей. (Для сравнения надо иметь в виду, что в это время Панчево, 15-й город по численности населения в стране, имел 19 407 жителей.)⁷²

В договоре с французскими властями переброска людей в страну была организована по новому пути, прямо из Константинополя в югославские порты на Адриатическом побережье (в бухту Бока-Которская и порт Бакар). 25 ноября с американского военного корабля № 206 в бухте Бока-Которская высадились 33 русских офицера⁷³. Так началась переброска. Вслед за тем 26 ноября появился пароход «Истерн виктор», на котором в королевство прибыло 1675 беженцев⁷⁴. В целом переброска выглядела следующим образом⁷⁵:

Табл. 1. Переброска русских беженцев в Королевство СХС

Суда	Дата прибытия	Число беженцев	Бухта разгрузки
№ 206	25 ноября 1920 г.	33	Котор
«Eastern victor»	26 ноября 1920 г.	1675	Котор
«Szeged»	28 ноября 1920 г.	2563	Дубровник
«Siam»	28 ноября 1920 г.	2500	Котор
«Владимир»	8 декабря 1920 г.	3800	Бакар
«Brisgavia»	16 декабря 1920 г.	4200	Котор
«Austria»	17 декабря 1920 г.	3963	Котор
«Херсон»	23 декабря 1920 г.	2609	Бакар

Всего на восьми судах в Югославию прибыло 21 343 беженца из числа тех, кто покинул Крым в ноябре 1920 г.⁷⁶

Остальные балканские государства, вопреки ожиданиям, стараниям и настойчивости французов, на этот раз приняли гораздо меньшее число беженцев.

Переговоры с правительством в Софии начались одновременно с югославским. Несмотря на сильное давление Франции, которая рассчитывала переправить в Болгарию как минимум 10 тыс. человек, правительство А. Стамбулийского 18 ноября вынесло решение ограничить прием 3 тыс. беженцев⁷⁷. 25 и 30 ноября в порт Бургас, на судах «Варна», «Гранд дюк Константин» и «Траур» прибыло 4170 человек⁷⁸. Французские представители не жалели усилий, надеясь уговорить болгар до конца декабря принять еще 7 тыс. человек. Для того чтобы смягчить позицию болгар, французские дипломаты подняли вопрос о возможности принятия Болгарии в Лигу Наций, что ей было необходимо в связи с тем, что после Первой мировой войны страна находилась в изоляции⁷⁹. С другой стороны, давление на Болгарию оказывала Советская Россия. Г.В. Чичерин отправил 10 декабря официальную ноту правительству А. Стамбулийского, обвиняя Болгарию в сотрудничестве с П.Н. Врангелем во время Гражданской войны и в предоставлении убежища его армии на своей территории по ее окончании⁸⁰. Оказавшись под разновекторным воздействием двух

стран, болгарское правительство заняло выжидательную политику и от увеличения приема беженцев воздержалось. Из 4170 беженцев, которые были тогда перевезены в Болгарию, 600 человек почти сразу покинули эту страну, и уже в начале 1921 г. здесь остались лишь 3500 эмигрантов из состава крымской эвакуации⁸¹.

Переговоры с Румынией были начаты в то же время, что и с Югославией и Болгарией. Французы рассчитывали разместить в этой стране 2 тыс. беженцев, но после долгих уговоров, только к концу декабря 1920 г., румынское правительство согласилось принять 1500 человек. В итоге на курорт Текер-Гиола было перебращено 1650 беженцев (из которых 600 были неспособны заниматься физическим трудом). Обеспечение этих людей взяли на себя французское командование в Румынии и Американский Красный Крест. Однако уже с 1921 г. эти беженцы начали покидать Румынию⁸².

Власти Греции, так же как и власти Болгарии и Румынии, долго не шли на встречу французским пожеланиям. Но к концу 1920 г. они согласились принять столько беженцев, сколько и Румыния — 1500. В конце 1920-го и начале 1921 г. из Константинополя в Грецию перебравшись 1742 беженца⁸³. Тысяча человек была поселена в Салониках в лагере⁸⁴, который разместился в бараках Салоникского строительного общества. Русские оставались здесь до 1923 г.⁸⁵ Правда, из первой группы, попавшей сюда в конце 1920 г., почти все разъехались, но лагерь пополнялся новыми беженцами, переселявшимися из Константинополя. Кроме того, около 750 человек нашли убежище в Афинах и афинском порту Пирей. В Афинах они были размещены на частных квартирах и в больнице № 4, а в Пирее также на частных квартирах, в общежитии Русской больницы, в больнице Красного Креста и больнице на Русском кладбище. Финансированием беженцев в Салониках занимались французское правительство и Американский Красный Крест, а в Пирее — Франция и греческое правительство⁸⁶.

Так закончилась организованная эвакуация Крыма. После этого начались внутренние балканские миграции русского населения. Политически самой важной из них являлась переброска Русской армии из лагерей в окрестностях Константинополя в Югославию и Болгарию.

Проблема армии

Проблема армии возникла сразу после эвакуации Крыма. Уже 20 ноября 1920 г. французское правительство определило свою позицию по отношению к русской эмиграции, и в том числе к Русской армии. Позиция эта заключалась в следующем:

- 1) настаивать, чтобы балканские государства приняли максимально возможное количество беженцев;
- 2) настаивать, чтобы русские политические организации и русские представители в Париже создали благотворительное общество, которое будет помогать русским беженцам в различных государствах;

3) сообщить генералу П.Н. Врангелю, что, по мнению французского правительства, старое Правительство Юга России и его армия не представляют никаких организованных политических и военных группировок, но являются лишь гражданскими беженцами;

4) объявить, что Франция не только не будет мешать всем желающим вернуться в Советскую Россию, но даже постарается облегчить их репатриацию⁸⁷.

С этого времени началась борьба за сохранение Русской армии. С ноября — декабря 1920 г. французские власти резко изменили свою позицию по отношению к Советской России. Они неоднократно заявляли, что, по их мнению, военная борьба с большевиками окончательно завершилась и что Франция в будущем не собирается поддерживать военную акцию извне против Советской России:

— в конце ноября 1920 г.: «Франция никогда не направит армию против Советской России»;

— в декабре 1920 г.: «Смерть большевизма наступит изнутри, не со стороны» (Л. Барту);

— в декабре 1920 г.: «Около Советской России надо поставить колючую проволоку» (Ж. Клемансо)⁸⁸.

В этом аспекте Русская армия и генерал Врангель оказались препятствием для осуществления будущих французских планов.

Со своей стороны, генерал Врангель 8 декабря заявил: «Со времени эвакуации Крыма я фактически перестал быть правителем юга России. Но идея русской законной власти существует, и я по-прежнему олицетворяю ее. <...> Я твердо верю, что союзники, принимая во внимание красную опасность, поймут важность идеи сохранения армии»⁸⁹.

С того времени началось своеобразное соперничество бывших военных союзников. Русская армия (70—100 тыс. человек) против своей воли попала в своеобразный политический треугольник — между правительством в Париже, французскими оккупационными властями в Константинополе и русским главным командованием. Со своей стороны, на ситуацию в районе Константинополя дополнительное давление оказывало правительство в Лондоне, что значительно усложняло положение.

Политическая борьба

В начале декабря генерал Ш. Шарпи сообщил русскому Генштабу, что Франция настаивает на переводе русских солдат в статус гражданских беженцев. Несколько дней спустя, 6 декабря, генерал Врангель выразил свое недовольство такой позицией и заявил, что резкое изменение статуса 70 тыс. человек может породить немало организационных проблем и грозит беспорядками. Генерал Шарпи согласился с мнением П.Н. Врангеля и предложил временно сохранить военную организацию армии, но высказался за сокращение полномочий русского Генштаба⁹⁰. В этих условиях в конце декабря генерал Врангель решил, без уведомления французов о своих планах, начать переговоры с несколькими государствами о переброске армии из района Константинополя. Но нападки на армию продолжались. 10 января 1921 г. посол Великобритании в Париже лорд Ч. Хардинг передал официальную ноту французскому правительству, в которой Великобритания высказывала свое недовольство и озабо-

ченность тем, что, по ее мнению, пребывание Русской армии в районе проливов представляет серьезную угрозу⁹¹. Это заявление было сделано в марте 1921 г., когда Лондон подписал торговое соглашение с Советской Россией. Примеру Великобритании последовали Германия, Италия, Норвегия, Дания, Австрия, Чехословакия. Давление британцев оказало влияние на поведение французских властей.

В начале 1921 г. правительство в Париже официально заявило, что с 1 февраля будет прекращено финансирование Русской армии. Однако генерал П.Н. Врангель сумел дипломатическим путем добиться отсрочки выполнения этого решения. В середине марта 1921 г. французские власти предоставили Врангелю возможность выбирать из трех вариантов, связанных с дальнейшей судьбой армии: 1) возвращение в Советскую Россию; 2) переброска армии в Бразилию и Перу; 3) продолжение существования на собственные средства⁹². Неожиданно для французов Врангель выбрал третий вариант. Но политическое давление французов, стремившихся к раздроблению армии, продолжалось. 1 апреля верховный комиссар Франции в Константинополе М. Пеллэ сообщил Врангелю, что правительство Франции приняло решение о прекращении кредита для Русской армии⁹³. Несколько дней спустя, 17 апреля, правительство А. Бриана официально заявило, что оно передает финансирование армии русскому Совету послов в Париже, который располагал полутора миллионами золотых рублей⁹⁴. Однако после этого французские власти развили в военных лагерях широкую агитацию за возвращение в Советскую Россию (на которую откликнулись около 3500 человек), за переселение в Бразилию и в Перу (3 тыс. военнослужащих)⁹⁵ и за поступление во французский Иностранский легион (откликнулись несколько сотен человек)⁹⁶. Одновременно несколько тысяч солдат покинули военную службу и перешли на положение гражданских беженцев⁹⁷.

Французское давление продолжалось даже после начала переброски армии в Югославию и Болгарию. 14 июня 1921 г. правительство в Париже вновь подняло вопрос о срочном изменении статуса армии и превращении солдат в гражданских беженцев. Своеобразное политическое давление на Русскую армию русское командование видело и в случившемся 15 октября происшествии, когда итальянский пароход «Адриа» протаранил яхту генерала Врангеля «Лукулл», которая стояла в Константинопольском порту и где размещался его Главный штаб. Многие истолковали это покушение на жизнь Врангеля⁹⁸.

Продолжение политического давления

Политическое давление сопровождалось реальными угрозами, которые часто превращались в почти открытые военные столкновения. Уже 18 ноября 1920 г. началась борьба по вопросу о том, кто будет командовать русскими формированиями в районе Константинополя⁹⁹. В конце декабря французы дважды пытались взять командование на себя. 23 декабря полковник Депре отдал приказ «утвердить комендантов лагерей, которыми должны были стать французские офицеры». Врангель отменил этот приказ и сохранил прежние отношения. Однако несколько дней спустя полковник Томассен отдал приказ галлиполийцам (1-й армейский корпус) сдать оружие. Русское командование вновь не подчинилось¹⁰⁰.

В середине января 1921 г. французское командование сделало попытку, без уведомления русского командования, перебросить часть казаков из лагеря Чаталджа на остров Лемнос. Казаки отказались от выполнения этого приказа, при этом даже произошла перестрелка с французскими солдатами¹⁰¹. Майские мероприятия 1921 г. по разоружению 1-го армейского корпуса в Галлиполи, в которых были задействованы пехотный батальон, две батареи, эскадрилья самолетов и четыре военных парохода, грозили перерасти в серьезное боевое столкновение. В этих условиях часть оружия была сдана, но, вопреки всему, русским солдатам удалось спрятать более половины от всего количества оружия¹⁰².

Несмотря на такое давление, русский Генеральный штаб не отказывался от идеи продолжения борьбы с большевиками и в декабре 1920 г. начал переговоры по вопросу о переброске армии из района Константинополя. Переговоры велись с правительствами Королевства СХС, Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Японии, Грузии и даже с настоятелями монастырей на Афоне¹⁰³.

Вскоре правительства всех стран, кроме югославского и болгарского, практически отказались от ведения этих переговоров. Хотя со временем венгры и чехи и решились принять несколько сот беженцев, единственный акцент в переговорах был сделан на Югославию и Болгарию.

Переговоры и переселение

2 апреля 1921 г., после нескольких месяцев ведения неофициальных переговоров, генерал П.Н. Врангель направил официальное письмо парламентам Югославии и Болгарии с просьбой принять подразделения Русской армии, находившейся в районе Константинополя¹⁰⁴. Десять дней спустя в Белград и Софию отправилась специальная миссия во главе с генералом П.Н. Шатиловым, начальником штаба Русской армии, в которую также входили А.С. Хрипунов и Н.Н. Львов.

13 апреля 1921 г. в Белграде состоялась официальная встреча делегации с главой правительства Н. Пашичем и с регентом Александром. Н. Пашич и Александр согласились на прием 12 тыс. солдат, но со своей стороны выдвинули условия: 7 тыс. человек направить на постройку дорог, а пять — в пограничную охрану на службу по контракту. Кроме того, учитывая тот факт, что в стране уже имелось 30 тыс. русских беженцев, а сама страна из-за войны находилась в весьма трудном финансовом положении, с югославской стороны был поставлен вопрос о материальных гарантиях¹⁰⁵. Решение Н. Пашича и Александра вызвало недовольство в правительственных кругах страны. Первыми начали возмущаться представители министерств, которые должны были обеспечить русских солдат работой, — Военного министерства и Министерства строительства. Они ссылались на невозможность устроить на работу такое количество людей¹⁰⁶. Однако Н. Пашич и регент Александр не отказались от своего решения. За короткое время русской эмиграцией было собрано 400 тыс. долларов для обеспечения гарантий¹⁰⁷, и 21 июня 1921 г. В.Н. Штрэндтман окончательно заверил Врангеля, что переговоры благополучно закончились и

что правительство Югославии устроит 9 тыс. русских солдат на постройку дорог (шоссейные работы) и 3581 — в пограничную охрану¹⁰⁸.

Переброска в Югославию началась раньше, еще 1 июня, и в основном закончилась 17 ноября 1921 г., хотя генерал Врангель прибыл сюда только 28 февраля 1922 г., а последние галлиполийцы — в мае 1923 г.¹⁰⁹

Табл. 2. Переброска Русской армии в Королевство СХС

Дата	Численность	Специфика	Части
1 июня 1921 г.	3625	70 женщин и 13 детей	Технические полки из всех трех лагерей: Галлиполи, Чатаджда, Лемнос (2808 с Лемноса) ¹¹⁰
7 июня 1921 г.	1924	80 женщин и 30 детей	Казачий с Лемноса (лейб-гвардейский, Казачий и Атаманский дивизионы; Донской технический батальон и части Кубанской дивизии) — под командованием генерал-лейтенанта М.А. Фостикова, помимо них прибыли 155 человек из штаба главнокомандующего (помещены в Сремских Карловцах) ¹¹¹
16 августа 1921 г.	3578		Кавалерийская дивизия 1-го арм. корпуса (генерал-лейтенант И.Г. Барбович) ¹¹²
17 ноября 1921 г.	1430 ¹¹³		
28 февраля 1922 г.	70		Генерал-лейтенант П.Н. Врангель и 69 чинов штаба главнокомандующего ¹¹⁴
Май 1923 г.	1300	300 сразу отправлено в Венгрию	«Последние галлиполийцы» ¹¹⁵
Итого:	11 927		

После прибытия солдаты были размещены согласно достигнутым договоренностям, в том числе на самых опасных участках границы нового государства.

Табл. 3. Размещение частей Русской армии в Королевстве СХС

Пограничная охрана¹¹⁶. 1 сентября 1921 г. на контрактную службу поступило 4500 солдат; в августе 1923 г. на службе находилось 4472 человека.

Части	Штаб	Командующий	Позиция
1-я бригада кавалерийской дивизии 1-го армейского корпуса	Скопье	Генерал-майор В.Н. Выгран	Граница с Грецией и граница с Албанией (в Македонии и в Косове)
Кавалерийская артиллерия	Дубровник	Генерал-лейтенант М.С. Росляков	Граница с Албанией (в Черногории)
2-я бригада кавалерийской дивизии 1-го армейского корпуса	Загреб	Генерал-майор Б.В. Гернгросс	Граница с Италией (острова и Далматинское побережье) и граница с Австрией
Гвардейская бригада донских казаков и конвойная дивизия			Граница с Венгрией

Шосейные и железнодорожные работы¹¹⁷. С сентября 1921 г. на них было занято 7 тыс. солдат, со временем их количество уменьшалось, и последние работы закончились 1 ноября 1924 г.

Части	Постройка
Кубанская казачья дивизия	Вране — Босилеград (юго-восточная Сербия)
Технический полк 1-го арм. корпуса	Топчидер — Мала Крсна (близ Белграда)
Части Донского казачьего корпуса	Гостивар — Дебар (Македония)
Позже смешанные части работали на постройке ряда дорог	Горњи Милановац — Чачак (Сербия) Тител — Орловат (Воеводина) Ужице — Вардиште/Вардиште — Валево (Сербия) Ужице — Шарган/Шарган — Вардиште (Сербия) Каньжа — Прелобле (Сербия) Парачин — Сталач (Сербия) Ниш — Княжевац (Сербия) Ормож — Лютомер (Словения) Кралево — Рашка (Сербия) — последняя работа

Неофициальные переговоры генерала Врангеля с правительством в Софии начались одновременно с югославскими, в конце декабря 1920 г. С тех пор в течение января, февраля и марта 1921 г. генерал Врангель неоднократно контактировал с болгарским правительством. Официальные же переговоры начались в апреле 1921 г. и приняли затяжной характер. Лавируя между Францией и русским командованием, стремясь извлечь максимальные политические выгоды из решения о предоставлении приюта формированиям Русской армии, правительство в Софии в течение этого периода восемь раз принимало решения по допуску в страну новых групп военнослужащих.

Табл. 4. Хроника переговоров командования Русской армии с правительством Болгарии в апреле—ноябре 1921 г.

Дата	События
1 апреля 1921 г.	Генерал-лейтенант В.Е. Вязьмитинов, русский военный представитель в Софии, вручил письмо военному министру К. Томову с просьбой о принятии Болгарией русских солдат в статусе гражданских беженцев ¹¹⁸
13 апреля 1921 г.	Болгарское правительство приняло официальное решение, что не будет принимать русских военных из района Константинополя ¹¹⁹
15–20 апреля 1921 г.	Встреча русского посланника А.М. Петряева с французским посланником в Софии Ж. Пико. На встрече Петряев предложил, чтобы Болгария приняла 4–5 тыс. русских военных как гражданских беженцев. Французский посол выразил принципиальное согласие ¹²⁰
21 апреля 1921 г.	Официальная делегация от ген. Врангеля, которую возглавлял генерал от кавалерии П.Н. Шатилов, передала письмо А. Стамболийскому с просьбой принять 7 тыс. военных ¹²¹
27 апреля 1921 г.	Болгарское правительство дало разрешение на приезд 1000 русских военных из района Константинополя ¹²²
29 апреля 1921 г.	Болгарское правительство дало разрешение на принятие 200 русских детей из Константинополя ¹²³
10 мая 1921 г.	Болгарское правительство дало разрешение на прием 1000 кубанских казаков из района Константинополя ¹²⁴

Дата	События
Июнь 1921 г.	Болгарское правительство согласилось с приемом 1000 русских военных из района Константинополя ¹²⁵ Новые переговоры генерала П.Н. Шатилова с полковником Н. Топалджиковым, начальником штаба болгарской армии, о дополнительном принятии 6–7 тыс. русских военных ¹²⁶
28 июня 1921 г.	Болгарское правительство дало новое разрешение о принятии 3 тыс. русских военных из района Константинополя ¹²⁷
16 июля 1921 г.	Болгарское правительство дало разрешение на прибытие 1000 казаков из района Константинополя ¹²⁸
18 августа 1921 г.	Секретное соглашение полковника Топалджикова и генерала Вязьмитинова как дополнение к июньскому соглашению Топалджикова и генерала Шатилова ¹²⁹
19 августа 1921 г.	Болгарское правительство дало новое разрешение на приезд 6 тыс. русских военных из района Константинополя (в том числе 4 тыс. казаков с острова Лемнос) ¹³⁰
20 августа 1921 г.	Просьба А.М. Петряева о приеме еще 6 тыс. военных. При этой встрече Петряев предложил болгарскому правительству обеспечить 300 тыс. долларов как гарантии на прием новых 6 тыс. человек ¹³¹
22 августа 1921 г.	Генерал Шатилов отправил официальное письмо А. Стамболийскому с просьбой принять еще 11 тыс. военных. Позже просьба была скорректирована — на принятие 7 тыс. человек ¹³²
16 ноября 1921 г.	Болгарское правительство дало новое разрешение на прием 7 тыс. русских военных из района Константинополя (в том числе 4 тыс. учащих кадетских корпусов) ¹³³
Всего (с 27 апреля по 16 ноября) 1921 г. болгарское правительство дало разрешение на принятие около 20 тыс. русских военных из района Константинополя.	

В то время как переговоры затягивались, командование Русской армии, пользуясь уже принятыми решениями, переправляло в Болгарию очередную группу военнослужащих. В конечном счете Болгария приняла больше контингентов Русской армии, чем Югославия.

Табл. 5. Передислокация частей Русской армии в Болгарию¹³⁴

Дата	Численность	Части
27 мая 1921 г.	2121	(1029) из Галлиполи — под натиском французского командования, без разрешения Врангеля и (1029) согласия казаков с острова Лемнос — Донской Георгиевский Гундоровский полк, Донская техническая сотня, лазарет 2-й Донской дивизии, Кубанская детская школа
Июнь 1921 г.	1090	Казаки с острова Лемнос (вопреки договору русского командования с болгарскими властями, французы включили в эту группу 239 человек из гражданских лагерей в Константинополе)
28 августа 1921 г.	3365	Из Галлиполи — 1-й армейский корпус — дроздовский полк (генерал-лейтенант В.К. Витковский), Алексеевский полк (генерал-майор М.М. Зинкевич), Галлиполийский полк (генерал Шведов) — 2178 военных. С острова Лемнос — казаки — штаб бригады, 3-й Калединско-назаровский полк, 5-й Донской платовский полк, Донская инженерная сотня — 1187 солдат
30 августа 1921 г.	2400	Из Галлиполи — 1-й армейский корпус — 1188 человек. С острова Лемнос — Атаманское и Алексеевское военные училища — 1212 человека

Дата	Численность	Части
8 сентября 1921 г.	1339	С острова Лемнос — штаб-группы с Лемноса, штаб Донского корпуса, офицерская батарея, Донская больница, Терско-астраханский полк, сборная кубанская сотня — 1185 военных Из Константинополя — гражданские беженцы — 154 человека
27 ноября 1921 г.	1653	Из Галлиполи — 1-й армейский корпус
29 ноября 1921 г.	3477	Из Галлиполи — 1-й армейский корпус
1 декабря 1921 г.	1680	Из Галлиполи — 1-й армейский корпус
17 декабря 1921 г.	2520	Из Галлиполи — 1-й армейский корпус
Всего	19 645	

После прибытия в Болгарию подразделения Русской армии были расселены на территории всей страны.

Табл. 6. Размещение частей Русской армии в Болгарии¹³⁵

Части	Численность	Позиции
Первый армейский корпус:	11 110	Северная Болгария:
Части 1-й пехотной дивизии		Велико-Тырново (штаб), Свищов, Ловеч, Горно-Паничарево, Белградчик, Оряхово, Севлиево, Никопол, Берковица, Казанлык, Ботевград, Асеновград, Разград, Горня Джумая (Благоевград), Ямбол, Новая Загора, Княжево, Варна, Шумен, Карлово, Пловдив, Плевен, Самоков, Даутин, Брезник, Елхово, Албленц
Части Корниловского ударного полка		
Части Дроздовского полка		
Части Галлиполийского полка		
Части Алексеевского полка		
Части Марковского полка		
Гвардейский отряд		
Железнодорожный батальон		
Специальный телеграфный отдел		
Донской казачий корпус:	4334	Южная Болгария:
Атамановский полк		Старая Загора (штаб), Казанлык, Карлово, Хасково, Елхово, Ямбол, Т. Сеймен, Сливен, София, Септемврия, Пловдив, Димитровград, Бужурште, Александрово, Биглища, Санаговци, Гурково, Лом
Калмыцкий полк		
Назаровский полк		
Платовский полк		
Терский полк		
Астраханский полк		
Гундуrowsкий полк		
Части Донского полка		
Донская офицерская батарея		
Военная больница		
Военные училища		Северная Болгария

Генерал Врангель согласился с направлением казачьих частей на разного рода работы, но настаивал на сохранении военной организации, дисциплины и размещении корпуса в казармах¹³⁶.

В связи с переброской частей Русской армии в Болгарию вновь встала проблема сохранения их вооружения. Главную роль теперь играли международные договоренности. По условиям мирного договора в Нейи запас оружия в Болгарии должен был быть ограничен, так же как и число солдат в болгарской армии, все остальное оружие должно было быть уничтожено. Болгарское командование, как следует из секретного соглашения полковника Н. Топалджикова и генерала Вязьмитинова от 18 августа 1921 г., стремилось обойти эти ограничения¹³⁷.

Учитывая такую возможность, французский главнокомандующий в Болгарии генерал Фурту в течение ноября и декабря отдал несколько приказов о разоружении русских солдат и уничтожении оружия. Но акция французов провалилась. До конца 1921 г. Военно-контрольной комиссии, образованной для проведения необходимых мероприятий, было передано: 400 винтовок, 2 автоматические винтовки, 26 пулеметов, 5 пушек, 160 тыс. артиллерийских гранат, 5,5 млн. патронов. В то же время русские солдаты (согласно данным ВЧК) при содействии болгарского командования спрятали и сохранили 21 600 винтовок, 126 пулеметов, 7800 шашек, 986 тыс. патронов, 25 автомобилей, 20 грузовиков и 10 санитарных машин¹³⁸.

Так проходило организованное переселение русских беженцев в различные балканские государства.

Переселение малых групп

Перемещение армии представляло собой не столько конец одного процесса — переселения русских беженцев на Балканы, сколько начало другого — начало процесса постоянных миграций в рамках Зарубежной России.

Что касается Балкан, то в дальнейшем новые сравнительно небольшие группы беженцев принимали только Королевство СХС и Болгария. Правда, эти малые миграционные волны были характерны для всего периода с весны 1920 г. до середины 1920-х годов.

Королевство СХС

Первые малые неорганизованные группы русских беженцев появились на границах Королевства в мае 1920 г. — когда туда попытались перебраться русские офицеры и солдаты, сбежавшие из британского госпиталя № 43 в Салониках и не желавшие возвращаться на Лемнос¹³⁹.

Два месяца спустя, в июле 1920 г., явочным порядком в Королевстве СХС нашли убежище еще 179 русских, которые сбежали с поезда, перевозившего людей транзитом через страну¹⁴⁰.

В конце 1922 г. власти Королевства согласились принять группу из 983 русских инвалидов из константинопольского санатория. 8 февраля 1923 г. от туда прибыл 761 человек¹⁴¹.

Год спустя, в феврале 1924 г., из Шанхая было принято 367 кадетов, учащихся Хабаровского кадетского корпуса¹⁴². А 9 декабря того же года оттуда же прибыл 21 офицер Дальневосточной армии. Их поселили в городе Ужице в Сербии¹⁴³.

Наконец, в мае 1928 г. из-за обострения политической ситуации в Турции из Константинополя в Югославию переселились 440 русских беженцев¹⁴⁴.

Болгария

Первая группа, которая прибыла в Болгарию, помимо прямой эвакуации и переброски армии, состояла из 853 учащихся и преподавателей, переселившихся из Константинополя в декабре 1921 г. при содействии Нансеновского ко-

митета. В этой группе было 593 ученика начальной школы, 240 учеников гимназии и 20 преподавателей¹⁴⁵.

Следующая группа, которую согласилась принять Болгария, была поделена на две части, первая въехала в страну в феврале, вторая — в сентябре 1922 г. Она состояла из 2500 беженцев из Константинополя: 1000 казаков, 200 гражданских беженцев из британской оккупационной зоны, 70 родителей детей, учившихся в гимназии в Шумене, 200 студентов, 1000 специалистов различного профиля. Отдельно от них в апреле 1922 г. в страну перебрались 50 русских инженеров¹⁴⁶.

В течение 1922 г. в Болгарию была перевезена группа из 2600 беженцев, которые до этого находились на Кипре и в Египте и еще в 1920 г., по договору между Великобританией и белградским правительством, должны были переселиться в Югославию. Они прибыли в Болгарию в соответствии с соглашением между Болгарией и Лигой Наций, с марта 1921 г. взявшей на себя заботу об этих людях¹⁴⁷.

В августе 1922 г. Болгария приняла 160 человек из дома инвалидов № 2 в Арнаут-Кейе в Константинополе, а в октябре—ноябре 1922 г. — новую группу из 100 тяжелобольных, которых разместили в деревне Банки¹⁴⁸.

И наконец, Общество Белого Креста в конце 1922 г. организовало переезд 80 инвалидов из Константинополя в Болгарию¹⁴⁹.

В целом, если не принимать в расчет небольшие группы, переселение русских беженцев на Балканы было завершено в основном в ноябре 1920 г. В течение 1921 г. происходило их распределение между балканскими странами. Картина их размещения, сложившаяся к концу 1921 г., в основном сохранялась на протяжении всего межвоенного периода.

Таким образом, переселившись тремя крупными и несколькими малыми миграционными волнами с юга России, а затем мигрируя из одной балканской страны в другую, разрозненная масса отдельных беженцев превратилась в единую социальную группу русских эмигрантов на Балканах — русскую эмиграцию на Балканах. Эта особая социальная группа, со временем образовавшая своего рода «общество в изгнании», представляла собой динамичную социальную структуру. Ее основной характеристикой был процесс постоянных изменений, заметный как на примере частых и массовых миграций, так и в контексте изменений социального статуса отдельных эмигрантов по отношению к их исходному социальному статусу в России, изменений их повседневных привычек и представлений об окружающих, нарушения семейных связей и т.д.

В процессе постоянных миграций Балканы оказались одной из узловых точек в рамках Зарубежной России. Для многих они стали лишь первым приютом на пути исхода с родины, исходным этапом дальнейших странствий, поисков, скитаний и тревог... Большинство из них лишь здесь в первый раз ощутили реальность эмиграции, проблемы и мучения, которые она им принесла, лишь очень немногие видели в этой новой ситуации шанс на «новую жизнь». Однако все они были «преобразованы» тем, что с ними случилось. Большинство этих людей решили остаться на Балканах, но политические и идеологи-

ческие потрясения и перемены, которые принесла Вторая мировая война, принудили большую их часть к новым скитаниям. Некоторые из них после многих лет безуспешных поисков, после осознания того факта, что конца беспоконьятам нет ни на «третьей», ни на «четвертой», ни на «пятой» родине, возвращались назад, на свою «вторую» родину — на Балканы. Эти постоянные скитания, которые в максимальной мере подчеркивали влияние социальных изменений, решительным образом влияли на размеры и структуру группы русских эмигрантов на Балканах.

¹ *Врангель П.Н.* Записки. Ч. 2. С. 420–421. Этот приказ полностью опубликован в кн.: *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля. С. 88–89; и *Крестный путь Русской армии генерала Врангеля: Из семейного архива Апраксиных-Котляревских / Сост. П.Г. Паламарчук.* Рыбинск, 1996. С. 8–9.

² *Врангель П.Н.* Записки. Ч. 2. С. 433.

³ Подробнее см.: *Јовановић М.* Досељавање... С. 93–97; В.А. Артамонов — А.В. Геруа, 12 июля 1919 г. // *Hoover. Girs.* 46.04; Министар војске и морнарице М. Рашић, наређење пов. ФБО. Бр.18350, од 8.2.1919 // *АЈ.* МУП КЈ. 14. 224.799.

⁴ Подробнее см.: *Спасов Л.* България и јужноруските правителства... С. 6; *Он же.* Врангеловата армија в България... С. 22–23, 26.

⁵ *Эйлер А.* Доклад о командировке в Румынию и Бессарабию, апрель 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 1–1 об.

⁶ Материал для характеристики русских, живущих в Константинополе, июль 1920 г. // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 449. Л. 12.

⁷ *Спасов Л.* Врангеловата армија в България... С. 22–23.

⁸ Подробнее см.: *Јовановић М.* Досељавање... С. 93–97; *Спасов Л.* Врангеловата армија в България... С. 22–23, 26, 44; *Эйлер А.* Доклад о командировке в Румынию и Бессарабию, апрель 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 1–1 об.

⁹ *Там же.*

¹⁰ Адреса организаций к 1 января 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-5942. Оп. 5. Ед. хр. 232.

¹¹ *Эйлер А.* Доклад о командировке в Румынию и Бессарабию, апрель 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 2.

¹² Шапоний. Пов. бр. 198 // 29.04.1920, Цариград. АЈ. Ф. 1. (Посланство у Турској). 370. 1920.

¹³ *Спасов Л.* Врангеловата армија в България... С. 17–18.

¹⁴ *Јовановић М.* Досељавање... С. 63, 66–68.

¹⁵ *Criss N.B.* Istanbul: Die russischen Flüchtlinge am Bosphorus // *Der große Exodus: Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941.* München, 1994. S. 44–45.

¹⁶ *Лехович Д.* Белые против красных... С. 219.

¹⁷ Подробнее см.: *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 3. С. 415–417; *Федюк В.П.* Белые: Антибольшевистское движение на юге России 1917–1918 гг. М., 1996. С. 136–137; *Лехович Д.* Белые против красных... С. 219; *Criss N.B.* Istanbul... S. 44–45.

¹⁸ Очерк о взаимоотношениях Вооруженных сил Юга России и представителей французского командования // *Архив русской революции.* Берлин, 1925. Т. 16. С. 250.

¹⁹ *Федюк В.П.* Белые... С. 137.

²⁰ *Там же.*

²¹ Начальник Информационной части, статский советник Шумахер. Отдел пропаганды при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России // ГАРФ. Ф. Р-5942. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 46.; Список лиц, прошедших через этап в гор. Тулче за 1919 г. // ГАРФ. Ф. Р-5982. Оп. 1. Ед. хр. 190. Л. 78, 115 об.

²² *Эйлер А.* Доклад о командировке в Румынию и Бессарабию, апрель 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 1–1 об.; Письмо С.А. Поклевского-Козелла от 17 апреля 1921 г., копия // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 16–17.

²³ А.И. Деникин. Приказ от 28 мая 1919 г. // ГАРФ. Ф. Р-5942. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 27; М.Н. Гирс — П.Н. Игнатьеву, 6 февраля 1920 г. // *Hoover. Girs.* 26.6.

²⁴ Подробнее см.: *Јовановић М.* Досељавање... С. 98–102; см. также: АЈ. МВ КЈ. 69. 175.276; АЈ. МС КЈ. 138. Несрећена грађа; Правда. Београд, 1919. 21 маја; Записник Прве опште седнице Руско-југословенског одбора, 25.05.1919 // АС. Руско-српски клуб (1919–1933).

²⁵ *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. С. 13; *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 24.

²⁶ Письмо С.А. Поклевского-Козелла от 17 апреля 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 16–17.

²⁷ *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. С. 13; см. также: Статистические данные о русских беженцах в Варне и ее районе (1919–1922). Варна, 1922. С. 1; В борьбе. София, 1929. С. 7.

²⁸ МИД, Пов. бр. 984, 30.01.1920, Државном одбору. АС. Руско-српски клуб (1919–1933); Извештај инспектора Мин. С.П. А. Цуваја, 10.12.1920 // АЈ. МТИ КЈ. 65. 45.245; о прежних переговорах см.: *Hrabak B.* Zapisnici sednica Davidovićeve dve vlade od avgusta 1919 do februara 1920 // *Arhivski vjesnik.* Zagreb, 1970. № 13. S. 70; Начальник политической канцелярии помощника главнокомандующего В.С.Ю.Р. — кн. Г.Н. Трубецкому, 7 января 1920 г. // Hoover. *Paleologue.* 001.01; МИД, П. Бр. 629, 19.1.1920, МУД. АЈ. МУП КЈ. 14. 224.800.

²⁹ Извештај инспектора Мин. С.П. А. Цуваја, 10.12.1920 // АЈ. МТИ КЈ. 65. 45.245; о деятельности этого учреждения подробнее см.: *Јовановић М.* Досељавање... С. 79–83.

³⁰ *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 25; о прежних переговорах см.: Русско-болгарский культурно-благотворительный комитет 1920–1925. С. 1; см. также: *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 24–25; *Кёсева Ц.* Русские эмигрантские организации в Болгарии // Русские в Болгарии. София, 1999. С. 45.

³¹ *Кёсева Ц.* Русские эмигрантские организации... С. 46.

³² А.П. Кутепов — кн. Г.Н. Трубецкому, 25 января 1920 г. // Hoover. *Paleologue.* 001.01; Мариинский Донской институт. N. Y., 1975. С. 5–6; Памятка. Харьковский институт 1812–1932. N. Y., 1983. С. 9–10; В борьбе. С. 10–11; те же самые данные приведены в: *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. С. 14.

³³ Кн. Г.Н. Трубецкой — А.И. Щербатскому // Hoover. *Paleologue.* 001.1; МВ. В. Ф. Бр. 2370, 26.3.1920, Мин. Ф. АЈ. МВ КЈ. 69. 175.276; Државни одбор, Пов. бр. 115, 5.3.1920, Руско-југословенском одбору. АС, Руско-српски клуб (1919–1933); подробнее см.: *Јовановић М.* Досељавање... С. 108–112, 200–201, 223–227.

³⁴ *Criss N.B.* Istanbul... S. 45.

³⁵ *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа... С. 319.

³⁶ Об эпизоде эвакуации Одессы см.: *Косик В.И.* Из истории начала российской эмиграции // Славяноведение М., 1992. № 4. С. 4–5.

³⁷ *Штейнман Ф.* Отступление от Одессы // Архив русской революции. Берлин. 1921. Т. 2. С. 91–92; см. также: *Одинец Д.М.* Письмо // Славяноведение. М., 1992. № 4.

³⁸ *Николаенко —* начальнику русского гарнизона г. Варны, 29 мая 1920 г. // Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Т. 1. Кн. 1. С. 58–68.

³⁹ См., например: *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 3. С. 766–767, 795; *Врангель П.Н.* Записки. Ч. 1. С. 528; *Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина // Белое дело: Кубань и Добровольческая армия. М., 1992. С. 267–268; *Краснов В.М.* Из воспоминаний о 1917–20 гг. // Архив русской революции. Берлин. 1921. Т. 11. С. 160–162; *Гильотен Ж.Ж.* Две моје домовине. Горњи Милановац, 1991. С. 52–53.

⁴⁰ Данные о числе беженцев, прибывших в Королевство СХС с этой волной, значительно отличаются в разных источниках. Так, например, 22 мая 1920 г., когда в Королевстве начал работу Русский Красный Крест, его представители официально заявили, что в стране находится 8000 человек из всех волн эмиграции (Извештај Сједињеног комитета Руског друштва Црвеног крста... С. 24). Эти данные совпадают с данными, которые показывают, что в Королевство до 15 марта 1920 г. с юга России, из Болгарии и салоникиских госпиталей прибыло точно 5533 человека (Hoover. *Paleologue.* 016.31), а также и с сообщением о том, что в Королевстве находится около 9000 беженцев, которое несколько месяцев спустя, в начале декабря 1920 г., опубликовал правительственный уполномоченный по устройству русских беженцев в Королевстве СХС (Обращение правительственного уполномоченного к русским беженцам, эвакуированным из Крыма к Далматинским берегам Королевства СХС, 07.12.1920 // Hoover. *Paleologue.* 006.14). Но, с другой стороны, имеются данные канцелярии правительственного уполномоченного по устройству русских беженцев в Королевстве СХС С.Н. Палеолога о том, что в середине июня 1920 г. в Королевстве

приблизительно находилось 11 тыс. беженцев, из числа которых в канцелярии правительственного уполномоченного официально было зарегистрировано около 9500 человек (В.Ф.Романов, Справка по телеграмме посла в Париже, 15 июня 1920 г. // Hoover. Paleologue. 001.2). Однако это число с полным основанием можно считать завышенным, поскольку оно не отражало постоянных миграций русского населения в другие европейские государства.

⁴¹ Беженщита и условия труда в България. София, 1926. С. 12; подробнее см.: *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 25–26; *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. С. 14.

⁴² Подробнее см.: *Criss N.B.* Istanbul... S. 50–51; *Росс Н.* Врангель в Крыму. Frankfurt a.M., 1982. С. 309; Российская эмиграция в Турции... С. 10; см. также: *Ипполитов С.С., Карпенко С.В., Пивовар Е.И.* Российская эмиграция в Константинополе в начале 20-х годов. (Численность, материальное положение, репатриация) // Отечественная история. М., 1993. № 5. С. 77.

⁴³ *Criss N.B.* Istanbul... S. 50.

⁴⁴ О жизни беженцев на островах подробнее см.: ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 21; <Остров> Антигона // Там же. Ед. хр. 449. Л. 6–6 об.; <Остров> Проти // Там же. Л. 7; Условия жизни русских беженцев на острове Халки // Там же. Л. 18–18 об., 21–22 // Там же. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 2; <Остров> Кипр // Там же. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 3–4. О численности беженцев, находившихся на Кипре, см.: *Kulisher E.M.* Europe on the move... P. 54; аналогичные данные в: *Мухачев Ю.В.* Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982. С. 41; о русских в Египте см.: *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 319–320.

⁴⁵ *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Кн. 3. С. 817–818; *Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина. С. 273–274; *Лехович Д.* Белые против красных... С. 274–277.

⁴⁶ См.: А.С. Лукомский — В.А. Артамонову, 11 мая 1920 г., телеграмма // Hoover. Paleologue. 001.2.

⁴⁷ *Врангель П.Н.* Записки. Часть I–II. С. 433.

⁴⁸ *Criss N.B.* Istanbul... S. 48.

⁴⁹ *Бюссон.* Еженедельная сводка на 27 ноября 1920 г. // Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Т. 1. Кн. 1. С. 255–256.

⁵⁰ *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 63.

⁵¹ Русская армия в изгнании... С. 1; то же в: *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 64–65.

⁵² Российская эмиграция в Турции... С. 12; то же в: *Ипполитов С.С., Карпенко С.В., Пивовар Е.И.* Российская эмиграция в Константинополе... С. 78. Интересно подчеркнуть, что первые опубликованные в СССР данные относительно количества беженцев из Крыма занижали как общее их число (130 тыс.), так и особенно число военных (говорилось, что их не менее 70 тыс.). См.: Русская эмиграция в Дарданеллах // Военная мысль и революция. М., 1923. № 4. С. 129.

⁵³ *Criss N.B.* Istanbul... S. 48.

⁵⁴ Восточно-Средиземноморская эскадра, Штаб, 3-е бюро, Ежемесячный оперативный рапорт, ноябрь 1920 // Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Т. 1. Кн. 1. С. 245–246.

⁵⁵ Статистические сведения о размещении войск и беженцев (Крымской эвакуации) // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 1; *Бюссон.* Еженедельная сводка на 27 ноября 1920 г. // Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Т. 1. Кн. 1. С. 255–256; *Он же.* Еженедельная обстановка на 28 декабря 1920 г. // Там же. С. 266; Восточно-Средиземноморская эскадра, Штаб, 3-е бюро. Ежемесячный рапорт, декабрь 1920 г. // Там же. С. 269; Русская армия в изгнании... С. 3; *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. С. 28, см. также: *Fedorov N.* Ruska emigracija... S. 4; Русская эмиграция в Дарданеллах. С. 131; *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 67.

⁵⁶ Краткие сведения о состоянии донских беженцев на 1 июня 1921 г. в Балканских государствах // Hoover. Bazarevich; Статистические сведения о размещении войск и беженцев (Крымской эвакуации) // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 1; *Бюссон.* Еженедельная сводка на 27 ноября 1920 г. // Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Т. 1. Кн. 1. С. 255–256. С. 256; Русская эмиграция в Дарданеллах. С. 130; Восточно-Средиземноморская эскадра, Штаб. Ежемесячный рапорт, декабрь 1920 г. // Там же. С. 269; *Бюссон.* Еженедельная сводка на 27 ноября 1920 г. // Там же. С. 266; *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 67.

⁵⁷ Статистические сведения о размещении войск и беженцев (Крымской эвакуации) // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 1; *Бюссон.* Еженедельная сводка на 27 ноября 1920 г. // Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Т. 1. Кн. 1. С. 255–256; Восточно-Средиземноморская эскадра. Ежемесячный рапорт, декабрь 1920 г. // Там же. С. 269; Русская эмиграция в Дарданеллах. С. 130–131, 136; *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 67.

⁵⁸ Статистические сведения о размещении войск и беженцев (Крымской эвакуации) // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 1 об.

⁵⁹ Там же. Л. 1.

⁶⁰ Восточно-Средиземноморская эскадра. Ежемесячный оперативный рапорт, ноябрь 1920 г. // Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Т. 1. Кн. 2. С. 246, 269–270; Бюссон. Ежемесячная сводка на 27 ноября 1920 г. // Там же. С. 256; см. также: *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 67–68.

⁶¹ Статистические сведения о размещении войск и беженцев (Крымской эвакуации) // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 1 об.; Восточно-Средиземноморская эскадра // Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Т. 1. Кн. 2. С. 269–270; *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 68.

⁶² Данные по этой проблеме расходятся, ср.: *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 68 (16 тыс. — согласно французским данным); Восточно-Средиземноморская эскадра // Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Т. 1. Кн. 2. С. 269 (20 тыс. — официальные французские данные); Статистические сведения // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 1 об. (20 тыс. — данные русских организаций, но они только частично относятся к беженцам).

⁶³ См.: Российская эмиграция в Турции...

⁶⁴ См.: *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия...

⁶⁵ *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. С. 22.

⁶⁶ *Jugoslavija 1918–1988...* S. 52.

⁶⁷ Статистически годишник на Царство България. Год XXXII. С. 27.

⁶⁸ Данные за период с февраля по июль 1921 г.: 90 тыс. (Сколько русских за границей // Зарницы. Константинополь, 1921. 13 февраля. № 1. С. 19; см. также: Смештај русских избеглица // Эпоха. Београд, 02 марта 1921 г.); 95 тыс. (Near East relief, 19.03.1921 // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 449. Л. 1), 97 тыс. (Бюллетень Российского земско-городского комитета помощи. Париж, 1921. 15 июля. № 5/6. Hoover. Paleologue. 05.9) и 99 тыс. (ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 1237. Л. 1; см. также: Брой русских избеглица // Политика. Београд, 1921. 18 апр.

⁶⁹ *Kulisher E.M.* Europe on the move... P. 54.

⁷⁰ Правительство Королевства СХС первые контакты по поводу приема русских беженцев осуществило с генералом Врангелем и французскими особоуполномоченными при его Генштабе, гр. де Мартелем и адмиралом Дюменилем, через своего военного представителя на юге России. Источники об этих переговорах и их результатах пока недоступны. Поэтому является невозможным точно определить дату принятия решения о приеме 10 тыс. беженцев. Но доступные источники обеспечивают возможность косвенно определить, что первое решение было принято на одном из заседаний Совета министров, проведенном до 13 ноября 1920 г. Это подтверждает документ Государственной комиссии по приему русских беженцев, отправленный в правительство 13 ноября (Државна комисија, бр. 271, 13.11.1920, МУД // АЈ. МУП КЈ. 14. 224.801).

⁷¹ И об этом решении можем судить тоже только косвенно, на основе документов Государственной комиссии: Државна комисија, бр. 208/2752, 26.11.1920, МУД // АЈ. МУП КЈ. 14. 224.801; а также на основе документов Министерства внутренних дел Королевства СХС от 27 ноября 1920 г.: МУД, Пов ЈБ бр. 9996, 27.11.1920 // АЈ. МУП КЈ. 14. 224.801.

⁷² *Jugoslavija 1918–1988...* S. 52.

⁷³ Извештај котарског поглаварства Котор, бр. 2744, Краљевској поморској области у Бакуру 7.12.1920 (ИАК, ЛУКАМ CLXX, 2744).

⁷⁴ О переговорах, прибытии кораблей и проблемах в течение приема подробнее см.: *Јовановић М.* Досељавање... С. 123–142; Данные о прибытии кораблей в порт Мелине: Исказ доласка и поласка бродова лука Мелине—Котор 1920 // ИАК. ЛУКАМ. ПК. 316.

⁷⁵ ИАД, Лучка капетанија — поглаварство, 1920; Комесар полиције, Груж, Пов. бр. 107, 2.12.1920, МУД; и МУД, пов. бр. 10158, 4.12.1920, Комесару железнице полиције Бакар; см. также: Председник Покрајинске владе Сплит, Прес. 6646, 6.12.1920, МУД (АЈ, МУП КЈ. 14, 224/801); *Narodna svijest.* 1920. 8 pros.; Котарско поглаварство Котор. Бр. 2685, 2.12.1920, Лучком поглаварству Мелине; и Котарско поглаварство Котор, бр. 2697, 3.12.1920, Управнику поморске области Бакар (ИАК, ЛУКАМ, CLXX, 2685, 2697); о подробностях переселения см.: *Јовановић М.* Досељавање... С. 127–142.

⁷⁶ Эти данные подтверждает свидетельство французского полковника Бюксеншоца, надзиравшего за переброской беженцев в Боку Которскую, о переброске 21 460 беженцев (см.: Путевые

заметки французского полковника Бюксеншоца 20.12.1920–02.01.1921 (перевод на русский — отдельная тетрадь) // Hoover. Paleologue. 018.32).

⁷⁷ Подробнее см.: *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 73.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Подробнее см.: Там же. С. 74–76.

⁸⁰ См.: Документы внешней политики СССР. М., 1959. Т. 3. С. 372–373.

⁸¹ *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 73.

⁸² Подробнее см.: Статистические сведения о размещении войск и беженцев (Крымской эвакуации) // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 1 об.; Письмо С.А. Поклевского-Козелла от 17 апреля 1921 г., копия // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 17; *Эйлер А.* Доклад о командировке в Румынию и Бессарабию, апрель 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 1; см. также: В Румынии // Зарницы. Константинополь. 1921. 20 февраля. № 2. С. 13.

⁸³ Статистические сведения о размещении войск и беженцев (Крымской эвакуации) // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 1 об.

⁸⁴ По одному из источников, в Салониках было размещено 1050 беженцев (Доклад помощника уполномоченного Российского общества Красного Креста о положении русских учреждений в Салониках // ГАРФ. Ф. Р-5780. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 119), но по другим данным, их число было 955 (В Салониках // Зарницы. Константинополь, 1921. 20 февраля. № 2. С. 13).

⁸⁵ Доклад помощника уполномоченного Российского общества Красного Креста о положении русских учреждений в Салониках // ГАРФ. Ф. 5780. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 119.

⁸⁶ Подробнее см.: Статистические сведения о размещении войск и беженцев (Крымской эвакуации) // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 1 об.; Доклад помощника уполномоченного Российского общества Красного Креста о положении русских учреждений в Салониках // ГАРФ. Ф. Р-5780. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 119–119 об.; В Салониках // Зарницы. Константинополь, 1921. 20 февраля. № 2. С. 13; Русские беженцы в Греции // ГАРФ. Ф. 5780. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 22; см. также: В Греции // Зарницы. Константинополь, 1921. 20 марта. № 3. С. 19.

⁸⁷ *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 66.

⁸⁸ Там же. С. 65–66.

⁸⁹ Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Т. 2. С. 13.

⁹⁰ Подробнее см.: *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 66–67.

⁹¹ Там же. С. 68.

⁹² *Даватц В.Х.* Годы... С. 131; см. также: Русская армия в изгнании... С. 5–6.

⁹³ П.Н. Врангель — регенту Александру, 4 апреля 1921 г. // АЖ. Министарски совет КЈ. 138. Несређена грађа; см. также: *Даватц В.Х.* Годы... С. 132.

⁹⁴ *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 69.

⁹⁵ Краткие сведения о состоянии донских беженцев на 1 июня 1921 г. в Балканских государствах // Hoover. Vazarevich; Русская армия в изгнании... С. 7; В литературе имеются и другие, заниженные данные относительно количества переселенцев в Бразилию — 2 тыс. (*Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 71).

⁹⁶ Данные о числе русских солдат, поступивших во французский Иностраннный легион, резко расходятся. Согласно одним авторам, их зарегистрировано несколько сотен, что может считаться наиболее точным числом (Русская армия в изгнании... С. 7). По другим источникам, их было 2347 человек (*Criss N.B.* Istanbul... S. 52). Некоторые указывают даже цифру 13–15 тыс., что, вне всякого сомнения, является значительно завышенным, не отвечающим реальности числом (*Ипполитов С.С., Карпенко С.В., Пивовар Е.И.* Российская эмиграция в Константинополе... С. 78).

⁹⁷ П.Н. Врангель — регенту Александру, 4 апреля 1921 г. // АЖ. Министарски совет КЈ. 138. Несређена грађа; см. также: *Даватц В.Х.* Годы... С. 132; эти данные подтверждаются другими источниками: Краткие сведения о состоянии донских беженцев на 1 июня 1921 г. в Балканских государствах // Hoover. Vazarevich; Русская армия в изгнании... С. 7.

⁹⁸ Подробнее см.: *Даватц В.Х.* Годы... С. 145–147; *Иванов И.Б.* Русский общевоинский союз: Краткий исторический очерк. СПб., 1994. С. 3.

⁹⁹ *Даватц В.Х.* Годы... С. 125–126.

¹⁰⁰ Там же. С. 126–127.

¹⁰¹ *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 68.

¹⁰² Там же. С. 71; о столкновении русских и французских солдат см. также: *Шатилов П.Н.* Доклад регенту Александру 16 апреля 1921 г. // Hoover. Wrangel. 138.10.

- ¹⁰³ *Даватц В.Х.* Годы... С. 129–130.
- ¹⁰⁴ *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 81.
- ¹⁰⁵ П.Н. Врангель — короло Петру Карагеоргиевичу, 4 апреля 1921 г. // АЖ. Министарски совет КЈ. 138. Несређена грађа; *Даватц В.Х.* Годы... С. 136; см. также: *Јовановић М.* Доселовање... С. 150–151.
- ¹⁰⁶ Ј.П. Јовановић — Министарском совету, апрель 1921 // АЖ. Министарски совет КЈ. Ф. 1. Несређена грађа; П.Н. Врангель — М. Рашичу, 26 апреля 1921 г., телеграмма; В.Н. Штрандтман — А.А. Нератову, 27 апреля 1921 г. // Hoover. Wrangel. 138.10; *Даватц В.Х.* Годы... С. 137–138; *Јовановић М.* Доселовање... С. 152.
- ¹⁰⁷ *Даватц В.Х.* Годы... С. 138; П.Н. Шатилов — военным представителям, военным агентам и атаманам, 14 июня 1921 г. // Hoover. Wrangel. 139.11; см. также: *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. С. 37; *Јовановић М.* Доселовање... С. 151–152.
- ¹⁰⁸ В.Н. Штрандтман — А.А. Нератову, 6 июля 1921 г. // Hoover. Wrangel. 139.11; см. также: *Даватц В.Х.* Годы... С. 138.
- ¹⁰⁹ См. табл. 1 на с. 93 наст. изд.
- ¹¹⁰ Hoover. Wrangel. 139.11; см. также: Казаки за границей 1921–1925. София, 1925. С. 3.
- ¹¹¹ П.Н. Шатилов — военным представителям, военным агентам и атаманам, 14 июня 1921 г. // Hoover. Wrangel. 139.11; см. также: Казаки за границей 1921–1925. С. 3.
- ¹¹² Д.Н. Потоцкий — П.Н. Шатилову, 17 августа 1921 г., телеграмма // ГАРФ. Ф. Р-5942. Оп. 4. Ед. хр. 50; см. также: *Даватц В.Х.* Галлиполи... С. 105; Руска емиграција у Југославији: (Полицијски елаборат). Билећа, 1953. С. 90.
- ¹¹³ Д.Н. Потоцкий — В.Н. Штрандтману, 17 ноября 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5942. Оп. 4. Ед. хр. 50.
- ¹¹⁴ *Даватц В.Х.* Годы... С. 147; Список лиц, подлежащих отправлению в Королевство СХС // ГАРФ. Ф. Р-5942. Оп. 4. Ед. хр. 50.
- ¹¹⁵ О попытках генерала Врангеля организовать, в соответствии с существовавшим договором, переброску «последних галлиполийцев» в Королевство СХС см.: П.Н. Врангель — Н. Пашичу, 28 ноября 1921 г., 10 и 12 апреля 1922 г. // Hoover. Wrangel. 139.11; АЖ. Министарски совет КЈ. 138. Несређена грађа; П.Н. Врангель — В.Н. Штрандтману, 27 июня 1922 г.; П.Н. Врангель — М.Н. Гирсу, 29 июня 1922 г. // Hoover. Wrangel. 148.28; *Врангель П.Н.* Приказ от 4 июля 1922 г. // Русская военная эмиграция. Т. 1. Кн. 2. С. 294–295; Е.К. Миллер — Черткову, 6 ноября 1922 г.; Е.К. Миллер — Черткову, 9 ноября 1922 г. // Hoover. Wrangel. 108.34 и 36; см. также: *Мартынов З.А.* Последние галлиполийцы // Вестник Главного правления Общества галлиполийцев. Белград, 1924. С. 111–112; *Даватц В.Х.* Годы... С. 152; Русская армия в изгнании... С. 8.
- ¹¹⁶ Источник: В.А. Артамонов — П.Н. Шатилову, 17 августа 1921 г., телеграмма; см. также: Список частей 2-го отдела пограничной стражи // ГАРФ. Ф. Р-5942. Оп. 4. Ед. хр. 50 и 51; Численный состав Галлиполийской группы в Королевстве СХС, 15.08.1923, Пограничная стража // Hoover. Wrangel. 148.28; *Лазарев Б.П.* Армия генерала Врангеля // Военная мысль и революция. М., 1922. Кн. 3. С. 106.
- ¹¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-5942. Оп. 4. Ед. хр. 50 и 51.
- ¹¹⁸ *Спасов Л.* Правителството на БЗНС, българо-съветските отношения и руските белоэмигранти // Исторически преглед. София, 1979. № 2. С. 65.
- ¹¹⁹ *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 81; то же: *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. С. 19.
- ¹²⁰ *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 81–82.
- ¹²¹ *Даватц В.Х.* Годы... С. 141; см. также: *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. С. 19.
- ¹²² *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 82.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Там же; *Даватц В.Х.* Годы... С. 142; см. также: *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. С. 19.
- ¹²⁵ *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 82.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. С. 19–20.
- ¹²⁸ Там же.
- ¹²⁹ *Даватц В.Х.* Годы... С. 145; *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 92; Русская армия в изгнании... С. 14; см. также: *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. С. 36.
- ¹³⁰ *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 83.

- ¹³¹ Спасов Л. Врангеловата армия в България... С. 84; Даватц В.Х. Годы... С. 145.
- ¹³² Даскалов Д. Бялата емиграция в България. С. 21.
- ¹³³ Там же; см. также: Спасов Л. Врангеловата армия в България... С. 84.
- ¹³⁴ Даватц В.Х. Годы... С. 142–143; Казаки за границей 1921–1925. С. 3; Спасов Л. Врангеловата армия в България... С. 82–84.
- ¹³⁵ Данные приводятся по: «Тайной адресной книге частей Русской армии» (24 февраля 1922 г.) // Спасов Л. Врангеловата армия в България... С. 98–102. Эти данные подтверждает и уполномоченный 6-го отделения КРО ГПУ Козлов (Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Т. 1. Кн. 1. С. 303–306); см. также: Лазарев Б.П. Армия генерала Врангеля. С. 106–107.
- ¹³⁶ Даскалов Д. Бялата емиграция в България. С. 20.
- ¹³⁷ Спасов Л. Врангеловата армия в България... С. 92; о проблеме русского оружия см.: Он же. Правителството на БЗНС... С. 65–66.
- ¹³⁸ Подчерков А.А. Специальная сводка за январь месяц 1922 года // Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Т. 1: Кн. 2. С. 144–145. Интересно, что в 1922 г. В. Коларов в Народной думе огласил почти одинаковые данные, согласно которым в распоряжении Русской армии в Болгарии находилось 24 600 винтовок, 156 пулеметов, 7800 шашек, 1488 тыс. патронов, 15 легковых автомашин и 10 грузовых. О проблеме изъятия оружия подробнее см.: Спасов Л. Врангеловата армия в България... С. 92–94.
- ¹³⁹ Комесаријат железничке полиције Бевџелија. Бр. 126. 17.5.1920. МУД // АЈ. МУП КЈ. 14. 224.800.
- ¹⁴⁰ МиВ, Пов ФБО бр. 6181, 7.7.1920, МУД // Там же; Полицијски комесар Нови Сегедин. Бр. 259. 14.8.1920. МУД // Там же.
- ¹⁴¹ Исказ доласка и поласка бродова лука Котор—Мельне (ИАК. ЛУКАМ. ПК 320. 1923); а также: Лучко поглаварство Котор. Бр. 420. 8.2.1923. Повереништву Поморске области Бакар (ИАК. ЛУКАМ. CLXXX. 420); Политика. Београд, 1922. 27 нов.
- ¹⁴² Представитель монархических организаций Дальнего Востока на Балканах — В.И. Базаревичу, 20 декабря 1920 г. // ГАРФ. Ф. Р-5942. Оп. 2. Ед. хр. 61.
- ¹⁴³ Комитет русской колонии в г. Ужице (Королевство СХС) — С.Н. Палеологу, 10 января 1925 // Hoover. Paleologue. 023.38.
- ¹⁴⁴ Руска емиграција у Југославији (Полицијски елаборат). Билећа, 1953. С. 95.
- ¹⁴⁵ Даскалов Д. Бялата емиграция в България. С. 24.
- ¹⁴⁶ Там же; Спасов Л. Врангеловата армия в България... С. 97.
- ¹⁴⁷ Даскалов Д. Бялата емиграция в България. С. 24; Об отношении к этим людям см.: Јовановић М. Доселџавање... С. 115–123.
- ¹⁴⁸ В борьбе. С. 38.
- ¹⁴⁹ Там же. С. 38–39.

ЧИСЛЕННОСТЬ И РАЗМЕЩЕНИЕ

Русская эмигрантская группа на Балканах представляла собой с исторической точки зрения социальное тело, которое подвергалось постоянным миграционным изменениям. Русские эмигранты, вытесненные с родины, непрерывно странствовали, переезжали одни или с семьями из города в город, из страны в страну, приезжая на Балканы и покидая их... При такой сверхподвижности группы любые попытки детальной и всеохватывающей переписи беженцев оказывались недостаточными и ненадежными. Эта особенность была выражена уже в процессе их переселения на Балканы, а также на протяжении всего межвоенного периода. Однако это вовсе не означает, что в то время не было попыток определения точного числа беженцев. Современный историк сталкивается с массой самых разнообразных, точных и приблизительных оценок и подсчетов, которыми оперировали различные государственные учреждения, эмигрантские организации или отдельные авторы. Эти цифры имеются и в архивных источниках, и в опубликованных исследованиях, но зачастую достаточно очевидно, что они возникли под влиянием определенных политических соображений, сознательных и неосознанных неточностей или некоторых натяжек. Поэтому с точки зрения современной исторической науки эти данные по многим причинам недостаточны. Некоторые из них являются недостоверными из-за ненадежной методологии получения информации, как, например, попытка Русского регистрационного бюро в Константинополе создать поименную картотеку с адресами проживания беженцев. Эта картотека не отражала реальной ситуации из-за своей статичности, вследствие того, что ее лишь дополняли адресами вновь прибывших, что привело к арифметическому росту их количества, но не могло сформировать динамическую модель изменения числа беженцев. Вторую группу попыток определения числа беженцев (переписи населения в ряде балканских стран) также можно оценить как проблематичную из-за неадекватной периодичности внесения изменений, что не позволяло сформировать картину динамичного изменения числа беженцев, а также отразить некоторые детали, как, например, получение гражданства. Третья группа попыток содержит оценку данных по некоторым небольшим географическим областям (например, число беженцев в Варне в 1919–1922 гг.) или социальным категориям (например, армия), эти оценки никак не были связаны в то время между собой и тем более не могут быть использованы для анализа общей ситуации. Поэтому всякую попытку совершить подсчет «по головам», т.е. полностью реконструировать точное количество беженцев, в действительности можно расценивать как позитивистскую утопию. Однако это вовсе не означает, что определение общего количества русских эмигрантов на Балканах как таковое невозможно.

Впрочем, деятельность историка и сводится к тому, чтобы максимально точно понять и реконструировать прошлое на основании доступных исторических источников. А доступные архивные данные дают нам возможность достаточно уверенно оценить с минимально возможной погрешностью общее количество русских эмигрантов на Балканах с учетом динамических измене-

ний этой цифры, обусловленных постоянными миграционными процессами, которые характеризуют анализируемую группу.

ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ НА БАЛКАНАХ

Общая тенденция роста и снижения числа русских эмигрантов на Балканах может быть выделена достаточно легко. Русские эмигранты, за небольшим исключением — беженцы, появились на Балканах тремя массовыми и организованными волнами: весной 1919 г., зимой и весной 1920 г., поздней осенью 1920 г. В течение этого периода количество русских беженцев на Балканах постоянно и резко увеличивалось, достигнув наивысшей точки непосредственно после эвакуации Крыма в ноябре 1920 г. После этого русские эмигранты в основном лишь выселялись с Балкан. В течение 1920-х годов процесс их выселения был крайне активен, но в 1930-х годах произошло прекращение вымывания русского элемента и относительная стабилизация числа эмигрантов. В этом заключаются основные исторические тенденции, связанные с изменением общего количества русских эмигрантов на Балканах, т.е. с их приездом и отъездом с Балкан. На практике же реальные колебания численности никогда не бывают столь однолинейны, чтобы можно было провести четкую границу между различными этапами миграционных процессов, в особенности это невозможно, когда речь идет о таком сложном процессе, как постоянные миграционные потоки русских эмигрантов на Балканах и вообще во всей Зарубежной России.

Феномен русской эмиграции характеризовался постоянными и множественными переселениями. Прибытие русских переселенцев началось еще до прибытия первых организованных групп в апреле 1919 г. и продлилось и после ноября 1920 г. С другой стороны, начало процесса оттока русских с Балкан крайне сложно определить в хронологическом плане. В первые годы этот процесс шел параллельно с процессом притока эмигрантов, хотя и был значительно менее выражен. Кроме того, миграционные потоки беженцев не были направлены исключительно на Балканы и с Балкан в другие европейские страны, но существовали и миграционные потоки на территории самих Балкан. Все эти организованные и стихийные переселения на Балканы, с Балкан или в пределах Балкан радикально отражались на динамике численности эмигрантской группы.

Однако, несмотря на все сложности, исходные и непосредственные проблемы, что особенно было выражено в Румынии, на основании доступных исторических источников все-таки можно реконструировать динамику изменения численности русских беженцев на Балканах. За первые несколько лет, т.е. непосредственно во время прибытия основного количества беженцев, изменение численности можно проследить из года в год, иногда даже от месяца к месяцу. Однако для более позднего времени, с середины 1920-х годов до Второй мировой войны, невозможно выявить даже годовую динамику изменений численности эмигрантов. Поэтому для этого периода можно дать лишь обобщенный обзор, который подразумевает анализ имеющихся данных за несколько переломных лет.

Прибытие

По окончании Первой мировой войны в конце 1918-го — начале 1920 г. на Балканах уже находилось свыше десяти тысяч подданных Российской империи. Большую их часть составляли бывшие солдаты, попавшие в плен к австро-венгерской, болгарской и немецкой армиям. В Королевстве СХС в июле 1919 г. было зарегистрировано 4–5 тыс. человек¹, в Болгарии в течение 1919 г. проживало 4500², в это же время в Константинополе и в Румынии также находилось по нескольку сотен бывших военнопленных. Большая их часть в течение 1919–1920 гг. вернулась в Россию, так что на Балканах осталось лишь несколько сотен, максимум тысяча или две тысячи представителей этой группы³. Кроме них в балканских государствах после Первой мировой войны оказались дипломатические представители и служащие Российской империи вместе со своими семьями. Их было не более нескольких десятков. Кроме того, на Балканах оказались и русские солдаты, которые в составе союзных войск сражались на Румынском фронте. Определить их количество достаточно трудно. Однако очевидно, что они, как и бывшие военнопленные, в массе своей вернулись в Россию в течение 1919–1920 гг. Меньшая их часть, максимум несколько сотен человек, осталась в группах или поодиночке в маленьких городках Греции или в румынских городах Ясы, Ботошани и Роману, т.е. в местностях, близких к бывшей линии фронта⁴. Наконец, сразу же после революционных событий в России в 1917 г. на Балканы прибыли некоторые семьи и отдельные люди, по большей части достаточно состоятельные. С начала 1918 г. они прибывали в Королевство СХС, Константинополь⁵ и Румынию⁶. Их число не превышало тысячи человек, вскоре они и вовсе покинули Балканы, расселившись по другим европейским государствам.

Хотя согласно строгой классификации данные группы не могут быть отнесены к категории беженцев, с приездом остальных эмигрантов эти люди общим числом в одну или две тысячи человек абсолютно естественно слились с основной эмигрантской массой.

К малочисленной группе русских, проживавших на Балканах еще со времен Первой мировой войны, после поражения и отступления союзнических войск интервентов весной 1919 г. присоединились около 20 тыс. беженцев с юга России. Тогда через накопительный лагерь в городе Тулча в Румынии прошли около 12 330 беженцев⁷, а в Бухаресте кроме этого было размещено несколько тысяч богатых эмигрантов, в основном евреев⁸. В Болгарию и Королевство СХС беженцы из этой группы прибыли лишь несколько месяцев спустя. В Болгарии в течение осени 1919 г. было размещено 1000⁹, в Королевстве СХС в течение лета и осени того же года около 1600 беженцев¹⁰. В то же время в Константинополе оказалось несколько тысяч беженцев. Однако по разным причинам большинство этой группы в 20 тыс. беженцев в течение нескольких месяцев покинуло Балканы. Большая их часть, отозвавшись на призыв генерала Деникина от 28 мая 1919 г. о возврате из изгнания офицеров до 43 лет, штабс-офицеров до 50 лет и всех офицеров Черноморского флота¹¹, вернулись в Россию и продолжили свое участие в Гражданской войне. Кроме того, определенное количество людей уехали с Балкан, решив искать удачу в других европейских странах. В результате в начале 1920-х годов, до поражения А.И. Деникина, на Балканах оставалось всего 2 тыс. человек из этой группы. В Румынии из 12 330 беженцев к концу 1919 г. осталось всего 1619¹², их число

уменьшалось и впоследствии, так что в середине 1922 г. от этого числа в стране осталось всего несколько сотен человек¹³. В Королевстве СХС от 1600 эмигрантов из этой группы с 26 мая 1919 г. по 31 января 1920 г. в Россию вернулось 900¹⁴, а в стране осталось лишь 700 человек. В Константинополе осталось несколько большее число беженцев — около 1000 человек¹⁵, в то время как в Болгарии — большинство из 1000 беженцев, которые прибыли с этой волной решили искать убежища в какой-нибудь другой стране¹⁶.

Значительно большая группа эмигрантов прибыла на Балканы после поражения А.И. Деникина, зимой и весной 1920 г. В течение нескольких месяцев, после эвакуации Одессы в январе до сдачи Новороссийска в марте 1920 г., в балканские страны прибыло 52—55 тыс. новых беженцев из России. Большинство из них, в отличие от предыдущей группы, оставалось на Балканах более или менее продолжительное время. В результате их переселения общее число русских эмигрантов на Балканах возросло до 56 тыс. После их прибытия в Константинополь в конце июня Главное регистрационное бюро зарегистрировало 25 тыс. беженцев¹⁷, однако логично предположить, что их число, включая тех, кто не был зарегистрирован, было в реальности несколько больше. В связи с этим, вероятно, большее доверие стоило бы оказать данным, которые собрала Русская армия генерала Врангеля, согласно которым число беженцев в Константинополе было около 35 тыс.¹⁸ В Королевство СХС беженцы этой волны прибывали с января до лета 1920 г. Их число колебалось в пределах 7—8 тыс. человек¹⁹. В течение января и февраля 1920 г. из 13 тыс. человек, которые посуху отправились в изгнание, после трагедии, пережитой ими в районе Аккермана, а несколько дней спустя и в районе села Раскаец, на территорию Румынии смогли пробиться всего 1800 человек. В течение следующих нескольких месяцев значительное число этих беженцев покинули территорию Румынии. Часть их была переброшена в Королевство СХС, а остальные в начале мая — в Болгарию²⁰. После поражения армии Деникина Болгария приняла, по уточненным данным, 8640 человек²¹. В течение нескольких следующих месяцев большая их часть отбыла прежде всего в Королевство СХС, а также в страны Западной Европы, так что, по данным Русского Красного Креста, из беженцев, эвакуированных из России с января по апрель 1920 г., на 1 июля 1920 г. в Болгарии находился 4081 человек²². Помимо крупных групп беженцев, размещенных в Константинополе, Королевстве СХС и Болгарии, свыше 10 тыс. беженцев было размещено на Принцевых островах, на островах Антигона, Принкипо, Халки и Проти рядом с Константинополем²³. Вскоре после прибытия эмигрантов начался их отток. Уже в то время миграционные процессы в рамках Зарубежной России становились все интенсивнее. В течение лета свыше 4 тыс. офицеров и около 5 тыс. гражданских лиц — стариков, женщин и детей — вернулись в Крым, отзывавшись на призыв генерала Врангеля²⁴. В то же время определенное число беженцев смогли получить разрешения на выезд в одну из западноевропейских стран. В результате общее число беженцев сократилось до 35—45 тыс. человек²⁵.

Когда в ноябре 1920 г., после поражения Русской армии и эвакуации Крыма, к Константинополю на 126 кораблях подплыли «145 693 человека, не считая судовых команд»²⁶, количество русских беженцев на Балканах достигло максимума. Тогда с формальной точки зрения по окончании Гражданской войны прекратился организованный приток беженцев с юга России на Балканы. С прибытием этой группы эмигрантов в небольшом временном интервале,

с конца 1920-го и до начала 1921 г., резко увеличилось количество русских беженцев на Балканах, достигнув максимального количества — 215—220 тыс. человек. Из 150 тыс. человек, вывезенных из Крыма, 21 343 человека, не сходя с кораблей в Константинополе, отправились в Королевство СХС²⁷. Официальная София под давлением Франции согласилась разместить в Болгарии в ноябре—декабре 1920 г. лишь 4170 человек²⁸. Румыния и Греция, несмотря на серьезное давление Франции, согласились принять еще меньше беженцев, чем Болгария. Лишь в конце 1920 г. правительство Румынии согласилось принять 1650 беженцев, размещенных на курорте Текер-Гиола в районе Констанцы²⁹. Греция, как и Румыния, оттягивала переговоры и лишь в конце 1920-го — начале 1921 г. согласилась принять 1742 беженцев. Из них 1000 человек были размещены в Салониках, а 750 — в афинском порту Пирей³⁰. Кроме того, еще 4585 человек, прибывших на кораблях Врангеля в ходе эвакуации, были судовыми командами кораблей, захваченных Францией в качестве компенсации за помощь крымским беженцам; эти люди были перебросены во французский порт Бизерта в Тунисе³¹. После всего этого в Константинополе осталось 116 788 беженцев. В это время, в конце декабря 1920-го и в начале января 1921 г., была сформирована первая характерная, хотя и недолговечная система территориального размещения русских беженцев на Балканах. Тогда и возникло представление о Константинополе как об одном из крупнейших центров русской эмиграции вообще, которое достаточно часто можно обнаружить в историографии. Тогда в течение чуть более месяца в самом городе, в его ближайших пригородах и на кораблях, пришвартованных в городских портах, находилось свыше 70 % всех русских эмигрантов на Балканах. В Константинополе в то время их число достигло максимального количества — 167 тыс. человек³². Одновременно в Королевстве СХС было размещено 31 тыс., в Болгарии примерно 16 тыс., в Греции до 4 тыс. и в Румынии около 2 тыс. русских беженцев.

Но уже с весны, а особенно с лета 1921 г. количество беженцев на Балканах быстро начало уменьшаться. А когда началось перемещение частей Русской армии из лагерей в пригороде Константинополя в Королевство СХС и в Болгарию, резко стала меняться и топография их распределения на Балканах. Все эти перемены: отток беженцев с Балкан, организованная переброска в другие балканские страны, как и все более поздние приезды групп или отдельных лиц на Балканы, представляли собой абсолютно новую категорию жизни русских эмигрантов — внутренние миграции в рамках Зарубежной России. Несмотря на все особенности комплексных миграционных процессов, из-за которых столь трудно проследить за изменением числа беженцев в последующие годы, все-таки можно с уверенностью утверждать, что с того времени, т.е. с весны 1921 г., в истории русской эмиграции на Балканах начался обратный процесс — вымывание русских эмигрантов, — сводившийся в перспективе к постоянному уменьшению их количества.

Ситуация в Румынии

При подсчетах общего числа русских беженцев один вопрос может ввести исследователя в заблуждение и привести к ошибкам в подсчетах. В особенности если иметь в виду полный разброд в историографии, которая до сих пор не

пришла к единому мнению по этому вопросу. Речь идет об определении числа русских эмигрантов в Румынии.

Ситуация в Румынии особенно сложна, потому что в ней в межвоенный период существовали две категории русских людей. Беженцы, которые эмигрировали из России в 1919–1920 гг., и русское население, проживавшее в Буковине и Бессарабии, на территориях, захваченных Румынией в конце Первой мировой войны³³. Поэтому, когда речь идет о Румынии, необходимо различать беженцев и представителей русского национального меньшинства. Но к сожалению, это мнение не было поддержано в историографии. Напротив, в литературе присутствует целый ряд крайне противоречивых и очевидно преувеличенных цифр, на основании которых можно прийти к ошибочному выводу, что количество беженцев в Румынии со временем возрастало. Если речь идет о данных, относящихся к 1920-м годам, то они колеблются в огромных, зачастую невероятных интервалах. Так, в начале 1920-х годов (1920–1921), по данным Ю.В. Мухачева, в Румынии было 10 тыс.³⁴, по данным П.Е. Ковалевского — от 20 тыс. до 80 тыс.³⁵, а по некоторым предположениям Е.М. Кулишера, даже 100 тыс.³⁶ русских эмигрантов. В то же время о более позднем периоде такие авторы, как Кулишер и Раев³⁷, приводили цифры в 35–40 тыс. на январь 1922 г., а к 1924 г. это предполагаемое количество возросло до 80 тыс. (по оценкам П.Н. Милюкова³⁸). Стоит добавить, что при анализе положения 1930-х годов в работах тех же авторов сохраняется подобная несогласованность — 7 тыс. (за 1929–1930 гг.), по Ковалевскому³⁹, 12–15 тыс. (за 1930 г.), по Раеву⁴⁰, 6284 (за 1934 г.), по Милюкову⁴¹, и 11 тыс. (за 1937 г.), вновь по Раеву⁴², что в итоге вызывает полное недоразумение.

Напротив, данные источников гораздо более однообразны, а приведенные в них цифры несравнимо меньше. Все они свидетельствуют о том, что в начале 1920-х годов в Румынии было не более 2 тыс. беженцев. Так, по французским данным конца 1920-го — начала 1921 г., в Румынии было 1800 беженцев⁴³. Санитарно-эмигрантское отделение Русской армии пришло к выводу, что в феврале 1921 г. было 2 тыс. беженцев⁴⁴. На основании данных С.А. Полевского-Козелла, владевшего, вероятно, наиболее полной информацией, за 1921 г. было 1700–2 тыс. беженцев⁴⁵. Похожие данные приведены и в донесении А. Эйлера от апреля 1922 г. — о колебании числа беженцев около 2 тыс. человек⁴⁶. С этой точки зрения показателен и тот факт, что в докладе Лиги Наций от 1926 г. вообще не приведены данные о количестве беженцев в Румынии⁴⁷, а в официальном сообщении за 1927 г. упомянуто, что было всего 500 беженцев⁴⁸. Это уменьшение количества беженцев в Румынии соответствует, если смотреть в перспективе, общей тенденции оттока русских эмигрантов с Балкан. К сожалению, в источниках отсутствуют данные по 1930-м годам, но, если отнестись с доверием к данным Лиги Наций за 1927 г. о 500 беженцах, логично предположить, что их число уменьшилось до нескольких десятков лиц, имевших в Румынии статус беженцев.

В то же время доступные сведения показывают, что в Румынии в межвоенное время проживало русское национальное меньшинство в количестве нескольких сотен тысяч человек. П.Е. Ковалевский, ссылаясь на результаты переписи населения, проведенной в 1920 г., приводит данные, что из 2 686 000 жителей Бессарабии (и, вероятно, Буковины) 742 тыс. человек назвали себя русскими⁴⁹. А по официальным данным председателя Национального союза

русских меньшинств в Румынии Ю.М. Цамутали, представленным на Совете русских меньшинств 7 сентября 1930 г. в Женеве, русское национальное меньшинство, проживавшее на территории Румынии, составляло 1200 тыс. человек⁵⁰.

Внутренние балканские миграции

Одним из основных видов миграционных процессов, которые привели к изменению количества и топографии расселенности русских беженцев на Балканах, были переселения из одной балканской страны в другую. Все эти миграции, без учета того, шла ли речь о переездах отдельных беженцев, небольших групп в первой половине 1920-х годов или о массовой переброске частей Русской армии во второй половине 1921 г., были направлены в два балканских государства: Королевство СХС и Болгарию.

В Королевство СХС беженцы прибывали не только из балканских стран, но и из других регионов размещения русской диаспоры.

Табл. 7. Неорганизованный приезд беженцев в Королевство СХС

Дата	Численность	Исходный пункт, причина миграции
Май 1920 г.	100–150	Английский госпиталь в Салониках
Август 1920 г.	179	Из транзитной группы, которая через Венгрию и Королевство СХС направлялась на юг России
27 октября — 17 ноября 1920 г.	2053	Солдаты и офицеры армии Деникина, размещенные на острове Лемнос в соответствии с договором с Великобританией
1921–1923 гг.	11 500 ⁵¹	Части Русской армии
Сентябрь 1922 г.	100–150	Из Болгарии, вследствие политических преследований
8 февраля 1923 г.	761	Инвалиды одного из константинопольских санаториев
Февраль 1924 г.	367	Учащиеся Хабаровского кадетского корпуса из Шанхая
Декабрь 1924 г.	21	Бывшие офицеры Дальневосточной армии
Май 1928 г.	440	Беженцы из Константинополя, вследствие ухудшения политической ситуации

Балканские миграции русских беженцев, следовавших в Болгарию, в основном происходили в течение 1922 г.

Табл. 8. Неорганизованный приезд беженцев в Болгарию

Дата	Численность	Исходный пункт, причина миграции
Декабрь 1921 г.	853	Из Константинополя, 593 ученика русской начальной школы, 240 учеников и 20 преподавателей русской гимназии
1921–1922 гг.	19 600 ⁵²	Части Русской армии
Апрель 1922 г.	50	Инженеры из Константинополя
Февраль и сентябрь 1922 г.	2500	Гражданские беженцы из Константинополя, среди которых было 1000 членов Общеказачьего союза.

Дата	Численность	Исходный пункт, причина миграции
Весна 1922 г.	2600	По инициативе Лиги Наций, солдаты и офицеры Деникина из британских лагерей на Кипре и в Египте, не принятые в Королевстве СХС
Август 1922 г.	160	Инвалиды из приюта для инвалидов № 2 в Константинополе
Октябрь — ноябрь 1922 г.	100–150	Тяжелобольные из константинопольских больниц
1922 г.	1470	Из Константинополя, по инициативе Нансеновского комитета, 200 студентов, 70 родителей детей, которые обучались в Болгарии, 200 беженцев из английской оккупационной зоны и 1000 специалистов в различных областях
1922 г.	80	Инвалиды из Константинополя

Эти миграции меньших масштабов, несмотря на свою интенсивность, не могли нарушить баланс расположения русских беженцев на Балканах, возникший после эвакуации Крыма в ноябре 1920 г. Полностью изменила этот баланс лишь переброска частей Русской армии из лагерей в районе Константинополя в Болгарию и Королевство СХС, когда всего за полгода до 30 тыс. русских солдат и определенное количество гражданских лиц, в основном женщин и детей, покинули свое первое убежище в изгнании.

В то время как шла переброска частей Русской армии в Болгарию и Королевство СХС, параллельно начался процесс массового оттока беженцев, в основном из Константинополя, в другие европейские страны. Вследствие этого уже в конце 1921 г. количество русских эмигрантов на Балканах сократилось почти вдвое, а картина их распределения в балканских странах радикально изменилась. После этой первой волны оттока эмигрантов на Балканах осталось около 115 тыс. беженцев. Большинство из них (70%) после передислокации частей Русской армии проживало в Королевстве СХС и Болгарии. В последней с прибытием 19 600 солдат и офицеров общее число беженцев достигло примерно 36 тыс.⁵³, хотя и современники, и позднейшие исследователи часто оперировали преувеличенными данными в 40⁵⁴, 43⁵⁵ и даже 50 тыс. эмигрантов⁵⁶. Переброска 11 500 солдат Русской армии в Королевство СХС привела к увеличению общего числа беженцев в стране до 42 500⁵⁷. С другой стороны, после передислокации частей Русской армии в самом Константинополе и его пригородах осталось около 30 тыс. бывших подданных Российской империи, которые в дальнейшем постоянно уезжали из города. Кроме того, в Греции в начале 1920-х годов находилось около 3–4 тыс. человек и в Румынии около 2 тыс. человек. В то время окончательно сформировалась новая топография территориального распределения русских беженцев на Балканах. Большая часть эмигрантов была размещена в двух славянских странах, Королевстве СХС и Болгарии, а Константинополь по всем показателям стал всего лишь транзитным центром на пути эмигрантов в другие европейские государства. Все имеющиеся данные доказывают, что эта система территориального распределения эмигрантов оставалась неизменной на протяжении всего межвоенного периода.

Но основной процесс, который определял изменение числа русских эмигрантов на Балканах начиная с весны 1921 г. вплоть до начала Второй мировой войны, сводился к отъезду беженцев.

Сокращение численности

Приезд и отъезд беженцев представляли собой два параллельных, взаимосвязанных и переплетенных процесса, которые практически невозможно разделить точной хронологической границей. Процесс выселения беженцев был явлением, присущим их жизни. Этот процесс начался еще во время появления первых беженцев, был ярко выражен после прибытия первой и второй волн эмигрантов в течение 1919–1920 гг., а с 1921 г. перерос в доминирующую тенденцию. Процесс выселения беженцев по многим причинам невозможно реконструировать во всех подробностях. Единственная возможность — это на основании доступных архивных документов проследить тенденцию уменьшения общего числа беженцев на Балканах в межвоенный период. И даже это возможно сделать лишь на основании данных, которые содержат информацию о динамике численности эмигрантов в нескольких временных интервалах, в середине и конце 1920-х и в середине и, условно говоря, конце 1930-х годов, а не ежегодные изменения. Таким образом может быть воссоздана следующая картина изменения численности русских беженцев.

Первое большое и организованное переселение беженцев с Балкан после того, которое последовало вслед за эвакуацией Крыма, произошло в течение 1922–1923 гг. Речь идет о репатриации в Советскую Россию, проводимой под руководством двух советских организаций, центры которых находились в Болгарии: Союза возвращения на Родину (Совнарод) и Советской миссии Красного Креста. В течение полутора лет, до июня 1923 г., эти организации смогли убедить 11 357 беженцев, в основном из Болгарии или из других балканских стран, а также, в некоторой мере, и из других европейских стран вернуться в СССР⁵⁸. После организованной репатриации на Балканах, по суммарным и порой противоречивым подсчетам различных организаций, осталось к 1923-му — началу 1924 г. около 89 тыс. беженцев. Свыше 80 % их уже тогда проживали в Болгарии и Королевстве СХС. Благодаря репатриации и другим миграционным процессам количество беженцев в Константинополе в те годы стало резко сокращаться. К сентябрю 1922 г., по данным, которые верховный комиссар по делам беженцев передал Лиге Наций, в Константинополе жило около 18 тыс. русских беженцев⁵⁹. А два года спустя согласно переписи, которую провело константинопольское отделение Верховного комиссариата Лиги Наций, в городе проживало 5580 беженцев⁶⁰. В Болгарии в те годы количество беженцев также сокращалось, но не настолько резко. В конце 1922 г. в Болгарии было 33 340 беженцев, в следующем 1923 г. их было 32 240, а в течение 1924 г. их число сократилось до 30 540 человек⁶¹. В Королевстве СХС в течение 1922 г. количество русских беженцев достигло максимального числа — около 42 500 человек⁶². На основании доступных сведений об изменении количества русских беженцев в Греции можно прийти к выводу, что в этой стране процесс выселения был в те годы менее выражен. В начале января 1922 г. в Греции было до 3200⁶³, а в 1924 г. — около 3 тыс. русских беженцев⁶⁴, тогда как в Румынии в 1922 г. их было около 2 тыс. человек⁶⁵.

Организованная репатриация в Советскую Россию прекратилась после государственного переворота в Болгарии в июне 1923 г., когда была приостановлена деятельность Советской миссии Красного Креста и Совнарода. Это, однако, не привело к изменению тенденции быстрого сокращения количества

русских беженцев на Балканах. Напротив, в последующие несколько лет, а в особенности в 1924–1928 гг., большое количество эмигрантов организовано переехало в Западную Европу: во Францию и Бельгию. Переезд организовало агентство «Технопомощь», которое по договору с работодателями из этих стран искало среди русских эмигрантов необходимые кадры для имевшихся рабочих мест⁶⁶. Для определенного количества русских эмигрантов в то же время появилась организованная возможность переселения в Америку⁶⁷. Организованное переселение русских беженцев в Западную Европу и США в целях трудоустройства лишь интенсифицировало постоянный процесс оттока эмигрантов с Балкан, который не прекращался все межвоенное время.

Это ясно видно и при анализе количества беженцев в конце 1920-х годов. В 1926 г. их было около 70 тыс., в 1927–1928 гг. чуть больше 57 тыс., а в самом конце первого десятилетия в 1929 г., в изгнании, на территории Балкан жило около 53–54 тыс. русских беженцев. Приведенные цифры показывают, что за десять лет с Балкан выселилось до 75 % тех, кто в течение 1919–1920 гг. прибыл в эти края. В конце 1920-х годов продолжилась и тенденция концентрации русских в Югославии и Болгарии, в этих двух государствах к 1926 г. жило чуть больше 90 %, а к 1929 г. и 95 % всех русских беженцев, поселившихся на балканских просторах.

Общая тенденция уменьшения количества беженцев была заметна во всех балканских государствах. Строго говоря, кроме отъездов на уменьшение их количества влиял и отрицательный естественный прирост, т.е. превышение количества умерших над родившимися; принятие иностранного гражданства также, хотя и фиктивно, уменьшало количество беженцев.

В Болгарии в 1926 г., по данным Ф. Нансена, представленным на Девятой конференции Лиги Наций в сентябре 1928 г., проживало 28 340 беженцев⁶⁸. В следующем 1927 г., также по официальным данным Лиги Наций, было 26 494 беженца⁶⁹, тогда как к 1928 г., согласно докладу Нансена от сентября того же года, проживало 25 942 человека⁷⁰. По его данным, в 1929 г. в Болгарии осталось 24 513 русских эмигранта⁷¹. Интересно отметить, что в некоторых исследованиях приводится значительно меньшее число беженцев⁷².

В Королевстве СХС, по сообщению Нансена на Девятой конференции Лиги Наций, в 1926 г. было 38 тыс. беженцев⁷³. Однако имеющиеся данные позволяют утверждать, что это была завышенная оценка, а на самом деле в Королевстве проживало 32 500 эмигрантов⁷⁴. Данные Нансена являются спорными и за 1927 г., так как, по ним, количество эмигрантов сократилось до 25 350⁷⁵. Можно предположить, что такая труднообъяснимая диспропорция в регистрации беженцев могла быть плодом ошибочной оценки и расчета (вероятнее всего, из числа эмигрантов исключили тех, кто принял югославское гражданство). Такой вывод можно сделать, если иметь в виду данные, которые Нансен представил за 1928 г. (27 345 беженцев⁷⁶) и за 1929 г. (26 299⁷⁷), а также результаты переписи населения Югославии, проведенной в 1931 г.

Общая тенденция уменьшения количества беженцев была заметна и в других балканских странах. В наиболее радикальной форме она выразилась в Константинополе, где процесс выселения, помимо других факторов, был усилен резким ухудшением отношения местных властей к беженцам, и в особенности ультимативным требованием властей, чтобы русские либо приняли турецкое гражданство, либо вернулись в СССР. Вследствие этого количество

беженцев в городе сократилось к 1926 г. до 5 тыс.⁷⁸, к 1927 г. до 3 тыс.⁷⁹, к 1928 г. до 1747⁸⁰, а к 1929 г. до 1400⁸¹.

Уменьшение количества беженцев в Греции было менее радикальным. По официальным данным Лиги Наций, в 1926–1928 гг. русских в Греции насчитывалось около 2 тыс.⁸², к 1929 г. их численность незначительно уменьшилась — до 1659 человек⁸³.

Что касается Румынии, то можно с уверенностью утверждать, что к концу 1920-х годов процесс выселения беженцев был там окончательно завершен. На такой вывод указывает и тот факт, что в соответствующих исторических источниках того периода лишь один раз появляется цифра, относящаяся к количеству русских эмигрантов в Румынии. Речь идет об официальной оценке в 500 человек⁸⁴. В докладе, сделанном для Лиги Наций в сентябре 1928 г., верховный комиссар по вопросам беженцев Ф. Нансен вообще не указал числа эмигрантов в Румынии⁸⁵. Однако совершенно неожиданно и без какого-либо объяснения среди официальных данных Лиги Наций за 1929 г. появилась абсолютно фантастическая цифра в 70 тыс. беженцев⁸⁶. Вероятно, дело было в том, что чиновники Лиги Наций включили в категорию беженцев всех представителей русского национального меньшинства, которые жили в «старом Королевстве», т.е. на территориях, входивших в состав Румынии и до включения в ее состав Бессарабии и Буковины. Сам тот факт, что в официальных сообщениях Лиги Наций за 1927 г. фигурировало 500 человек, а за 1928 г. количество беженцев и вовсе не было названо, можно считать признаком того, что процесс непрерывного выселения русских беженцев из Румынии, начавшийся еще в начале 1920-х годов, подошел к своему логическому концу и что в стране остались жить всего несколько десятков или сотни две беженцев, а такое число крайне трудно зафиксировать в обзорных докладах.

В начале 1930-х годов в условиях общего экономического кризиса прекратилось организованное выселение с Балкан в Западную Европу. Разумеется, и позднее происходили отдельные переселения в поисках подходящей работы и лучшей жизни, но это явление больше не имело характера массового перемещения организованных групп. Можно даже прийти к выводу о том, что такие переселения носили незначительный спорадический характер, а общему уменьшению числа беженцев больше способствовал отрицательный естественный прирост.

Относительно редкие данные доступных источников свидетельствуют о том, что к 1934 г. на Балканах проживало 50–51 тыс. русских беженцев. Абсолютное большинство из них (95 %) и в дальнейшем было сконцентрировано в Болгарии и Югославии. В те годы количество беженцев в Болгарии достигало 20 тыс. По данным полицейского управления за 1934 г., их было 20 008 человек⁸⁷, а по официальным статистическим данным — 21 722 человека (с тем, что в их число были включены и армянские беженцы)⁸⁸. В Югославии к середине 1930-х годов количество беженцев перестало уменьшаться и даже несколько увеличилось по сравнению с данными конца 1920-х годов. По данным П.Н. Милюкова, в 1934 г. в стране проживало около 27 500 беженцев⁸⁹. Похожая ситуация сложилась и в Константинополе, где, по данным того же Милюкова, в 1934 г. проживало 1695 беженцев, и в Греции, где их было 1492⁹⁰. Проверенных данных о количестве беженцев в Румынии в середине 1930-х годов нет⁹¹, а с учетом резкого уменьшения их числа в конце 1920-х годов мож-

но предположить, что их осталось не больше нескольких десятков или пары сотен.

Наконец, имеющиеся данные позволяют сделать еще один срез численности русских эмигрантов на Балканах — за 1936—1937 гг., т.е. за два года до начала Второй мировой войны. Эти цифры дают нам возможность в общих чертах закончить описание тенденций изменения численности русских эмигрантов на Балканах в межвоенное время.

Доступные данные подтверждают, что тенденция стабилизации числа русских беженцев на Балканах, начавшаяся в начале 1930-х годов, продолжилась до конца этого десятилетия.

В 1936—1937 гг. на Балканах находилось 47 тыс. русских эмигрантов. В Югославии и Болгарии и далее проживало около 95 % всех беженцев. В Югославии, по данным Нансеновской канцелярии Лиги Наций, к 1936 г. было 27 400, а к 1937 г. — 27 150 русских беженцев⁹². В Болгарии в то же время, по данным за 1938 г., их число приблизилось к 16 500⁹³. В Константинополе их было около 1200⁹⁴, а в Греции «не более 2 тыс.», по одним данным⁹⁵, или около 2200 — по другим⁹⁶.

В течение второго десятилетия жизни на Балканах общее число русских эмигрантов было намного стабильнее, чем в течение первого десятилетия. В то время как в первое десятилетие происходили массовые и организованные миграции, в ходе которых до трех четвертей (75 %) беженцев покинуло Балканы, период 1930—1937 гг. протекал под знаком стабилизации, с уменьшением общего уровня всего на 12 %. Это уменьшение, с учетом отрицательного естественного прироста, можно отнести к естественной динамике численности эмигрантов. Более детальный анализ показывает, что почти во всех балканских государствах (кроме, пожалуй, Болгарии) общее количество русских беженцев в течение этого десятилетия стабилизировалось.

Данные, которыми мы располагаем, несмотря на определенные пробелы и неувязки, позволяют более или менее достоверно представить численность русских эмигрантов на Балканах в виде таблицы.

Табл. 9. Численность русских эмигрантов на Балканах, 1919—1938 гг., тыс. чел.

Период	Численность
начало 1919	около 5
весна 1919	около 20
весна 1920	около 56
конец 1920	215—220
конец 1921	около 115
1923—1924	82—89
1926	около 70
1927—1928	67—68
1929—1930	около 60
1934	50—510
1937—1938	42—44

Табл. 10. Численность русских эмигрантов на Балканах, 1919–1937 гг., тыс. чел.

Период	Константинополь	Югославия	Болгария	Греция	Румыния	Всего
1919	1,0	1,6	1,0	—	около 1,6	около 5,2
весна 1920	около 35,0	7,0–8,0	8,6	2,0	1,8	около 56,0
конец 1920	160,0–170,0	31,0	16,0	4,0	2,0	215,0–220,0
конец 1921	30,0	около 42,5	35,0–36,0	3,0–4,0	2,0	около 115,0
1923–1924	около 10,0	около 40,0	32,0–33,0	3,0–3,2	около 2,0	82,0–89,0
1926	около 5,0	около 38,0	28,3	около 2,0	—	около 70,0
1927	3,0	35,0–36,0	26,5	около 2,0	500	67,0–68,0
1928	1,8	34,0–35,0	25,9	около 2,0	—	около 64,0
1929	1,4	32,0–34,0	24,5	1,7	—	около 60,0
1934	1,7	27,5	около 20,0	1,5	около 100	50,0–51,0
1936–1937	1,2	27,0–27,5	16,5	около 2,0	—	42,0–44,0

Динамика колебаний численности русской эмиграции на Балканах ясно указывает на то, что ее основную социальную составляющую обусловили постоянные перемены, которые касались всех беженцев. Как ясно можно заметить, миграции являлись сильно выраженным и продолжительно воздействующим фактором на всей территории Балкан. В ходе этих миграций, которые начинались на Балканах или же сводились к переселению в его рамках, разнородная масса беженцев перерастала в специфическую социальную группу, с особыми представлениями о себе и о целях, к которым следует стремиться.

Таким образом, миграции стали одной из основных структурно-исторических констант русской эмиграции на Балканах. Да и сам процесс этих постоянных перемен имел некоторые постоянные характеристики. А именно то, что количество русских беженцев на Балканах никогда за время межвоенного периода не превышало 10 % от всей массы русских беженцев в мире. Несмотря на это, территория Балкан имела важное значение в истории русской эмиграции. Это подтверждается фактом, который стал второй структурно-исторической константой русской эмиграции, а именно — число беженцев на Балканах уменьшалось в соответствии с его ростом в Западной Европе, и прежде всего во Франции в 1920-е, и в США в 1930-е годы. Это определенно доказывает то, что Балканы были одной из наиболее важных территорий, на которых беженцы собирались и организовывались после разлуки с родиной, территорией, где они провели свои первые дни в изгнании и пережили новую для себя ситуацию, пытаясь преодолеть психологические трудности, вызванные их отбытием в неведомое, и т.д. Лишь после этого, когда сложились подходящие обстоятельства, эти люди переселялись в страны Западной Европы. Исследование причин этого явления показывает, что они руководствовались при этом поисками лучшей работы или более высокой заработной платы, более подходящих для них общественных условий, исходя из причин психологического характера или вследствие утраты надежд на скорое возвращение в Россию. Но несмотря на это, роль Балкан в процессе их дальнейших миграций была крайне значимой и по-своему неповторимой.

Социальное преобразование, которое беженцы претерпели в изгнании, еще яснее вырисовывается при анализе структурных характеристик эмигрантской группы.

¹ В.А. Артамонов — представителю Армии Юга России при Союзном командовании в Румынии, 12 июля 1919 г. // Hoover. Girs. 46.04.

² *Панайотов П.* Руските емигранти в България и движението сред тях за връщане в Съветска Русия (1920—1923 г.) // Исторически преглед. София, 1963. № 5. С. 36; эти данные подтверждает и сообщение о приблизительно 5000 беженцев на октябрь 1919 г., см.: *Спасов Л.* България и южно-руските правителства... С. 6; см. также: *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 22—23, 26.

³ 200 — в Королевстве СХС, 45 — в Константинополе, некоторое количество — в Болгарии и Румынии.

⁴ *Эйлер А.* Доклад о командировке в Румынию и Бессарабию, апрель 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 1—1 об.; см. также: Письмо С.А. Поклевского-Козелла от 17 апреля 1921 г., копия // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 16—17.

⁵ Материал для характеристики русских, живущих в Константинополе, июль 1920 г. // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 449. Л. 1, 15 об.

⁶ Письмо С.А. Поклевского-Козелла от 17 апреля 1921 г., копия // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 16—17.

⁷ Список лиц, прошедших через этап в гор. Тулче за 1919 г. // ГАРФ. Ф. Р-5982. Оп. 1. Ед. хр. 190. Л. 78, 115 об.

⁸ *Эйлер А.* Доклад о командировке в Румынию и Бессарабию, апрель 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 1—1 об.

⁹ *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. С. 13; *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 24.

¹⁰ Политика. Београд, 1920. 5 марта.

¹¹ *Деникин А.И.* Приказ от 10 июня 1919 г. // ГАРФ. Ф. Р-5942. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 27.

¹² Список русских эмигрантов, находившихся в Румынии, 1919 г. // ГАРФ. Ф. Р-5982. Оп. 1. Ед. хр. 190. Л. 1—198 об.

¹³ *Эйлер А.* Доклад о командировке в Румынию и Бессарабию, апрель 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 1—1 об.

¹⁴ Политика. Београд, 1920. 5 марта.

¹⁵ *Федюк В.П.* Белые... С. 137.

¹⁶ *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. С. 13; *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 24.

¹⁷ Российская эмиграция в Турции... С. 10. Те же данные приведены в: *Ипполитов С.С., Карпенко С.В., Пивовар Е.И.* Российская эмиграция в Константинополе... С. 77.

¹⁸ *Росс Н.* Врангель в Крыму. С. 309.

¹⁹ Извештај Сједињеног комитета Руског друштва Црвеног крста... С. 24; см. также: Hoover. Paleologue. 016.31; Обращение правительственного уполномоченного к русским беженцам, эвакуированным из Крыма к далматинским берегам Королевства СХС, 7 декабря 1920 г. // Hoover. Paleologue. 006.14.

²⁰ Николаенко — начальнику русского гарнизона г. Варны, 29 мая 1920 г.

²¹ Беженците и условия труда в България. С. 12. Эти данные приблизительно соответствуют официальным статистическим данным 1920 г. о том, что 9247 человек в Болгарии назвали своим родным языком русский (Статистически годишник на Царство България год. XXIII — 1931. С. 33).

²² *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. С. 14.

²³ О пребывании беженцев на островах подробнее см.: ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 21.

²⁴ Российская эмиграция в Турции... С. 11. Один из этих приказов был издан в начале мая 1920 г., в нем подчеркивалось, что в Крым необходимо послать всех русских офицеров, которые находятся в соответствующих возрастных рамках и желают служить в армии, и что больные могут отложить свое возвращение до выздоровления (А.С. Лукомский — В.А. Артамонову, 11 мая 1920 г. // Hoover. Paleologue. 001.2).

²⁵ Очерк деятельности Всероссийского земского союза... С. 14; Российская эмиграция в Турции... С. 11; *Ипполитов С.С., Карпенко С.В., Пивовар Е.И.* Российская эмиграция в Константинополе... С. 77.

²⁶ *Врангель П.Н.* Записки. Ч. 2. С. 433.

²⁷ Подробнее о численности см.: *Йовановић М.* Досељаванье... С. 180—183. Эти данные в основном подтверждают и свидетельства французского полковника Бюксеншюца, который в ходе пе-

редислокации беженцев из района Константинополя был наблюдателем за их переброской в район залива Бока-Которска; согласно его данным, в Королевство было переброшено 21 460 беженцев (см.: Путевые заметки французского полковника Бюксеншоца 20.12.1920—02.01.1921 (перевод на русский — отдельная тетрадь) // Hoover. *Paleologue*. 018.32.

²⁸ *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 73.

²⁹ Письмо С.А. Поклевского-Козелла от 17 апреля 1921 г., копия // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 17; см. также: В Румынии // Зарницы. Константинополь, 1921. 20 февраля. № 2. С. 13.

³⁰ Русские беженцы в Греции // ГАРФ. Ф. Р-5780. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 22; см. также: В Греции // Зарницы. Константинополь, 1921. 20 марта. № 3. С. 19.

³¹ Цит. по: *Спасов Л.* Союзът за завръщане в родината // Исторически преглед. София, 1987. № 11. С. 87.

³² *Criss N.B.* Istanbul... С. 48. Это косвенно подтверждают и данные о 170 тыс. человек, о которых сообщал верховный комиссар по вопросам русских беженцев; см.: *Нансен-Хейер Л.* Книга об отце. Л., 1971. С. 375. Необходимо упомянуть, что по вопросу о числе русских эмигрантов, размещенных после эвакуации Крыма в Константинополе, было много преувеличений и завышенных оценок. Главное регистрационное бюро в Константинополе в конце 1920 г. зарегистрировало в своей картотеке 190 тыс. имен эмигрантов (Российская эмиграция в Турции... С. 10); в литературе приводились данные о 200 тыс. (*Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 42—43; *Мухачев Ю.В.* Идеино-политическое банкротство... С. 41, откуда эти данные были перенесены в: *Соницева Н.Е.* На чужом берегу. С. 57) или даже о 300 тыс. эмигрантов (*Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. С. 25, речь идет о числе беженцев, которые «прошли через Стамбул»). На большую осторожность при проведении подсчетов указывают и официальные данные, которые свидетельствуют о том, что уже в начале 1921 г. общее число беженцев в городе было порядка 90 тыс. (см. также: Смештаж русских избеглица, 95 тыс. (Near East relief, 19.03.1921 // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 449. Л. 1), 97 тыс. (Бюллетень Российского земско-городского комитета помощи. Париж, 1921. 15 июля. № 5/6 // Hoover. *Paleologue*. 05.9) и 99 тыс. (ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 1237. Л. 1; см. также: Број русских избеглица).

³³ С этой точки зрения особую проблему представляет собой тот факт, что не существует ни одного надежного исторического исследования, в котором была бы рассмотрена история русской эмиграции в Румынии.

³⁴ *Мухачев Ю.В.* Идеино-политическое банкротство... С. 41.

³⁵ *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 42—43, 45—46.

³⁶ *Kulisher E.M.* Europe on the move... P. 54.

³⁷ *Ibid.*; см. также: *Раев М.* Россия за рубежом... С. 261.

³⁸ *Miloukoff P.* The Russian emigration (рукопись). С. 14 // ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 14.

³⁹ *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 33—34.

⁴⁰ *Раев М.* Россия за рубежом... С. 261.

⁴¹ *Miloukoff P.* The Russian emigration (рукопись). С. 14 // ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 14.

⁴² *Раев М.* Россия за рубежом... С. 261.

⁴³ *Bernachot J.* Le corps d'occupation de Constantinople. P., 1972. P. 131.

⁴⁴ Статистические сведения о размещении войск и беженцев // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 1 об.; см. также: Сколько русских за границей... С. 19.

⁴⁵ Письмо С.А. Поклевского-Козелла от 17 апреля 1921 г., копия // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 16—17.

⁴⁶ *Эйлер А.* Доклад о командировке в Румынию и Бессарабию, апрель 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 16—17.

⁴⁷ См.: Memorandum soumis à la Conference intergouvernale pour la question des réfugiés à Genève 10—11 V 1926. — Informations statistiques concernant réfugiés // РГВА. Ф. 1385к. Оп. 1. Ед. хр. 109.

⁴⁸ Memorandum soumis par le directeur du Bureau International du travail sur l'oeuvre du service des réfugiés, Genève, le 23 août 1927 // ГАРФ. Ф. Р-5764. Оп. 1. Ед. хр. 142. Л. 204—206 об. Необходимо отметить, что эти данные не опубликованы в: *Réfugiés arméniens et Russes, Genève 1927.*

⁴⁹ *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 12.

⁵⁰ Из этого числа около 800 тыс. проживало в Бессарабии, около 300 тыс. — в Буковине и около 100 тыс. — в «Старом Королевстве» (Ю.М. Цамутали). См.: ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 368а. Л. 8.

⁵¹ О конфликтах, недоразумениях и проблемах, которые вызывало число русских солдат в Королевстве СХС, см.: *Јовановић М. Доселовање...* С. 183–186.

⁵² Данные об общем числе русских солдат, которые в течение второй половины 1921 г. были переброшены в Болгарию, в источниках и литературе незначительно колеблются. Согласно донесениям полковника А.А. Подчеркова их было 19 165 человек (см.: Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Т. 1. Кн. 2. С. 171–172). На основании достаточно надежного и детального исследования Л. Спасова можно подсчитать, что с 27 мая по 17 декабря в Болгарию было переброшено 19 645 русских военных, офицеров и гражданских лиц (см.: *Спасов Л. Врангеловата армия в България...* С. 82–84). К подобной оценке численности (до 19 512 человек) пришел и Д. Даскалов (см.: *Даскалов Д. Бялата емиграция в България. С. 19–21, 22*). Однако в литературе появлялись и нерезально завышенные данные: около 18 тыс. (*Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. С. 36*), даже 24 тыс. (*Горяинов А.Н. Культурно-просветительные организации русских эмигрантов в Болгарии (до начала 30-х годов XX века) // Славяноведение. М., 1994. № 4. С. 23*).

⁵³ *Даскалов Д. Бялата емиграция в България. С. 24; Спасов Л. Русские ученые-белоземляки в Болгарии (1920–1930 годы) // Bulgarian historical review. Sofia, 1992. № 4. С. 107; Комитет освобождения России, преследование русских в Болгарии, 10 июня 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 9; Кёсева Ц. Русские эмигрантские организации... С. 45. Необходимо отметить, что согласно официальным данным, которые епископ Стефан, комиссар по вопросам русских беженцев в Болгарии представил 1 февраля 1922 г. Нансеновскому комитету Лиги Наций, в Болгарии, по данным РОКК, было зарегистрировано 31 744 беженца, из которых 26 867 были мужчинами, 3171 женщинами и 1700 детьми, однако «в это число не были включены лица, входившие в самостоятельную занимающуюся поддержкой своих членов военные организации, а также те, кто более или менее обеспечен, кто не нуждается в постоянной помощи». На основании этих данных Д. Даскалов пришел к выводу, что общее число беженцев в Болгарии достигало порядка 36 тыс. (см.: *Даскалов Д. Бялата емиграция в България. С. 24*).*

⁵⁴ До Българската Царска легация Берн, № 24, 07.01.1924, и № 59, 23.01.1924 // ЦДИА. Ф. 176к. Оп. 5. А.е. 186.

⁵⁵ Министерство на външните работи и изповеданията, Дирекция на изповеданията до господин министра на вътрешните работи и народно здраве, 14.06.1938 // ЦДИА. Ф. 264. Оп. 2. А.е. 9409.

⁵⁶ *Панайотов П. Руските емигранти в България...* С. 39.

⁵⁷ О количестве русских беженцев в Королевстве СХС см.: *Јовановић М. Доселовање...* С. 163–186; в основном именно эту оценку численности в 1930-х годах государственные учреждения Королевства использовали как официальную и оперировали ей в Совете Лиги Наций, см.: *Стојановић Г. Меѓународни избеглички проблем // XX век. Београд, 1938. № 9. С. 578*.

⁵⁸ *Спасов Л. Врангеловата армия в България...* С. 200–204; см. также: *Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. С. 89*.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 14.

⁶⁰ Перепись русских беженцев в Константинополе (октябрь 1924 г.) // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 479. Л. 1. Необходимо упомянуть, что П.Н. Милкопов привел в 1924 г. свою оценку численности в 9 тыс. (*Miloukoff P. The Russian emigration (рукопись). С. 14–15 // ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 14–15, а П.Е. Ковалевский — «чуть меньше 10 000» (Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия... С. 50)*). К сожалению, авторы не указывают, к какой части года относятся их данные.

⁶¹ Беженците и условия труда в България. С. 12; Это подтверждают и данные, которые в феврале 1922 г. собрал Совнарод — 31 665 беженцев (см.: *Даскалов Д. Бялата емиграция в България. С. 141–143*). В архивных документах встречаются и более высокие оценки числа беженцев — 35 тыс., что относится к началу 1922 г. (Преследование русских в Болгарии, 10 июня 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 9), «до 33 000 беженцев в январе 1924 года» (До Българската Царска легация Берн, № 24, 07.01.1924, и № 59, 23.01.1924 // ЦДИА. Ф. 176к. Оп. 4. А.е. 2734), а также чуть меньшая цифра в 26–30 тыс., это уменьшение объясняется тем, что оценка исходит от Совнарода (Общая сводка по Болгарии, 25.03.1923 // Там же. Оп. 5. А.е. 186).

⁶² О количестве русских беженцев в тот период см.: *Јовановић М. Доселовање...* С. 163–186.

⁶³ *Kulisher E.M. Europe on the move...* С. 54.

⁶⁴ *Miloukoff P.* The Russian emigration (рукопись). С. 14–15. ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 14–15.

⁶⁵ Письмо С.А. Поклевского-Козелла от 17 апреля 1921 г., копия // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 16–17; см. также: *Эйлер А.* Доклад о командировке в Румынию и Бессарабию, апрель 1922 г. // Там же; см. также: Статистические сведения о размещении войск и беженцев // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 87. Л. 1 об.; см. также: Сколько русских за границей.

⁶⁶ Д.Н. Потоцкий — С.Н. Палеологу, 7 июля 1924 г. // Hoover. *Paleologue*. 023.38; см. также: документ без заглавия от 23 июня 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р-6792. Оп. 1. Ед. хр. 656. Л. 8–10; Ф.Ф. Абрамов — П.Н. Шатилову, 1 сентября 1925 г. // ГАРФ. Ф. Р-5942. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 246–246 об.

⁶⁷ Российский земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей — В.Д. Брянскому, 12 марта 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р-5771. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 1–9.

⁶⁸ *Memorandum soumis à la Conference intergouvernale pour la question des réfugiés à Genève 10–11 V 1926.* — Informations statistiques concernant réfugiés // РГВА. Ф. 1385к. Оп. 1. Ед. хр. 109; те же данные приведены и в русском переводе этого документа: ГАРФ. Ф. Р-5764. Оп. 15. Ед. хр. 1. Л. 48; см. также: *Серapiroнова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995. С. 18.

⁶⁹ *Memorandum soumis par le directeur du Bureau International du travail sur l'oeuvre du service des réfugiés, Genève, le 23 août 1927* // ГАРФ. Ф. Р-5764. Оп. 1. Ед. хр. 142. Л. 204–206 об.; см. также: *Réfugiés arméniens et Russes.*

⁷⁰ См.: *Серapiroнова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике... С. 18.

⁷¹ См.: Там же. С. 19.

⁷² 21 830 (*Раев М.* Россия за рубежом... С. 261) или же 21 330 (*Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 33–34) беженцев. Остается неясным, откуда такое, весьма существенное различие в доступных нам данных Лиги Наций и в цифрах, опубликованных в литературе.

⁷³ *Memorandum soumis à la Conference intergouvernale pour la question des réfugiés à Genève 10–11 V 1926.* — Informations statistiques concernant réfugiés // РГВА. Ф. 1385к. Оп. 1. Ед. хр. 109; те же данные приводятся и в русском переводе документа: ГАРФ. Ф. Р-5764. Оп. 15. Ед. хр. 1. Л. 48; см. также: *Серapiroнова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике... С. 18.

⁷⁴ Речь идет об официальных государственных данных, которые были представлены Ф. Нансену в ответ на его анкету, разосланную правительствам всех заинтересованных государств, для собрания Межгосударственной конференции о русских беженцах в Женеве в мае 1926 г., на которой были урегулированы некоторые вопросы, связанные со статусом беженцев (см.: С. Гаврилович — М. Ивановичу, 4 мая 1926 г. // РГВА. Ф. 1385к. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 11–12). Однако согласно данным британского посла в Белграде в 1925 г. было 32 500 беженцев (он указывает, что в Королевстве живет 29 500 зарегистрированных и 3 тыс. незарегистрированных русских беженцев (см.: *Avramovski Ž.* *Britanci o Kraljevini...* С. 307)). Необходимо отметить, что приблизительно такое же число русских беженцев было зарегистрировано и официальной переписью населения Королевства Югославия в 1931 г. Согласно «Окончательным результатам переписи населения от 31 марта 1931 года» в Королевстве СХС проживало 32 781 человек, родившихся в России (Краљевина Југославија: Статистички годишњак 1938–1939. С. 59). Из них 26 790 официально относились к иностранным гражданам (Краљевина Југославија: Статистички годишњак 1937. С. 71), т.е. не имели югославского гражданства. На основании этих данных можно прийти к выводу о том, что с начала 1930-х годов около 5–6 тыс. русских беженцев приняли югославское гражданство.

⁷⁵ *Memorandum soumis par le directeur du Bureau International du travail sur l'oeuvre du service des réfugiés, Genève, le 23 août 1927* // ГАРФ. Ф. Р-5764. Оп. 1. Ед. хр. 142. Л. 204–206 об.; см. также: *Réfugiés arméniens et Russes.*

⁷⁶ *Серapiroнова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике... С. 18.

⁷⁷ Там же. С. 19.

⁷⁸ *Memorandum soumis à la Conference intergouvernale pour la question des réfugiés à Genève 10–11 V 1926.* — Informations statistiques concernant réfugiés // РГВА. Ф. 1385к. Оп. 1. Ед. хр. 109; то же см. в: ГАРФ. Ф. Р-5764. Оп. 15. Ед. хр. 1. Л. 48; см. также: *Серapiroнова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике... С. 18.

⁷⁹ *Memorandum soumis par le directeur du Bureau International du travail sur l'oeuvre du service des réfugiés, Genève, le 23 août 1927* // ГАРФ. Ф. Р-5764. Оп. 1. Ед. хр. 142. Л. 204–206 об.; см. также: *Réfugiés arméniens et Russes.*

⁸⁰ *Серapiroнова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике... С. 18.

⁸¹ Там же. С. 19.

⁸² Согласно этим данным в 1926 г. было 2 тыс. беженцев (*Серapiroнoвa E.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике... С. 18); в 1927 г. — 2075 (*Memorandum soumis par le directeur du Bureau International du travail sur l'oeuvre du service des réfugiés, Genève, le 23 août 1927 // ГАРФ. Ф. Р-5764. Оп. 1. Ед. хр. 142. Л. 204—206 об.; см. также: Réfugiés arméniens et russes*); а в 1928 г. — 2045 (*Серapiroнoвa E.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике... С. 18).

⁸³ Там же. С. 19.

⁸⁴ *Memorandum soumis par le directeur du Bureau International du travail sur l'oeuvre du service des réfugiés, Genève, le 23 août 1927 // ГАРФ. Ф. Р-5764. Оп. 1. Ед. хр. 142. Л. 204—206 об.; эти данные отсутствуют в кн.: Réfugiés arméniens et russes.*

⁸⁵ См.: *Серapiroнoвa E.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике... С. 18.

⁸⁶ Там же. С. 19.

⁸⁷ *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. С. 148—149.

⁸⁸ Статистически годишник на царство България год. 32. С. 40.

⁸⁹ *Miloukoff P.* The Russian emigration (рукопись). С. 14—15 // ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 14—15.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Данные Милюкова о 6284 беженцах стоит оценивать критически, с учетом неопределенного отношения Милюкова к методике подсчета численности беженцев и членов национального русского меньшинства.

⁹² *Stoupnitzky A.* Condition des réfugiés russes en Yougoslavie: Rapport préliminaire // ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Ед. хр. 520. Л. 126—127.

⁹³ Министерство на външните работи и изповеданията, Дирекция на изповеданията — До господин министра на вътрешните работи и народно здраве // ЦДИА. Ф. 264. Оп. 2. А.е. 9409.

⁹⁴ *Раев М.* Россия за рубежом... С. 261.

⁹⁵ Доклад, прочитанный А.А.Котельниковым в помещении Русского общественного собрания, 22 декабря 1935 г. // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 189. Л. 3.

⁹⁶ *Раев М.* Россия за рубежом... С. 261.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Необычная структура русской эмигрантской группы представляла собой ту особенность, которая была легко заметна и оставалась в памяти современников. Как современники, так и более поздние исследователи, занимавшиеся этим вопросом, указывали на исключительное значение русских эмигрантов в развитии культуры и искусства (например, Н.О. Массалитинов, Ю.Л. Ракитин и др.) или науки (Г.А. Острогорский, П.М. Бицилли, Н.П. Кондаков и др.) отдельных стран. Особенности русской социальной структуры можно проследить исходя из не менее ярких впечатлений современников о русских графинях, служивших горничными, гувернантками и официантками, или о генералах, зарабатывавших на хлеб, работая водителями такси. В обоих случаях, независимо от того, ставились ли во главу угла социальный успех и положительное значение, которое беженцы имели в новой среде, или очевидная социальная деградация некоторых бывших представителей высшего общества, эти впечатления лишь подтверждают то, что современники четко осознавали: они наблюдают эмигрантскую группу крайне необычного состава. Действительно, если проанализировать краткие статистические данные о социальном составе русской эмигрантской группы, становится ясно, что впечатления современников были достаточно точными.

Балканские общества, в которые влились беженцы, столкнулись с группой исключительно образованных людей, принадлежавших в России в значительной мере к высшим слоям общества. Такой легко объяснимый социальный состав был обусловлен характером Гражданской войны, вследствие которой все эти люди и покинули свою родину. На формирование специфической возрастной и половой структуры повлиял преимущественно военный характер эмиграции, в особенности — уход в эмиграцию почти всей Русской армии под командованием генерала П.Н. Врангеля. Идеологическим и классовым характером Гражданской войны были обусловлены высокий образовательный и профессиональный уровни русских эмигрантов.

ВЗРОСЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ С УЧЕТОМ РАЗДЕЛЕНИЯ ПО ПОЛУ И ВОЗРАСТУ

Анализ имеющихся у нас данных о русской эмиграции на Балканах ясно указывает на то, что из России в 1919—1920 гг. эмигрировали в основном зрелые, работоспособные мужчины. Учитывая характер нашей книги, а также тот факт, что многие очень похожие и практически однотипные данные повторяются в большом количестве источников, изо всех данных, на основании которых можно реконструировать социальную структуру, мы приведем лишь самые характерные. Сконцентрированные в таблицах, они дадут нам возможность проследить ситуацию в различных государствах, принявших беженцев, в различные периоды времени. Такой способ представления данных позволит не только выделить важнейшие характеристики группы, но и проследить ди-

намику изменений ее специфических социальных параметров с ходом времени. Особое внимание при анализе будет посвящено сравнению данных, связанных с эмигрантской группой, с ситуацией в России до и после отъезда эмигрантов, а также с ситуацией в странах, где проживали беженцы.

Возрастная структура

На отъезд в изгнание прежде всего решалось работоспособное население, т.е. в возрасте от 20 до 45 лет. На этот вывод указывают абсолютно все доступные нам данные.

Табл. 11. Возрастная структура русских эмигрантов в Румынии, 1919 г.¹

Возраст, лет	Численность	%
0—4	10	0,6
5—10	14	0,9
11—15	44	2,7
16—20	196	12,2
21—25	364	22,7
26—30	278	17,4
31—35	204	12,8
36—40	117	7,3
41—45	205	12,8
46—50	119	7,4
51—55	35	2,2
56—60	7	0,4
61 и старше	8	0,5
Всего	1601	100,0

Полученные результаты показывают, что до 73% эмигрантов из этой группы принадлежали к возрастной группе от 20 до 45 лет, что в группе было всего 16,5% детей и подростков, 10% беженцев от 45 до 60 лет и всего 0,5% лиц старше 60 лет.

Табл. 12. Возрастная структура русских эмигрантов в Константинополе, 1 ноября 1921 г.²

Возраст, лет	Мужчины	Женщины	Общее число	%
0—7	900	600	1 500	5,0
8—16	1 200	900	2 100	7,0
17—54	19 500	5 400	24 900	83,0
55 и старше	900	600	1 500	5,0
Всего	22 500	7 500	30 000	100,0

Легко заметить, что 83% эмигрантов из этой группы принадлежали к возрастной группе от 17 до 54 лет, в то время как детей и подростков было всего 12%, а лиц старше 55 лет только 5%. Такая ситуация в еще большей мере, чем в случае с эмигрантской группой в Румынии, указывала на доминирование работоспособных лиц среди беженцев. Это в значительной мере подтверждается и другими источниками³.

Табл. 13. Возрастная структура русских эмигрантов в Королевстве СХС, 1922 г.⁴

Возраст, лет	Мужчины	Женщины	Общее число	%
0—5	507	489	996	3,3
6—11	836	674	1510	5,0
12—15	807	531	1338	4,5
16—20	2110	1036	3146	10,5
21—25	3280	1784	5064	16,9
26—30	3611	1495	5106	17,0
31—35	2502	1009	3511	11,7
36—40	1858	823	2681	8,9
41—45	1793	507	2300	7,7
46—50	1457	431	1888	6,3
51—60	1361	457	1818	6,0
61 и старше	398	244	642	2,2
Всего	20 520	9480	30 000	100,0

Этот детальный анализ содержит более сбалансированные данные, но и он указывает на исключительно большой процент, который представляла группа лиц от 21 до 45 лет — 62,2. В то же время процент детей и молодежи составляет здесь 23,3. Беженцев от 46 до 60 лет было 12,3%, старше 61 года — 2,2%, что больше, чем в примерно те же годы в Румынии и Константинополе. Эти результаты в основном подтверждает и еще один анализ, базирующийся на изучении приблизительных данных о количестве беженцев⁵.

После десятилетия в изгнании ситуация с этой точки зрения несколько сбалансировалась.

Табл. 14. Возрастная структура русских эмигрантов в Югославии, 31 марта 1931 г.⁶

Возраст, лет	Мужчины	Женщины	Общее число	%
0—14	720	699	1 419	4,3
15—24	1 611	1 413	3 024	9,2
25—59	17 696	8 496	26 192	79,9
60 и старше, в т. ч. неизвестный	1 383	763	2 146	6,6
Всего	21 410	11 371	32 781	100,0

Количество детей и молодежи в русской эмигрантской группе и далее было около 12 %, а количество работоспособных людей — от 20 до 45 лет — колебалось в районе 65 %.

Благодаря этим данным, несмотря на их заметную относительность, можно с определенной степенью достоверности воссоздать приблизительные параметры, отражающие возрастную структуру русской эмигрантской группы на Балканах. В своей основе среди русских эмигрантов на Балканах, несомненно, преобладали работоспособные люди — от 20 до 45 лет. Процент детей и молодежи был в два-три раза меньше, в то время как возрастные группы от 46 до 60 и старше 60 лет были представлены в исключительно низком процентном соотношении по сравнению с группой работоспособных. Следует отметить, что со временем вследствие низкой рождаемости значительно сократился и процент детей в эмигрантской группе, а количество более старых беженцев возросло, что лучше всего заметно на основе единственного доступ-

ного анализа начала 1930-х годов (результат переписи населения Югославии 1931 г.).

Имея в виду все вышеприведенные данные, их большую или меньшую относительность и некоторую противоречивость, конечно же, с достаточной долей скептицизма этот вывод можно попытаться выразить в виде таблицы с относительными данными, которая отражает возрастную структуру всей русской эмигрантской группы на Балканах в начале 1920-х годов. Эта попытка важна только по одной причине: на основании анализа этой таблицы можно провести сравнение с другими странами (прежде всего с Россией и СССР), в том числе с балканскими, и таким образом определить особенности, присущие русской эмигрантской группе.

Табл. 15. Возрастной состав русской эмигрантской группы. Балканы и страна происхождения — Россия (СССР), %

Возрастная группа	Россия (1897), % ⁷	Русские эмигранты на Балканах, %	СССР (1937), % ⁸
0–20	48,6	18–25	44,9
20–45	34,4	65–70	37,9
45–60	11,4	8–10	10,5
61 и старше	5,6	1–2	6,7

Табл. 16. Возрастная структура русской эмигрантской группы по странам размещения, %

Возрастная группа	Болгария ⁹	Балканские страны	Королевство СХС ¹⁰	Турция ¹¹	Румыния ¹²	Греция ¹³
0–20	46,0	18–25	45,5	47,7	46,4	43,2
20–45	35,1	65–70	33,7	—	—	—
20–60	—	73–80	—	45,0	46,6	47,6
45–60	10,8	8–10	12,1	—	—	—
61 и старше	8,1	1–2	8,7	7,3	7,0	9,2

Несмотря на то что все эти показатели были получены в результате методологически различных в Греции, Румынии и Турции способов подсчета, приведенные данные ясно подчеркивают особенности русской эмигрантской группы по сравнению с ее окружением. Более чем очевидно, что среди русских эмигрантов на Балканах преобладали люди в возрасте от 25 до 45 лет (65–70%), что ни в коей мере не похоже ни на ситуацию в стране, из которой эти люди приехали (в России конца XIX в. эта группа составляла 34%, а в СССР конца 1930-х годов 38% населения), ни на ситуацию в странах, где они разместились после эмиграции (в Болгарии — только 35%, а в Королевстве СХС — 34% населения принадлежало к этой возрастной группе). Достаточно очевидно и то, что процент детей и молодежи в возрасте до 20 лет (всего 18–25%) был намного ниже, чем в России (49%) и в СССР (45%), а также в балканских странах, в которых они проживали — в Турции (48%), Румынии (46%), Греции (43%), Югославии (45%) и Болгарии (46%). В значительной мере отличалось и

количество людей старше 60 лет — в то время как среди русских беженцев к этой возрастной группе принадлежало 1–2%, в России она составляла — 6%, в Советском Союзе — 7%, а в балканских государствах — 7–9%. В противоположность этому возрастная группа, состоявшая из людей от 45 до 60 лет, в процентном отношении была, условно говоря, приблизительно сопоставима с Россией и балканскими странами. Среди беженцев эта группа составляла 10–11%, а в балканских странах — 11–12%.

Эти основные характеристики полностью отражали характер и причины, по которым эти люди оказались в эмиграции. Гражданская война и политическая непримиримость в равной степени, как и трудности, и психологические сложности отъезда в изгнание, и неустроенность жизни в незнакомой среде, могли подтолкнуть к эмиграции лишь вполне сознательную, ответственную и относительно молодую личность, которая бы хорошо понимала возможные последствия своего решения. Поэтому среди беженцев было исключительно мало как детей, так и пожилых людей. Для обеих этих групп эмиграция представляла собой непосильную физическую нагрузку, а кроме того, в престарелом возрасте люди обычно крайне тяжело решаются на такие радикальные изменения¹⁴.

Десятилетие жизни в изгнании обозначило две легко заметные тенденции: во-первых, процент детей в русской эмигрантской группе и далее уменьшался и, во-вторых, процент пожилых людей стал возрастать. Разумеется, рост процентного количества пожилых людей был прямым следствием естественного старения эмигрантской группы, однако эти показатели также обращают наше внимание и на тот вывод (подтвержденный и другими данными), что рождаемость в русской эмигрантской группе была крайне низкой, что можно объяснить как общими бытовыми условиями в эмиграции, так и особой половой структурой эмигрантской группы.

Половая структура

Одной из наиболее специфических характеристик русской эмиграции на Балканах в межвоенное время был выраженный дисбаланс в половой структуре — преобладание мужчин (около 70%), что явилось прямым следствием военного характера русской эмиграции, т.е. отбытия в изгнание всей Русской армии.

Это несоответствие и его последствия становятся еще более очевидными, если обратить внимание на тот факт, что до приезда частей врангелевской армии поздней осенью 1920 г. половая структура русской эмигрантской группы на Балканах была более уравновешенной и приближалась к обычным социальным стандартам.

Табл. 17. Половая структура русских беженцев на Принцевых островах, 5 мая 1920 г.¹⁵

	Ангитона	Прикипио	Проти	Халки	Без данных о возрасте	Общее число	%
Мужчины	323	611	282	653	163	2032	49
Женщины	500	945	196	308	174	2123	51
Всего	823	1556	478	961	337	4155	100

Табл. 18. Половая структура русских беженцев в Королевстве СХС, 20 июня 1920 г.¹⁶

	Численность	%
Мужчины	5356	56,4
Женщины	4141	43,6
Всего	9497	100,0

Ситуация на Принцевых островах, как можно заметить, полностью соответствовала нормальной половой структуре, в то время как ситуация в Югославии лишь незначительно отличалась от обычной.

Несколько месяцев спустя, после прибытия частей Русской армии, ситуация радикально изменилась. Диспропорция видна на примере анализа всех соответствующих данных начала 1920-х годов.

Табл. 19. Половая структура русских беженцев в Константинополе, 1921 г.¹⁷

	Численность	%
Мужчины	22 500	75
Женщины	7 500	25
Всего	30 000	100

Эта ситуация соответствует и другим имеющимся данным¹⁸.

Табл. 20. Половая структура русских беженцев в Королевстве СХС, середина 1922 г.¹⁹

	Численность	%
Мужчины	17 138	70,7
Женщины	7 117	29,3
Всего	24 255	100,0

Вывод о диспропорции в половой структуре русской эмигрантской группы подтверждается и официальными статистическими данными по Болгарии середины 1920-х годов.

Табл. 21. Половая структура русских беженцев в Болгарии, по данным официальной статистики, 1926 г.²⁰

	Численность	%
Мужчины	15 079	77,0
Женщины	4 511	23,0
Всего	19 590	100,0

Дисбаланс процентного соотношения мужчин и женщин подтверждает и анализ случайной выборки, произведенной в Варне в 1919–1922 гг.²¹

В течение двух десятилетий пребывания беженцев в эмиграции диспропорция не была ликвидирована. Однако очевидно, что в 1930-х годах наблюдалось определенное уменьшение в процентном соотношении мужчин и женщин в эмигрантской группе. Это явление можно объяснить прежде всего организованными переселениями бывших русских военных для трудовой деятельности в Западной Европе, имевшими место в середине 1920-х годов.

Табл. 22. Половая структура русских беженцев в Югославии, по данным официальной статистики, 31 марта 1931 г.²²

	Численность	%
Мужчины	21 410	65,3
Женщины	11 371	34,7
Всего	32 781	100,0

Табл. 23. Половая структура русских беженцев в Болгарии, по данным официальной государственной статистики, относящимся к русским и армянским беженцам, 1934 г.²³

	Численность	%
Мужчины	13 265	61,0
Женщины	8 457	39,0
Всего	21 722	100,0

Все вышеприведенные данные недвусмысленно указывают на военный характер русской эмиграции, что, несмотря на факт отъезда из России и значительного количества гражданских лиц, решающим образом повлияло на огромную диспропорцию в половой структуре эмигрантской группы.

Особенности половой структуры русской эмигрантской группы можно ясно заметить, если иметь в виду то, что нормальное соотношение мужчин и женщин в обществе — порядка 50%.

Насколько с этой точки зрения структура русской эмигрантской колонии на Балканах отличалась от нормальной, нагляднее всего можно проиллюстрировать на примере сравнительного анализа ситуации в стране, из которой эти люди эмигрировали, и стран, куда они прибыли, с ситуацией среди беженцев.

Табл. 24. Половая структура русской эмигрантской группы. Балканы и страна происхождения — Россия (СССР), %

Пол	Россия — 1897 ²⁴	Русские эмигранты на Балканах	СССР — 1937 ²⁵
Мужчины	49,3	70—75	47,3
Женщины	50,7	25—30	52,7

Табл. 25. Половая структура русской эмигрантской группы по странам размещения, %

Пол	Югославия ²⁶	Болгария ²⁷	Турция ²⁸	Румыния ²⁹	Греция ³⁰	Балканские страны
Мужчины	49,0	49,9	49,3	49,1	49,6	70—75
Женщины	51,0	50,1	50,7	50,9	50,4	25—30

Особенности половой структуры неминусом, что абсолютно логично, отражались и на семейной структуре русской эмигрантской группы.

Социальная и демографическая диспропорция, выраженная в возрастной и половой структуре, обусловила то, что группа в значительной мере отличалась от социальных стандартов страны пребывания. При этом факторы, которые с общественной точки зрения делали ее непохожей, придавали ей узнава-

емый и характерный облик и позволяли современникам замечать, что «особой чертой этой русской эмиграции является преобладание интеллектуалов, а точнее трудовой интеллигенции»³¹, связаны прежде всего с образовательной и профессиональной структурой русской эмигрантской группы.

Но прежде чем приступить к анализу социальных характеристик этой группы и ее особенностей по сравнению с окружающими, необходимо рассмотреть одну из базовых структурных особенностей, на которую современная историография не обращала почти никакого внимания и тем самым оставляла открытое пространство для произвольных, ошибочных и тенденциозных объяснений. Речь идет о национальной структуре эмигрантской группы. О проблеме, которая в царской России не относилась к числу важнейших, но в национально чувствительных обществах Балкан, конечно, имела существенное значение.

«РОССИЙСКАЯ» ИЛИ «РУССКАЯ»³² ЭМИГРАЦИЯ: НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ СТРУКТУРА ЭМИГРАНТСКОЙ ГРУППЫ

Национальный состав

Определение национального состава не только на Балканах, но и во всей Зарубежной России представляется достаточно сложным, деликатным, с исторической и общенаучной точки зрения малоисследованным, крайне проблематизированным и даже политизированным вопросом³³.

Конкретнее, в современной науке имеются тенденции весь феномен русской эмиграции путем крайне сомнительных исследовательских манипуляций поделить и разграничить на независимые исследования русской, украинской и белорусской эмиграции³⁴. Две причины этих тенденций в равной степени лежат вне рамок науки. Во-первых, это наличие молодых политических элит современной Украины и Белоруссии, которые, очевидно, желают нынешнюю политическую независимость верифицировать историческими примерами. При этом современная ситуация ненаучными методами переносится на прошлое, это прошлое по аналогии с современными событиями разбивается на части и начинается создание отдельных государственных историй. Тем самым полностью отрицается уникальность феномена, которым являлась русская (российская) эмиграция. Во-вторых, это вызвано пренебрежением двумя научными аксиомами. А именно: отбрасывают историческую реальность филологической двойственности терминов «российский», который в начале XX в. означал принадлежность к определенному государству, и «русский», означавший в то время нацию в европейском смысле этого понятия, как, например, «украинский» и «белорусский». Вместо этого ставится знак равенства между понятиями «российский» и «русский» (по аналогии с современной ситуацией), что с точки зрения исторической науки недопустимо. В то же время полностью

пренебрегают тем фактом, что понятие «*российская эмиграция*» включает в себя и эмиграцию в социологическом значении этого термина. Речь идет о населении, эмигрировавшем из страны, которая называлась Россия, что и вызвало появление в науке термина «*российская эмиграция*»³⁵. Под этим определенно подразумевается тот факт, что русская эмиграция не была мононациональна, в ее составе были люди различных наций, входивших в состав Российской империи (т.е. русские, украинцы (малороссы), белорусы, а также калмыки, евреи, татары, немцы, поляки, греки и т. д.).

Из всех вышеприведенных обстоятельств можно заключить, что речь идет об актуальной и важной научной проблеме. Несмотря на это, в историографии нет точных данных о национальной структуре русской эмиграции, которые бы опирались на адекватный анализ исторических источников. Отдельные авторы пытались путем крайне спорных методик косвенно определить национальный состав эмигрантской группы. Наиболее характерный пример косвенного вывода о национальном составе можно найти в статье О.Д. Гетманенко и А.А. Юшко³⁶, которые применяют следующий «методологический» подход к решению этой сложной проблемы: «Точных статистических данных на этот счет (национальный состав) у нас нет, да вряд ли они вообще существуют <...> Но приблизительную картину дают сведения об уроженцах, учащихся в военных училищах, эвакуированных из Крыма в 1920 году»³⁷. Их анализ основан на данных о месте рождения учеников военных училищ. Важно обратить внимание читателя, что с точки зрения социологии эти данные являются неадекватной и абсолютно нестратифицированной статистической выборкой с учетом того, что ученики военных училищ составляли незначительную и нехарактерную часть всех тех, кто был эвакуирован из Крыма в 1920 г. Однако, несмотря на это, указанные авторы решились вывести приблизительный национально-региональный состав русской эмиграции³⁸ (в процентах):

Великороссия	26
Малороссия (Украина)	50
Белоруссия	3
Польша	3
Прибалтика	1
Кавказ	12

Если бы мы согласились с мнением этих авторов, всех рожденных на Украине автоматически следовало бы сверстать в украинцев, а уроженцев России — в русских. Ясно, что настолько упрощенная схема ни в коей мере не соответствует исторической реальности. Таким образом, стремление авторов определить национальный состав по месту рождения теряет силу научного аргумента и сводится к крайне упрощенной и прозрачной политизации и злоупотреблению историческими данными.

Это ясно доказывает и анализ доступных источников, содержащих данные о составе эмигрантской группы, согласно которым русские отчетливо доминировали в ней.

Табл. 26. Национальная структура русской эмигрантской группы в Румынии, 1919 г.³⁹

Национальности	Общее число	%
русские	1320	82,2
украинцы (малороссы)	213	13,3
немцы	21	1,3
молдаване (жители Бессарабии)	15	0,9
поляки	5	0,3
греки	5	0,3
латыши	3	0,2
евреи	3	0,2
армяне	3	0,2
татары	3	0,2
шведы	2	0,1
литовцы	2	0,1
болгары	2	0,1
чехи	2	0,1
румыны	2	0,1
куманы	2	0,1
грузины	1	0,06
турки	1	0,06
казахи	1	0,06
Всего	1606	100,0

На еще более выраженное преобладание русских в рамках эмигрантской группы указывает анализ данных об эмигрантской колонии в городе Варна в Болгарии в 1919–1922 гг.

Табл. 27. Национальная структура русской эмигрантской группы в Варне, случайная выборка, 1919–1922 гг.⁴⁰

Национальности	Мужчины	Женщины	Общее число	%
русские	2368	828	3196	95,3
евреи	22	13	35	1,0
поляки	14	16	30	0,9
армяне	10	6	16	0,5
болгары	9	4	13	0,4
немцы	6	7	13	0,4
караимы	8	2	10	0,3
другие национальности (украинцы, галичане, чехи, словаки, латыши, греки, татары, молдаване, черкесы, осетины, калмыки, башкиры, курды, кумыки)	32	9	41	1,2
Всего	2469	885	3354	100,0

Исключительно высокий процент русских среди эмигрантов несколько не походил на национальную структуру населения Российской империи в годы Первой мировой войны, перед эмиграцией, и на национальный состав СССР согласно переписям населения 1926-го и 1937 гг. (с учетом всех русских территориальных потерь после 1918 г., а именно после получения независимости Финляндией, Эстонией, Латвией и Литвой, отсоединения частей Польши,

Бессарабии и Буковины, что в значительной степени изменило национальный состав населения).

В Российской империи самой многочисленной нацией были русские, тем не менее они не составляли 50% населения. В СССР это соотношение изменилось в сторону увеличения процентной доли русских (1926 — 53%; 1937 — 58%⁴¹), но и тогда их процент по отношению к общему количеству населения не был сопоставим с долей русских в национальной структуре эмигрантской группы.

При анализе и сравнении этих данных неизбежно возникает вопрос, отчего же в эмиграции преобладали именно русские, причем в процентном соотношении, значительно превышавшем их долю в национальной структуре России. Судя по всему, этому способствовали три фактора.

1. *Географический.* Русская эмигрантская группа тремя волнами переселилась на Балканы с юга России. Ее формировали жители центральных и южных территорий европейской части России, а также государственные чиновники, офицеры и интеллигенты из крупных региональных центров (Москвы, Киева, Харькова, Новгорода, Ростова-на Дону) и столицы (Петрограда), т.е. именно из тех областей Российской империи; которые были населены преимущественно русскими.

2. *Политический.* В политической жизни Российской империи господствовали русские или русифицированные представители других наций: немцев, скандинавов и др. (или же их потомки, такие, как генералы Е.К. Миллер, П.Н. Врангель, Э.В. Экк, В.Ф. фон Баумгартен и т.д.), которые как на службе России, так и в эмиграции последовательно настаивали на своем русском самоопределении. Поскольку идеологическая и политическая непримиримость и неприятие новой власти были одним из главных мотивов для отбытия в эмиграцию, постольку были вынуждены покинуть Россию именно представители высших общественных слоев, которые прямо (политики, государственные чиновники, офицеры и т.д.) или косвенно занимались политикой и из-за этого оказались под угрозой. Среди них в значительной мере доминировали именно русские или русифицированные представители других наций и их потомки, которые считали себя русскими.

3. *Социальный.* Входившие в общественную элиту жители городов, которым было доступно образование, в большинстве своем лично, путем контактов с другими представителями своей общественной группы или благодаря образованию были знакомы с жизнью за пределами России. Поэтому сама идея отъезда за границу, в абсолютно незнакомую среду пугала их в меньшей степени, чем тех, кто был лишен такой информации. А среди представителей высших социальных слоев преобладали именно русские и русифицированные представители других наций.

Вышеперечисленные факторы, тесно связанные с характером Гражданской войны в России, могут объяснить появление среди изгнанников большого процента именно русских. Этот процент, в свою очередь, может быть одной из основных причин того, что сами беженцы часто характеризовали феномен российской эмиграции как нечто национально русское.

На тенденцию придания российской эмиграции национальных русских черт в значительной мере могла повлиять и другая структурная характеристика группы — ее религиозный состав.

Религиозная структура

Близкая к предыдущей проблема, тесно связанная с определением национального состава, возникает при попытке определить религиозную структуру эмигрантской группы. Сложности сводятся к исключительно малому числу доступных источников по этому вопросу. Несмотря на это, все имеющиеся данные об анализе религиозного состава почти едины в том, что свыше 90% эмигрантов были православного вероисповедания.

Табл. 28. Религиозная структура эмигрантской группы в Варне, случайная выборка, 1919–1922 гг.⁴²

Вероисповедание	Мужчины	Женщины	Общее число	%
Православные	2334	799	3133	95,0
Староверы	10	—	10	0,3
Армяно-григорианское	11	5	16	0,5
Католики	23	23	46	1,4
Лютеране	15	15	30	0,9
Караимы	8	2	10	0,3
Иудеи	22	13	35	1,1
Буддисты	3	1	4	0,1
Мусульмане	12	—	12	0,4
Всего	2438	858	3296	100,0

Сходные данные о более 90% православных содержит и анализ анкеты о ситуации в Югославии по результатам официальной государственной переписи населения Югославии 1931 г., с учетом того, что их надежность значительно выше, поскольку исследуемая группа приближается к 100% всей массы эмигрантов в одной стране.

Табл. 29. Религиозная структура эмигрантской группы в Югославии, 31 марта 1931 г.⁴³

Вероисповедание	Общее число	%
Православные	24 214	90,4
Римо-католики	1 618	6,0
Греко-католики (униаты)	77	0,3
Армянское	3	0,01
Староверы	10	0,03
Лютеранское (евангелистско-аугсбургское немецкое)	151	0,6
Лютеранское (евангелистско-аугсбургское словацкое)	11	0,04
Кальвинисты	31	0,1
Другие евангелисты	127	0,5
Баптисты	1	0,003
Другие христианские	8	0,02
Мусульманское	69	0,3
Еврейско-сефардское	36	0,1
Еврейско-ашкеназское	189	0,7
Еврейско-ортодоксальное	12	0,04
Другое	232	0,9
Неизвестно	1	0,003
Всего	26 790	100,0

На формирование особой религиозной структуры эмигрантской группы в значительной мере влияли те же факторы, которые определяли и ее национальный состав: географический (регионы юга России, из которых большая часть беженцев эмигрировала на Балканы), политический (среди беженцев был большой процент государственных чиновников и военных императорской России) и социальный (большинство беженцев принадлежало к общественным элитам).

Географический, политический и прежде всего социальный факторы, которые явились последствиями характера Гражданской войны и чье влияние на формирование национального и религиозного состава эмигрантов очевидно, в значительной степени способствовали формированию других особых и необычных черт всей группы, оказавшейся в изгнании. Эта особенность проявляется в чрезвычайно высоком образовательном, социальном и профессиональном уровне беженцев, проживавших на Балканах в межвоенное время.

Речь идет об особом образовательном и профессиональном уровне эмигрантской группы, который позволяет заявлять о существовании феномена массового изгнания элиты из России в годы Гражданской войны.

ИЗГНАННАЯ ЭЛИТА: ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Сам факт того, что Россию в годы Гражданской войны покинули около 2 млн. человек, 220 тыс. из которых переселились на Балканы, и что среди них преобладали мужчины 20—45 лет, показывает лишь количественную, демографическую сторону явления. Сравнение данных о количестве русских эмигрантов с демографическими параметрами того времени свидетельствует, что из России выселилось столько же людей, сколько их жило в двух самых крупных городах России, Москве и Петербурге, в начале XX в., а на Балканы переселилось в два раза больше людей, чем их в то время жило в Белграде или Софии. Это, несомненно, выразительные данные, которые могут оправдать и в некоторой степени проиллюстрировать вывод о том, что речь шла об одной из наиболее массовых политических эмиграций на тот момент. Для характеристики феномена русского изгнания еще более значительной и специфической является его общественная и культурологическая составляющая.

Русские эмигранты по всем относительным стандартам того времени были исключительно образованными и профессионально подготовленными. По своему происхождению, образованию и профессиональной подготовке они принадлежали к типично городскому населению. Можно было бы ожидать, что такое превосходство этой группы по сравнению с их новым социальным окружением значительно облегчит адаптацию эмигрантов и их быструю интеграцию в жизнь новой среды, обеспечив прежде всего быстрое трудоустройство. На самом деле высокий уровень образования и подготовленность к интел-

лектуальной работе значительно осложняли жизнь русского человека на Балканах. Несоответствие городского характера в происхождении эмигрантской группы и сельского типа новой среды вызывало большую часть проблем, связанных с адаптацией русских беженцев на Балканах. Образовательная и профессиональная структура русской эмигрантской группы полностью характеризует всю социальную плоскость этого явления — плоскость своеобразного изгнания и исхода с Родины русской элиты в ходе Гражданской войны⁴⁴.

Образовательная структура

Исключительно высокий процент людей с высшим образованием и почти полное отсутствие неграмотных и необразованных людей среди беженцев делали русскую эмигрантскую группу с социальной точки зрения крайне необычной по сравнению с почти полностью сельской средой Балкан начала XX в., в которой люди с университетскими дипломами были редки, где свыше 80% населения жило в деревнях и около 50% людей были неграмотными.

Именно образованность, в особенности на Балканах, делала русскую эмигрантскую группу такой характерной, благодаря чему она стала столь заметной и значительной в новой социальной среде.

Образованность русских эмигрантов подтверждают и все относительные статистические данные и анализы — как те, которые относятся к Болгарии и Югославии, так и данные о русских эмигрантах в Константинополе.

Табл. 30. Образование, полученное в России русскими эмигрантами, эвакуированными в Константинополь (на примере выборки, составленной из эмигрантов, зарегистрированных в Бюро труда), апрель 1920 — январь 1922 г.⁴⁵

Уровень образования	Мужчины	Женщины	Общее число	%
Высшее образование	1215	286	1501	15,2
Университет	679	186	865	8,8
Техническое	496	16	512	5,2
Художественное	40	84	124	1,2
Среднее образование	3969	2188	6157	62,3
Общее	2255	2057	4312	43,6
Специальное	1714	131	1845	18,7
Начальное и домашнее образование	1550	543	2093	21,2
Неграмотные	41	85	126	1,3
Всего	6775	3102	9877	100,0

Эти данные косвенно подтверждает и анализ случайной выборки беженцев, пользовавшихся услугами 1-й мужской ночлежки в Константинополе в июне, июле и августе 1921 г.⁴⁶

Похожую тенденцию в области образования русских эмигрантов, которые пытались найти работу через Бюро труда Всероссийского земского союза в Болгарии (в отделениях бюро в Софии, Варне, Бургасе и Тырново), демонстрирует данные, собранные в период с 20 апреля 1920 г. по 1 февраля 1925 г.

Табл. 31. Уровень образования русских эмигрантов в Болгарии, 1920—1925 гг.⁴⁷

Уровень образования	%
Высшее образование	6,6
Среднее образование	65,0
Начальное и домашнее образование	26,7
Без образования	1,7

Анализ образования эмигрантов в Королевстве СХС почти полностью соответствует данным об образовании в Константинополе и незначительно отличается от ситуации в Болгарии.

Табл. 32. Уровень образования русских эмигрантов в Королевстве СХС, 1922 г.⁴⁸

Уровень образования	Мужчины	Женщины	Общее число	%
Высшее образование	2772	244	3016	12,4
Среднее образование	9519	5393	14 912	61,5
Начальное образование			19,4	
начальное / низшая ступень	2596	399	2995	12,3
домашнее	1093	624	1717	7,1
Без образования	617	199	816	3,4
Неизвестно	541	258	799	3,3
Всего	17 138	7117	24 255	100,0

О высоком образовательном уровне эмигрантского населения в Югославии свидетельствует и одно современное исследование, проведенное на основании результатов случайной выборки⁴⁹.

Немногие сведения о числе и относительном процентном количестве имевших высшее и среднее образование хотя и дают точное представление об образовании эмигрантов, несомненно, могут быть дополнены еще и характерными фактами о количестве языков, которыми владели беженцы. Эти данные являются своего рода показателем общего культурного уровня беженцев, оказавшихся в балканской сельской среде.

Табл. 33. Владение русских эмигрантов в Константинополе иностранными языками (на примере выборки, составленной из эмигрантов, зарегистрированных в Бюро труда), апрель 1920 — 1 января 1922 г.⁵⁰

Известные языки	Мужчины	Женщины	Общее число	%
Только родной (русский)	2326	796	3122	31,6
Со знанием иностранного языка	4449	2306	6755	68,4
один иностранный язык	1656	853	2509	25,4
местный язык (турецкий)	525	148	673	6,8
два иностранных языка	1574	841	2415	24,5
три иностранных языка	270	298	568	5,7
четыре иностранных языка	13	32	45	0,5
Другое	411	134	545	5,5
Всего	6775	3102	9877	100,0

Основную характерную особенность вышеприведенных сведений представляет тот факт, что среди эмигрантов, которые к началу 1920-х годов жили в Константинополе, почти 70% владели хотя бы одним иностранным языком, и лишь 30% только родным, т.е. русским. Эти данные подтверждают и другие исследования⁵¹. Такой культурный уровень был недостижим для руральных балканских обществ того времени.

Чтобы понять всю драматичность несоответствия образовательного уровня беженцев и среды, где они оказались, а также для того, чтобы понять тезис об изгнании элиты из России в годы Гражданской войны, достаточно указать на следующие факты.

Образовательный уровень русской эмигрантской группы крайне необычен не только из-за значительного количества лиц с высшим и средним образованием (что, по образовательным стандартам того времени, считалось исключительно хорошим образованием), но и потому, что среди эмигрантов было всего 2–3% неграмотных. Необычность группы была еще более выраженной, если сравнить ее с уровнем образования в стране, откуда эти люди эмигрировали. Во всей России в 1897 г. было 78,9% неграмотных (в городах 54,7%), в то время как в европейской части России неграмотными были 77% населения⁵². А в СССР к 1937 г., после двух десятилетий интенсивной борьбы с неграмотностью, все еще оставалось 39% неграмотных⁵³. В то же время в Югославии согласно переписи населения 1921 г. было 50,5% неграмотных старше 12 лет⁵⁴, в то время как в Болгарии почти в то же время, в 1920 г., по сравнению с общим числом населения (считая и детей до 12 лет) было 55,4% неграмотных⁵⁵.

Тот факт, что среди эмигрантов было всего 2–3% неграмотных, убедительно показывает различия описываемой группы и ее нового окружения. Анализ профессиональной структуры русской эмигрантской группы еще сильнее выделяет природу столкновения русского урбанного элемента и рурального окружения балканской среды.

Профессиональная структура

Тот факт, что 40–50% беженцев, которые в межвоенное время проживали на Балканах, перед отъездом из России занимались умственным трудом, еще более фундаментально подтверждает тезис об изгнании элиты из России.

Табл. 34. Профессиональная структура русских эмигрантов в Константинополе, 26 октября 1921 г.⁵⁶

Характер труда	Численность	%
Умственный труд	15 630	52,1
актеры	300	1,0
журналисты и писатели	30	0,1
музыканты	300	1,0
модистки	210	0,7
художники	300	1,0

Характер труда	Численность	%
инженеры	300	1,0
священнослужители	150	0,5
юристы	600	2,0
художники	150	0,5
фабриканты	30	0,1
чиновники	900	3,0
торговцы	300	1,0
канцелярские служащие	1200	4,0
техники	2400	8,0
преподаватели	1200	4,0
офицеры (без гражданской профессии)	3660	12,2
медицинские сестры	600	2,0
фельдшеры	300	1,0
учащиеся (студенты)	2700	9,0
Ручной труд	7980	26,6
крестьяне, садовники, мелкие землевладельцы...	5220	17,4
ремесленники	900	3,0
солдаты (без гражданской профессии)	600	2,0
чернорабочие	1260	4,2
Неизвестно	6390 ⁵⁷	21,3
Всего	30 000	100,0

Похожая ситуация была и в Болгарии.

Табл. 35. Профессиональная структура русских эмигрантов до эмиграции в Варне, случайная выборка, 1919–1922 гг.⁵⁸

Характер труда	Мужчины	Женщины	Неизвестно	Общее число	%
Умственный труд	540	149	5	694	40,0
Ученые	3	1	—	4	0,2
Врачи	16	1	1	18	1,0
Инженеры и техники	80	—	—	80	4,6
Учителя	44	48	1	93	5,4
Агрономы	19	—	1	20	1,2
Судебные чиновники	54	—	—	54	3,1
Чиновники и служащие	126	16	1	143	8,3
Лица свободных профессий	23	16	—	39	2,2
Студенты	127	10	—	137	7,9
Медицинские сестры	—	52	—	52	3,0
Лица других профессий	48	5	1	54	3,1
Ручной труд	981	24	36	1041	57,1
Торговцы, ремесленники	56	—	—	56	3,2
Ремесленники	81	13	9	103	5,9
Рабочие	20	5	—	25	1,5
Служащие	—	4	—	4	0,2
Земледельцы	776	—	27	803	46,3
Другие профессии	48	2	—	50	2,9
Всего	1521	173	41	1735	100,0

Данные о профессиональной структуре русской эмигрантской группы в Югославии дают возможность проследить динамику перемен трудоустройства будущих беженцев. Сравнивая их трудоустройство перед Первой мировой войной с ситуацией в годы революции и войн, можно определить, что боль-

шое количество беженцев покинули Россию, будучи в военной форме, без учета их гражданских специальностей. Этот факт по-своему дополняет тезис о военном характере русской эмиграции.

Табл. 36. Профессиональная структура русских эмигрантов в Королевстве СХС, 1921 г. (сравнительный анализ профессий умственного и ручного труда в России в 1914 и 1919–1920 гг.)⁵⁹

Профессия	1914		1919–1920	
	Общее число	%	Общее число	%
Интеллектуальные профессии	7079	43,9	5665	33,0
руководители крупных предприятий	682	4,22	226	1,31
инженеры	279	1,72	223	1,29
агрономы и инженеры лесных хозяйств	102	0,63	17	0,09
архитекторы	11	0,06	1	0,005
чертежники	31	0,19	13	0,07
техники	336	2,08	254	1,47
технические помощники	53	0,32	27	0,15
мелкие чиновники	491	3,04	266	1,54
мелкие землевладельцы	542	3,35	109	0,63
врачи	118	0,73	141	0,81
стоматологи	19	0,11	22	0,12
ветеринары	15	0,09	20	0,11
фармацевты	19	0,11	5	0,02
православные священнослужители	88	0,54	69	0,40
инославные священнослужители	1	0,006	—	—
служители нехристианских культов	18	0,11	15	0,08
профессора высшей школы	92	0,56	59	0,34
учителя и преподаватели школ	918	5,68	511	2,97
домашние и прочие преподаватели	44	0,27	—	—
писатели и журналисты	57	0,35	62	0,36
переводчики	3	0,01	29	0,16
младшие служащие интернатов	5	0,03	12	0,06
художники и скульпторы	33	0,20	17	0,09
музыканты	22	0,13	13	0,07
работники театра, оперы, балета	116	0,71	71	0,41
остальные	31	0,19	26	0,15
бухгалтеры	205	1,26	94	0,54
счетоводы	122	0,75	27	0,15
машинистки и другие			676	3,93
канцелярские служащие	380	2,35	1761	10,23
чиновники	1257	7,78	339	1,97
чиновники и персонал полиции	203	1,25	92	0,53
партийные деятели	155	0,95	56	0,32
общественные деятели	97	0,60	229	1,33
военные юристы	229	1,41	37	0,21
гражданские судьи	95	0,58	5	0,02
нотариусы	29	0,17	61	0,35
адвокаты	109	0,67	71	0,41
юристы (кроме адвокатов)	51	0,31	9	0,05
судебные служащие	21	0,13		
Армия	4617	28,6	10 620	62,0
кадровые офицеры				
военная администрация	3713	22,99	7856	45,67
военные специалисты				

Профессия	Общее число	%	Общее число	%
военные инженеры	46	0,28	40	0,23
военные техники	53	0,32	103	0,59
персонал военных учреждений	—	—	10	0,05
солдаты	805	4,98	2611	15,17
Ручной труд	1603	9,9	853	5,0
крестьяне (земледельцы)	840	5,20	1	0,005
мелкие торговцы	147	0,91	57	0,33
ремесленники	328	2,03	137	0,79
прислуга	72	0,44	85	0,49
младший медицинский персонал	216	1,33	573	3,33
Безработные (1914)	2848	17,6	—	—
Всего	16 147	100,0	17 138	100,0
Исполняли две работы (1919—1920)	—	—	1054	6,52
Количество опрошенных	16 147	—	16 147	—

Приведенные данные рельефно отражают две важные характеристики эмигрантской группы. Во-первых, по этим данным можно предположить, что значительное число членов интеллектуальной элиты императорской России участвовали в Гражданской войне на стороне антибольшевистских сил. Во-вторых, можно отметить, что значительное их число отправилось в изгнание, будучи в статусе военных.

Несмотря на предыдущую профессиональную подготовку, жизнь в новой среде в статусе беженцев привела их к перемене социального статуса. Когда они попытались использовать в новых условиях свои навыки и опыт, обнаружилось явное несоответствие между их возможностями и потребностями новой, в основном сельской, среды. Это привело к очевидному и ясно выраженному падению этих людей по социальной лестнице. Социальная дифференциация и деклассирование стали, таким образом, одной из основных черт жизни русских в эмиграции.

ИЗ ГЕНЕРАЛОВ В САПОЖНИКИ: СОЦИАЛЬНОЕ ДЕКЛАССИРОВАНИЕ

Положение русской эмигрантской группы было двойственным. По основным характеристикам она значительно отличалась от социальной структуры дореволюционной и послереволюционной России и балканских стран. С другой стороны, социальное положение этой группы стабильно проявляло нисходящую мобильность как у отдельных ее членов, так и у всей группы в целом. В странах, где разместились изгнаники, члены общественной элиты императорской России становились в лучшем случае представителями среднего класса. Значительное ухудшение общественного положения отдельных представителей эмигрантской группы обусловили различные факторы: от проблемы размещения в отдельных балканских странах, вызванной массовостью миграции и связанной с ней проблемой нехватки средств для их поддержки и трудоустройства, а также реальных проблем адаптации в новой среде (незнание языка, культуры, общепринятых норм поведения, традиций новой среды и т. д.) до индивидуальной склонности и способности к адаптации отдельных эмигран-

тов, (не)готовности каждого отдельного общества, куда прибывали эти люди, облегчить социальную интеграцию беженцев и помочь их адаптации.

Кроме пути формирования группы и адаптационных способностей эмигрантов на социальную позицию беженцев в новых обществах в значительной мере влияло и отношение к ним их нового окружения. Примечательно, что отношение к эмигрантам в разных странах существенно различалось. Так, можно выделить государства, которые в межвоенный период давали широкие возможности для эмигрантской самоорганизации, что косвенно способствовало облегчению социальной интеграции эмигрантов (Чехословакия, Югославия, Болгария, Франция, а позднее и США); государства, которые нейтрально относились к самоорганизации эмигрантов, т.е. не мешали и не помогали ей (Великобритания, Турция, Австрия); государства, которые ограничивали или запрещали формирование и деятельность эмигрантских организаций, в то же время выражая горячее стремление к ассимиляции беженцев (прежде всего Румыния и Польша). Кроме того, можно различать государства, которые стремились использовать трудовые и интеллектуальные навыки эмигрантов, что несколько уменьшало падение эмигрантов по социальной лестнице (например, Югославия, Болгария, Чехословакия и США), и страны, которые, руководствуясь своими соображениями, не слишком старались использовать трудовой потенциал эмигрантов.

Общие обстоятельства исхода миллионов человек из России, которые решающим образом повлияли как на формирование основных характеристик эмигрантской группы, так и на отношение новой среды и государств-рецепторов к беженцам, были и причинами изгнания элиты из России, а также более или менее очевидной социальной деградации беженцев.

Сравнение с Россией

В отличие от первой страны победившего социализма — Советской России, в которой шел процесс быстрого восхождения членов низших сословий по социальной лестнице (достаточно вспомнить Л.М. Кагановича, который был сапожником, а после революции стал московским «генерал-губернатором», потом министром и одновременно генералом, или еще более характерный пример — сын сапожника И.В. Сталин, который стал генералиссимусом), в эмиграции людей, бежавших из Советской России, ожидал противоположный результат. Выдающиеся представители общественной элиты царской России — аристократы, сенаторы, генералы — становились таксистами, швейцарами, продавцами цветов, сапожниками. Так, в межвоенном Белграде несколько русских генералов открыли небольшие сапожные мастерские, а один из них прославился как изготовитель пользовавшихся большим спросом сапог для верховой езды. В то же время известный герой антибольшевистской борьбы и Гражданской войны генерал А.Г. Шкуро, «герой именно гражданской войны... <...> герой не великой эпохи, а разрухи», как его описал Ю.Л. Ракитин⁶⁰, продавал в конце 1930-х годов газеты перед Народным театром в Белграде.

Чтобы получить полное представление об особенностях эмигрантской группы, которая сформировалась на Балканах, достаточно сравнить социальный статус этих людей с обобщенной структурой населения России в 1897-м и 1913 гг.⁶¹

Табл. 37. Обобщенная структура населения России, 1897 и 1913 гг., %

Высшие социальные слои (крупная буржуазия, землевладельцы, государственные чиновники, лица свободных профессий, собственники среднего достатка)	1897 20,8	1913 20,8
Низшие социальные слои (беднейшие собственники, крестьяне, пролетариат)	20,8	78,5

На основании этих данных можно заметить, что большая часть будущих беженцев происходили из высших слоев общества. Характер ситуации в изгнании привел к разительному ухудшению общественного положения бывших представителей высших социальных слоев.

Оказавшись в изгнании, эмигранты, как правило, теряли свой старый социальный статус и переживали резкое падение по социальной лестнице. Этой деградации были подвержены как отдельные представители, так и вся группа, что привело к ряду отдельных человеческих драм у людей, не привыкших к лишениям, бедности и социальной маргинализации.

Балканские параллели

Наиболее характерные черты формирования эмигрантской группы связаны с тем фактом, что отбытие в изгнание привело к сильному и всеохватывающему социальному нивелированию всех беженцев. В странах, принявших беженцев, почти все члены этой группы оказались в одинаковом положении на социальной лестнице. Этот исторический феномен был особенно характерен для первой фазы эмиграции, сразу же после отбытия с родины, когда в любом аспекте, образно говоря, и барин, и крестьянин были просто беженцами. Процесс социального нивелирования эмигрантской группы, представители которой в России до эмиграции принадлежали к крайне удаленным, порой даже противоположным сословиям, например землевладельцы и крестьяне, привел в эмиграции к потере прежних резких различий между членами высших слоев, среднего класса и низших слоев общества. В новых условиях все эти люди принадлежали в первую очередь к «надфункциональной» группе русских эмигрантов, и лишь во вторую очередь (т.е. между собой, а не по отношению к окружающим) различались по социальному происхождению, прежнему и нынешнему положению в обществе. Таким образом, социальное нивелирование, которое происходило в эмиграции, косвенно ускорило процесс социальной деградации беженцев (с учетом того, что эмигрантская группа была в основном составлена из представителей высших слоев общества).

Трудно определить, когда в первый раз было отмечено, что беженцы после приезда в изгнание ощутили резкое падение с социальной лестницы. Еще в то время, когда процесс исхода не был завершен, выдающиеся представители русской общественности обращали внимание на исключительно тяжелое положение, в котором оказались беженцы. Так, С.Н. Палеолог в письме, обращенном 20 февраля 1921 г. к королю Петру Карагеоргиевичу, говоря об организации жизни беженцев в Королевстве, напомнил о том, что вопрос трудоустройства трех четвертей беженцев решен крайне неудовлетворительно⁶².

Такие осторожные и мягкие намеки на ухудшение социального положения беженцев представляли собой первые свидетельства резкого социального падения беженцев в социальной иерархии. Основные факторы этого исторического феномена могут быть выделены во всех балканских обществах. Самым наглядным является сравнение общественного положения беженцев в России и в новой среде, на основании которого можно ясно заметить социальное деклассирование и деградацию этих людей в изгнании.

*Табл. 38. Реальное трудоустройство
в русской эмигрантской группе
в России до эмиграции и в Константинополе в 1924 г., %*

Россия ⁶³	Характер труда	Константинополь ⁶⁴
39,9	Умственный труд	11,9
1,0	артисты	
0,1	журналисты, писатели	
1,0	музыканты	
0,5	художники	художники и декораторы 1,6
0,7	модистки	
4,0	преподаватели	
2,0	юристы	врачи и адвокаты 2,2
1,0	врачи	
2,0	медицинские сестры	
1,0	фельдшеры	
1,0	инженеры	
0,1	фабриканты	
8,0	техники	электротехники ⁶⁵ 1,8
3,0	чиновники	торговцы ⁶⁶ 2,9
4,0	канцелярские служащие	канцелярские служащие 3,4
1,0	торговцы	
0,5	священнослужители	
9,0	учащиеся и студенты	
14,2	Армия	0
12,2	офицеры (без гражданской профессии)	
2,0	солдаты (без гражданской профессии)	
24,6	Ручной труд	63,4
17,4	земледельцы ⁶⁷	земледельцы 14,9
		токари и слесари 2,7
3,0	ремесленники	швеи и портные 11,9
		плотники и столяры 1,8
		строители и штукатуры 3,1
		работники пищевой промышленности 4,1
0		работники картонной промышленности 1,1
		моряки и железнодорожники 8,1
		машинисты паровых машин 2,4
		слуги 5,1
4,2	чернорабочие	чернорабочие 8,2
21,3	Неизвестно	24,7
100	Всего	100

Табл. 39. Реальное трудоустройство в русской эмигрантской группе в России до эмиграции и в Болгарии в 1925 г., %

Россия ⁶⁸	Характер труда	Болгария ⁶⁹	
40,0	Умственный труд	22,3	
0,2	ученые	преподаватели высших учебных заведений	0,07
2,2	лица свободных профессий		
4,6	инженеры и техники	инженеры	0,3
1,2	агрономы		
		учителя и преподаватели русских школ	0,6
5,4	учителя	учителя и преподаватели болгарских школ	0,2
		учительницы	1,8
7,9	студенты		
1,0	врачи	врачи	0,4
3,0	медицинские сестры		
3,1	судебные чиновники		
		чиновники в русских организациях	0,9
8,3	чиновники и служащие	чиновники в болгарских организациях	6,7
		чиновники частных предприятий	11,2
		священнослужители	0,06
3,1	лица других профессий		
60	Ручной труд	53,9	
3,2	торговцы-ремесленники	мелкие торговцы	1,3
5,9	ремесленники		
		рабочие на шахтах и фабриках	18,0
1,5	рабочие	рабочие малых индустриальных предприятий	5,6
		рабочие на фабриках, в ресторанах, отелях и т.д.	9,4
		докеры	1,6
0,2	слуги		
46,3	земледельцы	земледельцы	18,0
2,9	лица других профессий		
		Лица на содержании	23,8
		Дети	
		— на содержании у родителей	5,4
		— проживающие в русских школах и интернатах	6,3
		Замужние женщины ⁷⁰	5,8
		Старые люди и военные инвалиды	6,3
100	Всего	100	

Табл. 40. Трудоустройство в русской эмигрантской группе (реальное в России в 1914 г. и желаемое в Королевстве СХС в 1922 г., %)⁷¹

Россия	Характер труда	Королевство СХС
45,7	Умственный труд	68,2
4,2	руководители крупных предприятий	0,4
1,7	инженеры	1,2
0,6	агрономы и инженеры лесного хозяйства	0,5
0,06	архитекторы	0,01
0,2	чертежники	1,8
2,1	техники	8,8
0,3	технические помощники	0,5
3,1	вспомогательные канцелярские служащие	5,2

Россия		Королевство СХС
3,4	мелкие землевладельцы	—
0,7	врачи	0,6
0,1	стоматологи	0,2
0,1	ветеринары	0,07
0,1	фармацевты	0,06
1,3	младший медицинский персонал	2,6
0,5	православные священнослужители	0,2
0,006	инославные священнослужители	0,001
0,1	служители нехристианских культов	0,02
0,6	преподаватели высшей школы	0,2
5,7	учителя и преподаватели школ	1,6
0,3	домашние и прочие преподаватели	7,7
0,4	писатели и журналисты	0,3
0,01	переводчики	0,3
0,03	младшие служащие интернатов	0,1
0,2	художники и скульпторы	0,4
0,1	музыканты	2,0
0,7	артисты драмтеатра, оперы, балета	0,8
1,3	бухгалтеры	2,1
0,8	счетоводы	1,5
2,3	машинистки и другие канцелярские служащие	16,5
7,8	чиновники	4,6
1,3	чиновники и персонал полиции	0,3
1,0	партийные деятели	—
0,6	общественные деятели	0,01
—	судебные чиновники магистратов	1,0
1,4	военные юристы	0,05
0,6	гражданские судьи	—
0,2	нотариусы	0,004
0,8	адвокаты	0,01
0,3	юристы (кроме адвокатов)	—
0,1	судебные служащие	0,7
0,2	лица прочих специальностей	0,3
28,6	Армия	3,6
	кадровые офицеры	2,1
23,0	военная администрация	0,03
	военные специалисты	0,3
	офицеры-пограничники	0,6
—	солдаты	—
5,0	военные инженеры	0,04
0,3	военные техники	0,5
—	персонал военных учреждений	—
8,5	Ручной труд	28,2
0,9	мелкие торговцы	1,6
2,0	ремесленники	11,0
0,4	домашняя прислуга	—
5,2	земледельцы	15,6
17,2	Безработные	—
100,0	Всего	100,0

На основании сравнения трудоустройства в России и в изгнании можно заметить, что в эмиграцию в большинстве своем уезжали люди, которые во времена империи и в течение Гражданской войны находились на государственной службе (30—50%). Большую их часть составляли офицеры и солдаты, что хорошо отражает военный характер русской эмиграции. Тот факт, что сре-

ди беженцев преобладали государственные служащие (в большинстве своем офицеры и солдаты), доказывает, что после поражения антибольшевистских армий в Гражданской войне и фактического исчезновения государства, на чьей службе они находились, в атмосфере острой идеологической нетерпимости, которую выражали большевики, единственную возможность для выживания эти люди видели в эмиграции. В то же время бывшие государственные служащие были в самой сильной мере подвергнуты социальной деградации в странах своего изгнания, т.е., образно говоря, именно из представителей этой социальной группы (в том числе и высшего офицерства) и формировались будущие успешные сапожники.

Резкая нисходящая социальная мобильность эмигрантов, состоявших в России на государственной службе, показывает всю ту драматичность, всеобъемность и глубину политических и общественных перемен, которым подверглась в то время Россия. Общественное положение эмигрантов, если обобщить и спроецировать вышеприведенные данные на всю Зарубежную Россию, косвенно указывает на то, какие люди уехали из первой страны социализма (среди них было 15–20% офицеров, 6–7% преподавателей и учителей, около 5% медработников и около 8–10% тех, кого можно отнести к технической интеллигенции). Кроме того, готовность эмигрантов приспособиться к новым условиям жизни невзирая на потерю прежнего общественного положения показывает, что с их отъездом Россия потеряла не только заметное число работоспособного, образованного мужского населения, но и то, что она лишилась множества социально мобильных, предприимчивых людей, способных найти выход и выжить даже в весьма неблагоприятных жизненных условиях.

Констатация того факта, что в изгнании беженцы пережили падение в социальной иерархии, т.е. того, что в эмиграции произошла социальная деградация этих людей, хотя и весьма схематично, но все же достаточно точно отражает историческую истину. Значительно образнее и драматичнее в эмигрантском быту происходил переход отдельных людей из высших в низшие социальные слои. В реальной жизни процесс сопровождался тысячами личных драм, тяжелых конфликтов, потерь, печалей, фрустраций, ностальгией по прошлому, иногда необдуманными и фаталистскими поступками, алкоголизмом... Чтобы понять масштабы этого кошмарного положения, необходимо на языке цифр описать основные направления общего социального падения беженцев.

Тот факт, что процент эмигрантов, занятых умственной работой, в балканских государствах середины 1920-х годов колебался в районе 20%, а относительная численность занятых ручным трудом составляла 60%, в значительной степени отличается от состояния в России, где 40–45% из них занималось умственным трудом. В то же время отъезд в эмиграцию привел к тому, что исключительное число трудоустроенных переключились с труда в государственном секторе на деловую активность (около 30%), а если речь идет о Болгарии и Королевстве СХС, на канцелярские работы (около 15%). Большой отток из государственного сектора в частный, а также в область канцелярских работ, т.е., образно говоря, резкое уменьшение числа белых воротничков и рост числа синих, не только демонстрирует готовность беженцев приспособиться к новым условиям жизни, но и свидетельствует об особой социально-экономической ситуации, в которой оказались после недавней войны две такие сельскохозяйственные страны, как Королевство СХС и Болгария.

Показательно также и то, что в государствах, куда эмигрировали русские беженцы, трудоустроиться по прежней специальности не смогли в основном офицеры и бывшие политики, затем, что вполне понятно, землевладельцы и, наконец, судьи, адвокаты и юристы. Бросается в глаза тот факт, что в эмиграции увеличилось относительное число людей, занятых простым умственным трудом, как, например, техников, технических помощников или чертежников, работавших в различных бюро, что может быть объяснено тем, что инженеры и архитекторы были вынуждены использовать свои знания и опыт на гораздо менее сложных работах. Также следует отметить и увеличение числа домашних преподавателей (например, в Королевстве СХС), на основании чего можно прийти к выводу, что бывшие преподаватели начальных и средних школ и даже высших учебных заведений, а также бывшие офицеры, юристы и чиновники, имевшие высшее образование и оставшиеся без надежной работы, были вынуждены использовать свои знания, давая уроки математики, физики, химии или латинского и французского языков. Изменение социального положения этих людей и их падение по социальной лестнице С.Н. Палеолог, полномочный представитель правительства по вопросу размещения русских беженцев в Королевстве СХС, объяснил следующим образом: «В самом тяжелом положении (из всех беженцев, размещенных в Королевстве СХС) находятся военные, административные служащие и юристы, для которых основной проблемой является незнание сербского языка и чужое гражданство, а главной причиной (их безработицы) является незаинтересованность в их услугах со стороны местного населения и институтов Королевства»⁷².

Потеря работы значительным рядом лиц, прежде занимавшихся престижным трудом, неизбежно привела к тому, что в новых условиях увеличилось число тех, кто стремился трудоустроиться на рабочие места, которые определенно не могут быть названы общественно престижными. Большое число беженцев обратились к ручному труду, которым они не занимались в России. Самый большой приток в процентном соотношении, хотя и с учетом местных вариаций, ощущался в промышленности, т.е. в рабочих специальностях (20–30%), ремеслах (около 15%) и, наконец, в сельском хозяйстве (15–20%), т.е. в работе, которая на тот момент могла обеспечить, может, и небольшой, но надежный и быстрый заработок. Это свидетельствует и о плохом материальном положении большинства беженцев, они трудились на непрестижных местах с тем, чтобы побыстрее выйти из этой ситуации.

Ошибочно было бы утверждать, что все беженцы в эмиграции пережили социальную деградацию и что по своему социальному статусу они перешли в низший слой. Еще С.Н. Палеолог обратил внимание на то, что «в лучшем положении находятся преподаватели, священники, инженеры, техники, врачи, геодезисты и педагоги со специальным высшим образованием, которые с успехом, хотя и достаточно медленно, находят места на сербской государственной службе»⁷³. Это его свидетельство в значительной мере можно подтвердить при сравнительном анализе трудоустройства беженцев в России и в балканских государствах. В наибольшем процентном соотношении адекватное трудоустройство, соответствующее их образованию и имевшемуся трудовому опыту, смогли найти медработники и деятели просвещения, в несколько меньшей степени — представители технической интеллигенции.

Эти данные в то же время ясно выявляют и некоторые различия в отношениях балканских государств к русским беженцам. Наиболее заметным является то, что среди занятий, которыми зарабатывали на хлеб эмигранты в Константинополе, не фигурируют «учителя и преподаватели» в отличие от Болгарии и Королевства СХС, что косвенно отражает реальную историческую ситуацию (известную нам и по другим источникам): власти в Белграде и Софии разрешали, способствовали и даже поощряли работу русских школ и старались трудоустроить в своих школах и университетах опытных и образованных русских преподавателей и учителей. В противоположность этому в Турции работу русских школ если и разрешали (в начале 1920-х годов), то административно всячески затрудняли, препятствовали и делали практически невозможной. С другой стороны, русским педагогам не разрешали устраиваться в турецкие школы.

Кроме анализа изменений трудоустройства по сравнению с положением в России общественное деклассирование и изменение социального положения беженцев можно выявить и на примере ряда других параметров. Наиболее наглядными являются данные о материальном положении (социальной обеспеченности) русских эмигрантов на Балканах.

Табл. 41. Материальное положение русских эмигрантов в Константинополе, июнь 1921 г.⁷⁴

Обеспеченность средствами существования	Численность, тыс. чел.	%
обеспеченные	7	9,3
необеспеченные, из них:	68	90,7
— получают еду от французов	45	60,0
— получают еду от американцев	6	8,0
— неизвестно	17	22,7
Всего	75	100,0

Характерной особенностью первой фазы жизни в эмиграции была исключительно высокая степень безработных и бедствовавших среди беженцев. Этот вывод подтверждают и многие другие примеры⁷⁵.

В течение следующих нескольких лет ситуация в некоторой степени нормализовалась. На это указывают данные о материальном положении беженцев в Королевстве СХС в течение 1922 г.

Табл. 42. Материальное положение русских эмигрантов в Королевстве СХС, 1922 г.⁷⁶

Материальное положение	Численность	%
Эмигранты, которые могут себя обеспечить	13 602	45,3
Эмигранты, которым необходима помощь	16 398	54,7
в том числе:		
- дети и подростки до 18 лет	5658	18,9
- люди старше 60 лет	825	2,7
- инвалиды	2966	9,9
- больные	1500	5,0
- женщины, которые сами обеспечивают свои семьи	853	2,9
- взрослые в возрасте 51 — 60 лет	1684	5,6
- учащиеся	2000	6,7
- молодые женщины (незамужние)	902	3,0
Всего	30 000	100,0

Эта таблица показывает нам, что и после нескольких лет в изгнании среди беженцев было все еще свыше 50% тех, кто нуждался в помощи.

В следующий период, в начале 1930-х годов, ситуация несколько изменилась, частично вследствие того, что эмигранты были трудоустроены, а частично и в результате значительных миграционных процессов (отъезда беженцев из анализируемых нами стран). Ситуация, которая сложилась к тому времени, косвенно отражена в характеристике материального положения детей эмигрантов в Болгарии. В этом случае речь идет об исследовании случайной выборки, и при этом выборка, которая освещает не только положение детей, но и бросает свет на положение в русской семье и во всем эмигрантском корпусе в целом. На основании этих данных можно прийти к выводу, что в начале 1930-х годов более 50% русских эмигрантов относились к группе материально необеспеченных (в данном случае — их дети). Данный факт, если сравнить его с социальным статусом этих людей в России, т.е. их принадлежностью к высшим социальным слоям (общественной элите), может в наиболее наглядной форме отразить социальные метаморфозы, произошедшие с эмигрантами в изгнании.

Табл. 43. Материальное положение русских детей в Болгарии (на примере выборки из гимназий в Шумене и Софии), октябрь 1930 г.⁷⁷

Материальное положение	Шумен	София	Всего	%
Обеспеченные	97	104	201	50,2
Необеспеченные	26	57	83	20,8
Находящиеся в тяжелом положении	73	12	85	21,3
Сироты и те, у кого родители в СССР	23	8	31	7,7
Всего	219	181	400	100,0

В ситуации, когда на протяжении практически всего межвоенного периода 50 и более процентов эмигрантов относились к числу материально необеспеченных, нельзя говорить ни о чем другом, кроме как о полной социальной деградации беженцев.

На феномен социального деклассирования и деградации эмигрантов и их статуса в новом обществе большое влияние оказывали и объективные факторы. Они были двух типов: во-первых, связанные с реальными потребностями среды, в которой беженцы оказались после эмиграции, а во-вторых, с деятельностью отдельных эмигрантских организаций.

Важно напомнить, что объективные обстоятельства, приводившие к резкой потере социального положения, были однородны на всех Балканах. Это, прежде всего, несоответствие того, что эмигранты могли предложить новой среде (их образование, профессиональный опыт по выполнению умственной работы и т.д.), и реальных потребностей, которые испытывало в начале 1920-х годов в основном сельское балканское общество. Таким образом, все балканские страны в то время имели достаточно ограниченные потребности в интеллектуалах, да и то в весьма узком круге специалистов. Наибольшим спросом пользовались следующие профессии: преподаватели университетов, инженеры, техники, врачи, в т.ч. стоматологи, ветеринары и т.п.⁷⁸ Обычно они достаточно быстро находили работу, но в руральной балканской среде предложение

на рынке труда и этих профессий было незначительным. К тому же важно отметить, что на Балканах в маленьких городках и местечках полностью отсутствовала потребность в трудоустройстве работников умственного труда, так что беженцы были вынуждены искать (интеллектуальную) работу только в крупных городах, где был хоть какой-то спрос на их специальности⁷⁹. Этим можно объяснить притяжение эмигрантов к крупным городам: Константинополю, Софии, Белграду, Афинам и в меньшей степени к Салоникам.

Полностью противоположными эмигрантским стремлениям и потребностям были возможности и потребности окружающей их сельской среды. В балканских городках и местечках доминировала потребность в рабочих руках (чернорабочие, батраки, ремесленники и т.п.), и эта работа была для беженцев в огромном большинстве случаев единственной, которая позволяла заработать себе на жизнь.

Неспособность сельской среды предложить беженцам адекватную работу была, конечно, важнейшим фактором, который затруднял процесс их адаптации, а тем самым усиливал и процесс их социальной деградации. Другой, менее значимый, но также действенный фактор был связан с работой отдельных эмигрантских организаций. Деятельность этих организаций, сформированных, среди прочих целей, и ради облегчения адаптации беженцев, как бы парадоксально это ни звучало, содержала в себе и определенное антиадаптационное влияние. Например, в определенной степени антиадаптационной была идея предначертанной для русской эмиграции миссии, которую часто провозглашали как основную цель и смысл существования изгнанников. Эта идея ставила перед эмигрантскими организациями задачи подготовки людей к возвращению на родину и к деятельности в России, что лучше всего было заметно на примере деятельности русских начальных и средних школ. Таким образом, подготовка людей к жизни в новой среде имела здесь второстепенное значение.

Все эти факторы — несоответствие, возникавшее в столкновении высокообразованных и профессионально подготовленных эмигрантов с сельским обществом Балкан, субъективные причины, которые способствовали формированию определенных представлений о себе и окружающих, а также объективные обстоятельства, затруднявшие адаптацию, — вызывали сильно выраженный процесс дальнейших миграций и постоянного уменьшения числа беженцев в балканских странах в течение всего межвоенного периода.

Принадлежность к миру русского изгнания, самобытность эмигрантской группы и ее статус в различных государствах прямо или косвенно задавали общее направление жизненного пути русского человека на чужбине и определяли его положение в новом обществе. Все это влияло на различные сегменты жизни эмигранта, от урегулирования его правового положения и решения ежедневных насущных проблем, например в связи с трудоустройством или переездами, вплоть до его места в новом обществе и политических взглядов. Поэтому принадлежность к группе и ее положение в обществе имели решающее влияние на формирование модели поведения, на (не)успешность адапта-

ции и на отношение эмигрантов к новому окружению, т.е. на всю жизнедеятельность русского человека в изгнании.

Преобразование неоднородной и многоликой массы людей в единую общественную группу дает возможность для понимания и изучения структурно-исторической плоскости эмиграции, без чего нельзя понять весь комплекс исторического феномена русской эмиграции. Это преобразование отражалось на уровне всей русской диаспоры, имея в своей основе общие предпосылки, и тем не менее эта тема заслуживает особого внимания для понимания комплексности феномена. В рамках этого рассмотрения стоит проанализировать и специфические черты коллективного менталитета, которые были характерны для русских изгнанников на Балканах.

¹ Список русских беженцев, находившихся в Румынии (1919) // ГАРФ. Ф. Р-5982. Оп. 1. Ед. хр. 190. Л. 1–115 об.

² Количество личных карточек, выданных Регистрационным бюро, 26 октября 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 62–62 об.

³ Очерк деятельности Всероссийского земского союза... София, 1922. С. 34.

⁴ Сводные данные о половом и возрастном составе беженцев // АСАНУ. 14386. Несређена грађа.

⁵ Справка о числе русских беженцев в пределах Королевства СХС, 19 февраля 1921 // АСАНУ. 14386. Несређена грађа.

⁶ Краљевина Југославија: Статистички годишњак 1938–1939. С. 59.

⁷ Подсчитано на основании данных о переписи населения, проведенной в 1897 г., см.: Россия: Энциклопедический словарь. С. 90–91.

⁸ Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»... С. 65.

⁹ Данные за 1926 г. приводятся на основании намного более детального анализа, опубликованного в: Статистически годишник на Царство България. год. 32. С. 42.

¹⁰ Дефинитивни резултати пописа становништва од 31 јануара 1921 године. С. 379.

¹¹ Данные за 1935 г. приводятся на основании: Статистически годишник на Царство България. Год. 32. С. 808–809.

¹² Данные за 1930 г. приводятся на основании: Там же.

¹³ Данные за 1928 г. приводятся на основании: Там же.

¹⁴ О нежелании стариков покидать родину, несмотря на очевидную опасность, см.: Ратиев А. То, что сохранила мне память. С. 434.

¹⁵ Справочное Бюро классификации по профессиям русских беженцев, живущих на Принцевых островах, 5 мая 1920 г. // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 16.

¹⁶ Статистические сведения о количестве русских беженцев, зарегистрированных в Королевстве СХС на 20 июня 1920 г. // Hoover. Paleologue. 001.2.

¹⁷ Количество личных карточек, выданных Регистрационным бюро, 26 октября 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 62–62 об.

¹⁸ См.: Очерк деятельности Всероссийского земского союза... С. 34.

¹⁹ Државна комисија Краљевине СХС — издательству «Звено», январь 1923 г. // ГАРФ. Ф. Р-6792. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 103.

²⁰ Статистически годишник на Царство България год. XXIII — 1931. С. 33.

²¹ См.: Статистические данные о русских беженцах в Варне и ее районе (1919–1922). Табл. № I.

²² Краљевина Југославија: Статистички годишњак 1938–1939. С. 59.

²³ Статистически годишник на Царство България год. XXXII — 1940. София, 1931. С. 40.

²⁴ Россия: Энциклопедический словарь. С. 90–91.

²⁵ Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»... С. 73–74; авторы особо подчеркивали нарушенную половую структуру населения СССР, в особенности в возрастных группах от 45 лет и старше (с. 63).

²⁶ Дефинитивни резултати пописа становништва од 31 јануара 1921 године. С. 379.

²⁷ Статистически годишник на Царство България. год. 32. С. 42.

²⁸ Там же. С. 808–809.

²⁹ Статистически годишник на Царство България. год. 32. С. 808–809.

³⁰ Там же.

³¹ *Макъецов А.* Руска емиграција. Факта и мисли // Nova Evropa. Zagreb, 1922. Књ 6. Sv. 8. 11 stud. S. 239.

³² В этом разделе автор использует в кавычках русские слова «российский» и «русский», в остальных местах используется сербское прилагательное «руски», которое мы везде (кроме устоявшихся словосочетаний) переводили как «русский», учитывая то, что специального названия для «российского» в сербском, как и в большинстве других языков, нет. Этот перевод авторизован. (Примеч. пер.)

³³ О теоретических и методологических аспектах этой проблемы подробнее см.: *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: Социальная и национальная структура и проблемы адаптации // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX — XX вв.: Сб. статей. М., 2001. С. 54–70.

³⁴ Например, конференция «Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами: результаты и перспективы исследований», состоявшаяся в Праге в августе 1995 г.; в этом аспекте особенно характерно и крайне важно научное исследование: *Козлитин В.Д.* Русская и украинская эмиграция в Югославии; см. также его статью: Общественная жизнь русских и украинских эмигрантов в Югославии (1920–1930-е годы) // Славяноведение. М., 1996. № 5. С. 30–42; Существенно отметить, что прежде у этого автора проявлялся иной научный подход (ср.: *Козлитин В.Д.* Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев... С. 7–19.

³⁵ Поскольку во всех языках, кроме русского, нет терминов для различия обозначения понятий «российский» и «русский», сам феномен называется прилагательным, образованным от названия государства Россия в соответствующих языках: russian emigration (англ.), russische Emigration (нем.), l'émigration russe (франц.), руската емиграција (болг.), ruská emigrace (чеш.), руска емиграција (серб.) и т.д.

³⁶ См.: *Гетманенко О.Д., Юшко А.А.* Черная белая гвардия // Военно-исторический журнал. М., 1989. № 11.

³⁷ Там же. С. 41.

³⁸ См.: Там же.

³⁹ Анализ проведен на основании полного списка беженцев: ГАРФ. Ф. Р-5982. Оп. 1. Ед. хр. 190. Л. 1–115 об.

⁴⁰ Статистические данные о русских беженцах в Варне и ее районе (1919–1922). Табл. № I.

⁴¹ *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «секретно»... С. 86–87, 88–89.

⁴² Статистические данные о русских беженцах в Варне и ее районе (1919–1922). Табл. № II.

⁴³ Краљевина Југославија: Статистички годишњак 1937. С. 70–71.

⁴⁴ Об этой проблеме подробнее см.: *Јовановић М.* Прогнана елита: Социјална структура руске избеглицке колоније у Краљевини СХС // Годишњак за друштвену историју II-3 (1995). Београд, 1995. С. 297–321.

⁴⁵ Очерк деятельности Всероссийского земского союза... С. 34.

⁴⁶ См.: Там же. С. 60.

⁴⁷ Данные получены на основании ежемесячных докладов за период с 1920-го по 1925 г.: Бюро труда, Сведения о спросе на труд, Цифровые данные // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 1–198 об.; Приведенные данные собраны на материалах изучения выборки из 14 509 человек, что с точки зрения социологического соотношения представляет 53% русских беженцев в Болгарии. Тем не менее в ходе анализа этих данных необходима осторожность, учитывая то, что они, вероятно, не отражают реального положения дел для категории высокообразованных эмигрантов. На основании других исторических источников можно с уверенностью утверждать, что большинство высокообразованных беженцев (например, университетские преподаватели или врачи) не имели потребности обращаться в бюро труда в поисках работы, а напрямую, на контрактной основе принимались на службу государством, государственными учреждениями и организациями (университетом, Министерством просвещения и т.д.) и поэтому не были охвачены этим анализом.

⁴⁸ Нужды русских беженцев в Королевстве СХС (1922) // АСАНУ. 14386. Несређена грађа; то же: ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 974. Л. 11–40.

⁴⁹ См.: Россия в изгнании: Судьбы российских эмигрантов за рубежом... С. 322.

⁵⁰ Очерк деятельности Всероссийского земского союза... С. 34.

⁵¹ Подсчитано на основании данных Е.И. Алдеховой.: см.: Россия в изгнании: Судьбы российских эмигрантов за рубежом. С. 327–328.

⁵² Россия 1913 год... С. 327.

⁵³ *Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А.* Полвека под грифом «секретно»... С. 96–97.

⁵⁴ Данные приведены согласно: Jugoslavija 1918–1988... С. 39.

⁵⁵ Подсчитано на основании данных: Статистически годишник на царство България. София, 1940. Год. 32. С. 35.

⁵⁶ Таблица: Количество личных карточек, выданных Регистрационным бюро с начала регистрации: с 1 января по 1 ноября 1921 года // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 62–63; то же: Российская эмиграция в Турции... С. 15.

⁵⁷ В это число было включено: 3600 взрослых, 2700 малолетних и 90 умерших беженцев (Количество личных карточек, выданных Регистрационным бюро с начала регистрации: с 1 января по 1 ноября 1921 года // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 62–63.

⁵⁸ Статистические данные о русских беженцах в Варне и ее районе (1919–1922). Табл. № VI.

⁵⁹ Нужды русских беженцев в Королевстве СХС (1922) // АСАНУ. 14386. Несређена грађа; то же см.: ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 974. Л. 11–40.

⁶⁰ *Арсеньев А.* Ракидин међу руским емигрантима. С. 255.

⁶¹ Подсчитано на основании данных: Россия 1913 год... С. 221.

⁶² С.Н. Палеолог — королю Петру I, 20 февраля 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5982. Оп. 1. Ед. хр. 2; то же см.: Hoover. Paleologue. 026.41.

⁶³ Таблица: Количество личных карточек, выданных Регистрационным бюро с начала регистрации: с 1 января по 1 ноября 1921 года // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 62–63; таблица целиком опубликована в: Российская эмиграция в Турции... С. 15.

⁶⁴ Перепись русских беженцев в Константинополе, октябрь 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 479. Л. 1 об.

⁶⁵ И специалисты по моторам внутреннего сгорания.

⁶⁶ Специалисты по финансам и страхованию.

⁶⁷ Крестьяне, садовники, мелкие землевладельцы.

⁶⁸ Статистические данные о русских беженцах в Варне и ее районе (1919–1922). Табл. № VI.

⁶⁹ Беженците и условия труда в България. С. 13.

⁷⁰ Жены, которых содержат их мужья.

⁷¹ Нужды русских беженцев в Королевстве СХС (1922) // АСАНУ. 14386. Несређена грађа; то же: ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 974. Л. 11–40.

⁷² С.Н. Палеолог — королю Петру I, 20 февраля 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5982. Оп. 1. Ед. хр. 2; то же см.: Hoover. Paleologue. 026.41.

⁷³ *Палеолог С.Н.* Краткий отчет королю Петру I, 20 февраля 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5982. Оп. 1. Ед. хр. 2; см. также: Hoover. Paleolog. 026.41.

⁷⁴ Русские беженцы в Константинопольском районе в июне 1921 года // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 448. Л. 30.

⁷⁵ См.: Краткие статистические сведения о составе Союза русских студентов в Константинополе // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 1; Очерк деятельности Всероссийского земского союза... С. 60.

⁷⁶ Нужды русских беженцев в Королевстве СХС (1922) // АСАНУ. 14386. Несређена грађа; то же: ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 974. Л. 11–40.

⁷⁷ Сведения по степени материального обеспечения (таблица 4) (октябрь 1930 г.) // ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 184.

⁷⁸ Выписка из доклада контролера Представительства В.З.С. в Королевстве СХС А.М. Тимченко «Положение беженцев, их жизнь и нужды» // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 974. Л. 60.

⁷⁹ *Палеолог С.Н.* Краткий отчет королю Петру I, 20 февраля 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5982. Оп. 1. Ед. хр. 2; см. также: Hoover. Paleologue. 026.41.

«МИССИЯ» ИЛИ «ОБЩЕСТВО В ИЗГНАНИИ»: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ, СТРУКТУРНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Я не в изгнании, я в посланьи.

Нина Берберова¹

Появление двухмиллионной массы русских беженцев в начале 1920-х годов во многих государствах на всех пяти континентах, из которых около 220 тыс. оказались на Балканах, представляет собой уникальный исторический феномен. К такому выводу пришли еще современники, участники и свидетели великого русского исхода. Г.Н. Пио-Ульский, работавший университетским преподавателем в Петербурге, Новочеркасске и Белграде, подчеркивал, что «эмиграция имеет две особенности, которые делают ее беспримерной в истории переселения народов»², в то время как Н.Я. Федоров, историк и переводчик, восклицал: «<Русская эмиграция> представляла во всех отношениях исключительное явление, которому нет равных во всей тысячелетней истории человечества»³. Митрополит Софийский Стефан, комиссар по вопросам русских беженцев, в своем докладе Совету министров Болгарии от 14 сентября 1922 г. отметил: «Русскому изгнаничеству по его трагичности нет равных в мировой истории, а описать его просто невозможно»⁴. В то же время А. Белич, заместитель председателя Государственной комиссии по вопросам русских беженцев в Королевстве СХС, констатировал: «Есть мало примеров в истории человечества, чтобы люди, так жестоко выброшенные из своего дома и земли своих предков, с таким мужеством и крепостью отнеслись к своей судьбе»⁵. Но размышления о единстве феномена русской эмиграции не сводились лишь к констатации ее массовости и политического значения.

Сами эмигранты старались понять сокровенный смысл своей судьбы. Целая плеяда русских интеллектуалов, размышляя об изгнании в 1920-х и 1930-х годах, формулировала своеобразные идеи об особенностях, целях и задачах русского изгнания. Выражение этих идей, т.е. видение изгнания как «миссии», «культурного авангарда России за рубежом» или «посольства», указывало на то, что эмигранты ощущали свою принадлежность к особому «обществу в изгнании», воображаемой Зарубежной России, чувствовали свою принадлежность к особой социальной группе, которая свое предназначение искала (и находила) в продолжении непрерывного развития культурных и общественных традиций императорской России.

Рождение этих идей можно проследить во всех концах эмигрантского мира. Об этом размышляли И.А. Бунин⁶, П.Н. Милюков⁷, Н.Я. Федоров⁸ и многие другие. Вероятно, наиболее сжато и ясно сформулировал их К.Р. Кочаровский в середине 1930-х годов: «И мы можем, а значит и должны, — из этой рассеянной и омертвелой людской пыли срastись в некую живую социальную ткань, должны ожить как *некоторая общественная группа* и начать свое планомерное действие — одинаково на благо и самим себе, и приютившим нас странам, и — особенно — России... Так же может и должна срastись и ожить и

“Малая Зарубежная Россия”. До сих пор такое срастание рассеянных за границей русских в единое общественное тело шло медленно и слабо, или еще не явилась та “живая вода”, которая бы срастила разбросанные члены. “Собирание зарубежной Руси” двигалось лишь стихийным, бытовым, хозяйственным и культурным единением разбросанных одиночек, и в нем не было подъема и вдохновения, чтобы вдохнуть “дух жив” в слагающееся общественное тело. Я твердо уверен, что такой “живой водой”, которая срастит и оживит русских в иностранстве, будет осознание ими своей особой — крупной и благой — “исторической миссии”, именно как русских среди иных стран и народов, как некоторого “зарубежного отряда России”... И вот как только зарубежные русские осознают, что их историческая миссия — стать такой *социально-культурной миссией России в иностранстве...*»⁹

Три составляющих, на которых настаивал Кочаровский, — обособленность группы, понимание группы как единого целого (Зарубежная Россия) и ее кристаллизация вокруг совместной цели и с учетом символической задачи, которую, по его мнению, группа должна была выполнить («историческая и социально-культурная миссия»), — формировали все то, что мы в наше время можем характеризовать как общественные, структурные и исторические особенности самой группы. Эти составляющие содержат все важные факторы, которые влияли, с одной стороны, на самоидентификацию группы как единого целого и, с другой стороны, на формирование ее исторических особенностей.

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА

Хотя определение русской эмигрантской группы как социальной группы является весьма логичным, все-таки необходимо объяснить в соответствии с современными теоретическими постулатами¹⁰, какие именно ключевые факторы влияли на то, что, например, 40 тыс. индивидуумов в Югославии, 200 тыс. на Балканах или 2 млн. во всем мире, несмотря на свои собственные отдельные судьбы, взгляды, взаимные недоразумения и неприязни, все же в основном ощущали себя частями большой общности, тела, которое современники и более поздние исследователи называли Зарубежной Россией.

Перерастание разнородной массы людей в единую социальную группу и ее преобразование в неполную социальную структуру, своего рода «общество в изгнании» представляло собой основную социально-структурную особенность русской эмиграции. Этот процесс был определен четырьмя факторами. Русская эмигрантская группа являла собой одновременно и реальную общность, и часть более крупного коллектива. Эта группа предоставляла своим членам — эмигрантам — структурированные социальные рамки жизни. Саму же группу характеризовали неразрывные и действенные общие представления и идеи. Особенно важно и то, что у группы была единая цель, к которой она стремилась.

Группа как реальный и неполный коллектив

Исход русских людей из родной земли по своему политическому значению и массовости привлекал большое внимание общественности в межвоенной Европе. Это свидетельствовало и о том, что речь шла о реальном, ясно обозначенном коллективе (несмотря на то что порою говорилось о группах по тысяче или две человек, как это было в Греции или Румынии, или о нескольких десятках или сотнях беженцев, как это было во Франции, Германии или в Константинополе в начале 1920-х годов). Различные факторы повлияли на то, что вся эта масса людей самоидентифицировалась, а окружающая среда начала воспринимать ее как более или менее единое целое. Во-первых, все люди, которые тогда уехали из России, несмотря на причины, побудившие их к этому, на их происхождение, образование или прежнее положение в обществе, оказались в новой среде в одинаковом статусе беженцев. Их также связывало и использование русского языка как естественного способа внутригрупповой коммуникации. С другой стороны, общественность в приютивших их странах относилась к этим людям как к беженцам, принадлежавшим к единой эмигрантской группе (о которых надо заботиться, обеспечить им жилье, работу, медицинскую помощь, питание и т.п.), а также как к людям чуждого происхождения, языка, культуры, привычек и менталитета. Это было абсолютно логично, так как при взгляде со стороны группу людей, которая читала русские газеты и собиралась в русских кабаках, общаясь на русском языке, было проще всего идентифицировать как единую группу.

В то же время на нескольких уровнях русская группа представляла собой и неполный коллектив, т.е. часть значительно более широкой общности. Русские эмигранты, несмотря на всю свою многочисленность, составляли лишь (небольшую) часть населения России, к которому они принадлежали по рождению. Они выделились среди остальных российских подданных тем, что решились покинуть родину. Эмигранты были частью той многомиллионной группы, которая в своей повседневной коммуникации использовала русский язык в качестве родного языка. Наконец, русские эмигрантские группы в отдельных странах, например 40 тыс. беженцев в Югославии или 35 тыс. в Болгарии, были частями значительно более обширной группы беженцев во всем мире.

Группа как структурированные социальные рамки

Эмигрантская группа представляла собой структурированные социальные рамки¹¹, внутри которых русский человек мог сохранить элементы русского образа жизни. Два фактора давали возможность внутренней структуризации группы: особая внутренняя организация, а также сохранение элементов старых и установление новых взаимоотношений в обществе внутри группы.

Сама организационная структура была основана на нескольких различных факторах: в эмиграции оказалась сохранившаяся, хорошо организованная и вооруженная Русская армия; кроме того, несмотря на все политические потрясения, все еще функционировала разветвленная сеть дипломатических представителей и представительств императорской России; была сформирована православная церковная организация; были попытки организации свое-

го рода правительства в изгнании (Русский совет); действовали русские промышленные и торговые предприятия, даже возникали особые биржи труда (бюро труда при различных эмигрантских организациях); была организована и относительно автономная русская образовательная система; ряд дореволюционных (гуманитарных и общественных) организаций, как, например Российский Красный Крест, отделения Всероссийского земского союза, Всероссийского союза городов, «Русского сокола», а также политические партии и группы продолжили свою деятельность в изгнании; были организованы русские больницы и амбулатории; функционировали и русские издательства, печатались русские книги, журналы, газеты, проводились съезды культурных, художественных, торговых и политических союзов, основывались русские научные институты, библиотеки, театральные группы, а также русские рестораны и кафе, выступали русские хоры, казачьи дружины, оркестры балалаек, проводились балетные представления, читались лекции, основывались литературные и художественные кружки, спортивные общества и т.д. Рамки этих организаций определяли жизнь в изгнании. Внутри них русский человек мог решить некоторые юридические проблемы, мог искать (но не всегда находить) рабочее место, переквалифицироваться, изучить язык нового окружения, в котором он оказался, мог воспитывать своих детей, лечиться у русских врачей в русских амбулаториях, больницах и санаториях, мог исповедовать свою веру, венчаться и крестить детей в русских православных храмах, мог питаться в дешевых русских столовых и спать в дешевых общежитиях (если это было необходимо), мог посещать лекции выдающихся русских ученых, спектакли с участием деятелей русского театра, выставки русских художников, читать русские газеты, веселиться или печалиться в русских кабаках и бистро...

Внутренняя организация формировала социальные рамки, необходимые для сохранения русского образа жизни каждого эмигранта. Фактором, который дал возможность крайне разветвленной структуре эмигрантов не остаться на уровне пустой формы и который наполнил эту форму внутренним содержанием, был феномен сохранения старых и установления новых общественных взаимоотношений внутри самой группы и при контактах группы с новой средой.

Организационная структура эмигрантского мира, по существу, представляла собой сложную систему взаимопереплетения государственной и общественной иерархий императорской и добольшевистской России. Сама организация эмигрантской жизни в значительной мере опиралась именно на эти старые иерархии, например на армию, на сеть дипломатических представителей дореволюционной России, на общественные, гуманитарные и церковные институты. Большинство беженцев отправились в изгнание в зрелом возрасте, с уже законченным образованием, профессиональным положением и определенным социальным статусом. Это во многом предопределило их положение в обществе и в Зарубежной России. Кроме того, были заметны и специфические попытки, например, если речь шла о казаках, сохранить свою структуру: «Казаки с Дона, Кубани и из Сибири, следуя вековому обычаю, покидали Россию в составе традиционных формирований, возглавляемых атаманами. Они также делали все возможное, чтобы остаться вместе. Им удавалось селиться сельскохозяйственными общинами, сохраняя свою военную организацию и

выборную иерархию, на Балканах, в Чехословацкой республике, в Западной Европе (на юге Франции) и в Южной Америке»¹².

Наряду с существованием старой социальной иерархии в изгнании возникали и новые социальные структуры и устанавливались новые общественные взаимоотношения. Этот процесс был усилен как тем фактом, что молодые поколения завершали свое обучение и находили первую работу в изгнании, начиная лишь с этого момента формировать свое положение в обществе, так и тем, что большинство эмигрантов старшего поколения были вынуждены переквалифицироваться. Имущественное расслоение, которое появлялось в эмиграции, обусловило даже попытки новой элиты дистанцироваться от группы, считая, что она представляет для них своего рода балласт. Например, наиболее обеспеченные эмигранты избегали участвовать в гуманитарных акциях, и, по высказыванию современника, «им и так хорошо живется и они начинают забывать о России», в то время как менее обеспеченные люди «постоянно помнят о своей родине и несут свои крохи на святое дело (в Фонд спасения России)»¹³. В исключительных случаях члены новых элит старались полностью изолироваться от старых социальных структур, например, в Софии появилась «группа лиц, не входящая ни в какие русские объединения и союзы, из коих большинство ко всему безразлично, а другая часть ко всему относится критически; это главным образом хорошо обеспеченные люди, сделавшие здесь, в беженстве, даже крупные, торговые дела и старающиеся подалее отойти от русских, дабы кто-либо не обратился к ним за помощью и за поддержанием русского национального дела...»¹⁴. Так, в Зарубежной России появились новые бюрократы, ремесленники, простые рабочие, торговцы, художники, преподаватели университетов, а также новые спекулянты, богачи, банкроты и т.д. Современники могли наблюдать этот процесс: «Бывший камергер чистил картошку на кухне, жена генерал-губернатора стояла за прилавком, бывший член Государственного совета пас коров... Жены офицеров становились прачками, нанимались прислугой. Появиться в хорошем костюме, обедать в модном ресторане было предосудительным. Это могли позволить себе только спекулянты <...> Но нигде русские офицеры-рабочие не поглощались общей массой. Они образовывали как бы русские колонии при заводах... Они жили как бы двойной жизнью: днем тяжелая работа, а после нее они становились мичманами, капитанами, генералами... только мысль о том, что эта бессрочная каторга кончится в момент освобождения Отечества — только эта мысль поддерживала и давала все новые силы русскому офицеру»¹⁵. Налицо было двойственное общественное самоощущение эмигрантов: утреннее, когда они выполняли тяжелую физическую работу, занимались мелкой торговлей, водили такси, разносили газеты, были прислугой, и послеобеденное и вечернее, когда в эмигрантских домах и кабачках, там, где собирались исключительно беженцы, в своем «естественном» русском окружении они вновь занимали свое место в старой социальной иерархии, «преображаясь» в сенаторов, генералов, высших придворных советников, придворных дам, интеллектуалов, деятелей искусств, университетских преподавателей, политиков, — все это указывало на столкновение двух социальных структур внутри эмиграции, «сегодняшней» и «вчерашней» (и, как ожидалось, «завтрашней»). Одновременно это было границей, которая отделяла реальность эмигрантской жизни от надежд, ожиданий и воспоминаний эмигрантов.

Особая внутренняя организация, сохранение элементов старых социальных взаимоотношений, существовавших до эмиграции, наличие взаимоотношений, рожденных уже в изгнании, придавали русской эмиграции как историческому явлению все характеристики, присущие социальной группе.

Неразрывные и действенные коллективные представления и идеи

Такие идеи, как последовательный антибольшевизм и надежды на унаследование, сохранение, дальнейшее развитие и пропаганду культурных традиций дореволюционной России, представляли собой фундаментальные основы, призванные собрать вокруг себя всю эмиграцию.

Непримиримый антибольшевизм был, несомненно, наиболее постоянной и активной идеологией русской эмиграции, которая во многом влияла на ее кристаллизацию. Начало формирования и саму сущность этой идеологии известный режиссер Ю.Л. Ракитин, живший в Королевстве СХС в начале 1920-х годов, описывал так: «Я оказался в Стамбуле как эмигрант, так как не желал покориться “им”, убийцам моей родины и моего царя. Я слился с толпой эмигрантов, которые не приняли новое государство РСФСР»¹⁶. На существование этого убеждения на протяжении всего межвоенного периода указывал в конце 1930-х годов Н.Я. Федоров: «Русская эмиграция представляла собой единый, внутренне цельный организм, крепко связанный идейной и реальной непримиримостью к большевикам и советскому правительству <...> Общая и основная политическая позиция эмиграции принципиально антибольшевистская. В своем подавляющем большинстве эмиграция занимает непримиримо враждебную позицию по отношению как к большевикам, так и к деятельности советского правительства. Это дает особую внутреннюю силу и единство эмиграции <...> Но вне этой непоколебимой идеи принципиального антибольшевизма, которая, подобно стальной цепи, связывает в одно целое всю эмиграцию, она во всех других отношениях необычайно широка и разнообразна»¹⁷. Ярко выраженный антибольшевистский характер русской эмиграции в некоторой степени облегчал положение беженцев благодаря тому, что среди европейских политических элит в начале 1920-х годов был распространен отчетливый страх перед расширением в Европе революции и революционных идей, в особенности в большевистском варианте. Однако после относительной нормализации отношений большинства европейских стран с СССР в середине 1920-х годов антибольшевизм русской эмиграции стал превращаться в своего рода отягощающий балласт для беженцев. Но эмигранты не могли легко поступиться своими принципами, забыть причины своего изгнания и то, что с эмигрантской точки зрения главными виновниками всех их мук на чужбине были большевики.

Другая ключевая позиция идеологии эмигрантов была твердо основана на том, что единственные настоящие традиционные русские культурные ценности были связаны с дореволюционной императорской Россией. С этой точки зрения беженцы ощущали себя преемниками именно этой традиции и культуры. Данную идею по-своему трактовали различные авторы, однако наиболее концентрированно, хотя и в своем видении, ее сформулировала Е.Д. Кускова: «Эта роль эмиграции как живого носителя русского духа и особенностей русской культуры, как возбудителя живого интереса к русской истории, русскому искусству и к

русской литературе неоспорима»¹⁸; а также Б.Л. Павлов из русской колонии в захолустном городке Великий Бечкерек: «...русские люди не только не забыли святой долг воспитания нового поколения в русском духе, но и считали своим долгом беречь старые русские обычаи и традиции»¹⁹. Этот культурный стереотип выдвигался как антитезис новой большевистской культуре, «пролеткульту», развитому в Советской России. Идею сохранения и дальнейшего развития дореволюционной русской культуры можно было обнаружить и в деятельности русских школ, которые старались сохранить главные ценности прежней жизни такими, какими их видели эмигранты, даже в соблюдении старой орфографии как символа «старого времени» и «настоящего» русского языка.

Эти идеи давали возможность сохранить относительное единство мнений, деятельности и поведения группы изгнанников. В то же время символы старой России и Зарубежной России, такие типичные для людей в изгнании, составляли один из ключевых объединяющих элементов миропонимания, благодаря которому отдельные эмигранты идентифицировали себя с коллективными и активными идеями, мнениями и задачами группы.

Осознание того, что они в большинстве случаев оказались в эмиграции по политическим причинам, превращало уже сам факт существования русских эмигрантов в своего рода политический символ — символ сопротивления большевикам. Именно об этой символике и говорил генерал П.Н. Врангель в приказе, изданном по прошествии одного года после эвакуации Крыма, 15 ноября 1921 г.: «Пусть говорят нам, что Россия погибла... Мы знаем, что это ложь. Россия жива. Растерзанную и поруганную, мы вынесли ее на своих знаменах — этих знамен, пока мы живы, не вырвать из наших рук»²⁰. Этой символикой в запутанных обстоятельствах международных отношений, установившихся после Первой мировой войны, иногда политически манипулировали как сами эмигранты, так и правительства стран, их приютивших.

С другой стороны, было очевидно, что отношение беженцев к своей родине также выражалось крайне упрощенной символической схемой — дореволюционная (или добольшевистская) Россия в этой системе символов воспринималась как «старая, добрая» страна, за ценности которой и сражались большинство эмигрантов в Гражданскую войну, страна, чей лик, хотя и «опозоренный и растерзанный», эмигранты все-таки сохранили на своих знаменах в изгнании. На такой символике особенно настаивали при воспитании и образовании молодого поколения. Генерал В.В. Римский-Корсаков, директор Крымского кадетского корпуса, расположившегося в городке Белая Црква, обратился при уходе со своей должности 11 декабря 1924 г. к молодым кадетам со следующими словами, которые передают всю гамму восприятия символов и традиций старой России: «Мои дорогие, горячо любимые, внучата! Оставляя вас, я чувствую сердечную потребность обратиться к вам с прощальным словом и в вашем лице я обращаюсь ко всем крымским кадетам... Зная хорошо ваше настроение, зная те чувства, которыми вы живете, я вполне уверен, что все вы сумеете донести до нашей истерзанной родины святые заветы, которыми вы проникнуты и которые выражаются тремя краткими словами: Бог, Царь и Родина, причем последние два слова у вас, как и у всех кадетов наших прежних славных корпусов, сливаются в одно нераздельное целое, ибо Царь, по нашим верованиям, неотделим от родины, родина же от Царя, ибо Царь, по нашим верованиям, является живым олицетворением родины, ее чести, славы,

доблести и силы. Во имя этих святых заветов, дорогие мои, работайте не покладая рук, работайте над своим самоусовершенствованием, работайте для приобретения знаний. Учитесь, учитесь и учитесь, ибо в знании — сила...»²¹ Вполне понятно, что в такой схеме Зарубежная Россия — воображаемое создание, к которой по субъективному пониманию принадлежали эмигранты, — символизировала (а согласно некоторым воззрениям должна была и воплотить в реальности) естественное продолжение непрерывного развития политических, культурных и державных традиций дореволюционной России.

Связь с символикой «былого» была заметна и в повседневной жизни. Причины, из-за которых русские эмигранты оказались в начале 1920-х годов в изгнании, вызвали их последовательную привязанность к традиционным русским символам, имевшим чаще всего четко выраженный антибольшевистский характер. Это были национальные русские символы (флаг, герб и гимн), которые использовались при любом подходящем случае: в школах, в больницах, на зданиях, где размещались организации беженцев, при массовых манифестациях эмигрантов и т.д. Кроме того, монархические символы (одним из наиболее распространенных были портреты убитого «царя-мученика» Николая II, которыми были украшены школы, эмигрантские заведения и частные дома; по тем же причинам и Русский дом в Белграде носил название Русского дома имени императора Николая II) и религиозные символы (иконы, восьмиконечные кресты и т.д.), которые символизировали свободу вероисповедания, характерную для дореволюционной России. Свою роль в сохранении коллективного самосознания играли и символы быта, которые напоминали эмигрантам о традиционной атмосфере жизни на родине. Наиболее известным из бытовых символов стал, конечно же, традиционный самовар, имевшийся почти в каждом эмигрантском доме.

Привязанность к традициям старой России играла важную роль в самоидентификации отдельных эмигрантов с группой, которая символизировала непрерывное развитие именно традиционных ценностей: «Все-таки мало кто полностью потерял связь с Родиной. Сохранился язык, сохранились обычаи, сохранилось то неуловимое, что носит в себе каждый народ»²².

Последовательный антибольшевизм, идея сохранения и дальнейшего развития и пропаганды культурных традиций дореволюционной России и использование символов старой России представляли собой источник коллективных воспоминаний и создавали основу общих воззрений, передававшихся и через домашнее воспитание, и через образование в русских школах. Все это в значительной мере повлияло на самоопределение группы как единой совокупности.

Именно приверженность эмигрантов идее возвращения на родину, что можно назвать основной целью всех русских беженцев, была последним и наиболее важным фактором, который способствовал перерастанию неоднородной массы людей в единую социальную группу.

Общая цель

Русские эмигранты, где бы они ни находились, в том числе и на Балканах, стремились домой, ожидали и планировали скорое возвращение на родину. О том, как это виделось современникам, написал Л. Йованович, первый председатель

Государственной комиссии по вопросам русских беженцев в Королевстве СХС: «Огромное большинство все еще живет насущным днем. Это полностью понятно. Все их мысли посвящены скорейшему возврату в Россию, конечно, в ту Россию, которую каждый замышляет и желает по-своему»²³. Сами эмигранты призывали собратьев по несчастью готовиться к возвращению и духовному возрождению измученной родины. Так, В.К. Манакин с известной дозой патетики призывал: «Мы должны, работая здесь, активно готовиться всеми своими силами, со всей энергией и любовью к службе своему отечеству и своему народу; им мы нужны более всего. Пробьет час, и перед нами будет стоять тяжелая задача — помочь нашему народу подняться и обновить Россию...»²⁴ Русские педагоги, основывая школы в изгнании, руководствовались теми же идеями и надеждами: «За время русского изгнания ясно стала чувствоваться необходимость дать образование подрастающему поколению для созидания на Родине, когда Она, стряхнув с себя красное иго, особенно будет нуждаться в разного рода работниках-специалистах»²⁵. Именно ради осуществления этой цели, несмотря на давление с разных сторон, так упорно стремилась уберечь в изгнании свою структуру Русская армия, до 1924 г. сохраняя чисто военную организацию (роты, батальоны и армейские группы), а после этого преобразившись в РОВС. Кроме того, большое число повседневных действий, как, например, образование детей и молодежи, культурная и художественная деятельность или сохранение и развитие религиозного сознания, были особенно старательно продуманы и на практике осуществлены с той целью, чтобы по возвращении на родину очистить ее от последствий владычества «ненавистной системы».

По всем вышеприведенным параметрам можно определенно утверждать, что балканские общества в начале 1920-х годов столкнулись с особой социальной группой. Русская эмигрантская группа имела определенные и поддающиеся подсчетам размеры и состав, была организована и внутренне структурирована с достаточно ясно заданным статусом каждого члена, имела общую цель и задачу существования, стандарты, традиции, связывавшие ее общие воззрения, выраженные не только в совместных, общепринятых стереотипах, но и в существовании источников общего коллективного сознания. В то же время русские эмигранты на Балканах, благодаря специфической форме организации и внутригруппового общения, формировали часть Зарубежной России, социальной структуры, которая обеспечивала впитывание (и сохранение) традиций дореволюционной России культурной и социальной средой стран, где жили эмигранты.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Великий русский исход в годы революции и Гражданской войны, который с теоретической точки зрения²⁶ можно характеризовать как внешнюю, насильственную, политическую и долгосрочную миграцию, в начале 1920-х годов

имел характер континентальной миграции. Изгнанники, надеясь на скорое возвращение на родину, поселялись в странах, которые либо географически были близки к России, либо граничили с ней: в Финляндии, Прибалтике, Польше, Чехословакии, Германии, Турции (а точнее, в Константинополе), Болгарии, Королевстве СХС и в Маньчжурии. Однако уже с середины 1920-х годов, когда стало ясно, что первостепенная цель группы — скорейшее возвращение на родину — труднодостижима, стали заметны новые миграционные потоки (новая эмиграция) и географическое удаление беженцев от границ России. Сначала эти переселения были направлены в сторону Франции, а с середины 1930-х годов стали заметны и массовые заокеанские переселения, прежде всего — в США.

Демографический и политический аспект русского исхода придавал всему этому феномену особую историческую важность в широком контексте русской и европейской истории. Русская эмиграция представляла собой первую массовую (в течение долгого времени и самую массовую) политическую эмиграцию XX в. В межвоенной Европе она по своей численности превзошла другие перемещения населения. По сравнению с другими политическими миграциями межвоенного времени русский исход был в десять раз более массовым. Самыми массовыми после русской были: эмиграция 200 тыс. испанцев во Францию по окончании Гражданской войны в Испании (1938–1939), затем 170 тыс. евреев из Германии, Австрии и Чехословакии в другие европейские страны (1933–1939) и 125 тыс. армян с Ближнего Востока в Европу (1918–1925). Численность русской эмиграции превзошла и массовость так называемого обмена населения между Грецией, Турцией и Болгарией, когда, согласно договору о подписании мира между Грецией, Турцией и Болгарией после Первой мировой войны, 1720 тыс. человек вследствие обмена покинули свои дома (1200 тыс. греков, которые были выселены из Турции в Грецию в 1922–1923 гг., 400 тыс. турок, переселенных из Греции в Турцию в 1921–1928 гг., 120 тыс. болгар, «добровольно» переброшенных из Греции в Болгарию в 1918–1926 гг.). Русская эмиграция превосходила по численности даже крупнейшие экономические миграции, как, например, переселение во Францию 1960 тыс. экономических эмигрантов: 450 тыс. поляков из Польши (1919–1939) и 150 тыс. поляков из Рура (1923), как и 60 тыс. чехов и словаков, 650 тыс. итальянцев (1919–1939), кроме того, 250 тыс. испанцев, 50 тыс. португальцев (1919–1936), 100 тыс. мигрантов из других европейских государств, 150 тыс. переселенцев с Балкан и 100 тыс. мигрантов из французских колоний в Северной Африке (1919–1939)²⁷.

Чтобы наглядно представить размеры этого изгнания, можно привести такой факт: если бы в начале 1920-х годов все эмигранты собрались в одном месте, то 2 млн. русских беженцев могли бы составить население небольшого европейского государства (например, в начале 1920-х годов в Латвии проживало 1650 тыс. человек, в Эстонии 1 млн., в Албании 700 тыс.²⁸ и т.д.).

Историческое значение массового изгнания русских людей с родины можно понять и на основании того факта, что была значительно нарушена демографическая и общественная структура всей России. Каким демографическим и социальным потрясением для России была эмиграция 2 млн. исключительно образованных и профессионально квалифицированных людей, можно понять, если иметь в виду, что их число было приблизительно равно населению

Москвы (1350 тыс.) и Петрограда (800 тыс.)²⁹ вместе взятых на то время (т.е. в 1919–1920 гг.) или же, если сравнивать с данными переписи 1897 г., было почти равно общему количеству чиновников и военнослужащих императорской России с семьями (2200 тыс.), или согласно той же переписи было значительно больше общего числа священнослужителей и людей свободных профессий вместе с их семьями (1600 тыс.)³⁰.

Наконец, значение русской эмиграции можно понять и исходя из того факта, что появление более чем 2 млн. беженцев из России — кроме ряда практических проблем, которые вызвала организация как перевозки, питания, размещения, сбора одежды и т.п., так и трудоустройства и медицинского обслуживания, — представляло собой ключевое событие, повлиявшее на возникновение под эгидой Лиги Наций современного международного законодательства по вопросам беженцев. Лига Наций прежде всего назначила международного комиссара по вопросам беженцев в 1921 г., затем в 1924 г. создала Международный комиссариат по вопросам беженцев для заботы в первую очередь о русских беженцах, а потом провела и ряд международных конференций, где квалифицированные юристы-эксперты попытались определить рамки жизнедеятельности русского человека в изгнании и решить некоторые актуальные вопросы, как, например, унификацию эмигрантских документов. Это были первые попытки заложить основы законодательного урегулирования нового исторического феномена — массовой эмиграции.

Русская эмигрантская группа, которая проявляла все элементы сформировавшейся социальной группы, различными способами задавала общие социальные рамки жизнедеятельности русского человека в эмиграции. Член этой группы имел четко определенное место в социальном контексте русского эмигрантского мира и чаще всего идентифицировался именно с группой. При этом группа в большей или меньшей степени задавала социальную и политическую позицию всех ее членов. Ее положение косвенно отражалось и на положении в новой среде каждого ее члена. Это было тем более очевидно, потому что как международные организации, так и правительства стран, где проживали беженцы, именно на уровне группы решали многочисленные вопросы, важные для определения места в обществе и ежедневной жизни эмигрантов, как, например, урегулирование правового статуса, решение проблем, связанных с документами эмигрантов, открытие и функционирование русских учебных заведений, деятельность эмигрантских благотворительных организаций и т.д.

Вместе с тем русская эмигрантская группа, принимая со временем характер неполной социальной структуры, дала возможность параллельно с новыми социальными связями сблизиться и старательно сохранять в ходе вечерних встреч и общения эмигрантов их былые, установившиеся еще в России социальные взаимоотношения, с узнаваемым положением каждого члена внутри русского общества. Эта двойная реальность облегчила интеграцию эмигрантов в единое сообщество и сделала возможным существование многогранной реальности особого «общества в изгнании», известного под названием Зару-

бежная Россия, которое задавало единые рамки и решающим образом определяло характер и интенсивность социальной жизни эмигрантов.

- ¹ Берберова Н. Лирическая поэма // Современные записки. 1927. № 30. С. 227.
- ² Пио-Ульский Г.Н. Русская эмиграция и ее значение... С. 35.
- ³ Fedorov N. Ruska emigracija... S. 1.
- ⁴ Митроп. Стефан. Доклад до почитаемия Министерски совет, 14 сент. 1922 г. // ЦДИА. Ф. 3к. Оп. 1. А.е. 458.
- ⁵ АСАНУ. 14386. 2491.
- ⁶ Бунин И. Миссия русской эмиграции // Собр. соч.: В 8 т. М., 2000. Т. 8. С. 409–419.
- ⁷ Miloukoff P. The Russian emigration (рукопись) // ГАРФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Ед. хр. 127.
- ⁸ Fedorov N. Ruska emigracija...
- ⁹ Кочаровский К. Что может Зарубежная Россия. С. 2 // АСАНУ. 14386. 2514.
- ¹⁰ Для определения характера и типологии русской эмиграции в теоретическом аспекте мы использовали структуралистское позитивное определение, которое предложил Ж. Гурвич (см.: Sociologija. Zagreb, 1966. S. 201).
- ¹¹ Анализ выполнен на основании теоретического определения и классификации общественных структур, которые предложил Ж. Гурвич (см.: Sociologija. S. 226–229).
- ¹² Раев М. Россия за рубежом... С. 47.
- ¹³ П.Я. Русские в Болгарии, составлено в июле–августе 1932 г. // ГАРФ. Ф. Р-9116. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 25.
- ¹⁴ Там же. Л. 31.
- ¹⁵ Цит. по: Назаров М. Миссия русской эмиграции. С. 23–24, 27.
- ¹⁶ Цит. по: Арсеньев А. Ракитин међу руским емигрантима. С. 249.
- ¹⁷ Fedorov N. Ruska emigracija... S. 1, 5.
- ¹⁸ Кускова К. Судбина руске емиграције // Nova Европа. Zagreb, 1930. 16 trav. Кнј. 21. Вр. 4. С. 236–237.
- ¹⁹ Павлов Б.Л. Русская колония в Великом Бечкереке... С. 23.
- ²⁰ Врангель П.Н. Приказ от 15 ноября 1921 г. Цит. по: Бортневский В.Г. Загадка смерти генерала Врангеля. С. 102.
- ²¹ Крымский кадетский корпус // Кадетские корпуса за рубежом (1920–1945). N. Y., s.a. С. 75.
- ²² Гиљотен Ј.Ж. Две моје домовине. С. 65.
- ²³ Јовановић Љ. Руси у нас // Нови живот. Београд, 1921. Књ. 6. С. 36.
- ²⁴ Манакин В. Руси у Краљевини // Almanah Kraljevine SHS. I-10, Zagreb, s.a. S. 230.
- ²⁵ Историческая записка о Пастырско-богословском училище в монастыре Св. Кирика в Болгарии: 1922–1932. София, 1932. С. 3.
- ²⁶ Об этих теоретических классификациях миграции подробнее см.: Primorac M. Strani radnici: Sociološki aspekti privremene ekonomske emigracije. Beograd, 1980. S. 24–25.
- ²⁷ Kulisher E.M. Europe on the move... P. 248–249.
- ²⁸ Prof. Hickmann's geographisch-statistischer universal Atlas — 1921. Wien, 1921. S. 44.
- ²⁹ Ibid. S. 46.
- ³⁰ Россия 1913 год... С. 220.

ОБЩЕСТВО

В начале 1920-х годов русская эмигрантская группа, состоявшая в основном из прекрасно образованного, профессионально подготовленного городского населения, которое унаследовало богатую культуру и традиции России, оказалась в сельской среде Балкан. В этой ситуации идеи, планы и воззрения на будущее эмигрантов столкнулись с балканскими потребностями, правилами, менталитетом и ограничениями. Сами же эмигранты лицом к лицу встретились с балканским обществом, которое по-разному смотрело на Россию и русского человека: кто-то с любовью и благодарностью за помощь, оказывавшуюся на протяжении столетий, а кто-то и с подозрением и плохо скрываемой неприязнью, также базировавшись на историческом опыте.

В отношении русских беженцев к России ощущалась глубокая двойственность. Россия была страной их идеала и заветной целью всех их стремлений, их родиной, в то время как Советская Россия, реальная страна, возникшая на территории Российской империи (и во многом ее наследница), символизировала власть большевиков — главных виновников того, что эти люди оказались в изгнании. Эта двойственность вызвала и формирование в среде изгнанников идеи воображаемой Зарубежной России как своеобразной преемницы национальной русской идеи, наследницы и хранительницы основных ценностей дореволюционной русской культуры и традиций, которые было необходимо сохранить в изгнании, а после желанного и долгожданного краха большевиков воссоздать на родине. Таким образом, со временем Зарубежная Россия стала символом родины, такой, какой ее эмигранты жаждали, к которой стремились и с которой себя идентифицировали, которая, хотя и не имела реальной территории, находилась везде, где существовали большие или меньшие, более или менее организованные группы русских эмигрантов.

Широкое восприятие идеи Зарубежной России привело эмигрантов в социально-психологической сфере к ситуации ежедневной разорванности между тремя полюсами: страной изгнания, Зарубежной Россией и Советским Союзом. При этом они позитивно самоидентифицировались с Зарубежной Россией, так как она символизировала общественный идеал родины, к которой они так стремились. К государствам изгнания они обычно имели двойственное отношение (вследствие исключительно сильного стремления к своему идеалу). В то же время они отрицали любую возможность самоидентификации с Советской Россией, но и само это отрицание, вопреки их желаниям, представляло собой своего рода психосоциальный контакт и связь с покинутой родиной. Если вспомнить, что все крупные эмиграции были, как правило, связаны в социальном и психологическом плане лишь с исходной страной, с одной стороны, и государством изгнания, с другой стороны, можно заключить, что эта разорванность между тремя полюсами представляла собой основную особенность русской эмиграции как исторического феномена и, естественно, оставила неизгладимую печать на всех сторонах общественной жизни русских в эмиграции.

Деятельность ряда эмигрантских институтов и учреждений, как, например, школа, армия, церковь, общественные и гуманитарные, профессиональные и научные, молодежные и спортивные организации, была задана и в то же время маркирована именно этой социально-психологической разорванностью. Действуя в

реальном балканском окружении, выдвигавшем свои требования и правила поведения, они все-таки были сформированы и структурированы не по местным, а по русским образцам и стандартам с той целью, чтобы таким способом сохранить и далее развить основные общественные, культурные и традиционные ценности, свойственные дореволюционной России, а также с намерением потом, «когда позволят обстоятельства», т.е. когда большевики лишатся власти, вновь воссоздать эти ценности на родине. В то же время их взгляды были обращены и к тому, что происходило в Советском Союзе, откуда ждали малейших признаков долгожданного начала краха большевистской системы изнутри. В таком состоянии эти люди, разделенные и дезориентированные с точки зрения общественной идентификации, встретили на Балканах начало Второй мировой войны, которая принесла им новые сомнения, углубила существовавшую рознь, родила у одних новые надежды на падение большевизма, а других подтолкнула к пересмотру прежнего отношения к Советскому Союзу и просто заставила их самоидентифицироваться с СССР как с «родиной в опасности».

Особое социально-психологическое положение, в котором оказались беженцы после отъезда с родины, отражалось почти на всех аспектах их общественной жизни и обусловило тот факт, что в истории русской эмиграции на Балканах господствующую роль заняли два процесса:

— адаптация к жизни в новой среде и интеграция в новые общества (которые в значительной степени диктовали образ, а зачастую и уровень жизни);

— особое развитие русской общественной жизни и общественных организаций. Эти процессы параллельно проходили в рамках Зарубежной России, с одной стороны, и в рамках нового балканского общества, с другой стороны. Такую характерную двойственность иллюстрирует перерастание армии в РОВС, формирование, существование и деятельность которого были почти незаметны в исторической реальности балканских обществ в межвоенный период, но чье значение для мира русской эмиграции было огромно, чему даже Советский Союз придавал большое значение, что подтверждают похищение и убийство двух руководителей РОВСа, генералов А.П. Кутепова и Е.К. Миллера в 1930-х годах. Эту двойственность можно заметить и на примере того, что, хотя фактическое влияние митрополита Антония или генерала П.Н. Врангеля на общественную жизнь в Королевстве СХС в начале 1920-х годов было маргинальным (сводясь в основном к регулированию ограниченного круга вопросов и проблем, возникающих при контактах русских эмигрантов с местными государственными и церковными властями), их реальное воздействие на общественную жизнь эмиграции в рамках Зарубежной России было огромным, так как символизировало идею возможности столь желанного и долгожданного возврата на родину и ее общественного, политического, культурного и духовного возрождения.

В сложной и неоднозначной ситуации 1920–1930-х годов XX в. оба вышеупомянутых исторических процесса взаимно переплетались и преломлялись, решающим образом влияя на формирование эмигрантской жизни на Балканах. Это были рамки, которые определяли способы урегулирования *правового статуса* беженцев, внутренние контакты и взаимоотношения на уровне «мы» и «они», различные способы представления о «*другом*», а также *интеграцию* и *адаптацию* эмигрантов в новые общества и, наконец, задавали тон формированию *особого русского эмигрантского общества*.

Жизнь в двух социально-психологических плоскостях, переплетенность и взаимовлияние различных социальных процессов и непрочность социальной организации в изгнании привели к тому, что пребывание этих людей на Балканах

представляло собой крайне непостоянный и динамичный исторический феномен. Феномен, который с социально-исторической точки зрения порождал больше вопросов и дилемм, чем мог предложить ответов. Поэтому выводы о характере общественной жизни русских эмигрантов на Балканах не могут быть однозначными и должны отражать социальную динамику и двойственность, а иногда даже тройственность позиции, в которой находилась эмигрантская группа, пребывавшая в реальном мире балканского социального и культурного окружения при одновременном неприятии правительства и социального устройства, сформировавшихся в родной стране, и с формированием особого, воображаемого мира Зарубежной России, отражавшего желание и надежду на его «воскресение» на родине.

ПРАВОВОЙ СТАТУС

Появление почти двух миллионов русских в Европе, перегруженной экономическими, демографическими и политическими последствиями только что закончившейся войны, породило множество гуманитарных и политических проблем, а также юридических казусов. Решение этих вопросов зависело и от международной общественности, воплощенной в Лиге Наций, и от правительств тех государств, которые приютили беженцев и заботились о них, и от благотворительных организаций, которые организовывали гуманитарные акции для помощи беженцам, и от революционного большевистского правительства в России, политически противостоявшего как беженцам, так и международной общественности, и от самих беженцев, чье появление при необычных обстоятельствах в значительной мере как инициировало саму эту проблему, так и задало модальность ее решения.

Первые проблемы, связанные с русской эмиграцией, возникли в начале 1920-х годов, когда всего за несколько месяцев в конце 1920-го — начале 1921 г. вследствие резкого увеличения числа беженцев потребовалось срочно обеспечить необходимые условия для простого выживания этих людей: питание, здравоохранение и организацию концентрационных пунктов (как, например, Константинополь)¹.

Когда эти первые задачи были более или менее решены, уже в течение 1921 г. появился ряд новых, в основном правовых вопросов о будущем статусе этих людей в странах их изгнания. Изначально правительства европейских государств столкнулись с особым «видом» иностранцев, которые отличались от других иностранных граждан тем, что по ряду политических причин не могли быть возвращены на родину². Поэтому требовалось выработать общую стратегию решения этого вопроса. До появления русских беженцев не существовало международных правовых стандартов решения вопроса об эмигрантах, все соответствующие решения принимались в рамках обычного законодательства, а с конца XIX в. — и в рамках гуманитарной помощи, оказываемой Международным комитетом Красного Креста³. С конкретной проблемой и неопределенностью правового статуса беженцев столкнулась вскоре после своего основания и Лига Наций. Решение этого вопроса она провозгласила одной из своих первостепенных задач и уже в феврале 1921 г., по предложению Международного комитета Красного Креста, назначила верховного комиссара по вопросам беженцев⁴. Поспешное образование международной организации для заботы о беженцах было вызвано необходимостью хотя бы в общих чертах решить тот ряд скопившихся правовых проблем, которые осложняли и без того тяжелое положение беженцев, а также для того, чтобы обеспечить эмигрантам хотя бы в какой-то мере нормальную жизнь.

Со временем выкристаллизовались два типа вопросов, которые было необходимо решить. С одной стороны, требовалось решить основную задачу — что делать с эмигрантами и как ликвидировать проблему беженцев. В начале 1920-х годов международные силы были склонны решить этот вопрос репатриацией в Советскую Россию. Однако позднее, с середины 1920-х годов, они

изменили свой общий подход, придя к выводу, что обеспечение возможности для постоянного трудоустройства эмигрантов, которое позволило бы им самим зарабатывать себе на жизнь в государствах изгнания, является, по сути, единственной реальной идеей какого-то «конечного» решения вопроса беженцев⁵. С другой стороны, требовалось решить ряд практических повседневных правовых вопросов, с которыми сталкивались эмигранты и страны, их приютившие. Поскольку отъезд из России происходил в условиях всеобщего хаоса, люди зачастую оставались без обычных личных документов (не важно, по каким причинам: не могли взять их с собой, забыли или утратили в дороге), что затрудняло идентификацию личности, подтверждение матримониального статуса, образовательного уровня, родственных отношений или профессиональной подготовленности эмигрантов, а также порождало вопрос, можно ли разрешить им пребывание и перемещение между странами, что у многих правительств вызвало оправданные опасения инфильтрации большевистских агентов в ряды беженцев. После официального признания СССР рядом стран в 1921–1924 гг. проблема с личными документами усложнилась, так как в этой ситуации старые русские документы с точки зрения действующего международного права потеряли любое значение и становились недействительными⁶. Кроме проблемы личных документов со временем выдвинулась и проблема применения к русским беженцам местного законодательства об иностранцах, имевших возможность возврата в родные страны; возник и вопрос, как и стоит ли вообще применять права, следовавшие из международных договоров отдельных стран с царской Россией, которые все еще, в некоторых трактовках, могли оставаться в силе, а также и многие другие вопросы.

В течение межвоенного периода в европейских странах эти вопросы решались по-разному. Не существовало даже никаких договоренностей, какие вопросы считать наиболее острыми и как бы стоило их решить. Так, отдельные государства (например, Королевство СХС и Болгария) в начале 1920-х годов ограничивали право на свободное перемещение эмигрантов и в связи с этим обращали особое внимание на выдачу паспортов и регулирование режима въездных и выездных виз (опасаясь, что предоставлением полной свободы передвижения десяткам тысяч человек они в значительной степени обостряли вопрос общей безопасности и облегчали заброску большевистских агентов). Другие страны (например, Франция), наоборот, были достаточно либеральны по вопросу о передвижениях, при этом крайне ограниченно и выборочно предоставляя эмигрантам право на трудоустройство. Для третьих, таких, как, например, Румыния и Турция, важнейшую проблему составляло урегулирование вопроса подданства и гражданства. А отдельные европейские государства даже решительно требовали, чтобы ни один русский эмигрант не въезжал на их территорию, или издавали декреты о том, что все, незаконно перешедшие границу, должны быть высланы за пределы страны в сжатые сроки. В такой ситуации беженцев, по словам очевидцев, «перебрасывали из страны в страну, как скотину, без еды и денег»⁷, что дополнительно осложняло и без того серьезные социальные проблемы. Поэтому одним из первых подобных вопросов, с которым столкнулась международная общественность, была потребность организовать общую и действенную паспортную систему и дать возможность свободного, насколько это было возможно, передвижения беженцев между различными европейскими государствами⁸.

Другие проблемы решали большевистские руководители в Москве, которые, исходя из своей непримиримой политической и идеологической позиции, базировавшейся на идеях классовой борьбы и мировой революции, изначально относились к беженцам как к потерпевшим поражение противникам и предателям, нежелательным «бывшим» гражданам, которым надо было запретить или усложнить возврат на родину, видели в них представителей «исторически побежденных классов», у которых следовало отнять гражданские права и свободы, имущество и просто будущее. Такая позиция неизбежно отражалась в ряде ограничительных и дискриминационных актов, указов и решений, принятых в начале 1920-х годов ВЦИКом и Советом народных комиссаров. Советские правовые акты по вопросам эмигрантов были, согласно одним авторам, частью общей стратегии «закрытия России»⁹, а согласно другим, являлись результатом отсутствия глубоко продуманной и единой политической стратегии коммунистической партии и советского государства¹⁰, что объясняло определенные противоречия в урегулировании статуса беженцев.

Третий субъект этого правового хитросплетения, представлявший собой в то же время и объект, о судьбе которого шла речь, были сами эмигранты, искавшие свое место в мире, но мечтавшие о том, что придет время, когда они смогут осуществить свои планы возврата в «свободное отечество» после свержения «антинародного режима». Пребывая в подобном мстительном (хотя в какой-то степени понятном) расположении духа, они отрицали любую идею признания новых властей России и договоренности с ними по вопросу урегулирования своего правового статуса. В этом они были последовательны до такой степени, что даже ощущали свое положение как положение апатридов, объясняя это тем, что они являются людьми, рожденными в стране, которой больше нет. В то же время, руководствуясь идеей миссии русской эмиграции, т.е. того, что своей борьбой против большевизма они защитили Европу от опасности распространения мировой революции, эмигранты ожидали от европейских государств значительно больше понимания и практической помощи и часто разочаровывались как в получаемой помощи, так и во всей своей «новой жизни».

В таких политических рамках и решалась на международном и местном уровнях участь всех этих людей. Пропасть, существовавшая между эмигрантскими идеалами и практическими правовыми решениями, со временем не уменьшалась. Конечно, жизнь беженцев в конце концов как-то наладилась даже в нестабильных условиях эмигрантского быта. Однако в ситуации, когда не существовало общепринятых международных правовых стандартов, все решения были в той или иной степени временными и частичными. Количество конкретных практических правовых вопросов лишь возрастало, дополнительно осложняя и без того неустойчивый статус, в котором оказались изгнанники.

С другой стороны, основу международных организаций, занимавшихся решением проблемы беженцев, формировали страны Антанты, которые во время Первой мировой войны находились в союзных отношениях с Россией, а во время Гражданской войны поддерживали антибольшевистскую борьбу бывших царских генералов и даже активно участвовали в вооруженной интервенции против большевистского режима. Но когда с середины 1920-х годов эти страны под влиянием рациональных политических интересов установили нормальные дипломатические контакты с московским режимом, это постави-

ло их в крайне затруднительное положение по отношению к вопросу о правовом статусе русских беженцев на своих территориях. Вся эта проблема в международном плане дополнительно осложнилась тем, что с середины 1930-х годов СССР стал полноправным членом Лиги Наций.

Ускорению решения вопроса о статусе русских эмигрантов лишь в некоторой степени способствовали многочисленные экспертные комиссии и дипломатические конференции, состоявшиеся в межвоенный период. Оно затруднилось появлением массы новых беженцев — греческих, турецких, болгарских в начале 1920-х годов или еврейских во второй половине 1930-х. Вследствие всего этого полное правовое решение вопроса о русских беженцах было найдено лишь после Второй мировой войны под эгидой Организации Объединенных Наций, когда проблема русских эмигрантов уже давно отошла на второй план, а правовой статус людей, бежавших из России в годы революций и Гражданской войны, уже в течение многих лет был так или иначе урегулирован в странах, где проживали эмигранты. Тем не менее появление русских эмигрантов на международной сцене, а также проблем, связанных с размещением и обеспечением нормальной жизнедеятельности этих людей в странах изгнания, обусловило начало и первую фазу урегулирования проблемы беженцев в рамках международного законодательства.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ

С формальной точки зрения люди, покинувшие Россию в годы революций и Гражданской войны, получили статус беженцев лишь на основании решений Межправительственной конференции, состоявшейся в Женеве 12 мая 1926 г. Тогда впервые в официальном международном документе появилось юридическое определение русских эмигрантов: «Русский эмигрант — любое лицо российского происхождения, которое не имеет защиты правительства СССР и которое не получило никакого другого гражданства»¹¹. Но проблемы с правовым статусом этих людей возникли значительно раньше.

Советское законодательство и проблема беженцев

Крайне негативное и откровенно враждебное отношение советского государственного руководства к русским эмигрантам было основано на большевистской идеологической нетерпимости и подкреплено бескомпромиссностью и радикализмом победителей в Гражданской войне. В.И. Ленин в этом плане в начале 1920-х годов охарактеризовал русскую эмиграцию как «российскую контрреволюцию за рубежом»¹².

Последовательно враждебное отношение большевистских вождей неизбежно воплотилось и в законодательных актах, которые касались эмигрантской проблематики. Первые законодательные акты, связанные с вопросом беженцев, советское правительство приняло в то время, когда с 13 по 16 ноября 1920 г. 150 тыс. человек под руководством генерала Врангеля отправлялись в

изгнание. Так, 3 ноября 1920 г. Совнарком РСФСР принял декрет о бесхозяйном имуществе, а несколько дней спустя, 19 ноября, дополнил его постановлением «О конфискации всего движимого имущества граждан, бежавших за пределы РСФСР». В первом пункте постановления Совнарком заявлял: «Все движимое имущество бежавших за пределы Республики или скрывающихся до настоящего времени граждан, в чем бы оно ни заключалось и где бы ни находилось»¹³, объявлялось собственностью РСФСР. Этими актами правительство — хотя и декларативно — подчеркивало, что оно само желает защитить собственность, бывшую личным имуществом эмигрантов, и потому распорядилось «все предметы искусства и старины, имеющие особую художественную и историческую ценность, передать в музеи, университеты и другие просветительные учреждения Народного комиссариата просвещения». На самом деле все имущество эмигрантов было практически экспроприровано. В то время никто и не думал о возможности возвращения на родину собственников оставленного имущества, а правительство планировало и все остальное имущество эмигрантов направить в республиканские государственные резервы. Так эмигранты были и формально лишены не только своих фабрик, имений, домов и квартир, но и всего личного имущества, чем фактически полностью была ликвидирована любая возможность их возвращения в Россию. Все последовавшие затем правовые акты лишь усложнили положение эмигрантов.

Год спустя после принятия этих мер, 15 декабря 1921 г., Совнарком принял новый декрет — «О лишении права гражданства», согласно которому советское гражданство потеряли четыре категории эмигрантов: лица, которые находились за рубежом без перерыва более пяти лет и не получили заграничные паспорта в дипломатических представительствах РСФСР; лица, которые после 7 ноября 1917 г. (т.е. после государственного переворота, осуществленного большевиками) покинули страну «без согласия советской власти»; лица, добровольно служившие в армиях, которые боролись против советской власти; лица, которые имели право принять гражданство РСФСР и не использовали его до истечения определенного срока. Правда, все эти лица могли зарегистрироваться до 1 июня 1922 г.¹⁴ Без всяких сомнений, этот новый декрет был направлен против эмигрантов и лиц, боровшихся с советской властью, т.е. против тех, у кого год назад было экспроприровано все личное, движимое и недвижимое имущество, и против таких русских людей, как, например, бывшие военнопленные, которые проживали за границей и до определенного срока не выразили желания признать советскую власть. Тогда эмигранты окончательно утратили покровительство законов страны, в которой они родились. В то же время этим актом и формально, и реально была поставлена дополнительная преграда на пути к возвращению беженцев в Россию.

Все последующие правовые акты советской власти представляли собой дальнейшее развитие идей, содержащихся в предыдущих декретах, и вводили все новые препятствия, которые должны были сделать невозможным возвращение беженцев. Так, в мае 1922 г. Ленин, ознакомившись с присланным ему проектом «Вводного закона к Уголовному кодексу РСФСР» предложил применять «расстрел за неразрешенное возвращение из-за границы»¹⁵.

Через три года после этого советские власти приступили к окончательному решению «эмигрантской проблемы». Совнарком и Центральный исполнительный комитет (ЦИК) СССР на заседании 13 ноября 1925 г., на котором предсе-

дательствовал М.И. Калинин, приняли декрет «О лишении гражданства СССР бывших военнопленных и интернированных солдат царской и Красной армии, а также амнистированных лиц, которые служили в белых армиях, и участников контрреволюционных выступлений, которые находятся за границей и пропустили сроки регистрации». Тогда было решено, что все эти люди «считаются лицами, утратившими гражданство СССР». С этого момента все эмигранты, которых касался данный декрет, могли лишь «просить о приеме в гражданство СССР *равноправно с иностранцами*»¹⁶. Таким образом, эмигранты были окончательно уравниены в правах с любыми другими иностранцами, несмотря на те облегчения в получении гражданства, которые были им оставлены¹⁷. На основании этого решения правительства Народный комиссариат внутренних дел опубликовал в конце 1925 г. инструкцию о порядке возврата в СССР, которая еще больше осложнила процесс возвращения беженцев. В этом документе было сказано: «Имея в виду то, что экономическая ситуация в СССР начала улучшаться лишь в последние годы, въезд <в страну> незваных лиц может быть отложен для предотвращения роста числа безработных», в то же время «лицам, которые имели намерение сразу же после возврата гражданства или амнистии вернуться в СССР, рекомендовано вместе с прошением предоставить и документы, которые бы свидетельствовали о том, что их податель не собирается влиться в число безработных»¹⁸. Тот же самый режим, который в 1920-х годах практически экспроприировал все движимое и недвижимое имущество беженцев, теперь затруднил возможность их возврата запрещением искать работу, т.е. требованием жить на собственные средства.

К тому времени, когда Советский Союз в сентябре 1934 г. вошел в Лигу Наций, он попытался придать своей резкой антиэмигрантской политике международный характер. Так, советские представители в международных организациях последовательно добивались полной ликвидации Верховного комиссариата по вопросам беженцев, в котором они видели организацию политического антисоветского значения, мотивируя это тем, что комиссариат занимался в основном защитой русских эмигрантов. Так, в течение 1937 г. они помешали принятию решения о продолжении Лигой Наций действий, направленных на защиту беженцев¹⁹.

Решение эмигрантской проблемы в рамках международных институтов и международного права

Первые серьезные затруднения сразу же продемонстрировали тот факт, что существовавшие международные благотворительные организации — Международное общество Красного Креста во главе с Г. Адором, Американская администрация помощи (ARA — American Relief Administration) во главе с Г.К. Гувером, квакеры, еврейские общины и другие организации, которые из различных источников собирали деньги и оказывали частичную помощь большим или меньшим группам эмигрантов — не имели сил преодолеть весь комплекс эмигрантских препятствий. Медленное и неполное решение проблем, которые быстро накапливались, грозило превратить проблему беженцев в «социальный и политический бич Европы»²⁰. Поэтому в феврале 1921 г. благотворительные организации под руководством Международного комитета

Красного Креста обратились к Лиге Наций с просьбой назначить для решения проблемы беженцев особого верховного комиссара с необходимыми полномочиями для организации и координации помощи беженцам. В июне 1921 г. Совет Лиги Наций принял резолюцию о введении должности верховного комиссара, чьей целью была «ликвидация проблемы беженцев путем координации благотворительной деятельности различных правительств». Кроме того, верховный комиссар должен был выработать легальный статус беженцев и организовать размещение эмигрантов в государствах, готовых их принять. Два месяца спустя Лига Наций предложила эту должность известному норвежскому полярному исследователю Ф. Нансену²¹.

Уже 22 августа 1921 г. он созвал в Женеве первую международную конференцию, на которой присутствовали делегаты 16 заинтересованных государств. На этой встрече были рассмотрены основные проблемы, а также создана база для координации усилий верховного комиссара и отдельных заинтересованных правительств²². Нансен заметил, что основные трудности для беженцев в начале 1920-х годов были связаны с отсутствием средств для простого выживания, утратой основных личных документов, особенно важных для того, чтобы беженцы могли без всяких проблем переезжать из страны в страну²³. В связи с этим была созвана новая международная, или, как тогда говорили, «межправительственная», конференция, состоявшаяся 3–5 июля 1922 г. в Женеве. На ней представители заинтересованных государств утвердили универсальный образец «эмигрантского идентификационного документа», который выдавали правительства стран, где находились эмигранты, в качестве удостоверения личности, что, согласно одному из тогдашних юридических толкований, давало эмигрантам в международных отношениях «право на имя»²⁴. Этот документ был также предназначен для облегчения пересечения эмигрантами государственных границ. Это было первым экспериментом такого типа в международных отношениях²⁵. В эмигрантский паспорт, который вскоре получил разговорное название «нансеновский паспорт», клеивалась так называемая нансеновская марка, за которую эмигранты платили пять золотых франков в год для продления паспорта²⁶. Эти средства пополняли фонд верховного комиссара по вопросам беженцев. Проект эмигрантского паспорта, принятый по международному соглашению от 5 июля 1922 г., был дополнен соглашениями от 31 марта 1924 г. (когда право на получение этого паспорта получили и армянские беженцы) и 12 мая 1926 г., когда была подписана первая международная конвенция о русских беженцах и когда были приняты решения, которые облегчали получение этих паспортов и виз беженцами. До конца 1920-х годов эмигрантские паспорта в качестве легитимного правового документа признали правительства 39 государств²⁷.

Осознав, что проблему беженцев невозможно решить репатриацией в СССР и что единственное решение состоит в их трудоустройстве в странах изгнания, Нансен в июне 1924 г. предложил Совету Лиги Наций перенести вопрос беженцев под юрисдикцию Международного бюро труда. После продолжительных переговоров с Административным советом Международного бюро труда предложение было принято в декабре 1924 г. При этом Международное бюро труда добилось принятия компромиссного решения, по которому в юрисдикции бюро находилась только «работа по трудоустройству беженцев», для чего в его бюджет были переброшены средства и кредиты, выдававшиеся

Лигой Наций для беженцев. Вся остальная деятельность, «которая была связана с политической и правовой стороной этого вопроса», и далее оставалась в ведении Совета Лиги Наций, при этом Совет вновь доверил их решение верховному комиссару по вопросам беженцев²⁸.

Тогда же, в 1924 г., институт верховного комиссара из-за увеличения объема административной и практической деятельности, связанной с эмигрантами, формально был заменен службой Верховного комиссариата по вопросам беженцев (его по-прежнему возглавлял Нансен)²⁹. Был основан и специальный Совецательный комитет по вопросам беженцев при верховном комиссаре, который объединял и координировал меры и акции различных частных благотворительных организаций³⁰.

Несмотря на достигнутые успехи, повседневность приносила новые проблемы. К середине 1920-х годов, после того как правительства крупных европейских государств признали СССР, российские императорские посольства и консульства потеряли все те международные права, которые до тех пор признавались за ними³¹. Русские эмигранты также остались без дипломатической защиты. Уже тогда стало ясно, что появилась новая проблема — потребность формирования каких-либо дипломатических или консульских представительств, в которых эмигранты могли бы получить защиту, ходатайствовать о выдаче личных документов, паспортов и урегулировать свой переезд в другие страны. Эта потребность была тем более выраженной, если учесть то, что представительства Международного бюро труда в отдельных государствах не имели консульских полномочий. Деятельность по решению этого вопроса Нансен доверил особой Центральной юридической комиссии в Париже, в которую входили выдающиеся русские эксперты-правоведы³². Вскоре эта комиссия подготовила проект договора о правовом статусе беженцев, и уже 9 июля 1927 г. доставила его Совецательному комитету верховного комиссара по вопросам беженцев, который 7 сентября 1927 г. одобрил полученную записку и рекомендовал верховному комиссару предпринять соответствующие шаги ради его принятия³³. Восьмое очередное заседание Лиги Наций, согласившись с проектом, предложило 27 сентября 1927 г. верховному комиссару созвать новую конференцию в целях формулировки положений, касающихся предложенного правового статуса беженцев³⁴. Верховный комиссар 31 января 1928 г. послал заинтересованным правительствам анкетный вопросник о правовом положении беженцев на их территории³⁵. По получении ответов 31 марта Нансен объявил о созыве конференции, которая должна была начаться 28 июня 1928 г.

Конференция о правовом статусе беженцев состоялась в Женеве 28—30 июня 1928 г. под эгидой Международного бюро труда. В ней участвовали представители 15 заинтересованных государств, русские и армянские юристы-эксперты, заместитель верховного комиссара М. Ф. Джонсон и помощник директора Международного бюро труда Б.Г. Батлер. На конференции говорилось о дипломатических проблемах и правовом статусе беженцев, было принято решение открыть представительства верховного комиссара, которые имели бы консульские или, по некоторым определениям, квазиконсульские функции³⁶. Кроме того, 30 июня 1928 г. был выработан Договор о правовом статусе русских и армянских беженцев, который подписали (с оговорками или без них) представители двенадцати из пятнадцати государств. Была выработана и особая конвенция, своего рода консульский закон эмиграции³⁷. Договор от 30 ию-

ня 1928 г. вместе с предыдущими договоренностями еще более подробно определял положение беженцев, однако он все-таки не мог полностью и оптимальным способом помочь решить все спорные вопросы. Согласно этому договору русские и армянские беженцы после получения гражданства страны, в которой находились, полностью уравнивались в правах с гражданами этих стран и пребывавшими там иностранцами, например по вопросу браков, виз, регулирования налоговых обязательств. Беженцы были обязаны подчиняться законам государств, в которых они проживали или пребывали, кроме того, было предусмотрено и то, что ограничивающие статьи законов, направленные против иностранных рабочих, не должны были применяться в полной мере по отношению к русским и армянским беженцам и чтобы против них на практике не осуществлялась как мера наказания высылка из государства пребывания до тех пор, пока не появится возможность легального перемещения в другое государство. После этой конференции в крупных центрах русской диаспоры были открыты представительства Верховного комиссариата по вопросам беженцев, благодаря чему эмигранты получили консульскую защиту³⁸. Договор и конвенцию о решении вопроса о русских и армянских беженцах Лига Наций приняла и подтвердила в 1929 г.³⁹, что придало им большую силу, но все-таки не сделало их общепринятыми. Тот факт, что договор и предшествующие ему соглашения не имели обязательного характера для правительств различных государств, а их применение зависело от решения каждого отдельного правительства, и далее значительно затрудняло положение беженцев⁴⁰. Поэтому усилия по поиску решений на международном уровне были продолжены.

С целью координировать действия правительств различных государств Верховный комиссариат по вопросам беженцев 15 сентября 1929 г. сформировал Межправительственную (Международную) совещательную комиссию, которая на своем первом заседании, состоявшемся 16–18 октября 1929 г., приняла решение о том, что ни репатриация, ни натурализация не являются способом радикального решения вопроса беженцев⁴¹.

На следующей конференции, проходившей в Женеве 28 октября 1933 г., была принята Конвенция о правовом статусе русских и армянских беженцев, на основании которой был дополнительно усовершенствован режим выдачи паспортов и виз беженцам, но облегчение законодательных норм, связанных с трудоустройством, — что было основной целью конференции — было достигнуто лишь в отдельных странах, так что в этом плане не удалось добиться значительных изменений. Главная причина этого была в том, что конвенция могла вступить в силу лишь после того, как ее подпишут правительства определенного количества стран, так что в течение нескольких следующих лет шла так называемая «борьба за конвенцию» (например, во Франции ее приняли лишь 3 декабря 1936 г.)⁴².

В середине и конце 1930-х годов проблема русских беженцев, с одной стороны, вновь стала привлекать особое внимание и вызывать активность международных организаций, а с другой стороны, была в некоторой степени оттеснена на второй план из-за появления большого количества новых несчастных, вынужденных покинуть свои дома, прежде всего — евреев, изгнанных из Германии, Австрии и других государств Центральной и Восточной Европы, оказавшихся в германской зоне влияния. На это противоречивое состояние повлиял и прием СССР в полноправные члены Лиги Наций, состоявшийся

18 сентября 1934 г. Советское государство сразу после приема последовательно и на каждом заседании Лиги Наций требовало ликвидации Верховного комиссариата по вопросам беженцев, заявляя, что видит в нем организацию политического (антисоветского) характера. Это не только ставило под сомнение решение проблемы русской эмиграции, но и создавало неослабевающее напряжение во всей международной общественности по вопросу русских беженцев. С другой стороны, усиление нацистской Германии, аншлюс Австрии и захват части Чехословакии привели к появлению многих десятков и сотен тысяч еврейских беженцев в различных европейских государствах. В связи с этим Лига Наций на своем заседании в 1938 г. подняла вопрос о размещении новых (еврейских) беженцев в различных европейских государствах. В ходе дискуссии по этой проблеме был затронут и вопрос о реорганизации Верховного комиссариата по вопросам беженцев. До этого Верховный комиссариат по вопросам беженцев со штаб-квартирой в Женеве занимался в основном устройством русских и армянских беженцев, а заботу о еврейских беженцах из Германии и государств в ее зоне влияния взял на себя Верховный комиссариат по вопросам немецких беженцев со штаб-квартирой в Лондоне.⁴³ Но с 1938 г. Лига Наций решила объединить эти две организации в одно учреждение, которое занялось бы решением проблем, входящих в компетенцию обоих комиссариатов — в Женеве и в Лондоне. Новооснованное учреждение, Верховный комиссариат по вопросам беженцев, во главе которого был поставлен сэр Х. Эмерсон, бывший губернатор провинции Пенджаб в Индии, было размещено в Лондоне, хотя и являлось органом Лиги Наций. Перенос штаб-квартиры был вызван как практическими соображениями, так и под давлением требования советской делегации о необходимости удаления из Женевы центра антисоветской политической организации, как выражались представители СССР. Лишь после долгих и деликатных переговоров между Парижем и Москвой советская сторона согласилась воздержаться при голосовании по этому вопросу, таким образом давая возможность принять позитивное решение. Также по настойчивому требованию СССР было решено, что ни один из чиновников нового Комиссариата по вопросам беженцев не может быть русским эмигрантом: ни натурализовавшимся в каком-либо государстве, ни владевший нансеновским паспортом⁴⁴.

Правовой статус русских беженцев был в основном урегулирован под эгидой Лиги Наций после крупной международной конференции, состоявшейся в 1928 г. Но даже тогда правовой статус русских беженцев не был полностью унифицирован во всех государствах их пребывания. Вот почему, говоря о правовом положении русских беженцев, всегда стоит иметь в виду двойственность данной проблемы. С одной стороны, правовое положение беженцев было частично урегулировано решениями международного права, а с другой, их правовой статус в государствах пребывания во многом зависел от местных правовых норм (уголовные, имущественные законы, законы об иностранцах и т.д.).

Урегулирование правового статуса эмигрантов из России продолжалось с перерывами более или менее успешно на протяжении всего межвоенного периода. Проблема международного статуса беженцев окончательно, всесторонне и в порядке, обязательном для всех государств — членов международных организаций, была решена лишь после Второй мировой войны на основании Конвенции ООН о беженцах, принятой в 1951 г. и дополненной Протоколом 1967 г.

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ НОРМЫ БАЛКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ

Правовой статус беженцев на Балканах не был одинаковым во всех государствах и обычно зависел от местного законодательства, а в отдельных случаях решения принимали исходя из случая. Это было особенно заметно в начале 1920-х годов, когда юридический статус беженцев все еще не был урегулирован на уровне международного права. Хотя эти различия и не были резкими, они все-таки существовали и зависели от ряда факторов: от более ранних взаимоотношений стран изгнания и Российской империи в течение Первой мировой войны (некоторые из них были боевыми союзниками России, в то время как другие, будучи в войне противниками России, прервали с ней дипломатические отношения); отношения к Гражданской войне в России и антибольшевистским правительствам А.В. Колчака, А.И. Деникина и П.Н. Врангеля; отношения к большевистскому режиму в России; комплекса взаимоотношений с Лигой Наций, которая взяла заботу о беженцах под свою эгиду, и даже от личных симпатий и антипатий местных властей к России и русским и т.д.

Правительства балканских государств столкнулись в те годы в своей повседневной деятельности с целым спектром разнообразных проблем. Прежде всего, они занимались вопросами общего характера (например, признания и применения межгосударственных договоров и конвенций, которые отдельные государства заключили с императорской Россией), но в то же время необходимо было решать и конкретные насущные проблемы, связанные с семейным, брачным и наследственным правом, с вопросами судебной власти при уголовных преступлениях, с правом на трудовую деятельность и трудоустройство, с правом на коммерческие операции, а также с отсутствием личных документов, которые могли бы помочь удостоверить личность (так, например, рассматривалась возможность при отсутствии основных личных документов определять личность, семейное положение, образование, профессиональную подготовку и другое косвенным путем, на основании документов, которые случайно сохранились у беженцев после отбытия из России, например по проездным документам, выданным для проезда по железным дорогам внутри России⁴⁵). При решении ежедневных правовых проблем местным властям в начале 1920-х годов в значительной степени помогали бывшие русские дипломатические представительства (посольства и консульства), которые занимались всеми вопросами, связанными с юридической защитой эмигрантов. Сразу же после формально правового приостановления в 1924 г. деятельности бывших дипломатических представительств Российской империи их прежняя функция по решению ежедневных юридических проблем (и в особенности по определению личности эмигрантов) в значительной степени перешла к особым парагосударственным организациям, бюро и представительствам⁴⁶. Таким образом развивалась ситуация в Болгарии, где Комитет по вопросам русских беженцев был официально признан решением Совета министров Болгарии от 12 февраля 1923 г.⁴⁷, и в Королевстве СХС, где решением Министерства иностранных дел от 12 апреля 1924 г. (месяц спустя после закрытия русской миссии в Белграде) Делегация по защите интересов русских беженцев

была официально признана как институт, ответственный за помощь в урегулировании правового статуса русских беженцев.

Несмотря на существовавшие различия, в начале 1920-х годов балканские государства по отношению к русским беженцам были едины во взглядах на один вопрос — принятия русскими эмигрантами гражданства. Во всех балканских государствах русские эмигранты после принятия ими местного гражданства получали большую часть гражданских, но не политических прав (с получением гражданских прав эмигранты не получали автоматически право голоса на выборах). В Югославии этот вопрос был урегулирован Законом о выборах народных посланников, статья 9⁴⁸, в Болгарии — Болгарским законом о гражданстве, статья 14 от 1912 г.⁴⁹, который был специально дополнен по вопросу русских беженцев 31 мая 1929 г.⁵⁰, в Греции прием в подданство был в основном решен статьями 15, 16 и 17 Гражданского кодекса от 29 октября 1856 г. с дополнениями, содержащимися в законе от 26 июля 1911 г. и королевскими указами от 21 августа и 23 октября 1911 г., и 20 сентября 1913 г.⁵¹ В принципе схожая модель была применена и в Румынии — получение гражданских прав без получения права голоса, с тем что для русских процедура получения гражданских прав была значительно более усложненной, чем для представителей других народов. Прежде всего это объяснялось тем фактом, что румынские власти крайне сурово относились к бывшим подданным Российской империи из боязни возможных политических, социальных и национальных проблем в стране вследствие присоединения Бессарабии и Буковины в 1928 г., где проживало большое количество этнических русских — несколько десятков или сотен тысяч⁵².

Кроме вопроса о гражданстве, все остальные правовые вопросы, связанные со статусом русских эмигрантов, в основном решались по-разному. Отношение властей балканских государств к Советской России представляло собой важный вопрос, который во многом отражался и на правовом статусе эмигрантов, так как сами эмигранты относились к советской власти крайне отрицательно и радикально, а уже сам факт их приема другой страной мог восприниматься советской стороной как враждебное, политически окрашенное действие, что придавало политическую грань этой (и без того крайне многогранной) социальной, гуманитарной, финансовой, медицинской, правовой и экономической проблеме.

Правительство Королевства СХС имело особый, отличавшийся от отношения остальных балканских государств, взгляд по этому сложному (в первую очередь политическому) вопросу. Уже первые русские граждане, прибывавшие (иммигрировавшие) в страну еще в 1919 г. получили официальное название «русские беженцы», что тем самым определило их юридический статус как статус эмигрантов, которые не признают советскую власть, — это было косвенным выражением отношения к событиям в России. Таким образом, русские эмигранты были прямо защищены сербским законодательством⁵³, что отличало их положение от статуса остальных иностранцев. В других балканских государствах русские, наоборот, находились в том же положении, как и все остальные иностранные граждане. Исключением был только Константинополь, где особое положение беженцев было обусловлено тем, что город находился под управлением Антанты.

Особые правовые проблемы с точки зрения урегулирования статуса беженцев были связаны с соблюдением прежних договоров и соглашений, заключенных между Российской империей и балканскими государствами до начала Первой мировой войны (а также правами российских граждан, которые из них проистекали), признанием и верификацией правовых актов и документов, имевшихся у беженцев и датированных периодом до 1914 г. (например, брачные контракты или документы, связанные с наследственным правом). В Югославии соблюдали все договоры, которые Королевство Сербия подписало с Россией (например, договоры о торговле и мореплавании от 15 февраля 1907 г.), как и старые правовые акты из области семейного и наследственного права⁵⁴. Греческие власти также признавали правовую силу договоров, подписанных с императорской Россией (например, торговый договор от 1850 г. и греческо-русское соглашение о наследстве от 1913 г.), хотя на практике и возникали некоторые затруднения, связанные с реализацией прав, которые следовали из этих актов⁵⁵. Напротив, в Болгарии и Турции⁵⁶ после объявления войны России были отменены все старые соглашения между этими государствами и Российской империей. В то же время болгарские власти отказывались применять старые российские правовые нормы в области семейного и наследственного права и вместо того применяли болгарские законы, которые (по словам самих беженцев) были крайне похожими на соответствующие нормы дореволюционного российского законодательства⁵⁷. Румынские власти были исключением и по этому вопросу — они не соблюдали конвенций, заключенных до Первой мировой войны с Российской империей, как из-за ситуации, возникшей после захвата Бессарабии в январе—феврале 1918 г. и оккупации Северной Буковины в ноябре того же года, так и из-за малого числа беженцев; даже документы бывшей Российской империи (паспорта) румынские власти признавали выборочно, что объясняется их враждебным отношением к России и к русским, вызванным опасениями за дальнейшую судьбу Буковины и Бессарабии⁵⁸.

Все остальные частные правовые проблемы, связанные с жизнью русских эмигрантов в балканских государствах (например, прием и соблюдение правовых норм, связанных с правом на трудоустройство, на занятие торговлей и ремесленной деятельностью или связанных с судопроизводством и т.д.), решались законодательными актами и служебными инструкциями. Зачастую применение этих законов зависело от общего отношения властей к беженцам. Меньше всего проблем русские имели в Югославии⁵⁹; в Болгарии они хотя и сталкивались с некоторыми дополнительными проблемами из-за применения к ним норм болгарского законодательства, все-таки были на практике в более привилегированном положении, чем остальные иностранцы⁶⁰. Напротив, в Греции доходило до серьезных нарушений прав беженцев, установленных межгосударственными договорами и соглашениями, подписанными между Грецией и императорской Россией, как, например, инцидент 1920 г., когда греческие банки отказались выплатить русской миссии в Афинах финансовое наследство покойного русского консула в Пирее М.К. Акимовича⁶¹. Наконец, в Румынии весь комплекс вопросов, связанных с правовым статусом относительно малочисленной группы русских беженцев, находился в сфере весьма деликатной, в политическом смысле, проблемы урегулирования прав русского национального меньшинства в Бессарабии.

Два фактора — большое число беженцев, оказавшихся в конце 1920 г. на Балканах, и крайне напряженная политическая и тяжелая экономическая ситуация практически во всех балканских государствах — решающим образом повлияли на решение властей всех балканских метрополий исключительно строго контролировать миграционные процессы и визовый режим на границах государств (в Югославии это была единственная причина всеобщего недовольства русских эмигрантов⁶²). Именно попытки правительств балканских государств ограничить право эмигрантов на въезд и выезд из страны в значительной степени отличали юридический статус русских беженцев на Балканах по сравнению с положением в других европейских странах. Например, французское законодательство было крайне жестким по отношению к праву иностранцев на трудоустройство (применение по отношению к иностранцам так называемых «процентных норм»), хотя, что достаточно парадоксально, власти Парижа в середине 1920-х годов разрешили организованное (т.е. контролируемое государственными органами) трудоустройство большого числа русских во французских фирмах и в государственных учреждениях. С другой стороны, французские власти крайне либерально относились к проблеме въезда или выезда беженцев из страны⁶³. Напротив, правительства балканских государств были довольно либеральны по вопросу получения русскими эмигрантами права на трудовую деятельность и трудоустройство.

Урегулирование правового статуса беженцев было лишь первым шагом на пути их адаптации и акклиматизации в новой социальной среде. Следующим этапом было знакомство с новой средой — с людьми, обществом и природными условиями, — в которой они оказались по воле случая и своих политических воззрений.

¹ Таубер Л.Я. Лига Наций... С. 1–2.

² Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия... С. 26.

³ Jakovljević B. Sistem međunarodne zaštite izbeglica // Izbeglice: Međunarodna zaštita, pravni položaj i životni problemi izbeglica, prognanika i raseljenih lica. Beograd, 1998. S. 12.

⁴ Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. С. 99; а также: Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия... С. 17; см. также: Jakovljević B. Sistem međunarodne zaštite... S. 13.

⁵ С. Гаврилович — М. Йовановичу, 4 мая 1926 г. // РГВА. Ф. 1385/к. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 11.

⁶ Подробнее см.: Таубер Л.Я. Лига Наций... С. 1–3; Нансен Ф. Меморандум по вопросу беженцев, 10–11 мая 1926 г. // ГАРФ. Ф. Р-5764. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 40; Нансен-Хейер Л. Книга об отце. С. 374.

⁷ Там же. С. 369.

⁸ С. Гаврилович — М. Йовановичу, 4 мая 1926 г. // РГВА. Ф. 1385/к. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 11; Меморандум по вопросу беженцев, представленный Межправительственной конференции д-ром Нансеном, Женева, 10 и 11 мая 1926 г. // ГАРФ. Ф. Р-5764. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 41–44; а также: Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия... С. 26–27.

⁹ Фельштинский Ю.Г. К истории нашей закрытости: Законодательные основы советской иммиграционной политики. М., 1991.

¹⁰ Тарле Г.Я. Эмиграционное законодательство России до и после 1917 года... С. 33–34; там же рассмотрена и историография этого вопроса.

¹¹ Это определение в первую очередь вошло в анкету, разосланную Нансеном в конце 1925 г. правительствам 18 заинтересованных государств; см.: С. Гаврилович — М. Йовановичу, 4 мая 1926 г. // РГВА. Ф. 1385/к. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 11–12; а также: А.И. МИП К. 334. Политичко одеље-

енье. Ф. 35 (фонд у сређивању); *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике... С. 40.

¹² Цит. по: *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. С. 27.

¹³ См.: Декреты Советской власти. М., 1983. Т. 11. С. 156–159, 245–246.

¹⁴ Подробнее см.: *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике... С. 40–41; *Тарле Г.Я.* Эмиграционное законодательство России до и после 1917 года... С. 31; *Бочарова З.С.* Документы о правовом положении русской эмиграции 1920–30-х годов // *Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX веках: Сб. статей.* М., 1997. С. 63–64; *Раев М.* Россия за рубежом... С. 29. В советской исторической науке этот акт толковался как «амнистия большого числа лиц», так как им была «предоставлена возможность вернуться в Россию на тех общих основаниях, вместе с военнопленными, которые возвращались в страну из европейских стран» (см.: *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. С. 85–86).

¹⁵ *Ленин В.И.* Дополнения к проекту вводного закона к Уголовному кодексу РСФСР // *Полн. собр. соч.* Т. 45. С. 189.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 13. Ед. хр. 3. Л. 205–205 об.

¹⁷ Как, например, и то, что решение не применялось по отношению к лицам, которые «пропустили сроки регистрации из-за отсутствия советского дипломатического и консульского представительства в стране их пребывания, если в течение шести месяцев после открытия этих представительств они зарегистрируются», или на лица, «которые смогут доказать, что они пропустили срок регистрации по причинам, которые не зависели от их воли (лишение свободы, тяжелая болезнь, проживание в удаленной провинции)»; см.: *Протокол заседания Президиума ЦИК СССР, 13 ноября 1925 г.* // ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 13. Ед. хр. 3. Л. 205–205 об.

¹⁸ Цит. по: *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике... С. 42.

¹⁹ См.: *Стојановић Г.* Међународни избеглички проблем // *XX век.* Београд, 1938. Бр. 9. С. 581–582.

²⁰ *Нансен-Хейер Л.* Книга об отце. С. 368–369.

²¹ Меморандум по вопросу беженцев, представленный Межправительственной конференции д-ром Нансеном, Женева, 10 и 11 мая 1926 г. // ГАРФ. Ф. Р-5764. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 40; *Нансен-Хейер Л.* Книга об отце. С. 368–369; *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 17.

²² С. Гаврилович — М. Йовановичу, 4 мая 1926 г. // РГВА. Ф. 1385/к. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 5–6; см. также: *Нансен-Хейер Л.* Книга об отце. С. 369.

²³ *Таубер Л.Я.* Лига Наций... С. 4.

²⁴ *Там же.*

²⁵ Меморандум по вопросу беженцев, представленный Межправительственной конференции д-ром Нансеном, Женева, 10 и 11 мая 1926 г. // ГАРФ. Ф. Р-5764. Оп. 5. Ед. хр. 1. Л. 41; см. также: С. Гаврилович — М. Йовановичу, 4 мая 1926 г. // РГВА. Ф. 1385/к. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 6.

²⁶ *Нансен-Хейер Л.* Книга об отце. С. 375; *Сладек З.* Русская и украинская эмиграция в Чехословакии // *Советское славяноведение.* М., 1991. № 6. С. 39.

²⁷ *Таубер Л.Я.* Лига Наций... С. 4; *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 18; *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике... С. 42; *Бочарова З.С.* Документы о правовом положении русской эмиграции 1920–30-х годов. С. 65.

²⁸ С. Гаврилович — М. Йовановичу, 4 мая 1926 г. // РГВА. Ф. 1385/к. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 6–7.

²⁹ *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 18.

³⁰ *Таубер Л.Я.* Лига Наций... С. 5.

³¹ *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 19.

³² Председателем комиссии был бар. А.Э. Нольде, а ее членами юристы А.Н. Мандельштам, А.А. Пиленко, П.П. Гронский и Я.Л. Рубинштейн, к которым позже присоединились Н.В. Тесленко, С.З. Старынкевич и Б.Е. Шацкий (см.: *Таубер Л.Я.* Лига Наций... С. 5).

³³ *Таубер Л.Я.* Лига Наций... С. 5.

³⁴ *Там же.* С. 6; *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике... С. 42.

³⁵ *Таубер Л.Я.* Лига Наций... С. 6.

³⁶ *Там же.* С. 6–7; *Стојановић Г.* Међународни избеглички проблем. С. 580.

³⁷ *Таубер Л.Я.* Лига Наций... С. 6–7, 29–32.

³⁸ См.: Arrangement du 30 juin 1928: Relatif au statut juridique des réfugiés russes et arméniens // *Таубер Л.Я.* Лига Наций... С. 29–32; *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике... С. 42–44; *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 18–19; *Бочарова З.С.* Документы о правовом положении русской эмиграции 1920–30-х годов. С. 66–68.

³⁹ *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике... С. 44.

⁴⁰ На самой конференции договор полностью подписали делегаты Германии, Австрии, Бельгии, Болгарии, Франции и Литвы. Делегаты Польши, Румынии, Королевства СХС и Швейцарии подписали текст договора практически полностью, за исключением лишь первых пунктов, а делегаты Греции и Эстонии подписали договор частично, с большими ограничениями. Делегаты Египта, Финляндии и Чехословакии вообще не подписали договора. 15 января 1930 г. договор окончательно приняли, с замечаниями или без них, Германия, Австрия, Бельгия, Болгария, Эстония, Франция, Греция, Румыния, Швейцария, Чехословакия и Югославия, а позднее Польша и Латвия // *Таубер Л.Я.* Лига Наций... С. 6–7.

⁴¹ *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике... С. 44.

⁴² *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 29–30; *Боcharова З.С.* Документы о правовом положении русской эмиграции 1920–30-х годов. С. 69–70.

⁴³ *Стојановић Г.* Међународни избеглички проблем. С. 580.

⁴⁴ *Там же.* С. 581–582.

⁴⁵ Об этой общественной проблеме подробнее см.: *Бартош М.* Доказивање односа руских избеглица // Архив за правне и друштвене науке. Београд, 1930. Књ. 5. С. 376–379; *Таубер Л.Я.* Лига Наций... С. 4.

⁴⁶ «Комитет по делам русских беженцев» (в Болгарии), «Делегация по защите интересов русских беженцев» (в Королевстве СХС), «Organisation pour la sauvegarde des intérêts des réfugiés russes» (в Греции) и др. // *Таубер Л.Я.* Лига Наций... С. 2.

⁴⁷ *Таубер Л.Я.* Лига Наций... С. 3.

⁴⁸ ИАБ. Ф. ОГБ. Записник одборских одлука за 1924 г. Књ. 3. Инв. бр. 46. С. 236–237.

⁴⁹ Российская миссия в Болгарии — Министерству иностранных дел в Париже, 11 сентября 1920 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 7.

⁵⁰ Закон за допълнение закона за българското поданство // Државен вестник. София, 1929. 17 июня // ГАРФ. Ф. Р-9116. Оп. 1. Ед. хр. 49.

⁵¹ Российская миссия в Греции — Министерству иностранных дел в Париже, 11 сентября 1920 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 1–4.

⁵² См.: С.А. Поклевский-Козелл — М.Н. Гирсу, 17 апреля 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 2–4 об.; Русское национальное меньшинство в Румынии // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 368а. Л. 3–4.

⁵³ Ответы на вопросы о юридическом статусе русских беженцев в Королевстве сербов, хорватов и словенцев // АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Ед. хр. 56. Л. 73 об.

⁵⁴ *Там же.* Л. 73–73 об., 74–75.

⁵⁵ См.: Е.П. Демидов — М.Н. Гирсу, 24 марта 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 7–8 об.

⁵⁶ А.А. Петряев — старшему дипломатическому представителю, 22 марта 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 1; Копия донесения начальника консульской части российской дипломатической миссии в Константинополе — российскому дипломатическому представителю, 3 марта 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Ед. хр. 69. Л. 9.

⁵⁷ К вопросу о правовом положении русских беженцев в Болгарии, 27 декабря 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 146. Л. 44.

⁵⁸ С.А. Поклевский-Козелл — М.Н. Гирсу, 17 апреля 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 2–4 об.

⁵⁹ Ответы на вопросы о юридическом статусе русских беженцев в Королевстве сербов, хорватов и словенцев // АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Ед. хр. 56. Л. 73–75 об.

⁶⁰ К вопросу о правовом положении русских беженцев в Болгарии, 27 декабря 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 146. Л. 43–47 об.

⁶¹ Е.П. Демидов — М.Н. Гирсу, 24 марта 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 7–8.

⁶² Ответы на вопросы о юридическом статусе русских беженцев в Королевстве сербов, хорватов и словенцев // АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Ед. хр. 56. Л. 76 об.–77.

⁶³ *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 25–26.

«ОЙ, НЕСЧАСТНАЯ МАТУШКА РОССИЯ...»: РУССКИЕ И БАЛКАНЫ — ОБРАЗ «ДРУГОГО»¹

Столкновение русских с балканским обществом представляло собой встречу и знакомство двух родственных, но различающихся культур, двух разноликих миров. Как и всякое столкновение с «другим/чуждым», этот контакт привел к созданию специфических взаимоотношений, которые могут быть выражены противопоставлением местоимений; «МЫ» — «ОНИ». Встреча и взаимоотношения с «ними» являются фактором формирования многообразных связей отдельных индивидуумов с помощью единого целого и в направлении единого целого, что становится базовым компонентом формирования социальной повседневности². Этот феномен характерен для всех обществ: «Отношения с “Другими” <...> могут сформироваться лишь в уже сформированном обществе, они исходят из факта существования “Мы”, группы и общества, которые задают рамки этих взаимоотношений, их горизонты и их направляющие, без чего такие взаимоотношения просто не могли бы сформироваться»³.

Важность изучения представлений о «другом», своеобразной сцены, на которой наглядно демонстрируется все богатство взаимоотношений между субъектами «мы» и «они», следует прежде всего из факта, который отмечал английский историк П. Барк: «Знакомство с другими культурами облегчает противоречивый процесс отделения от прошлого и нового возврата к нему. Знакомство с другими культурами более всего помогает историку поставить под сомнение то, что считается естественным стереотипом его собственной культуры, помогает посмотреть на этот стереотип как на нечто, что нуждается в доказательствах, и таким образом избежать того явления, которое называется «слепотой по отношению к самому себе». Такое знакомство помогает решить проблему культурного дистанцирования и «осознания отличий», так как позволяет посмотреть на самого себя в сравнительном контексте»⁴. Еще более выразительно этот факт обрисовал Р. Сейдер: «Встреча с чуждым служит нам зеркалом, в котором мы узнаем самих себя, а это заставляет нас задаваться теми вопросами, которые мы бы не выдвинули без столкновения с чуждым»⁵.

Изучение комплекса вопросов, связанных с формированием представлений о «другом», «чужом», «инородном», требует особого подхода, который наиболее концентрированно (и наиболее обобщенно) сформулировал Й. Мартин: «Противопоставление “Мы — Вы”, присутствие и взаимоотношение с иным и инородным — это универсальная проблемная задача... <...> как на самом деле происходит столкновение незнакомцев — это единая постоянная проблема, которая имеет лишь одно постоянство, постоянство перемен. Эта проблема не имеет перманентных структурных рамок, которые позволили бы определить соответствующие перемены исторических форм»⁶.

Лишь такой крайне детальный подход к распознаванию и уточнению сформировавшейся картины представлений о «другом» как своеобразного отражения взаимных отношений — рассмотрение постоянства проблемы через его постоянные перемены — дает возможность успешно проанализировать

формирование представлений о «них», что определяет характер взаимоотношений русских беженцев с балканским обществом. Это помогает нам достаточно ясно увидеть и понять как неоднородные и порой даже противоречивые представления о русских беженцах, существовавшие в различных общественных группах, так и те пестрые картины представлений, которые формировали сами русские о «чужом» окружении, в котором они оказались, и конкретно о «чужаках».

Рассматривая представления, которые получили и русские эмигранты, и балканское общество, необходимо, в зависимости от содержания и механизма формирования, выделить три вида этих стереотипов о «другом/чужом»:

1. До первой встречи беженцев и их нового окружения существовали уже предварительные представления тех и других о «них», сформированные в рамках социально фиксированных стереотипов о «другом». Эти обобщенные представления, возникшие на основании исторического опыта, функционировали как в среде беженцев, так и в балканском обществе. В их основе лежали упрощенные категории и бинарные оппозиции (русофильство — русофобия, славянская взаимность и т.д.), поэтому они рисовали идеализированный и туманный образ «другого».

2. На основании накапливавшегося опыта столкновения с «другим/чужим» имевшиеся прежде представления о «них» стали приобретать определенные формы. Это была смесь социально фиксированных стереотипов и первых эмпирических представлений, возникших в результате конкретных контактов и знакомства с позитивными и негативными особенностями «другого», с различиями и сходством в менталитете, восприятии окружающего мира, жизненных ценностях, старательности, верности, в оценке достоинств, пространства и т.д. На этом этапе в первый раз произошла своеобразная переоценка содержания идеализированных представлений.

3. Наконец, произошло формирование представлений, обусловленных опытом совместной жизни с «ними», что характеризовалось укреплением и доминированием эмпирических (проверенных на собственном опыте) представлений, на основании которых формировался образ «другого».

Переселение русских беженцев на Балканы в начале 1920-х годов стало причиной встречи двух групп, которые, естественно, смотрели друг на друга как на «чужаков». Одна из этих групп, состоявшая из балканских обществ, абсолютно доминировала по численности, историческому, политическому, экономическому и социальному положению и правам, которые из этого положения вытекали, а другая группа (эмигранты) находилась в абсолютно подчиненном положении по сравнению с их новым окружением и полностью от него зависела. Эмигрантская группа не имела никаких реальных и действенных рычагов, которыми бы она могла изменить свое политическое и общественное положение.

В то же время это была встреча (а затем и совместное существование) двух совершенно различных миров. Русского — в основном городского, который был представителем буржуазной культуры и исключительно высокого, по стандартам того времени, образовательного уровня (12—15% лиц имели высшее образование и 60—65% — среднее), и сельского балканского (около 80% населения проживало в деревнях) — в основном неграмотного (свыше 50% населения), все еще находившегося под сильным влиянием патриархальных,

сельских культурных образцов поведения и традиций, мифов, стереотипов и потребностей, которые крайне отличались от всего того, что в то время подразумевалось под понятием модернизации. Русский городской элемент оказался в мире сельских патриархальных Балкан, который, в особенности в провинции, не имел ни потребности, ни возможности использовать знания и образование русских.

В этом контексте нужно понять как механизмы формирования представлений о «другом», так и сами эти представления, которые можно анализировать в рамках трех тематико-проблемных кругов. Первый — в котором доминировали стереотипные представления, игравшие роль своеобразной матрицы, важной для формирования представления о «другом». Второй — в котором формировались конкретные представления о конкретных государствах, где проживали эмигранты (Турция, Болгария, Югославия, Греция и Румыния). И наконец, третий — в котором можно рассмотреть отдельные более сложные и более детальные представления о «других/чужих» культурах, менталитетах, взглядах на мир, ощущении пространства и т.д.

«Я СЛАВЯНИН. МОЯ СЕМЬЯ БОГАТА»: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ И СТЕРЕОТИПЫ — ТРАДИЦИОННЫЙ ВЗГЛЯД

Прежде чем возникла та ситуация, в которой беженцы и их новое общественное окружение реально познакомились и в ходе взаимных контактов сформировали детализированные представления о «другом», уже существовали традиционные представления о России и русских в балканском обществе, как и туманные представления самих русских о Балканах и балканских народах. Эти стереотипные представления, сформированные на основании исторического опыта, конечно, не выдержали испытаний ежедневной совместной жизни, но в первое время на уровне символики (вплетенной в жесты, слова, заявления, внешние знаки и интимное поведение) послужили базой формирования взаимоотношений с «другим». Стереотипные представления, впитанные обеими сторонами, в большинстве случаев сводились к двум сюжетам: к воспоминаниям и представлениям о России и ее роли в истории балканских народов и идеализированному, подчас туманному представлению о славянской взаимности (в особенности среди русских, сербов и болгар). Интересно, что именно стереотипные представления на высшем политическом уровне послужили объяснением принятия официальных государственных решений о приеме беженцев и решающим образом повлияли на выработку официальной государственной позиции по вопросу о беженцах.

Традиционные стереотипные представления о беженцах были в начале 1920-х годов дополнены антибольшевистским содержанием, что по-своему повлияло на особенности отношения балканских обществ (прежде всего их элит) к беженцам, а тем самым и на формирование представлений о них.

Балканские общества по-разному реагировали на появление русских в своем окружении и даже на саму идею того, что русские могут оказаться рядом с ними. На эти различия влиял ряд исторических, политических, культурных

и династических факторов. Традиционные представления о русских в Югославии, Болгарии и, в некоторой степени, в Греции были, если их абсолютно обобщить, положительными, поэтому и правительства этих стран при опубликовании решений о приеме русских эмигрантов напоминали об исторических традициях и причинах гуманитарного характера (в меньшей степени — о славянской или православной взаимности). Таким образом, и в Югославии, и в Болгарии решение о размещении беженцев мотивировалось прежде всего историческими и гуманитарными причинами. Единственная разница была в том, что власти Югославии на первый план выдвигали связи Сербии и России с начала Первой мировой войны, в то время как болгарские власти подчеркивали роль России в освобождении Болгарии в событиях 1877—1878 гг. Традиционные представления легко распознать в речи председателя правительства Королевства СХС Н. Пашича на очередном заседании скупщины 25 января 1922 г.: «Мы, сербы, а также все остальные наши братья, пережившие радость освобождения и объединения, мы все благодарны русскому народу, который поспешил спасти нас от гибели, угрожавшей нам, когда Австро-Венгрия объявила нам войну»⁷. Те же представления сквозят и в словах, записанных в 1921 г. председателем скупщины Королевства СХС и председателем Государственной комиссии по вопросам русских беженцев Л. Стояновичем: «Многие причины и побуждения определяют наше отношение к русским братьям <...> Это простое человеческое сочувствие, это славянская взаимность, это — и прежде всего — наш огромный долг по отношению к старым, новым и новейшим добрым делам, которые для нашего народа делали прежние и прежде всего нынешнее поколение русских людей. Все это заставляет нас не отказываться в помощи и не оставлять в беде этих наших братьев...»⁸ Схожие традиционные представления в то же время, в апреле 1921 г., проявлял и Совет министров Болгарии, который под нажимом французского посланника Ж. Пико дал согласие на размещение на своей территории частей Русской армии со следующими объяснениями:

— «Гуманный мотив (крайне тяжелое положение солдат и казаков, которые пребывали на Лемносе и в Галиполи);

— исторические мотивы — ведь речь о сынах России, которая освободила Болгарию от турецкой власти»⁹. Традиционно положительное отношение к России и русским было заметно в те годы и среди младших чиновников и обычных людей. Так, профессор Белградского университета Р. Кошутич в докладе министру просвещения, написанном по поводу ревизии русских кадетских корпусов 1922 г., подчеркивал: «Если бы не было России, не было бы и Сербии — это аксиома нашей новейшей истории; теперь настало время посеять семена будущего, чтобы Россия, когда она возродится, вновь стала неисчерпаемым источником нашей силы, существования и свободы нашего Королевства и всего Славянства. <...> Ведь лишь в том случае, если Россия будет славянской, будет возможным свободное существование и развитие Славянства»¹⁰. Похожие идеи и тональность наблюдались и на встрече русских и болгарских офицеров в конце 1921 г. на торжественном банкете в зале Офицерского собрания в честь генералов А.П. Кутепова и Ф.Ф. Абрамова по прибытии русских частей в Болгарию. В многочисленных провозглашавшихся здравицах подчеркивалась радость по поводу того, что Болгарии «выпала великая честь — приютить потомков героев Шипки и Плевны», и выражалась

надежда, что обновленная («воскресшая») Россия, «как мощный дуб, осенит зеленой кроной свою младшую сестру»¹¹. Традиционные представления, основанные на исторических причинах, повлияли на отношение к беженцам и формирование представлений о России даже в отдельных частях Греции: «Хорошо к русским относятся понтийцы, все еще благодарные за освобождение Трапезунда, Эрзрума и т.д. от турок в 1916 году»¹².

В полном контрасте с общими положительными представлениями, которые, на основании исторического опыта, преобладали в Сербии и Болгарии, в Румынии, также под влиянием исторических факторов, преобладали отрицательные представления. Делегат Всероссийского земского союза, который в апреле 1922 г. объехал Румынию и Бессарабию, следующим образом описал отношение румынских властей к русским: «Правительство, еще с момента захвата Бессарабии, относится с подозрением к русским организациям»¹³.

Традиционные элементы стереотипных представлений о русских, которые включали в свои речи представители балканской политической элиты, имели соответствия и в упрощенных представлениях русских о Балканах и балканских народах, что можно было заметить в речах русских официальных лиц. Например, перед своим отъездом в Сербию 22 февраля 1922 г. генерал П.Н. Врангель после успешной переброски значительной части армии в Королевство СХС и Болгарию, обращаясь к солдатам, оставшимся в Галлиполи, подчеркнул: «Год назад я обратился к вам, сказав, что не покину Константинополь, пока последний солдат не будет вывезен отсюда. Сейчас я могу исполнить свое обещание. Родственные славянские страны широко открыли двери своих держав и приняли у себя нашу армию, до тех пор пока она вновь не продолжит борьбу с врагами Отечества»¹⁴.

Похожие традиционные представления, сконцентрированные в словах о «братьях» и «братской помощи славянскому братству», основанные на историческом опыте, можно было услышать и от «обычных» эмигрантов: «Еще с первых дней жизни в районе Константинополя и на острове Лемносе командование поддерживало в казаках надежду на возможность переезда в недалеком будущем в славянские земли. Жизнь в этих странах казаки рисовали в светлых тонах: вера та же, языки родственны, народы близки по крови, быту и историческим судьбам. Еще дома, от отцов своих и дедов, участников Освободительной войны 1877–1878 гг., казаки много слышали о славянских землях, в частности о Болгарии»¹⁵. Кое-кто упоминал и конкретные «заветы» прошлого, как, например, известный писатель А.И. Куприн: «Я счастлив, что смог увидеть Белград... Еще Пушкин завещал нам, русским, сближение с вашим народом. Он нам завещал следить за сербской культурой, переносить ее на почву русской культуры, заниматься переводами с сербского, особенно переводами писателей-прозаиков»¹⁶. Отдельные люди или даже целые семьи иногда планировали свой дальнейший жизненный путь, руководствуясь лишь прежними представлениями о «них». Так, Н.М. Зернов писал: «Выбрали... мы родственное нам по духу православное королевство, надеясь найти там возможность получить высшее образование членам нашей семьи»¹⁷. Похожими идеями руководствовался и Ю.Л. Ракитин: «Оттуда (из Константинополя. — М.И.) я собирался ехать в Париж, в русское кабаре, но меня из Белграда позвали сербы, славяне, молодая культура. Душа моя была тогда слишком потрясе-

на тем, что случилось в родимой стороне. Денег не было. Личным друзьям в Париже я предпочел друзей и единокровных братьев»¹⁸.

Стереотипы о славянской взаимности полнее всего, благодаря поэтической раскованности, отразил К.Д. Бальмонт в сонете «Слава Славянам», опубликованном в выходившем в Софии журнале «Словенски глас»:

Рус, чех и лех, и серб — четыре брата,
Но между гор, лесов, полей, равнин
Забуду ли, в столетних мглах судьбин,
Болгара, и словака, и хорвата?
Я — славянин. Моя семья богата...¹⁹

Тем не менее, несмотря на традиционные представления, несмотря на слова о братстве, общности «веры и крови», о славянстве, исторических связях и взаимном переплетении, об историческом долге и заслугах, имевшиеся знания о «них», о «других» в большей степени витали в мифических эмпиреях, а не отражали реальную действительность. Эмигранты и их новое окружение просто почти ничего не знали друг о друге. На это недвусмысленно указывал вице-президент Русско-болгарского культурно-благотворительного комитета А.Д. Агура на первом заседании комитета, состоявшемся в Софии 22 января 1920 г.: «Надо признаться, что русский народ до последних дней мало знал болгарский народ, его душу, его сердце; русская интеллигенция проявляла мало интереса к жизни братского народа. Хотя идея объединения Славян не нова, но увы! до последнего времени ее осуществление не вышло из первой фазы, фазы платонических пожеланий»²⁰. То, что знания о «другом» были достаточно поверхностны или их вообще почти не было, косвенно подтверждают и воспоминания о путешествии на корабле в Югославию, во время которого несколько русских интеллигентов провели инициативное собрание по формированию в Белграде русской гимназии. На том же самом корабле после заключения договоренности об основании гимназии, по словам протоиерея Петра Беловидова, «кто-то сообщил, что вечером того же дня будут сделаны доклады, которые познакомят русских людей со страной, куда обращены их взоры сейчас. Это было 21 марта 1920 года. Географическое описание страны и краткую характеристику населения дал теперь уже покойный старец А.В. Васильев...»²¹. Даже после десяти лет совместной жизни в некоторых местах еще можно было услышать высказывания о том, что две группы, вошедшие в контакт, на самом деле еще не знают друг друга. «Г<-н> Франьо Полянец в своей емкой речи подчеркнул в самом ее начале, что основание лиги не является политической акцией. Два братских народа, русские и югославыне, должны хорошо познакомиться. Русская культура нам почти неизвестна, а если мы ее и знаем, то лишь частично, поверхностно, превратно»²².

Реальность была намного сложнее, намного богаче, чем можно было заключить из блестящих и витиеватых фраз. Реально существовали очень разнообразные социумы и социальные группы, которые никоим образом нельзя было свести к общему знаменателю. Так, несмотря на возвышенный пафос речей о славянском братстве и единстве, на практике ощущалось взаимное незнание друг друга. В реальной повседневности было много хороших и плохих людей, удобных и неудобных для жизни эмигрантов мест, что показали уже первые

встречи, первые дни и месяцы совместной жизни. Необходимо отметить и тот факт, что на взаимоотношения, разумеется, влияли и историческая память, и общий настрой общественного мнения, и политические меры отдельных правительств (которые отражались на жизни человека в изгнании), и доминантное выражение существовавшей в обществе симпатии или антипатии к «другому», которое можно назвать русофильством или русофобией. Все эти факторы неминуемо отражались на общем комплексе представлений, формировавшихся о «другом». Но динамика повседневной жизни выдвигала на первый план картину, характерную для настоящего момента, личные представления, конкретное событие или походя брошенную фразу, из которых и формировалось то, что сегодня называют представлением о «другом».

«МЫ — ИЗГНАННИКИ, МЫ ВСЮДУ ЧУЖИЕ»: РЕАЛЬНОСТЬ СОВМЕСТНОЙ ЖИЗНИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О «ДРУГОМ»

Прежде чем перейти непосредственно к самому анализу представлений о другом, необходимо подчеркнуть, что конкретные впечатления о «другом/чужом», об отдельных странах никогда не были однозначными, а всегда варьировались между значительно отстоявшимися друг от друга оценками-крайностями «позитивно» или «негативно». К тому же на сам механизм формирования этих представлений решительным образом влияло несколько факторов.

Во-первых, то, что русские реагировали на конкретные жесты и поступки отдельных лиц или местных властей по каждому отдельному случаю, переживая их порой с чрезмерной долей эмоциональности как определенное проявление дружеского расположения или враждебности.

Во-вторых, то, что фразы о братстве, старой дружбе держав и народов, о славянстве и т.д., которые звучали во время каждой здравицы на торжественных банкетах и приемах в высоких политических кругах, не имели никакого влияния на формирование реального образа «другого». В повседневном быту впечатления имели личный характер и не были связаны с традиционными стереотипами как с матрицами представлений о «другом». Можно было просто заметить разочарование и печаль из-за плохих поступков окружающих или приятное удивление в результате их дружелюбной реакции. Нередко конкретные события или политические решения производили негативное впечатление на беженцев даже в государствах, которые имели хорошую репутацию среди беженцев. И наоборот, в среде, где русские ощущали себя весьма неудобно, всегда происходили случаи, которые особо выражали чье-то хорошее отношение к эмигрантам.

В-третьих, то, что представления о «другом» зависели и от того, кто их формировал. Если речь шла о личных представлениях, на этот процесс влияли как эмоции и личные переживания, так и положение в новом обществе, способность к психологической акклиматизации в новой ситуации и т.д. Если эти представления о «другом» формировались в рамках какой-либо эмигрантской организации, на их характер влияли не только положение и свобода действий этой организации в новом окружении и отношения с государственными

ми и местными властями, но и общее политическое положение в рамках Зарубежной России, конкретная деятельность, которой занималась организация, и наличие контактов с определенной группой беженцев, нуждавшихся в заботе (например, офицеры, инвалиды или дети). В то же время представления, которые возникали у отдельных людей, имели важную особенность личных впечатлений, в отличие от представлений, которые формировались в рамках определенной организации, что всегда подразумевало включение в рамки таких представлений интересов определенной группы. Именно благодаря этому личные представления были значительно конкретнее, более точно связаны с определенным событием, явлением или ситуацией, крайне наглядно демонстрировали многочисленные различия между «ними» и «нами» с точки зрения миропонимания, культуры, ежедневных привычек, менталитета и т.д. Именно поэтому не стоит удивляться тому, что личные представления часто содержали противоречивые суждения о «другом». Тем не менее они дают возможность без учета различий распознать в них то, что было общего в видении «другого». Эти обобщенные представления о «другом», проистекавшие из опыта совместной жизни, не имели ничего общего с традиционными стереотипными фразами, а отражали лишь комплекс личных впечатлений. Таким образом, негативные представления формировались вследствие разочарований при контактах с окружающей средой. Наоборот, в случае удовлетворенности своей жизнью в новой среде и поведением окружающих возникали обобщенно позитивные представления.

Первые контакты с «другими» происходили уже на палубах кораблей, швартовавшихся в константинопольском порту. Имея неясные, туманные планы и ожидая дальнейших событий, беженцы прежде всего столкнулись с пронируемыми константинопольскими торговцами, которые на небольших лодочках приставали к борту стоявшего на якорях корабля и продавали истощенным, испуганным и измученным людям то, что им было в то время необходимее всего, — еду. Воспоминания об этих мгновениях, превратившиеся в представления о константинопольских торговцах, создали один из самых непривлекательных образов «другого» в сознании русских беженцев, если говорить о пережитом ими на Балканах: «Не проходит и нескольких минут, как к нашему пароходу устремляется стайка небольших лодок. Они подходят вплотную к нашим бортам и сидящие в них криками: “Екмек! Екмек! Су-суук су!” — энергичными жестами призывают голодающих и жаждущих обратиться на них внимание. Это предприимчивые торговцы-спекулянты, греки и турки, наперебой предлагают свой товар — хлеб и воду. Как мы узнаем, на многих кораблях нет ни капли пресной воды, как нет и хлеба, а там тысячи и тысячи людей, женщины и дети. Деньги? Здесь продают только на золото — вернее, на золотые вещи и на иностранную валюту, которой ни у кого нет. Мать двух детей, подростков, снимает с руки обручальное кольцо и показывает его тем — внизу, сидящим в лодке.

Те торгуются, показывая пальцами 4, 5, 6...

Откуда-то приносят корзину и на веревке спускают вниз. Там кольцо рассматривают со всех сторон, пробуют на зуб и взамен кладут в корзину небольшую буханку хлеба. Кладут и ждут, когда ее поднимут. Ждет и женщина, которая дала кольцо. С лодки нетерпеливыми жестами дают понять, чтобы корзину поднимали.

Золотое кольцо за небольшую буханку сухого хлеба?! — На палубе начинают кричать, требовать, чтобы кольцо возвратили.

Один из лодочников, нехотя, берет другую буханку, отрезает от нее половину и бросает в корзину, после чего поспешно хватается за весла, и лодка скрывается за кормой соседнего парохода. Корзина с хлебом так и остается сиротливо висеть у самой воды. Увы, хлеб оказывается полусъедобным, он неугрызаем, так как выпечен, должно быть, неделю тому назад! На всем обозримом пространстве торговля продолжается в том же духе. Кто-то из матросов возмущается...»²³

Если речь идет о Турции, встреча с «иностранным/другим» не исчерпывалась негативными представлениями о константинопольских торговцах. Личные впечатления, проистекавшие из ежедневных контактов между отдельными людьми, между «ними» и «нами», несколько смягчили первое непривлекательное впечатление, хотя даже в этих частично позитивных представлениях можно выделить большие различия в культурных стереотипах поведения «их» и «нас». Свидетельство об этом оставил В.Х. Даватц: «Вчера я пошел в город. Зашел к Вороновым. Они снимают комнату у пожилого турка. Он говорит только по-турецки; но <Воронов и турок> как-то разговаривали и были приятелями. Турок по-своему защищал интересы капитана. В его отсутствие не пускал никого к его жене. “Капитан дома, иди, мадам”, говорил он. “Капитан нет дома — солдат, капитан, полковник — не иди, мадам”»²⁴.

Если анализировать общее впечатление, которое сформировали беженцы о Болгарии, как и представления, которые возникли о русских эмигрантах в болгарском обществе, можно также заметить две достаточно выразительные крайности. С одной стороны, эмигранты были приятно удивлены самим новым окружением и его позитивным отношением к эмигрантам, базировавшимся на историческом опыте, связанном с освобождением Болгарии в 1877—1878 гг. Картину теплого отношения болгарского общества к прибывавшим беженцам красноречиво выражают свидетельства казаков о приеме, оказанном им по прибытии в Болгарию в начале 1920-х годов: «Как только казаки вступили на Болгарскую землю, души их прояснились, лица повеселели. Разбились по “станциям” и “хуторам”, полилась широкой волной бескрайная мелодия казачьей песни. Еще к палаточным лагерям в Бургасе и Варне собирались по вечерам толпами болгары послушать казачьи песни и посмотреть, как потомки их освободителей лихо танцуют “казачка”»²⁵. У них оставило особое впечатление отношение болгар к ним как к «потомкам освободителей»: «Казаков приглашали на торжества, — напр., в дни празднования годовщины освобождения Болгарии; офицеры местных гарнизонов и казаки поддерживали взаимно дружеские связи, посещая друг друга в дни национальных праздников. В деревнях многие еще лично помнили Освободительную войну 1877 года, и кое-где пелась, например, такая песня: “Ботев и Левский — наши учителя; казаки донские — наши спасители”; а кое-где рассказывали эпизоды вступления казаков в освобожденные селения. В деревне в прибывших казаках видели попавших в нужду потомков легендарных героев 1877 года»²⁶. В духе позитивного отношения к беженцам, с указанием на роль русского народа в освобождении Болгарии болгарские общественные деятели обращались даже к детям. Так, например, в единственном вышедшем номере детского журнала «Беженче» С.С. Бобчев писал: «Когда вы, болгарские дети, видите детей

беженцев, вспомните следующее: они внуки и дети тех русских, которые лет сорок назад — по приказу великого для нашей истории Царя — Освободителя Александра II, — двинувшись из огромной русской страны, несмотря на бесчисленные жертвы, снег и лед, перешли Дунай и Балканы, воевали с турками и принесли огромные жертвы ради нашего освобождения. Их отцам и дедам мы обязаны болгарской свободой, болгарской независимостью, болгарским государством»²⁷.

Это повлияло на формирование обобщенно позитивного представления о Болгарии: «Несомненно, психологически в Болгарии жить легче, ибо здесь русский не чужой, здесь он нередко не простой рабочий, отмечаемый в списках определенным номером, как это принято в предприятиях Франции, а “майстор”, руководитель-надзиратель над туземным рабочим...»²⁸ После известного времени, проведенного в Болгарии, сформировались более рациональные, но также позитивные представления о болгарском обществе, которые лишь очистились от стереотипных воззрений. Такие представления можно найти в тексте «О русской школе», опубликованном в берлинской газете «Возрождение»: «Равным образом со стороны болгарских властей не делается никаких попыток денационализировать, оболгарить русскую школу. Все это, безусловно, следует отнести на счет характерной для болгарского народа терпимости и исключительно бережного и любовного отношения его к русской культуре и русскому просвещению»²⁹. Можно сказать, что такое отношение в принципе сохранялось на протяжении всего межвоенного периода. Например, в 1937 году, в ходе одного парада сокольского общества в Пловдиве, русские люди ощущали те же неизменные чувства: «Жители Пловдива, запрудившие улицы, впервые увидели русских соколов в их красивой форме, с развевающимися знаменами, четко отбивающими шаг и своей выправкой напоминающих тех легендарных освободителей, память о которых свята в Болгарии, — они были поражены и восхищены стойкостью и силой Русского духа. Один из местных жителей говорил: “Я живу уже несколько лет в общении с русскими, наблюдаю их тяжелый труд, знаю их материальное положение и просто не верю своим глазам, глядя на них, одетых в свою сокольскую форму, здоровых, с гордо поднятой головой, демонстрирующих свою мощь, свою солидарность и свою жертвенность во имя великой России”»³⁰.

Противоположную крайность представляли собой разочарование и подавленность, вызванные некоторыми поступками местных властей. Это особенно было характерно для начала 1920-х годов, когда правительство А. Стамболийского предоставило советским организациям, занимавшимся репатриацией беженцев в СССР (Советскому Красному Кресту и Совнароду), разрешение беспрепятственно заниматься своей деятельностью. После этого начались преследования и политический нажим на беженцев. По этому поводу Комитет освобождения России обратился 10 июня 1922 г. к болгарской общественности со следующими словами: «Население, если исключить коммунистов, приняло русских весьма дружелюбно, так как видело в них наследников и представителей той Русской армии, которая в 1877—78 годах освободила болгар от турок и русской кровью купила создание независимого Болгарского царства <...> Казалось, что наконец начался какой-то отдых, что появилась возможность в суровых, но все-таки спокойных условиях дожидаться долгожданного возврата на Родину. Но с апреля <1922 г.> положение вне-

запно остро переменялось. Правительство А. Стамболийского, ища опоры у левых, приблизилось к коммунистической партии <...> Болгарские коммунисты повели ожесточенную кампанию против русских офицеров. Они не ограничивались словами. Начались нападения и избиения отдельных офицеров. Была брошена бомба во время проведения одного русского любительского представления в юнкерской школе <...> Болгарские солдаты обыскивают русских женщин грубейшим образом. Арестованные подвергаются издевательствам и оскорблениям, а иногда их и бьют, как был избит полковник Самохвалов. При этом никому из них не предъявляют никаких конкретных обвинений, и никто из арестованных не подвергнут суду. Все чаще случаи избиения русских на улице <...> Такое поведение вызвало справедливое негодование той части болгарской общественности, которая не забыла символического смысла братских могил, где вместе упокоились кости русских воинов и болгарских четников, воевавших в 1877–78 под русскими знаменами. Несмотря на то что не так давно в Софии неизвестными лицами был убит редактор болгарской газеты “Слово”, из-за своего явного и постоянного русофильства, часть печати смело выражает острое сопротивление политике правительства»³¹. Похожую реакцию вызвали и первые массовые увольнения русских беженцев, проведенные болгарскими работодателями после начала экономического кризиса: «Тяжелое положение русских в Болгарии, созданное в последнее время массовым увольнением их работодателями и оставлением таким образом многих и многих русских эмигрантов на произвол судьбы, вызывает беспокойство в русских зарубежных кругах»³².

Однако даже при тех относительно негативных представлениях и переживаниях, которые отмечались у эмигрантов в 1930-х годах под влиянием определенных перемен в обществе, можно обнаружить некоторое понимание корней произошедших изменений: «Да и само болгарское население страдает от безработицы, берется за всякую работу и в русском как в конкуренте на труд, по человеческой слабости, видит надоевшего гостя, а отсюда иногда и происходят недоразумения...»³³

Почти схожие противоположные представления — приятное удивление и легкое воодушевление сердечным приемом или горькое разочарование и покорность судьбе при отдельных неприятных происшествиях — можно заметить и у эмигрантов в Югославии. Представления о Королевстве СХС отличались от болгарских впечатлений беженцев лишь конкретными событиями, которые вызывали эти конфликтные ситуации.

Сам приезд в Королевство СХС произвел сильное впечатление, которое вплелось в первые представления эмигрантов. Об этом писал А.А. Хвостов в докладе С.Н. Палеологу, правительственному уполномоченному по делам русских беженцев, в декабре 1920 г.: «Прежде всего следует отметить необыкновенно теплое, даже восторженное отношение сербов ко всем русским без различия. Первым партиям русских беженцев, приехавшим из Одессы, устраивались триумфальные встречи по всему пути их следования с участием высших представителей военных и гражданских властей и множеством народа, радостно приветствовавшего русских»³⁴. Отличную иллюстрацию того, какое впечатление на обычных людей, гонимых судьбой и нуждой и нашедших свой дом в Королевстве СХС, произвел оказанный им прием, оставила в своих воспоминаниях Е.Ж. Гильотен: «Мы перешли границу Королевства Сербов,

Хорватов и Словенцев. После этого мы ехали еще некоторое время и приехали в город Скопье <...> На фоне гор вырисовывался минарет, с которого мулла читал мусульманские молитвы. Мы узнали об этом от прохожих, которые словно взяли нас под свое попечительство на протяжении всего нашего пути, ласково улыбались, хлопая папу по плечам и угощая его сигаретами, а мне старались дать денег, но папа запретил мне их брать <...> На некоторых станциях нас тоже встречали, угощали и давали подарки. Все это было как во сне. Мы приехали в Сербию, маленькую страну со скромным достатком еще в начале двадцатого века <...> И как только она перенесла тяжелую войну, она добродушно и от всего сердца принимала бурную реку “беженцев”, людей, которые бежали со своей родины, теряли свое Отечество, что было в глазах этого народа самым страшным несчастьем. Никто не задавался вопросом, кто они, что они, почему они бегут. Они русские, а русские — славяне, а славяне — всегда братья, а если уж они братья, то как-нибудь договоримся. А пока: “Привет, братушка милый!”, улыбки, хлопанье по спицам и плечам в знак дружеского расположения...»³⁵ Похожую встречу ощутили и части Русской армии, которая перебрасывалась в 1921 г. из лагерей под Константинополем в Королевство СХС: «Приезд русской казачьей дивизии был радушно встречен сербским обществом всех слоев. В Девджелии молебн и парад дивизии посетил весь город, и в речах отдельных представителей сербов звучала искренняя любовь к бывшей царской России и русскому народу. На ст. Вране эшелоны встречены были сербской войсковой частью, г.г. офицерами и представителями местной русской колонии. Лагерь русских на окраине г. Вране посещался многими жителями, с участием и любопытством расспрашивавшими, откуда приехали, давно ли из “Русии”, как там сейчас живет, и, получив ответ, горько вздыхали: “Ле, ле, несретна майка Русия”...»³⁶ И в конце 1930-х годов отдельные представители эмиграции, знакомые с жизнью русских эмигрантов в других европейских странах, особо подчеркивали тот сердечный прием, который оказывала русским беженцам Югославия: «И хочется сказать несколько искренних слов русским людям в Югославии... Вы живете в стране, где также любят Россию, как сами русские... вы добьетесь в первую очередь того, чего нет среди русских эмигрантов в Западной Европе, живущих сплошь и рядом в совершенно чуждой нам обстановке...»³⁷

Но были и другие впечатления, полностью противоположные. Так, генерал Врангель в 1925 г. в разговоре с австрийским послом, встреченным им в поезде, которым он ехал из Королевства СХС, был крайне расстроен и перечислил ряд серьезных замечаний по адресу Королевства. Он жаловался на состояние транспорта, на администрацию, на тяжелое положение русских, «которые не могут чувствовать себя удобно и приспособиться к жизни в таком некультурном окружении...»³⁸ Один из наиболее характерных примеров можно найти в воспоминаниях И.В. Халафовой: «Король Александр изо всех сил хотел исполнить обещанное гостеприимство и очень, очень много делал, но само население в это время было скорее враждебно. Это было, конечно, и понятно: страна была разорена войной, экономическая жизнь не налажена, четыре славянских народа с разными религиями, культурным наследием и симпатиями (словенцы даже и с другим языком) были искусственно соединены вместе. Все это не сложилось, не пришло в себя. Больше половины населения тяготилось православной гегемонией сербов. Нехватка жилых помещений,

целого ряда жизненно важных вещей, дестабилизация, неприязненное отношение местного населения тяжело отразилось на судьбе русских беженцев, оказавшихся в стране по воле не всеми желаемого сербского короля... <...> Нам отвели очень примитивное, полуподвальное помещение у враждебно настроенных далматинцев...»³⁹ А в тексте о жизни русской колонии в городке Херцег-Новом в 1924 г. можно найти следующий вывод: «Отношение к нам сербов, и в особенности из начальства, было хорошим, а хорватов — почти враждебным...»⁴⁰

Приведенные примеры показывают, что представления русских о югославском обществе варьировали в зависимости от того, где они были усвоены — в восточной части страны (Сербия) или в западной (Хорватия и Словения). На это повлиял целый ряд факторов, от исторической памяти до конкретных событий из повседневной жизни. Сами эмигранты часто обращали внимание на эту ситуацию.

Описывая прием, оказанный в Сербии в 1921 г., А. Филиппов записал: «Из всех славянских стран, приютивших русских беженцев, Сербия является бесспорно самой гостеприимной и заботливой... Отношение сербского народа к беженцам — самое приветливое. Во многих селениях сербы сами их приглашают к себе, довольствуясь минимальной платой за помещение и проявляя исключительно заботливое отношение к их нуждам. Между населением и беженцами очень быстро установилась родственная, духовная связь, что особенно приходится ценить, имея в виду те моральные переживания, которые пришлось испытать беженцам... <Русские беженцы> не забудут, что именно в Сербии, наиболее разрушенной из всех воевавших держав, они встретили и ласку, и уют, и полную возможность жить по-человечески. В этом отношении сербы делают великое дело»⁴¹. Н.З. Рыбинский, говоря об открытии выставки русских художников в Белграде в марте 1930 г., подчеркнул: «Мы — изгнанники, мы стосковались по своему углу, мы всюду чужие. И вот, чувствуется мне, что выставка — первый камень к постройке своего русского угла здесь, в славянском Белграде. Вне Белграда такой угол прямо немыслим»⁴². Наконец, И.С. Шмелев в газетной статье 1928 г. «Событие» следующими словами описал Сербию и ее отношение к русским эмигрантам: «Одна страна — не из великих держав! — одна христианская страна, бывшая малая Сербия <...> явила высокий пример чести, братства, совести, благородства, исторической памяти и провидения грядущего»⁴³.

Однако эта ситуация не была характерна для всех районов недавно объединенной страны. На причины этого неоднородного отношения к беженцам еще в 1922 г. указывал Р. Кошутич: «Мы обязаны России вернуть ее долг, который она дала нам своей кровью, и вот это время настало, мы можем отплатить часть того большого долга ее родным детям. <...> Вот почему русские школы надо разместить в культурных центрах, населенных сербским племенем, потому что лишь сербы знают, что такое Россия и чем они ей обязаны (хорваты и словенцы почувствуют это лишь позднее, когда глубже проникнется нашей историей и по-другому будут смотреть на свое прошлое)»⁴⁴. Несмотря на надежды Кошутича, время не принесло выравнивания представлений о «них» на территории всего Королевства, различия и далее существовали и проявлялись в повседневной жизни.

В значительной мере на эту ситуацию повлиял непосредственный исторический опыт, связанный с военным конфликтом бывшего населения Австро-Венгрии с русскими в ходе Первой мировой войны. Беженцы подчеркивали, что их прибытие на север страны не встречало особого воодушевления: «Венгры <в городке Ада> встретили русских, своих вчерашних неприятелей, исключительно враждебно, но потом поняли наше положение и отношение к нам несколько поправилось»⁴⁵. Ситуация не сильно отличалась и в Боснии, что засвидетельствовал Р.В. Полчанинов, описывая прибытие учеников русского кадетского корпуса в Сараево в начале 1920-х годов: «Население Сараево встретило русских кадетов враждебно. Не прошло и двух лет с тех пор, как в Сараево правили австрийцы, которые подогревали ненависть к русским. Вернувшись из русского плена, бывшие австрийские солдаты симпатизировали большевикам и ненавидели “белых”. Лишь отдельные офицеры сербской армии старались помочь русским братьям, которые оказались в беде... В сентябре <1920 г.> Сараево посетил принц Александр, который когда-то и сам учился в России в Пажеском корпусе... Когда кадеты прошли исключительным церемониальным маршем перед принцем, офицеры свиты, а за ними и народ начали восклицать: “Да здравствует Россия! Да здравствуют русские кадеты!” С тех пор отношение жителей Сараево к кадетам изменилось»⁴⁶.

В Хорватии реакция на прибытие беженцев была также негативной. Так, в декабре 1920 г. журналист местного издания «Народна свиест» следующими словами прокомментировал прибытие беженцев в Дубровник и его пригороды: «Нам жаль этих людей, которые должны были оставить дом и родину, скитаясь по чужбине, но человек, склонный к размышлению, может задаться вопросом, почему Франция и Англия не принимают этих людей под свое крыло и не найдут им работы хотя бы в своих колониях, а дарят их Югославии и другим балканским странам, где слабо развита промышленность, а русские корабли забирает во французские порты. Сыны Далмации должны с трудом зарабатывать себе на хлеб нелегким трудом моряков или уезжать из дома в далекие страны в поисках заработков, и поэтому Далмация при всей своей славянской взаимности и гостеприимстве не сможет принять большое количество русских беженцев»⁴⁷. Один из наиболее наглядных примеров такого отношения было печально известное «дело Ефремова»⁴⁸, которое послужило поводом для публикации загребской ежедневной газетой «Ютарни лист» своих комментариев, содержащих весьма характерные представления о «них»: «“Сливки” русского общества, русская эмиграция, — сегодня, за редким исключением, лишь осадок, находящийся в стадии разложения, в котором зревают микробы всех социальных болезней: разврат с ножом и револьвером, цыганская жизнь, жажда легкой наживы, мошенничество и ефремовщина во всех ее проявлениях и обличьях»⁴⁹. Ситуация существенно не менялась и в последующие годы. В западной части государства столкновение с русскими неминуемо вызывало воспоминание о Первой мировой войне и часто приводило к конфликтам. Так, в сентябре 1928 г., во время пребывания группы казаков в Загребе дело дошло до антирусских демонстраций и серьезного инцидента: «Демонстранты орали: “Вон, русская банда”, “Вы нас уничтожали на фронте”, “Ваши штаны красны от нашей крови”. Во время этой демонстрации было ранено три казака и сам руководитель группы Павличенко»⁵⁰. А в одном сообщении о положении в Загребе в середине 1930-х годов особо под-

черкивается: «Загреб во многих отношениях отличается от других городов Югославии, и особенно это касается состава и жизни русских эмигрантов. Если в бывшей Сербии на многие поступки наших соотечественников и население, и печать, и власть имущие зачастую смотрят сквозь пальцы, то совершенно иное явление в Загребе — в столице Хорватии. Здесь каждый шаг русского на виду. Малейший промах, небольшое происшествие, ничтожный инцидент сейчас же подхватывается местной прессой, своеобразно комментируется, раздувается, преувеличивается и с заключениями, явно колющими русское самолюбие, преподносится читающей публике, увеличивая этим и без того несимпатии большинства населения ко всему русскому»⁵¹.

Похожая ситуация была и в Словении, где сам приезд русских вызывал подозрения местного населения: «В Любляне беженцам лучше жить мирно, скромно и неприметно, как можно меньше привлекать к себе внимание властей и населения...»⁵² Отношение к русским беженцам было столь враждебным, что через несколько лет, в апреле 1924 г., дошло даже до силового столкновения местного населения и эмигрантов, в котором двое русских было убито: «В воскресенье 27 числа прошлого месяца на православную Пасху группа мужчин и женщин напала в местечке Каменшчаку в районе Лютомера на двух русских, которые работали там на строительстве железной дороги. Причиной этого нападения была религиозная нетерпимость. Тамошние клерикальные агитаторы науськивают народ против православных; это отвратительное деяние стало последствием их науськиваний. Один из убитых русских просил убийц отпустить его, но в ответ получил удар ногой в голову от одной женщины, кричавшей: “Получай, проклятый русский”. Убийцы были арестованы»⁵³.

Если иметь в виду жизненный опыт русских эмигрантов, полученный в ходе приспособления к жизни в Греции и в особенности в Румынии, то он в некоторой степени отличается от подобного же опыта в Югославии и Болгарии. Применительно к Греции и в еще большей степени к Румынии лишь условно можно говорить о формировании представлений через выраженные крайности, поскольку представление о радушном приеме беженцев выражено в значительно меньшей степени, в то время как детали и подробности, свидетельствующие о нежелательности эмигрантов в новой среде, выходят на первый план. В результате создается впечатление, что русские эмигранты имели доминантно негативное представление о Греции и в особенности о Румынии.

Позитивное отношение нового окружения в Греции, отраженное в коллективных и личных воспоминаниях беженцев, имело достаточно обобщенный, но рациональный характер: «Когда беженцев везли сюда из Константинополя, предполагалось, что это отбор интеллигентных лиц, и потому Салоники встретили русских более чем радушно...»⁵⁴ Подобное этому, крайне обобщенное мнение имели в середине 1930-х годов и казаки: «В смысле гражданской свободы казаки чувствуют себя здесь хорошо; отношение к ним со стороны правительства и народа греческого совершенно корректно»⁵⁵.

В отличие от этих представлений о жизни в Греции, которые мы могли бы оценить как позитивные, негативные были полны значительно более выраженного недовольства новой средой. Крайне чувствительные в своем новом положении русские очень внимательно фиксировали каждое ухудшение отношения к себе: «Отношение правительства до сих пор было доброжелательное,

которое с совершения переворота может резко измениться. Отношение населения было довольно безразличное, но значительно ухудшилось после катастрофы в Малой Азии. Нельзя не отметить того, что греки всячески стараются эксплуатировать русских, платя им меньше за труд и нередко не оплачивают и обсчитывают, пользуясь незнанием русскими греческого языка»⁵⁶. Еще более непривлекательную картину представлений о новом окружении получили казаки, которые в начале 1920-х годов работали в Греции: «Работу казаки нашли с трудом, тяжелую, в малярийной местности, близ города Воло, на копиях. В связи с постоянными внутренними неурядицами и экономическим кризисом Греции, положение казаков уже к началу 1922 г. стало трагическим. Безработица, малярия (почти 90% казаков переболело малярией), несочувственное отношение распропагандированного местного сельского населения к “врангелевцам” — все это заставило казаков бежать из Греции в Сербию. Переходили границу пешком, нелегально. <...> Почти все бежавшие были оборваны, истощены изнурительной работой и болезнями»⁵⁷. На примере Греции можно наиболее наглядно проследить, как конкретное событие могло повлиять на представление о «них». Мы имеем в виду известную «малоазийскую катастрофу» 1922 г.: «Последние события отозвались немедленно и на нас — русских. Ухудшилось положение русских беженцев, вследствие — во-первых, сокращения спроса на труд; во-вторых, прилива большого числа демобилизованных солдат в центре, где преимущественно находили себе труд русские. Ухудшению положения беженской массы способствовало изменившееся отношение греков к русским, в связи с поражениями на фронте, симпатиями Советской России к врагу Греции и слухами об участии русских офицеров и даже целых воинских частей в составе армии Кемалея. Русским призывного возраста перестали давать визы в Константинополь. Антипатия к русским не раз выражалась угрозами толпы по адресу отдельных русских рабочих. Союз греческих профессиональных организаций, обратившийся к королю с петицией, просит, между прочим, о выселении русских из пределов Греции. Все это симптомы решительного поворота в отношении к русским, поворота, который отразится в будущем на нас еще большим ухудшением положения...»⁵⁸

И все же представления, которые сформировались у беженцев о Греции, были далеки от тех, мягко говоря, отрицательных впечатлений, которые возникли у эмигрантов о Румынии, о румынском обществе и властях. Уже первые впечатления, полученные при размещении в Румынии весной 1919 г., были крайне неприятными, даже если сравнить их с «отношением», с которым к русским подошли константинопольские торговцы: «О бригаде генерала Тимановского забыли... <...> Бригада уходила к Днестру, в Бессарабию. Шесть тысяч человек начинали свою одиссею, длившуюся месяц, в обстановке необычайных физических лишений и морального унижения со стороны французов и румын. Когда жители Бессарабии, узнав о плачевном состоянии отряда, начали подвозить к его расположению продукты, румынские власти разогнали их»⁵⁹. Похожую «встречу» менее года спустя, зимой 1919—1920 гг., румынские власти подготовили и новым несчастным, которые отправились в изгнание после поражения частей Добровольческой армии генерала А.И. Деникина: «Выходя из Одессы, мы получили от генерала Шиллинга бумагу с приказанием отступить на Овидиополь, с заверением, что переход в Румынию обеспечен. На деле оказалось совершенно иное... Румыны не только отказались разрешить какую бы

то ни было переправу на свой берег, но успели даже обстрелять артиллерией и пулеметами несчастных детей Одесского кадетского корпуса. На льду лимана, шириной около 10 верст, разыгрывались ужасные сцены»⁶⁰.

Но и после того как 1000 беженцев (из 13 тыс. человек, которым представители Антанты обещали свободный переход в Румынию) наконец-то были размещены на территории Румынии, изгнанники из России не могли ожидать лучшего приема со стороны румынских властей. И они были вынуждены «взойти на свою Голгофу», драматическое свидетельство о которой, с особым ударением на картину представлений о «другом», оставил полковник Николаенко в рапорте, написанном вскоре после переброски его людей в Болгарию: «Еще долго скитаясь, сначала по затопленным берегам Днестра, а потом по румынской стороне в Бессарабии, отдельные группы солдат и гражданских, в некоторых случаях и с семьями, подвергались большому страданиям. Сначала их грабили бандиты из местных сел и большевики из отряда Котовского. Отняли у них все, а некоторых пустили в нижнем белье. Сам переход границы представлял собой риск для жизни. В лучшем случае стреляли с противоположной стороны, а в худшем — насильно возвращали на русский берег... Кто перешел границу и удачно прорвался в Бессарабию, тот в конце концов был арестован, причем румыны отнимали все, что у них было. Потом их держали как арестованных... При грубом и дерзком отношении румынской стражи, тюремная жизнь в Аккерманском гарнизоне, вместе с пьяницами и бродягами, была невероятно тяжелой. Случалось, что разъяренные румыны отталкивали прикладами не только мужчин, но и женщин, а случалось, что в присутствии всех румынский солдат бил изо всех сил офицера по физиономии. С февраля румыны начали концентрировать всех русских, которые перешли границу, в городе Тулча... При враждебном отношении румын к русским жизнь в Тулче была тяжелой»⁶¹. Ситуация существенно не улучшилась и в последующие годы. Так, Г. Мишин, председатель союза русских студентов в Румынии, в письме, отправленном 9 февраля 1923 г. в штаб-квартиру этой организации в Праге, описал переброску группы в 35—40 человек из одного лагеря для интернированных в другой: «Конечный пункт, в день отправки и в дни нашего переезда, нам был неизвестен, и лишь на расстоянии приблизительно 100 км до цели нам стало известно, что нас отправляют в Фагараш — небольшой, провинциального типа город. Настроение среди студентов союза, и беженцев вообще, — упало, ибо всем была известна жизнь русских в Фагараше (часть русских беженцев, пожелавших, в свое время, оставить пределы Румынии, была заперта в старом замке г. Фагараша, где к ним применен был почти тюремный режим). Румынский командный состав, владеющий нашей жизнью, оставался все тот же, и было ясно, что наше положение значительно ухудшится: начнутся опять репрессии, самовластие и бесчинства капралов и сержантов, за малейшую неточность действий отдельного лица — все будут заперты в темных стенах замка, имеющего свою историю чуть ли не от 9—10 века... выйти из пределов замка совершенно невозможно... Более здоровые и жизнеспособные бежали в Бухарест, Венгрию, Болгарию, Сербию, Константинополь и Прагу, где некоторым, при содействии местных студенческих организаций, удалось поступить в высшую школу. Во время переезда в Фагараш удалось бежать двум членам союза»⁶².

Представление, которое сформировали русские об их новом окружении в Румынии, было определено той «встречей», которую им подготовили румынские власти и население по их приезде в Румынию. Однако и более поздние впечатления не способствовали резким переменам в коллективных и личных оценках, единственная разница была лишь в том, что отдельные эмигранты описывали конкретные события, в то время как представители организаций из этих событий формировали общее представление. С другой стороны, в случае с Румынией можно лишь условно говорить о формировании общих представлений на примере двух крайностей. Один из редких примеров положительной оценки представляет собой короткий текст «В Румынии», опубликованный в журнале «Зарницы» в феврале 1921 г.: «Отправленные из Константинополя в Румынию крымские беженцы поселены в окрестностях Констанцы, в курорте Текер-Гиола. Помещаются беженцы в курортных помещениях. Румынское правительство на кредиты французского выдает пищевой паек. Общее положение беженцев, попавших в Румынию, удовлетворительное. Ощущается недостаток в одежде, обуви, но на помощь приходит американский Красный крест. Общее заведование беженцами поручено румынскому военному министру, и судьбой беженцев заинтересован румынский королевский двор, особенно королева, проявляющая большую сердечность... Пока беженцы не получили свободы передвижения, но нет сомнений, что имущая часть беженцев, которая может жить на свои средства, получит возможность выехать в Бессарабию и другие районы»⁶³. Это сообщение, весьма сдержанно описывающее новое окружение («их»), можно объяснить лишь чувством удовлетворения, которое испытали беженцы, когда после всех своих великих бед и скитаний смогли наконец зажить хоть в какой-то степени мирно. Однако даже в этом описании можно найти те многочисленные ограничения, которые были выдвинуты властями при приеме беженцев.

Разнородные и многоликие, позитивные и негативные представления о «другом» были следствием ежедневных контактов эмигрантов и их нового окружения, показывая собой лишь первый, первоначальный уровень формирования представления о «другом». На втором, значительно более глубоком уровне, который влиял на формирование взаимного восприятия русских эмигрантов и балканского окружения, можно заметить знаки, которые указывают нам на существенные различия или сходства в культуре, менталитете, миропонимании, восприятии пространства и т.д.

«ПРОСТОТА, ИНТИМНОСТЬ И ФАМИЛЬЯРНОСТЬ ЗАМЕТНЫ ТУТ ПОВСЮДУ»: КОМПЛЕКСНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ДРУГОМ» — СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ В КУЛЬТУРЕ И ТРАДИЦИЯХ

Позитивные или негативные представления о «них», сформированные под влиянием конкретных событий, приема в новой среде, личных или коллективных впечатлений, содержали свидетельства о первом, начальном уровне взаимного восприятия. Хотя они и были достаточно яркими, на основании первых впечатлений все-таки сложно понять те глубокие существенные раз-

личия или сходства между «ними» и «нами», которые и составляют настоящий портрет восприятия «другого». Лишь на основании тех глубоких впечатлений, которые проистекали из совместной жизни, совместной трудовой деятельности, контактов на улице, на работе или на рынке, можно было заметить, насколько реальная жизнь отличалась от возвышенных фраз о братстве, общности, вековой дружбе и так далее, которые встречались в речах политиков или в здравицах на торжественных приемах. Реальная жизнь приводила к контактам двух во многом различных и взаимно незнакомых миров, к столкновению людей различных культур менталитетов и привычек. Это было и своеобразной встречей людей севера с природной средой юго-восточной Европы и связанным с ней бытом, который многим был незнаком и чужд, так же как и многие другие обычаи и культурные особенности новой среды. Со своей стороны балканские народы столкнулись, с людьми, у которых было другое восприятие пространства и времени, другое мировосприятие, иное отношение к детям, противоположному полу или собственному телу. Когда эмигранты и балканские общества оказались в реальном контакте, вскоре выяснилось, что у этих «других» почти все по-другому, от пространства и времени до привычек, миропонимания и культуры... Так, Суботица, в то время второй по численности населения город в Королевстве СХС, согласно восприятию русскими эмигрантами размеров и пространства, был «маленьким приграничным городком»⁶⁴. На еще более контрастное восприятие пространства указывает немного сентиментальный ответ бывшего генерал-губернатора, который в начале 1920-х годов был назначен управляющим имением «Белье». На вопрос, «как он себя у нас чувствует и не сложно ли ему управляться с большим имением», бывший генерал-губернатор «...громко рассмеялся. Какое же это большое имение, маленький садик, если его сравнить с моей бывшей губернией, которая была размером в две таких страны, как эта»⁶⁵. Это столкновение «старых» ощущений с «новым» пространством по-своему описала Е.Ж. Гильотен: «В конце ужина, после обязательных комплиментов хозяйке за обильное и вкусное угощение, которое она собственноручно приготовила, появлялась гитара. Балканские ночи такие темные, с низко опущенным небом, которое словно окутывает вас горячим плащом. И вдруг песня! Русская песня! Русской песне тесно под южным небом, ей нужно пространство, высокое небо...»⁶⁶

Удивление вызывала не только природная среда, но и климат: «Сейчас царит невыносимо жаркое для нас балканское лето»⁶⁷. В свою очередь И.А. Быкадоров, также привыкший к долгим и холодным зимам, отмечал с немалым удивлением: «...я наслаждался на теплом солнце (в Пирее в марте весна в полном расцвете)»⁶⁸. Иногда удивление эмигрантов вызывали даже блюда балканской кухни. Так, В.И. Лебедев, хороший знаток Балкан, в течение своего второго пребывания в этой стране в 1923 г. с немалым удивлением прокомментировал обычное балканское блюдо для торжественных случаев, которое приготовили хозяева: «Гостям подали поросенка, печенного на вертеле. Необычное лакомство...»⁶⁹

Но не только русские люди были удивлены жизнью в новой среде и новой средой самой по себе. В балканской среде само появление русских людей, а в особенности некоторые их поступки, демонстрировавшие абсолютно другие привычки и культурные традиции, вызывали немалое удивление. Достаточно привести лишь один из самых характерных примеров. Пресса Дубровника от-

разила удивление местного населения, которое 1 января нового 1921 г. наблюдало русских, купавшихся в море и загоравших, «словно это была весна, а не середина зимы»⁷⁰. Несколько месяцев спустя, в мае того же года, в городке Херцег-Новом появились первые нудисты. Конечно, это были русские. Местное население было крайне взволновано. Власти стали получать многочисленные жалобы на поведение приезжих, в которых подчеркивалось, что «русские эмигранты купаются полностью голыми», и в которых ради «общественной морали» требовалось от общины «издать основанное на законодательных нормах запрещение купаться без соответствующих купальных костюмов»⁷¹.

Эти примеры, немного поверхностные, но занимательные, свидетельствуют о проявлении «инакости» на бытовом уровне. Особую ценность имеют сложные представления, отражающие различия в культуре, менталитете, миропонимании и т.д., которые могут быть использованы как «зеркало, в котором можно себя узнать», и которые заставляют нас, обогатившись опытом контакта «нас» с «ними», задуматься над некоторыми относительными вопросами, о которых мы вряд ли задумались бы, не узнав мнения «чужаков». Это особенно важно, поскольку в содержании этих воззрений нет следов обычной идеализации и стереотипов, как и намеренного желания оскорбить или унижить кого-либо (скорее, наоборот). Такие комплексные представления можно условно разделить на три тематически-проблемных круга.

На первом месте представление о «провинциализме», об экономическом, урбанистическом и модернизаторском отставании Балкан по сравнению с Западной Европой и Россией начала века. Представления об отсталости Балкан, которые в принципе являются общим местом западно- и средневропейского понимания общества Востока (в который Балканы включаются), разделялись русскими беженцами. В этом шаблоне обязательно фигурируют категории «регрессивности», «традиционализма», «мистичности», в тогда как Европа всегда «прогрессивная», «модернизированная», «рациональная»...⁷² С этой точки зрения характерен стереотип об отсталости Сербии, который был распространен в интеллектуальных кругах русской эмиграции на Западе. Об этом писала З. Гиппиус: «Наша эмиграция, парижская (или “французская”) имеет достаточно твердое и старое представление о Югославии, настолько старое и устойчивое, что никто и не хочет его пересмотреть. Вот это представление, конечно же, в самом приближенном виде: полувосточная Сербия, страна на беспокойных Балканах (где всегда стреляют), Белград — что-то вроде большого села, все еще по-турецки грязный, с ленивым развитием событий (когда не стреляют) и со специфическим национализмом. Естественное убежище для <русских> монархистов...»⁷³ Но представления об отсталости не сводились лишь к стереотипам, популярным среди русских интеллигентов, живших в Западной Европе. Их, несмотря на заметные симпатии к балканским народам, подтверждают и многочисленные свидетельства тех эмигрантов, которые побывали на Балканах, в особенности в начале 1920-х годов XX в. Митрополит Евлогий, проницательный и внимательный наблюдатель, такими словами описал Белград начала 1920-х годов: «Я стал осматривать Белград. Скромные, низкие домики, плохие мостовые, мало внешней культуры и отпечаток провинциализма и Востока, но приятный и милый в своей патриархальности город. Отношение населения к нам, русским, было

трогательное. В трамвае кондуктор: “А... русс!” — и отказывается брать деньги за билет»⁷⁴.

В.И. Лебедев в своем описании Болгарии в 1923 г. привел характерное представление о причинах отсталости этого края: «Эта страна бедна культурой. Она далека от закованного в сталь фабричного Запада. Вечный разрыв между ними, трагичная череда непрерывных войн, восстаний и разрушений. Как бы тут могли возникнуть города, как тут могла развиться культура?.. Но чем слабее тут культура, тем сильнее к ней тянутся. Чем страшнее было рабство, тем сильнее проявлялся героизм. Хотя это вековое рабство и приостановило развитие культуры, оно выковало героизм этого маленького народа. Его герои романтичны и прекрасны, как и его горы, и небо. <...> Но если Болгария и бедна культурой, она богата своей плодородной нивой, своими лесами, морем и Дунаем, богата пшеницей, виноградом, вином, табаком, рисом, шелком и розами <...> Богата устойчивым, трудолюбивым, жаждущим знаний, трезвым крестьянином. Что еще надо? Есть все, что надо, чтобы выйти на широкий путь культуры. Но опасна судьба маленьких государств. Им границы узки, горизонты низки, размах ограничен. Им проще, чем большим странам, скатиться к вульгарности. Особенно здесь, на Балканах, особенно Болгарии, которая окружена со всех сторон, которая еще не проторила надежных дорог для культуры. Очень легко потерять эти дороги. Легко скатиться к старому варварству...»⁷⁵ Крайне характерный пример восприятия этих краев как чего-то отсталого можно найти в воспоминаниях Н.М. Зернова: «Первым впечатлением было отличие Белграда от только что покинутого Царьграда. Вместо крикливых и узких улиц с их шумной, яркой толпой, вместо пронзительных криков торговцев и непрерывных гудков автомобилей, вместо суеты и хаоса Востока, мы очутились в тихом, провинциальном городе, чем-то напоминавшем южную Россию. Движения было мало, улицы были широкие, застроенные одноэтажными или двухэтажными домами. Никто никуда не спешил. Я с любопытством рассматривал прохожих, хотелось разобраться в характере народа, с которым нам предстояло вместе жить. Сербь не похожи на русских. Черные волосы и смуглый цвет их продолговатых лиц напоминал Восток, но в то же время в выражении их глаз было что-то славянское, более мягкое, чем у турок или грузин»⁷⁶.

Представления об «отсталости» дополняли и свидетельства об отношении к новым техническим достижениям. Так, Лебедев описал реакцию жителей болгарской провинции в 1923 г. на «новейшее» чудо техники того времени, автомобиль, ту картину, которая была характерна для всей территории Балкан даже десятилетия спустя: «Наш автомобиль вызывает в селах невероятное внимание. Дети, а их так много в Болгарии, эти самые дети выглядывают из окон школ, бегут за нами по улицам, весело выкрикивают ласковые приветствия...»⁷⁷ Важно подчеркнуть и то, что сведения об отсталости не были согласным и неизменным представлением эмигрантов об этих краях, что и сами русские беженцы замечали перемены и развитие среды, в которой они оказались. В конце 1930-х годов В.В. Орехов описывал уже полное изменение облика: «Старый Белград исчез или исчезает на глазах его теперешних обитателей: от него кое-где уцелели покосившиеся “мазанки”, но весь он за последние годы стал большим европейским городом с многоэтажными домами, с прекрасными и заново распланированными улицами, с богатыми магазинами»⁷⁸. В то же

время местные интеллектуалы не могли не заметить, что беженцы, эти пришельцы, «чужаки» — носители другой, «более мощной» культуры. Об этом наглядно свидетельствует замечание М. Чурчина, владельца и редактора загребского журнала «Нова Европа»: «...где бы они (русские эмигранты) ни оказывались в большом количестве, они везде привносили ноту культурности и большего воспитания, так что нам действительно жалко, что по отношению к нам они держатся крайне замкнуто и без особого доверия»⁷⁹.

Во втором тематически-проблемном круге можно заметить и определенные различия в менталитете. Русские, прибыв со стороны, легко замечали характерные черты балканского менталитета. К.Н. Соколов, член деникинского «специального совета», ставший в изгнании профессором юридического факультета Софийского университета, описывая свои посещения Межсоюзнического бюро в Константинополе, где можно было получить различные визы, обратил свое внимание на различное отношение «их» и «нас» к очереди: «Бедствия начинались еще внизу. Восточная толпа не признает очередей, а рвется вперед бесформенною лавиною, и русские, большие специалисты по части всяких “хвостов”, напрасно пытались строить “в затылок” и соблюдать порядок»⁸⁰. Пытаясь разобраться в особенностях «их» менталитета, В.И. Лебедев обращал свое внимание на проявление характерных черт в экстремальных ситуациях: «Давление турецкого ига ощущалось и возвышенным и низменным, что приводило и то и другое к крайним формам выражения. Многие остатки того времени сохранились в болгарском характере — величие и предательская сущность и по сей день находятся во взаимном конфликте, уже в свободной стране. Вместе с храбростью и самопожертвованием в нем гнездится и зависть, унаследованная еще с тех времен, когда беспечный сосед-турок имел все, при этом все самое *хорошее*. Вместе с трудолюбием и свободолюбием ему присуще и насилие, которое еще недавно было единственным законом на Балканах»⁸¹. Будучи яркими представителями городской культуры, русские легко подмечали все те особенности, которые были присущи сельскому балканскому обществу, как, например, неуважение к этикету и к чужой личной жизни. Д.С. Мережковский в ходе непродолжительного пребывания в Белграде в разговоре с журналистом «Политики», опубликованном 5 октября 1928 г., подчеркнул: «Если бы мы хотели одним словом выразить отличие всего того, что мы видим в Западной Европе и здесь, то можно было бы сказать: там все сложно, тут все просто. Простота, интимность и фамильярность заметны тут везде: в разговоре, в мимике лица, выражении голоса, в том, что, например, наша старая служанка здесь хлопает меня по плечу, а Зинаиду Николаевну обнимает за талию, или в том, что неподалеку от европейских улиц, освещенных электричеством, мирные деревенские волю лежат на каменной мостовой и что-то жуют, или в том, что, например, ваших министров и знать вы называете, используя деминутивы: Миша, Веля, Воя...»⁸² Еще более живописно это выразил Ю.Л. Ракитин, описывая свое пребывание в городке Враньска Баня в 1923 г.: «Всю свою жизнь стремлюсь на Запад, а попадаю на Восток. Вот и сейчас: я не только в Сербии, но на самой границе Македонии. Прimitив жизни, обращение сказывается во всем. Никто не говорит на “вы”. В комнату входят когда и кто угодно, хорошо, если это насадка с цыплятами или индюшка; хуже — если цыганка, которая начинает шарить у вас на столе. Когда утроем вас будит около кровати непрощенная молочница, это выводит из

себя...»⁸³. А митрополит Евлогий, описывая свое посещение прихожан ново-садского протоиерея, обратил внимание на следующее: «Трудно описать гостеприимство сербских крестьян. Всюду меня упрашивали отобедать, всюду полный стол яств. Пришлось отведывать 5–7 обедов, чтобы не обидеть радушных хозяев»⁸⁴.

Наконец, русские легко замечали и внутренние балканские конфликты: «Помню, как-то раз они мне показали книжку: песенник. В ряду первая — сербский гимн. Я на нем не остановился и стал перелистывать дальше, а когда дошел до болгарского гимна “Шуми, шуми Марица...”, мне вспомнилась семинария, где мы, семинаристы, его певали, — и я его запел. Смотрю, лица моих хозяек помрачнели, и они примолкли. В чем дело? “Вы сербский гимн пропустили, а болгарский запели... Так всегда было: Болгария для русских дочь, а Сербия падчерица...”»⁸⁵.

Следующий уровень формировался на основании замеченных культурных противоположностей (несмотря на стереотипные обращения к единым культурным корням и православным культурным образцам, которые для «нас» одинаковы). Большое внимание русских людей привлекали столкновение и взаимопроникновение различных культур на этой территории. В.И. Лебедев, вспоминая свое второе пребывание в Болгарии в 1923 г., описывал характерные точки соприкосновения Востока и Балкан следующим образом: «Я опять в стране волшебных гор и лесов, голубых горных рек и фантастических ущелий, в стране роз и винограда, в мистическом преддверии Востока, где славянские песни поют на турецкий мотив»⁸⁶. А Ю.Л. Ракитин в 1925 г. заметил это же соприкосновение культур на примере Сараево: «Я стою сейчас тихой ночью перед историческим местом, “откуда все началось” — а в душе раскрывается какая-то особая психологическая археология. Шумит бесстрастно река, скользит лунный бубен по перистым облакам-барашкам над белыми минаретами, над садами, создавая чисто сказочный, восточный театральный ансамбль во вкусе наших старых художников романтиков. В “кафанах-башчах”, по ту сторону реки, далеко поют цыгане, а здесь за моей спиной, вдруг, неожиданно поднимают жалюзи, вспыхнуло электричество, засмеялись женские голоса и кто-то забарабанил модный fox-trot. Две культуры, Азия и Европа, связаны этим “мостом вздохов”»⁸⁷.

Однако, вероятно, самые важные отличия замечались в рамках общих культурных стереотипов. Так, целый ряд воспоминаний эмигрантов о религиозных обычаях на Балканах в некоторой степени бросает тень на наши распространённые, питающие русофильство стереотипы о православии как общем знаменателе сербов или болгар и русских, согласно которым балканские народы и русские имеют не только единое православное вероисповедание, но и одинаковый подход к вере, и практику религиозной жизни. В связи с этим митрополит Евлогий замечал: «Адвокат, человек верующий, как и многие сербы, в церковь ходил редко. <...> В сербских храмах народу обычно мало, но свою православную веру они любят и крепко ее держатся»⁸⁸. Таким же важным в данном аспекте выглядит его замечание о женском монашестве в Сербии: «Прибытие Леснинского монастыря имело для Сербии большое значение. Дело в том, что сербское женское монашество уже давно умерло. За последние века в Сербии не было ни одного женского монастыря, и сербы стали считать это вполне нормальным явлением. “Наши сербские женщины

неспособны к монашеству”, — говорили мне некоторые сербы из мирян. Действительность это суждение опровергла, монашество возникло вновь, лишь только появились женщины, способные к организации монастырей. <...> <С тех пор> женское монашество перекинулось в другие епархии — словом, погибшее в Сербии женское монашество ожило»⁸⁹. Свое впечатление о различиях в религиозной жизни выразила и З.Н. Гиппиус: «Сербское православие не совсем российское православие. Ниже или выше, хуже или лучше, — другой вопрос, но не такое: более бытовое и народное, более простое, а главное, — более веселое»⁹⁰.

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что представления, сформированные русскими о Балканах, были неоднородными и не односторонними, как, впрочем, и представления, сформированные в балканском обществе о русских. Образы «других/их» (с обеих сторон) были крайне сложными, противоречивыми и богатыми. В них мы можем распознать не только отражение реальной жизни в новой среде, со своими правилами и ритмом, но и эмоциональные реакции чувствительных людей, вынужденных жить в изгнании. В этих представлениях, иногда более критичных, чем реальная картина происходившего, чувствовалось как глубокое и утонченное восприятие повседневных событий, так и различия в менталитете и привычках. Поэтому в них и не было места для одностороннего черно-белого видения «их» как идеально добрых или абсолютно злых.

Эти конкретные представления о «них», проистекавшие из ежедневной совместной жизни, доказывают, что универсальная проблема формирования повседневного отношения к «другому» была постоянна лишь в своей постоянной переменчивости. Представления о «другом» отличались даже в рамках одного и того же общества, между людьми, принадлежавшими к разным поколениям: «Отношение к русским со стороны местных властей и населения <в Казанлыке>, можно назвать средним, но старшее поколение относится к русским лучше, чем молодое, и даже с благосклонностью»⁹¹. Еще более радикально менялся оттенок и содержание этих представлений в зависимости от принадлежности к различным социальным слоям. На этот феномен обращал свое внимание в 1921 г. еще С.Н. Палеолог, правительственный уполномоченный по делам русских беженцев в своем секретном докладе генералу А.С. Лукомскому: «Вне всякого упрека к нам относятся: высшее Правительство, духовенство, высшие классы интеллигенции и офицерства. Все они отлично понимают роль России для Сербии в прошлом и в будущем; в поддержке русских беженцев чувствуют свой долг... Средний класс: городские жители и торговцы совершенно равнодушны к русским, смотрят на нас, как на элемент, подлежащий эксплуатации, дерут с нас три шкуры (в особенности за комнаты) и всегда стараются заговорить на тему о том, что сербы дают русским три миллиона. Чувства симпатии... явление почти исключительное. Селяки, с которыми нам мало приходится иметь дела, относятся к нам добродушно, но с искренним недоумением и постоянно спрашивают: “За што смо допутовали из Росии”»⁹². На то, что речь шла не о случайности, а о специфическом общественном феномене, указывает и следующее замечание о положении казаков в Болгарии: «Отношение населения к казакам, по приезде их в Болгарию, было, вообще, хорошее, и в деревне — лучшее, чем в городе, а со стороны сельского населения — лучшее, чем со стороны рабочих. Официальные лица от-

носились доброжелательно. <...> В городах партийная интеллигенция относилась к казакам сдержанно»⁹³. Неодинаковое отношение различных социальных слоев по отношению к беженцам углубилось во время экономического кризиса в Болгарии в середине 1930-х годов: «В моральном отношении в Болгарии гораздо лучше, чем в других странах. Отношение болгарской администрации, особенно военной, очень хорошее, отношение интеллигенции и работодателей весьма доброжелательное, и только со стороны рабочих болгар и македонцев и профессиональных организаций, с которыми приходится конкурировать в работе, отношение недоброжелательное, а иногда даже враждебное»⁹⁴.

Такие детализированные представления полностью раскрывают механизм формирования образа «другого». Социальные элиты, уверенные в своем положении и привилегиях, могли допустить создание идеализированных представлений о «них», которые имели мало общего с реальностями совместной жизни (и куда больше — с общепринятыми стереотипами). С другой стороны, реальный контакт нового окружения и эмигрантов неизбежно приводил к созданию представлений о «них», основанных на своих собственных интересах. Поэтому вполне логично и то, что представители среднего класса, рабочие и т.п., были взволнованы появлением в своем окружении «тех», русских, отлично образованных и профессионально подготовленных, бывших благодаря этому серьезными конкурентами в условиях, где получить работу было тяжело, а трудоустройство ненадежно. Отсюда следовали и полные недоверчивости и неприязни представления об эмигрантах и соответствующее к ним отношение. Наконец, крестьяне, в отличие от членов элиты, имели реальное впечатление о тяжелой доле живущих рядом с ними эмигрантов, но при этом не воспринимали беженцев как конкурентов из-за их образованности и профессиональной связанности с городской жизнью, как это делали представители среднего класса в городах. Поэтому картина представлений, возникавшая у жителей села, не была идеализированной, а лишь отражала существовавшую реальность, где они могли без помех, совершенно открыто выразить свои симпатии к эмигрантам.

После первого шока и удивления, вызванного культурным контактом эмигрантов с новым социальным окружением, а балканского общества — с представителями другой, во многом более развитой культуры, последовало приспособление к совместной жизни. Нужно было привыкнуть к «тем государствам, размером как моя губерния», и «маленьким пограничным городкам», адаптироваться к «весне в марте» и «низкому южному небу», интегрироваться в общество, где «переплетался Восток и Запад». Но и местным жителям нужно было признать и принять тех людей, которые посреди патриархального балканского общества «купались в море посреди зимы», иногда и «без соответствующих купальных костюмов», которые даже «целовали женщинам руки» и «дарили цветы», которые постоянно «пили чай»...

Столкновение с «другим» представляло лишь часть пережитого эмигрантами комплексного опыта, связанного как с адаптацией, интеграцией, аккультурацией, денационализацией и ассимиляцией, так и с уникальным, спе-

цифическим феноменом — с идеей Зарубежной России, которой в значительной мере была подчинена организация общественной жизни русских людей в изгнании.

¹ Об этом подробнее см.: *Јовановић М.* Слика «другог»: Руске избеглице у земљама Балкана (1920—1940) // *Годишњак за друштвену историју*. Београд, 1998. Г. 5. Св. С. 33—65.

² *Gurvitch G.* Sociologija. Т. 1. S. 185.

³ *Ibid.* S. 188.

⁴ Цит. по: *Дресел Г.* Историческа антропологија. Въведение. Благоевград, б.г. С. 85.

⁵ *Там же*. С. 86.

⁶ *Дресел Г.* Историческа антропологија. С. 61.

⁷ Стенографске белешке Народне скупштине Краљевине СХС: Редован сазив за 1921/22 годину. Од 1 претходног до 38 редовног састанка. Београд, 1922. С. 204.

⁸ *Јовановић Љ.* Руси у нас. С. 33.

⁹ *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България между двете световни войни // Военноисторически сборник. София, 1994. № 1. С. 58.

¹⁰ *Кошутић Р.* Извештај о ревизији руских кадетских корпуса који је поднео господину министру просвете министарски изасланик, професор Београдског универзитета, Радован Кошутић // Просветни гласник. Београд, 1922. Књ. 1. Св. 7/8. С. 165.

¹¹ *Даватц В.Х.* Годы... С. 161—162.

¹² Казаки за границей. Март 1932 — март 1933, София, 1933. С. 83.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 2.

¹⁴ *Даватц В.Х.* Годы... С. 147.

¹⁵ Казаки за границей. 1921—1925. София, 1925. С. 2.

¹⁶ Цит. по: *Паунковић З.* Одејци боравка Мерешковског, Зинаиде Хипијус, Куприна, Чирикова и Зајцева на конгресу писача 1928 године у београдској и загребачкој штампарији // Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Београд, 1994. Т. 2. С. 35.

¹⁷ За рубежом... С. 13.

¹⁸ Цит. по: *Арсеньев А.* Ракитин међу руским емигрантима. С. 249.

¹⁹ *Бальмонт К.* Слава славянам // *Славянский глас*. София, 1926. Кн. 1/2 (цит. по: *Горьков А.Н.* Из забытых «мелочей» журнала «Славянский глас» (1919—1933) // *Славяноведение*. М., 1994. № 4. С. 64).

²⁰ Русско-болгарский культурно-благотворительный комитет 1920—1925. С. 4.

²¹ *Беловидов П.* О начале гимназии // *Русско-сербская гимназия: Памятка*. Белград 1920—1944. N. Y., 1986. С. 20.

²² *Osnivanje jugoslovensko-ruske lige* // *Jugoslovenska pošta*. Sarajevo, 1931. 1 decembar // *AJ. ЦПБ*. 38. Ф. 882.

²³ *Ратиев А.Л.* То, что сохранила мне память. С. 436. Почти тот же эпизод с кольцом описывает в своих воспоминаниях Э.Н. Гиацингов: «После восьми дней нашего плавания в направлении Константинополя, уже поднявши французские флаги на судах, мы прибыли в Константинополь. Пароходы наши все были тотчас окружены шлопками, в которых находились спекулянты всех наций. Опускали на веревке, например, обручальное золотое кольцо, и взамен этого лодочник поднимал на пароход простую булку. Это шел совершенно откровенный и ничем не прикрытый грабеж изголодавшихся людей, измученных отступлением и плаванием по морю» (*Гиацингов Э.Н.* Записки белого офицера. СПб., 1992. С. 84). Остается неясно, идет ли в этом случае речь о совпадении и свидетельствах двух очевидцев одного и того же события, или это стереотип, блуждающий сюжет о том, как встречали русских беженцев константинопольские торговцы. Наш вывод о том, что подобный негативный стереотип существовал, подкрепляют другие свидетельства. Так, И.А. Быкадоров в своих рукописных мемуарах оставил почти идентичную негативную характеристику «другого»: «В Константинополе, пока корабль ждал указаний, куда ему плыть дальше, я лишился всего бывшего при мне имущества, а именно: пятнадцать серебряных (старых) копеек, за которые мне купили и принесли апельсин. У меня было еще четырнадцать бумажных рублей, на них в то время в России можно было купить полкилограмма хлеба, но рубли я, естественно, использовать не мог, потому что турецкие торговцы принимали только «конвертируемую валюту» — серебро, золото и т.д.» (*Быкадоров И.А.* Воспоминания (рукопись; коллекция А.Б. Арсеньева).

- ²⁴ Даватц В.Х. Галлиполи. С. 92.
- ²⁵ Казаки за границей 1921–1925. С. 4.
- ²⁶ Там же. С. 7.
- ²⁷ Бобчев С.С. Ние и руското бежанче // Бежанче. София. 1921. № 1 <единственный>. С. 3 // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 134. Л. 2.
- ²⁸ Казаки за границей. Апрель — июнь 1928. София, 1928. С. 56.
- ²⁹ О русской школе // Возрождение. Париж, 1926. 4 января. № 216. Подп.: Зарубежник.
- ³⁰ А.Б. Русский сокол в Софии // Сокольская газета. Вране, 1937. Июнь — июль. № 34/35. С. 8.
- ³¹ ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 9–11.
- ³² Беженские осложнения в Болгарии // Там же. Л. 8.
- ³³ Казаки за границей. Март 1933 — март 1934. София, 1934. С. 6.
- ³⁴ Hoover. Paleologue. 003.5.
- ³⁵ Гильотен Ж. Две моје домовине. С. 59–60.
- ³⁶ Казаки за границей. 1921–1925. С. 14.
- ³⁷ Орехов В.В. Несколько предварительных слов // Часовой. Bruxelles, 1939. 5 июня. № 236/237. С. 25.
- ³⁸ Staatsarchiv — Wien. Archiv der Republick. AA. Botschaft Belgrad. 1922–1925. 2. Politische Berichte 1925. Z. 4. Pol. 1925.
- ³⁹ Halafoff I.V. An autobiographical sketch. P. 19–20.
- ⁴⁰ Эрцегнови // Вестник Главного правления Общества галлиполийцев. Белград, 1924. С. 137.
- ⁴¹ Филиппов А. Русские в Сербии // Общее дело. Paris, 1921. 6 марта. № 234. С. 3.
- ⁴² Рыбинский Н.З. Выставка русских художников в Белграде // Россия и славянство. Париж, 1930. 15 марта (АЖ. ЦПБ. 38. Ф. 882).
- ⁴³ Шмелев И.С. Событие // Собр. соч. М., 1999. Т. 7. С. 419.
- ⁴⁴ Кошутий Р. Извештај о ревизији руских кадетских корпуса... С. 164, 165.
- ⁴⁵ Полчанинов Р.В. Собрано в Сараеве // Новое русское слово. N. Y., 1986. 8 марта. С. 7; Так же обстояли дела и в Апатине: «В городе еще ощущался дух старой Австрии, и власти принуждали владельцев домов принять нас у себя» (Кисловский С.А. Воспоминания (рукопись), (собрание семьи Кисловских).
- ⁴⁶ Полчанинов Р.В. Русские в Сараеве // Кадетская переключка. N. Y., 1984. № 36. С. 115.
- ⁴⁷ Ruski izbjeglice // Narodna svijest. Dubrovnik, 1921. 19 siječ. Br. 3. S. 3.
- ⁴⁸ Летом 1925 г. было установлено, что В. Ефремов, русский эмигрант, работавший во время Гражданской войны врачом по контракту в Добровольческой армии генерала Деникина, совершил мошенничество, когда в 1922 г. был принят ассистентом на медицинский факультет Загребского университета (на самом деле он не закончил университета в России). Из-за этого Ефремов был осужден на два года строгого тюремного заключения с обязанностью возмещения факультету выплаченной зарплаты и судебных издержек.
- ⁴⁹ Цит. по: Jelabić A. Slučaj Jefremov i ruska emigracija u Jugoslaviji // Nova Evropa. Zagreb, 1925. 21 kolov. Knj. 12. Sv. 6. S. 165. Эта статья А. Елачича посвящена целой ситуации и представляет собой попытку автора аргументированно опровергнуть кампанию, развернутую в то время в печати, в которой создавался обобщенно негативный образ всех русских эмигрантов.
- ⁵⁰ Време. Београд, 1928. 18 септ.
- ⁵¹ Макшеев Н.Н. Русская эмиграция в г. Загребе (рукопись; подп.: Эмигрант). (Руска емиграција у Југославији, регистратор 4 — Библиотека Института за савремену историју, Београд).
- ⁵² П.С. Лопухин — С.Н. Палеологу, 20 сентября 1920 г. // Hoover. Paleologue. 17.32.
- ⁵³ Ubijeno dva Rusa u Ljutomeru // Riječ. Zagreb, 1924. № 104 (Hoover. Paleologue. 22.38).
- ⁵⁴ В Салониках. С. 13.
- ⁵⁵ Казаки за границей. Март 1933 — март 1934. С. 102.
- ⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-5780. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 22.
- ⁵⁷ Казаки за границей. 1921–1925. С. 22.
- ⁵⁸ А.К. Русские в Греции // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 134. Л. 4.
- ⁵⁹ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Кн. 3. С. 416–417.
- ⁶⁰ Одинец Д.М. Письмо от 2 июня 1920 г. Цит. по: Косик В.И. Из истории начала российской эмиграции. С. 4–5.

- ⁶¹ Николаенко — рапорт начальнику русского гарнизона г. Варны, 29 мая 1920 г. // ГАРФ. Ф. Р-5802. Оп. 1. Ед. хр. 1545. Л. 2–3; То же в: Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Т. 1. Кн. 1. С. 58–68.
- ⁶² ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 370. Л. 4–5 об.
- ⁶³ В Румынии. С. 13.
- ⁶⁴ *Эристова Е. С.* Воспоминания (рукопись). (Коллекция А.Б. Арсеньева).
- ⁶⁵ *Медаковић Д.* Ерhemeris: Хроника једне породице. Београд, 1991. Књ. 1. С. 258.
- ⁶⁶ *Гильотен Ж.* Две моје домовине. С. 65–66.
- ⁶⁷ *Там же.* С. 69.
- ⁶⁸ *Быкадоров И.А.* Воспоминания (рукопись). (Коллекция А.Б. Арсеньева).
- ⁶⁹ *Лебедев В.* У земљи ружа и крви. С предговором Косте Тодорова. Београд, 1934. С. 36.
- ⁷⁰ Narodna svijest. Dubrovnik, 1921. 5 siječ.
- ⁷¹ Архив Херцег Новог. Општина Херцегновска. 261.349.
- ⁷² *Ристовић М.* «Слика непријатеља»: Српске теме у берлинском сатиричном часопису «Kladderadatsch» 1914–1915 године // Годишњак за друштвену историју. Београд, 1996. Књ. 3. Св. 1/2. С. 26.
- ⁷³ *Гиппиус З.Н.* Письмо о Югославии // АСАНУ. 14386. 2541.
- ⁷⁴ *Евлогий, митроп.* Путь моей жизни... С. 332.
- ⁷⁵ *Лебедев В.* У земљи ружа и крви. С. 55–56.
- ⁷⁶ За рубежом... С. 14.
- ⁷⁷ *Лебедев В.* У земљи ружа и крви. С. 37.
- ⁷⁸ *Орехов В.В.* Несколько предварительных слов. С. 7.
- ⁷⁹ <určín>. Ruski emigranti // Nova Evropa. Zagreb, 1925. Knj. 21. Sv. 6. S. 163.
- ⁸⁰ *Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина. С. 270.
- ⁸¹ *Лебедев В.* У земљи ружа и крви. С. 50.
- ⁸² Цит. по: *Паунковић З.* Одједи боравка Мерешковског, Зинаиде Хиппијус, Куприна, Чирикова и Зајцева... С. 33–34.
- ⁸³ *Арсенев А.* Ракитин међу руским емигрантима. С. 252.
- ⁸⁴ *Евлогий, митроп.* Путь моей жизни... С. 335.
- ⁸⁵ *Там же.* С. 333.
- ⁸⁶ *Лебедев В.* У земљи ружа и крви. С. 1.
- ⁸⁷ *Арсенев А.* Ракитин међу руским емигрантима. С. 252.
- ⁸⁸ *Евлогий, митроп.* Путь моей жизни... С. 334.
- ⁸⁹ *Там же.* С. 339–340.
- ⁹⁰ *Гиппиус З.Н.* Письмо о Югославии // АСАНУ. 14386. 2541.
- ⁹¹ Казаки за границей. Март 1933 — март 1934. С. 43.
- ⁹² С.Н. Палеолог — А.С. Лукомскому, 3 сентября 1921 г. // Hoover. Paleologue. 018.30. Приведено с сохранением особенностей орфографии и пунктуации С.Н. Палеолога. «Зашто смо допутовали из Русије» (искаж. серб.) — «Почему мы приехали из России» (примеч. пер.).
- ⁹³ Казаки за границей. 1921–1925. София, 1925. С. 7.
- ⁹⁴ Казаки за границей. Апрель — июнь 1928. С. 44.

СТОЛКНОВЕНИЕ С ОКРУЖЕНИЕМ: АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ

Редкие современники, которые имели возможность в деталях познакомиться с привычками и идеалами русских изгнанников, могли прийти к выводу, что жизнь русских эмигрантов проходила в двух мирах, которые словно не соприкасались, не влияли друг на друга. Русские изгнанники существовали в реальной, хмурой эмигрантской повседневности, в которой они сталкивались с новым окружением, искали и находили адекватное или чаще неадекватное место работы, чтобы выжить и прокормить свои семьи, пытались привыкнуть к новой среде, найти в ней свое место и начать какую-то новую жизнь, проживали в общежитиях, лагерях и снятых комнатках, переживали разочарования и приятное удивление, иногда были рассержены или шокированы. А с другой стороны, будучи убежденными в «миссии» русской эмиграции, они интенсивно существовали в своем эмигрантском мире, своей Зарубежной России. Они оказывались в том мире, таком близком и понятном, в котором каждый имел свое место, свое значение и социальную роль, в котором они мечтали о возврате на родину, а также продолжали свои старые ссоры и споры о том, «кто виноват», в котором, как писала И. Грицкат, можно было ясно увидеть «тот русский, обособленный и глубоко чувствительный мирок посреди моего родного Белграда, сохранение неприкосновенной и консервативной русской атмосферы во всем: в самоварах, в царских портретах на стене, жалобах на свое прозябание. Будто бы тут, в Сербии и вперемежку с сербами, сербскими учреждениями и канцеляриями, в домах с многочисленными сербскими квартирами блестели кусочки откуда-то принесенного и разбитого зеркала»¹. Они жили в этом мире и любым путем стремились его сохранить и защитить, так как он приносил им ощущение потерянного дома и надежду на возвращение на покинутую родину. Этот мир, хотя и воображаемый, идеализированный и защищенный в своей недостижимости, конечно же, не был идеальным. Но и таким, каким он был, он давал эмигрантам возможность сохранить, обновить или создать ряд организаций и институтов, которые имели ясно выраженный русский характер, давал возможность и далее сохранять часть своих привычек и обычаев, принесенных из далекой России, сохранить крепкие духовные связи с покинутой (и до неузнаваемости изменившейся) родиной. Все эти факторы, в большей или меньшей степени, влияли на интеграцию первого и второго поколения русской эмиграции в балканское общество.

ОБЩИЕ РАМКИ ИНТЕГРАЦИИ

Две объединяющие идеи делали русскую эмиграцию непохожей на другие, аналогичные исторические феномены. Первая идея, скорого возврата на родину, со временем (когда планировавшиеся «весенние наступления» против большевиков одно за другим терпели поражения, и становилось все более ясно, что возвращение на Родину в ближайшее время неосуществимо) перерос-

ла во вторую идею, о «*миссии*» русской эмиграции — о борьбе против большевиков и сохранении дореволюционных социальных и культурных ценностей и о Зарубежной России, т.е. о единстве эмигрантского мира и специфическом «обществе в изгнании»². Эти идеи давали возможность сохранить и укрепить в изгнании культурную идентичность, а мечтами о некоей миссии задавали какие-то более или менее реальные рамки, т.е. придавали внутренний смысл миру эмигрантов, определяли деятельность русских общественных институтов в изгнании, решающим образом формировали характер и интенсивность интеграции и адаптации эмигрантов в новой среде.

Сам процесс интеграции эмигрантов в балканское общество имел три ярко выраженные особенности: широкое распространение идеи о «*миссии*» и Зарубежной России среди эмигрантов сильно затрудняло процесс приспособления к жизни в новой среде, а в особенности мешало процессу ускоренной ассимиляции; другой характерный момент — необычная встреча эмигрантской группы высокого культурного уровня и преобладающего балканского окружения низкого культурного уровня — несомненно, повлиял не только на группу, но, что было крайне необычно, и на само окружение, меняя, расширяя и развивая некоторые из местных доминантных культурных образцов и стандартов; наконец, жизнь в изгнании естественным образом привела к известным преобразованиям и изменениям в функционировании русских организаций (школ, социальных, гуманитарных и благотворительных организаций, как, например, Красный Крест, Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов, церковь и армия, преобразованная в РОВС), но, хотя эти перемены и имели практическую, повседневную значимость, поскольку проводились с целью помощи и облегчения положения беженцев в новой среде (как, например, открытие Бюро труда Всероссийского земского союза) — в целом, как это ни парадоксально, деятельность русских эмигрантских организаций не была направлена на успешный результат в новой среде и приспособление людей к условиям жизни в изгнании, а, напротив, свою первичную цель видела в идее необходимости подготовки людей к планировавшемуся (ожидаемому и желанному) «скорому» возвращению на родину, т.е. к намеченным (воображаемым) задачам и обязанностям, которые их там ожидали. В соответствии с этой основной идеей свою деятельность в изгнании осуществляли почти все эмигрантские организации: и школа, и армия, и церковь, и печать...

Лишь имея в виду все эти аспекты, а также специфику внутренней структуры и механизмов внутренних связей и деятельности в русской эмигрантской группе, можно понять все парадоксы и особенности исключительно сложного процесса адаптации и интеграции беженцев в балканское общество.

Интеграцию беженцев в новое общество решающим образом определяли два фактора: общие социальные рамки интеграции и события, оказывающие прямое влияние на характер и интенсивность адаптации³.

Если изначально принять теоретическое предположение о процессе интеграции как о многоступенчатом феномене, внутри которого можно выделить три уровня⁴, тогда пребывание русских беженцев на Балканах и их интеграцию можно рассматривать в трехфазовой временной перспективе: приспособление, или адаптация, т.е. взаимное знакомство и привыкание эмигрантов и их обществ друг к другу, что происходило в начале 1920-х годов; «культурный

контакт», или, другими словами, аккультурация или аккомодация⁵, — специфическое столкновение и соизмерение эмигрантских и балканских ценностей и поведения, которое происходило в различных балканских государствах (Югославии, Болгарии и в некоторой степени в Греции) на протяжении всего межвоенного периода; и, наконец, ассимиляция, или денационализация, т.е. полное растворение переселенцев в новом социальном окружении, в межвоенном периоде характерное для жизни эмигрантов в Румынии и Турции, а в остальных государствах — лишь после Второй мировой войны.

Два психосоциальных фактора: то, что эмигранты не целенаправленно и не запланированно прибыли на Балканы и не с сознательным желанием поселиться здесь более или менее постоянно, а с надеждой и настроением на скорый возврат домой... Потому эмигранты и были готовы быстро и легко покинуть государства, где проживали. Все это обусловило неравномерность интеграции русских на Балканах. А иногда это прорывалось сознательным или неосознанным нежеланием эмигрантов полностью — либо вообще — интегрироваться в новую среду. Это нежелание, прямо или косвенно, приводило к усиленному оттоку эмигрантов с Балкан⁶.

На характер и интенсивность интеграции, на готовность эмигрантов адаптироваться к жизни в новой среде и на готовность нового социального окружения интегрировать эмигрантов решающим образом влияли три фактора: государственная политика балканских государств по отношению к беженцам и их интеграции; субъективное восприятие изгнанников и их самоидентификация в новых условиях; идеи, которые давали характер и внутренний смысл миру изгнанников — идея «миссии» (которой предшествовала идея скорого возвращения) и идея Зарубежной России.

КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

Балканские государства продемонстрировали два разных подхода к вопросу об адаптации русских беженцев. Интеграцию русских беженцев в Югославии и Болгарии характеризовала толерантность к различным культурным образцам и правилам поведения, которые даже поддерживались и сохранялись в этих государствах. В этом смысле можно утверждать, что официальная политика в Югославии и Болгарии по отношению к русским беженцам в некоторой степени имела тенденцию к своего рода «культурному плюрализму». Правда, акклиматизация эмигрантов в этих государствах иногда сопровождалась и характерным провинциальным злорадством по отношению к «ним» и к «новинкам», которые они с собой принесли. И тем не менее сам факт, что с 1922 г. свыше 80% от общего числа русских эмигрантов на Балканах проживали именно в Югославии и Болгарии, косвенно свидетельствует о благосклонном отношении, которое демонстрировали местные власти в ходе адаптации эмигрантов. Характерное описание этого отношения находим у одного из современников: «В Сербии русские живут и хорошо, и плохо, и на уровне своих возможностей, и ниже его, порой нечисто и комично, бедно и убого. Но им в этой стране все-таки досталось меньше всего унижений. Тут почти и нет той

кабацкой распоясанности и слезливости, какую мы достаточно часто можем встретить там, у парижских шоферов или нью-йоркских ночных сторожей»⁷.

В противоположность этому государственная политика в Румынии и Турции, связанная с адаптацией там русских беженцев (в особенности после 1924 г., когда оккупационный корпус Антанты покинул Константинополь), была крепко связана с идеей ассимиляции, понятой как полное принятие эмигрантами культурных образцов и правил поведения.

Эмигранты в первые годы своего изгнания оценивали отношение румынских властей к русским как «крайне шовинистическое и злобно русофобское, что, в связи с исключительно низким моральным уровнем румынской администрации вообще, создавало совершенно невыносимые условия существования для русских»⁸. А турецкое правительство в середине 1920-х годов заняло крайне жесткую позицию по вопросу русских эмигрантов, которую не могло смягчить даже вмешательство представителей Лиги Наций. Это мнение выразили в беседе со специальным уполномоченным Лиги Наций, Шарпантье, Рюштю-бей и Джемил-бей, турецкие министры иностранных и внутренних дел соответственно. Согласно их заявлениям правительство в Анкаре окончательно решило позволить русским эмигрантам пользоваться статусом политических эмигрантов лишь до августа 1927 г., а после этого они должны либо перейти в турецкое гражданство (с тем что в этом случае они не могли бы рассчитывать на права большие, чем турецкие христиане), либо покинуть Турцию и вернуться в Советскую Россию⁹. Сами эмигранты, сравнивая ситуацию в Турции с положением в Болгарии, ощущали полную невозможность «пустить корни» на турецкой почве, что они описали следующим образом: «Первым впечатлением было отличие Белграда от только что покинутого Цареграда <...> Новая страна была менее красочна, чем Турция, но здесь был мир, более понятный нам. Тут, думалось мне, мы сможем начать строить жизнь, в Константинополе мы, как и другие русские, чувствовали себя, как на бивуаке, у нас не было и не могло быть там корней»¹⁰.

Отношение правительства к интеграции беженцев, наряду с остальными причинами, способствовало тому, что число эмигрантов в Румынии и Турции с начала 1920-х годов резко сократилось, так что в 1930-х годах в каждой из этих стран оставалось чуть больше тысячи беженцев.

В Греции ситуация была особая. Государственная политика по отношению к русским беженцам не была направлена на насильственную и всеохватывающую ассимиляцию, как это было в Румынии и Турции, русским эмигрантам с юридической точки зрения было крайне сложно получить греческое гражданство (что объяснялось опасностью создания прецедента, которым бы могли воспользоваться турецкие и армянские беженцы, чего греческое правительство стремилось избежать¹¹). Но, с другой стороны, не было и ситуации сколь бы то ни было значительного «культурного плюрализма», как это наблюдалось в Югославии и Болгарии, что можно частично объяснить и государственной политикой, проводившейся по этому поводу, и несхожестью русского и греческого языков, и сравнительно небольшим количеством эмигрантов, которые искали приюта в Греции (чуть более 2 тыс.).

КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ: САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ

Отношение балканских государств к интеграции беженцев представляло собой внешние рамки процесса адаптации, направлявшие его, если речь идет о Югославии и Болгарии, к созданию возможностей для широкого самовыражения национальной и культурной самобытности беженцев, или, в случае Румынии и Турции, к созданию условий для угасания этих проявлений в среде эмигрантов и их скорейшей ассимиляции. В то же время субъективное восприятие новой жизненной среды, в которой они оказались, определяло характер адаптации беженцев, прежде всего путем сильно выраженного желания эмигрантов и на чужбине сохранить национальную самобытность, сознательное стремление сберечь, поддержать и развивать русскую культуру и русский язык¹².

Ярко выраженное стремление сохранить национальную и культурную идентичность приводило в повседневной жизни, на уровне показном и декларативном, т.е. легко заметном, к специфическому поведению, которое выражалось прежде всего в том, что русские эмигранты в огромном большинстве (особенно в начале 1920-х годов) стремились стать реально необходимыми членами не местного, балканского общества, а, наоборот — какого-то будущего, воображаемого русского общества (по возвращении на родину) или в рамках Зарубежной России, общности, которая в то время символизировала столь желанный возврат в отечество и одновременно связь с русским прошлым. Такую позицию можно было заметить как в речах самых выдающихся представителей эмигрантского общества, так и в ежедневном поведении обычных людей. Так, некоторые эмигранты, бывшие военные, не желали расставаться с формой и заменять ее гражданским платьем, носили ее как ежедневную одежду на улицах балканских городов почти до последнего дня, например, генералы Шпаковский, Г.А. Дубяго и Сперанский в городке Великом Бечкерек¹³, или генерал В.А. Ирманов, герой Русско-японской войны, который в Нови-Саде даже за водой на ближайшую колонку ходил в форме генерала от кавалерии и в казачьей фуражке¹⁴, или преподаватели Инженерной николаевской школы в Софии¹⁵. Другие, более молодые эмигранты, как, например, В. Громыко в Апатине, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к миру белых русских эмигрантов, были готовы отдать все свое первое жалованье за первоклассное английское сукно, для того чтобы сшить из него парадную черную форму Марковского полка с белыми галунами, в которой затем по воскресеньям с гордостью прогуливались по городу (выражая таким образом свою приверженность к группе)¹⁶. На эту символику старой русской униформы, которую можно было нередко увидеть на Балканах, обращали внимание даже русские эмигранты, прибывавшие из других европейских стран в Сербию, как, например, Н. Волковский, корреспондент рижской газеты «Сегодня», приехавший на съезд русских писателей и журналистов в 1928 г.: «На станции Нови-Сад — точно из гроба вставший живой образ далекого-далекого прошлого: генерал в русской форме с двумя Георгиями. Здесь, в Югославии, еще многие русские военные сохранили свою старую форму. Вообще положение русских здесь настолько отличается от их правового положения в

остальной Европе, что попадаешь точно в иной мир»¹⁷. Разумеется, ношение старой военной формы в первые годы в изгнании могло быть и следствием бедности, поскольку люди просто не имели денег для обновления гардероба, но в то же время форма была символом связи с изгнанной армией и через нее символом надежды и веры в будущее — и скорое — возвращение на родину.

С этой точки зрения даже конфликт, возникший между старыми и молодыми, т.е. между первым и вторым поколением эмигрантов, по поводу несогласия в планах и концепциях будущего, по поводу отношения к СССР и жизни в изгнании, имел сильный символический оттенок, который свидетельствовал о субъективном восприятии и себя, и своего положения, и роли в изгнании, и отношения к родине. Один из свидетелей и участников этого конфликта, выпускник Крымского кадетского корпуса в городе Белой Церкви Н.В. Козьякин, так вспоминал об этом: «В наследство от предыдущего поколения мы получили абстрактную любовь к уходящей в туман времени России, почти без всякой практической возможности служить ей и жить для нее и очень не абстрактное недоумение, почему наша жизнь сломалась, не успев расцвести. Старшее поколение в своем разочаровании все глубже и глубже уходило во взаимные обвинения в совершенных и кажущихся ошибках, что, конечно, не могло привлечь нас к ним. Их взаимные нападки звучали для нас как самооправдание, а не как призыв к служению и будущему строительству. Тот факт, что ни одно из политических направлений прошлого не выдержало практического испытания, также располагал нас к осторожности. Старые политические партии не имели пополнения»¹⁸.

Самоидентификация эмигрантов с желаемым русским обществом, к которому они стремились, а не с балканским окружением, в котором они проживали, была легко заметна и узнаваема у первого поколения эмигрантов почти в каждом жесте, в поведении, символике, атмосфере, привычках и представлениях о возвышенной цели, к которой они стремились. То же чувство настойчиво вырабатывали и у второго поколения, получавшего в изгнании образование в русских школах, где сознательно культивировали специфическую русскую атмосферу и «ощущение» России: «На уроках русского языка, русской истории и географии учащимся давалось возможно широкое представление о России, ее прошлом и настоящем. Иногда устраивались беседы и лекции на различные исторические темы. Бывали лекторы и со стороны. На уроках пения, рисования, ручного труда, в сценических постановках и в самой жизни школы всегда лежало стремление познакомить учащихся с русской песней, русским искусством, русскими играми и обычаями. Многие русские обычаи были перенесены в самую жизнь школы»¹⁹. Один из учеников Крестовоздвиженской гимназии в городке Пештере в Болгарии, А.Н. Курвоазье де Лонгемен, в стихотворной форме так выразил это воспитанное на чужбине русское самосознание:

Славься, Родина Святая,
Будь, как прежде, велика;
Мы земной поклон, родная,
Шлем Тебе издалека.
Разлучили нас с Тобою,
На чужбине мы растем,

И лишь верою одною
 В Бога и Тебя живем...
 Верим, что пройдет безвластье,
 Вновь Россия оживет,
 И Господь пошлет нам счастье:
 Родина нас призовет.
 В дар мы принесем заветы
 Права, правды и добра,
 С криками — на многи лета
 Матушке Руси — ура!²⁰

Такими субъективными ощущениями была полна и поэзия, и проза, которую русские читали или сами писали в изгнании. В них Балканы, Дунай, Сава, Пирин, Витоша, Авала, Сараево, Белград, София или Пештера изображались редко, лишь как символы нынешних мук, а преобладали в этих произведениях Россия, русские просторы, Волга... Главными героями были Шура, Вера, Игорь и персонажи с подобными именами²¹, а не Петар, Момчило или Милчо... Например, поэт молодого поколения И.Н. Голенищев-Кутузов в 1936 г. восклицал:

Во мне пламенеет, клубится
 Вся страсть воспаленной стихии.
 Я больше не в силах скрыться
 От страшного зова России²².

Сохранение национального самосознания имело для эмигрантов огромное значение. Борьба за его сохранение служила им одной из основных целей, игравших решающую роль при ссорах, примирениях и самоопределении, ему порой служили даже самые обычные вещи: самовар или царский портрет, ковер, балалайка или семиструнная гитара, висевшая на стене, иконы — все они представляли предметы материальной и сакральной культуры, которые являлись маркированным и значащим отражением их этнической принадлежности. В этом смысле русская военная форма, даже обычная русская еда и напитки представляли собой своеобразное воплощение элементов желаемой материальной культуры и служили выразителями «русскости».

В отсталой балканской среде беженцы с трудом находили культурные и социальные образцы, с которыми они могли бы самоидентифицироваться. Отождествление такого типа, которое способствовало бы их скорейшей интеграции в новое общество, в основном сводилось к трем элементам: православной вере, «славянству» как социальному идеалу и в определенной степени к институту монархии. Такой суженный круг социальных ориентиров, с которыми эмигранты могли бы себя соотнести, на психологическом уровне с трудом мог заменить те культурные и общественные цели и идеи, с которыми идентифицировались эмигранты, — идеал дореволюционного русского общества и культуры, стремление к их сохранению и дальнейшему развитию в изгнании, чтобы после долгожданного возвращения возродить их в России.

КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ: ОТ ИДЕИ СКОРОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ К ИДЕЕ «МИССИИ» РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Неприятие новых рамок общественных ценностей и реальности продолжительного пребывания в изгнании, а также специфическое восприятие жизни в эмиграции, характеризующееся твердой верой в скорое возвращение на родину, которая с течением времени и осознанием невозможности этого скорого возвращения сменилась фиксацией на идее «миссии» русской эмиграции — все это имело далеко идущие последствия.

Приспособление русских эмигрантов к жизни на Балканах, постепенное «освоение новой культуры», т.е. взаимовлияние окружения и русских эмигрантов, в значительной степени определялись тем, что русские беженцы смотрели на свой отъезд из России как на что-то временное и краткосрочное, и тем, что экстремальные условия их отъезда вынудили их покинуть родину без ясных перспектив и без какой-либо психологической подготовки и обработки²³. Один из официальных представителей эмигрантских организаций, который в середине 1920 г. занимался размещением беженцев в Константинополе, записал, что «большинство <беженцев> живет лишь проездом и задержавшись из-за формальностей...»²⁴ Кн. Е.С. Эрнстова в начале 1920-х годов отметила в своем эмигрантском дневнике: «Тяжелые минуты то были. Подумать только, ведь мы видели русскую землю в последний раз... А все как вспомнится родная земля, так и слезы катятся неудержно. Плачут русские изгнанники в далеком уголке Сербии, немецко-венгерском городке Суботице. Не забыли мы ничего, к России рвемся всей душой»²⁵. Поэтому сохранение максимально надежного культурного тыла, который символизировала идея особенной «миссии» русской эмиграции, усиленная сознательными попытками беженцев сберечь культурные и социальные ценности, а также национальную самобытность в рамках Зарубежной России (ради предположительных задач по возвращении на родину), имело исключительное значение. Тот факт, что в эмиграции в основном оказались люди, которые и в самой России (после революции) отказывались изменить свои культурные образцы поведения и приспособиться к новым социальным моделям, на социально-психологическом уровне укреплял многолетнее нежелание эмигрантов идентифицироваться с новым окружением и его культурными образцами, т.е. подчиниться ассимиляции. Эту непоколебимую уверенность наглядно демонстрирует поступок директора русского кадетского корпуса в Сараево генерала Б.В. Адамовича, который во время визита в Сараево французского генерала Л.Ф. Франше д'Эспре, когда начали исполнять французский гимн — Марсельезу, «быстро снял фуражку, чтобы этому революционному гимну честь не отдавать»²⁶.

В начале 1920-х годов все эмигрантские организации были ориентированы лишь на одну цель — подготовку «весеннего наступления» против большевиков и долгожданного, столь желанного возврата на родину. Вся русская образовательная система на Балканах была задумана и организована с целью подготовить детей к возвращению на родину и (предполагаемым) задачам, которые их там ожидали. Эта цель была недвусмысленно выделена в качестве педагогического императива: «Абсолютно ясно, что будущая, возрожденная

Россия в большой мере будет нуждаться в культурных и образованных людях. Поэтому забота о воспитании следующего поколения, находящегося сейчас вне России, есть наибольшая и чрезвычайная потребность для будущей России»²⁷ и представляла собой идеал, которому служили педагоги: «За время русского изгнания ясно стала ощутима необходимость дать образование подрастающему поколению для строительства на Родине, когда Она, стяхнув с себя красное иго, особенно будет нуждаться в разного рода работниках-специалистах»²⁸.

Раздавались и голоса тех, кто считал педагогическую систему, основанную на дореволюционных образцах, вредной, так как детей следовало подготовить к огромным трудностям, которые ожидают их в эмигрантской жизни²⁹. Но такие критические воззрения были редкостью среди эмигрантов на Балканах и, как правило, вытеснялись на задний план. Это можно отчетливо разглядеть в скрытом конфликте большинства русских педагогов в Болгарии и воззрений генерала А.В. Арцишевского, представителя Всероссийского союза городов, ответственного за организацию и финансирование русских школ: «Если к нему <Арцишевскому> обращаются “Ваше Превосходительство”, он, скривясь, отвечает: “пора об этом уже позабыть”. Несмотря на такие личные взгляды генерала, большинство служащих в русских гимназиях и детских садах не разделяют взглядов своего шефа, и русские дети, вопреки воле генерала, получают национальное воспитание благодаря влиянию семьи и вообще всего русского общества, в котором дети вращаются...»³⁰ Основные цели и задачи, поставленные перед русским просвещением в начале 1920-х годов, оставались актуальными в течение всего межвоенного периода³¹.

Дети были окружены и воспитывались на тех же идеалах и вне школы, в различных молодежных союзах и организациях, как, например, «Соколы», «скауты», «Витязи». Эти тенденции можно заметить и в общей программе деятельности русских молодежных эмигрантских объединений в изгнании, опубликованной в журнале «Наше будущее», который с 1926 г. превратился в орган Русской национально мыслящей молодежи в Королевстве СХС: «Объединение молодежи ради создания сильного телом и духом кадра, готового к жертвенному служению Родине и восстановлению ее былого могущества и величия»³².

Идеи, практика и задачи просветительских, молодежных и студенческих организаций в значительной степени соответствовали общим эмигрантским воззрениям на воспитание и образование поколения, которое выросло и формировалось в изгнании. Эти идеи не были выделены и оторваны от эмигрантской повседневности, они были встроены в программы и заявленные цели почти всех эмигрантских организаций, особенно самых важных, таких, как армия и церковь.

Русская армия и военные союзы, в рамках которых объединялось первое поколение эмигрантов, в качестве основной цели своего отъезда в изгнание, своего существования и деятельности, недвусмысленно выражали надежду на скорый возврат в Россию и освобождение родины от большевистского владычества.

Главнокомандующий Русской армией генерал Врангель много раз подчеркивал, что основная цель армии — сохранение военной организации для планировавшегося возврата на родину. В известном приказе от 15 ноября 1921 г.,

изданном год спустя после эвакуации Крыма, Врангель недвусмысленно заявил: «Пусть говорят нам, что Россия погибла, что родных нам Армии и Флота нет. Мы знаем, что это ложь. Россия жива. Истерзанную и поруганную, мы вынесли ее на своих знаменах — этих знамен, пока мы живы, не вырвать из наших рук. Мы пронесем их сквозь смерть и страдания и водрузим их на Родной Земле»³³. Непокколебимость не оставляла его до конца жизни. В одном из последних приказов, изданных П.Н. Врангелем в связи с празднованием нового 1928 года, всего за несколько месяцев до смерти говорилось: «Нашей Родиной владеет Интернационал. Но национальная Россия жива. Она не умрет, пока продолжается на русской земле борьба с поработителями Родины, пока сохраняется за рубежом готовая помочь этой борьбе зарубежная Армия»³⁴. Решительность П.Н. Врангеля и его полная нацеленность на идею возвращения распространялась среди военных союзов и обществ, сформированных в изгнании. Так, например, в качестве основной цели самой крупной военной организации эмигрантского мира — РОВСа — было выдвинуто стремление «объединить русских воинов, сосредоточенных в разных странах, укрепить духовную связь между ними и сохранить их как носителей лучших традиций и заветов Российской Императорской Армии»³⁵. Эта решимость повлияла и на обычных людей, бывших солдат, которые нашли убежище в изгнании на Балканах. Их нетерпение было еще более выражено, чем у старших офицеров, что было заметно и в феврале 1922 г.: «Очень тяжело сказать, каково будет их <казак> настроение весной, но можно заранее предвидеть, что они станут волноваться, ожидая призыва на войну против Советской России. Не только рядовые казаки, но и многие офицеры убеждены, что наступающая весна — решительный срок для этой войны и упустить его было бы равносильно тому, чтобы вычеркнуть себя из числа живых»³⁶. И весной 1923 г.: «Мы помним, как все были охвачены тогда горячкой возвращения в Россию под главенством Великого Князя Николая Николаевича. В это глубоко верили и этим жили. Известны случаи, когда лица, имевшие визы в Америку, отказывались ехать, предпочитая остаться»³⁷.

Сконцентрированность на возвращении и крахе большевизма была, как замечали отдельные авторы, плодом «ретроспективных тенденций»³⁸, прежде всего к обновлению дореволюционных общественных и культурных ценностей. А борьба за сохранение армии в начале 1920-х годов и последующая ее трансформация в ряд взаимосвязанных военных союзов, обществ и организаций символизировали ту силу, которая была необходима для осуществления желанного возврата на родину и возрождения в России спасенных и сохраненных социальных и культурных ценностей.

Общие взгляды русской церкви и русских иереев по вопросу о покинутой родине, о господствовавшем там в то время режиме и возможности возвращения мало отличались от идей, которыми жили русские педагоги, рядовые солдаты и офицеры, деятели науки и культуры да и большинство эмигрантов вообще. Высшие представители церкви много раз высказывались по этим вопросам. Наиболее сжато, ясно и, вероятно, наиболее патетично эти воззрения были выражены в обращении Первого Русского заграничного церковного собора к участникам Мирной конференции в Генуе в 1921 г.: «Народы Европы! Народы Мира! Пожалейте наш добрый, открытый, благородный по сердцу народ русский, попавший в руки мировых злодеев! Не поддерживайте

их, не укрепляйте их против ваших детей и внуков! А лучше помогите честным русским гражданам. Дайте им в руки оружие, дайте им своих добровольцев и помогите изгнать большевизм... Они в лице доброй своей половины офицеров, генералов и солдат готовы взяться за оружие и идти с походом в Россию, чтобы выручить ее из цепей постыдного рабства разбойников. Помогите им осуществить свой патриотический долг, не дайте погибнуть вашей верной союзнице — России, которая никогда не забывала своих друзей и от души прощала тех, кто временно был ее врагом»³⁹.

Деятельность школы, армии, военных союзов, церкви и ряда других эмигрантских учреждений и организаций способствовала сохранению и развитию духовных связей эмигрантов с покинутой родиной, т.е. будила в них надежду на возможность возвращения. Русские театральные общества, хоры, оркестры балалаек, литературные кружки, эмигрантская печать, газетная периодика, литературные и научные журналы, культурные и научные организации и союзы, групповые выставки русских художников, съезды журналистов, литераторов и ученых, всевозможные курсы и различные общественные лекции видных интеллектуалов, даже своеобразные эстрадные аттракционы, как, например, казачья джигитовка — специальное представление, в ходе которого казаки показывали свое искусство владения оружием и конем, бывшее очень популярным на всех Балканах⁴⁰, — все это помогало эмигрантам не только не утратить контакт, но даже и сохранить, и развивать связи с родной культурой и языком. Русские ученые считали одной из своих важнейших задач «сохранение и углубление традиций русской науки и продолжение изучения собственного общества»⁴¹.

Деятельность и цели эмигрантских организаций и мнения выдающихся личностей не были изолированы или искусственно привиты русским изгнанникам. Наоборот, субъективное восприятие всей Зарубежной России, и выдающихся личностей, и простых людей, было полностью пропитано идеей о «миссии» русской эмиграции, эту идею можно было распознать и в привязанности к традициям, обычаям, культуре и языку, и в сознательном поддержании русской атмосферы в повседневной жизни.

Сохранение «обособленного и крайне чувствительного русского этноса» на Балканах и «сохранение законсервировавшейся русской атмосферы» можно распознать в широком спектре бытовых предметов ежедневного пользования, продуктов питания или произведений искусства, от икон и картин, а иногда и просто открыток с царскими портретами до самовара, ватрушек и пирожков, до ковра, повешенного на стену, который в глазах и сознании русских людей в изгнании символизировал Россию и специфический русский образ жизни. Это был один из важнейших символов, который демонстрировал сильную духовную и культурную связь с покинутой родиной и ее культурой, с дореволюционными традициями и обычаями — украшение рождественской елки, русская кухня, дружеские посиделки за столом, где под гитару вспоминали о России, русские песни, содержавшие в себе нечто особое, то, что так живописно описала И. Грицкат: «“Очи черные” — были некой психологической данью нашей русской сущности и заблудшей беспокойной русской душе»⁴². Эта привязанность к этнической общности, выраженная знаками и символами, характерная для людей, оказавшихся в эмиграции⁴³, представляла собой важный, но не ключевой фактор, который придавал внутренний смысл

идее «миссии». Решающим фактором с этой точки зрения был русский язык и настойчивое желание его сохранения.

Значение языка в функционировании общественной группы является исключительным как вследствие того, что он является одним из основных показателей этнической и (или) культурной идентичности общества в самом широком аспекте, так и по той причине, что язык — маркированный и маркирующий элемент особенностей и отличий при создании, сближении и различиях социальных групп и образований⁴⁴. Это в особенности справедливо по отношению к группам, оказавшимся в экстремальных социальных ситуациях, одной из которых, несомненно, является массовая эмиграция⁴⁵. В этом контексте не только его практическая ценность, но и символическое значение были исключительно важны для русских беженцев. Ведь именно язык представлял собой один из ключевых элементов, с помощью которого доказывали групповую лояльность не столько по отношению к господствующему социальному окружению, сколько по отношению к большевистскому режиму в России. Вот почему русский язык был одним из ключевых элементов, на которые опиралась в своей деятельности воображаемая Зарубежная Россия.

О значении русского языка в жизни беженцев говорят многие факты. Достаточно вспомнить, с каким пылом и настойчивостью эмигранты в межвоенный период издавали журналы и газеты на русском языке⁴⁶, какой по объему и качеству была продукция научных трудов на русском языке⁴⁷, сколько театральных представлений на русском языке было дано на Балканах между двумя мировыми войнами, сколько литературных произведений создано и т.д. Сохранению и сбережению русского языка способствовали и Союзы русских литераторов и журналистов, действовавшие в Болгарии и в Югославии, а также такие специфические общества, как Союз ревнителей чистоты русского языка, возникший в 1928 г. в Белграде⁴⁸, программа которого основывалась на лозунге «Человек, который не говорит и не думает на русском языке, перестает быть русским», — т.е. что русские люди, а в особенности их дети, рожденные вне родины, в иноязычном окружении ежедневно засоряют свой русский язык, с чем следовало бороться, потому что сохранение русского языка — «первоочередная национальная цель»⁴⁹. Члены союза, в основном преподаватели и ученики Русско-сербской гимназии в Белграде (всего в конце 1930-х годов было 114 членов⁵⁰), на своих встречах, по свидетельству писательницы Л.А. Алексеевой (состоявшей в то время секретарем союза), в основном «читались лекции и мы ядовито ловили друг друга на употреблении ненужных иностранных слов и неправильных оборотов»⁵¹. Члены союза приводили примеры порчи русского языка, замеченные среди русских детей, которые говорили «гулял *сам*» вместо «гулял один», «два *и пол*» вместо «два с половиной», «дождь *падает*» вместо «дождь идет», «хорошее *время*» вместо «хорошая погода» и т.д.⁵² Трудно сказать, в какой мере деятельность союза практически могла предотвратить взаимопроникновение и смешение сербского и русского языков и включение сербских слов в речь русских эмигрантов, но уже само существование такого союза было выразительным символом стремлений эмигрантов защитить свой язык и таким образом выразить групповую лояльность. Значение языка как (политического и социального) символа национальной принадлежности и особенно символа противостояния большевикам, их политике и культуре, было недвусмысленно выражено настойчивым нежеланием

эмигрантов на протяжении всего межвоенного периода (а на Западе частично и после Второй мировой войны) применять новую орфографию, которую ввели в употребление большевики (хотя модернизацию орфографии готовила Императорская Академия наук еще до Февральской революции 1917 г., законом ее — как и новый календарь — приняли после октября 1917 г.)⁵³.

Языковой пуризм, немалая по объему литературная, научная и журналистская продукция на русском языке и возможность относительно частого использования родного языка с учетом концентрации эмигрантов в больших колониях и существования ряда обществ, которые поддерживали и укрепляли социальные связи беженцев, давали возможность постоянного контакта с родной культурой и выражения национальной принадлежности. Это было ключевым фактором в сохранении «русскости» коллектива, так как русское слово, устное или письменное, в форме книг, газет или писем, связывало десятки и сотни эмигрантов, рассеянных по всему свету. Но в ежедневной жизни это крепкое соединение эмигрантов с родным языком и их взаимосвязь на уровне языка порой приносили и некоторые проблемы. Хотя большинство эмигрантов, которые проживали на Балканах, оказались в среде, где говорили на родственных славянских языках (сербском и болгарском), тем не менее они, среди прочего, и благодаря языку были легко заметны и выделялись как чужаки, иностранцы. Проблема взаимоотношений с окружением, изолированности и употребления языка новой среды была особенно выражена, что вполне нормально, у детей, которые родились в эмиграции и росли в двуязычной среде. Выдающийся лингвист И. Грицкат, с детства учившаяся в сербской, а не русской школе, описывала эту проблему следующим образом: «Все те девочки, которые приходили в сопровождении своих мам и бабушек (на уроки игры на фортепиано к ее матери), знали сербский <...>. Можно было сказать, что они как-то “до конца” знали сербский, так сказать, на “пятерку”, мои знания были между “пятеркой” и “четверкой”, как и у моего отца, мама знала на “тройку”, тетя на “два” или даже на “единицу”, а бабушка — на “ноль»⁵⁴.

Неравномерная языковая интеграция различных поколений беженцев, которую наглядно описала Грицкат, в рамках общей парадигмы акклиматизации представляла собой достаточно многогранную проблему. С одной стороны, она выражалась на уровне ряда практических затруднений, с которыми сталкивались эмигранты в своей повседневной жизни, а с другой стороны, обозначала полную принадлежность к русской культуре и миру русских вне России. Неприятие языкового приспособления не было абсолютным правилом, но встречалось достаточно часто, в особенности у старшего поколения эмигрантов, среди которых встречались люди, которые никак не могли справиться с языком местной среды. Известен случай (разумеется, он не был правилом), когда один русский доктор в Белграде годами лечил только русских пациентов, так как не мог, как он сам признавался, выучить сербский язык⁵⁵. Показательно, что из шести профессоров — русских эмигрантов, которые в начале 1920-х годов преподавали на юридическом факультете Открытого университета в Софии (К.Н. Соколов, В.Н. Ренненкамф, С.С. Демосфенов, П.М. Богаевский, И.А. Базанов и И.Г. Кинкель), пятеро преподавали исключительно на русском языке, и лишь Кинкель — на болгарском⁵⁶. Это несоответствие и проблемы, которые возникали в двуязычной среде, очень наглядно

изложил режиссер Народного театра в Софии Н.О. Массалитинов: «Еще в 1926 г. редакция журнала “Слободна реч” спросила его, почему он не появляется на болгарской сцене в качестве актера <...> В ответе Массалитинова, одновременно остроумном и исчерпывающем, заметна тоска по сцене: “Чувствую себя человеком, который любит поесть, но вынужден сидеть на вегетарианской диете. Но что я могу поделать? Болгарского я не знаю в достаточной мере, и мне не хватает сценической жизни, ведь в одном представлении трудно смешать и сербский, и русский”»⁵⁷.

Деятельность эмигрантских организаций, сохранение и развитие русской культуры, традиций и обычаев, прежде всего русского языка, представляли собой основные факторы, которые влияли на интеграцию эмигрантов, мешая ей, затрудняя и приостанавливая ее. Кроме того, еще ряд факторов в определенной мере повлиял на эти процессы, как, например, желания и внутренний настрой эмигрантов, воззрения авторитетных общественных деятелей, которые решительно поддерживали идею сохранения национальной идентичности и возврата на родину, целый комплекс воспоминаний и переплетение чувств, отношений и эмоций, связанных с дореволюционной Россией и с большевистским режимом, и т.д.

Однако наиболее важным фактором, который решающим образом влиял не только на степень и скорость адаптации, но и на характер русского изгнания вообще, было ощущение эмигрантов, что они принадлежат к специфическому миру, имеющему свои особенности, свои культурные ценности и свои цели — к миру Зарубежной России.

ПОЧЕМУ ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ? ВАЖНОСТЬ ФЕНОМЕНА И ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ В ИЗГНАНИИ

«Люди в эмиграции сталкиваются с двумя крупными группами проблем адаптационного характера: переработать все то, что было пережито до отъезда в изгнание, и адаптироваться к тому, что принесла эмигрантская жизнь. А это значит: адаптироваться и пережить потерю родных, личные потрясения, потерю дома и имущества, приобретенных поколениями предков, потерю друзей, утрату символически важных вещей. А также: адаптироваться и пережить изменение привычек, ухудшение материального положения, утрату профессионального статуса, испытать зависимость от других, ощущение неизвестности, временности и беспомощности, социальную маргинализацию и социальную ранимость. И при всем том сохранить душевное здоровье, надежду, цель жизни и способность принимать конструктивные решения, которые будут иметь решающее значение в дальнейшей судьбе»⁵⁸. Эту огромную психологическую нагрузку отъезда и жизни в эмиграции русским значительно облегчала идея специфического русского мира в изгнании, известного под названием Зарубежная Россия.

Зарубежная Россия, или, как ее еще называли в литературе, «Россия в изгнании», «Россия номер два», «Россия в малом»⁵⁹, представляла собой воображаемый мир русских вне России, мир, не имевший своей территории и госу-

дарственных границ, но заботившийся о сохранении своей специфичности; мир, который представлял собой одно целое и в большинстве своем старался жить как одно целое, с внутренним единством, своими институтами, распрямами, страстями и разделениями, с собственными идеями, традициями, культурой, привычками, общепринятой системой общественных ценностей и норм и т.д. Эта реальность воображаемого русского мира на Балканах иногда удивляла даже самих эмигрантов. Н.М. Зернов писал: «Когда мы поселились в Белграде, город был значительным центром эмиграции. <...> Бывший посол Штрандтман все еще представлял русские интересы. В Белграде имелись русская газета, гимназия, церковь, издавались книги, существовали всевозможные общественные учреждения. В соседних городах разместились кадетские корпуса и женские институты, эвакуированные с юга России»⁶⁰.

Многие авторы в той или иной мере описывали феномен Зарубежной России (три книги даже имели похожие названия⁶¹), но ни один из них не объяснял всю важность этого феномена в жизни эмигрантов. Однако функция Зарубежной России в обстоятельствах, в которых эмигранты оказались после Гражданской войны, революционных перемен и отъезда в изгнание, была двойственной. На уровне коллектива она давала определенную внутригрупповую спаянность, благодаря которой с теоретической точки зрения «индивидуум проявляет сильное чувство принадлежности и привязанности к этнической группе, к которой он относится»⁶², в особенности с учетом того факта, что эмигранты отрицали любую возможность идентификации с Советской Россией. Русские изгнанники просто «ощущали себя носителями русской культуры, которая создавалась веками», старались эту культуру «сохранять, приумножать, развивать, нести в свет и знакомить с ней другие народы»⁶³. С другой стороны, на уровне индивидуальном, эта концепция, возмещая эмигрантам потерю того мира, который исчез после революционных потрясений в России, помогала им преодолевать психологические нагрузки, чувство неуверенности и конфликты при встрече с другими культурами, пережить социальную маргинализацию, т.е. формирование особого типа личности, известного в литературе, как «маргинальный тип личности»⁶⁴.

Идея Зарубежной России способствовала нормальной внутригрупповой кристаллизации посредством отождествления эмигрантов с ценностями, которые эта идея символизировала⁶⁵. В то же самое время в сознании эмигрантов формировался идеал родины, потерянной в ходе всесторонних революционных изменений русского общества и культуры, идеал наследника национальной русской культуры, идеал защитника в русской культуре русских дореволюционных социальных и национальных ценностей, продолжателя и хранителя старых традиций и обычаев⁶⁶. Желание воплотить все эти идеалы обусловило формирование специфического русского общества в изгнании, чьей основной целью в «смутное время» и тяжелые годы эмиграции, как считали сами русские беженцы, было сохранить, развить и обновить на родине после ее столь ожидаемого всеми эмигрантами «освобождения от большевистского рабства» основные культурные, социальные и национальные ценности, традиции и обычаи дореволюционной России. Много лет спустя, в начале 1980-х годов, с большой временной дистанции, которая позволяла увидеть не только позитивные стороны такого воображаемого мира, но и заблуждения и несбывшиеся надежды, в самом конце своей жизни живший ког-

да-то в Белграде и учившийся на богословском факультете Белградского университета Н.М. Зернов писал: «Главное упование эмиграции — вернуться на родину и увидеть ее свободной от коммунистического ига — не осуществилось. Ее подавляющее большинство нашло смерть в изгнании. Несмотря на это, эмиграция осуществила ряд положительных задач... Высоким моральным подвигом русской эмиграции было то, что она не сломилась под тяжестью выпавших на ее долю испытаний. Она сохранила верность тому светлому образу России, который она унесла с собою»⁶⁷.

Вследствие особой значимости самой идеи и тех функций, которые она выполняла, Зарубежная Россия стала одним из ключевых элементов в процессе интеграции эмигрантов в новое общество. Идея самостоятельного общества русских в изгнании, в котором социальные организации и институты действовали с абсолютно конкретной целью (сохранение и обновление традиционных культурных и социальных ценностей на родине), сталкивалась с реальной жизнью в балканском социальном окружении, в котором было необходимо помочь эмигрантам найти свое место и адаптироваться, подыскать работу, чтобы содержать себя и приспособиться к жизни в новой среде⁶⁸. Эта разделенность между стремлением к осуществлению высоких национальных целей и решением практических проблем, проистекавших из печальной эмигрантской реальности, влияла и на деятельность эмигрантских институтов, а тем самым и на функционирование эмигрантской группы. Деятельность эмигрантских организаций и институтов в условиях одновременного функционирования в новых обществах и в рамках Зарубежной России носила несколько противоречивый характер. Их попытка помочь эмигрантам сохранить национальное самосознание, самобытность, культуру, представления и идеи о родине (или распространить общепринятое в изгнании видение проблем России), т.е. сохранить и развить далее идеи, культуру и традиции дореволюционной России, а посредством русских школ перенести эти идеи на молодые поколения, тормозила идентификацию эмигрантов с новой средой. Идентификация с новой средой была необходима для быстрой адаптации, поэтому такое торможение имело исключительно выраженный антиадаптивный характер.

Другая функция Зарубежной России в жизни эмигрантов была еще более важной. Это была идея воображаемого обособленного общества тех русских людей, которые в результате печального стечения обстоятельств оказались вне родины. Эта идея помогала эмигрантам защитить себя от культурной и социальной маргинализации. По определению, маргинал — это индивид, который «в результате миграции, образования, брака или других причин покидает одну социальную группу или культуру и, не имея никакого удовлетворения от приспособления к другой группе, оказывается за рамками каждой группы, не став членом ни одной из них»⁶⁹. С этой точки зрения русским беженцам угрожала реальная опасность обособления от Советского Союза с его культурными образцами и от государств, в которых они пребывали, и их культурой и образом жизни, т.е. оказаться вне рамок обеих культур и обоих обществ. Приняв идею Зарубежной России (которая реально обладала важными элементами социальной структуры: правительством, армией, церковью, печатью, культурой, искусством...), они становились главным ее носителем. Таким образом, они создавали мир, в котором сами были единственными полноправ-

ными жителями, мир ясных целей и планов (возможно, и нереальных, и неосуществимых, но общепринятых), создавали общество русских беженцев с самобытной системой культурных и социальных ценностей и образцов, с традициями, обычаями, институтами и т.д. В этом воображаемом обществе эмигрантов каждый индивид имел свое ясно определенное место и роль, что по своему защищало его от полной социальной и культурной маргинализации.

Таким образом, идея Зарубежной России давала возможность беженцам почувствовать реальность воображаемого эмигрантского общества как свою потерянную родину. Тот факт, что каждую страну, где было хотя бы несколько русских беженцев, они представляли как часть целостного русского общества в изгнании, обусловил крайне слабое отождествление эмигрантов с государствами своего изгнания и относительную легкость принятия решения о переезде из одной страны в другую. Это дополнительно усложняло интеграцию в новое общество, так как при переезде в новую страну эмигранты вновь оказывались в самом начале процесса адаптации и интеграции. Поэтому Зарубежная Россия не только позволяла эмигрантам избежать социальной маргинализации, предоставляя им место в обществе русских изгнанников, но и тормозила, а то и полностью останавливала полную ассимиляцию изгнанников в новой среде.

Жизнь русских эмигрантов на Балканах в межвоенный период была отмечена стремлением вернуться на родину и участвовать в ее возрождении. Желание вернуться туда в значительной мере выражали, поддерживали и развивали многочисленные эмигрантские институты, общества и организации, действовавшие в межвоенное время на Балканах⁷⁰. Эти стремления в значительной мере тормозили процесс их интеграции, так что не могло быть и речи об успешной ассимиляции с точки зрения полного слияния эмигрантов с их новым социальным окружением. Интеграция первого и второго поколения русских эмигрантов была приостановлена на уровне их адаптации, т.е. лишь видимого, внешнего приспособления к общим условиям жизни, и лишь частично включала в себя фазу «культурного контакта» (как процесса полного психологического принятия новой среды), особенностью которого было сильное культурное влияние эмигрантов на их новое окружение. До этого уровня интеграции доходили лишь те эмигранты, которые задерживались на Балканах на продолжительное время. Организации, занимавшиеся защитой эмигрантов и урегулированием их правового положения, крайне быстро обратили свое внимание на их нерасположенность к интеграции и ассимиляции. Так, уже на первой сессии Межправительственной совещательной комиссии Лиги Наций, которая была сформирована 15 сентября 1929 г. при верховном комиссаре по вопросам беженцев, представители правительств тех стран, где разместились беженцы из России, констатировали, что ни репатриация в Советский Союз, ни натурализация не представляют собой способа радикального решения проблемы эмигрантов⁷¹. А правительства государств Латинской Америки даже отказывались от приема крупных групп русских эмигрантов с Балкан, объясняя свой отказ тем, что они «знают, что их ассимиляция не удастся»⁷². Более того, полная, или «этническая», ассимиляция, т.е. денационализация, в

значительной степени была характерна лишь для третьего (и то не полностью) и четвертого поколения эмигрантов, которые выросли и родились в эмиграции лишь после Второй мировой войны. И даже эта полная ассимиляция лиц, принадлежавших к третьему и четвертому поколениям эмигрантов, в новой среде была приостановлена различными переломными событиями, которые крайне резко отражались на уровне коллективного самосознания и взаимоотношения с окружением, как, например, Вторая мировая война, установление социалистических режимов в балканских странах или конфликт Тито и Сталина (Информбюро и КПЮ) в 1948 г.

Тот факт, что процесс ассимиляции русских эмигрантов на Балканах не имел особого успеха, доказывает анализ ряда параметров, согласно которым измеряется успешность процесса ассимиляции⁷³: в межвоенный период не заключалось значительного количества смешанных браков⁷⁴ и эмигранты в большинстве своем стремились «вследствие неясного и непреодолимого страха перед будущим» вступать в брак лишь с представителями своего народа⁷⁵; влияние эмигрантской печати (которое в случае его уменьшения принимается за индикатор успешной ассимиляции) среди русских эмигрантов в межвоенное время было исключительно велико; выбор для детей русских имен (что считается одним из способов определения и использования этнической идентификации) был характерен не только для первого и второго, но и для третьего и даже четвертого поколения эмигрантов; некоторые другие индикаторы, как, например, повышение уровня образованности среди эмигрантов, сложно использовать по отношению к русской эмигрантской группе с учетом того, что они и без того имели значительный образовательный уровень, который был выше, чем среда, в которой они оказались. С другой стороны, факт участия самих эмигрантов в культурной жизни балканских обществ в известной степени дополняет представления об объеме и характере интеграции. Н.О. Массалитинов, например, на одной только сцене софийского Народного театра поставил более 130 спектаклей и считал, что без национальной драматургии не может быть национального театра. Поэтому он искал болгарских драматургов, вдохновлял их на творчество и ставил именно их пьесы. В мемуарах, вспоминая о своей деятельности, он писал: «Разумеется, не все болгарские драмы, которые я ставил на сцене Народного театра, отличались значительными художественными данными, некоторые из них были откровенно плохими. Но что же делать, — национальный болгарский театр должен иметь в своем репертуаре драмы из родной драматургии, поэтому необходимо было ставить и неудовлетворительные драмы»⁷⁶. Как известно, от первого предложения стать режиссером Народного театра в Софии, сделанного во время гастролей части труппы МХАТа в Болгарии, Массалитинов отказался, объяснив это тем, что «я все-таки не могу принять это предложение, так как моя цель и страстное желание — как можно скорее вернуться в Россию»⁷⁷. Но и позднее, когда он все же принял приглашение из Софии, в доме Массалитинова, по словам его дочери, всегда уважали народные русские обычаи и традиции⁷⁸. Его более поздние биографы подчеркивают, что, несмотря на огромное значение его творчества в развитии национального театра в Болгарии, самая большая заслуга Массалитинова состоит в «сочетании наших народных традиций с опытом и мастерством русского сценического искусства, основанного на уникальном методе (т.е. на системе Станиславского)»⁷⁹. Похожая ситуация

сложилась и с В.И. Жедринским, известным театральным художником, который оставил глубокий след в театральной жизни Югославии как в межвоенное, так и в послевоенное время (хотя с 1950 г. делал это лишь в статусе художника-гостя, приезжая из Франции). Жедринский остался в истории театра как «последователь русской школы Бакста и Бенуа, т.е. петроградской группы», и как художник, который «проявлял свой талант, в первую очередь создавая сценографию для произведений русских авторов»⁸⁰. Так что было бы абсолютно естественно задаться вопросом, ответ на который может указать на степень и успешность интеграции в новое общество: встречали ли этого художника, когда он в 1950 г. уезжал в Париж, как представителя только русской или также и югославской, сербской, хорватской или какой-то другой школы сценографии?

Наконец, несмотря на помехи и отпор ассимиляции и денационализации, а также на постоянные скитания и нежелание «глубоко пускать корни» в новой среде, долголетнее пребывание в изгнании все-таки полностью оторвало эмигрантов от родины. Это стало абсолютно ясно, когда эмигранты столкнулись с нынешними переменами в России. Свое мнение об этом в 1991 г. выразил В.В. Бодиско, который окончил Крымский кадетский корпус в Белой Церкви в 1930 г.: «Там, на Родине, происходят события, которые мы упрямо, но, казалось, тщетно ожидали все семьдесят лет эмигрантского бытия. Нет никого, кто бы этим событиям не радовался. Но для нашего поколения пришли они, увы, слишком поздно. В молодости нам говорили, что мы должны готовить себя для служения будущей России, что ей понадобятся наши знания, наш опыт, наша идеология. В какой-то мере каждый из нас выполнил эти настояния. Но теперь, когда сроки приблизились вплотную, нельзя не признать, что мы России уже не нужны. Если бы она нас и призвала, мы бы не могли отозваться на этот зов, ибо корни, пущенные в странах рассеяния, слишком глубоки и питательны. Все, что мы могли сделать для будущей России, нами уже выполнено. Мы сберегли память о нашей Родине, о ее былом величье, культуре, самобытности. Все, что отцы наши принесли с собой за границу, как и все, что накопили мы за годы скитания, уже запечатлено на тысячах страниц книг, журналов, газет. Это огромная ценность для возрождающейся национальной России...»⁸¹

¹ Грицкат И. У лебдивом ходу. С. 47.

² «Эмиграция переставала быть лишь способом физического выживания, она приобретала характер духовной миссии, которая заключалась в том, чтобы сохранить ценности и традиции русской культуры и продолжить творческую жизнь ради духовного прогресса родины, независимо от того, суждено ли было эмигрантам вернуться домой или умереть на чужбине»; «Эта часть русского общества, находясь в изгнании, продолжала сохранять свое единство, надеясь, что пребывание вне родины окажется временным»; «Это оказывало влияние на их поведение, творческую активность, пробуждая в них, вопреки всем политическим разногласиям, чувство единения, принадлежности к "обществу в изгнании", ожидающему возможность возвращения» (Раев М. Россия за рубежом... С. 13, 14–15, 29).

³ Об этом свидетельствуют все соответствующие исторические, социологические и социально-антропологические исследования, которые рассматривали проблемы адаптации и интеграции как русских эмигрантов, так и эмигрантов вообще. См.: Поляков Ю.А. Адаптация и миграция — важные факторы исторического процесса // История российского зарубежья: Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. М., 1996. С. 4–18; а также: Тарле Г.Я. Об особенностях изучения истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX веках // Там же. С. 19–33; Кроме того, см.:

Davidović M.J. Druga generacija jugoslovenskih ekonomskih emigranata u zemljama Zapadne Evrope: Sociološka analiza. Beograd, 1998 (рукопись докторской диссертации, защищенной на философском факультете Белградского университета в 1998 г.); а также: *Castles S., Miller M.J.* The age of migrations: International population movements in the modern world. L., 1993; *Vlachos E.* The assimilation of Greeks in the United States. Athens, 1968; *Eisenstadt S.N.* The absorption of immigrants. L., 1954; *Galitzi C.* A study of assimilation among the Romanians in the United States. N. Y., 1957; *Citizenship, nationality and migration in Europe.* L., 1996; *Лукић-Крстановић М.* Срби у Канади: Живот и симболи идентитета. Београд, 1992.

⁴ *Адаптация*, или процесс, в ходе которого эмигрант начинает принимать основные обычаи, стандарты и образ поведения нового общества, т.е. процесс, в ходе которого эмигрант становится приемлемым членом общества; *аккомодация*, т.е. отношение эмигрантской группы и окружающего общества, в котором нет открытого конфликта; и, наконец, *ассимиляция*, или полное принятие языка и обычаев доминирующей группы со стороны эмигрантов (*Vlachos E.* The assimilation of Greeks... P. 22); Похожую классификацию в три уровня или три фазы процесса интеграции предлагает и К. Галици, которая выделяет: «экономическую» или «техническую» ассимиляцию как исключительно внешнее, видимое приспособление к общим условиям жизни в новой стране; «культурную» ассимиляцию, которая представляет собой принятие новых культурных рамок и модификацию старых, — процесс полного психологического принятия новой среды; и, наконец, «этническую» ассимиляцию, которая выглядела как «биологическое слияние», в особенности путем смешанных браков (*Galitzi C.* A study of assimilation... P. 164–165).

⁵ Терминологическая противоречивость в описании процесса столкновения и взаимодействия эмигрантских и местных ценностных рамок и поведенческих конструкций проистекает из различного употребления терминов для описания этого процесса в работах американских ученых (которые используют термин «аккультурация») и британских ученых (пользующихся термином «культурный контакт»), занимающихся социальной антропологией. См.: *Davidović M.* Druga generacija... S. 135. По нашему мнению, при рассмотрении проблем интеграции первых двух поколений русских эмигрантов на Балканах в межвоенном периоде по ряду причин уместнее использовать термин «культурный контакт».

⁶ Рассуждая о проблемах ассимиляции и денационализации в эмиграции в целом, и в особенности среди русских эмигрантов во Франции, П.Е. Ковалевский пришел к следующему выводу: «С самого начала русскому рассеянию пришлось столкнуться с вопросом денационализации молодого поколения и со стремлением правительств тех стран, в которых поселились русские, ассимилировать их. С русской стороны, если уж для подрастающего поколения проблема денационализации представлялась почти неизбежной, то ассимиляция, т.е. потеря своего русского облика, русских традиций и русских свойств, была опасна и с ней было необходимо бороться» (*Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 35).

⁷ *Грицкат И.* У лебдивом ходу. С. 30.

⁸ *Эйлер А.* Доклад о командировке в Румынию и Бессарабию, апрель 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 3.

⁹ А.Ф. Шебунин — М.Н. Гирсу, 20 марта 1926 г., копия // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 70. Л. 50–56; Справка о положении русских беженцев в Константинополе, 6 апреля 1926 г. // Там же. Л. 38–41.

¹⁰ За рубежом... С. 15; Похожую оценку невозможности «построения какого бы то ни было постоянства в Константинополе» выражали и другие авторы, см.: Материалы по характеристике русских, живущих в Константинополе, июль 1920 // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 449. Л. 14.

¹¹ *Котельников А.А.* Доклад, 22 декабря 1935 г. // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 189. Л. 3, 5.

¹² На эти два элемента, русскую культуру и русский язык, как на решающие факторы, которые сделали возможным сохранение национального самосознания эмигрантов, указывал, рассуждая о феномене русского зарубежья, и П.Е. Ковалевский, см.: *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 36.

¹³ *Паолов Б.Л.* Русская колония в Великом Бечкереке... С. 77.

¹⁴ *Арсеньев А.* Подвизи и крај храброг генерала // Наше слово: Српско-руски магазин, Нови Сад; М., 1998. Бр. 2/3. С. 16.

¹⁵ *Ратиев А.Л.* То, что сохранила мне память. С. 486.

¹⁶ *Кисловский С.А.* Воспоминания (рукопись), Оставштина породице Кисловски, Нови Сад.

¹⁷ *Волковский Н.* Берлин—Белград (вырезка из газеты «Сегодня», 1928) // АСАНУ. 14386. 2551.

- ¹⁸ *Козьякин Н.* Наше поколение // *Кадетская переключка*. N. Y., 1980. № 25. С. 5. То же в: *Арсеньев А.* У излуцины Дуная... С. 138.
- ¹⁹ *Крестовоздвиженская школа 1920–1932: Отчет — памятка*. София, 1932. С. 17.
- ²⁰ *Курвоазье де Лонгемен А.Н.* Кантата Крестовоздвиженской школы // *Крестовоздвиженская школа 1920–1932: Отчет — памятка*. София, 1932. С. 31.
- ²¹ См.: *Эйснер А.В.* Путь в эмиграцию... С. 255–256.
- ²² Цит. по: *Бурић О.* Руска литерарна Србија... С. 90. Приведена последняя строфа стихотворения, напечатанного в газете «Возрождение», редакция которой опубликовала его с такими сокращениями, что Голинищев-Кутузов был вынужден опубликовать стихотворение еще раз в полном виде в газете «Русское дело» (1936. № 6).
- ²³ *Тарле Г.Я.* Об особенностях изучения истории адаптации российских эмигрантов... С. 27.
- ²⁴ Материалы для характеристики русских, живущих в Константинополе, июль 1920 г. // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 449. Л. 13.
- ²⁵ *Эристова Е.С.* Воспоминания (рукопись — коллекция А.Б. Арсеньева).
- ²⁶ *Эйснер А.В.* Путь в эмиграцию... С. 258–259.
- ²⁷ *Родионов А.* Препис резолуције која је примљена Управом Београдске колоније 6 новембра 1921 г. // АСАНУ. 14386. Несређена грађа.
- ²⁸ *Ермаков Б., свјец.* Историческая записка о пастырско-богословском училище в монастыре Св. Кирика в Болгарии: 1922–1932. София, 1932. С. 3.
- ²⁹ *Погодин А.* Руска школа у С.Х.С. // *Мисао*. Београд, 1927. Књ. 25. Св. 1/2. С. 102–105.
- ³⁰ *П.Я.* Русские в Болгарии: Составлено в июле — августе 1932 г. // ГАРФ. Ф. Р-9116. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 26–27.
- ³¹ См.: Русско-болгарский культурно-благотворительный комитет 1920–1925. С. 13; а также: *Давати В.Х.* Русская школа и наука // *Часовой*. Вгuxelles, 1939. 5 июня. № 236/237. С. 19–21.
- ³² *Арсеньев А.* У излуцины Дуная... С. 142.
- ³³ *Врангель П.Н.* Приказ от 15 ноября 1921 г. // *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля. С. 102.
- ³⁴ *Врангель П.Н.* Приказ от 14 января 1928 г. // Там же. С. 145.
- ³⁵ Временное положение о Русском Обще-воинском Союзе, 12 сентября 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 5; *Иванов И.Б.* Русский общевоинский союз. С. 4.
- ³⁶ С.Н. Палеолог — В.Н. Штрандтману, 17 февраля 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5942. Оп. 4. Ед. хр. 51. Л. 237.
- ³⁷ Неизвестный автор, 17 января 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р-6792. Оп. 1. Ед. хр. 656. Л. 1.
- ³⁸ *Ершов В.Ф.* Белоэмигрантские концепции восстановления российской государственности // *Кентавр*. М., 1995. № 3. С. 70.
- ³⁹ *Антоний, митроп.* Послание Мировой конференции от имени Русского Всеаграничного Церковного Собора // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 42–42 об; *Никон, архиеп.* Жизнеописание Блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. N. Y., 1960. Т. 6. С. 23–24; То же. *Митрофанов Г., свјец.* Православная церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. С. 90–94.
- ⁴⁰ См.: *Джигиты в Югославии* // *Вольное казачество*. Прага, 1932. № 103. С. 23–25.
- ⁴¹ *Спекторский Е.В.* Десятилетие Русского научного института в Белграде (1928–1938) // *Записки Русского научного института в Белграде*. 1939. Т. 14. С. 4.
- ⁴² *Грицкат И.* У лебдивом ходу. С. 57.
- ⁴³ См., например, анализ этнических показателей при изучении этнического самосознания у сербских переселенцев в Канаде: *Лукић-Крстановић М.* Срби у Канади... С. 124–209.
- ⁴⁴ Там же. С. 125.
- ⁴⁵ Об общих рамках возможной вербальной коммуникации между двумя этническими группами (четыре возможные парадигмы: дисконтинуитета, выбора, приспособления и ассимиляции), часть которых (две последние парадигмы) может быть теоретически связана с национальными меньшинствами, подробнее см.: *Bugariski R.* Jezik u društvu. Beograd, 1986. С. 183–186.
- ⁴⁶ Библиографические справочники печати и периодики в отдельных балканских странах редки и неполны; несмотря на это, на их материале можно утверждать, что в межвоенное время на Балканах выходило более 300 русских газет и журналов. См.: *Katchaki J.N.* Bibliography of Russian refugees... P. 207–242; *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. С. 170–173; *Бурић О.* Руска литерарна Србија... С. 257–263; *Ossorguine-Bakounine T.* L'Émigration russe en Europe.

- ⁴⁷ См.: Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. Белград, 1931. Вып. 1: (1920–1930); Вып. 2: (1930–1940).
- ⁴⁸ О деятельности союза см.: *Бурић О.* Руска литерарна Србија... С. 133–134; *Арсеньев А.Б.* Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 61–62.
- ⁴⁹ В защиту русского языка. Белград, 1939. С. 44.
- ⁵⁰ В Союзе ревнителей чистоты русского языка // Русский голос. Белград, 1936. 13 декабря. № 297. С. 4. Подп.: Ревнитель.
- ⁵¹ *Алексеева Л.* Из воспоминаний о Белграде // Русский альманах. Париж, 1981. С. 367.
- ⁵² См.: *Бурић О.* Руска литерарна Србија... С. 134.
- ⁵³ *Раев М.* Россия за рубежом... С. 68.
- ⁵⁴ *Грицкат И.* У левдивом ходу. С. 42.
- ⁵⁵ *Там же.* С. 49.
- ⁵⁶ *Ратиев А.* То, что сохранила мне память. С. 506.
- ⁵⁷ *Дертлиева А. Н.О.* Масалитинов (1880–1961): «Бих искал да работя и да творя докато дишам» // Родина. София, 1997. Кн. 3/4. С. 198–199.
- ⁵⁸ *Улаjković Ј.* Psihološki aspekti izbeglištvа // Psihologija izbeglištvа. Beograd, 1997. S. 23.
- ⁵⁹ Об общих рамках феномена подробнее см.: *Јовановић М.* Русија у егзилу: Оквири, донети и начелни проблеми истраживања // Руска емиграција у српској култури XX века. Т. 1. С. 22–37.
- ⁶⁰ За рубежом... С. 15–16.
- ⁶¹ *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительная работа...; *Раев М.* Россия за рубежом...; Россия в изгнании...
- ⁶² *Davidović М.* Друга генерација... S. 142.
- ⁶³ *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 15.
- ⁶⁴ О теоретическом решении проблемы приспособления и маргинальности эмигрантов в обществе подробнее см.: *Davidović М.* Друга генерација... S. 141.
- ⁶⁵ М. Раев наглядно описал это следующим образом: «Эмигранты сознательно стремились вести русскую жизнь. Даже попав в чуждое окружение, они хотели жить, работать и творить как неотъемлемая часть России <...> Эмигранты воспринимали себя как представителей единого общества, а Русское Зарубежье — как свою страну» (*Раев М.* Россия за рубежом... С. 15–16).
- ⁶⁶ Это ощущение, в особенности в связи с ситуацией в России, П.Е. Ковалевский описал следующим образом: «Их всех объединяла русская культура, которой они служили и которая была обречена на полное разрушение и должна была быть заменена новой пролетарской культурой — «пролеткультом»» (*Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 14).
- ⁶⁷ *Зернов Н.М.* Закатные годы: Эпилог хроники семьи Зерновых. Paris, 1981. С. 15–16.
- ⁶⁸ См.: Представитель Государственного контроля в Болгарии. Докладная записка, 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 97.
- ⁶⁹ Определение Э.В. Стоунквиста (цит. по: *Davidović М.* Друга генерација... S. 141).
- ⁷⁰ Интересно отметить, что в анкетировании, проведенном среди русских эмигрантов во Франции в 1945 г., среди факторов, которые мешали и препятствовали полной ассимиляции эмигрантов, кроме ярко выраженного национального ощущения и убежденности в принадлежности к великой нации, упомянута и деятельность многочисленных эмигрантских организаций (обществ и союзов, молодежных организаций «соколов», «витязей», «скаутов» и «разведчиков», русских школ и обществ, религиозных общин) (*Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 35–36).
- ⁷¹ *Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике... С. 44.
- ⁷² Comité des Zerstvos et Villes — В.В. Рудневу, 10 сентября 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 16.
- ⁷³ Эффективность ассимиляции оценивается средствами анализа следующих показателей, определяющих степень вовлеченности эмигрантов в культуру новой среды: 1) профессионального и экономического положения, занимаемого эмигрантами в новой среде; 2) распространенности смешанных браков; 3) изменений в среднем уровне образования; 4) успешного овладения языком новой среды (*Davidović М.* Друга генерација... S. 141). Практически те же показатели для оценки эффективности ассимиляции использовались в вышеупомянутом анкетировании 1945 г. Лишь прекрасное знание французского языка способствовало полной интеграции русских во французское общество, в целом же ассимиляция русских эмигрантов во Франции не состоялась (см.: *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 35–36).
- ⁷⁴ См., например, ситуацию в Югославии: *Јовановић М.* Instability and infertility: Family and marital relations of the Russian refugees in the Kingdom of Yugoslavia. Three theses towards under-

standing of some basic problems // *Between the archives and the field: A dialogue on historical anthropology of the Balkans*. Belgrade; Graz, 1999. P. 101–114.

⁷⁵ *Грицкат И.* У левдивом ходу. С. 30; *Павлов Б.Л.* Русская колония в Великом Бечкереке... С. 68.

⁷⁶ *Дертлиева А. Н.О.* Масалитинов... С. 196–197.

⁷⁷ *Дубова Л.Л.* Из истории русской театральной культуры в Болгарии в 20–30-х годах // *Болгарский ежегодник*. Харьков; София, 1996. Т. 2. С. 177.

⁷⁸ *Там же*. С. 179.

⁷⁹ *Дертлиева А. Н.О.* Масалитинов... С. 186; похожая оценка дана и в: *Дубова Л.Л.* Из истории русской театральной культуры... С. 172.

⁸⁰ *Celio Cega A.* Žedrinski u Zagrebu // *Milanović O.* Vladimir Žedrinski: Scenograf i kostimograf. Beograd, 1987. S. 75, 79.

⁸¹ *Арсеньев А.* У излуцины Дуная... С. 151–152.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

«Итоги только что закончившегося в Софии беженского Съезда превзошли все ожидания. <...> Строго деловые рамки, которыми съезд быстро сумел себя ограничить, оказались спасительными во всех отношениях. Именно благодаря им столь болезненная обычно, как показал опыт Парижа и Константинополя, встреча «двух общественностей» произошла более чем благополучно. Существующая, наличная беженская общественность, естественно выдвигающаяся на первый план в процессе постепенной самоорганизации русских за границей, и остатки прежней «организованной» общественности, которая давно уже утратила все признаки своего бывшего общественного происхождения, встретившись на строго деловой почве, оказались не противниками, а союзниками и, если не считать некоторых недоразумений с местной краснокрестной организацией, проявили много взаимного дружелюбия»¹. Встреча двух этих миров, двух «социальностей», своеобразный раскол между «старым» и «новым», хотя и не были настолько заметны для неосведомленного наблюдателя со стороны, все-таки представляли собой одну из важнейших плоскостей эмигрантской жизни на Балканах в межвоенное время.

Принесенные в изгнание и сохраняемые в течение долгого времени социальные нормы поведения, отношения и связи времен дореволюционной России и Гражданской войны можно было заметить в те вечерние часы, когда на улицах балканских городков и местечек, в местных театрах, ресторанах, отелях, на частных вечеринках, посиделках и приемах появлялись представители старой элиты императорской России — сенаторы, генералы, землевладельцы, статские советники, фрейлины и дамы, юнкера и промышленники, «обозначенные» характерными статусными символами и знаками принадлежности к одному, давно прошедшему времени — моноклями и элегантными тросточками, дамскими шляпками и кружевными перчатками, орденами и золотыми генеральскими эполетами, прическами и модой, которая отражала дух былой русской «*belle époque*»... Далекий отблеск глубоко укоренившейся, старой «социальности» можно было увидеть и в отдельных русских организациях, когда княжеский титул, генеральский чин или звание статского советника по инерции социального nepoтизма могли обеспечить какую-нибудь мелкую, для бывшего времени унижительную, а в изгнании столь важную побрякушку, например место в общежитии, на корабле, в списке тех, кто переселялся в большой город или мог поступить в университет и т.д.

С другой стороны, в изгнании начала формироваться и новая «социальность». Это был мир бывших нижних дипломатических чиновников, бюрократов, работавших в различных комиссиях, бюро, союзах, обществах, объединениях в русских колониях, которые контролировали потоки денег, ежемесячную денежную и материальную помощь, распределяли рабочие места, определяли квоты, заботились о распределении и распродаже залогов и депозитов Петроградской ссудной казны; одно слово этих людей в новых условиях могло полностью изменить ход чьей-то жизни, порой от него зависела судьба влиятельных когда-то графов, сенаторов или генералов; мир мелких

предпринимателей, которые деньгами и махинациями, а чаще всего на основании знакомств, завязавшихся в новой среде, могли обеспечить себе и своим близким более подходящую работу, более комфортное жилье, возможность получить кредит...

Запутанный, взаимно переплетенный, иногда конфликтующий, ссорившийся и враждующий мир этих «двух социальностей» очерчивал силуэт единого (хотя и не во всем и не до конца сложившегося и оформленного) «общества в изгнании». Это были элементы многогранной русской эмигрантской структуры, которые сливались в одно целое — воображаемую Зарубежную Россию. И именно как таковые обе эти «социальности» сталкивались с реалиями балканского социального окружения, с необходимостью интегрироваться и войти с ним в тесное взаимодействие, сотрудничать в новых условиях с новыми центрами силы, бороться за лучшие условия как для всех эмигрантов, так и только для себя. Такое столкновение «социальности» Зарубежной России с общественными реалиями Балкан самым непосредственным образом повлияло на жизнь, общественное положение и быт русских беженцев.

Изучение типологии русских организаций на Балканах недвусмысленно показывает, что в межвоенный период действовало множество русских организаций, чье значение в жизни русских беженцев, конечно, не было да и не могло быть одинаковым. Эмигрантские организации, которые действовали на Балканах, могут быть систематизированы несколькими способами — делением на общеэмигрантские и местные, на общеэмигрантские с центром на Балканах и общеэмигрантские с центром вне Балкан, но имевшие большое влияние на жизнь эмигрантов, и т.д. Как бы то ни было, наиболее ценной классификацией может быть та, которая показывает реальное значение организаций в повседневной жизни беженцев. В этом контексте ясно различимы организации, имевшие общественно-политическое значение (как, например, армия, церковь, дипломатические представительства, Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов, или организации, в которые вступали бывшие сенаторы, педагоги, журналисты, писатели и т.д.), организации просветительские и педагогические (школы, педагогические, молодежные и студенческие союзы), гуманитарные (Красный Крест, Земгор, союзы инвалидов и др.) и, наконец, организации экономического характера. Деятельность этих разнородных организаций — в широком спектре, от проведения съездов, слетов и лекций, до заботы о жизни эмигрантов, размещении, финансовой помощи, лечении, трудоустройстве и образовании — имела огромное практическое значение. Но, несмотря на это, она представляла собой лишь отдельный сегмент многослойной социальной жизни русской эмигрантской колонии на Балканах.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Сегодня просто невозможно воссоздать точный список всех русских эмигрантских организаций, которые действовали на Балканах в межвоенный период. Приблизительные подсчеты показывают, что их в то время было несколько сотен, а возможно, и более тысячи. По данным за 1924 г., одних

только казачьих станиц, хуторов и групп в Югославии, Болгарии и Румынии было точно сорок семь². В этом несуществующем списке должны были бы фигурировать как самые крупные эмигрантские институты, например, армия, церковь, русские школы с интернатами, Русские дома или Российское общество Красного Креста (старые организации), так и совсем маленькие, иногда экзотические общественные организации и союзы, какими были Русское народно-императорское (штабс-капитанское) движение, которое действовало в Софии и в Белграде³, великобечкерекский Русский теннисный клуб⁴, Союз русских государственных мужей имени великой княгини Киры Кирилловны, который имел отделения в Велико-Тырнове и в Горной Джумае (Благоевграде)⁵, Культурно-просветительское молодежное объединение «Почитатели Петра Великого» в Софии⁶, Братство Святой Руси имени св. Владимира в Белграде⁷, Русское общество филателистов в Югославии с центром в Игалло⁸, Общество распространения русской национальной и патриотической литературы в Белграде⁹ или Русско-болгарский дамский комитет в Варне¹⁰ и др.

Разумеется, значимость всех этих организаций в жизни эмигрантов не была одинаковой. По их значению организации можно разделить на те, которые решающим образом влияли на социальную самоорганизацию первого поколения — педагогические и молодежные организации, в рамках которых происходила социальная ориентация второго поколения эмигрантов; гуманитарные институты; наконец, отдельные общества, занимавшиеся различными сторонами эмигрантской деятельности (некоторые из них, как, например, общество филателистов, дамский клуб или яхт-клуб, конечно, могли также помочь русским беженцам хотя бы на время забыть о тяжелом быте и оторванности от родины). Именно эти эмигрантские организации, без учета объема их деятельности и реального или лишь символического общественного значения, представляли собой основной механизм взаимосвязи эмигрантов с новым окружением (повседневностью), с одной стороны, и с идеалами былой державы и скорого возвращения на родину, с другой стороны. Тем самым эмигранты возводили идеалы прошлого к желанному, но туманному будущему.

Русские эмигрантские организации, общества и союзы со штаб-квартирами в крупных балканских городах или мелких местечках были рассеяны по всему Балканскому полуострову. Социальная функция эмигрантских организаций была, как правило, двойственна. Это были учреждения, в которых эмигранты могли как просить и обрести помощь и поддержку, так и просто собираться и обмениваться новостями, где они могли общаться на родном языке, где просто существовала русская атмосфера, старое положение вещей, где все дышало русской культурой и беженцы могли открыто выражать свою принадлежность к группе, свою русскость.

Общественные организации первого поколения эмигрантов

Среди многочисленных организаций, способствовавших общественной самоорганизации эмигрантов и своей деятельностью создававших невидимую бюрократическую сеть Зарубежной России, выделялись те, чье поле деятельности охватывало массу эмигрантов во всем (или почти во всем) мире и которые

имели своих представителей или даже представительства почти на всех континентах и во всех государствах, где проживали русские эмигранты. Такими были Русская армия (с 1924 г. РОВС), Русская православная церковь за границей (РПЦЗ), Красный Крест, Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов. Центры некоторых из них находились на Балканах (Русская церковь, армия, Русский совет), в то время как другие имели свои штаб-квартиры в других европейских государствах, чаще всего в Париже, но их филиалы и представительства действовали и на Балканах, имея исключительное значение в жизни русских беженцев, как, например, Красный Крест или Всероссийский союз городов, заботившийся о деятельности русских школ. Большое значение для самоорганизации и нормализации положения эмигрантов имели русские дипломатические миссии, которые до 1924 г. действовали в том же статусе и с теми же прерогативами, как и до октября 1917 г., а также государственные и парастагосударственные представительства в отдельных балканских государствах, сформированные специально для заботы о русских эмигрантах, такие, как Государственная комиссия по вопросу русских беженцев в Королевстве СХС, Комитет по вопросам, связанным с русскими беженцами в Болгарии, Организация по защите интересов русских беженцев в Греции и др. Наконец, важную роль в общественной жизни играли и различные сословные, гуманитарные и профессиональные общества, имевшие, по существу, локальный характер, а также Русские дома, открывавшиеся для оказания начальной поддержки и помощи русским людям в ряде крупных балканских городов.

Эмигрантские организации объединяли всю эмигрантскую группу в одно целое образование различными способами — прямо, например путем раздачи финансовой помощи, или косвенно, занимаясь урегулированием правового статуса беженцев. Таким образом, благодаря деятельности этих организаций каждый эмигрант, в большей или меньшей степени, прямо или косвенно, был организационно инкорпорирован в структуры Зарубежной России.

Среди эмигрантских организаций, чья деятельность распространялась по всему миру Русского Зарубежья, три на протяжении более или менее продолжительного отрезка времени имели свой центр на Балканах: Русская армия (1920—1926), Русская православная церковь за границей (1920—1944) и Русский совет, основание которого было вызвано попыткой формирования своего рода «правительства в изгнании» (1921).

Две из них, Русская армия и Русская церковь, были, без сомнения, самыми значительными организациями эмигрантского мира. Их важность превосходила даже рамки Русского Зарубежья. Русская армия, в особенности после начала 1920-х годов, пока ее центр находился на Балканах, была одним из потенциально наиболее опасных противников большевистского режима в Советском Союзе. А формирование и деятельность Архиерейского синода в городке Сремски-Карловци привели, прямо или косвенно, к серьезному расколу в Русской православной церкви, причем как в отношениях между Москвой и Зарубежной Россией, так и в самой Зарубежной России. Поэтому эти две организации надо рассматривать как общерусские и общеевропейские исторические феномены.

Русская армия и РОБС

...Как в бою развертывается полк, разбивается на батальоны, роты, взводы, звенья, принимает рассыпной строй, так Армия-изгнанница из лагерей Галлиполи, Лемноса, Кабаджи разошлась по братским славянским странам, рассыпалась по горам Македонии, шахтам Болгарии, заводам Франции, Бельгии, Нового Света. Рассыпалась, но осталась Армией, — воинами, спаянными единой волей, связанными между собою и своими начальниками, одушевленными единым порывом, одной жертвенной готовностью. Среди тяжелых испытаний армия устояла. Не ослабла воля. Не угас дух. Придет день, протрубит сбор, сомкнутся ряды и вновь пойдём мы служить Родине. Бог не оставит нас. Россия не забудет.

Генерал П.Н. Врангель.

Приказ № 1 от 14 января 1926 г.¹¹

Русская армия, насчитывавшая порядка 60 тыс. солдат и офицеров, была в ноябре 1920 г. после эвакуации почти целиком переброшена на Балканы¹², за исключением 6 тыс. моряков и офицеров русского военного флота, переброшенных во французский порт Бизерта в Тунисе на 30 кораблях, взятых французами в залог¹³. С тех пор и до середины 1920-х годов Балканы, на которых были размещены армия и Главный штаб¹⁴, имели исключительное значение в истории русской эмиграции.

Верховное командование Русской армии сразу после переброски частей из Крыма в Константинополь выдвинуло пять основных задач: 1) обеспечить размещение и питание для всех, кто уехал из Крыма; 2) всем раненым и больным оказать медицинскую помощь; 3) наладить контакт с армией русских солдат, рассеянных по различным государствам Европы; 4) объединить русскую общественность в эмиграции вокруг армии как ядра национальной России; 5) путем соответствующей политической активности показать, что борьба, проводившаяся покинутой всеми союзниками Русской армией, имела всеобщее значение, после чего армия должна была бы получить заслуженную помощь и поддержку¹⁵.

Пребывание и жизнь в изгнании, как и осуществление идеи русского верховного командования сохранения ядра армии и военного порядка, выдвигали многочисленные проблемы и препятствия — от проблемы, как балканские политические элиты отнесутся к тому, что на их территории будет находиться хорошо вооруженная и дисциплинированная армия, а также к идее, что фактически с их территорий (в первую очередь из района Константинополя, а также из Болгарии и Королевства СХС) будут запланированы и подготовлены военные действия против Советского Союза, до серьезного практического вопроса, как в новых условиях можно финансировать военные части и сохранить их в целостности до наступления желанного часа продолжения борьбы с большевистскими властями в России. Две последние проблемы — содержания, просто выживания солдат и офицеров в изгнании и продолжения борьбы

с большевиками — были основными в деле сохранения и существования армии, армейского устройства, поддержания дисциплины и стойкости духа в изгнании. С течением времени эти основные проблемы оказывались все дальше и дальше от реализации, решающим образом определяя повседневную жизнь, организационные формы и значение Русской армии в изгнании.

Надеясь на то, что в относительно короткие сроки будет получена поддержка правительств мощных государств для реализации плана продолжения борьбы с большевиками, командование Русской армии пыталось сохранить боевой состав подразделений и твердую военную дисциплину. Генерал Врангель сформулировал эту идею в мае 1921 г. следующим образом: «Армия постепенно перейдет к новым формам и условиям жизни... Армия будет существовать в полускрытом виде, но Армия должна быть сохранена во что бы то ни стало»¹⁶. С этой целью было произведено объединение армии в три корпуса с их последующей передислокацией почти в полном боевом порядке в Болгарию и Королевство СХС. Тем временем жизнь в изгнании выдвигала новые потребности и правила. В начале 1920-х годов части элитного 1-го армейского корпуса были размещены в Болгарии по пустым казармам, что полностью соответствовало основной идее сохранения и укрепления корпуса. В отличие от них солдаты двух других корпусов, Донского в Болгарии и Кубанского в Королевстве СХС, согласно договору между русским командованием с официальными Белградом и Софией должны были собственным трудом содержать себя и свои части (занимаясь в основном физическим трудом: в Болгарии — на рудниках и полях, а в Королевстве СХС — на строительстве дорог и корчевании леса, при этом часть солдат была устроена по контракту в пограничную стражу и финансовый контроль и размещена на нестабильных северных, западных и южных участках границы новооснованного государства). Таким образом, русское командование потеряло полный контроль над этими частями, так как, совершенно логично, они были вынуждены подчиняться местному законодательству в ходе уголовных и гражданских разбирательств. С другой стороны, командование все же смогло обеспечить во внутренних взаимоотношениях солдат и командиров внутреннюю военную организацию и старую субординацию, вплоть до военных судов, которые решали вопросы дисциплины и внутреннего распорядка¹⁷. При этом русским солдатам было разрешено и далее носить русскую форму, кроме тех, кто служил в пограничной страже и финансовом контроле Королевства СХС, в которых ношение формы было разрешено лишь старшим офицерам¹⁸.

Однако относительно сносное положение частей Русской армии в балканских государствах продлилось недолго — лишь в 1921–1922 гг., когда 1-й армейский корпус, размещенный в казармах в Болгарии, полностью сохранял свою внутреннюю структуру, а подразделения Донского и Кубанского корпусов, хотя и были поделены на трудовые части и трудоустроены в Болгарии и Королевстве СХС, в значительной мере поддерживали прежнюю воинскую субординацию — условия, которые давали возможность надеяться на осуществление основной задачи, возобновление борьбы против большевиков. Уже в течение 1922-го и 1923 гг., во время резкого обострения политической ситуации, интенсивных столкновений и пертурбаций в Болгарии, пребывание организованных и дисциплинированных частей Русской армии вызывало круп-

ные проблемы и недоразумения, которые поколебали положение армии и предрешили ее дальнейшую судьбу¹⁹.

Первая напряженность между болгарскими властями и русским командованием и частями проявилась весной 1922 г. на фоне организации общеевропейской конференции в Генуе, в которой участвовали и советские представители²⁰. В ходе конференции и после нее произошло некоторое болгаро-советское сближение, а в самой Болгарии началось сближение и политическое сотрудничество между правящим Болгарским земледельческим народным союзом и Болгарской коммунистической партией, в то время второй по значимости парламентской партией в стране. Это сближение придало значительно больший политический вес частым нападкам и акциям болгарских коммунистов, направленным против Русской армии и эмигрантов вообще. Начиналось с многочисленных, хотя и на первый взгляд безопасных, выпадов, публиковавшихся весной 1922 г. в коммунистической и профсоюзной печати²¹. Доходило и до более серьезных политических акций: организации по всей стране в течение весны 1922 г. нескольких массовых протестов, последний из которых был осуществлен под лозунгом «Врангелевцы, вон из Болгарии!»²², внесения в Народное собрание вопроса о статусе Русской армии и необходимости ее срочного разоружения и расформирования²³. Попытка генерала Врангеля и штаба 1-го армейского корпуса в ходе прямого контакта с официальной Софией напомнить о том, что русские части находятся в Болгарии на основании договора со штабом болгарской армии и за счет средств, собранных в изгнании, а также опровергнуть как необоснованные и бессмысленные все обвинения болгарских коммунистов в планах вмешательства во внутреннюю политику страны не имели в новых политических условиях никакого эффекта²⁴. В апреле 1922 г. начальник штаба болгарской армии даже порекомендовал отложить запланированное посещение генералом Врангелем русских частей в Болгарии²⁵.

В контексте болгаро-советского сближения, в атмосфере, которую определяли брошенные болгарскими коммунистами в адрес русского командования тяжелые обвинения в подготовке государственного переворота, дальнейшая судьба Русской армии в Болгарии была непредсказуема, что и подтвердили события осени 1922 г. Во-первых, радикальное крыло внутри самого правительства под предводительством премьера А. Стамболийского и Р. Даскалова повело активную кампанию против русских штабов и частей²⁶. Затем в начале мая 1922 г. произошел резкий поворот, который обозначил начало всесторонней и мощной акции, направленной против Русской армии. В один и тот же день, 6 мая, в чем можно усмотреть и политическую символику, болгарские коммунисты и советские эмиссары в Софии на основании решения правительства о разрешении репатриации русских беженцев в Советскую Россию основали Союз возвращения на родину (Совнарод)²⁷, а болгарские власти в Софии арестовали начальника врангелевской контрразведывательной службы в Болгарии полковника П.Т. Самохвалова, у которого в ходе ареста был изъят архив²⁸. И арест, и изъятые материалы послужили болгарским властям поводом для малообоснованного обвинения Русской армии и ее командиров в том, что они готовили заговор с целью свержения режима Стамболийского²⁹. Уже 11 мая последовало решение болгарского правительства о том, что в связи со «шпионажем, которым занимались эмигранты-врангелевцы в Болгарии:

1) постепенно выслать из Болгарии всех русских офицеров и все штабы; 2) поставить под контроль правительства фонды по содержанию русских эмигрантов... 3) крупные группы русских эмигрантов, проживавших в казармах, разбить на мелкие группы, максимально по 50–100 человек и разместить их по различным городам и селам, где бы они могли заниматься трудовой деятельностью... 4) принять меры к тому, чтобы всемерно помочь тем, кто желает вернуться на Родину»³⁰. После этого в ускоренном порядке болгарские власти сначала (13 мая) арестовали, а после этого выслали из Болгарии через Салоники в Королевство СХС командира 1-го армейского корпуса генерала А.П. Кутепова³¹, а потом и других видных русских генералов, начальника штаба армии П.Н. Шатилова, командира Донского корпуса Ф.Ф. Абрамова, начальника русской военной миссии В.Е. Вязьмитинова, начальника снабжения армии И.П. Ставицкого и др. Напрасными были возмущения и просьбы, направленные А. Стамболийскому и со стороны П.Н. Врангеля³², и от международных дипломатических кругов³³, и от самих эмигрантов. В течение мая и июня 1922 г. в Королевство СХС было депортировано всего 58 русских офицеров, из которых 35 были генералами³⁴. Но, несмотря на это, дисциплина и армейская структура, по оценке как самого правительства и болгарских коммунистов, так и русских офицеров, все еще не были разрушены³⁵.

После известной нормализации ситуации в течение лета, когда на место командира 1-го армейского корпуса был назначен генерал Е.К. Миллер, в начале сентября последовала новая скоординированная атака на армию и ее командиров с той разницей, что на этот раз она базировалась на куда более прозрачных фальсификациях и открыто подброшенных компрометирующих доказательствах, опубликованных 14 сентября в официальном органе правящей партии «Земедельско знаме»³⁶. Последствиями этого сфальсифицированного «русского заговора», который организовал заместитель шефа полиции Софии С. Трифонов³⁷, стали новые обвинения и аресты высокопоставленных русских офицеров, генералов Е.К. Миллера, И.А. Ронжина, Н.А. Романовского, М.Н. Ползикова, Г.П. Лобова, М.М. Зинкевича, Кузьмина и других, а вслед за этим, 16 сентября, выдворение их из страны³⁸. В течение следующих месяцев последовали менее значительные, но крайне неприятные конфликты властей и оставшихся в стране русских командиров³⁹.

Ситуация нормализовалась лишь после государственного переворота 9 июня 1923 г., когда к власти пришел правый кабинет А. Цанкова. Однако конфликты и преследования 1922 г. неминуемо отразились на статусе армии, ее структуре и дальнейшей судьбе. После того как еще в 1921 г. Донской корпус в Болгарии и Кубанский в Королевстве СХС были разбиты на малочисленные группы и трудоустроены в рудниках, пограничной страже и на строительстве дорог, теперь и 1-й армейский корпус был разоружен, выброшен из казарм и вынужден реорганизоваться в трудовые части и искать группового трудоустройства на разных работах⁴⁰. Таким образом, последние части Русской армии в изгнании покинули казармы, а мечта о долгожданном «весеннем наступлении» против большевиков стала еще более туманной и недостижимой. Наступило новое время, когда армия была вынуждена полностью изменить внутреннюю организацию, а простые солдаты — искать нового, адекватного места работы и в других странах русского изгнания.

То, что армия будет неминуемо вынуждена претерпеть реорганизацию, если она хочет остаться верной основной идее «продолжения борьбы с большевиками», можно было предвидеть еще в начале 1920-х годов, когда, несмотря на оптимистические прогнозы о том, что уже «следующей весной начнется наступление на большевиков», частично спонтанно, а частично организованно началось трансформирование армейской структуры.

Переезд в Королевство СХС и Болгарию показал, что в будущем основные вопросы, являющиеся решающими для дальнейшего сохранения армии, будут связаны с трудоустройством русских офицеров и солдат, с защитой армии от раздробления и рассеивания, с сохранением прежних воинских связей и субординации между солдатами, офицерами и верховным командованием. Неизбежность такой судьбы можно было заметить уже в призыве, с которым генерал Врангель обратился к своим солдатам в июле 1922 г., когда он подчеркнул, что вследствие крайне тяжелой ситуации, в которой оказалась армия из-за того, что армейская казна опустела, каждый сталкивается с «суровой необходимостью собственным трудом зарабатывать на жизнь», при этом трудоустройство каждого, кто способен трудиться, означает облегчение положения остальных бойцов. В то же время он просил солдат «не терять связи со своими частями, временно оставляя армейские ряды», и воодушевлял их, призывая оставаться «членами собственных полковых семей, русскими солдатами, орлами Русской армии»⁴¹. Уже осенью того года П.Н. Врангель приказал начальнику штаба главнокомандующего генералу Е.К. Миллеру «срочно разработать меры к постепенному переходу трудоспособных членов Армии на самообеспечение» и разработать систему, согласно которой все работающие чины армии были бы должны выделять часть средств от заработанного в общую кассу, которая использовалась для лечения, страховки, кредитования, касс взаимопомощи и других потребностей армии и ее воинов⁴².

Но еще до врангелевского призыва, в 1921–1922 гг., в воинских лагерях в пригородах Константинополя, а затем в Болгарии и Королевстве СХС среди солдат появились организации нового вида — различные союзы, общества и группы. Инициатива их создания исходила от младших офицеров и солдат, по разным причинам увольнявшихся из армии и переходивших на положение гражданских беженцев. Им хотелось организовать военные союзы и таким образом сохранить свою связь с армией⁴³. В то же самое время во многих государствах, которые не соглашались на какое-либо присутствие иностранных вооруженных сил на своей территории, объединение в воинские союзы было единственным способом для бывших солдат и офицеров сохранить связь с армией⁴⁴. В ситуации, когда военные союзы и общества начали формироваться как на основании рекомендаций главнокомандующего, так и по инициативе «снизу», Главный штаб посчитал необходимым выработать единый устав воинских организаций, которого придерживались бы все вновь основанные объединения. Этот образцовый устав был принят 2 апреля 1921 г. Согласно его положениям офицерские союзы и организации должны были составить систему союзов во всех странах, вступив в Совет союзов и организаций страны своего проживания, с тем чтобы союзы из ряда стран связывались между собой и, наконец, вступали в Союз союзов, который формировался при штабе главнокомандующего⁴⁵. Но до 1924 г. данная идея не была последовательно и безусловно проведена верховным командованием. Среди прочих причин этому

способствовал и тот факт, что ряд союзов был сформирован до решения генерала Врангеля и до утверждения единого образца устава офицерских союзов⁴⁶.

Начало формирования военных союзов и обществ, которые не могли полностью контролироваться верховным командованием, обусловил тот факт, что среди организаций и «протоорганизаций», как их называют отдельные авторы⁴⁷, сформированных в течение 1921–1922 гг., появились союзы и общества, которые крайне отличались друг от друга по своей сущности. Среди них были объединения с чисто военным названием и характером, как, например, Общество русских офицеров в Королевстве СХС или Общество офицеров Генштаба с отделениями в Болгарии, Югославии и Турции, а также специфические общества как по названию, так и по тем принципам, на которых сплачивались солдаты, поддерживая свое состояние духа в тяжелых условиях изгнания, например Союз галлиполийцев, включавший всех тех, кто после эвакуации был размещен в военном лагере Галлиполи, Союз участников первого Ледяного похода генерала Корнилова на Кубани или Общество кавалеров ордена Св. Георгия и т.п. Многочисленные организации, сформированные в изгнании, можно разделить на четыре основные категории: 1) организации, которые связывали офицеров по определенной воинской специальности, роду войск или месту службы (например, общества и союзы пехотных, конных, артиллерийских, инженерных, генштабных и других офицеров); 2) союзы и общества, которые занимались повседневными проблемами и оказанием помощи своим членам (союзы русских инвалидов); 3) территориальные общества, возникшие в результате пребывания в одной стране (например, Общество русских офицеров в Королевстве СХС, Союз офицеров армии и флота в Константинополе и т.д.), и наконец, 4) мемориальные общества, в которые вступали военные, вместе участвовавшие в каком-либо значительном событии (например, Союз офицеров — участников Великой войны, Союз галлиполийцев или Союз участников первого Ледяного похода генерала Корнилова на Кубани)⁴⁸. Важно подчеркнуть, что такая форма организации русских солдат, родившаяся спонтанно, на самом деле значительно больше соответствовала реальной жизненной ситуации, нежели попытка сохранения почти казарменных взаимосвязей и субординации по полкам, батальонам, ротам и взводам.

Уже в 1923 г., после того как были потеряны надежды на еще один «весенний поход» против Советского Союза и после того как 1-й армейский корпус был разоружен и выброшен из казарм (что окончательно нарушило прежнюю армейскую организацию и даже поставило под вопрос целесообразность самой идеи о сохранении армии в изгнании), верховное командование решило связать в более прочную и оперативную воинскую структуру организации, которые объединяли бывших офицеров и солдат. Тогда стала окончательно ясной возможность сохранить в изгнании армейскую структуру путем укрепления взаимосвязей солдат и, что еще важнее, офицеров. При этом верховное командование, по выражению генерала А.П. Кусонского, относящемуся к июню 1923 г., желало формирования исключительно офицерских обществ, которым следовало заботиться и о солдатах, оказывая им моральную и материальную поддержку. Согласно этому плану сами солдаты не могли быть ни членами, ни кандидатами в члены таких обществ. Интересно, что в то время Генеральный штаб все еще планировал сохранение штабов отдельных частей

и одновременно относился с большой надеждой к идее поддержания личных контактов с солдатами, рассеянными по всему миру, и преобразования армейских частей в трудовые группы, как это происходило в Болгарии и Королевстве СХС⁴⁹. Через месяц, в июле 1923 г., в циркулярном письме, обращенном к старшим офицерам, генерал Врангель еще активнее поддержал идею формирования союзов и обществ, подчеркнув необходимость дальнейшего рассредоточения армии на небольшие группы с целью улучшения условий жизнедеятельности своих подчиненных⁵⁰.

Благодаря благосклонному расположению верхов Русской армии объединение в союзы стало значительно более массовым в течение 1923-го и 1924 гг., причем новооснованные общества имели более профилированные планы и цели, чем первые организации, сформированные еще в 1921 г. Это выдвинуло перед верховным командованием задачу их объединения и координации с тем, что этот вид взаимосвязей, по сути дела, давал возможность осуществить задачу сохранения армии путем общей трансформации и создания нового типа отношений между солдатами и офицерами, открывая для армейского руководства перспективу дополнительного усиления своего влияния на огромную русскую диаспору. Поэтому русское верховное командование еще в начале 1923 г. образовало Совет объединенных офицерских обществ с целью объединить уже существовавшие общества и решить проблему поддержания дисциплины среди офицеров в изгнании (о чем должны были бы позаботиться нововведенные офицерские «суды чести»)⁵¹, а когда выяснилось, что это не является самым подходящим способом организации союзов и обществ, то во второй половине 1923 г. была начата организация новой воинской координационной структуры, целью которой было бы объединение всех союзов и обществ под эгидой единого воинского командования. Началом этого процесса стал приказ генерала Врангеля № 82 от 8 сентября 1923 г. о том, что все члены офицерских союзов и обществ должны быть включены в состав армии, а объединением и направлением деятельности всех обществ во всех странах русского изгнания должны руководить представители и военные агенты главнокомандующего⁵². Это был ключевой шаг по пути, направленному на окончательное формирование РОВСа.

Поспешное стремление русского военного командования объединить офицерские и солдатские союзы в более прочную структуру и таким образом организационно трансформировать армию было дополнительно мотивировано тем фактом, что сближение правительств ряда европейских государств, в которых жили русские эмигранты, с новыми правителями Советской России, начавшееся еще в 1921 г., в начале 1924 г. было окончательно оформлено после официального признания большевистского правительства в Москве сначала Великобританией и Италией, а потом и другими государствами⁵³. Так началось формирование РОВСа.

Генерал Врангель 1 сентября 1924 г. издал приказ о формировании РОВСа, согласно которому в него были включены: все офицерские общества, вступившие в армию (на основании приказа от 8 сентября 1923 г.); все сохранившиеся на тот момент воинские части и воинские трудовые группы в Болгарии, Королевстве СХС и других государствах; отдельные офицерские группы и даже отдельные солдаты, которые по причинам локального характера не могли войти в какое-либо офицерское общество или союз и все-таки хотели остаться

ся в рядах Русской армии. Общества, включенные в РОВС, имели право сохранить свои названия, самостоятельность во внутренней организации и внутреннюю субординацию, урегулированную существующими законами, в то время как РОВС представлял собой структуру, их объединявшую. Общее управление делами Русского общевойскового союза было сконцентрировано в Главном штабе, т.е. в руках главнокомандующего, генерала Врангеля⁵⁴. В правовом аспекте отделения РОВСа, а также офицерские союзы и общества должны были скоординировать свои уставы с законами стран, в которых они функционировали⁵⁵.

Стремление верховного командования и генерала Врангеля придать РОВСу значение и влияние на территории всех стран русского рассеяния заметно уже исходя из его территориальной структуры. РОВС имел свои отделения на всех континентах: в Европе их было шесть, на Дальнем Востоке — одно, в Северной Америке — три (два в США и одно в Канаде), в Южной Америке — одно (в Парагвае) и одно в Австралии. Наиболее разветвленная сеть в межвоенный период существовала у РОВСа в Европе, что совершенно естественно, так как именно там было сконцентрировано большинство бойцов Русской армии и воинских обществ:

— I отдел (начальник — генерал от кавалерии П.Н. Шатилов) охватывал в основном страны Западной, Северной и Южной Европы, а также Северной Африки (в него были включены воинские организации, размещавшиеся в Англии, Франции, Дании, Голландии, Норвегии, Италии, Египте и Сирии).

— II отдел (начальник — генерал-майор А.А. фон Лампе) объединял воинские организации Центральной Европы и Прибалтики (в Германии, Австрии, Венгрии, Латвии, Литве, Эстонии и Данциге).

— III отдел (начальник — генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов) действовал в Болгарии и Турции.

— IV отдел (начальник в 1924–1933 гг. — генерал от инфантерии Э.В. Экк, а с 1933 г. — генерал-лейтенант И.Г. Барбович) охватывал Югославию, Грецию и Румынию.

— V отдел (начальник — генерал-майор Б.Г. Гартман) объединял воинские союзы и общества Бельгии и Люксембурга.

— VI отдел (начальник — генерал от инфантерии Н.А. Ходорович) действовал в Чехословакии⁵⁶.

В то же время оставшиеся армейские части, которые в качестве трудовых групп и батальонов размещались в Королевстве СХС, Болгарии и Франции, были вновь реорганизованы, на этот раз в два корпуса: 1-й армейский, во главе с генерал-лейтенантом В.К. Витковским, и Донской, который подчинялся генерал-лейтенанту Ф.Ф. Абрамову⁵⁷. Дисциплина в корпусах и воинских союзах и далее поддерживалась благодаря «судам чести»⁵⁸.

Сразу после формирования РОВСа в сентябре 1924 г. П.Н. Врангель предложил великому князю Николаю Николаевичу статью Верховным командующим РОВСа, а тем самым и его политическим представителем. Великий князь уже был Верховным главнокомандующим армией в годы Первой мировой войны и являлся одним из двух претендентов на опустевший царский престол. Он принял в ноябре 1924 г. предложение П.Н. Врангеля о том, чтобы стать во главе РОВСа, но с тем ограничением, что руководством он будет заниматься непосредственно «через личность Главнокомандующего»⁵⁹. Именно так, ско-

рее символически, он и принял на себя роль главы Русской армии в изгнании, в то время как фактическое руководство оставалось в руках генерала Врангеля⁶⁰.

Тот факт, что пространство Балкан было охвачено двумя отделениями РОВСа, показывает, какое значение придавало Балканам русское верховное командование, само размещавшееся в Сремских-Карловцах. Заметно, что костяк нового союза был сформирован из частей, которые во время Гражданской войны сражались под командованием Деникина, а затем Врангеля и после эвакуации Крыма были размещены именно на Балканах; что русская эмиграция в балканских странах имела по большей части воинский характер и что территория Балкан была крайне удобна для размещения воинских частей, так как географически близка России, что соответствовало плану русского верховного командования о возврате на родину и продолжении борьбы с большевиками.

Однако ко времени формирования РОВСа территория Балкан уже в существенной мере утратила свое прежнее значение ключевой базы размещения русской военной эмиграции. На это решительным образом повлияло разоружение и выдворение из казарм в Болгарии 1-го армейского корпуса, происшедшее в течение 1922 г., и последовавший затем перевод оставшихся соединений в статус трудовых групп. Таким образом, армия, несмотря на попытки верховного командования сохранить военный порядок, субординацию и дисциплину, окончательно потеряла свой воинский вид, перерастая в ряд мелких трудовых групп, рассеянных по всем Балканам. Но такое крайне тяжелое существование было недолгим, так как и в Королевстве СХС, и в Болгарии в середине 1920-х годов стали ощущаться экономические трудности — последствия мирового экономического кризиса. Со временем подходящей для русских солдат работы становилось все меньше, вследствие экономических проблем появилась необходимость трудоустраивать на такие работы местное население, что поставило верховное командование в крайне тяжелое положение, так как было все труднее сохранить вместе и содержать части, которые не имели работы. Разочаровавшиеся солдаты все чаще уходили из армии, сами искали подходящие рабочие места на Балканах или уезжали в другие страны.

Политическая нестабильность в Болгарии привела к появлению еще одного процесса, который радикально повлиял на судьбу армии. В начале 1923 г. началось организованное переселение трудовых групп русских солдат во Францию, что заставило и русских солдат в Королевстве СХС выражать ничем не оправданное, по мнению верховного командования, стремление к переброске в Западную Европу. В связи с этим начался организованный отъезд частей Русской армии и из Югославии. За два с половиной года (1923—1926) с Балкан было переброшено во Францию и Бельгию около 7500 русских солдат, а еще 1500 из них смогли сами, различными путями перебраться в эти два государства⁶¹. Отъезд 9 тыс. русских солдат привел к логичному решению о перемещении с Балкан и штабов 1-го армейского корпуса, Корниловского и Марковского пехотных полков, некоторых дивизионных штабных частей и отдельных военных училищ⁶². А вскоре с Балкан уехали и генерал Врангель, и русское верховное командование, немного разочарованные в правительствах «братских славянских стран» из-за их неготовности допустить на своих территориях полное обновление Русской армии⁶³. Генерал Врангель осенью 1926 г.

уехал из Главного штаба в Сремских-Карловцах и переселился в Париж, а вскоре после этого в Брюссель. Вслед за этим Главный штаб был переселен в политический центр Зарубежной России — в Париж.

Оставшиеся на Балканах русские солдаты и далее сталкивались с проблемой трудоустройства и стремились группами или индивидуально перебраться поближе к своим соратникам в Западной Европе. Из когда-то многочисленной армии на Балканах к концу 1920-х годов осталось всего несколько небольших групп, которые занимались в Югославии постройкой железной дороги, переработкой железной руды, деревообработкой (казацья дивизия), корчевкой лесов (гвардейская казацья дивизия), служили в пограничной охране (части кавалерийской дивизии), а в Болгарии были задействованы на сельскохозяйственных работах (части Донского корпуса), в рудниках и были батраками у болгарских крестьян (офицеры 1-го армейского корпуса, которым было крайне трудно заниматься этой работой, так как им было «тяжело привыкнуть к положению батрака») ⁶⁴. Новая волна переселения, хотя и меньшей интенсивности, двинулась в 1928 г., когда Франция опять открыла свои границы для иностранных рабочих и когда 500 русских солдат из Болгарии переселились во Францию ⁶⁵.

Несмотря на то что Балканы начиная с 1922–1923 гг. теряли свое значение военного центра русской эмиграции и что русские солдаты организованно перебрасывались в Западную Европу, в этом регионе и далее функционировали два отдела РОВСа. III — с центром в Софии, которым руководил генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов (заместитель — генерал-лейтенант Н.Э. Бредов, шеф подотдела в Бургасе — генерал-лейтенант Греков), во время формирования в 1924 г. объединяло воинские союзы на территории Болгарии и Турции. Но к началу 1930-х годов вследствие массового отъезда из Турции III отдел составляли 23 воинские группы ⁶⁶ и 38 союзов, организаций и обществ, размещенных в различных частях Болгарии ⁶⁷. В Болгарии, кроме III, действовал и I отдел РОВСа, так как 43 воинские группы были связаны с центральными организациями, вошедшими в состав I отдела ⁶⁸. В состав IV отдела РОВСа, с центром в Белграде, которым в 1924–1933 гг. руководил генерал от инфантерии Э.В. Экк, а затем генерал-лейтенант И.Г. Барбович (с заместителем генерал-майором М.Н. Добророльским и помощниками, генерал-лейтенантом К.К. Эгером — шефом подотдела в Крагуеваце, и генерал-лейтенантом Н.П. Стремоуховым — в Загребе). В отдел входили 75 организаций, союзов и групп в Югославии ⁶⁹, а также три группы из Румынии (Кишинев, Бухарест и Плоешти) под руководством генерал-лейтенанта Леонтовича ⁷⁰. Как и в Болгарии, в Королевстве СХС существовали группы, которые представляли собой подразделения центральных организаций, вошедших в I отдел РОВСа. Их было восемь, а во главе их стоял шеф группы 1-го армейского корпуса в Югославии генерал-майор В.Ф. фон Баумгартен ⁷¹. Кроме III и IV отделов в Болгарии в течение 1930-х годов, несмотря на организованное выселение трудовых групп во Францию и Бельгию, по-прежнему были активны небольшие подразделения, батареи и сотни Донского корпуса, размещенные в Софии, Пловдиве, Хасково, Ямболе, Казанлыке и на фабрике «Изида» ⁷².

Формирование Русского общевойскового союза, начавшееся в начале 1920-х годов с образования союзов солдат и офицеров Русской армии генерала Врангеля, дало верховному командованию возможность (в особенности по-

сле того, как, хотя и формально, но во главе организации встал великий князь Николай Николаевич) включить в армейскую структуру и тех солдат, которые в годы Гражданской войны сражались под командованием других вождей Белого движения (генералов Н.Н. Юденича, А.И. Деникина и адмирала А.В. Колчака), покинули Россию в разное время и были рассеяны по всей Европе и Дальнему Востоку (в основном — в Маньчжурии). Это в значительной мере обусловило увеличение, хотя и формальное, количества членов организации. По данным РОВСа, в 1920-х годах в нем было объединено до 100 тыс. офицеров, а в начале 1930-х годов в союзе было зарегистрировано 40 тыс. человек⁷³.

Историю РОВСа в конце 1920-х и в начале 1930-х годов в значительной мере определяли вынужденное бездействие, вызванное неосуществимостью основной цели — борьбы с большевиками, и постоянные попытки выйти из этой ситуации. Кроме того, в конце 1920-х годов РОВС прошел и через своего рода «кризис руководства». Когда 28 апреля 1928 г. в Брюсселе внезапно умер генерал П.Н. Врангель⁷⁴, великий князь Николай Николаевич назначил генерала от инфантерии А.П. Кутепова его преемником, но принял его лишь на должность председателя РОВСа, отказываясь назначить главнокомандующим Русской армией и объясняя это тем, что в эту должность А.П. Кутепов может быть введен лишь на территории России, и тем, что армия в сложившихся условиях вовсе не походила на вооруженные силы⁷⁵. Таким образом, военная структура в эмиграции осталась без главнокомандующего и превратилась в некую полугражданскую-полувоенизированную организацию. Великий князь, как и ранее, исполнял должность верховного командующего РОВСом «через лицо председателя Союза». Несколько месяцев спустя, 6 января 1929 г., когда великий князь Николай Николаевич умер, генерал Кутепов взял на себя и его полномочия, объединив таким образом в своем лице должность председателя и верховного командующего РОВСом, т.е. военную и политическую стороны управления организацией.

А.П. Кутепов находился во главе РОВСа чуть менее двух лет. Этот период отмечен как «время активизации», которое характеризовалось нелегальной переброской некоторого количества бойцов на территорию СССР с достаточной утопической целью совершения там диверсий и поднятия населения на массовое восстание⁷⁶. Период активизации закончился, когда генерал Кутепов 26 января 1930 г. бесследно исчез в Париже. Лишь несколько лет спустя было открыто, что по дороге из церкви домой его похитили агенты ОГПУ и впоследствии при переброске в Новороссийск на корабле он скончался при неясных обстоятельствах⁷⁷. На должности председателя РОВСа Кутепова сменил генерал Е.К. Миллер, который оставался на посту до 27 сентября 1937 г., когда его, как и Кутепова, похитили агенты НКВД. В отличие от Кутепова, он был привезен в СССР, где на основании приговора чрезвычайного суда был расстрелян⁷⁸. Хотя в то время, когда РОВСом командовал Миллер, также осуществлялись акции по заброске нелегалов в СССР, эта деятельность была гораздо менее интенсивной. Во время гражданской войны в Испании была организована и акция по переброске добровольцев для участия в боевых действиях на стороне генерала Ф. Франко (но кроме небольших групп и незначительного числа одиночек, которые присоединялись к частям Франко, массового организованного отъезда русских добровольцев в охваченную

гражданской войной Испанию не наблюдалось)⁷⁹. В период 1930—1937 гг. русская военная организация все более утрачивала свое значение, частично из-за дальнейшего распыления личного состава, расселявшегося по всему миру (занятые решением насущных проблем и уставшие от постоянного откладывания основной задачи — возвращения в Россию, — люди теряли энтузиазм по сохранению связей с командованием армии), а частично еще и потому, что накануне Второй мировой войны, когда почти все страны Европы вооружались и мобилизовывали все большее число солдат, идея сохранения Русской армии в изгнании почти полностью теряла свое значение как политический и, возможно, военный фактор, который бы европейские политические элиты принимали во внимание, рассчитывая на возможное вооруженное столкновение с СССР. Вытеснение на европейскую политическую периферию решающим образом отразилось на судьбе РОВСа. После похищения генерала Миллера председателем РОВСа был избран начальник III отдела в Болгарии генерал Ф.Ф. Абрамов. Эту должность он занимал в течение шести месяцев, но 23 марта 1938 г. был вынужден подать в отставку, так как болгарское правительство запретило ему как гражданину Болгарии занимать эту должность. На посту председателя РОВСа его сменил генерал-лейтенант А.П. Архангельский, который после начала Второй мировой войны объявил о замораживании деятельности РОВСа⁸⁰. Таким образом, военная составляющая русской эмиграции окончательно потеряла свое значение. После Второй мировой войны РОВС продолжил свою деятельность в форме мемориальной организации без какого-либо военного и политического значения⁸¹.

Сохранение русской военной организации в эмиграции имело с социальной точки зрения многогранное значение. Существование армии или идеи армии, способной и готовой продолжить борьбу с большевиками и дать возможность осуществить возврат на родину, в психологическом плане ободряло и поддерживало эмигрантов, сознательно стремившихся к сохранению своей «русскости» в рамках Зарубежной России (т.е. косвенно отражалось на процессе адаптации и интеграции). Стремление армейских верхов сохранить воинскую структуру путем организации трудовых частей и групп в различных районах Европы дополнительно усиливало и без того сильно выраженные миграционные процессы внутри русской эмиграции. Воинская солидарность и организация помощи больным и семьям погибших бойцов придавали идее сохранения армии гуманитарную направленность⁸². А деятельность армейского командования имела в значительной степени и мемориальный характер — стремление сохранить память о жизни в России, об истории армии и событий, которые характеризовали Гражданскую войну и отъезд в эмиграцию⁸³. Но по сути дела, социальную плоскость армейской деятельности в эмиграции задавали лишь два фактора: стремление пополнить армейские ряды в изгнании и последовательная декларативная позиция невмешательства армии в политику.

Русское военное руководство систематически трудились над обновлением и пополнением рядов армии, полностью осознавая тот факт, что продолжительное пребывание в изгнании неудовлетворительно отразится на дисциплине и на связях солдат с их командованием и что крайне быстро может произойти резкое сокращение состава частей, а это помешает сохранению армии ради возврата в Россию и продолжения борьбы с большевиками, а также нанесет удар по роли и значению армии в эмиграции. В начале 1920-х годов об-

новление рядов сводилось к организации военных училищ, которые давали учащимся, будущим унтер-офицерам, солидное военное образование и открывали перед ними перспективы поступления в военные академии⁸⁴. Но к середине 1920-х годов, когда стало ясно, что возвращение на родину в ближайшем будущем маловероятно, а многие офицеры дошли до возрастной границы пенсионной выслуги лет, пришлось серьезно размышлять о пополнении офицерского состава армии. В связи с этим в конце 1926 г. генерал Врангель издал приказ о приеме в военные части и полковые группы в качестве кандидатов на офицерское звание молодых людей, окончивших средние школы, без учета того, служили ли они в армии, обязать их закончить военные курсы и сдать экзамены на унтер-офицерское, а затем и на первое офицерское звание. Три года спустя, в 1929 г., генерал Кутепов своим указом подтвердил приказ П.Н. Врангеля. В 1930-х годах условия приема новых кандидатов и членов в армию и воинские союзы были дополнительно облегчены, прежде всего в том, что кандидаты на офицерское звание не обязательно должны были иметь за плечами законченную среднюю школу⁸⁵. В то время по причине того, что в эмиграции не функционировала ни одна русская военная академия (не было и легальных возможностей открыть такое учреждение в какой-либо из стран русского рассеяния), были организованы высшие офицерские курсы, после которых эмигранты могли получить офицерское звание и пополнить поредевшие армейские ряды. Наиболее известными были Высшие военнo-научные курсы, организованные сначала в марте 1927 г. в Париже, а затем, с 1931 г., в Белграде под руководством генерала Н.Н. Головина. В Болгарии в начале 1930-х годов была организована Офицерская школа по усовершенствованию военных знаний⁸⁶. Политика постоянного пополнения армейских рядов позволила армейскому руководству сохранить значение армии в эмигрантской среде на протяжении всего межвоенного периода.

Другую важную общественную характеристику Русской армии, а потом и РОВСа, крайне важную в условиях жизни в эмиграции, представляло последовательное и строгое следование принципу невмешательства армии в политику, принятому еще в царской России. На протяжении всего межвоенного периода союз, по крайней мере декларативно, пытался дистанцироваться от политики как армейская структура, хотя среди высших офицеров встречались и другие взгляды на этот вопрос, например, мнение генерала Миллера о том, что РОВС должен стать энергичным ядром «русской эмиграции, около которого должен был бы группироваться все больший и больший слой общественных организаций»⁸⁷. А приказом № 82 от сентября 1923 г., который задал основы формирования союза, всем членам РОВСа было запрещено членство в любой политической организации⁸⁸. Однако втайне почти все командующие Русской армией, и П.Н. Врангель, и А.П. Кутепов, и Е.К. Миллер, стремились к тому и надеялись на то, что именно армия могла бы стать центром, собирающим вокруг себя всю эмиграцию. Строго говоря, дистанцирование от политики было трудновыполнимой задачей, поскольку и сам отъезд в эмиграцию, и основная цель армии в эмиграции — возвращение в Россию и возобновление борьбы с большевиками — носили ярко выраженный политический характер. Находясь на такой противоречивой позиции декларативного дистанцирования от политики и стремясь в то же время стать центром социально-политической интеграции эмигрантов, армейское командование не смог-

ло создать широкое военно-политическое движение в эмиграции. Некоторые авторы склонны именно в этом видеть причины потери влияния и своего рода политической изоляции РОВСа в 1930-е годы⁸⁹.

Но армия была не единственной организацией, которая в условиях изгнания пыталась сбалансировать свое отношение к политике, сталкиваясь на этом пути с мелкими и крупными проблемами.

Русская православная церковь за границей

Одно скажу, всеми русскими людьми большие надежды возлагаются на Церковь. И нам нужно работать как никогда. Нам нужно идти вперед. На нас смотрят, нам доверяют. Промедление смерти подобно. Организуем приходы. Священник и общество — вот лозунг.

*Неизвестный священник, апрель 1922 г.*⁹⁰

Русская православная церковь⁹¹ имела огромное значение как доминантная духовная организация Зарубежной России, хотя, разумеется, среди эмигрантов были и другие верующие (протестанты, буддисты, католики, иудеи, мусульмане). На это решающим образом повлияло два фактора: 90–95% эмигрантов из России были православного вероисповедания, а сама Русская православная церковь в изгнании символизировала духовную связь эмигрантов с православной Российской империей дома Романовых (исчезнувшей после революции 1917 г.) и с традициями, с которыми идентифицировали себя на протяжении 1920–1930-х годов большинство русских эмигрантов.

Деятельность Русской православной церкви в изгнании отражалась в двух плоскостях. Это зависело от урегулирования канонических отношений как с церковными властями в России, так и с поместными православными церквями на Балканах. В то же время ежедневная направленность духовной и церковной работы заключалась как в формировании приходов, церковных общин, монашеских братств и сестричеств, как и в организации богослужений, вероисповедания, преподавания Закона Божьего в школах и обучения священников.

Проблема организации канонических отношений между церковными властями в эмиграции, резиденция которых (а позднее одна из двух резиденций) находилась на Балканах, вначале (1920–1921) в Константинополе, затем (1921–1938) в Сремских-Карловцах, а в годы Второй мировой войны (1939–1944) в Белграде, и церковными властями в Советской России во многом зависела от отношения к политике и политическим пертурбациям в самой России. Несмотря на стремление церкви избежать вовлеченности в политику, все-таки, как и в случае с армией, центральный вопрос, который определял церковную жизнь в эмиграции, носил в себе нескрываемый политический контекст и был связан с отношением большевиков к церкви и религии в самой России и отношением церкви и выдающихся духовных деятелей в изгнании к большевикам и атеистическому характеру их власти. Это взрывоопасное политическое переплетение максимализма и взаимной нетерпимости приводи-

ло к крупным потрясениям, столкновениям и в конце концов вызвало два раскола внутри Русской православной церкви⁹².

Революционные общественные изменения и Гражданская война в России в значительной степени изменили и затруднили в организационном смысле деятельность церкви, устройство которой и без того было сильно изменено на Соборе 1917–1918 гг., принявшем решение об избрании патриарха как представителя верховной духовной и церковной власти, чем фактически было отменено принятое за двести лет до этого решение Петра Великого о том, что Святейший синод представляет высшую инстанцию церковной власти. В течение 1919 г. вследствие Гражданской войны были прерваны нормальные взаимоотношения между церковной администрацией под контролем антибольшевистских сил на юге и востоке страны с новоизбранным патриархом Тихоном в Москве. В такой ситуации на территориях, подконтрольных Добровольческой армии генерала А.И. Деникина, на юге страны было сформировано Временное высшее церковное управление, во главе которого, как самый старший и влиятельный среди иерархов, оказался митрополит Киевский и Галицкий Антоний, один из кандидатов при выборах патриарха⁹³.

Год спустя, когда после поражения армии генерала Врангеля Временное высшее церковное управление вместе с гражданскими беженцами выехало из России и прибыло в Константинополь, патриарх Тихон, Святейший синод и Высший церковный совет приняли 20 ноября 1920 г. указ о создании церковных управлений (автономных митрополичьих округов) под руководством старшего иерарха на территориях, оторванных от центрального церковного управления⁹⁴. Этот указ представлял собой ключевой документ, на основании которого в эмиграции функционировало Временное высшее церковное управление. Сразу по прибытию в Константинополь русские иерархи обратились к местоблюстителю Вселенской патриархии митрополиту Дорофею с просьбой позволить им в новых условиях, на землях, находившихся под его попечительством, духовно окормлять русских воинов. Митрополит Дорофей 29 декабря 1920 г. дал им разрешение продолжить свою деятельность⁹⁵. Тогда был еще раз подтвержден состав Высшего церковного управления: председатель — митрополит Киевский и Галицкий Антоний, члены — митрополит Херсонский и Одесский Платон, архиепископ Кишиневский и Хотинский Анастасий, архиепископ Полтавский и Переяславский Феофан и епископ Севастопольский Вениамин. Были определены и границы их деятельности:

- забота о религиозно-церковных потребностях беженцев;
- забота об окормлении православного русского священства, которое было вынуждено оставить Россию;
- руководство русскими церквями и духовными миссиями в эмиграции в качестве легитимного представителя Святейшего синода и патриарха;
- обеспечение широких материальных интересов Русской церкви и установление нормальных связей с патриархом⁹⁶.

В начале 1921 г. по приглашению Патриарха Сербского Димитрия Временное высшее церковное управление переехало в Сербию, в Сремски Карловци⁹⁷. А в конце того же года, вследствие накопившихся проблем практического и организационного характера, связанных с жизнедеятельностью за границей, управление созвало Первый собор Русской церкви за рубежом, проходивший с 21 ноября по 3 декабря 1921 г. в тех же Сремских-Карловцах;

кроме 24 епископов в соборе участвовали и другие представители клира вместе с мирянами. На соборе обсуждались многочисленные практические и организационные вопросы, важнейшие проблемы, связанные с деятельностью церкви в изгнании, такие, как формирование церковных приходов в местах проживания эмигрантов (на принципах приходского устава, принятого на Поместном Всероссийском церковном соборе в Москве в 1918 г.), необходимость направить в каждый приход священнослужителя, по крайней мере в сане епископа, вопрос о том, что исполнительную церковную власть при приходах должны осуществлять архиепископские или епископские советы, составленные из клира и мирян⁹⁸. Ни одно из этих решений не вызвало разногласий среди участников собора, а когда собору было предложено выразить свое мнение о положении церкви и преследованиях, которым подвергались священники, верующие, церковь и религия в Советской России, обнаружилось серьезное расхождение, доходившее до полного взаимного непонимания, что вызвало далеко идущие последствия. Делегаты из Франции под руководством митрополита Евлогия считали недопустимым тот факт, что собор вел дискуссию о чисто политических вопросах и занимал политическую позицию, так как это нарушало принцип невмешательства церкви в политику, в особенности неприемлемым для них было то, что позиция церкви была связана с определенной идеологией (монархической). В противоположность этой точке зрения епископы из славянских стран полагали, что собор, имея в виду характер преследований церкви в Советской России, должен определиться по этим вопросам⁹⁹.

Наконец после повторного голосования собор принял два акта, один из которых был обращением к «чадам Русской православной церкви в рассеянии и изгнании»¹⁰⁰, а второй, что еще более показательно, к международной конференции в Генуе, которая еще только готовилась и на которую были приглашены и советские представители. В этом документе собор высказался за восстановление монархического общественного строя в России под властью династии Романовых и призывал правительства крупнейших мировых держав помочь вооруженной борьбе с большевиками¹⁰¹. Время показало, что занятие такой радикальной политической позиции не могло не вызвать ответной реакции и что это событие стало ключевой причиной и генератором всех будущих разногласий и разделов внутри Русской православной церкви.

Сначала патриарх Тихон 5 мая 1922 г. издал указ, в котором потребовал от иерархов, заседавших в городке Сремски-Карловци распустить Временное высшее церковное управление¹⁰², что и было выполнено 13 сентября 1922 г., в полном согласии с волей патриарха. И на том же заседании по предложению митрополита Евлогия был основан Архиерейский синод Русской православной зарубежной церкви¹⁰³. Так внутри Русской православной церкви с каноническо-правовой точки зрения сложилась достаточно сложная ситуация, которую отягощало то, что западноевропейские епархии на основании указов патриарха Тихона от 8 апреля 1921 г. и 30 января 1922 г. были выведены из-под юрисдикции митрополита Петроградского (под чьей юрисдикцией находились до московского собора 1917 г.) и переданы в управление архиепископу (позднее митрополиту) Евлогию¹⁰⁴, что и подтвердил собор епископов в Сремских-Карловцах 1 июня 1923 г.¹⁰⁵. Таким образом, в изгнании были сформированы два потенциальных центра Русской православной церкви¹⁰⁶.

Впоследствии, в 1927 г., произошел полный разрыв отношений между церковными властями в Сремских-Карловцах и центральным церковным управлением в Москве. Сначала митрополит Сергей (заместитель местоблюстителя патриаршего престола после смерти патриарха Тихона в 1925 г. и ареста местоблюстителя патриаршего престола митрополита Петра в 1926 г.) отправил 29 июля 1927 г. послание, в котором потребовал от Синода в Сремских-Карловцах (чью каноническую законность он отрицал) и вообще от всех духовных лиц в изгнании «письменно обязаться сохранять лояльность к советским властям во всей своей общественной деятельности»¹⁰⁷, что драматически заострило отношения между церковными властями в Москве и в изгнании и в конце концов привело к церковному расколу. В ответ на послание митрополита Сергея Архиерейский собор Русской православной церкви за рубежом под председательством митрополита Антония 9 сентября 1927 г. принял решение о том, что «зарубежная часть Русской Церкви вынуждена прервать отношения с московскими церковными властями из-за невозможности поддержания нормальных отношений с ней и ее порабощения безбожной советской властью». В то же время было постановлено «решительно отбросить предложение митрополита Сергея и его Синода письменно присягнуть на верность советской власти как неканонической и крайне вредной для Святой Церкви как в России, так и за ее пределами»¹⁰⁸. Это вызвало первый церковный раскол в Русской православной церкви.

В 1930 г. произошел новый раскол, когда митрополит Евлогий (который еще в 1926 г. вместе с митрополитом Платоном, управлявшим приходами в Северной Америке, отказался подчиняться решениям Архиерейского синода Русской православной зарубежной церкви, а в 1927 г., в ходе спора с митрополитом Сергием, отказался подписать (и принять) послание Архиерейского синода в Сремских-Карловцах¹⁰⁹) решил перейти под юрисдикцию Вселенского патриарха¹¹⁰. Так за короткое время произошли серьезные церковные расколы в Русской православной церкви, причем вызваны они были политическими мотивами и конфликтами, а не каноническими, догматическими или обрядовыми разногласиями¹¹¹.

После нарушения канонических и правовых отношений и глубоких расколов внутри РПЦ, несмотря на то что моральный престиж Архиерейского синода в Сремских-Карловцах среди беженцев и далее был исключительно высок, его формальное влияние со временем сократилось, поскольку большинство приходов и верующих в Западной Европе находились под юрисдикцией митрополита Евлогия, а на Балканах — под юрисдикцией Архиерейского синода Русской православной зарубежной церкви. Так, в начале 1930-х годов, под юрисдикцией Архиерейского синода Русской православной зарубежной церкви находились: Русская православная община в Югославии во главе с митрополитом Антонием (чье значение было велико уже потому, что она была центром церковной жизни части русских эмигрантов), Западно-европейская епархия во главе с архиепископом Серафимом в Париже и викариатом в Лондоне, Немецкая епархия во главе с епископом Тихоном в Берлине (в составе которой был и викариат в Вене), Североамериканская епархия во главе с архиепископом Аполлинарием с викариатами в Сан-Франциско, Детройте и Монреале и, наконец, Дальневосточная епархия во главе с архиепископом, с 1939 г. митрополитом Мелетием. Кроме них важное значение имела

Иерусалимская православная миссия во главе с архиепископом Анастасием, а также Пастырско-богословская школа в монастыре Св. Кирика в Болгарии, во главе которой находился архиепископ Дамиан¹¹².

Со временем раскол становился все глубже и заметнее, вызывая волнение во всей эмиграции (и в ноябре 1935 г., когда Епископский синод в Сремских-Карловцах осудил как еретическое учение отца Сергия Булгакова¹¹³; и в феврале 1936 г., когда митрополит Евлогий окончательно разорвал все отношения с РПЗЦ¹¹⁴; и в августе 1938 г., когда в Сремских-Карловцах состоялся Второй собор Русской православной зарубежной церкви¹¹⁵), усложняя церковную жизнь русских изгнанников на протяжении межвоенного, военного и послевоенного периодов¹¹⁶.

Канонические и правовые споры и расколы внутри РПЦ (дошедшие до своей высшей точки 16 октября 1943 г., когда Синод в Белграде отказался признать избрание митрополита Сергия Патриархом Московским и всея Руси¹¹⁷) представляли собой лишь часть тех проблем, с которыми сталкивалась Русская православная церковь в изгнании. Следующий уровень канонических и правовых вопросов и затруднений был следствием того факта, что русская церковь на Балканах была вынуждена действовать в значительно более сложных условиях, чем, например, в Западной Европе и Северной Америке, — на территориях других православных церквей (греческой, болгарской, сербской, румынской) и Вселенской патриархии. Кроме канонических и правовых вопросов о юрисдикции в церковных делах это порождало и крайне деликатные вопросы о взаимных церковных отношениях в треугольнике: русская церковь за границей — православные церкви балканских государств — высшее церковное управление в Москве, т.е. в Советской России.

Приезд большого числа русских эмигрантов на Балканы привел к тому, что уже существовавшие русские храмы (которые еще в конце XIX и начале XX в. появились практически во всех балканских государствах, кроме Сербии, как и в ряде европейских государств, и в Америке) приобретают исключительную значимость. Но деятельность этих церквей в новых условиях неминуемо привела к возникновению ряда вопросов: юрисдикция над православными приходами и общинами в балканских странах; отношение других православных церквей к русским церковным властям, и прежде всего к Временному высшему церковному управлению, а также вопрос о дальнейшей судьбе русских храмов, которые в основном действовали при русских посольствах или на территории русских дипломатических миссий в Константинополе, Афинах, Софии и Бухаресте (хотя некоторые из них работали и при русских больницах, например в Пирее и в Константинополе), если балканские государства признают большевистское правительство Советской России и предоставят им в таком случае дипломатические представительства бывшей Российской империи. С учетом всех этих проблем, связанных с жизнью в изгнании, вопрос организации русских церковных приходов был исключительно важным.

Поэтому С.Д. Сазонов, председатель Совета русских послов в Париже, под контролем которого находились русские дипломатические представительства, опасаясь того, что русские церкви в случае перехода посольств под контроль представителей Советов немедленно будут закрыты, приказал 2 апреля 1920 г. русским посольствам и миссиям создать при существующих церквях церковные общины, которые должны были бы в качестве правовых субъ-

ектов взять на себя управление храмами, чем с формально-правовой точки зрения в будущем была бы ликвидирована опасность их отчуждения и закрытия¹¹⁸. Практически те же самые причины побудили Первый собор Русской православной церкви за рубежом принять в ноябре 1921 г. решение о том, что в каждый русский храм должен быть послан по крайней мере один иерарх в сане епископа, которому было вменено в обязанность кроме руководства церковью и проведения богослужений еще и сформировать приходы и в соответствии с решениями собора 1917–1918 гг. организовать состоящие из клира и мирян епископские советы в качестве исполнительной церковной власти¹¹⁹. И хотя основание русских церковных приходов в Западной Европе не вызывало значительных препятствий, на Балканах, в окружении родственных православных церквей, именно этот вопрос (кроме вопроса о характере епископских советов) породил самые значительные затруднения и недоразумения.

В начале 1920-х годов в Константинополе 24 русские церкви (не считая Афонского подворья) обслуживали свыше 100 тыс. русских беженцев. Три из них были построены еще до Первой мировой войны и находились на территории русского посольства или в его попечении: церковь при посольстве в Пере, церковь при вилле посольства в Буюк-Дере (где после прибытия беженцев было организовано общежитие на 800 коек) и Николаевская церковь при русской больнице в Харби. Другие храмы находились при русских школах, военных лагерях на Лемносе и в Галлиполи или же были организованы богослужения при греческих храмах, где русским священникам иногда дозволялось проводить службы (например, на Принцевых островах, в нескольких местах в самом городе, в Кадикее и в других пригородах)¹²⁰. Со временем количество русских храмов в городе вследствие закрытия военных лагерей в пригородах и отъезда русских беженцев уменьшилось до 19¹²¹.

В Константинополе действовал и Русский церковный собор, который отвечал за организационные вопросы, связанные с работой русских церквей. Во главе его после эвакуации Одессы (с января 1920 г.) находился архиепископ Кишиневский и Хотинский Анастасий (с перерывом в 1921 г., когда во время продолжительного отъезда владыки в Палестину его заменял епископ Вениамин¹²²), который в то же время был и настоятелем церкви при посольстве, и представителем Русской церкви при Вселенской патриархии¹²³.

Накопившиеся ежедневные проблемы и нерешенные вопросы канонической принадлежности привели к тому, что после переезда Временного высшего церковного управления в Сремски-Карловци епископ Вениамин был вынужден созвать Цареградский церковный собор русской церкви. Собор, состоявшийся 22 июня 1921 г., принял ряд решений о коренной перестройке церковной жизни в новых условиях: решил вовлечь в свою деятельность постоянного представителя русской дипломатической миссии, чтобы предотвратить возможное вмешательство Вселенской патриархии в русские церковные вопросы; образовал особый епископский совет, в который входили и священники, и миряне, под властью которого находилось управление русскими храмами, решение мелких вопросов и затруднений и подготовка бракоразводных дел, которые после этого высылались на окончательное решение Временному высшему церковному управлению в Сремских-Карловцах. Стоит отметить, что вопрос о том, в чьей юрисдикции находятся бракоразводные процессы, вызывал затруднения еще в то время, когда Временное высшее цер-

ковное управление пребывало в Константинополе, так как Вселенская патриархия считала, что русские церковные власти не имеют никакого права на разрешение разводов, поскольку этим вмешиваются в права Вселенской патриархии, из-за чего епископский совет должен был лишь проводить подготовку документов церковных разводов и не мог окончательно утвердить свое решение¹²⁴. Однако самым важным решением собора было то, что при каждом русском храме (даже и при греческих церквях, где русские беженцы получили возможность лишь проводить свои богослужения по отдельным дням) образуются церковные приходы¹²⁵. По требованию епископа Вениамина и несмотря на сопротивление посла А.А. Нератова, который выразил опасение, что основание русских приходских советов на территориях, где уже функционировали греческие приходы, может позволить Вселенской патриархии вмешиваться в русскую церковную жизнь¹²⁶, сразу же началось формирование церковных приходов; при этом, однако, было принято предложение посольства о том, чтобы на основании приходского устава Русского поместного собора название «приход» было заменено словом «община», что в большей степени соответствовало сложившейся ситуации¹²⁷. После этого при двух церквях на территории посольства, Николаевской церкви при русской больнице и десятке церквей при школах, общежитиях и лагерях были сформированы советы церковных общин, состав которых имел чисто эмигрантский характер и в которых находилось по одному представителю русского посольства¹²⁸.

Ситуация с организацией церковной жизни в Греции была в некоторой степени похожа на ситуацию в Константинополе, хотя число беженцев, чьи духовные потребности обслуживала Русская церковь, было значительно меньше. И в Греции основная проблема, с которой сталкивались русские церковные власти, заключалась в организации русских приходов. Решение этого вопроса было связано как с деятельностью церковных и светских властей, так и с проблемой юрисдикции Русской и Греческой церквей.

В Греции существовали три постоянных русских церкви, построенные еще до Первой мировой войны, которые обслуживали 2—3 тыс. русских беженцев, сконцентрированных в основном в Афинах, Пирее и Салониках. Наиболее значительная из них, церковь Св. Троицы, находилась при русском посольстве в Афинах¹²⁹. Церковь Св. Ольги, построенная в 1903 г. на средства офицеров и моряков русского флота, действовала при русской больнице в Пирее, которую в 1902 г. в память о великой княгине Александре, дочери греческого короля, построила греческая королева Ольга Константиновна, урожденная великая княжна дома Романовых.¹³⁰ Существовала и церковь при русской больнице Св. Димитрия Солунского в Салониках¹³¹. Кроме того, в начале 1920-х годов непродолжительное время действовала и русская церковь при четвертой больнице в Афинах¹³², имелась и русская часовня на Зейтелнике¹³³.

Представителем русских церковных властей в Греции с 1919 г. был митрополит Платон, которого (после его отъезда в 1921 г. в США) с мая 1922 г. сменил епископ Гермоген¹³⁴. Они были и настоятелями церкви при посольстве. Их помощником был отец Сергей Снегирев, директор русской гимназии в Афинах¹³⁵. Настоятелем церкви при больнице в Пирее согласно решению королевы Ольги был протоиерей Павел Крахмалев¹³⁶.

Особенно сложным был вопрос организации русского церковного прихода в Афинах. В июле 1920 г. русское посольство по предварительной догово-

ренности с митрополитом Платоном приняло решение об основании при церкви Св. Троицы церковного прихода, который предполагалось сформировать как открытое сообщество, подчиняющееся греческим законам и находящееся под верховным покровительством Греческой церкви, основанное на своеобразном принципе взаимности, так как должно было действовать в рамках той же внутренней автономии, в которых действовала и греческая община в Одессе, т.е. на базе русских церковных приходских постановлений¹³⁷. Но когда митрополит Платон обратился к греческим церковным властям, ему был дан ответ, что согласиться на формирование русского церковного прихода в Афинах не представляется возможным, поскольку сама Греческая церковь не имела приходской организации¹³⁸.

Сразу же столкнулись с препятствиями и при следующей попытке организации прихода, последовавшей после повторного решения Совета послов из Парижа в январе 1921 г. об организации в соответствии с приходским уставом, принятым на соборе в Москве в январе 1918 г., церковных приходов, которым особым актом были бы переданы права использования церковей и церковной утвари «до обновления законного правопорядка в России»¹³⁹. Во-первых, выяснилось что в Афинах не существует достаточно крупной и богатой колонии русских беженцев, которые могли бы без особых усилий содержать церковь и священников¹⁴⁰. Кроме того, митрополит Афинский Мелетий и министр иностранных дел Греции Политис обратили внимание русского посланника и митрополита Платона, который представил им решение об образовании прихода, на то, что идея организации русского прихода нарушает порядок церковной жизни в Греции, где, как и в каждом православном государстве, каждый член церкви должен был совершенно естественно, независимо от своей национальности, подчиняться общим правилам местной церковной жизни. В то же время глава Греческой православной церкви митрополит Афинский Мелетий в разговоре с митрополитом Платоном прямо и недвусмысленно сообщил, что придание русскому церковному приходу статуса юридического лица почти совершенно исключено, хотя он лично и готов всячески помочь русским в их сплочении вокруг их церкви; для успокоения русского иерарха он добавил, что русской церкви в Греции, даже если в Афинах и появится советская дипломатическая миссия, не угрожает опасность потери своего статуса и тем более закрытия, так как она действует в православной стране¹⁴¹. В такой ситуации Е.П. Демидов, бывший русский посланник в Афинах, хорошо знакомый с местными условиями делопроизводства, решил вместо церковного прихода организовать Союз русских православных христиан в Греции — духовно-просветительское общество, устав которого находился в соответствии с духом требований собора 1918 г. и в то же время отвечал требованиям греческих законов об обществах и организациях. Эта хорошо продуманная идея нашла полное понимание властей, и 23 июня 1921 г. греческий суд одобрил устав союза, благодаря чему последний получил статус юридического лица¹⁴². Но, несмотря на это, Е.П. Демидов решил не составлять сразу же акта, согласно которому союзу передавалось бы управление церковью, так как полагал, что в случае необходимости такой акт может быть составлен в последний момент, благодаря чему церковь и далее оставалась в собственности посольства, а настоятель церкви находился в списке дипломатов¹⁴³. В первое время своего существования союз регулярно собирал общецерковные соборы и об их реше-

ниях оповещал митрополита Антония и Временное высшее церковное управление.

Хотя проблема, возникшая в связи с желанием организовать церковный приход, была частично решена, ряд новых канонических и правовых проблем возник в мае 1922 г., после приезда в Афины епископа Гермогена. Недоразумения, подозрения и сопротивление греческих властей вызвали и решение епископа Гермогена созвать Епископский совет, и круг вопросов, которые должны были относиться к его юрисдикции, и сам его официальный титул «управляющий русских церковных общин» в Греции, и даже сам факт его прибытия.

Приезд епископа Гермогена вызвал ряд канонических затруднений, так как соответствующие церковные власти считали неприемлемым, чтобы в одной епархии на престоле находилось два епископа, пусть даже и окормлявших различные группы верующих. В связи с этим митрополит Афинский Теоклит отказался подтвердить права Гермогена как епархиального епископа даже с условием распространения его власти только на русских прихожан. Обеспокоенность греческих церковных властей вызвал и официальный титул «управляющий русских церковных общин», и поэтому в ходе визита епископа Гермогена к митрополиту Афинскому Хризостому в апреле 1923 г. было недвусмысленно заявлено, что греческая церковь считает его исключительно «духовным наблюдателем», который посещает своих русских братьев лишь ради их духовного совершенствования и утешения. Еще большее недоумение и обеспокоенность официальных лиц вызвала организация и начало деятельности Епископского совета. Речь шла о принципиальном вопросе, поскольку Греческая церковь не имела и не знала института, похожего на Епископский совет, в рамках которого и клир, и миряне вместе решали бы церковные вопросы. Поэтому митрополит Хризостом обратился напрямую к митрополиту Антонию в Сремские-Карловцы, предупреждая его о том, что Греческая церковь на своей территории не может признать за русскими права, которого и сама не имеет перед светскими властями страны, а также выражая мнение Греческой церкви о том, что формирование епархиального органа не является необходимым, поскольку в Греции существует лишь одна постоянная церковь при посольстве и две при больницах, а количество проживающих в Греции русских крайне мало; при этом было заявлено, что формирование Епископского совета или любого другого органа с законодательными функциями, у которого есть свой устав и печать, возможно на территории Греции лишь с позволения светских властей¹⁴⁴.

Но самое большое каноническое недоразумение во взаимоотношениях двух церквей вызвал, как и в Константинополе, вопрос о юрисдикции над бракоразводными процессами. Епископский совет во главе с епископом Гермогеном приступил к решению бракоразводных процессов между русскими беженцами, однако на это негативно отреагировала Греческая церковь. Греческое церковное законодательство не знало институции развода брака, кроме гражданско-судебного развода (лишь после развода перед гражданским судом в Греческой церкви приступали к церковно-каноническому расторжению брака). Исходя из этого обстоятельства она категорически отказалась признать законность бракоразводных процессов, проводимых Епископским советом.¹⁴⁵

Наконец, недоразумение греческих патриархов вызывали и взаимоотношения внутри Русской православной церкви. Особенно проблематичным выглядел конфликт патриарха Тихона и Архиерейского синода в Сремских-Карловцах, а точнее — решение патриарха от апреля 1922 г. о ликвидации Временного высшего церковного управления и о переносе на митрополита Евлогия полномочий по организации Русской православной церкви в Западной Европе. Формирование Архиерейского синода в Сремских-Карловцах вызвало противостояние не только потому, что, по мнению Греческой церкви, существование «двух независимых глав едва ли может быть полезно» общему делу, но и потому, что Вселенская патриархия сначала опубликовала письмо патриарха Тихона, посвященное этим проблемам, а потом отказалась признать Архиерейский синод. После этого Греческой церкви было сложно относиться к Русской церкви в изгнании отлично от позиции, выраженной Вселенской патриархией¹⁴⁶. Однако в течение нескольких лет эти вопросы были разрешены с полным взаимоуважением. А когда в 1924 г. последовало официальное признание Грецией СССР, бывший русский посланник Е.П. Демидов, в соответствии с существовавшими устными договоренностями и обещаниями, непосредственно перед официальным признанием Советского Союза передал церковь Св. Троицы, действовавшую при миссии, во владение приходского совета, который был образован вместо Союза русских православных христиан в Греции и, исходя из чрезвычайной ситуации, немедленно был признан Греческой православной церковью¹⁴⁷.

В абсолютно иной ситуации оказалась Русская церковь в Румынии. Ее положение в значительной мере было определено малочисленностью русских беженцев и отношением румынских властей к русским вообще, а проблемы, связанные с многочисленным русским национальным меньшинством в Бессарабии, его усложняли.

До Первой мировой войны в Бессарабии при русском посольстве уже существовала русская церковь Св. Николая, причем до 1918 г. это была единственная русская церковь на территории «Старого королевства», как называли территорию довоенного Румынского государства представители русской эмиграции в своей внутренней переписке. После Первой мировой войны и присоединения Бессарабии (в которой проживало большое число русских) на румынской территории оказался ряд русских церквей. Однако и церковь при миссии в Бухаресте (которая должна была заниматься эмигрантами с учетом того, что в королевстве их было крайне мало — всего тысяча или две), и русские храмы в Бессарабии сталкивались с большим числом различных затруднений, проистекавших прежде всего из того отношения, которое румынские гражданские и церковные власти демонстрировали к русским и к русскому вопросу в целом.

Формирование русского прихода при храме миссии в Бухаресте столкнулось со значительными сложностями еще до того, как вошло в фазу реализации. В июне 1920 г. посланник С.А. Поклевский-Козелл, получивший распоряжение Совета русских послов, сообщил М.Н. Гирсу, что в Бухаресте нет ни одного русского священника с тех пор, как в 1916 г. о. Политов с дьяконом, помощником и большей частью церковной утвари был эвакуирован из Бухареста, в связи с чем формирование русского прихода представлялось трудноосуществимым¹⁴⁸. В этой ситуации М.Н. Гирс посоветовал посланнику в ка-

честве наиболее целесообразного выхода из сложившегося положения путем переговоров с высшими представителями братской Румынской православной церкви выяснить, не могла бы она согласиться взять на себя временную заботу о русских церковных интересах в Румынии, если бы Русской церкви грозила опасность закрытия в случае признания Советской России¹⁴⁹. Такое решение было, конечно, практически неприемлемым, исходя из отношения официальных румынских властей к русским, в том числе к эмигрантам. Поэтому русские беженцы, несмотря на все затруднения, все-таки сформировали церковный совет, который с огромными сложностями содержал церковь, так как русский храм был единственным местом, где могли собираться русские в Бухаресте, ибо румынские власти не позволяли им создавать русские общества и советы и даже просто открыть Русский дом, общежитие или столовую¹⁵⁰.

На еще более резкие ограничения в своей деятельности натолкнулась русская церковь в Бессарабии, где после присоединения территорий, она действовала под руководством Румынской православной церкви. Румынскими церковными властями было приказано русским церквям в Бессарабии перейти на новый календарь, принятый Румынской церковью. Любая попытка сохранения русской национальной церкви пресекалась самым радикальным образом, вплоть до арестов, высылки и даже применения оружия. Когда в 1929 г. новообразованная организация русского меньшинства в Румынии обратилась к Священному синоду Румынской церкви и румынскому Министерству по делам религии с просьбой одобрить основание самостоятельной Русской церкви, ни Синод, ни патриарх Румынии не ответили на просьбу, а министр по делам религии 30 января 1930 г. письменно известил представителей организации русского национального меньшинства, что их «просьба не может быть удовлетворена». Несмотря на это, представители русского меньшинства в Кишиневе открыли церковь и создали первую кишиневскую русскую православную общину. Однако местная гражданская администрация и митрополит Гурий, глава Румынской митрополии в Бессарабии, оказывали большое давление на настоятеля церкви, отца Бинецкого, и в конце концов подвергли его духовному суду, который лишил его сана. На его преемника, о. Владимира Полякова, которого Архиерейский синод Русской православной зарубежной церкви и митрополит Антоний направили в Кишинев, также оказывалось большое давление, а летом 1930 г. под давлением митрополита Гурия правительство в Бухаресте приняло решение о высылке отца Владимира Полякова; в начале августа гражданские власти дважды пытались его арестовать и выслать; когда же организации русского меньшинства обратились 12 августа 1930 г. к Совету Лиги Наций с просьбой защитить духовные права русского населения, румынские власти через три дня, 15 августа, закрыли русскую церковь в Кишиневе¹⁵¹. Проблемы, с которыми сталкивалась Русская церковь в Бессарабии, хотя и затрагивали лишь часть жизнедеятельности русских эмигрантов, все же наглядно показывают, как румынские духовные и гражданские власти относились к русским, пребывавшим в этой стране.

В несравнимо более удобных условиях Русская церковь действовала в тех двух балканских государствах, где было сконцентрировано большинство беженцев — в Болгарии и Югославии.

Характер деятельности и способ организации русской церкви в Болгарии определялся совершенно иным отношением местных властей, которое кардинально отличалось от подхода в Константинополе, Греции и Румынии. Формирование русской церковной общины не вызывало никаких проблем до тех пор, пока русский храм в Софии после признания Болгарией СССР в 1934 г. был передан вместе со зданием миссии советским дипломатическим представителям, что вызвало его закрытие.

Русская церковь играла важную роль в общественной жизни почти 36 тыс. русских беженцев. До Первой мировой войны в Болгарии было построено три русских храма. Самый крупный из них — Св. Николая при русской миссии в Софии, постройка которого началась в 1907 г., — был торжественно освящен лишь после начала боевых действий 24 сентября 1914 г. После вступления Болгарии в войну на стороне Центральных держав в ноябре 1915 г. русская дипломатическая миссия и русское духовенство были эвакуированы из Софии, а храм временно закрыт¹⁵². По окончании войны, когда русская дипломатическая миссия, которая представляла антибольшевистское Правительство Юга России, вернулась в Софию, церковь Св. Николая была вновь торжественно открыта 1 января 1920 г.¹⁵³ Кроме нее в Болгарии еще до войны были построены церковь на Шипке в память о русских солдатах, погибших в боях за освобождение Болгарии в 1877—1878 гг., и церковь в Ямболе. Прежде обо всех храмах заботилась русская миссия в Софии, т.е. Министерство иностранных дел Российской империи¹⁵⁴. В начале 1920-х годов с прибытием большого количества русских беженцев появилась потребность открытия новых (постоянных либо временных) церквей в других населенных пунктах Болгарии. Таким образом, кроме трех вышеназванных храмов, в 1920-х и 1930-х годах русские церкви были открыты и в местах, где находились русские эмигрантские колонии, русские школы или были размещены части Русской армии, как это было, например, в Русе, Пловдиве, Варне, Пернике и нескольких других местах¹⁵⁵.

Формирование русского прихода при церкви Св. Николая в Софии не вызвало значительного сопротивления болгарских церковных и гражданских властей. Сама эта идея, выдвинутая еще в январе 1920 г. Советом послов в Софии, больше обеспокоила посланника А.М. Петряева, опасавшегося, что встреча представителей различных политических групп на собрании по учреждению прихода может привести к негативному волнению политических страстей в русской колонии. При этом он считал, что если бы Болгария признала Советскую Россию, было бы удобнее, если бы церковь находилась под управлением Красного Креста, а не юридически ненадежного института — приходского совета¹⁵⁶. Тем не менее в сентябре 1921 г. по приказу Высшего церковного управления его представитель епископ Серафим, основываясь на принципах приходского устава 1918 г., без особых проблем организовал Русскую православную Свято-Николаевскую общину при церкви русской миссии в Софии¹⁵⁷. Во главе общины на место председателя был избран епископ Серафим, настоятель церкви Св. Николая и управляющий русскими православными общинами в Болгарии, заместителем председателя был избран С.М. Раевский, член Высшего церковного совета, а секретарями — Н.П. Шурупов и полковник А.Л. Лисовский. В приходской совет кроме них были выбраны четыре священника, которые служили в храме (протопресвитер Георгий Шавельский,

протоиерей Георгий Флоровский, протоиерей Александр Рождественский и иеромонах Сергей), а также девять мирян: А.В. Арцишевский, Гальяченко, Груздев, В.А. Погорелов, Романовский, Сомов, кн. Трубецкая, Фельдман и Чоколов¹⁵⁸. Болгарские гражданские и духовные власти не чинили препон в ходе формирования русского церковного прихода в Софии, а возникавшие при этом проблемы были в основном связаны с финансированием, а не с отношениями с местными властями. С другой стороны, в русских внутрицерковных распрях епископ Серафим, который находился во главе русского церковного прихода в Софии и русских церковных общин в Болгарии на протяжении всего межвоенного периода и даже после Второй мировой войны, стоял на стороне Архиерейского синода в Сремских-Карловцах¹⁵⁹.

Совсем другой вопрос осложнял взаимоотношения русских и болгарских священников. В конце декабря 1921 г. председатель Совета послов в Париже М.Н. Гирс обратился к архиепископу Евлогию с просьбой попытаться урегулировать взаимные церковные отношения между русскими и болгарскими священниками в ситуации так называемой болгарской схизмы. В ответ архиепископ Евлогий оповестил М.Н. Гирса, что речь шла о крайне сложном вопросе, который, несмотря на то что русские иереи всячески пытались облегчить взаимоотношения, не мог быть окончательно решен без согласия Константинопольского патриарха. Об этой проблеме задумывался и церковный собор в Сремских-Карловцах, который позволил простым русским священникам богослужбное общение с болгарскими епископами и священниками, но богослужбное общение русских и болгарских епископов было, как и прежде, запрещено. Такое половинчатое, компромиссное решение не удовлетворяло Болгарскую церковь¹⁶⁰. Однако, несмотря на это, отношения русской и болгарской церквей до 1934 г. были в основном хорошими.

Когда Болгария в 1934 г. официально признала СССР, правительство Софии передало советской миссии не только здание бывшей российской миссии, но и церковь Св. Николая. Советский полпред Ф.Ф. Раскольников не мог допустить, чтобы на территории советского посольства действовала «белоэмигрантская» церковная община, и поэтому решил передать храм в управление Болгарской православной церкви. Таким образом Русская православная Свято-Николаевская церковная община при церкви русской миссии в Софии была вынуждена оставить храм Св. Николая. Напрасно митрополит Серафим, митрополит Антоний и Архиерейский синод Русской православной зарубежной церкви обращались к болгарским церковным и гражданским властям с просьбой о том, чтобы эта русская церковь не передавалась советским дипломатам, поясняя, что речь идет о церковной, а не о государственной собственности. Их просьбы не были услышаны. Тем не менее Болгарская церковь, чтобы не лишать эмигрантов возможности удовлетворения своих духовных потребностей, уступила епископу Серафиму в пользование храм, также освященный в честь Св. Николая, на улице Царя Калояна, в самом центре города, рядом с резиденцией митрополита Софийского¹⁶¹. На этом новом месте русский церковный приход продолжил свою работу до весны 1944 г.¹⁶²

Проблемы, с которыми сталкивалась при организации духовной жизни русская церковь в Королевстве СХС, были совершенно иными.

Русской православной церкви был предоставлен широкий простор для действий, в особенности после того, как по приглашению сербского патриар-

ха Димитрия Временное высшее церковное управление во главе с митрополитом Антонием прибыло в Сремские-Карловци. Тогда этому управлению, в знак особого расположения, были предоставлены для размещения и использования помещения в Патриаршем дворце в Сремских-Карловцах, где находилась и сама резиденция патриарха Сербского¹⁶³. Каноническо-правовые вопросы и отношения между русскими церковными властями и церковными властями Сербской православной церкви были, в отличие от ситуации в других балканских государствах, урегулированы без каких-либо заметных затруднений.

Наиболее важный каноническо-правовой вопрос, который вызывал в других балканских государствах массу затруднений, был решен быстро и без особых проблем. Св. Архиерейский собор Сербской православной церкви уже 31 августа 1921 г. принял под свою защиту Высшее русское церковное управление в Сремских-Карловцах и в рамки его полномочий передал юрисдикцию над русским духовенством в Королевстве (тем, которое не находилось на духовной и государственно-правовой службе), над священнослужителями в Русской армии (теми, которые не состояли на сербской церковной службе) и решение бракоразводных дел русских эмигрантов¹⁶⁴. Для Русской церкви это было исключительно важное разрешение, так как именно благодаря ему русские церковные власти в Сербии получили возможность и право урегулировать бракоразводные процессы русских эмигрантов, которым не могли пользоваться на территории других православных церквей Балкан¹⁶⁵.

Но в последующие годы возникли разногласия в правовом понимании этого акта. Относительно краткою и несколько неопределенную формулировку о праве на «решение бракоразводных споров» русское духовенство понимало в самом широком смысле, подразумевая под ним решение вопросов не только брачного, но и семейного права, которые касались православных эмигрантов из России. Так, русские высшие органы церковного управления начали венчать, расторгать или признавать недействительными как браки, заключенные между русскими эмигрантами, так и смешанные русско-сербские браки и даже выдавали разрешения об усыновлении и изменении фамилии. Однако власти Сербской православной церкви считали, что это уже является вмешательством в сербскую юрисдикцию. Поэтому Архиерейский синод Сербской православной церкви в 1923 г. принял решение о том, что «русские священники-эмигранты, которые не состоят на службе нашей церкви, а поставлены соответствующими русскими церковными властями на место священников отдельных русских колоний, могут венчать и выполнять все остальные таинства только по отношению к русским эмигрантам; если брак заключается с нашим подданным, необходимо обращаться к сербскому священнику» (причем под понятием «русский эмигрант» подразумевался «человек, который оставил Россию, но не принял югославское гражданство»). Тем священникам, которые нарушили бы это постановление, угрожало наказание «по канонам и правилам нашей Православной Церкви». Русские церковные власти ознакомились с этим решением и через публикацию в официальном органе «Церковные ведомости» оповестили о нем священников русских колоний в Королевстве СХС¹⁶⁶.

Таким образом, русскому церковному суду было запрещено разрешать брачные вопросы и споры (разводы), если одна из сторон имела югославское

гражданство (даже если сам брак был заключен священником русской юрисдикции). Однако Сербская православная церковь в исключительных случаях разрешала такие отклонения до 1938 г., а после этой даты уже строго следовала своему решению¹⁶⁷. Во второй половине 1920-х годов и гражданские власти заинтересовались вопросом полномочий и прав русских священников и русского церковного суда по вопросам брачных процессов. Несколько раз, в 1925, 1927, 1930, 1931, 1937 и 1938 гг., министры юстиции Королевства СХС (Югославии) интересовались у Архиерейского синода Сербской православной церкви насчет решения этого вопроса и пытались отнять право брачных и бракоразводных решений у русской церкви, которая не была зарегистрирована гражданскими властями как соответствующее юридическое лицо. Но Архиерейский синод Сербской православной церкви последовательно защищал права русской церкви и настаивал на решении собора от 31 августа 1921 г., которое было подтверждено решением Синода от 26 мая 1931 г.¹⁶⁸ Так, несмотря на препятствия и определенные затруднения, русская церковь в Югославии могла решать брачные дела русских эмигрантов.

Благосклонное отношение Сербской православной церкви (согласно словам самих русских священников, несмотря на тот факт, что эмигранты проживали на территориях, находящихся под юрисдикцией Сербской православной церкви, сербские иерархи абсолютно искренне и дружески считали русских полностью церковно самостоятельными¹⁶⁹) способствовало беспрепятственному формированию русских церковных приходов на территории Королевства. В правовом положении этот вопрос был решен основанием Общества попечения о духовных нуждах православных русских в Королевстве СХС, которое было образовано по инициативе известного славянофила А.В. Васильева 7 февраля 1921 г. в Белграде. Его устав, утвержденный патриархом Димитрием в марте, а затем и министром по делам религии М. Йовановичем в апреле 1921 г., в своей основе был приходским уставом, приведенным в соответствие, как и в других балканских странах, с церковными актами, принятыми на церковном соборе 1917–1918 гг. В этот устав в 1923 г. были внесены существенные изменения и дополнения, которые утвердили русские и сербские церковные власти¹⁷⁰. На этой правовой основе смогли беспрепятственно формироваться русские церковные приходы на территории Королевства. В межвоенное время под юрисдикцией Синода Русской православной церкви были сформированы русские церковные приходы и церковные общины: в Белграде (белградскую церковную общину задолго до прибытия Высшего церковного управления в Сремские-Карловцы и до появления правового обоснования таких действий, еще в 1920 г., основал отец Петр Беловидов), затем в Панчево, Земуне, Новом-Саде, Великой-Кикинде, Белой-Цркви, Сремских-Карловцах, Великом-Бечкереке, Сомборе, Суботице, Црквенице, Осиеке, Сараево и Загребе¹⁷¹.

Русской церкви в изгнании на территориях, находящихся под юрисдикцией Сербской православной церкви, позволили не только беспрепятственную каноническо-правовую деятельность, но и предоставили широкие возможности для развития русской жизни вообще, а сербские патриархи последовательно защищали права Русской церкви и русских верующих¹⁷².

Большое число русских монахов и монахинь встретили сердечный прием в сербских монастырях, где они легко и быстро вливались в сербские монастыр-

ские братства, а со временем становились даже настоятелями монастырей, как, например, игумен Сергей в монастыре Манасия, архимандрит Кирилл в монастыре Св. Прохора Пчиньского, епископ Митрофан в монастырях Раковица и Дечани (где он в течение многих лет стоял во главе монашеской школы) и игумен Вениамин в монастыре Св. Наума в Охриде¹⁷³. Сербские церковные власти позволяли и основывать в сербских монастырях (зачастую оставленных насельниками) чисто русские монашеские братства и сестричества. Наиболее известный такой случай связан с прибытием весной 1920 г. в Королевство СХС восьмидесяти монахинь монастыря Пресвятой Богородицы в Лесне бывшей Холмско-Варшавской епархии. Сначала монахини были временно размещены в монастыре Кувеждин, а в ноябре 1920 г. переселены в монастырь Ново-Хопово¹⁷⁴, который впоследствии был известен как Леснинский женский монастырь. Во главе этого монастыря находились игуменья Екатерина, в миру гр. Е.Б. Ефимовская, основавшая монастырь еще в 1880-х годах, и ее последовательница игуменья Нина (Косаковская), дочь председателя Виленского окружного суда¹⁷⁵. При монастыре была основана школа для сирот в возрасте от трех до восьми лет, в которой детей готовили к поступлению в начальную школу¹⁷⁶. Деятельность монахинь Леснинского женского монастыря в Сербии имела далеко идущие последствия, так как именно благодаря ей — когда двадцать монахинь этого монастыря под руководством игуменьи Мелании (Кривокучиной) и сербские послушницы перешли в октябре 1923 г. в восстановленный монастырь Кувеждин — в Сербии после более чем двухвекового перерыва был восстановлена традиция женского монашества¹⁷⁷. Кроме Леснинского женского монастыря в Сербии было также основано и действовало одно русское монашеское братство.

В 1926 г. Сербская православная церковь передала в пользование русским монахам, находившимся под предводительством архимандрита Амвросия (Курганова; он принял монашеский постриг в монастыре Петковице Шабацкой епархии), покинутый насельниками монастырь Мильково на реке Мораве. Хотя формально монастырь и находился под юрисдикцией Сербской православной церкви, он вскоре стал одним из наиболее значительных центров русской духовной жизни. Внутренняя монастырская жизнь была организована в соответствии со строгими правилами Оптиной пустыни. В начале 1930-х годов в монастыре жили более двадцати монахов, пять из которых были сербами. Практически все они были выпускниками богословского факультета Белградского университета. В дальнейшем многие из монахов этого монастыря стали выдающимися деятелями Русской православной церкви, как, например, архиепископ Иоанн (Максимович), ставший епископом и архиепископом Шанхайским и Сан-Францисским, игумен Антоний (Медведев), ставший позднее во главе русской духовной миссии в Иерусалиме, иеромонах Филипп (Гарднер), ставший выдающимся специалистом по церковной педагогике, или о. Савва (Струве), который после Второй мировой войны был недолгое время монахом в Словакии¹⁷⁸.

Особую роль в установлении дружеских сербско-русских церковных связей имело решение министра по делам религии Королевства СХС, принятое в мае 1920 г. по предложению епископа Нишского Досифея, о принятии русских священников на приходскую службу в Сербскую православную церковь¹⁷⁹.

Благосклонное отношение Сербской православной церкви создало подходящие условия для богатого развития русской духовной жизни в Сербии и Югославии, что выразилось в появлении большого числа русских православных союзов и обществ, церковных братств и сестричеств, как, например, основанное 30 декабря 1921 г. по инициативе кн. М.А. Святополк-Мирской русское церковное Мариинское сестричество в изгнании, наиболее известной акцией которого был сбор средств на постройку Иверской часовни на белградском Новом кладбище; Русское православное пастырское братство памяти отца Иоанна Кронштадтского¹⁸⁰; Братство преподобного Серафима Саровского; Братство Святого Креста; Братство Святой Руси имени Св. Владимира; Братство Св. Анастасия и Св. Иоанна Богослова; Русское христианское молодежное движение, сформированное в Сербии и распространившее свое влияние на эмиграцию всего мира; Русское студенческое христианское движение и др.¹⁸¹

Однако, несмотря на сердечный прием и покровительство Сербской православной церкви, русская церковь в Сербии все-таки сталкивалась с проблемами, нетипичными для других балканских стран, прежде всего — в связи с постройкой русского храма в Белграде.

Первая проблема, которая появилась после прибытия эмигрантов в Королевство СХС, была связана с поиском помещения для проведения богослужений, так как только в Сербии, единственной из всех православных стран Балкан, до Первой мировой войны не было построено ни одного русского храма, русской церкви не было даже при посольстве. В такой ситуации русские священники и верующие находили временные решения, исходя из местных возможностей, используя самые разные помещения: от подвалов и различных кабинетов и физкультурных залов в школах до коридоров, барачных или палаточных, совершая богослужения у походных алтарей под открытым небом¹⁸². Совершенно неожиданно, учитывая общую линию отношения СПЦ к эмигрантам, попытки организовать богослужение в местных церквях и построить в Белграде своими средствами и силами русскую церковь столкнулись с определенным сопротивлением низшего сербского клира.

Сразу же по прибытии первых крупных групп эмигрантов, в марте 1920 г., русский священник Петр Беловидов получил благословение на проведение богослужений от митрополита Белградского Димитрия, ставшего позднее патриархом Сербским¹⁸³. Сначала о. Петр Беловидов¹⁸⁴ организовал богослужения в столовой русского общежития, располагавшегося в бывшей французской казарме на улице Короля Петра. Но после пожара, который произошел в ходе ночной службы 4 ноября 1920 г., когда столовая сгорела, о. Петр Беловидов и верующие всю церковную утварь, иконы и мебель, которые удалось спасти, перенесли в соседний детский сад, где проводили службу в течение десяти дней. Затем богослужения стали проводить в здании третьей мужской гимназии (точнее — в физкультурном зале или в коридоре школы, когда зал был занят) на улице Негоша¹⁸⁵.

Русская церковь просуществовала в гимназии почти полтора года, после переезда Высшего церковного управления в Сербию сам митрополит Антоний несколько раз проводил там службу. Но так как речь шла все же о временном решении (проведение богослужений в стенах школы было крайне неудобно, создавая проблемы и для самой школы), русские эмигранты поста-

рались найти более подходящее помещение. Митрополит Димитрий был готов для организации русской церковной службы и литургий уступить эмигрантам в пользование на несколько дней в неделю Вознесенскую церковь в Белграде, но ее старейшины, протоиереи В. Маркович и В. Стаменкович, отказались выполнить распоряжения митрополита и посоветовали эмигрантам отправиться в монастыри и церкви вне Белграда (за это протоиереям было вынесено порицание, а митрополит был вынужден уступить в пользование эмигрантам саму Соборную церковь для совершения богослужений и причастий)¹⁸⁶. Лишь в мае 1922 г. о. Петр Беловидов в сотрудничестве с А.В. Васильевым, председателем Общества попечения о духовных нуждах православных русских в Королевстве СХС, получил разрешение патриарха Димитрия перенести место проведения богослужений на старое, уже закрытое в то время Ташмайданское кладбище за церковью Св. Марка, в барак, который до этого использовали в качестве склада, а во время престольного праздника накрывали традиционный праздничный стол. Благословения на сбор средств для постройки русского храма в Белграде были сразу же получены от патриарха Димитрия и от митрополита Антония. К этому времени стало ясно, что от бывшей русской миссии в Белграде не удастся получить участок земли для постройки церкви¹⁸⁷. Тогда Совет русского церковного прихода решил возводить храм на месте того самого барака. К выполнению этой идеи приступили безотлагательно, проект церкви выполнил архитектор В.В. Сташевский. Постройка церкви Св. Троицы началась в октябре 1923 г. Чтобы предотвратить любые возможные затруднения, патриарху Димитрию было доложено, что речь идет о «временной перестройке», после чего он и благословил начало строительства. В то же время премьер-министр Королевства Н. Пашич выдал на постройку 40 тыс. динаров, его супруга Джурджина подарила колокол, а два кирпичных завода — необходимое количество кирпича. Однако священники церкви Св. Марка считали барак собственностью своей церкви и подали жалобу лично патриарху Димитрию (несмотря на то что настоятель церкви Св. Марка, протоиерей Милан Милутинович, учившийся когда-то в русской духовной академии, очень тепло относился к русским). Патриарх не предпринял никаких решительных шагов и лишь послал об этом запрос митрополиту Антонию, который также почти ничего не знал обо всех этих перипетиях. Пока шли споры, русские эмигранты ускорили работы, и всего за 39 дней строительство русской церкви Св. Троицы было закончено. Первое богослужение провел 4 января 1924 г. настоятель церкви о. Петр Беловидов. На следующий день патриарх Димитрий направил грамоту митрополиту Антонию, в которой сообщил ему о своем согласии на временную установку церковного колокола и просил его оповестить русскую церковную общину о том, что «вместо этой часовни будет построена новая русская церковь в Белграде на другом месте, как это и предусмотрено договором и нашим разрешением, данным в согласии с Вашим мнением»¹⁸⁸. Но на этом все и остановилось, на протяжении всего межвоенного периода не было отмечено никаких заметных недоразумений между сербскими священниками и настоятелями русской церкви Петром Беловидовым, Иоанном Сокалем, Владиславом Неклюдовым и Виталием Тарасьевым.

Кроме церкви Св. Троицы в Белграде в Югославии были построены еще несколько русских храмов и часовен. Наиболее известная и, согласно свиде-

тельствам современников, самая красивая русская церковь была построена в Бела Цркви, по инициативе архимандрита Иоанна, ее первого настоятеля¹⁸⁹. По личной инициативе вдовы бывшего русского посланника в Сербии Н.Г. Гартвига А.П. Гартвиг в Црквенице была построена небольшая русская церковь¹⁹⁰, а 5 июля 1931 г. на белградском Новом кладбище была торжественно освящена Иверская часовня, возведенная как церковка с алтарем, служившая иногда вторым приходским храмом Белграда. Идея ее постройки родилась в 1930 г., когда пришло известие о том, что в Москве уничтожена старая Иверская часовня у Воскресенских ворот перед Красной площадью, после чего ее повторение по проекту В.В. Сташевского и решено было построить в Белграде¹⁹¹.

Русским эмигрантам в нескольких городах для богослужений были предоставлены местные (обычно закрытые до того времени) сербские храмы, как, например, небольшая церковь в Земунском парке или церковь Успения Богородицы в Новом Бечее¹⁹². Иногда церковные службы проводились и в помещениях в отдельных церковных и городских зданиях, как, например, в Нови-Саде в феврале 1922 г., когда сербская епархия пошла навстречу просьбам русских эмигрантов и уступила им часовню Св. Василия Великого на втором этаже архиерейского дома в центре города. Там церковные службы проводились на протяжении всего межвоенного периода, так как русская колония в Нови-Саде не успела построить русскую церковь, хотя в 1935 г. и был основан Русско-сербский комитет по возведению храма в память погибшего короля Александра I Карагеоргиевича и непосредственно до начала войны были собраны средства и определен участок, на котором планировалось ее построить¹⁹³. Или в Великом Бечкереке (Зреняине), где богослужения с 1922 г. проводились перед походным алтарем в гимнастическом зале гражданской школы, а с 1929 г. — в подвале Русского дома (т.е. в помещениях бывшего турецкого каземата Мункач), перестройку которого в церковь позволил местный муниципалитет по просьбе группы эмигрантов под руководством о. Владимира Востокова. Таким образом в достаточно необычном месте стала действовать русская церковь Св. Архистратига Михаила¹⁹⁴. Кроме того, при различных русских эмигрантских организациях — кадетских корпусах, девичьих институтах или Русской больнице Красного Креста в Панчеве — действовали отдельные храмы (обычно располагавшиеся в зданиях самих этих учреждений).

Русские эмигранты других конфессий не строили на Балканах отдельных храмов, а присоединялись к местным католическим, протестантским и иудейским общинам. Единственное исключение состояло в организации буддистского храма — в 1923—1928 гг. — в арендованных частных домах в Белграде, а затем в декабре 1929-го — в новой буддистской пагоде, построенной в Белграде (для потребностей пятисот донских калмыков, эмигрировавших из России) на участке, который подарил промышленник М. Якимович, при большой материальной поддержке его самого и нескольких других промышленников¹⁹⁵.

Последняя организация, чей центр находился на Балканах, а деятельность охватывала эмигрантов по всему миру, ни по продолжительности своего су-

ществования, ни по значению даже приблизительно не может быть сравнена с РОВСом или Русской православной зарубежной церковью. Скорее можно сказать, что речь шла о мимолетной и, как показало время, неудачной попытке сформировать правительство России в эмиграции. Речь идет об образовании Русского совета в Константинополе в 1921 г.

Русский совет

Непрерывность Русской Власти осуществляет Главнокомандующий Русской Армии вместе с общественными силами, которые борются против большевизма, объединенными в Русском совете.

*Генерал Врангель.
Положение о Русском совете,
12 марта 1921 г.¹⁹⁶*

Русский совет был задуман как своеобразное русское правительство в изгнании, которому следовало выполнить две основные задачи: объединить раздробленные, разобщенные взаимными разногласиями политические и общественные группы в рамках Зарубежной России и продемонстрировать непрерывную преемственность антибольшевистских русских властей, сформированных в ходе Гражданской войны, а тем самым и преемственную связь русского правительства в изгнании с дореволюционным правительством России (в отличие от большевиков, которые настаивали на революции как полном разрыве любой преемственности).

Через пять месяцев после эвакуации Крыма, в марте 1921 г., генерал Врангель приступил к формированию Русского совета, который должен был стать преемником Правительства Юга России, во главе которого П. Н. Врангель находился в ходе Гражданской войны, с момента принятия под свое командование остатков Добровольческой армии генерала Деникина в апреле 1920 г.¹⁹⁷ На этот шаг Врангель решился в тот момент, когда перед русскими военными и политическими кругами в эмиграции с особой остротой встал вопрос о необходимости сохранения Русской армии, размещенной в военных лагерях Константинополя. Говоря обобщенно, можно утверждать, что одна из основных идей генерала Врангеля заключалась в том, что армия должна со временем стать своеобразным центром консолидации всех русских сил в эмиграции ради желаемого и ожидаемого продолжения борьбы и свержения советской власти. 12 марта 1921 г. Врангель в своем Главном штабе, размещенном на стоявшей под парусами в константинопольском порту яхте «Лукулл», издал прокламацию о формировании Русского совета¹⁹⁸. Согласно первоначальному плану состав совета должен был ясно выразить тенденцию объединения в одном органе представителей различных политических движений и группировок, а также желание создать ядро политической консолидации в эмиграции именно вокруг армии. Совет должен был иметь 30 членов: председателя, трех представителей казачьих организаций, одного представителя народов Кавказа (которые также оказались в эмиграции), пятнадцать членов других различных общественных организаций (бывших членов парламентского комитета,

делегатов Земского и Городского союзов, представителей торгово-промышленных и финансовых объединений, а также представителя русской академической группы) и десять членов, которых должен назначить сам главнокомандующий¹⁹⁹.

Первый состав Русского совета лишь частично соответствовал основному замыслу, но все же это была хоть какая-то попытка объединения различных политических сил с одновременным выделением идеи армии как объединяющего фактора политической жизни в изгнании. Председателем был генерал Врангель, первым его заместителем — профессор И.П. Алексинский (народник-социалист), вторым — кн. П.Д. Долгоруков (кадет), членами, назначенными генералом Врангелем, были В.В. Шульгин (националист-монархист) и ответственный за пропагандистскую деятельность Г.А. Алексинский (социал-демократ, примыкавший к течению Г.В. Плеханова), выборными членами из различных организаций: Н.И. Антонов (октябрист), гр. И.А. Уваров (также октябрист), Скоростовцев (прогрессист, представлявший земство), Н.П. Савицкий (кадет, представлявший Парламентский комитет в Париже), В.В. Лашкевич (октябрист), В.Ф. Малинин (беспартийный), А.И. Пильц (директор гражданской службы при генерале Врангеле), генералы А.П. Кутепов, М.А. Фостиков и П.А. Кусонский (представлявшие общественные и городские организации), гр. В.В. Мусин-Пушкин, Н.Н. Львов (представитель Союза торговли и промышленности) и Н.А. Ростовцев (член ЦК партии кадетов)²⁰⁰.

Согласно планам П.Н. Врангеля Русский совет вместе с главнокомандующим должен был осуществлять политические цели, заниматься гражданским управлением и, чему придавалось важнейшее значение, всячески способствовать сохранению всех сил и средств, необходимых как для возрождения будущей России, так и для защиты прав и интересов русского населения в изгнании, т.е. сделать все возможное для сохранения армии²⁰¹. Одним из основных вопросов, которыми совет предположительно должен был заниматься, был вопрос финансов. Но вскоре практика показала, что, не имея ни политической, ни финансовой силы, именно в связи с финансовым вопросом совет оказался в глубоком кризисе, выхода из которого он так и не нашел.

Первое заседание Русского совета состоялось 5 апреля 1921 г. в здании русского посольства в Константинополе. На заседании было составлено обращение к Лиге Наций и США о необходимости финансовой помощи Русскому совету и Русской армии и выдвижения ультиматума советскому правительству. Под впечатлением этого первого заседания, один из членов совета, В.В. Шульгин, заявил, что он убежден в том, что совет, как управляющий аппарат эмиграции, покажет большевикам свою реальную значительную мощь²⁰². Но уже очень скоро стало очевидно, что эти призывы не были услышаны со стороны влиятельных политиков всего мира и непосредственно Европы. Великобритания даже отказалась в дальнейшем помогать П.Н. Врангелю в знак протеста против образования правительства и начала разработки им планов продолжения борьбы в Крыму²⁰³. Кроме того, генерал Врангель самим фактом формирования Русского совета показал, что он стремился взять под свой контроль финансовые потоки Зарубежной России, вследствие чего он быстро вошел в конфликт с Советом послов в Париже, крайне влиятельным в сфере финансов эмиграции.

Вопрос контроля финансовых потоков в зарубежных условиях был лишь одним из многих вопросов, по которым П.Н. Врангель конфликтовал с Советом послов в Париже. Намного более важный конфликт вызвал тот факт, что образование своего рода русского правительства в изгнании, претендовавшего на преемственную связь антибольшевистских правительств с дореволюционным правительством России, неминуемо поставило вопрос, под чьей юрисдикцией находятся эмигранты. В ситуации, когда большинство государств мира не признавали нового правительства России, дипломатические представители, которых назначили царское и временное правительства, все еще продолжали выполнять свои функции во многих столицах. С появлением большого числа эмигрантов бывшие царские и республиканские дипломатические представители взяли их под свою защиту. Посольства выдавали удостоверения личности и паспорта, подтверждали официальные документы, оказывали правовую поддержку, материальную помощь эмигрантам, собирали и распределяли гуманитарную помощь. Один раз в год послы проводили конференцию, а потом сформировали и специальный Совет послов в Париже, во главе которого сначала оказался бывший министр иностранных дел России С.Д. Сазонов, а после него М.Н. Гирс. Но после формирования Русского совета генерал Врангель послал во все крупные центры Русского Зарубежья своих специальных представителей с заданием включиться в работу дипломатических представительств, а в случае если посол откажется включить их в состав дипломатических миссий — формировать специальные правительственные представительства. В такой ситуации сразу же возникал конфликт компетенции представительств и посольств, из-за чего правительства стран, где происходили эти конфликты, как и сами русские эмигранты, оказывались перед неприятным выбором — чью компетенцию признать. Практика показала, что почти во всех странах представители Врангеля, если и могли добиться какого-то дипломатического признания, играли второстепенные роли, особенно в финансовых вопросах²⁰⁴. Это во многом определило будущую судьбу как Русского совета, так и идеи правительства в изгнании вообще. Полтора года спустя после первого заседания, после переезда главнокомандующего и совета в Сербию (сессии проводились в Белграде и Панчево), на последней сессии 20 сентября 1922 г. в Панчево, Русский совет был упразднен. Его деятельность была прекращена в основном из-за того, что ему не удалось добиться роли лидера русской эмиграции, а частично — по причине внутренних конфликтов и столкновений различных политических группировок²⁰⁵.

Следующая попытка объединения различных политических и общественных сил в изгнании не была больше связана ни с главнокомандующим, ни с русскими эмигрантами на Балканах. Формирование Эмигрантского комитета в Париже в 1924 г. представляло собой значительно более продолжительную попытку (комитет просуществовал до 1936 г.) организации представительского органа, защищающего интересы эмигрантов, но и он не смог добиться руководящей роли во всей Зарубежной России²⁰⁶.

Деятельность Русской армии, РОВСа и Русской православной зарубежной церкви играла огромную роль в жизни эмигрантов в новой среде. (С этой точ-

ки зрения вряд ли можно говорить о каком-то особом значении Русского совета.) Но прибытие огромного количества людей на протяжении относительно краткого временного периода требовало особой системы организации, чтобы эмигранты были размещены, обеспечены жильем и всем необходимым с максимальным использованием существовавших возможностей. Поэтому надо было сформировать специальные учреждения, которые занимались бы целым рядом вопросов, от размещения и создания планов поселений до обеспечения постоянным жильем, гуманитарной помощью, организацией жизни эмигрантов и их сношениями с правительствами балканских государств. В этой работе важную роль сыграли различные организации, сформированные правительствами или самими эмигрантами, а также русская дипломатическая сеть в балканских государствах, оставшаяся еще с дореволюционных времен. Тем самым они в значительной степени способствовали созданию и функционированию специфического русского общества в изгнании.

Государственные и неправительственные учреждения

Прибытие крупных групп эмигрантов в относительно сжатые сроки требовало проведения большой организаторской работы по их приему и размещению, по регистрации и установлению какого-либо социального контроля над расселением и передвижением беженцев и даже по простой идентификации новоприбывших. Ситуацию усложнял вопрос политического определения балканских государств по отношению к событиям в России, что прямо влияло на положение русских дипломатических представительств в этих странах.

По сути дела, решение о приеме, сам прием и размещение эмигрантов находились под контролем и организовывались соответствующими государственными органами правительства и ответственных министерств балканских стран (ситуация в Константинополе, с учетом существования союзного управления в городе, была чуть более специфической). Чтобы обеспечить стабильное существование общества в этих странах, и в особенности в Королевстве СХС и Болгарии, которые столкнулись с притоком самого большого количества беженцев, было недостаточно деятельности соответствующих министерств, тем более когда во всей своей остроте встал вопрос о финансировании беженцев. Поэтому необходимо было развить особую сеть соответствующих учреждений, которые проявляли бы необходимую заботу об эмигрантах и их нуждах.

Со временем, после столкновения с различными проблемами, которые было необходимо решать, в балканских странах было сформировано несколько специализированных учреждений, заботившихся о беженцах. Некоторые из них просуществовали недолго, другие функционировали почти весь межвоенный период. С учетом характера, объема и компетенции их деятельности эти институции можно поделить на две группы: учреждения, которые в большей или меньшей степени представляли собой балканские государства, и русские дипломатические и парагосударственные организации.

Необходимо отметить, что не все балканские государства имели одинаковые проблемы, с учетом того, что неодинаковое количество эмигрантов было размещено в каждой из них; поэтому в некоторых странах (например, Румы-

нии или Турции, урегулировавшей после 1926 г. статус русских беженцев таким правовым способом, который отличался от подхода всех остальных стран региона) даже и не существовало потребности формирования таких институтов.

Наиболее развитая сеть государственных учреждений была создана в Югославии и Болгарии. Формирование этих учреждений, которые обычно имели смешанный русско-болгарский или русско-югославский характер, проходило в два этапа. Сначала по инициативе прорусски ориентированных представителей местных социальных элит формировались различные учреждения благотворительного характера. И лишь затем, когда выяснялось, что эти институты ни по объему, ни по компетенции не способны успешно решать все многочисленные проблемы, которые появлялись в жизни эмигрантов, государственные власти были вынуждены создавать специализированные учреждения по защите беженцев.

Первая организация гражданской солидарности была сформирована в конце мая 1919 г. в Королевстве СХС. Это был Русско-югославский совет, образованный по инициативе депутатов скупщины Королевства СХС, возглавляемых Д. Павловичем, для поддержания связей с русскими беженцами, которые в значительных количествах стали прибывать в страну. Первое открытое заседание Русско-югославского комитета состоялось в воскресенье 25 мая 1919 г. в зале мэрии Белграда²⁰⁷. Председателем был избран генерал В. Живанович, был также сформирован Главный исполнительный совет и определены комиссии, через которые комитет должен был проводить свою деятельность. Работа комитета была посвящена оказанию помощи при размещении русских: открытию приемных пунктов для беженцев, обеспечению финансовой помощи и подбору подходящих помещений для размещения беженцев в провинции. В течение всей своей деятельности комитет открыл три центра для размещения русских беженцев (два в Белграде и один в Земуне). Однако с начала 1920 г., когда беженцы стали прибывать все в большем количестве, организация помощи больше не могла базироваться на началах гражданской солидарности. Финансовых и организационных возможностей, а также компетенции Русско-югославского совета было недостаточно, и 8 февраля 1920 г. совет на IV открытом заседании принял решение о том, что из-за новых условий деятельности, которые были непосильны, необходимо объединиться с Государственным советом по приему и размещению русских беженцев, первым государственным учреждением Королевства, организованным для помощи русским беженцам, которое Министерство социальной политики Королевства СХС сформировало 24 января 1920 г.²⁰⁸

Государственный совет состоял из представителей различных министерств, его председателем был инспектор Министерства социальной политики Куячич. По структуре совет представлял собой орган, сформированный для согласования действий различных министерств. Он занимался составлением планов размещения беженцев в Королевстве СХС в соответствии с возможностями отдельных регионов, координацией деятельности различных министерств и организаций для решения проблем размещения и, частично, финансирования беженцев. Со временем, когда объем забот по размещению беженцев возрос, Государственный совет стал сотрудничать и с другими учреждениями, которые занимались размещением русских эмигрантов, и преж-

де всего с официальными русскими представителями — с русским посланником В.Н. Штрандтманом, военным агентом В.А. Артамоновым и правительственным уполномоченным по делам русских беженцев С.Н. Палеологом. Хотя Государственный совет и выполнил работу по приему и размещению беженцев с юга России весной 1920 г. без особых проблем, по инициативе Министерства иностранных дел в июне 1920 г. было сформировано новое учреждение, Государственная комиссия по приему и размещению русских беженцев в Королевстве СХС, чья роль в первые месяцы ее существования сводилась исключительно к решению финансовых вопросов, но вскоре превратилась в заботу обо всех сторонах жизнедеятельности беженцев. Поэтому 14 декабря 1920 г. Государственный совет по приему и размещению русских беженцев прекратил свою работу²⁰⁹.

Государственная комиссия по приему и размещению русских беженцев в Королевстве СХС и по полномочиям, и по реальному влиянию и значению в жизни русских в Королевстве СХС вскоре стала самой важной организацией в жизни эмигрантов, каковой и оставалась на протяжении всего межвоенного периода. По организационной структуре она представляла собой нечто среднее между Русско-югославским советом (организацией, построенной на принципах гражданской солидарности) и Государственным советом (государственным учреждением чиновничьего типа). В рамки ее деятельности входил широкий круг вопросов, связанных как с приемом и размещением беженцев, так и с финансированием, социальной защитой, приспособлением и интеграцией эмигрантов в новую среду, а также проблемы, которые появлялись в результате интеграции эмигрантов в эту новую среду. Прежде всего это касалось организации курсов сербского языка для эмигрантов и специализированных бюро трудоустройства по месту расселения эмигрантов. Комиссия занималась также проблемами, связанными с формированием и финансированием школ для обучения русских детей, помощью различным медицинским и реабилитационным учреждениям, сформированным и управлявшимся Российским обществом Красного Креста. Государственная комиссия была смешанным сербско-русским учреждением, в которое входили выдающиеся деятели культурных и политических организаций русской эмиграции. Во главе Государственной комиссии, как правило, находился представитель Королевства СХС. Ее первым председателем был Л. Йованович, один из лидеров радикалов и председатель народной скупщины, который выполнял свою функцию председателя в 1920—1927 гг. На месте заместителя председателя Государственной комиссии в то время находился человек, который в дальнейшем, на протяжении всего межвоенного периода, оказывал влияние на ее деятельность — профессор Белградского университета, а позднее и президент Сербской Королевской академии А. Белич (был он еще и дореволюционным иностранным членом-корреспондентом Петербургской академии наук, а с 1925 г. — Академии наук СССР). В 1927—1940 гг. Белич исполнял должность председателя Государственной комиссии. Кроме председателя и его заместителя в руководстве комиссии имелось Главное управление, в которое вошли С. Кукич и представители русской эмиграции — бывший московский городской голова и председатель Всероссийского союза городов М.В. Челноков, правительственный уполномоченный по делам русских беженцев в Королевстве СХС С.Н. Палеолог, и директор Первой русско-сербской гимназии в Белграде

В.Д. Плетнев. Возрастание влияния и расширение поля деятельности сделало Государственную комиссию самой важной эмигрантской организацией Королевства²¹⁰.

История создания учреждений для оказания заботы о русских беженцах в Болгарии была похожа на ситуацию с организацией подобных институтов в Королевстве СХС. Первая организация, сформированная для размещения беженцев, Русско-болгарский культурно-благотворительный комитет, также была организацией гражданской благотворительности. Первое заседание будущего комитета, состоявшееся 22 января 1920 г. в Софии, было созвано по инициативе профессора, председателя Славянского общества С.С. Бобчева и посланника в Софии А.М. Петряева. На заседании собрались выдающиеся болгарские общественные, культурные и политические деятели во главе с архимандритом Стефаном, ставшим позднее Софийским митрополитом. Комитет провозгласил в качестве своей цели «способствование единству двух братских народов и укрепление русско-болгарского сближения». Неделию спустя, 29 ноября, Министерство внутренних дел и народного здравоохранения подтвердило устав комитета. Этот день позднее был принят в качестве даты официального основания комитета. Спустя два месяца состоялось открытое заседание комитета и было избрано первое руководство. Председателем был выбран архимандрит Стефан, а смешанный русско-болгарский характер выразился уже в выборе двух заместителей председателя, с русской стороны — А.Д. Агуры, а с болгарской — К.С. Поповилиева. Казначеем был Ю.А. Малинов, а секретарем — В.В. Завьялов²¹¹. Деятельность комитета охватывала, по уставу организации, всю территорию страны. В основном комитет занимался организацией и распределением материальной помощи беженцам, однако иногда он реагировал и на некоторые политические решения властей, касающиеся положения и статуса русских эмигрантов (как, например, увенчавшаяся успехом акция по предотвращению планировавшегося в июне 1920 г. выселения определенной части беженцев²¹²).

Кроме раздачи материальной помощи комитет открыл в Софии гимназию для русских детей, а потом и Русский дом, два общежития, интернат для учеников гимназии и дешевую столовую для беженцев. Также было открыто бюро труда, организованы различные курсы (английского языка, выразительного чтения и т.п.), устраивались лекции, концерты, театральные постановки в Русском доме и т.д.²¹³ С политической точки зрения период с сентября 1922-го до июня 1923 г. был самым тяжелым в деятельности комитета. Тогда из-за политического сближения правительства Болгарии и РСФСР/СССР и внутренних политических пертурбаций положение русских эмигрантов стало критическим, а русская миссия в Софии в конце 1922 г. оказалась закрытой. В сложившихся условиях правительство Болгарии взяло на себя контроль над деятельностью комитета, после чего он превратился в государственное учреждение. Возглавил комитет в январе 1923 г. известный политический деятель Х. Кунев, которому было доверено обустройство русских беженцев. После государственного переворота в том же году «все специальные ограничения, которые существовали для русских», были отменены, а во главе комитета оказался Г.Д. Цветанов, организовавший особую комиссию, которая заботилась об оказании практической помощи русским эмигрантам²¹⁴. Из-за всех этих событий значение комитета в жизни русской колонии существенно уменьши-

лось, и его деятельность свелась всего лишь к финансированию русской гимназии. После государственного переворота и разрыва отношений с Москвой новое правительство Болгарии образовало специальное государственное учреждение по урегулированию проблем эмигрантов, имевшее похожее название, — Комитет по вопросам русских беженцев. Он полностью принял на себя многие обязанности Русско-болгарского культурно-благотворительного комитета, в рамки его компетенции входили и многие другие важные проблемы, связанные с эмигрантами.

Во главе Комитета по вопросам русских беженцев правительство Болгарии поставило болгарского генерала Попадопова. Этот комитет также представлял собой смешанное русско-болгарское учреждение. В качестве русского представителя в его состав вошел Б.С. Серафимов, которого в Болгарию направил Совет послов в Париже. Кроме него и председателя, генерала Попадопова, в комитет вошли представитель государственного контроля и видные общественные деятели — профессор И.А. Базанов и кн. Лобанов-Ростовский. Главная функция комитета сводилась к финансовому контролю над средствами, которые правительство выдавало для помощи и поддержки эмигрантов и эмигрантских организаций (из особого русского фонда в 12 млн. левов, который был заморожен при А. Стамболийском)²¹⁵. Тот факт, что комитет основало правительство, а также его смешанный русско-болгарский характер позволяют назвать его болгарским государственным учреждением особого типа для заботы о беженцах (аналогичным учреждением в Югославии, например, являлась Государственная комиссия). Но учитывая, что важнейшую роль в деятельности комитета играл делегированный на это место Советом русских послов в Париже Серафимов и то, что использовалось помещение русской миссии в Софии, закрытой в конце 1922 г., можно прийти к выводу, что этот комитет был подобен тем учреждениям, которые основывались после закрытия бывших дипломатических представительств Российской империи на Балканах (например, Делегации по защите интересов русских беженцев в Белграде).

В истории русской эмиграции на Балканах эта деятельность представляла особый общественный и политический феномен. Действия в балканских столицах российских дипломатов, которые, с некоторыми исключениями, непрерывно работали на своих постах с довоенного периода и до 1924 г., имели тройственный характер: во время Гражданской войны в России они занимались посредничеством между правительствами балканских государств и антибольшевистскими армиями (в основном на юге России); посредничеством между русскими беженцами и Российским государством, которое они представляли; а затем, по окончании Гражданской войны, стали своего рода защитниками эмигрантов перед местными властями.

В ходе Гражданской войны, при переселении беженцев на Балканы и после него российские дипломатические представители выполняли ряд различных функций: подтверждали и выдавали новые паспорта российским гражданам, которые находились на транзитном пути через Балканы и желали проследовать в другие страны; проводили мобилизацию военных кадров среди эмигрантов (в соответствии с приказами Деникина и Врангеля) и организовывали возвращение на юг России тех, кто желал продолжить борьбу с большевиками; в сотрудничестве с другими русскими организациями они способствовали поддер-

жанию и облегчению контактов эмигрантов с родственниками и друзьями, оставшимися в России; выполняли регистрацию эмигрантов и по необходимости предоставляли полные или частичные списки для ознакомления и использования соответствующим государственным органам, в чье ведение входила опека беженцев, или же местным властям; организовывали акции по сбору средств для оказания помощи частям Русской армии, размещенным в лагерях в пригородах Константинополя. После прибытия крупных групп беженцев на Балканы российские посольства стали важными субъектами в отношениях между эмигрантами и местными властями. Хаотическая ситуация, в которой русские беженцы покидали родину, обусловила то, что многие из них оказались на чужбине без каких-либо документов, что, в свою очередь, во многом усложняло контакты с ними властей балканских государств. Поэтому часть активности русских дипломатов была связана с выдачей различных удостоверений эмигрантам: от удостоверения личности до справок о семейном и имущественном положении, а также документов о профессии, профессиональных навыках, университетских дипломах и академических званиях. Таким образом, русские дипломаты помогали беженцам найти себя в новой среде и в то же время были в глазах местных властей главным источником и гарантом юридической информации о самих эмигрантах.

Юридически деятельность российских дипломатических представительств, которые с точки зрения политической преемственности представляли собой посольства императорской России (кроме Софии и Константинополя, где они были закрыты в ходе Первой мировой войны), имела в некоторой степени характер обычной защиты интересов иностранных граждан в балканских странах, притом, однако, что их родной страны (России) больше не существовало, т.е. они не признавали ее нового, советского правительства. Таким образом, их можно рассматривать как своего рода парагосударственные учреждения.

Большинство русских послов состояли на дипломатической службе на Балканах еще до начала Первой мировой войны. Некоторые из них оставались на своих местах и в течение Первой мировой войны, и во время деятельности Временного правительства, а потом и в ходе Гражданской войны, когда они представляли интересы антибольшевистских сил и их правительств.

Российским посланником в Афинах, аккредитованным Временным правительством, вплоть до 1924 г. и установления дипломатических отношений между Грецией и СССР был Е.П. Демидов. После закрытия миссии он на протяжении всего межвоенного периода находился во главе Организации по защите интересов русских беженцев²¹⁶. При посольстве существовал институт военного агента, должность которого в качестве исполняющего обязанности занимал в начале 1920-х годов генерал-лейтенант Н.Д. Невадовский. Русская дипломатическая сеть в Греции охватывала еще и консульские представительства в Салониках (консул В.С. Щербина) и в Пирее (консул И.Н. Хаджи-Лазаро). Консульские отделения имелись на островах Кефаллиния, Корфу, Милос, Хиос, в Каламати, Волосе, Санти, Матилени²¹⁷. Кроме обычной дипломатической деятельности в начале 1920-х годов посол Е.П. Демидов организовал и бюро труда в Афинах и Салониках, чтобы облегчить жизнь эмигрантов в новой среде²¹⁸. Из остальных русских представителей, занимавшихся вопросами беженцев, в Греции кроме дипломатов находился еще и представитель Нансеновского комитета А.А. Котельников²¹⁹.

Российским посланником в Румынии к началу 1920-х годов продолжал числиться С.А. Поклевский-Козелл. Кроме него в миссии на должности первого секретаря трудился А.С. Савинов, бывший консул в Яссах, который к середине 1930-х годов сменил Поклевского-Козелла на должности официального представителя в Румынии. Во главе русской военной миссии в Румынии при командовании союзников с 1918-го до начала 1920-х годов находился генерал-лейтенант А.В. Геруа²²⁰. К 1930-м годам этот пост также занял Савинов²²¹. Из-за крайне тяжелого экономического положения, в котором находилась миссия, Поклевский-Козелл получал средства на существование миссии за счет того, что всем, желавшим эмигрировать в Америку (в основном жителям Бессарабии), выдавал российские паспорта²²².

В Константинополе в апреле 1920 г., в качестве официального российского представителя был поставлен А.А. Нератов, бывший начальник управления иностранных сношений в правительстве генерала Деникина²²³, а до этого — при Николае II и Временном правительстве — товарищ министра иностранных дел. Российское посольство в Константинополе составляли дипломатическая миссия, консульский отдел, бюро по связям с командованием союзников, отдел по работе с эмигрантами, паспортный отдел для военных и паспортный отдел для моряков, а также центральная служба Русской православной церкви²²⁴.

В Королевстве СХС (Югославии) официальным российским дипломатическим представителем до начала Второй мировой войны был В.Н. Штрандтман (см. с. 33 настоящей книги). В 1910–1911 гг. был прикомандирован к миссии в Цетине (Черногория), а с 1911 г. был первым секретарем русской миссии в Сербии.

Кроме посланника в российскую дипломатическую сеть входили консулы во всех крупных городах Королевства (Загребе, Сараево, Любляне) и военный агент генерал-майор В.А. Артамонов. В 1909–1915 гг. он исполнял обязанности русского военного агента при русской миссии в Сербии, как и Штрандтман, отступил с сербской армией через Албанию на Корфу, а затем до конца Первой мировой войны воевал на Салоникском фронте в составе Русского экспедиционного корпуса²²⁵. Помимо дипломатических представителей и учреждений вопросами эмигрантов в Королевстве СХС с 1922 г. занимался и «делегат верховного комиссара по русским беженцам в Королевстве СХС» С.В. Юрьев, бывший церемониймейстер высочайшего двора в Петербурге²²⁶.

Кроме того, в Югославии в 1920–1933 гг. действовало Управление правительственного уполномоченного по делам русских беженцев, единственное подобное учреждение во всей эмиграции. В январе 1920 г. это управление, согласно договоренности с правительством Королевства СХС, основало правительство генерала Деникина. Уполномоченным был назначен бывший русский посланник в Сербии кн. Г.Н. Трубецкой. Но вскоре в связи с тем, что в мае 1920 г. по приказу нового главнокомандующего Трубецкой был назначен на новую должность и возвращен в Крым, его сменил С.Н. Палеолог, бывший чиновник особых поручений по общим делам при министре внутренних дел. Управление развило бурную деятельность для налаживания образования и трудоустройства беженцев, внутренней организации эмигрантских колоний, верификации и выдачи новых документов. Деятельность этого учреждения в некоторой степени пересекалась с компетенцией как российских дипломати-

ческих представителей, так и местных государственных учреждений, занимавшихся вопросами беженцев. Хотя Палеолог и смог установить с Государственной комиссией (членом которой он являлся) отношения сотрудничества, с посланником Штрандтманом он находился в соперничестве (усиленном личной неприязнью двух этих русских представителей). Формально управление прекратило работу 6 апреля 1922 г. согласно решению министра иностранных дел Королевства СХС М. Нинчича об объединении под руководством Государственной комиссии компетенций всех учреждений, занимавшихся беженцами. Тем не менее Палеолог при молчаливом согласии и небольшой финансовой помощи со стороны Государственной комиссии продолжал свою деятельность до своей смерти 3 апреля 1933 г., контактируя исключительно с русскими учреждениями, например с организациями отдельных русских колоний и т.п.²²⁷

Условия, в которых проходила деятельность российских дипломатических представителей в Болгарии, несколько отличались от ситуации в Югославии. Из-за взаимного объявления войны во время Первой мировой войны русская миссия в Софии была закрыта. Лишь после окончания войны и установления отношений с антибольшевистскими армиями на юге России деятельность российских дипломатических представительств в Софии была возобновлена. Сначала, в октябре 1919 г., генерал Деникин назначил российским военным представителем в Софии полковника В.А. Палицына, а в ноябре 1919 г. посланником — А.М. Петряева, бывшего консула в Македонии и товарища министра иностранных дел во Временном правительстве²²⁸. Вследствие изменений во внутренней политике и во внешнеполитической ориентации официальной Софии летом и весной 1922 г., Петряев по собственной инициативе решил закрыть российское дипломатическое представительство и покинуть страну (что привело к большим проблемам, связанным с выдачей и продлением паспортов для русских беженцев). Канцелярии российской миссии и консульства в Софии были закрыты 30 декабря 1922 г., а десять дней спустя, 10 января 1923 г., Петряев вместе со всеми членами дипломатической миссии переехал из Болгарии в Королевство СХС. В то время из российских дипломатических представителей в Софии остался лишь бывший консул Богоявленский в качестве атташе при представителе Лиги Наций в Болгарии²²⁹. В здании российской миссии болгарское правительство открыло специальный Комитет по русским вопросам при Министерстве иностранных дел²³⁰.

Накануне июньского государственного переворота в 1923 г. положение эмигрантов несколько улучшилось: новые власти вместо бывшего российского посольства учредили Комитет по вопросам русских беженцев, смешанное болгарско-русское учреждение, которое возглавлял болгарский генерал Попадопов, но наиболее влиятельным деятелем был русский дипломат Б.С. Се-рафимов²³¹, в 1920—1930-х годах председатель Нансеновского комитета в Болгарии²³². Его роль была очень важной в течение всего межвоенного периода²³³.

Формально официальные российские представительства на Балканах прекратили свою деятельность в 1924 г., когда СССР был официально признан рядом европейских государств. В то время из всех балканских стран лишь Греция официально признавала СССР. В новых международных условиях дальнейшая дипломатическая деятельность официальных представительств старой России, государства, которое прекратило свое существование, выглядела

бы как политический прецедент. Но закрытие российских миссий не означало прекращения всей деятельности бывших российских дипломатических представительств, тем более что их активность в связи с контактами с русскими эмигрантами была исключительно важна для правительств балканских стран. Поэтому бывшие посольства фактически продолжили свою деятельность по верификации и выдаче документов для беженцев, притом, однако, что ради решения формальной стороны вопроса они были переименованы: в Королевстве СХС — в Делегацию по защите интересов русских беженцев, в Греции — в Организацию по защите интересов русских беженцев, а в Болгарии — в вышеуказанный комитет.

Эта беспрепятственная деятельность российских дипломатических представителей на Балканах в начале 1920-х годов по-своему отражала комплекс отношений правительств балканских стран к большевистскому эксперименту в России.

Представительства центральных эмигрантских организаций на Балканах

Проблемы, с которыми эмигранты сталкивались в повседневной жизни, особенно в первые дни своего пребывания в изгнании, были крайне многочисленными: от урегулирования правового статуса, обеспечения начальных средств, трудоустройства и приспособления к жизни в новой среде до сохранения здоровья и лечения. Для решения этих проблем требовалась сложная и напряженная деятельность, которая включала в себя подбор работы для эмигрантов, организацию курсов по переквалификации, языковых курсов, открытие бюро труда, дешевых столовых и общежитий, открытие и содержание школ, больниц, амбулаторий, помощь инвалидам и самым неимущим. Кроме правительств балканских государств, русских дипломатических представителей, представителей Верховного комиссариата по вопросам русских беженцев Лиги Наций и командования Русской армии, этой деятельностью занимались еще и представительства различных русских общественных и благотворительных организаций, центральные отделения которых обычно находились в Париже, как, например, Всероссийский земский союз, Всероссийский союз городов, Российский Красный Крест (старая организация), а также ряд более мелких учреждений, благотворительных обществ, отдельных благотворителей, международных благотворительных и гуманитарных организаций, как, например, Русская организация Белого Креста, Земгор (с середины 1920-х), Организация профессора Уитмора по помощи русским студентам, АРА, Христианский союз молодых людей (УМСА) или Американский Красный Крест (ARC).

Несмотря на значительную роль, которую сыграла деятельность этих многочисленных русских и иностранных организаций в адаптации и поддержке беженцев в новой среде, нет никакого сомнения в том, что деятельность Российского общества Красного Креста и объединенных впоследствии Всероссийского земского союза (ВЗС) и Всероссийского союза городов (она была направлена на оказание самой необходимой материальной помощи, поиски

работы, открытие русских школ, больниц, поликлиник и т.д.) играла наиболее важную роль в формировании русской общности на Балканах.

ВЗС был основан еще в начале XX в. В то время он был в России своего рода органом гражданского самоуправления. Первые проявления его деятельности относятся ко времени Русско-японской войны, когда он занимался организацией благотворительной помощи солдатам. Поняв значение деятельности Всероссийского земского союза, российское правительство взяло на себя его финансирование. Главный комитет союза был избран 30 июля 1914 г., в преддверии Первой мировой войны. С начала войны ВЗС осуществлял работу в двух направлениях: обеспечение и организация медико-санитарной помощи армии и населению (организация санитарных поездов, дезинфекционных отрядов, открытие лазаретов, бань, прачечных и т.д.) и снабжение армии (закупка кроватей, одежды, обуви и т.д.)²³⁴. После государственного переворота большевики распустили Главный комитет ВЗС. Начало Гражданской войны и появление территорий, освобожденных от власти большевиков, в основном в тех регионах, где действовала Добровольческая армия, привело к возобновлению деятельности местных комитетов союза. Генерал Деникин, хорошо понимая важность союза, 4 апреля 1919 г. принял решение о формировании Временного, а 25 мая 1919 г. и решение об образовании Главного комитета ВЗС. В августе 1919 г. решение генерала Деникина о возобновлении деятельности союза подтвердил и адмирал Колчак. До эвакуации Крыма в ноябре 1920 г. во главе союза стоял С.П. Шилькевич, с 22 ноября его сменил А.С. Хрипунов²³⁵.

Появление первых крупных групп эмигрантов весной 1920 г., после поражения генерала Деникина, а в особенности массовая эвакуация Крыма в ноябре 1920 г. поставила ВЗС в весьма специфическое положение. Еще весной 1920 г. союз был вынужден перенести свою деятельность за пределы России. Точнее, в мае 1920 г. генерал Врангель призвал общественные организации заняться оказанием помощи русским гражданам, которые «в силу известных обстоятельств» оказались в эмиграции²³⁶. В ноябре того же года в эмиграции оказалось и само руководство союза. С этого времени деятельность ВЗС была полностью направлена на организацию помощи беженцам. В решении этой сложной гуманитарной проблемы союз в основном опирался на сеть представительств в Европе, созданную во время Первой мировой войны для закупки лекарств, белья, одежды и материалов, которая в годы Гражданской войны организовывала помощь антибольшевистским армиям²³⁷.

Успех действий по организации помощи беженцам, увенчавший деятельность представительств ВЗС в Америке, Великобритании и Франции, побудил Главный комитет в Париже открыть с марта 1920 г. свои представительства в Константинополе, Болгарии и Сербии, а чуть позднее и на Лемносе, Кипре, в Египте, а после эвакуации Крыма и в лагере Галиполи²³⁸.

Поскольку параллельно с Всероссийским земским союзом и другие русские (дореволюционные) организации занимались поддержкой беженцев, Главный комитет ВЗС добился заключения договора о разделе сфер деятельности с двумя другими крупными организациями, которые также продолжили свою деятельность в изгнании — с Всероссийским союзом городов и с Русским обществом Красного Креста. Согласно подписанному договору Всероссийский земский союз занимался в основном организацией трудовост-

ройства, открытием бюро труда в местах максимальной концентрации беженцев, кредитованием и помощью при формировании малых и средних эмигрантских фирм, оплатой путевых расходов до места трудоустройства, открытием мастерских и организацией различных курсов (иностранных языков, переквалификации). Он занимался и некоторыми другими видами гуманитарной деятельности, например обеспечением финансовой поддержки отдельных беженцев, открытием дешевых общежитий, ночлежек и дешевых квартир для первого размещения беженцев, организацией дешевого и бесплатного питания, раздачей одежды, обуви и другой помощью для гражданских и военных лагерей беженцев²³⁹. По взаимной договоренности эти три организации (особенно на Балканах) для повышения эффективности своей работы помимо раздела обязанностей объединяли и координировали свои действия²⁴⁰. Благодаря существующему договору в январе 1921 г. в Париже ВЗС и Всероссийский союз городов сформировали Русский земско-городской комитет помощи русским гражданам в изгнании²⁴¹.

Представительства ВЗС были открыты в Константинополе, Королевстве СХС, Болгарии и на Кипре. Особенно широкую деятельность в начале 1920-х годов союз развернул в Константинополе, где условия жизни более 100 тыс. беженцев были крайне тяжелыми²⁴². Больше всего усилий было потрачено на организацию помощи в трудоустройстве. В течение первых двух лет деятельности бюро труда обеспечили работу для 9877 человек, в среднем для шести человек в день. Но, несмотря на это, количество желающих получить работу было несравнимо больше, чем количество трудоустроенных. При этом предлагалась лишь неквалифицированная, физическая работа — и это в ситуации, когда местный рынок труда был переполнен предложением дешевой рабочей силы²⁴³. Кроме подбора работы через бюро труда союз выдал 448 кредитов для открытия малых фирм и закупки необходимого оборудования. Больше всего средств было потрачено на открытие и оборудование швейных ателье и мастерских (их было 242 — больше половины всех открытых малых предприятий), значительно меньше — на открытие слесарных и столярных мастерских (27), обувных мастерских (14), для покупки инструментов русских оркестров (14), на открытие ресторанов и столовых (11), мелочных лавочек (10), медицинских кабинетов (10) и т.д. Большое количество этих ремесленных мастерских проработали непродолжительное время и без достижения прибыли, прежде всего из-за неэффективности, обусловленной незнанием местного рынка, коллективным руководством фирм, быстрой ротацией сотрудников, отсутствием единого юридически ответственного лица и недостатком трудовой дисциплины²⁴⁴. Наконец, союз и сам открывал различные мастерские, в которых беженцы могли найти хотя бы временное трудоустройство. В середине июля 1921 г. под руководством союза действовали 23 различные мастерские, в основном швейные, обувные и столярные, хотя были и мастерские по производству картона, плетению, парикмахерские и т.п. Одной из основных функций этих фирм было обучение в них ремеслам находившейся в Константинополе русской молодежи²⁴⁵. Из курсов переквалификации в Константинополе организовывали только курсы машинописи, через которые с мая 1921 г. прошло 95 человек, научившихся методу слепого печатания на четырех языках (т.е. на машинках с различными системами расположения букв) — русском, английском, французском и немецком²⁴⁶.

Свою гуманитарную деятельность ВЗС развивал в четырех направлениях: организовывал помощь в питании эмигрантов, подыскивал дешевое и бесплатное жилье, открыл санаторий для больных туберкулезом, бесплатно раздавал одежду и обувь. В организации помощи в питании Всероссийскому земскому союзу помогали Американский Красный Крест, Международный Красный Крест и французское командование в Константинополе. В январе и феврале 1921 г. союз открыл две столовые — на площади Таксим и на площади Муниспал. Обеды стоили 15 пиастров, ровно столько же, сколько стоила закупка продуктов. Со временем эти столовые приобрели более широкое общественное значение в жизни русской колонии в городе, перерастая в своего рода русские клубы, в которых организовывали представления, читали вслух газеты и т.д. Кроме того, ВЗС при поддержке международных организаций, Русского Красного Креста и Всероссийского союза городов организовывал раздачу бесплатных обедов для определенных категорий беженцев (инвалидов, больных и выздоравливающих, женщин старше сорока лет, женщин-одиночек с детьми, мужчин старше пятидесяти пяти лет, детей от полутора до семнадцати лет, учащихся и членов многодетных семей). В Константинополе 17 630 беженцев были вынуждены питаться этими бесплатными обедами. Из этого числа ВЗС обеспечил бесплатное питание для 2200 беженцев, выдав в трех столовых союза 513 тыс. бесплатных завтраков и 695 тыс. бесплатных обедов. Кроме того, ВЗС включился и в акцию Международного Красного Креста по обеспечению бесплатным питанием детей и беременных²⁴⁷.

Одна из первых проблем, с которыми эмигранты сталкивались в изгнании, заключалась в поиске своего угла и ночлега. Поэтому ВЗС открыл одну ночлежку и четыре «дома дешевых квартир», своего рода пансионы или дешевые отели для беженцев. Первый мужской ночной приют был открыт по частной инициативе, а союз взял его под свое покровительство в марте 1921 г. В среднем в этом учреждении за минимальную плату (от 5 до 7 пиастров за койку) ежедневно ночевали от 90 до 150 человек. С 15 апреля по 1 июня 1921 г. союз открыл еще четыре пансиона: четырехэтажный — в квартале Том-Том (на улице Чукур бостан), еще один — неподалеку, на площади Баязет, на 17 комнат, третий — на окраине города в Нишанташе (в нем могло разместиться около 100 человек) и четвертый — с 44 койками — также в квартале Нишанташ, даже в том же дворе. В этих пансионах, где цена комнаты была приблизительно равна 30 турецким лирам в месяц, в среднем проживало около 350 человек²⁴⁸.

Вследствие неадекватных условий быта сразу же после прибытия беженцев в Константинополь началась эпидемия туберкулеза. Поэтому союз открыл при поддержке Американского Красного Креста санаторий для туберкулезных больных на 100 коек (через которые прошло 174 больных) и склад медикаментов. Кроме того, союз организовал медико-санитарное обслуживание ночлежек и пансионатов²⁴⁹. И наконец, ВЗС осуществлял раздачу белья, одежды и обуви.

В дополнительную общественную деятельность ВЗС входила также организация юридической помощи (при уголовных и гражданских процессах и хозяйственных спорах), почтовой службы и службы снабжения газетами (на почту ВЗС прибыло 99 375 писем и было поделено 335 019 экземпляров газет, в основном в военных лагерях Галлиполи, Чаталджи и на Лемносе)²⁵⁰.

Интенсивную деятельность ВЗС развил в гражданских и военных лагерях, в которых он оказывал помощь едой и деньгами, открывал киоски по продаже дешевых продуктов, библиотеки, бани, парикмахерские, прачечные, службы устных газет, курсы иностранных языков и организовывал почтовую службу²⁵¹.

В Королевстве СХС деятельность ВЗС имела меньший объем, прежде всего потому, что некоторые виды работ, которыми он занимался в Константинополе (например, создание бюро труда), брали на себя другие учреждения, как, например, Государственная комиссия или Управление правительственного уполномоченного по делам русских беженцев. Но несмотря на все это, союз в Королевстве СХС занимался организацией трудовой помощи: делил кредиты и денежную помощь для открытия частных фирм — в основном для покупки швейных машин (151 фирма), для открытия земледельческих хозяйств (98), фирм «из области искусств» (51), различных мастерских (125), мелочных лавочек (20) и т.д. Он открыл ремесленные мастерские, имевшие, как и в Константинополе, образовательную функцию: столярную мастерскую в Сараево, кузнечно-слесарную и мастерскую по производству картона в Белграде. Организовал бухгалтерские курсы — в Белграде для 140 человек и в Загребе для 50 человек, а также двухмесячные курсы сербского языка в 24 колониях по всей стране²⁵². Кроме этого, союз открывал дешевые столовые (в 16 местах страны, из которых самые крупные находились в Огулине — на 200 человек, в Дервенте, Стрнишче и Вараждине — каждая на 100 человек, в Новой Градишке и Белой Цркве — каждая на 80 человек и т.д.) и общежития (в Великом Бечкереке, Земуне и Новой Градишке на 50 коек, в Плетернице и Вараждински-Топлицах на 25 коек и в Карловцах на 20 коек). При размещении беженцев в Королевстве СХС Всероссийский земский союз открыл в Игало санаторий для выздоравливающих, которые в ходе большой эпидемии зимой 1920/1921 г. переболели тифом, а также диспансер для туберкулезных и легочных больных в Белграде. Кроме того, были открыты сберегательная касса, ломбард и лавка в Херцег-Новом, а в Белграде была открыта выставка-продажа художественных работ русских эмигрантов. Особую сферу деятельности союза представляло собой содействие беженцам при закупке, переработке винограда и производстве вина в районе Смедерева. Кроме того, как и в Константинополе, союз оказывал консультативную помощь беженцам и организовывал их снабжение одеждой и обувью²⁵³.

В Болгарии деятельность союза в основном была направлена на помощь эмигрантам в самостоятельном открытии фирм и (или) самостоятельном занятии трудовой деятельностью. Больше всего денежных средств союз раздал на открытие земледельческих фирм, в чуть меньшем количестве — на открытие мелких лавочек, рыболовецких предприятий, и еще меньше — на швейные, обувные, столярные и другие мастерские. Из тех, кто брал кредиты, особенно выделялись земледельческие фирмы: для сушки слив в Кюстендиле, для аренды виноградников, переработки винограда и производства вина в Варне, для производства пищевых растительных масел в Варне, фруктовый сад в местечке Црвено Село в 5 км от Софии. Кредиты получила также мастерская по производству бетона в Софии. В Болгарии, как и в Константинополе, Всероссийский земский союз открыл бюро труда для помощи эмигрантам в трудоустройстве (отделения бюро находились в Софии, Варне и Бургасе, а из 7218 человек, которые обратились в эти отделения, получили работу 5430 че-

ловец, хотя это в основном была неквалифицированная работа). Кроме того, союз открыл шестимесячные курсы бухгалтеров в Софии и Варне, курсы виноградарства в Варне, кузнечно-слесарную мастерскую в селе Княжево, библиотеку в Бургасе; в Софии были открыты киоск по продаже еды, общежитие для студентов, бюро переписки и переводов; союз также участвовал в финансировании русско-болгарского издательства²⁵⁴.

Всероссийский земский союз работал и в Греции, но из-за небольшого количества беженцев деятельность союза в этой стране ограничилась лишь открытием бюро труда и информационного отделения²⁵⁵. Бюро труда действовало при сотрудничестве и помощи русского посланника Е.П. Демидова²⁵⁶.

Деятельность Всероссийского союза городов была, согласно договоренности русских благотворительных и общественных организаций, посвящена прежде всего открытию и финансированию русских детских садов и школ в эмиграции. Кроме того, в случае необходимости этот союз иногда занимался и организацией курсов изучения языков, открытием библиотек, финансированием питания беженцев, открытием больниц и т.п.

В Константинополе в декабре 1920 г. союз открыл три гимназии (две на Лемносе и одну в Константинополе), три прогимназии (неполные гимназии с 4–6 классами), десять начальных школ (1–3-й классы), две подготовительные школы, десять детских садов и яслей и шесть детских столовых²⁵⁷. Кроме того, в городе действовало и несколько других, в основном частных, школ. Но уже с начала 1922 г., из-за массового отъезда беженцев, все школы, включая и школы союза, начали переселяться в другие страны (в основном в Болгарию и Бельгию, а одна гимназия была переведена в Чехословакию, в Моравску Тршебову)²⁵⁸.

В Греции, в отличие от Константинополя, заботой о школах занимался не Всероссийский союз городов, а русская миссия, церковные круги и отдельные люди²⁵⁹. В противоположность такой политике в Болгарии и Королевстве СХС деятельность союза была всеохватывающей и непрерывной на протяжении всего межвоенного периода.

Деятельность Всероссийского союза городов в Болгарии была крайне многогранной. Он открыл и финансировал две гимназии: Петропавловскую в селе Доня Ореховица и гимназию в Шумене, переселившуюся в Болгарию из Константинополя. Со временем он взял под свою опеку и некоторые другие гимназии, организованные иными учреждениями: с 1923 г. он полностью заботился о частной гимназии С.Н. Кононовича в Варне и Галлипольской гимназии в Пловдиве, основанной еще в Константинополе верховным командованием Русской армии, с 1925 г. союз взял под свой контроль и гимназию в Софии, которую основал Русско-болгарский культурно-благотворительный комитет. Союз основал и Сельскохозяйственную школу, а также организовывал курсы по подготовке к переэкзаменовкам и интернат в Софии. Начальные школы были открыты в Анхиале, Бургасе, Лесковце, Месемврии, Созополе и Плевне; пять подготовительных школ — в Месемврии, Созополе, Анхиале, Лесковце и Бургасе, три подготовительных школы с детскими садами в — Софии, Варне и Плевне, детские сады — в Софии, Пернике, Варне, Бургасе и Велико-Тырнове; были организованы групповые занятия с детьми в Плевне и лекции по национальным предметам при французском колледже в Варне. Все русские школы Всероссийского союза городов в Болгарии с формальной точ-

ки зрения имели статус частных школ, и для начала деятельности каждой из них Министерство просвещения Болгарии выдавало особое разрешение²⁶⁰. Союз занимался и образованием взрослых эмигрантов, для чего им были созданы курсы языка в Софии, Русе, Плевне и Варне; затем в Софии были открыты технические курсы (с общежитием для слушателей, которых было 289), а также курсы стенографии, машинописи, обувного дела и плетения; в Плевне организованы общеобразовательные курсы и групповые занятия. Выходя за узкие границы педагогической работы, Всероссийский союз городов открыл две постоянные библиотеки в Софии и Варне, организовал три передвижные библиотеки для эмигрантов²⁶¹. А представитель Всероссийского союза городов в Болгарии А.В. Арцишевский пытался организовать и определенную помощь русским студентам в Болгарии²⁶².

В Югославии Всероссийский союз городов также развил широкую активность, однако она не достигла того объема, который наблюдался в Болгарии. Причиной этого был тот факт, что власти Королевства сами, через Государственную комиссию, в значительной степени помогали русским школам (достаточно привести тот пример, что с середины 1920-х годов в школах Всероссийского союза городов училось 897 учеников, а в школах, которые финансировала Государственная комиссия, их было 2525²⁶³). Тем более что деятельность Государственной комиссии, которая поддерживала традиционные русские школы типа кадетских корпусов и девичьих институтов, в какой-то мере противоречила деятельности Всероссийского союза городов, насаждавшего либеральные школы гражданского образца²⁶⁴. Но несмотря на это, необходимость в образовании русских детей была настолько велика, что союз, чья деятельность направлялась главным уполномоченным в Королевстве М.В. Челноковым, особым уполномоченным П.П. Юреныным и заместителем главного уполномоченного В.Д. Брянским, открыл две гимназии — в Пановиче (Словения) и в Загребе, две прогимназии — в Панчево и в Белграде, три начальные школы — в Нови-Саде, Земуне и Херцег-Новом, два детских сада — в Княжевце и в Загребе, и две библиотеки — в Сараево и в Белграде²⁶⁵.

Российское общество Красного Креста за рубежом (РОКК), считало себя наследником РОКК, основанного в Петербурге в 1867 г. на основании Женевской конвенции 1864 г. После большевистского переворота Главное управление РОКК в январе 1918 г. на заседании в Петрограде приняло решение прекратить свою деятельность и возобновить ее при благоприятных условиях. Эти условия, по мнению членов Главного управления, были созданы в ходе Гражданской войны, после освобождения части территорий на юге страны. В ноябре 1918 г. в Киеве было сформировано Временное управление РОКК, которое вскоре перенесло свою деятельность в Екатеринодар, где располагался Главный штаб армии генерала А.И. Деникина. В то время было сформировано и Временное главное управление РОКК в Омске при штабе адмирала А.В. Колчака. Оба эти управления были в течение 1919 г. признаны Международным комитетом Красного Креста в Женеве. В то же время представители Российского Красного Креста за рубежом объединились в Париже в одну организацию под названием Особый совет Российского Красного Креста. Таким образом, за непродолжительное время возникли три общества. Самым значительным из них было то, которое действовало на юге России. Весной 1920 г., после поражения Деникина, это управление вместе с армией перешло

в Крым, а в ноябре, после поражения Русской армии генерала Врангеля и эвакуации Крыма, управление покинуло страну. После переезда за рубеж организации, созданные в Париже и Омске, были распущены, а Международный комитет Красного Креста признал в качестве официального учреждения Временное управление Красного Креста, созданное на юге России, и к официальному названию РОКК было добавлено: «*ancienne organisation*» («старой организации»), чтобы отличать его от учреждений Красного Креста, сформированных в Советской России²⁶⁶. Даже после того, как Международный комитет Красного Креста официально признал организацию Советского Красного Креста 15 октября 1921 г., он оповестил РОКК за рубежом, что и далее фактически продолжит с ним свои отношения, поддерживая и в дальнейшем его гуманитарную деятельность²⁶⁷.

РОКК старой организации имело представительства в ряде стран. На Балканах действовал особый Комитет по Ближнему Востоку с центром в Константинополе, во всех балканских странах были также открыты особые Представительства Российского общества Красного Креста (в Королевстве СХС, Греции, Румынии, Турции и Болгарии)²⁶⁸.

Деятельность РОКК в Константинополе была согласно договору скоординирована с деятельностью Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов. В начале 1920-х годов, когда в городе значительно увеличилось количество русских беженцев, работа Российского общества Красного Креста была направлена на организацию медицинской помощи, помощи в питании и раздачу одежды и белья. Такая широта деятельности частично проистекала из договоренности со Всероссийским земским союзом и Всероссийским союзом городов, а частично была основана на уставе, согласно которому общество занималось не только санитарной поддержкой армии, но и «заботой о гражданском населении, которое находится под угрозой из-за природных катастроф и политических беспорядков»²⁶⁹. Медицинскую помощь Российский Красный Крест в основном организовывал самостоятельно. Но из-за необходимости оказания медицинской помощи большому количеству беженцев (в Константинополе требовалось 1230 больничных коек, а имелось всего 1035, из них в учреждениях РОКК — 480, т.е. менее половины) и другие русские организации открывали свои больницы и иные медицинские учреждения. Всероссийский земский союз открыл санаторий для туберкулезных больных, а организация Белого Креста — одну больницу. Кроме того, и располагавшиеся в городе больницы союзников оказывали медицинскую помощь русским беженцам.

РОКК открыл в Константинополе ряд учреждений для оказания амбулаторной помощи и медицинского контроля. Самой известной была размещенная в помещениях российского посольства больница Св. Николая в Харби на 180 коек, с пятью отделениями: детским, женским, терапевтическим, хирургическим и неврологическим, с химико-бактериологической лабораторией, рентгеновским кабинетом, поликлиникой и аптекой. В середине октября 1921 г. в больнице на стационарном лечении находились 242 пациента, а через поликлинику ежемесячно проходило в среднем 4900 человек. Другим важным учреждением РОКК была больница Йилдыз в Бешикташе (на 300 коек), полученная от французского командования в октябре 1921 г. и размещенная в деревянных бараках в пригороде, в которой лечили пациентов с инфекционными, хирургическими и терапевтическими заболеваниями. Кроме этих двух

больниц РОКК открыло в Константинополе несколько поликлиник для оказания первой помощи: в самом городе (в среднем в месяц было порядка 4700 посещений), в городском лагере Тузла (на 15 коек), в Буюк-Дере (5 коек), лагере Сиркеджи, в общежитии беженцев, при больнице Св. Николая, на островах Халки (10 коек) и Антигона, в казарме Долма-Бахче. Российское общество Красного Креста в начале августа 1921 г. на малоазиатском побережье Босфора в одной из вилл за городом, в Канлиджи, открыло санаторий для выздоравливающих. Кроме того, действовал пансионат-санаторий в Бебеке для детей — от младенцев до детей младшего школьного возраста, в котором в начале января 1922 г. лечилось около 50–60 детей. Наконец, Российское общество Красного Креста 50 лирами ежемесячно участвовало в финансировании частных детских яслей г-жи О.В. Левенец в Константинополе. Были открыты и два медицинских попечительских учреждения: Дом инвалидов на Арнаут-Кее на 200 человек (в рамках которого были организованы мастерские — столярная, обувная, переплетная, художественная, — курсы иностранных языков, курс по обучению грамотности и церковная школа) и приют для инвалидов с легкими формами инвалидности, где было размещено 120 человек, при нем также были основаны мастерские.

Представительство Американского Красного Креста оказывало большую помощь РОКК при организации раздачи питания, белья и одежды беженцам. В начале 1922 г. РОКК содержало четыре столовых: № 1 в Нишанташе, № 6 в Буюк-Дере, № 9 на острове Антигона и № 12 в Константинополе. Из-за тяжелых условий жизни эмигрантов в Константинополе случалось, что только в одной столовой раздавали до 480 обедов. Но когда 1 октября 1921 г. Американский Красный Крест прекратил свою помощь в питании беженцев, вся эта деятельность была практически прекращена. РОКК занималось также раздачей белья и одежды: из-за страшной нужды, в которой находились русские беженцы в Константинополе, в день иногда выдавали комплектов на 50 мужчин, 20 женщин и 20 детей²⁷⁰.

Однако вскоре вследствие уменьшения в городе численности эмигрантов Российский комитет Красного Креста был вынужден начать закрывать одно за другим свои учреждения.

Значительно меньший объем деятельности Российский Красный Крест выполнял в Греции, что было и логично, так как там по сравнению с Константинополем было размещено несравнимо меньше беженцев. Во главе Общества Красного Креста в Афинах находилась С.И. Демидова, супруга русского посланника. Из четырех русских больниц, которые действовали в Греции, две были открыты РОКК — четвертая больница в Афинах и больница РОКК в Пирее, принимавшая по 150–160 пациентов²⁷¹. Позднее была открыта и больница в Салониках, которая располагалась в возвышенной, а потому «самой здоровой» части города. Само здание больницы было крайне запущено, центральное отопление не работало, а палаты и коридоры нуждались в дезинфекции и уничтожении крыс. Больница имела операционную, стерилизационную, рентгеновский кабинет и поликлинику. Она могла принять до 170 пациентов, но в середине 1920-х годов в ней было всего 28 больных²⁷².

Деятельность РОКК в Румынии, в отличие от балканских стран, не была сконцентрирована строго на медицинских вопросах, имея другое направление. Представительство РОКК было почти единственной из тех редких рус-

ских эмигрантских организаций, которым вообще была дозволена деятельность в Румынии наряду с бывшей миссией и в некоторой степени церковью, и уж точно была единственной организацией, которая занималась помощью эмигрантам. Поэтому поле деятельности РОКК в Румынии было крайне обширным, но общество не имело своих учреждений: столовых, поликлиник, больниц либо общежитий. У него даже не было своего помещения для канцелярии: приходилось использовать помещения российской миссии. Из персонала в Бухаресте находился лишь уполномоченный РОКК М.Н. Редькин и один врач, одновременно работавший бухгалтером общества. Медицинская помощь беженцам была крайне ограничена и в основном сводилась к раздаче незначительных денежных сумм на дополнительное питание женщинам и детям. Беженцы находились в эмигрантских лагерях, и эти деньги выдавали им коменданты-румыны. Из-за отсутствия других эмигрантских организаций и учреждений РОКК было вынуждено значительно расширить поле своей деятельности. Так, в условиях отсутствия бюро труда Редькин лично поддерживал связи с фирмами, нуждавшимися в рабочей силе, помогая таким образом эмигрантам найти работу. Кроме того, он занимался различной административной и юридической работой, связанной с эмигрантами, от заботы о паспортах до освобождения из тюрем лиц, незаконно перебежавших в Румынию из Советской России. В целом РОКК скорее являлось административным центром русской эмиграции и посредником между официальными румынскими и русскими учреждениями, чем организацией, занимающейся реальной благотворительной деятельностью²⁷³.

В совершенно других, несравнимо более свободных условиях РОКК действовало в Югославии и Болгарии, где оно развило самую широкую и обширную деятельность в межвоенный период.

Начало деятельности РОКК в Королевстве СХС весной 1920 г. означало прибытие уполномоченного общества В.Д. Евреинова с помощниками, А.А. Макаровым и доктором В.А. Кирьяковым. На первых порах работа Российского Красного Креста была организована в рамках Управления правительственного уполномоченного по делам русских беженцев С.Н. Палеолога, а с 22 мая 1920 г. РОКК получило статус самостоятельной организации, которая располагала собственными средствами²⁷⁴. С середины 1920-х годов до Второй мировой войны во главе РОКК находился бывший российский посол В.Н. Штрандтман. Деятельность РОКК в Королевстве СХС имела два направления. Кроме обычной работы по открытию медицинских и прочих учреждений общество было особенно занято мероприятиями, связанными с приемом беженцев из Крыма, особенно после того, как на побережье Далмации разразилась эпидемия тифа.

При въезде 21 тыс. эмигрантов из Крыма осенью и зимой 1920 г. РОКК в Боке Которской и Дубровнике открыло несколько различных медицинских учреждений. На побережье Бококоторского залива было открыто три больницы: № 1 — в городке Мелине (директор Варпаховский); № 2 — там же (директор Яблонский, во время эпидемии тифа заразился и умер) и № 4 — в городке Дженовиче (директор Котранс). В то же время действовало семь тифозных госпиталей: при больнице № 1 (под руководством Ручимского), при больнице № 4 (под руководством Смирновой), один стационарный (под руководством Мельникова) и два временных в Дубровнике, а также два госпиталя с каран-

тинами в г. Лепетане (под руководством Родзевича) и на мысе Оштро (под руководством Иванченко) и стоматологический кабинет при больнице № 1 (под руководством Сазонова). Кроме того, действовали и другие медицинские учреждения: лаборатория в Херцег-Новом (под руководством Аристарховой), санаторий в Херцег-Новом (под руководством В.А. Кирьякова), приют для выздоравливающих в Игало (под руководством генерал-майора А.К. Лисенко), приют для инвалидов в Рисне (под руководством полковника Масича) и амбулатория в Требине как первой точки на пути внутрь страны²⁷⁵. Но эта деятельность все же носила незначительный и временный характер, хотя часть медицинских учреждений и продолжила свою деятельность после прекращения эпидемии и переселения большинства эмигрантов с территорий Боки Которской и побережья Далмации.

Помимо мероприятий по борьбе с эпидемией, разразившейся после прибытия эмигрантов из Крыма, Российское общество Красного Креста развило целую сеть постоянных медицинских учреждений. Всего до 1 сентября 1921 г. было открыто три больницы (больница Гербовецкой общины сестер милосердия в Лоборе близ Загреба, больница в Панчево и в Мелине, которая позднее была переведена в местечко Риека Дубровачка), два санатория (в Топчидере и в Цриквенице, причем последний был позднее переведен в замок Вурберг близ Птуя), 24 поликлиники (центральная в Белграде, остальные во Врнячкой-Бане, Женовиче, Добое, Дубровнике, Заечаре, Земуне, Княжеваце, Лесковаце, Мелине, Нише, Нови-Саде, Огулине, Панчево, Печуе, Сараево, Сине, Сплите, Суботице, Требине, Херцег-Новом, Цриквенице и Шабаце), детская поликлиника в Белграде, шесть медицинских приемных пунктов (в Скопье, Неготине, Аранджеловаце, Сремской-Митровице, Вараждине и Бледи), восемь стоматологических кабинетов (в Белграде, Панчево, Нови-Саде, Земуне, Суботице, Сараево, Дубровнике и Херцег-Новом), одна столовая для бесплатного питания, две кухни, два приюта для инвалидов, стариков и выздоравливающих (в Рисане и Игало), одно общежитие (в Белграде) и два склада. Часть этих учреждений из-за общего уменьшения бюджета общества с 1 октября 1921 г. была закрыта (один санаторий, четыре поликлиники, три стоматологических кабинета, все приемные медицинские пункты и одна кухня), один санаторий был перепрофилирован в детский (в Херцег-Новом), а три поликлиники были превращены в приемные медицинские пункты (в Сплите, Сине и Требине)²⁷⁶.

Кроме медицинской помощи РОКК в Королевстве СХС развило бурную санитарную и благотворительную деятельность. Оно использовало санитарный поезд старой русской армии, который во время Первой мировой войны был размещен в Румынии, а после приезда эмигрантов в Югославию был предоставлен РОКК для оказания первой необходимой санитарной помощи при приеме эмигрантов с острова Лемнос в конце октября и в начале ноября 1920 г., а потом и при организации передвижной больницы в порту Бакар при прибытии эмигрантов из Крыма в декабре того же года. Открывались также постоянные и временные столовые и чайные, в которых раздавались бесплатные обеды (в основном в приграничных местностях, через которые эмигранты проезжали по дороге в новую страну, — в Цариброде, Пироте, Джевджелии, Шпиле у Марибора и Которе); была открыта одна постоянная столовая в Белграде (через которую в течение 1920—1921 гг. прошли 8351 человек) и несколько временных общежитий для первого размещения эмигрантов; при

поддержке Американского Красного Креста была организована, как и в других балканских странах, бесплатная раздача белья, одежды и обуви (было поделено более 100 тыс. предметов, 2262 человека получили одежду, а 4672 — необходимую обувь)²⁷⁷.

Со временем вследствие уменьшения числа беженцев и постепенной нормализации жизни уменьшалась и потребность в деятельности русских медицинских учреждений. Большинство из них вскоре были закрыты, и лишь несколько учреждений оказывали эмигрантам помощь на протяжении более продолжительного времени. Приют для выздоравливающих и больных русских солдат под патронажем баронессы О.М. Врангель в Топчидере действовал до начала 1930-х годов (ежегодно в ходе поездки по Америке баронесса специально собирала пожертвования для этого медицинского учреждения)²⁷⁸. Детская поликлиника имени бельгийской королевы Елизаветы действовала в Белграде с 1921-го по 1933 г. В течение всего межвоенного времени работал санаторий для туберкулезных больных в замке Вурберг в районе Птуя, которым управлял известный русский врач Б.Ф. Около-Кулак²⁷⁹, и наиболее долговечное русское медицинское учреждение — амбулатория Российского общества Красного Креста в Белграде, которая была переименована в 1937 г. решением Министерства народного здравоохранения в поликлинику «Русский Красный Крест»²⁸⁰.

Деятельность Российского Красного Креста в Болгарии также была достаточно широкой. С лета 1920 г., когда в Болгарию прибыл уполномоченный этого общества Л.Е. Фельдман, Российский Красный Крест заботился о медицинской помощи, об организации столовых с бесплатным и дешевым питанием и — при содействии Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов — о снабжении беженцев бельем, одеждой и обувью²⁸¹. Наиболее важные медицинские учреждения Российское общество Красного Креста открыло в Софии, поскольку именно там и было сконцентрировано большинство беженцев. Общество открыло больницу РОКК, которой руководил известный хирург Р.Ю. Берзин, и поликлинику, во главе которой стоял доктор С.К. Жуков. Оба эти учреждения действовали в течение всего межвоенного периода. Русская больница в Софии продолжила деятельность бывшей четвертой хирургической больницы из состава Добровольческой армии генерала Деникина, эвакуированной из России весной 1920 г. Благодаря стараниям Берзина был сохранен военный персонал больницы и ее богатое оборудование, так что сразу же по прибытии в Болгарию больница бесперебойно продолжила свою деятельность. Через нее с 1924-го по 1933 г. прошли 6664 больных, было произведено около 5955 операций²⁸². Кроме больницы важным медицинским учреждением Российского Красного Креста в Софии была амбулатория. Ее деятельность можно разделить на три периода: от основания 18 июня 1920 г. и до 1924 г., когда медицинская помощь оказывалась бесплатно, невзирая на социальное и материальное положение пациента; 1925—1928 гг. переходный период, в течение которого перешли с практики бесплатной помощи к платной практике, что позволило амбулатории получить финансовую независимость; 1929—1933 гг., когда стали лечить по принципу «пусть заплатит, кто может» и начали принимать и бедных болгар. Всего за период с 1920-го по 1933 г. в амбулаторию обратились 190 036 пациентов, из которых 141 951 человек были русскими беженцами и 48 085 — болгарами. В амбулато-

рии лечили самые разные болезни: инфекционные (туберкулез и малярию), неврологические, офтальмологические, оториноларингологические, внутренние, акушерско-гинекологические, кожные, венерические и т.д. Помимо этого учреждения Российский Красный Крест в Софии основал в 1922 г. детский санаторий²⁸³.

Кроме ВЗС, Всероссийского союза городов и РОКК, чья деятельность и гуманитарная активность на Балканах имели исключительное значение в жизни эмигрантов и их приспособлении к новой среде, свою деятельность на этой территории развернули еще две организации сходного типа: Российское общество Белого Креста и Земгор.

Российское общество Белого Креста было основано в России в ходе Гражданской войны. Одно время Белый Крест, на основании решения генерала Врангеля от 14 августа 1920 г., был причислен к военным организациям, с тем чтобы после освобождения Крыма, в ноябре того же года, он был вновь возвращен в статус общественной организации²⁸⁴. Еще в ходе Гражданской войны, весной 1920 г., одна из больниц Русского общества Белого Креста (на 200 коек) была эвакуирована из Новороссийска и размещена в Королевстве СХС. В первые месяцы она действовала в Топчидере, пригороде Белграда, под контролем правительственного уполномоченного по делам русских беженцев С.Н. Палеолога как санаторий с пансионом для больных солдат и гражданских беженцев. В санатории лечилось около сорока человек, которым были обеспечены питание и медицинская помощь²⁸⁵.

После того как Главный комитет общества был эвакуирован из Севастополя вместе с армией, Белый Крест, кроме продолжения заботы о санатории в Топчидере, в начале 1920-х годов развил свою деятельность и в других местах Королевства СХС, а также в Болгарии и Константинополе. Наиболее активную работу он осуществлял в русских военных и гражданских лагерях в Константинополе. В лагере Бернадот, около Сан-Стефано, общество открыло три учреждения: больницу, приют для инвалидов и столовую для детей. Больница на 100 коек, открытая 1 января 1921 г., была размещена в нескольких бараках и одной палатке. Приют для инвалидов на 70 человек разместился в одном из барачных лагеря, а с 20 декабря был переведен в Константинополь, в здание бывшей казармы Мак-Магон. Столовая для детей была устроена так же, как и аналогичные заведения Красного Креста и Земского союза. В день она могла обслужить до 300 детей. В другом месте, в военном лагере Галлиполи, Белый Крест открыл лазарет, в котором от хирургических, гинекологических и неинфекционных терапевтических болезней лечилось свыше 100 беженцев. Когда размещенный в этом лагере 1-й армейский корпус был переброшен в Болгарию, вместе с ним в Плевну переехал и лазарет Белого Креста. Третьим крупным учреждением общества Белого Креста в Константинополе был санаторий для неврологических больных в Терапии, открытый 1 апреля 1921 г., в котором было размещено 66 пациентов. Все медицинские мероприятия Белого Креста в Константинополе материально поддерживало Российское общество Красного Креста²⁸⁶. Кроме санатория в пригороде Белграда и учреждений в Константинополе, одно из которых позднее было переброшено в Болгарию, Белый Крест в Королевстве СХС

в сотрудничестве с Российским комитетом Красного Креста в ходе эпидемии тифа на побережье Далмации осенью и зимой 1920—1921 гг. открыл больницу № 3 в Мелине, во главе которой находился доктор А.Г. Габриэльянц. В ней до 31 января 1921 г. лечились 369 человек²⁸⁷.

Вскоре после этого деятельность Российского комитета Белого Креста стала понемногу угасать, а к середине 1920-х годов полностью исчезли всякие упоминания о его учреждениях на территории балканских стран.

Благотворительной и гуманитарной деятельностью на Балканах занималось Содружество деятелей российского земского и городского самоуправления в Чехословацкой республике, более известное под названием Земгор²⁸⁸. Земгор был основан 17 марта 1921 г. в Праге по инициативе бывших деятелей российского земского и городского самоуправления. Со временем представительств были открыты и в чехословацких городах Братиславе, Ужгороде и Кошице, а потом организация развила широкую гуманитарную, общественную и культурно-просветительскую деятельность и в Королевстве СХС, предпринимались попытки открыть представительство Земгора и в Шанхае²⁸⁹.

В начале 1924 г. в качестве официального представителя Земгора в Королевство из Праги прибыл полковник Генерального штаба Ф.Е. Махин²⁹⁰, и 19 мая в Белграде было открыто представительство Земгора²⁹¹. Это вызвало острое сопротивление официальных эмигрантских представителей в Белграде, так как основание Земгора связывали с деятельностью бывшего председателя Временного правительства А.Ф. Керенского, крайне непопулярного в эмигрантских кругах²⁹². Несмотря на это, власти Королевства СХС разрешили беспрепятственную деятельность организации в стране.

Деятельность Земгора в Королевстве СХС (Югославии) возглавлялась во второй половине 1920-х — 1930-х годах Махиным (см. с. 52—53 наст. книги). Земгор открыл в Белграде бюро труда, организовал курсы переквалификации, давал бесплатные правовые советы эмигрантам и развил широкую культурно-просветительную деятельность: в 1926 г. были учреждены Институт по изучению России и Югославии и Научное отделение Земгора. Последнее со временем превратилось в редакцию «Русского архива», общественно-политического и литературного журнала на сербском языке, была открыта Русская студия искусств, а также библиотека с 12 тыс. книг, среди которых встречались и изданные в СССР. В 1937 г., с завершением выхода «Русского архива», деятельность Земгора окончательно прекратилась²⁹³.

Если сравнить деятельность гуманитарных и благотворительных учреждений, можно прийти к выводу, что, несмотря на всестороннюю активность Земгора и Российского общества Белого Креста, в жизни большинства русских эмигрантов намного более важной была деятельность Всероссийского земского союза, Всероссийского союза городов и Российского общества Красного Креста.

Открытие русских школ, возможность лечения в русских медицинских учреждениях, поиск работы через русские бюро труда и деятельность русских фирм (впрочем, достаточно непрочных и относительно редких), конечно же, способствовали развитию особого русского эмигрантского общества. Однако то-

ска по родине, тяжесть приспособления к жизни в новой среде, сознание общности и совместно пережитого обусловили то, что русские беженцы создали ряд совершенно других союзов, организаций и обществ, которые в этих чужеродных условиях воплощали основные элементы дореволюционного русского общества.

Местные эмигрантские организации на Балканах, их деятельность и место в Зарубежной России

Деятельность армии, церкви, государственных и парагосударственных учреждений, благотворительных и медицинских организаций хотя и удовлетворяла различные потребности эмигрантов, все же не исчерпывала всех аспектов колоритной русской общественной жизни, протекавшей в изгнании. В несуществующем пока словаре русских эмигрантских организаций на Балканах, который, несомненно, мог бы содержать список более чем нескольких сотен (а может быть, это число перевалило бы и за тысячу) различных учреждений, союзов, институтов и организаций, оказались бы и многие такие общества, в которые эмигранты объединялись на профессиональной, сословной, культурной, гуманитарной, хозяйственной и других основах²⁹⁴.

Несомненно, было бы важно перечислить здесь все эти организации, но подобный список занял бы слишком много места и в то же время все же не позволил бы получить всеобъемлющую картину сущности происходившего, характера и роли каждой организации как в жизни отдельных беженцев, так и в функционировании всего эмигрантского общества. Поэтому нам представляется более уместным предложить сжатое описание деятельности нескольких организаций по принципу репрезентативной группы и таким образом очертить контуры самых разнообразных профессиональных, сословных и благотворительных организаций, которые имели значение в общественной жизни эмигрантов.

Тяжелая жизнь в изгнании и многочисленные проблемы и потребности, проистекавшие из эмигрантского бытия, обусловили то, что эмигранты, несмотря на деятельность разнообразных благотворительных и гуманитарных организаций и участие местных властей в решении проблем беженцев, сами создавали благотворительные и гуманитарные общества и союзы. Это стремление самостоятельно, помимо существующих организаций обеспечить дополнительную поддержку, наглядно демонстрирует, насколько трудно было привыкать к жизни в чужой стране.

Одной из наиболее типичных эмигрантских организаций было Русское общество взаимопомощи. Интересно, что организации почти с одинаковыми названиями, но в разное время (в начале 1920-х и середине 1930-х годов) были сформированы в Королевстве СХС и Болгарии.

Русское общество взаимопомощи в Королевстве СХС было основано в марте 1920 г. по инициативе русского консула в Белграде В.А. Емельянова, который в то же время был его почетным председателем. Первый руководящий орган общества состоял из девяти человек, среди которых были архиепископ Евлогий и гр. В.А. Бобринский. Деятельность общества была в своей основе направлена на обеспечение трудоустройства и заработков «как можно боль-

шего количества эмигрантов». Поэтому общество стремилось открывать различные фирмы, мастерские, торговые заведения и тому подобные хозяйственные организации. В период с марта по сентябрь 1920 г. удалось открыть одну столовую, один магазин комиссионной торговли (в здании Сербской королевской академии), бюро по распространению и продаже газет, русское кредитное общество, русский дом в Земуне, церковный хор и филиал в Панчево²⁹⁵. Деятельность общества ясно показывает, что в первое время пребывания эмигрантов в новой среде наиболее важной была помощь в трудоустройстве. Тем не менее основание церковного хора подтверждает, что уже тогда появился вопрос удовлетворения не только материальных, но и духовных потребностей русских эмигрантов.

Почти пятнадцать лет спустя, в октябре 1934 г., в Пловдиве был основан Союз взаимопомощи русских в Болгарии, чьей основной целью было объединение в экономическом и культурно-просветительском плане русских людей, которые жили в Болгарии. Ради осуществления этой цели союз планировал организовать бюро труда и кассу взаимопомощи, открыть читальные залы и библиотеки, оказывать медицинскую и правовую помощь, проводить лекции, литературные и художественные вечера, создать спортивные общества и открыть отделения во всех местах страны, где имелось заметное количество эмигрантов. Средства для этой всесторонней деятельности планировалось изыскать от членских взносов, дотаций, пожертвований, собранных на благотворительных вечерах, лотереях и т.д., а так же от дохода фирм, основанных союзом²⁹⁶. Приведенные цели указывают на то, что проблема трудоустройства и далее (как и в случае с Королевством СХС в начале 1920-х годов) была доминантной в жизни и приспособлении эмигрантов к новой среде.

Потребность взаимопомощи эмигрантов была, несомненно, следствием их общественного положения в новой среде — положения людей, «оторванных от корней». Это ощущение оторванности от собственного общественного окружения, где у них были свое место и ясная роль, существовало у эмигрантов независимо от хорошего или плохого отношения к ним новой среды, что наглядно видно на примере основания ими таких разнообразных профессиональных и сословных обществ, как Общество кавалеров ордена Св. великомученика Георгия Победоносца, Союз русских государственных людей имени великой княжны Киры Кирилловны или Дамский комитет памяти великой княжны Татьяны Николаевны. Объединение по сословному признаку в значительной степени должно было дать эмигрантам ощущение пребывания в известной или узнаваемой среде, где ценятся не только их нынешняя работа и положение, но и прошлая деятельность, заслуги и общественный статус.

Сословным объединением, которое, конечно же, имело больше символическую, чем практическую значимость, было Объединение сенаторов в Королевстве СХС. В письме председателю правительства Королевства Н. Пашичу, в котором бывшие российские сенаторы просили материального вспомоществования за свои прошлые заслуги, они ясно описали цели своего общества. Напоминая Пашичу о роли о значении Сената в Российской империи, сенаторы упоминали о том, что они — одни из тех, кто остался в живых после отбытия Русской армии под командованием генерала Врангеля из Крыма и кто расселился по европейским странам, «чтобы спастись от кровавой тирании большевиков». Небольшое число этих людей, всего четырнад-

цать человек, нашли убежище в Королевстве СХС. В первое время сенаторы, рассеянные по разным местам, потеряли всякие контакты друг с другом, «оказавшись в общем положении с остальными беженцами, которое совершенно не соответствует ни их высокому званию членов Верховного Учреждения Российского царства, ни их заслугам на поле многолетней службы Трону и Отечеству (курсив мой. — М.И.)». По их мнению, «такое положение сенаторов, принужденных к бездействию и бесплодному существованию, представляется ненормальным, так как они более, нежели кто-либо другой, имеют право надеяться не только на внимание к себе органов по защите русских беженцев, но и на использование их опыта и знаний в интересах надлежащих учреждений, занимающихся заботой о беженцах, а в то же время и во всесторонних решениях всех сложных и принципиальных вопросов государственного, судебного и административного права». Уже в этих строках можно заметить указание на «старые заслуги», на недавнее место и роль в русском обществе, которые не оценены подобающим образом в новой среде. Поэтому русские сенаторы и решили объединиться под предводительством самого старшего из них, В.И. Тимофеевского²⁹⁷, и предложить свои услуги властям нового государства, чтобы хотя бы таким способом не только поправить свое положение эмигрантов, но и вернуть часть бывшего общественного престижа. «Группа сенаторов <...> питает глубокую уверенность, что лица, стоящие наверху, у кормила управления государственностью Королевства СХС, не оставят без внимания положение заслуженных подданных России, которые обладают большим служебным и жизненным опытом, а также серьезными правовыми и государственными знаниями. Не только из уважения к их сединам, но и ради поддержания их моральной и физической силы, ради будущего служения Государству Российскому и Славянству, они надеются, что их братья сербы будут относиться к ним с дружеским вниманием и постараются оказать им моральную и материальную поддержку, которая выделит их из общей эмигрантской массы, а также используют их способности как на пользу тех же русских беженцев, так и на пользу Королевства СХС... (курсив мой. — М.И.)»²⁹⁸.

Проблемы, схожие с теми, которые были отмечены в качестве основных побуждений при сословной и благотворительной самоорганизации эмигрантов (проблемы трудоустройства и нарушенного общественного статуса), мотивировали и вступление эмигрантов в профессиональные общества, чьей целью было частично облегчить эмигрантам поиски своего места в новой среде, помочь в трудоустройстве, а также дать им возможность, хотя бы символически, ощутить, что они живут и работают в особом русском мире. Такую роль играли различные общества врачей, инженеров, юристов, педагогов и т.д. Например, Союз русских инженеров в Югославии, который основали в Белграде 20 июня 1920 г. 70 русских инженеров и который входил в Федерацию русских инженеров за рубежом и в Федерацию славянских инженеров (русских, сербов, хорватов, поляков, чехов и болгар), выдвинул несколько основных задач: ознакомиться с условиями жизни и работы русских инженеров в новой среде, искать пути и способы для улучшения их статуса, защищать их интересы, помогать им оптимальным способом применять свои знания и опыт в науке и хозяйстве новой среды, обеспечить им культурную и научную помощь, материально помогать им и, наконец, что, быть может, бы-

ло наиболее важным, организовать взаимопомощь ради защиты чести и достоинства членов союза²⁹⁹. В то же время Союз русских педагогов в Болгарии, основанный 1 января 1926 г., в качестве своей основной задачи выдвинул цель «объединения всех русских педагогов в Болгарии ради удовлетворения их духовных и материальных потребностей». Проведенный анализ показал, что особенно важно было удовлетворить материальные потребности русских учителей и профессоров³⁰⁰.

Для обеспечения необходимых средств существования, а также для создания какого-либо шанса поправить свое общественное положение многие беженцы занимались частным предпринимательством. Говоря о частном предприятии, можно представить себе крупную фабрику с десятками и сотнями рабочих, цехами, станками, машинами, деловыми встречами и партнерами, деньги, банки и банкиров, роскошные объявления в газетах и звучные названия товаров... Ото всей этой блистательной картины частного бизнеса русские эмигранты-предприниматели на Балканах имели лишь какое-нибудь объявление в газетах, да и то далеко не всегда. Все остальное было лишь туманным сном о большом успехе. Эмигранты создавали маленькие фирмы, которые скорее можно назвать ремесленными мастерскими, и открывали обычные лавочки, пытаясь бороться с суровой эмигрантской повседневностью. Конечно, среди беженцев были и исключительно ловкие, предприимчивые люди, имеющие немалый торговый и деловой опыт. Они быстро вливались в деловые элиты новых государств, постепенно дистанцируясь от остальной «эмигрантской массы», но скорее были исключением на фоне печальной картины русского предпринимательства в эмиграции, носившего характер, близкий к полному провалу.

Чтобы получить представление о характере русского эмигрантского предпринимательства на Балканах, его рамках и потенциальных возможностях, достаточно рассмотреть нижеследующую таблицу. Следует отметить, что в последующее время ситуация радикальным образом не изменилась.

Табл. 44. Эмигрантское предпринимательство в Королевстве СХС и Константинополе в начале 1920-х годов

Область деятельности	Королевство СХС ³⁰¹		Константинополь ³⁰²	
	Число фирм	%	Число фирм	%
Ремесла	61	44,5	34	64,1
Сельское хозяйство	31	22,6	6	11,3
Торговля	9	6,6		
Транспорт			1	1,9
Хозяйственные организации (посредничество)			5	9,4
Бытовые услуги	9	6,6	1	1,9
Медицина	15	10,9	3	5,7
Культура	4	2,9	1	1,9
Экспортно-импортные операции	2	1,5		
Фабрики	4	2,9		
Неизвестно	2	1,5	2	3,8
Всего	137	100,0	53	100,0

На основании этого суммарного обзора, легко сделать вывод о том, что эмигрантское предпринимательство (если о таковом вообще можно гово-

рить) в 70–75% случаев сводилось к открытию малых предприятий и небольших сельскохозяйственных фирм с двумя работниками. Занимаясь такой деятельностью, эмигранты, конечно же, не могли материально обогатиться и стать крупными предпринимателями, им удавалось лишь обеспечить себе необходимые средства для выживания. Поэтому крупные деловые операции, как, например, открытие фабрик или экспортно-импортных фирм, были в эмигрантских кругах большой редкостью (всего шесть случаев в Королевстве СХС, т.е. 4,4%).

Более детальный анализ имеющихся данных показывает, что эмигранты в большинстве своем решались открывать небольшие мастерские: швейные, обувные, столярные, художественные (чаще всего иконописные и графические ателье); занимались производством игрушек или переработкой сельскохозяйственных продуктов (молока и винограда). Занятие торговлей в основном сводилось к небольшим по объемам операциям, а бытовые услуги (по большей части рестораны и столовые) были чаще всего ориентированы на удовлетворение потребностей самих эмигрантов. Относительно большое число эмигрантов (11% в Югославии и 6% в Константинополе) занималось медицинской практикой, которая давала сравнительно стабильные и достойные заработки.

Табл. 45. Эмигрантское предпринимательство в Королевстве СХС и Константинополе в начале 1920-х годов (детальный обзор)

Область деятельности	Число фирм	
	Королевство СХС	Константинополь
Занятия и ремесла	61	34
Художественные мастерские	13	1
Переработка молока	10	
Швейные мастерские	7	18
Обувные мастерские	7	2
Столярные мастерские	6	1
Мастерские по изготовлению игрушек	5	1
Мастерские по изготовлению рам для картин	2	
Мастерская по изготовлению чемоданов	1	
Мастерская по изготовлению школьных принадлежностей	1	
Кожевенная мастерская	1	
Пекарня	1	
Мастерская по изготовлению чернил	1	
Изготовление конфет	1	
Мастерская по изготовлению пуантов	1	
Токарная мастерская	1	
Щеточная мастерская	1	
Переплетная мастерская	1	
Мастерская по изготовлению счетов	1	
Фотографии		2
Мастерская по изготовлению декоративных изделий		1
Прачечная		2
Автомеханик и гараж		2
Квасник		1
Мастерская по изготовлению деревянных сандалий		1
Жестянщик		1
Носочная мастерская		1

Область деятельности	Число фирм	
	Королевство СХС	Константинополь
Сельское хозяйство	31	6
Виноградарство	13	
Сельскохозяйственные фирмы	9	2
Фирмы по выращиванию фруктов	8	
Дровосеки (выкорчевка лесов)	1	
Рыболовецкая фирма		4
Торговля	9	
Комиссионные и колониальные товары	3	
Книжный магазин	1	
Мясник	1	
Галантерея	1	
Бакалея	1	
Киоск	1	
Мелочная лавка	1	
Транспорт		1
Транспортная фирма		1
Хозяйственные организации (посредничество)		5
Союз грузчиков		1
Союз инженеров		1
Союз техников		1
Союз рабочих		1
Союз музыкантов		1
Бытовые услуги	9	1
Столовые и рестораны	7	1
Пансионаты	2	
Медицина	15	3
Врачебные кабинеты	7	
Стоматологические кабинеты	7	3
Бактериологические лаборатории	1	
Культура	4	1
Издание книг	1	
Издание периодики	1	
Издание топографических карт	1	
Передвижной кинотеатр		1
Создание титров для кинофильмов	1	
Экспортно-импортные операции	2	
Экспорт металлического лома	2	
Фабрики	4	
Фабрика по производству мыла и духов	2	
Фабрика по производству кирпича	1	
Фабрика по обработке мрамора	1	
Неизвестно	2	2
Всего	137	53

Большое значение имеет факт, на который вышеприведенная таблица прямо не указывает, а именно то, что большое число этих фирм вскоре после открытия прекратили свою деятельность. Поэтому представленные данные стоит рассматривать как одномоментный срез, а не как абсолютные сведения о русском предпринимательстве в изгнании. Тем не менее они наглядно демонстрируют характерную особенность русского предпринимательства на Балканах — создание преимущественно небольших ремесленных мастерских, в основном швейных, столярных или обувных.

Правда, эмигранты пытались сформировать и различные кредитные учреждения, которые поддерживали бы эмигрантов-предпринимателей, как, например, Русское кредитное товарищество в Сараево (оно было основано в начале 1920-х годов в Сараево и уже через несколько лет сильно задолжало Государственной комиссии³⁰³), Русское кредитное общество, Касса взаимопомощи Всероссийского союза городов, кредитные отделения при Обществе русских чиновников, Обществе офицеров и Инвалидном приюте, которые в начале 1930-х годов действовали в Белграде, но, несмотря на благие намерения, как показывают отчеты об их работе, эти кредитные общества могли лишь частично поправить материальное положение беженцев, но были не в состоянии поддержать создание хотя бы одной крупной эмигрантской фирмы³⁰⁴. (Из доступных источников не совсем ясно, пользовался ли их помощью самый известный предприниматель среди беженцев, находившихся в Белграде, хозяин комиссионного магазина и участник многих других деловых предприятий Г.Г. Миткевич).

Но даже не будучи достаточно развитым, русское предпринимательство задавало особый тон и атмосферу общественной жизни эмиграции.

Объединение эмигрантов в различные общества и союзы представляло собой попытку сохранить в изгнании наиболее важные элементы утраченной русской общественной жизни, жить «по-старому» и сохранить старые общественные ценности. Тоска по «старому», характерная, в принципе, для любой эмиграции, была лишь одним из многих психологических факторов, которые привели к слиянию русского эмигрантского мира в воображаемое явление, известное под названием Зарубежная Россия. Приняв однажды это явление как социальную реальность, какой бы воображаемой и туманной она ни была, эмигранты относились к идее Зарубежной России крайне серьезно, надеясь на то, что однажды они смогут вернуться на родину и пересадить на родную почву ценности старого мира, сохраненные ими в Зарубежной России, как в глубокой заморозке. На это недвусмысленно указывает способ, которым была организована общественная жизнь второго поколения эмигрантов, — поколения, родившегося и выросшего в эмиграции.

Общественные организации второго поколения эмигрантов: педагогические и молодежные организации

Большую роль в общественной жизни русской молодежи имели педагогические, молодежные и студенческие организации, чья роль в тяжелых условиях эмиграции сводилась не только к облегчению образования и поддержке нового поколения в социальной адаптации, но и к сохранению их русского самосознания.

Как и во всей эмиграции, на Балканах существовала развитая образовательная система. Во всех балканских государствах, кроме Румынии, русские эмигранты сразу же по прибытии открыли начальные и средние школы для детей, прибывших вместе со своими родителями, для детей, вывезенных с интернатами, при школах, в которых дети находились еще в России, а также для тех, кто оказался на чужбине совершенно один. Первой и наиболее важной за-

дачей русских образовательных учреждений было сохранение национального русского самосознания у детей в эмиграции и их подготовка «к будущим задачам», которые ожидали их на родине после планировавшегося скорого возвращения в Россию, «освобожденную от красного рабства»³⁰⁵, а также обеспечение им посредством русского образования сразу же после долгожданного возвращения возможности беспрепятственно включиться в жизнь на родине, чтобы не чувствовать себя иностранцами в родной стране. Таким образом, русская образовательная система была полностью нацелена на ожидаемый скорый возврат на родину.

Задуманные и поставленные цели образования русских детей во многом определили характер русских школ и содержание школьных планов, придавая им выраженный антиассимиляционный и антиадаптивный характер. Желание сохранить у детей русское самоопределение и привить русские общественные ценности затрудняло их быструю ассимиляцию в новой среде. Находясь в школах и в особенности в интернатах почти исключительно в кругу русских сверстников и ощущая новое окружение как нечто иностранное, чуждое и временное, русские дети имели крайне слабый и поверхностный контакт со своими балканскими ровесниками, вследствие чего они не могли с раннего детства естественно включаться в свои возрастные группы в обществе, в котором они жили. Таким образом, они были защищены и изолированы от процесса естественной ассимиляции (который наиболее легко протекает в детском возрасте), что в ситуации, когда ожидаемый скорый возврат на родину с годами становился все более далеким и туманным, закладывало предпосылки для дальнейшей миграции молодого поколения.

Антиассимиляционный и антиадаптивный характер русских школ логично проистекал из значительно более широкой идеи миссии русской эмиграции. Благодаря этому русские начальные и средние школы на Балканах были структурированы (как субсистематические конструкции) в две образовательные системы одновременно.

1. Они были включены в образовательные системы стран, в которых действовали; свои образовательные планы и программу приводили в соответствие с просветительской политикой страны проживания (хотя обучение и проводилось на русском языке). В учебный план и программу школ, в соответствии с решениями министерств просвещения, были включены предметы, которые знакомили русских учеников с новой средой — в первую очередь с языком (сербским, болгарским или греческим), а также с историей и географией этих стран. Включение русских школ в образовательную систему государств, в которых они действовали, позволяло русским ученикам по окончании средних учебных заведений без проблем поступать в государственные учебные заведения высшей школы.

2. Одновременно русские школы были включены и в образовательную систему Зарубежной России. Речь шла о системе, которая не была жестко структурирована и централизована, что было естественно в сложившихся условиях, но в то же время содержала в себе ясно выраженные элементы единого и хорошо продуманного целого. Костяк этой системы представлял Союз русских педагогов средней и низшей школ в Чехословацкой республике (с центром в Праге). Союз заботился об установлении контактов между русскими педагогами в различных странах, регулярном проведении съездов, предоставлении возможнос-

ти систематических связей и обмена идеями, оказании консультативной помощи в связи с учебными планами и программами и, наконец, об издательской деятельности (издание специальных журналов и книг о проблемах образования русских детей). Союз имел свои филиалы почти во всех европейских государствах³⁰⁶. Основой, которая смогла бы помочь интегрировать в более или менее единое целое русскую образовательную систему Зарубежной России, по замыслам русских педагогов, должна была стать образовательная система императорской России в той мере, в которой ее можно было бы использовать в новой среде. Таким образом, представлялось необходимым сохранение и использование дореволюционных учебных планов и программ, по которым действовали школы в России, измененных в Крыму в начале 1920-х годов правительством генерала Врангеля в соответствии с потребностями времени³⁰⁷.

Одной из первых задач, поставленных в Зарубежной России, было «возобновление нормального физического и психического развития детей»³⁰⁸, что могло быть выполнено благодаря тому, что высокий образовательный уровень русской эмиграции позволял обеспечить кадры высокообразованных преподавателей для работы в школах, а также благодаря тому, что эмигрантские организации, и прежде всего Всероссийский союз городов, создали функциональную и стабильную систему финансирования русских школ. Кроме того, в Югославии и в Болгарии деятельность отдельных русских школ финансировало и государство³⁰⁹.

Два основных вопроса, с которыми сталкивались русские педагоги Зарубежной России — перенос и сохранение достижений русской педагогической дореволюционной системы в эмиграции и проблема финансирования, — определили профиль и тип русских школ, которые действовали на Балканах.

В балканских странах функционировало семь типов русских подготовительных, начальных и средних школ: гимназии, профессиональные школы (кадетские корпуса, военные школы, девичьи институты, сельскохозяйственная школа и богословское училище), прогимназии (неполные гимназии), начальные школы, подготовительные школы (неполные начальные школы), школьные группы (деятельность с малым количеством учеников в смешанных классах) и детские сады.

Анализируя планы, программу и деятельность этих школ на Балканах, можно прийти к выводу о том, что единственное несоответствие в их деятельности проистекало из несоответствия законов о просвещении в различных странах. Так, в Югославии было разрешено открывать как отдельные средние школы для мальчиков и девочек, так и девичьи институты (которые были своего рода аналогами кадетских корпусов для мальчиков). В то же время, несмотря на ярко выраженное желание русских педагогов применить такую систему и в Болгарии, болгарские власти в соответствии со своими законами позволяли формирование исключительно смешанных школ.

Реконструкция численности русских школ на Балканах

Определить точное число русских педагогических учреждений, которые в межвоенное время функционировали на Балканах, практически невозможно. Главная причина этого — нестабильность русской образовательной системы, которая действовала в нестабильных условиях эмиграции. Школы разделяли

судьбу эмигрантской группы — часто переселялись, открывались и закрывались (в зависимости от того, была ли потребность в их существовании или вследствие уменьшения количества детей эта потребность исчезала), происходила интеграция нескольких школ в одну и т.д. Кроме того, различные организации по-разному вели статистику деятельности русских школ — некоторые, как, например, Всероссийский союз городов, который в начале 1920-х годов основал в Константинополе, Болгарии и Королевстве СХС 63 педагогических учреждения, занимался только деятельностью школ, которые были им основаны и финансировались, в то время как другие учитывали деятельность школьных учреждений только в одном регионе или стране. Вследствие этого доступные данные о количестве и деятельности русских школ часто неточны, противоречивы, а иногда и дублируют друг друга, что крайне осложняет точную оценку их численности, но приблизительную оценку представить могут. Детальный анализ различных источников с неременным учетом того факта, что большинство школ крайне быстро либо трансформировались, либо переселялись, либо закрывались, дает возможность утверждать, что всего на Балканах в межвоенный период было 109 школ.

В течение 1920—1930-х годов на Балканах более или менее продолжительное время действовали 24 русские гимназии и прогимназии, причем три из них были основаны в Константинополе, а затем продолжили свою деятельность в Болгарии.

1. В Константинополе, согласно различным данным, действовали минимум четыре гимназии. Наиболее известная и крупная из них находилась в самом городе, в квартале Галата. В марте 1921 г. в ней обучались 400 учеников, был и интернат, в котором проживали 130 учеников. Но уже в декабре 1921 г. гимназия была переселена из Константинополя. Часть учеников, в основном из начальных классов, были переведены в Шумен (Болгария), а старшие классы переехали в Моравску Тршебову (Чехословакия). Кроме того, действовали еще три гимназии, в гражданском лагере Селиме в самом городе (с 45 учениками в июне 1921 г.), в гражданском лагере № 1 в Тузле — «барак № 9» (в котором в июне 1921 г. было 62 ученика) и гимназия на острове Халки (с 60 учениками в марте 1921 г.)³¹⁰. Но согласно другим, косвенно полученным данным, в самом Константинополе и в расположенных вокруг него лагерях беженцев работало по крайней мере еще шесть гимназий и прогимназий. Можно с уверенностью утверждать, что в 1921 г. верховное командование Русской армии основало гимназию в Галлиполи, которая позднее, когда была переведена в Пловдив (Болгария), получила название Галлипольской³¹¹. Также твердо можно говорить, что В.В. Нератова, супруга русского посла, в июне 1920 г. основала Крестовоздвиженскую гимназию, разместившуюся сначала в здании посольства в Буюк-Дере, а затем, когда ее поддержало финансирами благотворительное общество американского профессора Уитмора, была переселена в квартал Ени-Кей на Босфоре. В 1922 г. эта гимназия также была переселена в Болгарию³¹². Согласно имеющимся данным можно сделать вывод, что в военном лагере на Лемносе действовали еще две гимназии³¹³. Кроме того, Всероссийский союз городов также открыл в Константинополе еще три прогимназии (неполные гимназии для 4—6-х классов)³¹⁴. Таким образом, общее число русских гимназий и прогимназий в Константинополе, очевидно,

равнялось 11, три из которых в течение 1921–1922 гг. были перемещены в Болгарию и Чехословакию.

2. В Греции действовали две гимназии: прогимназия в Афинах (только первые четыре класса), которая позднее переросла в полную гимназию³¹⁵, и гимназия в Салониках³¹⁶.

3. В Болгарии, согласно имеющимся данным, работало не менее семи гимназий (три из которых начали свою деятельность в Константинополе). В Софии были организованы две гимназии — гимназия, которую основал Русско-болгарский культурно-благотворительный комитет, а с 1925 г. заботу о ней взял на себя Всероссийский союз городов (в марте 1921 г. было 70 учеников, в 1925-м — 138, а в 1930-м — 181 ученик)³¹⁷, и частная гимназия В.П. Кузьминой³¹⁸. Кроме того, две школы Всероссийского союза городов — гимназия в Шумене (переселенная в Болгарию в декабре 1921 г. из Константинополя, в которой в 1924 г. было 250 учеников, а в 1930-м — 123), и прогимназия в селе Доня Ореховица, которая в 1922 г. была перемещена в Петропавловский монастырь и названа Петропавловской (закрыта в 1923 г.)³¹⁹. В Варне действовала частная гимназия С.Н. Кононовича, финансирование которой с 1923 г. взял на себя Всероссийский союз городов, а затем в 1928 г. содержание гимназии и контроль над ней союз передал Британскому благотворительному обществу Чёрчуорда (в марте 1921 г. гимназию посещали 50 учеников, а в 1924-м — 118)³²⁰. В Пловдиве свою деятельность продолжила Галлипольская гимназия, которую основало верховное командование Русской армии еще в Константинополе. Руководство и финансирование этой гимназии с августа 1923 г. взял на себя Всероссийский союз городов (в 1924 г. в гимназии обучались 273 ученика). Когда в 1926 г. ее расформировали, часть учеников была переброшена в шуменскую, часть в софийскую, а часть в варненскую гимназии³²¹. Наконец, в течение 1920-х — начале 1930-х годов в Пештере действовала Крестовоздвиженская гимназия, которую основала в Константинополе В.В. Нератова и которая в 1922 г. переселилась в Болгарию (число учеников в ней в 1920-х годах колебалось от 152 до 220, а к 1931 г. сократилось до 51)³²².

4. В Югославии, согласно достоверным данным, на которые ссылаются отдельные авторы, в межвоенное время существовало три гимназии: Первая русско-сербская гимназия, основанная в 1920 г. в Белграде, которая до 1930-х годов действовала как смешанная, а после этого, до ее закрытия в 1944 г., была разделена на мужскую и женскую гимназии (в которых учились от 100 до 600 учеников)³²³; Русско-сербская женская гимназия с общежитием в Великой-Кикинде, которая действовала до 1933 г.; и, наконец, гимназия в Пановиче у Храстоваца, действовавшая до 1931 г.³²⁴ Согласно другим, также достаточно надежным данным, можно утверждать, что имелись еще как минимум три реальные гимназии (которые по своему характеру были ближе к прогимназиям, чем к классическим гимназиям): в Новом-Саде (действовала до 1928 г., после чего была превращена в начальную школу), в Земуне (в конце 1926/27 учебного года была закрыта властями Королевства из-за слишком малого числа учеников и после этого продолжила свою деятельность как частная школа) и в Загребе (по тем же причинам, что и гимназия в Земуне, была закрыта в конце 1926/27 учебного года)³²⁵. К ним следует присовокупить и гимназию ВСГ в Белграде (в источниках она упоминается и как прогимназия), которая в 1921 г. в качестве «подготовительной» посещалась 60 учениками, а в

1925 г. 186 учениками³²⁶. Это значит, что в течение межвоенного периода в Югославии действовало в общей сложности семь русских гимназий и прогимназий.

Число русских средних, строго говоря, профессиональных школ, которые в 1920–1930-х годах действовали на Балканах, можно назвать точно — их было 14.

1. В Югославии имелось три русских кадетских корпуса: Донской императора Александра III кадетский корпус, переведенный в Королевство СХС через Египет и Константинополь. В 1920–1921 гг. он был размещен в Стрнишче, близ Птуя в 1921–1926 гг. в Билече и, наконец, в 1926–1933 гг. в Горажде, после чего был закрыт, а кадеты были переведены в Крымский корпус в Белой-Цркве. Первый великого князя Константина Константиновича кадетский корпус был размещен в Сараево в 1920–1929 гг., после его закрытия кадеты были также переведены в Крымский корпус. И, наконец, Крымский кадетский корпус со времени переезда в Королевство СХС был до осени 1944 г. размещен в Белой-Цркве³²⁷. Кроме того, действовали два института благородных девиц — Харьковский (основанный в 1812 г.), который был в 1920 г. по прибытии в Королевство размещен в Новом Бечее, где и действовал до 1932 г., когда был закрыт, а большая часть учениц была переведена в Мариинский институт, и Мариинский Донской институт (основанный в конце XVIII или в начале XIX в.), который также прибыл в Королевство в 1920 г. и был расположен в Белой-Цркве, где и оставался до начала Второй мировой войны и в который перешли после закрытия Русско-сербской гимназии и Харьковского института воспитанницы этих заведений³²⁸.

2. В Болгарии действовало девять, условно говоря, профессиональных школ. Сельскохозяйственная школа, основанная на Лемносе в июне 1921 г. и в том же месяце переселившаяся в Болгарию, где она была размещена в двух монастырях, Капиновском и Плаковском, неподалеку от города Велико-Тырново. Несколько лет спустя из-за уменьшения количества учащихся она была переведена в село Княжево рядом с Софией, где работала до января 1931 г., когда была закрыта. Везде, где действовала школа, у нее были собственные фермы, на которых учащиеся занимались практическим освоением своей специальности³²⁹. В монастыре Св. Кирика действовало пастырско-богословское училище³³⁰. Кроме этих учебных заведений в начале 1920-х годов действовало и семь военных училищ (в основном — при различных гарнизонах, где были размещены части Русской армии): Константиновское военное училище в городе Горня Джумая (Благоевграде), Александровское военное училище в Ямболе, Корниловское — также в Ямболе, Сергеевское артиллерийское училище в Новой Загоре, Николаевское инженерное училище в Княжево, Атаманское военное училище в Ямболе и Кубанское Алексеевское училище в Тырново Сеймене, в которых обучались около 2500 учащихся³³¹.

С учетом этих 14 «профессиональных» школ общее число русских средних школ, которые в межвоенный период на протяжении определенного времени действовали на Балканах, достигает 38.

Если количество средних школ все же можно оценить с достаточной достоверностью, то точное число начальных школ, школьных групп, подготовительных школ и детских садов по ряду причин просто не поддается точным подсчетам. Русские начальные школы, а в особенности школьные группы и

детские дома при необходимости могли быть легко открыты и столь же легко при уменьшении количества детей закрыты. Кроме того, нередко случалось, что два педагогических учреждения составляли единую организационную единицу, например детский сад с подготовительной школой и т.п. Наконец, определение точного числа методологически крайне спорно с учетом того, что редкие учреждения действовали на протяжении всего межвоенного периода, большинство таких заведений закрывались после нескольких лет деятельности (что в особенности относится к Константинополю). Реальную картину того, сколько на самом деле действовало начальных школ, например, в начале 1920-х годов, можно получить, если мы будем анализировать одномоментную картину положения дел во всех балканских странах одновременно. Используя такую методологию, можно констатировать, что, например, в марте 1921 г. на Балканах действовали четырнадцать русских начальных школ (с тем методологическим ограничением, что эти данные не являются абсолютно объективными, поскольку речь идет лишь о тех сведениях, которыми в то время располагал Всероссийский союз городов); в Константинополе — пять, которые посещали 290 учеников (начальная школа № 1, школы в гражданских лагерях Бернадот, Тузла и Селиме и школа на острове Халки); в Болгарии было три школы, которые посещали 130 детей (в Варне, Плевне и Софии); и, наконец, в Югославии было шесть школ, которые посещали 400 учеников (в Белграде, Дубровнике, Земуне, Нови-Саде, Панчево и Сараево)³³². Тем не менее, имея в виду методологические ограничения и динамичность основания и особенно закрытия школ, со всей необходимой осторожностью можно утверждать, что на территории Балкан в межвоенный период количество русских начальных школ и дошкольных учреждений было не менее 71.

1. В Константинополе было основано десять начальных и две подготовительных школы³³³ (на основании доступных данных можно с уверенностью утверждать, что кроме пяти вышеупомянутых школ Всероссийского союза городов действовала еще одна школа в гражданском лагере Лан³³⁴). Помимо этого, обобщенные данные показывают, что в Константинополе действовало также десять детских садов и яслей³³⁵.

2. В Болгарии кроме трех вышеупомянутых школ Всероссийского союза городов действовало еще как минимум десять начальных и подготовительных школ (начальные школы в Анхиале, Бургасе, Лесковце, Месемврии и Созополе и подготовительные в Анхиале, Бургасе, Лесковце, Месемврии и Созополе). Кроме того, работали детские сады в Бургасе, Варне, Велико-Тырнове, Пернике и Софии и было организовано групповое обучение детей в Плевне³³⁶.

3. В Югославии, согласно различным данным, число школ и школьных групп колебалось в разное время от семи до семнадцати. Но если суммировать данные по всем школам и учреждениям, основанным в межвоенный период в различных местах Королевства, то получается, что число начальных школ равнялось 18, а подготовительных школ и школьных групп — 12: начальные школы в Белграде, Боре (неполная), Велики Бечкерек, Дубровнике, Загребе, Земуне, Княжеваце, Крагуеваце, Кралево, Нише, Нови-Саде, Пановиче у Хрстоваца, Панчево, Сараево, Скопле, Смедерево (неполная, всего три первых класса), Суботице, Херцег-Нови, а также подготовительные школы и школьные группы — в Дервенте, Св. Иване, Дубровнике, Загребе, Суботице, Вршаце, Великом-Бечкерек, Врнячкой-Бане, Любляне, Заечаре и Панчево³³⁷.

Кроме средних и начальных школ и дошкольных учреждений к русской образовательной системе в широком смысле этого понятия можно причислить и различные курсы, работавшие на Балканах: Систематические курсы современной военной практики, Военно-учебные курсы и Унтер-офицерские курсы, которые РОВС организовал в Белграде, где слушатели занимались строевой подготовкой, физическими упражнениями, соревнованиями в стрельбе, фехтовании и т.д.³³⁸; затем школьные интернаты, общежития и т.д. Но их число не способно существенно изменить количественную картину русской эмигрантской образовательной системы в балканских странах.

Преподавательский состав

Открытие более ста русских школьных учебных заведений на Балканах смогло быть реализовано благодаря тому факту, что среди эмигрантов имелось значительное количество педагогов. Однако, если проанализировать списки педагогического персонала в школах, можно прийти к выводу о том, что не все воспитатели и преподаватели русских школ в эмиграции занимались педагогической деятельностью в России. Этот вывод еще раз заставляет обратить внимание на высокий образовательный уровень самой эмигрантской группы, благодаря которому для работы в школах можно было подобрать исключительно квалифицированные кадры высокообразованных преподавателей, среди них были даже профессора университетов, которые на Балканах обучали детей в средних школах, что, без сомнения, способствовало высококачественному начальному и среднему образованию русских детей.

Об особенностях педагогической деятельности в эмиграции наглядно свидетельствует анализ уровня образования русских педагогов в средних школах и их педагогического уровня в России.

Табл. 46. Уровень образования преподавателей русских эмигрантских средних школ

в Югославии³³⁹

		%
Высшее образование	128	24,5
Художественное (консерватории, академии)	9	3,0
Специальное среднее (институты, курсы)	159	52,8
Неизвестно	5	1,7
Всего	301	100,0

в Болгарии³⁴⁰

Высшее	62	69,7
Среднее	27	30,3
Всего	89	100,0

в Греции (салоникская гимназия)³⁴¹

Высшее	3	37,5
Среднее	3	37,5
Неизвестно	2	25,0
Всего	8	100,0

Табл. 47. Профессиональная подготовка преподавателей средних школ в дореволюционной России

<i>Педагоги-эмигранты в Югославии</i> ³⁴²		
		%
Занимались педагогической деятельностью	249	82,7
Не занимались педагогической деятельностью	39	13,0
Неизвестно	13	4,3
Всего	301	100,0

<i>Педагоги-эмигранты в Болгарии</i> ³⁴³		
		%
Занимались педагогической деятельностью	37	41,6
Не занимались педагогической деятельностью	52	58,4
Всего	89	100,0

Приведенные данные несколько противоречивы. Так, в Югославии меньшее количество учителей русских школ имело высшее образование, но зато большая их часть в России занималась педагогической деятельностью. Напротив, в Греции и Болгарии среди преподавателей было больше лиц с высшим образованием, но зато их педагогический опыт в дореволюционной России был несравнимо меньшим. Сложно определить причины такого несоответствия.

Присутствие большого числа педагогов и высокообразованных людей в эмигрантской группе позволило общей структуре русского преподавательского корпуса удовлетворить потребности русских школ. В свою очередь, сам характер обучения в этих школах значительно облегчал работу русских педагогов и преподавателей, поскольку полностью основывался на дореволюционных русских образовательных планах и программах с необходимыми дополнениями, учитывающими особые условия их деятельности (что подразумевало включение в образовательные планы национальных предметов в зависимости от места расположения школ).

Деятельность школ

Несомненно, интересно было бы описать деятельность каждой из ста русских школ на Балканах, но в той же мере ясно и то, что на основании имеющихся источников подобный труд практически неосуществим, тем более что большинство школ работали крайне непродолжительное время, нерегулярно и часто меняли место нахождения (здание, город, а иногда и государство) и вследствие этого оставили после себя мало или вообще не оставили никаких историографических следов. Для понимания способа функционирования русской образовательной системы и школы на Балканах можно применить метод своеобразного историографического среза, который по многим причинам мог бы заменить анализ репрезентативного образца. В этом суммарном рассмотрении деятельности русских школ на Балканах необходимо охватить все богатство и разнообразие русской образовательной системы, отобразить деятельность начальных, средних, средних профессиональных школ с особым общественным назначением (кадетских корпусов, девичьих институтов и богословских училищ) и классических гражданских гимназий, а также осветить деятельность школ, которые создавались и финансировались правительствен-

ными организациями балканских стран (например, Государственной комиссией в Королевстве СХС), русскими общественными организациями (например, Всероссийским союзом городов), а также другими организациями или отдельными лицами.

Для выполнения этой комплексной задачи необходимо провести сравнительный анализ нескольких проблемных вопросов: место русских школ в образовательных системах балканских стран, учебные планы и программы, основные параметры, связанные с деятельностью русских школ, профиль русского ученика.

Русские школы в балканских странах действовали с одобрения местных министерств образования и под их контролем. В Югославии все русские школы, которым было разрешено сохранить свою старую организацию, традиции и программу, были, согласно решению Совета министров Королевства от 28 октября 1922 г., напрямую подчинены министру народного просвещения Королевства СХС³⁴⁴. На основании этого решения Министерство просвещения уже в начале ноября 1922 г. сформировало при Отделении средних школ временный Сектор русских школ, а в самом министерстве — Главный школьный совет по вопросам русских школ в Королевстве, который отвечал за все реформы и все вопросы, касающиеся преподавания в русских средних и начальных школах. Председателем совета был по совместительству начальник Отделения среднего образования в Министерстве просвещения. Кроме него в совет входили еще четырнадцать постоянных членов, русских и сербских ученых и деятелей просвещения³⁴⁵. В Болгарии ситуация была похожей, с той разницей, что все русские школы Всероссийского союза городов имели статус частных школ. Но несмотря на это, на основании параграфа 357 Закона о народном просвещении все эти школы пользовались теми же правами, которые имели и государственные гимназии Болгарии³⁴⁶. Министерство народного просвещения Болгарии лишь после ознакомления с программой каждой отдельной школы принимало официальное решение о признании этой школы (так, например, указ о признании прав Русской гимназии в Шумене принят 20 февраля 1923 г.)³⁴⁷. Но, несмотря на то что эти решения принимались в индивидуальном порядке, все русские школы беспрепятственно могли заниматься своей деятельностью.

Благодаря позитивным решениям правительств балканских стран русские школы могли действовать на основании дореволюционных планов и программ. Важно подчеркнуть, что эти программы, кроме исключений, относившихся к национальным предметам, совпадали в различных балканских странах. Единственным крупным отличием по сравнению с дореволюционными планами было уменьшение количества учебных часов по естественным наукам, рисованию и французскому языку и увеличение учебных часов по латинскому языку и истории³⁴⁸. Изменения в учебных планах допускались лишь в том случае, если менялся соответствующий закон в той стране, в которой действовала школа, как это случилось в Югославии в 1929 г.³⁴⁹

Сходство учебных планов и программ, по которым работали русские гимназии и начальные школы в различных балканских странах, можно ясно представить, если обратиться к сравнительному анализу предметов, которые в них преподавались.

Табл. 48. Учебные предметы в русских эмигрантских гимназиях

Первая русско-сербская гимназия в Белграде ³⁵⁰	План, рекомендованный педагогическим съездом 1924 г. в Болгарии ³⁵¹	Предметы, преподававшиеся в русских гимназиях в Болгарии ³⁵²
Русский язык	Русский язык	Русский язык
Русская литература		
История общая и русская	История общая и русская	История общая и русская
География	География	География русская
		Физическая география
Космография	Космография	Космография
Латинский язык	Латинский язык	Латинский язык
Немецкий или французский язык	Первый иностранный язык	Французский язык
	Второй иностранный язык	Немецкий или английский язык
		Право и политическая экономия
Арифметика	Математика	Арифметика
Алгебра		Алгебра
Геометрия		Геометрия
Тригонометрия		Тригонометрия
Аналитическая геометрия		
Химия	Химия	Химия
Физика	Физика	Физика
Естественные науки	Естественные науки	Естественные науки
	Ботаника	Природоведение
	Гигиена	Гигиена
Гигиена		
Закон Божий	Закон Божий	Закон Божий
Введение в философию	Введение в философию	Введение в философию
Рисование	Рисование и ручной труд	Рисование
Пение	Пение	Пение
Гимнастика	Гимнастика	Гимнастика
Чистописание		Чистописание
Ручной труд		Ручной труд
Сербский язык	Болгарский язык	Болгарский язык
История Королевства СХС	История Болгарии	История Болгарии
География Королевства СХС		

Какую важность придавали эмигранты сохранению единого русского педагогического стандарта и максимальному приближению к дореволюционным учебным программам в процессе образования детей в изгнании, показывает и тот факт, что планы и программы профессиональных школ, несмотря на вполне понятные особенности и различия (когда речь шла, например, о сельскохозяйственной школе), в значительной мере совпадали с программами гимназического обучения.

Табл. 49. Учебные предметы в русских эмигрантских профессиональных школах

Донской кадетский корпус ³⁵³	Маринский Донской девичий институт ³⁵⁴	Сельскохозяйственная школа, Велико-Тырново/Княжево ³⁵⁵
Русский язык	Русский язык и литература	Русский язык
История общая и русская	История и география России	История общая и русская
География	География	География
Космография		
Французский язык	Латинский язык	
Немецкий язык	Французский язык	
Право	Немецкий язык	Немецкий язык
Арифметика	Право	Сельхозэкономика
Алгебра	Арифметика	Арифметика
Геометрия	Математика	Алгебра
Тригонометрия		Геометрия
Аналитическая геометрия		Тригонометрия
Начертательная геометрия		
Анализ бесконечно малых величин		
Химия	Химия	Химия
Физика	Физика	Физика и механика
Естественные науки	Естественные науки	Геодезия
Природоведение		Энтомология
		Сельхозмеханика
		Метеорология
		Технология
		Минералогия
		Ботаника
		Зоология
		Растениеводство
		Анатомия и физиология животных
		Животноводство
		Строительство
		Социальная агрономия
		Педология
Закон Божий	Гигиена	Закон Божий
	Закон Божий	
	Логика	
	Рисование	Рисование
	Пение	
Гимнастика	Гимнастика и танец	
Чистописание	Чистописание	
Ручной труд	Ручной труд	Ручной труд
Сербский язык	Сербский язык	Болгарский язык
История Югославии	История и география Югославии	История и география Болгарии
География Югославии		

Исключение с точки зрения учебного плана и программы представляло собой только русское богословское училище в монастыре Св. Кирика, что абсолютно понятно. Но и там учебные планы полностью совпадали с дореволюционными учебными планами.

*Учебные предметы в пастырско-богословском училище
в монастыре Св. Кирика*³⁵⁶

Священное Писание Ветхого и Нового Завета
Гомилетика
Литургика
Дидактика
Богословие
Пастырское богословие
Догматическое богословие и миссионерство
Основы богословия
Естественно-научное богословие
Философия
Логика
Психология
Церковная история
Церковное право
Церковное пение и регентство

Учебные планы и программы для начальных школ и школьных групп были также крайне унифицированными, тем более с учетом того, что большинство из них основал Всероссийский союз городов. Школьный план и программа для детей с первого по четвертый класс были достаточно простыми. Кроме обязательных национальных предметов, сербского и болгарского языка, изучались также Закон Божий, русский язык, французский язык, математика, природоведение, чистописание, рисование, пение и гимнастика. Помимо этого в план входили ручной труд и физическая работа во дворе школы, танцы (или танцы и пение), беседы, чтение и т.д. В программу детских садов были включены беседы о Законе Божьем, беседы о родине и природе, танцы и организованный труд (ручной труд, лепка и т.д.), рисование, пересказ, пение, театральные инсценировки, а также гимнастика и французский язык³⁵⁷.

В той же степени, в которой планы и программы были обусловлены доверенной педагогической практикой, русские педагоги пытались соотнести с ней и основные общие нормативы деятельности школ — правила приема новых учеников, длительность урока, список праздничных дней, по которым школа не работала, и т.д. Согласно правилам, которые были приняты в начале 1920-х годов, в гимназии принимали исключительно детей русских эмигрантов, прием в школу был неограничен (в зависимости от возможности школы), официальным языком преподавания был русский, поступающие в подготовительный класс дети должны были знать русскую азбуку и уметь письменно и устно сосчитать до десяти, а девочки православного вероисповедания (в девичьих институтах) должны были знать и молитвы: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа», «Царю небесный», «Святой Боже», «Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу», «Отче наш» и «Богородице Дево»³⁵⁸. Кроме того, в некоторые школы (девичьи институты) не принимали детей, имевших физические или умственные недостатки и тяжелые хронические болезни, которые мешали бы обучению³⁵⁹. Детей в сад принимали в возрасте четырех лет. В первый класс начальной или подготовительной школы, т.е. в «азбучный класс», как его иногда называли, брали детей в возрасте семи или восьми лет. В гимназию поступали в десять или одиннадцать лет, а заканчивали ее примерно в восемнадцать лет экзаменами на аттестат зрелости³⁶⁰. Учебный год был разделен на

три части, по три месяца каждый. Дети получали оценки по шестибальной системе (от 1 до 6 или от 4 до 10). Урок в средних школах обычно длился 50 минут с десятиминутным перерывом (т.е. 40 минут)³⁶¹. Кроме того, преподавание в школах не велось по определенным дням. Обычно это были церковные праздники, в качестве исключения праздновали государственные и школьные праздники стран, в которых русские школы находились. Согласно одному из решений школьно-педагогического совета при уполномоченном ВСГ в Королевстве СХС, от марта 1923 г., школы ВСГ, кроме каникул, не работали еще почти 50 дней в году. В тот 1923 г. праздничными днями были: Рождество Христово (две недели, от 5 до 19 января), Новый год (14 января), Богоявление (19 января), Сретение (15 февраля), Масленица (три дня — 16–18 февраля), Страстная и Пасхальная недели (две недели — с 1 по 14 апреля), Благовещение (7 апреля), Вознесение (17 мая), День Св. Троицы (20 мая), День Св. Духа (21 мая), Кирилл и Мефодий (святые покровители русских гимназий, 24 мая), Св. Петр и Павел (12 июля), Преображение Господне (19 августа), Успение Пресвятой Богородицы (28 августа), Рождество Пресвятой Богородицы (21 сентября), Воздвижение Животворящего Креста Господня (27 сентября), Покров Пресвятой Богородицы (14 октября), Введение во храм Пресвятой Богородицы (4 декабря) и Св. Николай (19 декабря); а из праздников Королевства СХС были отмечены: Св. Савва (святой покровитель сербских школ, 27 января), Видовдан (сербский национальный праздник, день Косовской битвы 1389 г., 28 июня), Объединение Королевства СХС (1 декабря) и день рождения короля Александра (17 декабря)³⁶².

Изначальные стандарты последовательно и успешно поддерживались на протяжении почти всего межвоенного периода. Единственное заметное исключение было связано с тем, что сразу же по прибытии в изгнание в начале 1920-х годов возникла проблема с последовательным применением возрастных границ при поступлении в школу или в определенный класс. Из-за Гражданской войны, многочисленных и долгих переселений и неустойчивого быта многие русские дети запаздывали с поступлением в школу или в следующий класс, а иногда были вынуждены прерывать свое обучение (некоторые из них даже отправлялись на фронт). Поэтому русским органам просвещения сразу же после прибытия на чужбину пришлось увеличить возрастную границу для поступления в первый класс гимназии до двенадцати лет, а в восьмой — до двадцати лет. Тем не менее 70% всех великовозрастных учеников ходили в старшие классы, и лишь 30% — в младшие классы, случалось, что на школьных скамьях оказывались и двадцатилетние молодые люди, обладавшие богатым боевым опытом³⁶³. К середине 1920-х годов эти проблемы удалось преодолеть. А до того времени благодаря разумной позиции русских педагогов большое число детей и молодежи смогли закончить средние школы и получили возможность продолжить свое обучение в университетах.

Многочисленные повседневные проблемы, проистекавшие из общего положения беженцев и нестабильных условий, в которых русские дети посещали школы в годы Гражданской войны, эвакуации и первых лет жизни в изгнании, затрудняли деятельность русских школ. Эти проблемы повлияли и на формирование в начале 1920-х годов особого психологического профиля русского ученика, о чем оставили свои свидетельства и размышления русские педагоги того времени. Если излагать сжато, то можно отметить, что русские

педагоги замечали у детей незнание России и отсутствие домашнего воспитания, распущенность, недисциплинированность, недостаточное питание; они отмечали, что дети нередко были вынуждены подрабатывать (зачастую физическим трудом), что среди детей царит нездоровая политическая атмосфера, чт.е. случаи присвоения чужого имущества и даже более тяжелые отклонения поведения, как, например, появление «тайных обществ» и случаи самоубийства (в Крымском кадетском корпусе) и т.д.³⁶⁴ Большинство этих проблем решилось уже к середине 1920-х годов, когда произошла некоторая нормализация эмигрантского быта, а требования к поведению и знаниям учеников в самих школах были опять усилены. В процессе нормализации жизни русских детей и создания более или менее приемлемых условий для их воспитания исключительно важная роль принадлежала именно русским школам, которые согласно дореволюционным традициям не только обучали детей, но и воспитывали их. В этом смысле важную роль русские школы играли и в процессе социализации детей-сирот, которым в определенной степени заменяли даже потерянную семью.

Молодежные организации

Русская образовательная система на Балканах представляла собой основную педагогическую структуру, которая делала возможным образование и облегчала социальную интеграцию детей. Но кроме этого была выстроена целая сеть молодежных и школьных организаций, которые занимались устройством досуга детей и пытались помочь их адаптации и психологической стабилизации в новых условиях существования. К этому же была направлена и активная внеклассная работа в интернатах при русских школах. Одной из главных целей молодежных организаций было, конечно, сохранение национального русского самосознания у детей и их подготовка к решению «будущих задач», которые, как предполагалось, встанут перед ними по возвращении на родину. Тем не менее главным назначением таких организаций, по замыслу русских педагогов, было организовать и занять детей, отвлечь их внимание от тяжелого быта и «оторвать их от улицы».

Первыми, сразу же по прибытии в изгнание, стали формироваться сокольские и скаутские организации. Так, еще в июле 1919 г. в Нови-Саде состоялся Первый сокольский сбор, а на острове Принкипо весной 1920 г. О.И. Пантюхов, основатель скаутского движения в России, организовал русские скаутские отряды, в которые он собирал детей³⁶⁵. В течение следующих нескольких лет почти во всех балканских странах были сформированы скаутские, сокольские, следопытские и тому подобные общества, которые собирали в своих рядах русских детей. Кроме того, в школах и особенно в интернатах работали различные секции: шахматные, настольного тенниса, бадминтона, голубеводства, авиамоделирования, литературные, исторические, музыкальные, драматические, фотографии и т.д. (в Русском кадетском корпусе³⁶⁶); хоры, балалаечные оркестры, кружки игры на гитаре, мандолине и др., драматические и природоведческие секции (Крестовоздвиженская гимназия³⁶⁷); балетная и драматическая студии (Мариинский донской институт³⁶⁸). Еще одним, особым способом объединения русских детей и молодежи на чужбине с целью укрепления их национального самосознания было образование духовных православных братств.

Сущность функционирования русской педагогической системы в балканских государствах, как можно заметить, была двойкой — с одной стороны, русские учебные планы и программы были полностью обращены к России, к прошлому и с социальной точки зрения к традиционному русскому обществу, в то же время, с другой стороны, практическая деятельность и предпринимаемые меры имели целью помочь детям пережить все тяжести переломного времени (разрыв в обучении и психологические проблемы).

Все это формировало уникальный мир русского образования в эмиграции, основной задачей которого было сохранение духа и культурных достижений до-революционной России. Кроме деятельности русских школ эмигранты пытались сохранить свою культуру и некоторыми другими способами. На Балканах действовали многочисленные русские театры, библиотеки, печатались книги, литературные и научные журналы, организовывались литературные и художественные кружки и т.п. Одним словом, защита и сохранение достижений русской культуры наряду с сохранением ядра и организационных основ Русской армии, со свободным (и беззаветным) исповеданием православной веры были для русского человека в изгнании одним из наиболее важных элементов той тяжелой ноши, которую он достаточно идеализированно называл «миссией русской эмиграции». Балканские общества и государства, в особенности Югославия и Болгария, предоставляли широкий простор для сохранения и развития русской культуры в эмиграции. Это способствовало окончательному формированию общества русских эмигрантов на Балканах, в одном из наиболее важных регионов Зарубежной России. Но было ли этого достаточно для самих эмигрантов, чтобы почувствовать себя в новой среде полностью социально интегрированными и удовлетворенными?

РУССКАЯ КУЛЬТУРА НА БАЛКАНАХ

Одной из важнейших проблем в частях Русской армии, работавших на строительстве дороги Вране — Босилеград, была, по свидетельству командования, нехватка книг для чтения. Как говорили командиры, «казаки со страстью читают все, что им попадается в руки». Им послали небольшую библиотеку на двести наименований, среди которых было и собрание сочинений А.П. Чехова, но книги «пропали по дороге». Поэтому солдаты собрали около 4 тыс. динаров, чтобы организовать небольшую библиотеку в лагере. Тот факт, что русский солдат в землянке, которую сам выкопал и в которой проводил большую часть своего времени после тяжелой физической работы в заброшенной и труднодоступной части Королевства СХС, вблизи горного перевала Бесна-Кобила, нуждался именно в книгах, в значительной мере отражает отношение русского человека в изгнании к книгам и к культуре вообще.

Сохранение и развитие русской культуры в изгнании представляло собой еще одну из духовных связей беженцев с покинутой родиной. Может быть, даже самую заметную. Русские люди активно участвовали в научной и художественной жизни, были преподавателями, организаторами культурной жизни,

выдающимся художниками, скульпторами и зодчими как в рамках русских культурных организаций, так и в научных и культурных организациях страны, в которой они проживали. Вследствие этого из всего богатого и сложного комплекса вопросов, связанных с жизнью русских эмигрантов на Балканах, в настоящее время на первый план несколько упрощенно выдвигается их деятельность в области культуры. В современной коллективной памяти балканских обществ деятельность Г.А. Острогорского, П.М. Бицилли, Ю.Л. Ракитина или Н.О. Массалитинова, кажется, полностью оттеснила на второй план все проблемы, связанные, например, с интеграцией эмигрантов в новое общество, урегулированием их правового положения, личными психологическими травмами или с усилиями по организации особых эмигрантских обществ.

Наука

Деятельность русских эмигрантов в области науки имела три грани: формирование научных обществ, работа в университетах и школах балканских стран, организация русской научной жизни (проведение различных лекций, формирование народных университетов и т.д.). Научная деятельность эмигрантов не была в одинаковой степени развита во всех балканских обществах.

Когда сегодня заходит речь о занятии наукой среди русских беженцев на Балканах, подразумевается широкая научная деятельность, которую русские развили в Югославии и Болгарии, но не в Константинополе, Греции и уж никак не в Румынии, где русской научной жизни практически не существовало. Это обуславливалось рядом факторов. Очевидно, что научная жизнь могла всесторонне развиваться лишь после того, как эмигранты более или менее адаптировались к местной среде и привыкли к новым условиям жизни, т.е. с середины 1920-х годов. А к тому времени число эмигрантов в Константинополе, Греции и Румынии настолько сократилось (осталось всего одна или две тысячи человек), что было просто невозможно организовать какое бы то ни было научное начинание. Кроме того, правительства этих государств, в отличие от властей в Софии и Белграде, не проявили желания использовать знания и опыт русских преподавателей и ученых, из-за чего последние практически сразу же стали искать адекватного трудоустройства в других странах русского изгнания (очень часто — в соседних балканских странах — Королевстве СХС и Болгарии). В противоположность такому поведению правительства Югославии и Болгарии с энтузиазмом встретили выдающихся русских ученых и с радостью принимали их на государственную службу, устраивая в местные университеты или в средние школы, и благосклонно наблюдали за формированием и деятельностью русских научных институтов.

Среди научных организаций, которые русские эмигранты основали на Балканах, своей деятельностью особенно выделялись Русский научный институт в Белграде и Русская академическая группа в Софии.

Русский научный институт был основан 16 сентября 1928 г. (в ходе IV съезда русских академических организаций за рубежом, который в то время проходил в Белграде под руководством В.Г. Коренчевского, работавшего до 1917 г. в Институте Пастера в Париже и у И.П. Павлова в Петрограде) с главной целью — создать постоянный научный центр для развития русской научной

мысли. Однако это было не первое русское научное учреждение, которое действовало в Королевстве СХС. Сразу по прибытии в него первых крупных групп эмигрантов было основано Общество русских ученых (1920), а чуть позднее и Русская академическая группа (либеральное крыло общества, которое в 1921 г. выделилось в особую организацию). Идея создания в Белграде научного института была выдвинута еще в 1922 г. на II конгрессе русских академических организаций за рубежом, но реализована лишь шесть лет спустя. Финансирование Русского научного института взяло на себя правительство Королевства СХС, благодаря чему он вскоре превратился в ведущий научный центр Зарубежной России, хотя подобные учреждения действовали и в Праге, и в Берлине. В первые годы своего существования институт был размещен в здании Сербской королевской академии, а с 1933 г. расположился в только что построенном здании Русского дома им. императора Николая II в Белграде. Институт действовал до начала Второй мировой войны, точнее до 1941 г. Согласно уставу институт имел Совет (в который входили все полноправные члены) и исполнительный орган — Правление в составе председателя, заместителя председателя и трех членов, а также издательскую и ревизионную комиссии. Число постоянных членов колебалось от 40 до 60 на протяжении всего периода деятельности института (1928—1941 гг.), а членов-сотрудников увеличилось с 12 в 1929 г. до 48 в 1938-м. В деятельности института принимали участие и югославские ученые. Председателями института за указанный период были профессора Белградского университета, бывший ректор Университета св. Владимира в Киеве Е.В. Спекторский, бывший профессор Варшавского университета и академик Сербской королевской академии Ф.В. Тарановский, бывший профессор Новороссийского университета А.П. Доброклонский, бывший профессор Донского университета А.И. Игнатовский. Институт имел пять отделений: философское во главе с Н.О. Лосским (1928—1929) и П.Б. Струве (1929—1938), языка и литературы, которым руководили С.М. Кульбакин (1928—1932) и А.Л. Погодин (1932—1938), общественных и исторических наук под председательством А.П. Доброклонского (1928—1936) и Е.В. Аничкова (1936—1938), медицинское во главе с А.И. Игнатовским, а также отделение математических и технических наук, которыми руководили Г.Н. Пио-Ульский (1928—1933) и Н.Н. Салтыков (1933—1938). Особое внимание было уделено военной науке, поэтому при отделении общественных наук была организована военная секция под председательством В.И. Баскакова (1928—1933) и И.С. Свищёва (1933—1938). Одним из видов деятельности института была организация лекций русских ученых из других европейских стран. Так, при поддержке института в Белграде свои лекции читали известные русские ученые И.И. Лаппо, И.И. Лапшин, Н.О. Лосский, А.А. Кизеветтер, Е.А. Ляцкий, А.В. Флоровский из Праги; С.И. Метальников, В.В. Зеньковский, Н.Н. Головин из Парижа; Д.П. Рябушинский, М.А. Иностранцев из Лондона; С.Л. Франк, И.А. Ильин из Берлина; Е.Ф. Шмурло из Рима; В.Н. Ипатьев и И.И. Сикорский из США. Институт проводил круглые столы и беседы известных русских художников и литераторов: Е.Н. Чирикова, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, поэтов К.Д. Бальмонта и И. Северянина, а также прославленного шахматиста, чемпиона мира А.А. Алехина. Кроме них с лекциями выступали также местные ученые и интеллектуалы: Б. Петрониевич, Д. Милутинович, С. Бошкович. Кроме приглашений русских ученых из других стран русской диаспоры институт организовывал и научные заседания, курсы,

семинары, лекции и публичные чтения, а также выпускал известный научный журнал «Записки Русского научного института в Белграде». Ради обеспечения непрерывной связи в развитии русской науки он оказывал помощь молодым русским ученым из Югославии и других стран в виде научных стипендий для занятий в университетах Европы и изучения методики научной работы. А после визита В.Н. Ипатьева из США весной 1938 г. при институте был открыт фонд его имени для выдачи молодым ученым наград и гонораров за научные достижения. Наконец, институт имел и свою собственную научную библиотеку. В течение первых десяти лет работы, до 1938 г., институт организовал 23 конференции и около 700 лекций и дискуссий³⁶⁹. Кроме журнала институт опубликовал двухтомный «Сборник трудов IV съезда русских академических организаций за рубежом» (1929) и «Библиографию русских научных трудов, опубликованных за рубежом» (Том I /1920—1930/ — в 1931 г.; Том II /1930—1940/ — в 1941 г.), в которой представлено около 14 тыс. библиографических единиц³⁷⁰.

Русская академическая группа была основана в 1921 г. в Софии. В нее входили русские профессора Софийского университета, а также профессора и преподаватели, которые работали в высших учебных заведениях России до отъезда в эмиграцию. Одной из главных задач Академической группы было оказание поддержки молодым силам русской науки, а ее основная деятельность выражалась в организации открытых научных заседаний³⁷¹. Наиболее важной инициативой Русской академической группы стала организация V съезда русских академических организаций за рубежом в Софии в 1930 г., в котором участвовали русские ученые всего Русского Зарубежья, а также ведущие болгарские ученые: В.Н. Златарский, П. Мутафчиев, А. Златаров, Д. Михалчев, С.С. Бобчев, С. Балмазов, В. Ганев и др.³⁷²

Важную роль в развитии и организации научной жизни на Балканах имели и Русские народные университеты в Софии и Белграде. Русский народный университет в Белграде, основанный Всероссийским союзом городов в 1922 г., занимался организацией лекций и различных — технических, исторических, правовых — курсов. Лекции, вход на которые был бесплатным, проводились с утра, три раза в неделю, продолжительностью в один час в одном из залов Белградского университета, и в среднем их посещали порядка 50 слушателей, а на курсы ходили 40—50 человек. За годы существования университета несколько десятков преподавателей участвовали в его деятельности. Только в течение 1925/26 учебного года 22 лектора прочитали 46 лекций. Кроме русских преподавателей лекции читали и сербские ученые. В. Чорович, например, прочитал специальный курс лекций, посвященный истории Югославии. Кроме лекций и курсов Народный университет устраивал и концерты классической музыки. Определенное значение имел университет и как трибуна для дискуссий, где обсуждались различные актуальные вопросы русской и югославской истории и современности³⁷³.

Похожий характер имел и Русский народный университет в Софии, который Земско-городской комитет в Болгарии торжественно открыл 3 апреля 1927 г. по инициативе А.В. Арцишевского, представителя Всероссийского союза городов, и членов Русской академической группы и по примеру похожих учреждений в Королевстве СХС, Чехословакии и Франции. Университет представлял собой общеобразовательное высшее научное учреждение, посещение которого не давало никаких формальных прав, но помогало эмигрантам овла-

деть новыми знаниями и повысить свой культурный и образовательный уровень. План деятельности Русского народного университета в Софии был задуман таким же, как и в Белграде. Были организованы лекции, курсы, дискуссии, концерты и представления. Организационной работой занимался Научный комитет во главе с известным историком, профессором Софийского университета П.М. Бицилли. Преподавателями были выдающиеся русские ученые из Софии, а также из других центров русского рассеяния. Лекции в среднем посещали около двухсот человек. Основной тематической нитью, которая связывала различные лекции и курсы в единое целое, была их связь с Россией³⁷⁴.

Кроме научных институтов и народных университетов в Югославии и Болгарии действовал и ряд различных союзов и профессиональных обществ, которые объединяли русских ученых в эмиграции. В Югославии действовали: Русское археологическое общество в Югославии, Институт изучения России, Донская историческая комиссия, Русский военно-научный институт в Белграде, Институт имени Н.П. Кондакова (перехавший в Белград из Праги в 1939 г.), Высшие научные курсы современной полицейской техники, Кружок по изучению России и Курсы общего научного изучения России³⁷⁵. В то же время русские ученые в Болгарии собирались в рамках Русского религиозно-философского общества, смешанного русско-болгарского Социологического общества и др.³⁷⁶ Вовлеченность русских ученых в эмигрантские научные учреждения представляла собой лишь один из видов их академической активности, причем тот, который почти исключительно был направлен на развитие науки в рамках Зарубежной России.

Русские ученые не были вовлечены в работу одних только русских научных учреждений. Более того, необходимо констатировать тот факт, что куда более значительный и глубокий след с научной точки зрения они оставили в деятельности болгарских и югославских университетов, в которых в период между двумя войнами нашли свое место и заработок свыше ста русских профессоров, ассистентов и лекторов, что является исключительно большим числом, если иметь в виду уровень развития университетского образования в балканской среде того времени.

Трудоустройство русских ученых в болгарских университетах представляло собой своего рода двустороннюю потребность. В незавидных условиях эмигрантской жизни русские преподаватели искали способ продолжить свою научную и педагогическую деятельность, а болгарские и югославские университеты в самом начале 1920-х годов вследствие войн, больших человеческих потерь и просто общественных потрясений сталкивались с нехваткой соответствующих академических кадров.

Экономический кризис в Болгарии в 1919–1920 гг. привел отдельные кафедры Софийского университета и даже отдельные факультеты, например юридический, в ситуацию полного отсутствия преподавательских кадров, так как соответствующим болгарским специалистам было намного выгоднее заниматься частной, например врачебной или адвокатской, практикой, чем работать в университете за установленную зарплату в 2218 левов. Это приводило к тому, что из университета стали уходить и студенты. Попытки С. Костуркова, министра просвещения в кабинете А. Малинова, пригласить в Болгарию профессоров из Германии, Швейцарии и Австрии путем принятия решения о контрактном трудоустройстве в университете профессоров-иностранцев не

удались, так как иностранные специалисты потребовали месячную плату в 1,5–2 тыс. швейцарских франков (15–20 тыс. левов). В такой ситуации приезд выдающихся русских ученых и профессоров смог почти полностью решить эту проблему.

Первым из русских ученых, приступивших к работе в Софийском университете на основании решения правительства о приеме иностранцев в университет, был профессор гистологии и эмбриологии А.Ф. Маньковский. Он был принят на медицинский факультет в январе 1920 г. Сразу же после этого Академический совет Софийского университета заключил договоры с большой группой выдающихся русских ученых. На медицинский факультет были приняты бывший профессор физиологии и физиологической химии Новороссийского университета В.В. Завьялов, бывший профессор анатомии Харьковского университета В.П. Воробьев, ассистент В.А. Болотов по предмету физиология. На юридический факультет пришли бывший профессор римского права Петербургского университета И.А. Базанов, бывший ректор Томского университета П.М. Богаевский, бывший профессор международного права Университета св. Владимира в Киеве, В.Н. Ренненкампф, работавший до эмиграции профессором социологии и общей теории права Новороссийского университета. В университет были приняты на работу: один из наиболее выдающихся ученых русской эмиграции, академик Петербургской и почетный член Болгарской академии наук Н.П. Кондаков, долгое время состоявший профессором археологии и истории византийского искусства в Новороссийском и Петербургском университетах, бывший профессор русской и западно-славянской литературы Новороссийского университета М.Г. Попруженко, приват-доцент истории литературы К.В. Мочульский. Вскоре после этого, уже в течение лета и осени того же 1920 г., в Софийский университет пришли еще несколько выдающихся русских ученых: академик Петербургской академии наук и участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Г.Е. Рейн (гинекология и акушерство), профессора А.К. Медведев (физиологическая химия), Э.Д. Гримм (общая история нового века), приват-доценты кн. Н.С. Трубецкой (сравнительная лингвистика) и К.Н. Соколов (государственное право).

Русские ученые, которых злая доля вынудила покинуть родную землю, были готовы трудиться и за небольшую заработную плату (все русские профессора получали по 3 тыс. левов в месяц, за исключением академиков Кондакова и Рейна, жалованье которых составляло 4 тыс. левов). И все же работа в университете давала им возможность более или менее вырваться из общей эмигрантской нищеты и хотя бы в какой-то степени сохранить свое прежнее общественное положение (или хотя бы видимость того положения, поскольку в первые месяцы работы некоторые из них жили в вагонах на железнодорожной станции Подуен, как, например, выдающийся профессор А.К. Медведев с семьей). В то время болгарские власти предлагали кафедру в Софийском университете и известному русскому писателю И.А. Бунину, но он это предложение любезно отклонил³⁷⁷.

Политические изменения в Болгарии в течение 1922–1923 гг. неминуемо отразились и на положении некоторых русских профессоров. Внешнеполитический поворот правительства А. Стамболийского к Советской России крайне негативно отразился на положении ряда выдающихся русских ученых, некоторые из которых потеряли свое место в университете, а другие были даже

изгнаны из страны. Среди них были академик Н.П. Кондаков, кн. Н.С. Трубецкой, К.В. Мочульский и В.П. Воробьев (немногим позже он вернулся в Советскую Россию, где, в частности, играл ведущую роль в бальзамировании тела В.И. Ленина)³⁷⁸. Государственный переворот в Софии в июне 1923 г. привел к тому, что положение русских профессоров значительно улучшилось. Новые власти изгнали из страны только профессора Э.Д. Гримма, который осенью и зимой 1922–1923 гг., тесно сотрудничал с советским представительством в Софии³⁷⁹.

В целом, если не считать непродолжительного периода политического эксцесса 1922–1923 гг., болгарские власти в течение всего межвоенного периода благосклонно относились к приему русских профессоров и ученых в университет. Только за первые четыре года, в 1920–1923 гг., на работу было принято 27 русских ученых. В позднейшие годы это число значительно возросло. Лишь один неполный список содержит около 55 имен. Среди выдающихся русских ученых, которые в течение долгих лет трудились в Софийском университете, были профессора С.С. Абрамов, С.П. Алисов, братья Вас.В. и Вс.В. Завьяловы, Д.Д. Крылов, А.Ф. Маньковский, Н.М. Попов (также участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.), Г.Е. Рейн, А.Э. Янишевский, И.Ф. Шапшал, который переехал в Софию из Белградского университета и др. (на медицинском факультете); профессора П.М. Бицилли (также переехал в Болгарию из Королевства СХС), В.А. Мякотин (приехал в Болгарию в 1928 г.), М.Г. Попруженко, Н.М. Дилевский и др., включая уже упоминавшихся Н.П. Кондакова, Э.Д. Гримма, К.В. Мочульского и Н.С. Трубецкого (на историко-филологическом факультете); а на юридическом факультете кроме вышеупомянутых И.А. Базанова, П.М. Богаевского, В.Н. Ренненкампа и К.Н. Соколова замечательные карьеры сделали профессора С.С. Демосфенов и И.Г. Кинкель, на богословском факультете — член-корреспондент Петербургской и Болгарской академий наук Н.Н. Глубоковский, профессора М.Э. Поснов, А.П. Рождественский и бывший протопресвитер военного и морского духовенства Св. Синода Г.И. Шавельский³⁸⁰.

Ситуация с трудоустройством русских ученых в Королевстве СХС сложилась аналогично. Новое образовавшееся государство, в особенности его восточная часть, было полностью истощено войной и с трудом могло возобновить деятельность своих университетов, хотя и имело огромную потребность в высокообразованных специалистах. В этой ситуации Академический совет Белградского университета сразу же по прибытии крупных групп эмигрантов в страну в середине марта 1920 г. принял решение, «насколько это возможно», использовать знания и опыт русских ученых и профессоров, которые эмигрировали из России³⁸¹. Русские профессора в Королевстве СХС в начале 1920-х годов, как и в Болгарии, принимались на контрактную службу. В последующие годы это решение широко применялось, так что свыше 100 русских профессоров и ученых (согласно минимальным оценкам) преподавали во всех университетах страны, от Белградского университета и его новых филиалов в Суботице и Скопье, до Загреба, Сараево и Любляны (непосредственно в Белградском университете работало более 70 человек).

Высокий авторитет, который снискали русские профессора своей деятельностью в новой среде, наглядно показывают следующие данные: в годы между двумя мировыми войнами и после Второй мировой войны 11 ученых-эми-

рантов были избраны в Сербскую королевскую академию (после Второй мировой войны — Сербскую академию наук и искусств): А.Д. Билимович, В.Д. Ласкарев, Н.Н. Салтыков, Е.В. Спекторский, Ф.В. Тарановский, Я.М. Хлытчиев, С.М. Кульбакин, В.В. Фармаковский, Н.А. Пушкин, К.П. Воронец и Г.А. Острогорский. Общую идиллическую картину отношения академических кругов и университетской администрации к русским эмигрантам испортило еще в 1919 г. руководство новооснованного медицинского факультета в Белграде, которое, несмотря на недостаток собственных научных кадров и просто отсутствие преподавателей на отдельных кафедрах, отказалось принять нескольких известных русских ученых и профессоров: Б.П. Бабкина, ученика знаменитого И.П. Павлова (физиология), Яджуту (описательная анатомия), а также трех профессоров, которые впоследствии были приняты в Софийский университет — вышеупомянутых А.К. Медведева и А.Ф. Маньковского и бактериолога Стефанского; отказали и профессору В.Г. Коренчевскому (экспериментальная патологическая физиология), который работал в Лондоне. Об этом решении руководства медицинского факультета с негодованием доложил 5 ноября 1921 г. на Восьмом регулярном заседании Сербского медицинского общества Й. Клисич³⁸².

Однако несмотря на этот «эпизод», многие русские профессора заняли достойное место в науке Королевства. Среди выдающихся имен были: А.Д. Билимович, Н.Н. Салтыков, В.Х. Даватц (математика); В.С. Жардецкий, Г.Н. Пио-Ульский и В.В. Фармаковский (механика и машиностроение); А.И. Игнатовский, С.К. Рамзин, В.Н. Новиков и С.Н. Салтыков (медицина); А.И. Щербаков (бальнеология); Д.Ф. Конев (бактериология); Н.А. Пушкин (химия); А.И. Косицкий (минералогия); С.П. Максимов (гидрология); Т.В. Локоть и И.П. Марков (агрономия); А.И. Шеншин (лесоведение); В.И. Мартино и Ю.Н. Вагнер (зоология); И.С. Свищёв и Д.В. Фрост (геодезия); П.Б. Струве, А.П. Доброклонский, С.В. Троицкий, Е.В. Спекторский, Ф.В. Тарановский, М.П. Чубинский, А.В. Соловьев, Г.А. Острогорский, В.А. Мошин, А.К. Елачич (история, право и богословие); С.М. Кульбакин, Е.В. Аничков и А.Л. Погодин (литературоведение и языкознание)³⁸³.

Тот факт, что русские профессора принимались в балканские университеты лишь на службу по контракту, приводил к тому, что некоторые из них задерживались в новой среде на непродолжительное время, часто меняли место проживания и трудоустройства. Однако университеты не были единственными учреждениями, в которых занимались педагогической деятельностью русские профессора.

Известное число русских ученых было готово помимо университетской работы найти достаточно времени и посвятить себя работе с молодежью в средних школах. Так, например, И.П. Нилов и А.Д. Агура преподавали и в гимназии В.П. Кузьминой в Софии, а А.Д. Билимович, А.П. Доброклонский, Ю.Н. Вагнер, Г.Н. Пио-Ульский и А.Л. Погодин — в Первой русско-сербской гимназии в Белграде³⁸⁴.

Деятельность русских педагогов вне университетов, в средних и начальных школах Югославии и Болгарии, хотя и не может, строго говоря, считаться научной деятельностью, была широко распространена на всех Балканах. Более 100 русских наставников и преподавателей работали в средних и начальных школах по всей Болгарии и Югославии. Лишь в течение 1922 г.

86 русских преподавателей и наставников были трудоустроены в болгарских школах, а Союз русских учителей в Болгарии объединял несколько сотен членов³⁸⁵. В то же время, по приблизительным оценкам, в начальных и средних школах Королевства СХС трудились по меньшей мере 600 русских преподавателей и наставников (из которых только в Воеводине работали 300 человек)³⁸⁶.

Деятельность русских ученых вышла за узкие рамки русского эмигрантского общества на Балканах, глубоко укоренилась и переплелась с развитием науки и научной жизни в Болгарии и Югославии. Эмигрантский мир, таким образом, стал заметной и важной частью ежедневной культурной жизни новой среды. Похожий, быть может, даже более заметный след в балканских культурных центрах оставили деятели русской культуры и искусства.

Вследствие высокого культурного уровня русских эмигрантов искусство играло в их общественной жизни на Балканах самые разные роли. Почти с самого первого дня пребывания в изгнании эмигранты обращались к культуре и искусству, ища в них эстетического удовлетворения или убежища от мрачной повседневности. Например, еще в конце 1920 г. в эмигрантском лагере Галлиполи были организованы устные газеты и создана центральная библиотека, а в лагере на острове Лемнос открыты театр и кинотеатр³⁸⁷.

Среди эмигрантов были уже состоявшиеся литераторы, художники, актеры, режиссеры, оперные певцы и балетные танцоры, а после нескольких лет жизни в эмиграции выросло и новое поколение, которое полностью посвятило себя искусствам, что позволило ему даже в суровых условиях эмигрантского быта получить всестороннее художественное развитие. Конечно, нельзя не заметить, что содержание определенной части искусства, развивавшегося в эмиграции (проза, поэзия), составлял почти исключительно мир русских эмигрантов. Но говоря о сценическом и музыкальном искусстве, живописи и скульптуре, необходимо подчеркнуть, что они в большей мере имели универсальный характер, из-за чего их невозможно исключить из общего художественного и культурного развития балканских стран.

Мир русской книги

Балканы в течение межвоенного периода были, образно говоря, затоплены русскими книгами. «Оказавшись на чужбине, русские много читали. Местные поражались, откуда у пришельцев столько книг, толстых журналов, газет. А их, вопреки трудностям, выписывали из Берлина, Парижа, Риги, Шанхая <...> В русских домах постепенно создавались личные библиотеки. Книги неохотно давали для чтения знакомым, берегли, переплетали. Неудивительно, что до наших дней в глухом захолустье Балкан можно обнаружить переплетенные тома петербургских журналов “Нива”, “Маски”, “Столица и усадьба”, “Музыкальный современник”, берлинских “Театр и жизнь” и “Жар-птица”, рижского “Перезвона”, парижской “Иллюстрированной России”, брюссельского “Часового”, или подшивки газет “Русь”, “Возрождение”, “Руль”, “Новое слово”, даже советских “Вокруг света” и “Красной панорамы”»³⁸⁸.

Русские люди принесли с собой в новую среду традицию и культуру чтения. Русские библиотеки открывались во всех местах, где это допускали обстоятельства. Центральная библиотека на острове Лемнос, которую открыл Всероссийский земский союз, имела 1500 книг, не считая периодических изданий, ежедневно принимала от 105 до 232 посетителей. Любопытно, что наибольший интерес читатели проявляли к научным трудам на русском и иностранных языках (72%), второе место занимала беллетристика (18%)³⁸⁹. Если иметь в виду такую атмосферу, то совершенно не удивляет, что солдаты, которые строили дорогу Вране — Босилеград, размещенные в землянках, «с жаром читали все, что им попадалось под руку», и тратили заработанные тяжелейшим трудом деньги на то, чтобы организовать маленькую библиотеку. Не стоит удивляться и тому, что лишь в одном Белграде русские эмигранты основали десяток библиотек, чей общий книжный фонд был более 200 тыс. экземпляров. О том, какое это было культурное достижение, свидетельствует тот факт, что приблизительно в то же время, в конце 1920-х годов, фонд Народной (Национальной) библиотеки в том же Белграде составлял 212 тыс. экземпляров³⁹⁰. В Болгарии, как и в Константинополе и Белграде, русские библиотеки начали открываться сразу же после 1920 г. Вскоре библиотека в Софии была размещена в помещениях Русского дома, где был открыт и маленький книжный киоск. Несмотря на то что книжный фонд библиотеки в Софии был небольшим, число читателей постоянно возрастало, так что в марте 1922 г. ежедневно библиотеку посещали до 522 человек³⁹¹. До середины 1920-х годов в Софии были открыты еще три библиотеки. Русская библиотека в Варне была открыта в июле 1921 г., а позднее были сформированы библиотека Околовича в Варне и библиотека Шевлякова в Габрово³⁹².

Традиция и культура чтения, своего рода привычка и даже культ, которые эмигранты выработали еще на родине и от которых они не отреклись и на чужбине, выдвинули перед эмигрантскими организациями и учреждениями в качестве важной общественной задачи необходимость закупать, распределять и печатать русские книги. Большое количество русских книг, которые в течение 1920—1930-х годов оказались в общественных и частных библиотеках или в домах беженцев, лишь частично закупались в других центрах русского рассеяния, т.е. в Париже, Берлине и Праге. Большая часть книг печаталась на Балканах — в Королевстве СХС и Болгарии. Сама судьба издательств в крайне наглядной форме отражала всю непредсказуемость доли изгнанника на чужбине. Лишь немногие успевали напечатать даже несколько книг. Довольно часто русские книги печатались даже без упоминания издательства или как личное издание автора. Нередким было явление, когда книги публиковали отдельные организации (например, Архиерейский синод Русской православной зарубежной церкви), школы (институты благородных девиц, кадетские корпуса и гимназии), союзы и общества (сокольский союз, скауты, литературный союз, НТС) или ежедневные газеты и журналы («Новое время», «Военный вестник», «Военный сборник», «Инженер», «Русский военный вестник», «Русский голос», «Церковные новости» и т.п.). Среди обществ и объединений, которые издали больше всего книг, выделялись: Издательская комиссия Государственной комиссии по русским беженцам, Русское археологическое общество и Русский научный институт в Белграде (хотя среди его изданий преобладали отдельные оттиски из его же журнала «Записки Русского научного

института в Белграде»), Православно-миссионерское подворье в Белой-Цркве и Книгоиздательство «Святослав» М.Г. Ковалева, которое действовало сначала в Сремской-Митровице, затем в Нови-Саде и наконец в Белграде. Наиболее известные русские типографии в Югославии, которые иногда занимались и издательством, были, без сомнения: Издательство братьев Грузинцевых и Русская типография С.Ф. Филонова в Нови-Саде (которые отпечатали почти половину всех русских книг, вышедших в Югославии), а также несколько типографий в Белграде, которые назывались просто «Русская типография» (Космайская, 20; Жоржа Клемансо, 25; Битольская, 25 и т.д.). Кроме того, русские книги печатали сербские типографии и издательства, как, например, «Меркурий» и «Свет» в Белграде или типография Дойковича и Петровацкого в Великом-Бечкереке³⁹³.

Ситуация с изданием и печатанием русских книг в Болгарии была несколько иной. Наиболее крупным и важным издательством было Русско-болгарское книгоиздательство, основанное в 1921 г., которое кроме издательской деятельности занималось печатанием и распространением своих и чужих изданий русских книг в Болгарии. Кроме того, русские книги, как и в Югославии, публиковали и редакции различных газет («Русь», «За Россию» и т.д.), и местные болгарские издатели, как, например, Придворная типография или софийская типография С.М. Стайкова³⁹⁴.

Русские книги, закупавшиеся в других государствах русского изгнания или купленные в Белграде, распространялись среди читателей с помощью русских книжных лавок в Белграде, Софии и других балканских городах, самыми крупными и известными из книжных магазинов были магазины Общества славянской взаимности и общества «Возрождение», Славянская книжная лавка Митры Стефанович в Белграде, русская книжная лавка на улице Франкопана в Сремских-Карловцах и книжная лавка при Русско-болгарском книгоиздательстве в Софии, которая продала в течение 1921–1923 гг. 1260 книг³⁹⁵. Кроме вышеупомянутых русские книжные лавки действовали почти в каждом месте, где жило значительное количество беженцев.

Издательские планы русских издательств на Балканах, как и книжные фонды большинства эмигрантских библиотек, состояли в основном из работ русских классиков (А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева и др.), а также русской и иностранной научной литературы и лишь в незначительном количестве включали произведения писателей и поэтов, творивших в изгнании. Этот факт может косвенно свидетельствовать о художественных достижениях и художественной ценности литературы, которая создавалась в изгнании.

Художественная литература

Бесспорно, крупнейшие русские поэты и писатели, которые оказались в изгнании, хотя их творения и публиковались достаточно часто на Балканах, жили все-таки за пределами Балкан: И.А. Бунин, А.И. Куприн, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, Е.И. Замятин, А.М. Ремизов (Париж); В.В. Набоков (Берлин, Париж, затем США); В.И. Иванов (Рим)³⁹⁶. На Балканах, несмотря на тот факт, что в середине 1920-х годов и появились «вестники новой литера-

турной волны, новые авторы и новые творения заметной художественной ценности»³⁹⁷, в основном творили писатели, чьи произведения не получили широкой популярности в эмигрантской среде. Тем не менее и среди них несколько авторов несомненно выделялись своими произведениями. В Югославии это были прежде всего поэтессы Е.Л. Таубер и Л.А. Алексеева-Девель, а также поэты и прозаики И.Н. Голенищев-Кутузов, А.П. Дураков и М.Д. Иванников. А в Болгарии, несмотря на тот факт, что «оценка художественной ценности русской эмигрантской литературы в Болгарии еще не дана», своими литературными достоинствами выдвинулись Л.Н. Столица, А.М. Федоров, братья Солоневичи (особенно И.Л. Солоневич³⁹⁸).

Русские писатели на Балканах принадлежали к различным литературным направлениям. Среди них были и модернистски настроенные, и те, кто придерживался русских литературных традиций, а некоторые занимались даже эстрадной поэзией. Вопрос литературно-исторической оценки их творчества выходит за рамки данного краткого обзора русской эмигрантской литературы, поэтому мы обрисовываем лишь контуры ее социальной направленности и значимости. Наиболее ярко социальная направленность эмигрантской литературы отразилась в деятельности литературных кружков.

Регулярные встречи писателей-единомышленников были составной частью русской литературной традиции конца XIX и начала XX в. В эмиграции литературные кружки продолжили свое существование как особая форма литературной и общественной жизни. Они основывались практически во всех центрах русской диаспоры — в Париже, Праге, Берлине, Варшаве и т.д. Наиболее заметным среди них был кружок «Зеленая лампа», который собирался в парижском доме З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковского³⁹⁹. В соответствии с этой традицией русские писатели и поэты в Королевстве СХС, несмотря на то что их было всего около 30 человек, основали (в основном в Белграде) минимум семь литературных кружков. Имя и престиж кружка в русской литературной среде в общественном смысле возмещал некоторым писателям неизвестность их собственного имени и их творчества. Насколько важным было именно это направление литературной деятельности, говорит тот факт, что, в известном смысле, было даже «важнее вращаться в литературных кружках и встречах, чем создать собственное творение»⁴⁰⁰. Из белградских литературных кружков наиболее известными были «Гамаюн — птица вещая», Литературный кружок, «Литературная среда», «Новый Арзамас» и русско-сербские литературные кружки, собиравшиеся вокруг журнала «Медуза» и сборника «Ступени»⁴⁰¹. Кружки иногда торжественно отмечали годовщины рождения или смерти известных русских писателей⁴⁰².

Когда речь идет о литературном труде, наиболее важным и в социальном, и в культурном отношении институтом был Союз русских писателей и журналистов в Югославии, основанный 1 октября 1925 г. Первый союз русских писателей и журналистов в изгнании был основан еще в 1921 г. в Константинополе и собрал вокруг себя 85 членов. Но из-за быстрого переселения эмигрантов из города он вскоре закрылся, не успев развить хоть сколько-либо серьезную деятельность⁴⁰³. После этого краткосрочного эпизода первый настоящий и реально значимый союз был основан в 1922 г. в Париже, а в последующие годы похожие союзы были сформированы в Праге, Берлине и Варшаве. Главным инициатором создания белградского Союза русских писателей и

журналистов были известные журналисты А.И. Ксюнин, который стоял во главе союза, и Е.А. Жуков. Наиболее важная культурная акция белградского союза была связана с организацией Первого съезда русских писателей и журналистов в эмиграции с 25 по 30 сентября 1928 г. в Белграде. На съезде произошло объединение пяти союзов: парижского, берлинского, пражского, варшавского и белградского в один, Совет которого находился в Париже, а Правление — в Белграде. Этот союз объединял свыше 600 русских писателей и журналистов в изгнании, активно участвовал в издании и распространении журналов и газет, занимался издательской деятельностью (издал произведения Н.С. Лескова и М.Е. Салтыкова-Щедрина на сербском языке, сборник рассказов В.Н. Челищева, а также «Антологию новой югославянской лирики», которую подготовили молодые поэты Е.Л. Таубер, И.Н. Голенищев-Кутузов и А.П. Дураков). Кроме того, была создана библиотека, в которую из Германии был переведен фонд русской библиотеки, основанной И.С. Тургеневым в Карлсруэ. Одной из наиболее важных сторон деятельности была организация публичных чтений (до 1937 г. было проведено 68 встреч, в которых участвовали В.В. Шульгин, П.Б. Струве, М.П. Чубинский, Е.В. Аничков, А.А. Кизеветтер, Д.С. Мережковский, А.И. Куприн, И.А. Ильин и др.), устных газет (42 встречи) и так называемых интимных бесед (77). Союз прекратил свою деятельность только с началом Второй мировой войны (6 апреля 1941 г.)⁴⁰⁴.

Похжая ситуация с общественной точки зрения сложилась и в Болгарии. Литераторы близких эстетических воззрений объединялись вокруг отдельных журналов или сборников. Старшее поколение русских литераторов собиралось вокруг журнала «Изгнанник», а новое — вокруг «Молодой речи». В конце 1930-х годов центральным литературным вестником стал «Голос России», издававшийся И.Л. Солоневичем. Союз русских писателей и журналистов был основан в Болгарии еще в начале 1920-х годов, но вскоре прекратил свою деятельность. Он возобновил работу лишь в 1926 г., а в 1930-м произошло его реформирование. Во главе союза находился А.М. Федоров, кроме него в деятельности союза выдающуюся роль играли Г.Ф. Волошин, Н.И. Плевинский, Е.М. Астров, Н.И. Дубянский, Н.В. Долинский, Н.П. Рустковский, братья И.Л. и Б.Л. Солоневичи и др., а также Ю. Рапапорт, Л.Н. Столица, И.Э. Дуван-Торцов, Е.А. Полевицкая, гр. Н.Г. Зубов и др. Союз русских писателей и журналистов наладил крепкие связи с Союзом болгарских писателей. На основании такого сотрудничества, в этот русский союз в качестве почетных членов в 1935 г. были приняты М. Арнаутов, Н. Атанасов (председатель Союза болгарских писателей), А. Балабанов, Н.С. Бобчев, Б. Йоцов, Т. Траянов, Т. Влайков, С. Младенов, Д. Подвырзачов, С. Чилингиров и Н. Лилие⁴⁰⁵.

Деятельность русских писателей и поэтов на Балканах, несмотря на значимость их реальных достижений и художественную ценность их произведений (о которых должна судить литературная критика и история литературы), в общественном смысле была направлена прежде всего на русского читателя. Тем не менее она в некоторой своей части в культурном и литературном аспектах принадлежала и к местным, сербским и болгарским, культурным тенденциям⁴⁰⁶. Этот факт становится еще более очевиден, когда речь заходит о русском театральном (драматическом, оперном и балетном) или изобразительном искусстве.

Изобразительное искусство

Современные оценки достижений русских художников, которые жили и творили на Балканах, часто сводятся к констатации того факта, что они были «...в основном художниками традиционного направления, привлекательных композиционных решений и консервативных взглядов <...> классический модернизм, без примеси современных идей, в нашей среде был присущ самым популярным художникам, и эта популярность уводила их с путей исканий и настоящих художественных исследований, тогда как, с другой стороны, в других европейских странах условием выживания многих художников было именно внимание к новой художественной проблематике...»⁴⁰⁷

В этой ситуации большинство русских художников остались вне рамок современных художественных тенденций, к которым принадлежали другие русские художники, также творившие в изгнании, например, Н.С. Гончарова, А.Н. Бенуа или М.Ф. Ларионов. Тяжелые условия эмигрантской жизни заставляли некоторых из них использовать свой талант в прикладном искусстве (театральные декорации, иллюстрация книг, комиксы и т.д.). Число русских художников, творивших в балканской среде, привлекает внимание. Например, в Королевстве Югославия в 1920–1941 гг., по приблизительным оценкам, работали свыше 50 представителей русского изобразительного искусства и зодчества (30 художников, 5 скульпторов и не менее 15 архитекторов, которые создали и иногда демонстрировали свои труды на коллективных выставках)⁴⁰⁸. Почти такое же количество русских художников — свыше 50, по суммарным подсчетам, — работало и в Болгарии⁴⁰⁹. Из этой сравнительно многочисленной массы художников несколько авторов смогли стать особенно заметными. Интересно отметить, что наиболее известными были те художники, которые занимались прикладным искусством. Лишь небольшое количество собственно художников получили признание в новой среде.

В Болгарии в области церковной живописи художественных вершин достиг Н.Е. Ростовцев, который в качестве проектировщика и реставратора участвовал в возрождении 28 храмов по всей стране. Кроме него исключительный след в области прикладного искусства оставили Е.П. Ващенко (работавший театральным художником в Оперном театре, Художественной опере, Народной опере и Государственном музыкальном театре), В.В. Лазаркевич (иллюстратор детских книг, основатель болгарской школы иллюстрации детских книг) и известный карикатурист М. Блек⁴¹⁰.

Наиболее значительными русскими живописцами в Югославии были представители старшего поколения: С.Ф. Колесников, получивший большое признание в состоятельных слоях белградского общества (кроме того, он известен по композиции «Богиня Талия на квадриге», изображенной в подкупольном пространстве Народного театра в Белграде); прибывший в Королевство уже известным живописцем и графиком А.В. Ганзен, чья мать была дочерью прославленного русского мариниста XIX в. И.К. Айвазовского; пейзажист А.И. Лажечников. Из молодого поколения наиболее прославились Б.И. Пастухов и А.И. Шелоумов, чьи работы были также очень популярны среди уважаемых столичных кругов того времени. Из всех скульпторов своими работами привлекли внимание двое: Р.Н. Верховский, автор двух памятников на Новом кладбище в Белграде — погибшим защитникам Белграда

1914—1915 гг. и императору Николаю II и русским воинам, павшим в Великой войне 1914—1918 гг., а также В.П. Загороднюк⁴¹¹. Из плеяды церковных живописцев выделялись И.П. Дикой, Б.И. Образков, В.Я. Предоевич, бар. Н.Б. Мейендорф и В.Н. Шевцов, которые, среди прочего, участвовали во внутреннем мозаичном украшении храма-мавзолея Карагеоргиевичей на Опленце. Кроме них особого признания заслужило творчество П.М. Софронова, руководителя Синодальной школы иконописцев в монастыре Раковице близ Белграда⁴¹². Исключительный след в прикладном искусстве межвоенного Белграда и всей Югославии оставили русские театральные художники (по костюмам и декорациям) А.А. Вербицкий, Л.М. Браиловский и в особенности В.И. Жедринский⁴¹³. Кроме них русские художники особенно повлияли на развитие нового вида графики — комикса. Создание известного «Белградского круга» авторов комиксов было обусловлено деятельностью русских художников Г.П. Лобачева, С. Соловьева, К.К. Кузнецова, Н.П. Навоева, И.И. Шеншина и А.Б. Ранхнера, которые вместе с театральным художником В.И. Жедринским и тремя местными авторами (Дж. Янковичем, С. Ленерао и Б. Видичем) и составили этот «Белградский круг»⁴¹⁴.

Кроме индивидуальной деятельности русских художников и выставок, на которых они демонстрировали свои работы, известное общественное значение имело их профессиональное объединение в различные союзы, которые чаще всего занимались организацией коллективных или индивидуальных выставок.

Русские художники в Болгарии основали 29 декабря 1929 г. Общество русских художников в Болгарии. Ядро общества составляли художники, которые закончили художественную академию в Болгарии, позднее к ним примкнули и художники, получившие образование в России. Только в Софии общество имело 26 членов. С начала 1930-х годов активно организовывались коллективные и авторские выставки. Первая коллективная выставка была открыта 7 октября 1930 г. в Софии. После этого общество организовало еще шесть выставок — в 1936, 1938, 1939, 1942, 1943 и 1945 гг.⁴¹⁵

В Югославии действовало несколько художественных обществ, например Общество русских художников в Югославии или Русский союз художников «Круг», которые объединяли деятелей изобразительных искусств и занимались организацией в Белграде и в других городах Югославии коллективных или, реже, персональных выставок русских художников и скульпторов. Наиболее известной из многочисленных выставок, организованных в межвоенный период, стала Большая выставка русского искусства, открытая в марте 1930 г. в Белграде под покровительством короля Александра и принца Павла. На выставке были представлены 363 картины и 48 скульптур 100 русских деятелей изящных искусств со всех концов русской эмиграции от И.Е. Репина, Ф.А. Малявина, Н.К. Рёриха, Н.С. Гончаровой, А.Н. Бенуа и Б.Д. Григорьева до русских художников из Югославии С.Ф. Колесникова, А.И. Лажечникова, Р.Н. Верховского, И.П. Дикого, Е.А. Киселевой-Билимович и архитекторов А.В. Папкова и И.А. Рыка⁴¹⁶. Из остальных выставок наиболее яркой была выставка Общества русских художников в Королевстве СХС, открытая 3 мая 1928 г. в павильоне Дома офицеров в Белграде. Внимание и заслуженный интерес критиков привлекли работы русских деятелей прикладного искусства В.И. Жедринского и А.А. Вербицкого, скульптуры Р.Н. Верховского и

В.П. Загороднюка, но некоторые авторы (Б.И. Пастухов, Варун-Секрет и скульптор Алисов) подверглись и уничижительной критике⁴¹⁷.

Русские архитекторы в Югославии не ограничивались коллективными выставками своих живописных и скульптурных произведений. Их деятельность в архитектуре, строительстве и обустройстве интерьеров была также отмечена печатью традиционализма и имела исключительное значение в истории искусств Югославии межвоенного периода.

Архитектура

Только одна краткая сводка о состоянии архивных фондов уже крайне наглядно свидетельствует о вкладе русских архитекторов в развитие архитектуры Белграда и Югославии в межвоенный период: «В Историческом архиве Белграда, в фонде Технической дирекции мэрии города Белграда, из 20 тыс. сохранившихся проектов около 10% составляют проекты, созданные русскими архитекторами-эмигрантами»⁴¹⁸. Если иметь в виду тот факт, что число русских беженцев в Королевстве Югославия составляло лишь 0,35% от общего количества населения, то эти данные могут показаться невероятными. Огромный труд более чем 70 архитекторов (только тех из них, которые в это время жили и трудились в Белграде) не мог остаться незаметным. В одном только Белграде из осуществленных проектов русских архитекторов минимум семь имеют ключевое историческое и архитектурное значение, к ним, несомненно, относятся следующие здания: Министерства финансов (угол улиц Князя Милоша, 22 и Неманиной), частично спроектированное Н.П. Красновым; Министерство лесов и горной добычи и Министерство сельского и водного хозяйства (угол улиц Князя Милоша, 22 и Неманиной), также выполненные по проектам Краснова; Русский дом имени императора Николая II (улица Королевы Натальи, 33), построенный по проекту В.Ф. фон Баумгартена; здание Патриархии (улица Короля Петра, 5), построенное по проекту В.В. Лукомского; небольшая церковь Св. Саввы на Врачаре (Крушедольская, 20), также построенная по проекту Лукомского; Главная почта (угол Таковской улицы и бульвара Короля Александра), построенная по эскизам В.М. Андросова.

Из 70 русских архитекторов, которые жили и работали в Белграде и Югославии, наибольшее значение, конечно же, имели представители старшего поколения: Краснов, который еще в России снискал себе славу проектом Летнего дворца Николая II в Ливадии, в Крыму, спроектировал не только монументальные здания министерств и ряда частных домов в Белграде, но и часовню Негоша на Ловчене; Андросов, спроектировавший кроме здания Главной почты ряд общественных и жилых зданий в Белграде; Г.П. Ковалевский, проектировавший помимо всего прочего калемегданскую террасу и студенческое общежитие рядом с памятником Вуку Караджичу; Баумгартен, автор проекта Русского дома в Белграде, Офицерского дома в Скопье и Ипотечного банка в Панчево; Лукомский, проектировавший здание Патриархии. Среди молодого поколения русских архитекторов-проектировщиков особые достижения принадлежат Г.И. Самойлову, о котором можно сказать, что если работы Краснова наложили отпечаток на все двадцатые годы, то в 1930-х такое же воздействие оказали работы Самойлова — проекты Палаты пенсион-

ного фонда Народного банка на Теразиях, здание фонда Луке Человича — Требиньца (на углу улиц Князя Милоша и Андричева венца); В.В. Сташевскому, создавшему более тысячи реализованных и нереализованных проектов, А.В. Папкову, И.А. Рыку, Л.З. Макшееву, П.В. Крату, П.Д. Анагности и др.

С точки зрения стиля русские архитекторы межвоенного периода в большинстве случаев творили в рамках монументального академизма, удовлетворяя таким способом вкусу инвесторов. Их проекты часто были достаточно близки друг другу по некоторым общим характеристикам — представляли собой стереотипные композиции, узнаваемые по роскошным фасадам, монументальности и репрезентативности, богато декорированным поясам и венцам, балюстрадам, каменным вазам, балконам, роскошным куполам, рельефам и свободным скульптурам⁴¹⁹.

Данные о деятельности русских архитекторов в других балканских государствах в настоящее время отсутствуют.

Если русские литераторы, художники и архитекторы работали на Балканах, придерживаясь традиций и старых художественных направлений, отрицая новаторство еще и потому, что даже в искусстве не желали признавать ничего, что имело революционный оттенок, так как в этом они видели отзвук перелома, заставившего их покинуть родину⁴²⁰, то творчество русских театральных деятелей — режиссеров, актеров, оперных певцов, танцоров балета, постановщиков и декораторов — было намного ближе к современным театральным тенденциям.

Театр

Белградские газеты сообщили 8 декабря 1920 г., что в ходе своего европейского турне (которое из-за условий жизни в эмиграции продлилось целых пять лет, 1920—1924) из Константинополя через Софию в Белград прибыла часть труппы МХАТ (Московского художественного академического театра), под руководством О.Л. Книппер-Чеховой и В.И. Качалова⁴²¹. Это турне было исключительно важным для театральной публики и критики в Болгарии и Югославии. Театральная публика в балканских странах впервые получила тогда возможность увидеть учеников основоположников современного русского и мирового театрального искусства, К.С. Станиславского, Вл.И. Немировича-Данченко и В.Э. Мейерхольда⁴²². Можно сказать, что их приезд на Балканы ознаменовал начало русского влияния на развитие театральной жизни в Болгарии и Югославии.

В межвоенный период деятельность русских режиссеров, художников-декораторов, художников по костюмам, оперных певцов и балетных танцоров как в местных театральных учреждениях, так и в русских театральных и оперных труппах предопределила и обогатила театральную, оперную и балетную жизнь Белграда, Софии и других городов в Королевстве СХС и в Болгарии.

Роль русских драматических актеров в этом отношении была несколько меньшей, прежде всего из-за языкового барьера.

Нет сомнений, что наиболее глубокий след в театральной жизни Югославии из всех деятелей искусств оставил режиссер Ю.Л. Ракитин, выпускник Императорского театрального училища в Петербурге и ассистент Мейерхольда. Осенью 1920 г. Ракитин заключил контракт и 31 декабря 1920 г. прибыл через Софию в Королевство СХС. Наиболее известные работы он осуществил в белградском Народном театре и новосадском Сербском народном театре, кроме того, до войны он занимался режиссурой еще в Скопье и в Сараево, а после войны в Шабаце и Вршаце. Особенно заметными стали его постановки Чехова. Значительный вклад в развитие сербской и югославской театральной жизни вместе с Ракитиным внесли сценограф Л.М. Браиловский, который вместе с супругой Р.Н. Браиловской был основателем и заведующим художественным цехом Народного театра в Белграде; В.И. Жедринский, автор декораций и костюмов Народного театра в Белграде, Хорватского народного театра в Загребе, Сербского Народного театра в Новом-Саде и театров в Праге и Брно (а после Второй мировой войны ряда французских и югославских театров); В.П. Загороднюк, который в 1923–1940 гг. поставил 19 драм и 12 опер в белградском Народном театре. Важными художественными достижениями было ознаменовано также творчество художника А.А. Верещагина, художников по костюмам и сценографов А.А. Вербицкого и П.П. Фромана⁴²³.

Крайне важную роль сыграли русские деятели искусств и в развитии оперного искусства в межвоенной Югославии, прежде всего в белградском Народном театре (в котором опера вышла из фазы дилетантизма лишь в 1919 г., после того как директором был назначен С. Бинички). В ситуации, сложившейся в начале 1920-х годов, когда отечественных оперных певцов, стоявших на уровне выше любительского, было явно недостаточно, появление русских эмигрантов решающим образом повлияло на укоренение и популяризацию оперы в Белграде. Среди русских беженцев были как люди, профессионально занимавшиеся в России оперным искусством, так и те, кто благодаря домашнему воспитанию или просто природному таланту в эмиграции пели с успехом или просто зарабатывали и кормили семью пением. Примером этого был солист Новисадской оперы баритон В.С. Ширай, который не получил законченного музыкального образования, а окончил университет, поскольку в дворянском обществе дореволюционной России стремление к профессиональной подготовке в области искусств не было достаточно развито и не поощрялось. Однако еще студентом-юристом он брал уроки пения в консерватории, что позднее помогло ему построить успешную оперную карьеру за рубежом⁴²⁴. Как только первые эмигранты появились в Сербии, это сразу же отразилось на оперной жизни Балкан. Уже в первый сезон 1919/20 г. в Народном театре пела Е. Ловшинская, предвещая позднейшее, значительно более широкое вовлечение русских эмигрантов в деятельность белградской оперы. Это произошло уже в следующем сезоне, 1920/21 г., когда в Народном театре служили уже 17 русских артистов (12 певцов, 3 постановщика, один оперный режиссер и один дирижер). С тех пор русские артисты формировали сербскую оперную сцену. Из наиболее значительных солистов можно выделить сопрано К.Е. Роговскую-Христич, Е.И. Попову и Н.Г. Волевач; колоратурное сопрано С.Р. Драусаль, баритонов М.Н. Каракаша, П.Ф. Холодкова и Г.М. Юренева; баса Е.С. Марьяшеца

(единственного баса в первом составе оперной труппы), режиссера Ф.В. Павловского и главного хормейстера Н.М. Васильева (прежде эти должности в труппе также не были заняты постоянно). Русские певцы принесли в Белград итальянскую школу пения (большинство из них совершенствовались в пении в Италии или у итальянских педагогов в России)⁴²⁵.

Если о присутствии русских оперных деятелей можно сказать, что их роль в основании оперы в Белграде была важной, но все же не решающей, то в создании балета необходимо признать ключевым моментом приезд в Белград сначала известной балерины, представительницы школы пластического балета К. Исаченко, а чуть позднее и прославленной балерины Е.Д. Поляковой. Строго говоря, первое балетное выступление в Белграде связано с именем М. Бологовской на премьере оперы «Евгений Онегин» П.И. Чайковского 8 мая 1920 г. Однако формирование белградского балета было означено решением руководства Народного театра пригласить К. Исаченко и с 1 сентября 1920 г. поставить ее руководить так называемой Малой балетной школой, а с декабря — принять в качестве постоянной сотрудницы театра. Позднее эта школа волилась в Артистическо-балетное училище, основанное 1 ноября 1921 г., которое с осени 1922 г. возглавила известная балерина и педагог балетного искусства Е.Д. Полякова. В то же время, с начала 1920-х годов, публика в Белграде и в других городах страны могла следить за выступлениями известной балерины М.П. Фроман с партнерами и учениками (она была ангажирована загребским Хорватским народным театром). В первое десятилетие пребывания эмигрантов в Югославии русские деятели балета составляли костяк балетной труппы Народного театра в Белграде. В руководстве белградского балета в межвоенное время сменялись русские хореографы и руководители: К. Исаченко, Е.Д. Полякова, С. Стрешнев, Н. Кирсанова, Ф. Васильев, М.П. Фроман, Б. Князев, А. Жуковский, М.М. Оленина и Я. Васильева. Кроме них в качестве хореографов выступали Е.Н. Никольская и Б.Г. Романов. Среди постановщиков особенно были заметны В.А. Нелидов, О. Цакони и Д. Конради. Лишь к началу 1930-х годов благодаря педагогической активности Поляковой выросло первое поколение местного балета⁴²⁶.

Русские деятели театральных искусств в Югославии кроме местных национальных театральных и оперных учреждений творили и в рамках своих, русских драматических и оперных трупп, которые они сами создавали. Большинство этих трупп были недолговечны, иногда формировались ради двух-трех представлений, но, несмотря на это, они вносили реальный вклад в формирование общей картины русской театральной деятельности в Югославии.

Перелистывая все еще не полный список русских театральных обществ, можно обнаружить их возникновение практически в каждом месте, где существовала крупная русская эмигрантская колония — в Дубровнике, Херцег-Нови, Суботице, Нише, Нови-Саде и Загребе. Они выступали в русских ресторанах или местных залах. Большинство из них имели любительский характер, но некоторые по качеству вступлений приближались к профессиональному уровню, например известные группы в Белграде: Русское драматическое общество (основанное в 1925 г., в котором режиссурой занимались Ю.Л. Ракитин, А.А. Верещагин, Ф.В. Павловский и др.); театральная труппа «Комедия» режиссера Я. Шувалова (которая действовала в начале 1930-х годов); театр миниатюры «Ягодка», который основал В.И. Жедринский. Наибо-

лее известным довоенным русским театром был Русский общедоступный театр, который при материальной помощи Русского культурного совета основал в октябре 1929 г. русский актер А. Черепов. После открытия Русского дома в Белграде в 1933 г. этот театр давал спектакли в его помещениях⁴²⁷.

Аналогичное значение для развития местного театрального искусства имела и деятельность русских артистов в Болгарии. В ходе вышеупомянутых легендарных гастролей части труппы МХАТ в 1920 г. Софию посетил известный актер и режиссер Н.О. Массалитинов. Желание избавиться от неустроенности эмигрантского быта через пять лет вновь привело его в Софию в ответ на приглашение Народного театра. В течение последующих лет он не только стал самым известным русским режиссером в Болгарии, но и одним из наиболее влиятельных болгарских режиссеров, имевшим достижения как в области развития болгарского театра, так и в сфере болгарской драматургии. Кроме него исключительную роль в развитии Народного театра в Софии сыграл Ю.Д. Яковлев, который начал свою карьеру как режиссер театра «Ренессанс» в Софии, а в дальнейшем дважды, в 1922–1923-м и в 1933–1938 гг., был главным режиссером Народного театра. Помимо Массалитинова и Яковлева важное место в развитии болгарского театра занимали: сценограф Е.П. Ващенко, балерины Е.Г. Сахновская и Е. Жабчинская, оперные певицы В. Пионтковская и Л. Дуке, оперный режиссер М.М. Златин, тенор К.И. Каренин, пианист Болгарской филармонии Е.И. Столица и певец Н. Золотович. Всего в межвоенный период свыше 70 русских деятелей театрального искусства действовали в столице Болгарии. Некоторые из них, например артист балета Б. Князев или главный режиссер Народного театра И.Э. Дуван-Торцов, попеременно работали в Болгарии и Югославии.

Помимо участия в работе болгарских театральных учреждений русские эмигранты основывали свои театральные компании и труппы. Наиболее известными были Театр русской драмы, которым руководила Е. Базилевич и в чьем репертуаре были классические русские драматические постановки (например, в 1934 г. в пьесе «Дядя Ваня» заглавную роль играл Н.О. Массалитинов), и Русская оперная группа, основанная в Софии в 1922 г., под руководством Н.Д. Гукасова, которая вскоре переселилась в Пловдив, где ее члены и заложили основы Пловдивского городского оперного театра⁴²⁸.

Определенное разнообразие русскому театральному искусству на Балканах придавала творческая деятельность русских хоров, известных солистов классической музыки и различных оркестров. Особый шарм в театральную жизнь привносили относительно частые гастрольные визиты таких прославленных русских исполнителей, как, например, балерины Т.П. Карсавиной, певицы Н.В. Плевацкой или великого Ф.И. Шаляпина, который вряд ли бы посетил в ходе своих европейских турне Белград и Софию, если бы в них не существовали многочисленные русские эмигрантские колонии.

Совокупную картину культурной и художественной жизни русской эмигрантской колонии дополняло огромное количество русских журналов и газет, выходивших на Балканах. Они предоставляли широкое поле для самовыражения русского эмигрантского мира, который благодаря этому смог обратить на се-

бя внимание, так как печатные издания балканских стран лишь sporadически касались темы Зарубежной России.

Эмигрантская печать наглядно представляла собой яркое разнообразие эмигрантской общественной жизни. В этих изданиях отражалась вся динамика событий в Зарубежной России с широким спектром разногласий и надежд эмигрантов...

Журналистика

Согласно различным, более или менее полным, библиографическим данным на Балканах выходило более 100 русских газет, журналов и других периодических изданий⁴²⁹. Это число свидетельствует о толерантном отношении балканских властей (прежде всего в Болгарии и Югославии, где выходили почти все эмигрантские газеты и журналы), а еще больше — о настоятельной потребности самих эмигрантов в получении информации. На формирование у эмигрантов такой потребности повлияли несколько факторов: высокий образовательный уровень эмигрантской группы усиливал потребность в своевременной информированности; не стоит забывать, что жизнь в изгнании на психологическом уровне порождает «жажду информации», т.е. желание узнать, что происходит на родине и с другими товарищами по несчастью в изгнании; наконец, и сам беженский быт создавал потребность в своей специфической информации, например, в печати начала 1920-х годов нередко можно было найти доску объявлений по розыску родителей и детей, родственников и друзей, с которыми была потеряна связь в смутное время эвакуации, а позднее там стали преобладать объявления о трудоустройстве, о гастролях известных русских исполнителей и вообще о жизни эмиграции.

Любой из этих факторов мог послужить поводом для выпуска газет, но для их постоянного выхода требовалось найти деньги, завоевать публику и обладать большой долей энтузиазма. В развитии русской журналистики на Балканах (как, впрочем, и вообще в изгнании) легко прослеживаются три тенденции. Первая выражалась в том, что огромное количество изданий не могли прожить более двух лет, а многие умирали уже после первого номера или даже пробного выпуска. Вторая, менее распространенная, была характерна для изданий, которые своим высоким уровнем и долголетием заняли особое место в журналистике Зарубежной России — например, белградские газеты «Новое время» (1921–1930) и «Царский вестник» (1928–1940), софийские «Русь» (1922–1928, 1934–1936) и «За Россию» (1932–1940). Третью тенденцию представляли издания, которые, разделяя судьбу своих основателей и сотрудников, переселялись с места на место, из одной страны русского рассеяния в другую.

Чтобы получить целостное представление о характере эмигрантской журналистики, необходимо (руководствуясь, разумеется, принципом репрезентативной выборки) рассмотреть деятельность «долговечных изданий» и различную трансформацию (можно даже сказать — судьбу!) русских изданий, которые переселялись из страны в страну. С нашей точки зрения, наиболее подходящими примерами могли бы послужить белградская газета «Новое время», журнал «Зарницы», который начал выходить в Константинополе, а про-

должил выходить в Софии, а также журнал «Русская мысль», который начал выходить в Софии, откуда переселился в Прагу, потом в Берлин и наконец в Париж.

Первый номер ежедневной газеты «Новое время» — под тем же названием, под которым до 1917 г. выходила известная петербургская газета, — вышел в Белграде 22 апреля 1921 г. Ее начал выпускать М.А. Суворин, сын известного издателя петербургского «Нового времени» А.С. Суворина. В программной статье, открывавшей первый номер, редакция выступила за сохранение и развитие традиций дореволюционного издания, проводя идею прямой их преемственности. В газете было несколько постоянных и временных рубрик: «В Сербии», «Последние новости», «Вести из Галлиполи» (рубрика, посвященная жизни армии, под которой впоследствии печатались материалы военных союзов, обществ и братств ветеранов галлипольского лагеря), «Из России», «Из газет и журналов», «Информация», «Хроника», «Внутренняя жизнь» (о жизни русских колоний в Югославии) и др. Среди сотрудников встречались многие известные журналисты, ученые, мастера искусств: Ю. Дмитриев, Б.А. Суворин, А.Л. Погодин, А.А. Столыпин, Т.В. Локоть, Н.З. Рыбинский, В.Х. Даватц и др. «Новое время» уделяло особое внимание актуальным политическим и идеологическим проблемам и значительно меньше освещало культуру и искусство. Иногда печатались стихи русских (Балашова, Собина, Шумлевича, П.Ф. Евграфова и др.) и сербских поэтов (Дучича и Ракича в переводе Е. Вадимова), а также проза, путевые заметки и мемуары русских авторов (А.Л. Погодина, В. Хесина, Ю.Л. Ракитина, Н.З. Рыбинского). Постоянную рубрику «Маленький фельетон», посвященную международной политике и событиям в мире, с первого же номера редактировал А.М. Ренников, который вел эту рубрику и в дореволюционном издании. Русскому читателю была дорога рубрика «Библиография», редактором которой также был Ренников, посвященная книгам, поступившим в редакцию. «Новое время» публиковало и статьи-полемики, одна из таких нашумевших статей была посвящена отношению эмиграции к советской литературе, которая появилась в связи с постановкой на белградской сцене пьесы М.А. Булгакова «Дни Турбиных». В рождественских и пасхальных номерах газеты печатались обращения митрополита Антония к русским людям в изгнании. Редакционная концепция была проникнута монархизмом, который преобладал среди большинства эмигрантских кругов на Балканах и вообще среди значительной части Зарубежной России. Интересно, что редакция в 1925 г. даже расширила свою деятельность, так как в рамках типографии, которая печатала газеты, было основано издательство «М. Суворин и К^о», которое до конца 1920-х годов опубликовало несколько книг⁴³⁰.

Литературно-политический и научный журнал «Русская мысль» начал выходить в Софии в 1921 г. Его основал П.Б. Струве, пожелавший продолжить издание московского журнала того же названия, выходившего в 1880—1918 гг. Первые 12 номеров журнала вышли в течение 1921 г. в Софии. Когда в 1922 г. Струве переехал из Софии в Прагу, туда же перебратась и редакция журнала, но там вышло лишь семь первых номеров за 1922 г., следующие (и последние) пять номеров вышли уже в Берлине, куда Струве переехал в конце 1922 г. В Берлине журнал издавался до конца 1924 г., после чего удалось напечатать лишь один номер (№ 1 за 1927 г.), вышедший в Париже, где в то время жил

Струве. Таким образом, этот журнал, менявший места своего выхода в свет, отразил эмигрантскую судьбу и скитания по Европе своего основателя и главного редактора. Кроме П.Б. Струве в журнале публиковались и известные русские политики, философы, историки, публицисты и литераторы: В.В. Шульгин, Н.Н. Львов, Г.В. Флоровский, С.С. Ольденбург, К.И. Зайцев и др. Основное внимание журнала было обращено на публикацию мемуарных, исторических и философских произведений. Из важнейших мемуаров в софийский период издания журнала были опубликованы воспоминания В.В. Шульгина «1920 год» (№ 3/4–10/12 за 1921 г.) и «Дневник» З.Н. Гиппиус «Черная книга» (№ 1/2–3/4 за 1921 г.). Политическую хронику, которую составляли две рубрики — «Русские дела» и «Международные дела», — с 1921 г. редактировал С.С. Ольденбург. Место в журнале было предоставлено и литературе, литературной критике и библиографии. В софийский период редакция проявляла большой интерес к русской (дореволюционной и эмигрантской) и славянской (прежде всего болгарской) литературной проблематике, а также к проблемам фольклора и мифологии. Западноевропейская литература не была в центре внимания (опубликована всего одна статья, посвященная памяти Г. Флобера, № 8/9 за 1921 г.). Позднее, когда журнал выходил в Праге и Берлине, редакция ориентировалась исключительно на русскую эмигрантскую литературу. Из опубликованных литературных произведений наиболее заметными были стихи Н.С. Гумилева из книги «Огненный столп» (№ 10/12 за 1921 г.), стихи В. Сирина (В.В. Набокова, № 5/7 за 1921 г.), избранное из болгарской народной поэзии (№ 10/12 за 1921 г.), статья П.Б. Струве к столетию Ф.М. Достоевского «Пророк русского духовного возрождения» (№ 10/12 за 1921 г.), а также статья К.В. Мочульского «Поэтическое творчество Анны Ахматовой» (№ 3/4 за 1921 г.)⁴³¹. Похожую, типично эмигрантскую судьбу пережил и журнал «Зарницы».

Первый номер журнала «Зарницы» вышел в Константинополе 18 декабря 1921 г., а последний, 26-й — 6 ноября того же года в Софии. Это еженедельное издание основано по инициативе Н.Н. Чебышева, который после поражения армии генерала Врангеля и эвакуации Крыма находился во главе Бюро русской печати в Константинополе. Согласно замыслам своих основателей журнал должен был стать главным пропагандистским органом русской колонии в Константинополе, так как единственное русское периодическое издание, которое издавалось тогда в Константинополе, «*Presse du soir*», по требованию оккупационных властей выходило на двух языках и подвергалось крайне строгому контролю и цензуре. Именно по этим причинам, из-за строгого контроля и цензуры, Чебышев отказался от начальной идеи издания ежедневной газеты и в подзаголовке первого номера написал, что речь идет о простом альманахе. Несмотря на это, журнал все-таки вызвал бурную реакцию властей. По свидетельству самого Чебышева, «Французов разъярило то... <...> что нашлись ловкие люди, которые под носом у полиции союзников издавали политический журнал, одноязычный, без разрешения и предварительной цензуры». Поэтому уже после выхода второго номера журнал был запрещен. Тогда Чебышев решил печатать его в Софии и распространять в Константинополе. Но третий номер, который после месячного перерыва вышел с подзаголовком «Еженедельный общественный журнал», константинопольская полиция конфисковала — изъяла в книжных лавках, киосках, у уличных продавцов газет, объяс-

няя это тем, что, по мнению Комитета цензуры союзников, журнал публиковал сообщения, приказы, обращения и решения общественных организаций. После этого цензура союзников запретила продажу журнала в Константинополе и его пригородах. Но несмотря на это, Чебышев, и далее проживавший в Константинополе, смог наладить его распространение в городе, так как нашел лазейку в законе, который запрещал продавать, но ничего не говорил о бесплатной раздаче. Полиция продолжала преследовать тех, кто распространял журнал, но он все-таки доходил до читателей. Конечно же, бесплатное распространение крайне негативно отразилось на материальном положении редакции, что и обусловило скорое прекращение выхода журнала. В процессе краткосрочной и безуспешной борьбы за существование редакция еще два раза сменила подзаголовок журнала: с № 8 на «Русский национальный еженедельник», а с № 13 на «Русский еженедельник». Кроме того, на обложке постоянно печаталось предупреждение: «Запрещена продажа в Константинополе».

Политические проблемы, которые стояли на пути выхода журнала в свет, были связаны с близостью самого Чебышева к генералу Врангелю и с тем фактом, что журнал представлял собой полуофициальное издание Русской армии (чаще всего его раздавали в военных лагерях вокруг Константинополя), существование которой не вызывало симпатий французского оккупационного управления, стремившегося к расформированию этих военных частей. В качестве редактора журнал формально подписывал И.М. Калинин, молодой журналист, который в России редактировал киевскую газету «Вечерние огни». На самом же деле он занимался только организационной работой, а основные обязанности по изданию и редактированию журнала выполняли, кроме самого Н.Н. Чебышева, бывшие редакторы севастопольской неомонархической газеты «Великая Россия» Н.Н. Львов и В.М. Левитский. Редакционная политика сводилась к публикации общественно-политических статей, эссе, интервью, анализов и т.д. Центральной темой каждого номера была жизнь русских изгнанников в Константинополе, а также в балканских странах. Несмотря на незначительный объем журнала, редакция смогла привлечь к написанию статей большое число квалифицированных сотрудников, известных политиков, общественных деятелей и журналистов: кн. П.Д. Долгорукова, К.В. Мочульского, гр. В.В. Мусина-Пушкина, А.И. Назарова, К. Острожского, В.С. Полянского, Б.К. Проскурякова, Я.Н. Репнинского, кн. Г.Н. Трубецкого, В.В. Шульгина и др. Печатались и литературные произведения: стихи М.А. Волошина, И.Г. Эренбурга, В.И. Горянского, В. Ленского, проза А.Т. Аверченко, Б.А. Лазаревского, И.Ф. Наживина, Е.Н. Чирикова и др. Особое внимание редакция уделяла творчеству молодых авторов и русских военных, прежде всего тех, кто обитал в лагере Галлиполи, не пренебрегали и критикой, и мемуарами, публиковавшимися в изгнании. Иногда писали даже о положении литературы и литераторов в Советской России (в № 20).

Судьбу журнала предопределила судьба самой Русской армии в Константинополе. Когда русские части в течение 1921 г. были переброшены в Болгарию и Королевство СХС, Константинополь потерял свое прежнее значение в топографии Зарубежной России. Тогда же прекратил свое существование и журнал «Зарницы». Бюро русской печати было закрыто, а Н.Н. Чебышев переселился в Софию⁴³². После переезда главного редактора и большей части

читателей (русских солдат) в Болгарию, где (в Софии) до тех пор печатался журнал, его выход прекратился. Таким образом, судьба журнала «Зарницы» стала еще одним преходящим явлением, которых было столь много в истории русской эмиграции.

Кроме науки, искусства, архитектуры и журналистики, русскую культурную жизнь на Балканах представляли русские музеи, торжественные церемонии в связи с празднованием известных дат русской культурной и политической истории, празднование Дня русской культуры, которым традиционно отмечали день рождения Пушкина. Творчество деятелей русской культуры на Балканах в большей степени было повернуто к прошлому, вдохновлено традициями и в основном обращено к русскому человеку в изгнании. Большинство русских художников с трудом могли принять идею революционных изменений, даже в культуре и искусстве, так как само понятие революции они не без основания связывали со своей тяжелой эмигрантской долей. Это может объяснить нам, почему русские интеллектуалы на Балканах в огромном большинстве не были носителями современных идей, а оставались защитниками традиционных культурных и художественных направлений (что привело, например, к несовпадению взглядов русских и сербских архитекторов на модернизм и академизм). Таким образом, даже в культуре был замечен конфликт между «старым» и «новым». Это было столкновение «двух обществ», где «старое» символизировало нормальную жизнь, приемлемые социальные ценности и ясно определенное место в обществе, а «новое» — те перемены, которые вызвали социальный и культурный хаос, отъезд в изгнание, общественную деградацию и вынужденное прозябание в культурно отсталой балканской среде. Со временем эта диссонансная культура Русского Зарубежья переплелась, срослась с культурой среды, которая ее окружала, став, пусть лишь одной своей стороной, ее неотъемлемой частью.

Русские эмигранты, которые жили и творили на Балканах, оставили свои ясно заметные следы — материальные, интеллектуальные, идейные и культурные памятники: книги, скульптуры, здания, богатое культурное наследие и свидетельства особого русского духа; от них остались ученики, научные и художественные школы, которые они создали, и учреждения, которые они основали. Эти заметные следы эмигрантской культуры дополняют наши представления обо всем комплексе жизни и переживаний русских беженцев на Балканах, об их коллективной социальной организованности, личном видении жизни на чужбине, свидетельствуют об определенной степени социальной, культурной и духовной адаптации и интеграции русского человека в этих краях.

В современной науке существует противоположная тенденция — уделять исключительное внимание феномену их культурного вклада в среду, в которой они оказались. Этот феномен, несомненно, представляет один из аспектов истории русской эмиграции на Балканах, причем именно тот, который относится к переплетению и срастанию русского эмигрантского общества и новой среды. Однако, хотя он и достаточно легко выделяется на общем фоне, этот феномен — если иметь в виду социальное положение и характеристики группы, ориентированность творчества на русских людей как публику в широком

смысле этого слова и укорененность в русских традициях — представлял собой достаточно маргинальный сегмент социальной жизни эмиграции как единой общности. Прежде всего нужно иметь в виду, что эмигранты отнюдь не имели сознательного желания попасть на Балканы, чтобы внести «культурный вклад» в развитие сельской балканской среды. Они были попросту изгнаны с родины, а их приезд и пребывание на Балканах были лишь последствием (часто нежелательным) сочетания различных факторов — поражения в Гражданской войне, эвакуации и эмигрантских скитаний. Конечно, не вызывает сомнения тот факт, что их деятельность в целом ряде направлений действительно представляла собой огромную ценность для среды, в которой они проживали и творили, и что в этом плане можно говорить об их заметном вкладе в межвоенное развитие балканских стран. Однако следует помнить и о том, что вопрос о культурном вкладе нельзя рассматривать изолированно от других исторических реалий, которые были с ним связаны. Подобный вклад был специфическим результатом столкновения высокообразованной и профессионально подготовленной эмигрантской деятельности с сельским окружением Балкан, в котором русские беженцы жили и творили; был следствием того, что балканские общества тяжело пострадали в только что отгремевших войнах, поэтому именно в начале 1920-х годов они имели потребность в ангажировании высокообразованных и опытных профессионалов в различных областях общественной и культурной жизни, которую русские эмигранты как раз помогли удовлетворить, и т.д. Не стоит забывать и тот несомненный факт, что творчество эмигрантов на уровне индивидуума было обусловлено как душевными порывами, так и нуждой (так как русские беженцы все-таки работали в первую очередь для того, чтобы получить средства к существованию и выживанию и чтобы получить адекватное место в новой среде).

Построение особого эмигрантского общества, характеристики группы, правовое положение, взаимное восприятие эмигрантов и нового окружения определяли общие рамки жизни отдельного человека в Зарубежной России, создание которых было начато еще на кораблях, увозивших эмигрантов в изгнание. Жизнь каждого беженца затрудняли проблемы адаптации и нисходящая социальная мобильность эмигрантов в их новом окружении. В этой ситуации степень идентификации эмигранта с группой во многом задавала тон жизнедеятельности русского человека на чужбине. Этот процесс влиял на психологическое равновесие отдельной личности, функционирование семейных связей, изменение места женщины в обществе, на положение, воспитание и взросление детей, а также на проблемы, связанные с трудоустройством и формированием быта.

---

¹ Совещание представителей русских беженских организаций Болгарии в Софии 1–12 августа 1921. С. 3–4.

² Список казачьих групп, станиц и хуторов в Европе, Казачий союз. Париж, 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р-6679. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1–5; то же в: Россия в изгнании... С. 410–412.

³ Арсеньев А. У излучины Дуная... С. 79.

⁴ Павлов Б.Л. Русская колония в Великом Бечкереке... С. 40–41.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-5763. Оп. 1. Ед. хр. 1–32.

⁶ Устав на Културно-просветително младежко дружество «Потешни на Петър I Велики», 1938 // ЦДИА. Ф. 264К. Оп. 2. А.е. 8336.

⁷ Врцтво Святеј Росји и Св. Влодзимierzа Ekspozytura 2 Oddział II Sztabu Głównego Polski, 1934. S. 129 // РГВА. Ф. 461. Оп. 1. Ед. хр. 190. Л. 223.

⁸ Црнић-Пејовић М. 55 година од објављивања листа «Россика» у Игалу // Библиографски вјесник. Цетиње, 1985. Г. 14. Бр. 2. С. 281–284.

⁹ Общество по распространению русской национальной и патристической литературы, 9 марта 1930 г. // АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Ед. хр. 260.

¹⁰ Учредителен протокол на «Руско-български дамски комитет във Варна», 16.7.1928 // ЦДИА. Ф. 264К. Оп. 6. А.е. 1440.

¹¹ Паламарчук П. «Белое дело» // Крестный путь Русской армии генерала Врангеля: (Из семейного архива Апраксиных-Котляревских). Рыбинск, 1996. С. 13.

¹² О Русской армии написано много как в межвоенный период, так и в особенности в последнее время. К наиболее значительным работам относятся, конечно: К вопросу о Русской армии. Париж, 1921; Русская армия в изгнании...; Русские в Галлиполи...; Даватц В.Х., Львов Н.Н. Русская армия на чужбине; Крюков П.И. Казаки в Чаталдже и на Лемносе...; Львов Н.Н. Белое движение; Миллер Е.К. Армия. Белград, 1924; Даватц В.Х. Годы...; Лазарев Б.П. Армия генерала Врангеля; Русская эмиграция в Дарданеллах; Кудрявцев Р. Белогвардейцы за границей. М., 1932; Каратеев М.Д. Белогвардейцы на Балканах: Воспоминания белого офицера. Буэнос-Айрес, 1977; Абданк-Косовский В. Русское Белое воинство в изгнании // Наши вести. N. Y., 1984. № 3/396; Протопопов Н.Н. Белая армия за рубежом // Кадетская переключка. N. Y., 1984. № 37. С. 103–127; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции; Врангель П.Н. Записки. Ч. 1–2; Wrangel A. General Wrangel: Russia's white crusader. N. Y., 1987; Гетманенко О.Д., Юшко А.А. Черная белая гвардия // Военно-исторический журнал. М., 1989. № 11; Спасов Л. Врангеловата армия и англо-френската дипломатия през април — ноември 1920 година // Военноисторически сборник. София, 1990. № 1. С. 21–31; Лехович Д. Белье против красных...; Российская эмиграция в Турции...; Назаров М. Миссия русской эмиграции; Русское зарубежье: Государственно-патриотическая и военная мысль; Иванов И.Б. Русский общевоинский союз; Ершов В.Ф. Белоэмигрантские концепции восстановления российской государственности; Домнин И.В. Русское военное зарубежье: Дела, люди и мысли (20–30-е годы) // Вопросы истории. М., 1995. № 11/12; Ершов В.Ф. Адаптация российской военной эмиграции в странах размещения в 1920-е годы // История российского зарубежья: Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. С. 84–92; Бортневский В.Г. Загадка смерти генерала Врангеля...; Крестный путь Русской армии генерала Врангеля...; Душа армии: Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российских вооруженных сил. М., 1997; Шабанов Я.В. Становление и развитие Русского общевоинского союза в 1920–1930-х гг. // Проблемы отечественной истории XX века: Сб. статей. М., 1997. С. 49–78; Русская военная эмиграция 20–40-х годов; Российская военная эмиграция в 1920–1930-е годы / Бегидов А.М., Ершов В.Ф., Парфенова Е.Б. и др. Нальчик, 1998; Спасов Л. Врангеловата армия в България...; Россия в изгнании...; Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. М., 1999.

¹³ О судьбе русского флота подробнее см.: Русская армия в изгнании... С. 17–18; Россия в изгнании... С. 68–88.

¹⁴ Подробнее см.: Русская армия в изгнании... С. 1–17; Даватц В.Х. Годы... С. 34–55, 105–109, 123–181; Лазарев Б.П. Армия генерала Врангеля; Јовановић М. Досељавање... С. 142–156, 243–246; Спасов Л. Врангеловата армия в България... С. 62–165; Ершов В.Ф. Российская военная эмиграция в 1921–1939 гг. М., 1996. С. 112–130 (рукопись канд. диссерт.); Российская эмиграция в Турции... С. 53–77; Российская военная эмиграция в 1920–1930-е годы / Бегидов А.М., Ершов В.Ф., Парфенова Е.Б. и др. С. 19–55; В Королевство СХС были переброшены четыре отдела Главного штаба Русской армии: отдел Генерального штаба во главе с главнокомандующим, информационный, личный и специальный; в Болгарии были размещены три отдела: по снабжению, санитарный и судебный (Е.К. Миллер — П.Н. Врангелю, 4 января 1922 г. // Hoover. Vrang. 94.24).

¹⁵ Русская армия в изгнании... С. 2–3.

¹⁶ Россия в изгнании... С. 91.

¹⁷ П.А. Кусонский — М.А. Кедрову // Hoover. Vrang. 94.24; Военный суд согласно распоряжению П.Н. Врангеля от 31 декабря 1920 г. был полномочен решать дела и гражданских беженцев в Константинополе и принимал свои решения по законам военного времени при рассмотрении: 1) умышленного убийства; 2) изнасилования; 3) разбоя; 4) вооруженного ограбления; 5) поджога

и умышенного утопления чужого имущества; 6) вооруженного сопротивления властям или нападения на официальных представителей армии, полиции и вообще на любое официальное лицо, находящееся при исполнении служебных обязанностей <...>; 7) кражи государственного имущества на территории, которая находится под контролем командира корпуса; 8) присвоения, кражи, покупки и приема в залог армейских боеприпасов, оружия, предметов военной формы, белья, лекарств и других предметов военного снабжения, вообще всего, что принадлежит воинским институтам // ГАРФ. Ф. Р-5801. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 23.

¹⁸ О размещении, трудоустройстве и жизни Русской армии в Королевстве СХС и Болгарии в начале 1920-х годов подробнее см.: *Јовановић М. Доселаванье...* С. 148–156, 243–246; *Спасов Л. Врангеловата армия в България...* С. 62–113.

¹⁹ См. детальный анализ событий в Болгарии в 1922–1923 гг., связанных с Русской армией и ее отношением к внутривойсковым изменениям в стране в: *Спасов Л. Врангеловата армия в България...* С. 123–159, 204–213; а также: *Даскалов Д. Бялата емиграция в България.* С. 40–55.

²⁰ В ходе конференции 14 апреля 1922 г. произошла встреча главы болгарского правительства А. Стамболийского и председателя Совнаркома УССР Х.Г. Раковского, направившего официальной Софии перед самым началом конференции ноту с предупреждением о том, что существуют конкретные данные о действиях врангелевцев и генерала А.П. Кутепова, направленных против Украины, и что украинское советское правительство в случае нападения врангелевцев будет рассматривать его как нападение со стороны Болгарии. Советская Украина обратилась к Софии с призывом о мире и добрососедских отношениях. При встрече с Раковским Стамболийский согласно его выражению дал «учтивейший ответ на ноту», а несколько дней спустя и его заместитель Р. Даскалов уверял украинское советское правительство в том, что Болгария не допустит враждебных акций со своей территории против Советской Украины (*Спасов Л. Врангеловата армия в България...* С. 129).

²¹ Первые недоразумения возникли уже в марте. Тогда русское верховное командование разработало планы для «весеннего наступления» против Советской России (подробнее: *Бортневский В.Г. Загадка смерти генерала Врангеля...* С. 19–20), которые попали в руки БКП и 20 марта были опубликованы в органе БКП «Работнически вестник» (1922. 20 марта. № 240). Эти планы были представлены как подготовка государственного переворота, что вызвало серьезные возмущения в стране. В апреле и мае не только коммунистическая печать, но и все большее число газет, близких к партии власти, продолжили публикацию фальсифицированных документов, с тем чтобы доказать, что русские войска собираются сместить правительство. Эмигрантская печать, представители русских общественных организаций и Главного штаба Русской армии в Болгарии пытались противостоять развязанной против Русской армии кампании, но их призывы и аргументы остались без внимания (*Даскалов Д. Бялата емиграция в България.* С. 40–41; а также: *Шкаренко Л.К. Агония белой эмиграции.* С. 43–44). О деятельности, направленной против Русской армии, БКП оповестила в середине мая Коминтерн и коммунистические партии других стран, см. обращение В. Коларова 20 мая 1922 г. от имени ЦК КП Болгарии к ЦК компартий Франции, Италии, Англии, Германии, Польши, Чехословакии, Австрии, Венгрии, Югославии, Румынии и Греции в кн. Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала — середины 1920-х годов. М., 2000. Ч. 1. С. 19–22.

²² *Даскалов Д. Бялата емиграция в България.* С. 44; а также: *Шкаренко Л.К. Агония белой эмиграции.* С. 43.

²³ Впервые ЦК БКП поднял вопрос о размещении частей Русской армии в Болгарии на заседании, состоявшемся 26 декабря 1921 г., подчеркивая, что этот шаг болгарского правительства представляет собой враждебный акт по отношению к Советской России и Советской Украине (см.: *Шкаренко Л.К. Агония белой эмиграции.* С. 43). После этого, по инициативе БКП, Народное собрание Болгарии на заседании, состоявшемся 22 марта 1922 г., вновь рассмотрело вопрос о Русской армии, при этом военный министр отвел все обвинения в адрес армии, однако был вынужден издать секретный приказ об изъятии оружия у всех русских частей, а Высший административный совет Болгарии постановил «приступить к срочному и окончательному разоружению врангелевских частей» (*Даскалов Д. Бялата емиграция в България.* С. 41, 44).

²⁴ В телеграмме, обращенной к болгарскому послу в Белграде К. Люцканову, П.Н. Врангель решительно заявил: «Я остро возражаю против любых попыток втянуть армию в политическую борьбу, ведущуюся болгарской оппозицией против своего правительства» (цит. по: *Даскалов Д. Бялата емиграция в България.* С. 43); см. также: Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Т. 1. Кн. 2. С. 627–631. В левой печати это заявление совершенно необоснованно было прокомменти-

ровано как напоминание болгарскому правительству о том, что русское командование отказывается нести ответственность за возможные меры по самозащите, которые ее вынуждают принять (Даскалов Д. Бялата эмиграция в България. С. 44).

²⁵ А. М. Петряев — В. Н. Штрандтману, 14 апреля 1922 г. // Hoover. Girs. 30.3.

²⁶ Спасов Л. Правительство на БЗНС, българо-съветските отношения и руските белоэмигранти // Исторически преглед. София, 1979. № 2. С. 67.

²⁷ Спасов Л. Врангеловата армия в България... С. 129.

²⁸ В литературе приводятся две даты ареста Самохвалова — 4 мая (Даватиц В. Х. Годы... С. 168; Даскалов Д. Бялата эмиграция в България. С. 48) и 6 мая (Спасов Л. Врангеловата армия в България... С. 131); а также два различных названия должности, им занимаемой — офицер разведки русского верховного командования, который прибыл в Болгарию для подготовки планировавшегося и отложенного в апреле визита генерала Врангеля (Даватиц В. Х. Годы... С. 168—169; Даскалов Д. Бялата эмиграция в България. С. 48), и глава русской контрразведывательной службы в Софии (Спасов Л. Врангеловата армия в България... С. 131).

²⁹ Согласно данным, опубликованным в болгарской и советской литературе, в десятитомном архиве Самохвалова были обнаружены многочисленные приказы генерала Врангеля, данные о болгарских складах вооружения, железнодорожной сети, портах, карты районов, стратегических объектов, крупных городов с отмеченными важнейшими объектами на их территориях, а также данные о политических партиях и политиках. Согласно комментариям вышеприведенных источников это несомненно указывало на планировавшийся переворот (это мнение характерно даже для некоторых достаточно объективных исследователей наших дней: Спасов Л. Врангеловата армия в България... С. 131). Конечно, более ранние исследования были более категоричны по этому вопросу, безо всяких колебаний обвиняя генерала Врангеля и русское верховное командование в подготовке переворота (см.: Даскалов Д. Борбата на българския народ под ръководство на БКП против заговора на Врангел през 1922 г. // Военноисторически сборник. София, 1956. Т. 2. С. 38—81; Митев Й. Борбата на Българската комунистическа партия... С. 70—170; Чернявский Г. И., Даскалов Д. Борбата на БКП... С. 80—85, 105; Спасов Л. Правительство на БЗНС... С. 67; Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. С. 44). Вся эта проблема выглядит еще более интригующей, если вспомнить, что русские эмигрантские авторы уже в 1920-х годах однозначно доказывали, что заговора не было, а большинство документов из архива Самохвалова сфальсифицированы советскими органами (см.: Даватиц В. Х. Годы... С. 168—172). Даже отдельные советские авторы уверенно, с полным знанием источников и литературы утверждали, вопреки сторонникам теории заговора, что «настоящие документы, которые содержали бы описание конкретных планов государственного переворота в Болгарии, задуманного врангелевскими генералами и болгарской оппозицией, до сих пор не найдены», а также то что авторы, говорившие о существовании подобных документов, писали свои работы на основании «материала пропагандистского характера, вырванного из публикаций или речей депутатов в парламенте», и «что среди многочисленных цитат... нет ни одной, которая прямо бы свидетельствовала о готовности болгарской буржуазии и врангелевцев на открытые действия» (см.: Гришина Р. П. Возникновение фашизма в Болгарии 1919—1925 г. София, 1976. С. 93).

³⁰ Спасов Л. Врангеловата армия в България... С. 133.

³¹ О версиях ареста, представленных А. П. Кутеповым (как следствие предательства полковника Топалджикова, который нарушил данное им честное слово офицера, что арест Кутепову не угрожает) и Н. Топалджиковым (который еще в первом телефонном разговоре с Кутеповым утверждал, что тот обвинялся в организации вооруженного сопротивления), подробнее см.: Спасов Л. Врангеловата армия в България... С. 133—134.

³² П. Н. Врангель — А. Стамболийскому // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 54. Л. 22; П. Н. Врангель — А. В. Тырковой-Вильямс, 1 июня 1922 г. // Там же. Л. 12—14; Материалы по вопросу о преследовании русских в Болгарии. 10 июня 1922 г. // Там же. Л. 9—11.

³³ Ряд нот по этому поводу, почти из всех европейских столиц, чаще всего из Парижа, Праги и Белграда, прибыл в Софию через дипломатических чиновников или прямо по адресу высших государственных властей, см.: ЦДИА. Ф. 176к. Оп. 4. А. е. 2740.

³⁴ Спасов Л. Врангеловата армия в България... С. 134; согласно другим данным был изгнан 31 генерал (Даскалов Д. Бялата эмиграция в България. С. 51).

³⁵ Спасов Л. Врангеловата армия в България... С. 146.

³⁶ Так, 3 сентября в придел русской церкви в Софии власти подкинули ящик с оружием, который был затем, якобы случайно, найден как компрометирующее доказательство заговора Рус-

ской армии, на следующий день была обыскана квартира генерала Ронжина, а 5 сентября был арестован генерал Романовский и изъят его архив, что дало возможность советским агентам подготовить сфальсифицированные документы и т.д. (см.: *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 154).

³⁷ Об этом и сам С. Трифонов, находясь уже в изгнании, рассказывал влиятельному политику К. Тодорову, подчеркивая, что он был обманут и получил всего лишь 20 тыс. левов и золотую табакерку из всего, что ему было обещано. См.: *Тодоров К.* Изповедта на една луда балканска глава. София, 1994. С. 259–260; *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 155; Интересно отметить, что и некоторые более поздние авторы сомневаются в том, что документы, опубликованные в печати в середине сентября, были фальсификацией (*Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. С. 62–63; это мнение было характерно для более ранних исследований: *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. С. 44).

³⁸ *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 157.

³⁹ Там же. С. 157–159; *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. С. 66.

⁴⁰ *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. С. 69.

⁴¹ *Врангель П.Н.* Приказы № 270 и 271 от 4 июля 1922 г. // Бортневский В.Г. Загадка смерти генерала Врангеля... С. 106–107; см. также: Русская армия в изгнании... С. 15.

⁴² *Протопопов Н.Н.* Белая армия за рубежом. С. 109.

⁴³ Согласно современным исследователям «верховное командование в первое время после войны не смогло понять военные организации как способ сохранения армии в эмиграции» (Россия в изгнании... С. 90). С этим мнением можно согласиться лишь в том смысле, что в 1921–1922 гг. верховное командование не сразу приступило к координации учрежденных союзов. Однако источники свидетельствуют, что Врангель, а также верховное командование сразу же после эвакуации Крыма, т.е. в конце 1920 г., попытались «организовать в союзы и связать таким образом с Армией» тех солдат и офицеров, которые добровольно или вынужденно перешли на положение гражданских лиц (см.: *Архангельский А.П.* Об организации офицерских обществ и союзов, февраль 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 3–4); Так, уже в январе 1921 г. на основании рекомендации Главного штаба в Королевстве СХС были «предприняты меры по объединению офицеров Генерального штаба, военных топографов и танкистов» (С.Н. Потоцкий — П.Н. Шатилову, 2 февраля 1921 г. // Hoover. Miller. 5).

⁴⁴ Справка о РОВСе // ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 5а.

⁴⁵ Отчет о деятельности Совета союзов и обществ бывших русских воинов, находящихся в Турции в период с 23 июля 1921 г. по 23 июля 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 105–107; *Архангельский А.П.* Об организации офицерских обществ и союзов, февраль 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 3; *Протопопов Н.Н.* Белая армия за рубежом. С. 111.

⁴⁶ Это позволило ряду авторов утверждать, что процесс формирования союзов, обществ и организаций имел стихийный характер и проходил без определенного плана, даже без ясно сформулированных целей и задач. Такой вывод авторы подкрепляют тем, что и сами основатели организаций рассматривали их как временные институты, которые должны были бы объединить военных до падения большевистского режима. В то же время подчеркивается, что генерал Врангель и после принятия образца устава не приступил к быстрому объединению всех существовавших организаций, так как не желал вступать «в открытый конфликт с руководством союзов и избрал тактику их постепенного подчинения влиянию верховного командования» (см.: Россия в изгнании... С. 90–91).

⁴⁷ Там же. С. 90.

⁴⁸ Классификация проведена на основании: *Архангельский А.П.* Об организации офицерских обществ и союзов, февраль 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 4–7, при этом введена и четвертая категория — мемориальные союзы и общества. Отдельные авторы создавали и чересмерно детальные классификации на 14 групп. См.: Россия в изгнании... С. 92–98.

⁴⁹ Там же. С. 91.

⁵⁰ *Протопопов Н.Н.* Белая армия за рубежом. С. 109–110.

⁵¹ *Врангель П.Н.* Распоряжение от 7 апреля 1923 г.; *Миллер Е.К.* Положение о русских офицерских судах чести, апрель 1920 г. // ГАРФ. Ф. Р-5928. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 37–37 об.

⁵² Всем офицерам, не бывшим членами союзов, но считавшим себя состоявшими в армии, было приказано войти в один из союзов в стране, в которой они проживали; всем офицерам, которые не считали себя частью действующей армии, было рекомендовано выйти из союзов; офицерам, находившимся параллельно с воинскими союзами в политических партиях, было приказано выйти

или из армейских обществ, или из состава политических организаций, в которые они входили. См.: *Врангель П.Н.* Распоряжение от 8 сентября 1923 г. // Бортневский В.Г. Загадка смерти генерала Врангеля... С. 117–119; Справка о РОВСе // ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 5а; П.А. Кусонский — И.А. Ронжину и А.А. фон Лампе, 25 июля 1924 г. // Там же. Л. 30; В литературе этот приказ рассматривается в работах: *Протопопов Н.Н.* Белая армия за рубежом... С. 112; *Шабанов Я.В.* Становление и развитие Русского общевойскового союза в 1920–1930-х гг. // Проблемы отечественной истории XX века: Сб. статей. М., 1997. С. 55–59; Россия в изгнании... С. 98–99.

⁵³ П.Н. Врангель — вел. кн. Николаю Николаевичу, 12 сентября 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 2.

⁵⁴ *Врангель П.Н.* Приказ от 1 сентября 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 83–83 об.; Врангель П.Н. — вел. кн. Николаю Николаевичу, 12 сентября 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р-5826. Ед. хр. 58. Л. 5–6 об.

⁵⁵ П.А. Кусонский — Э.В. Экку, 12 сентября 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 96.

⁵⁶ Справка о Русском общевойсковом союзе // Там же. Л. 7; *Иванов И.Б.* Русский общевойсковой союз. С. 5; *Протопопов Н.Н.* Белая армия за рубежом. С. 113–114; *Шабанов Я.В.* Становление и развитие Русского общевойскового союза в 1920–1930-х гг. С. 55–59; Российская военная эмиграция в 1920–1930-е годы / *Бегидов А.М., Ершов В.Ф. и др.* С. 66–67; Россия в изгнании... С. 100. Согласно первоначальному плану должно было быть сформировано всего пять отделений, при этом территория Балкан была разделена на два из них — четвертое и пятое. См.: *Врангель П.Н.* Приказ от 1 сентября 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 83 об.

⁵⁷ Справка о Русском общевойсковом союзе // Там же. Л. 7.

⁵⁸ Там же. Л. 66 об.

⁵⁹ В приказе Николая Николаевича от 16 ноября было определенно сказано: «Ради полного объединения вокруг моей личности всех воинов... я принимаю на себя руководство через Главного командующего как Армии, так и всеми военными организациями» (цит. по: Российская военная эмиграция в 1920–1930-е годы. С. 68–69). См. также: Справка о Русском общевойсковом союзе // ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 6–6 об.; *Иванов И.Б.* Русский общевойсковой союз. С. 4.

⁶⁰ Россия в изгнании... С. 99.

⁶¹ Справка о Русском общевойсковом союзе // ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 6.

⁶² Там же.

⁶³ Это разочарование Врангель наиболее открыто выразил в беседе с австрийским послом в Белграде, оказавшимся его попутчиком в вагоне поезда, в котором Врангель уезжал в Вену в 1925 г., что этот представитель Австрии расценил как неблагодарность по отношению к стране, которая проявила свое гостеприимство (ADR. AA. Bothaft Belgrad. 1922–1925. 2. Politische Berichte 1925. Z. 4. Pol. 1925).

⁶⁴ П.Н. Врангель — вел. кн. Николаю Николаевичу, 7 февраля 1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 186.

⁶⁵ Справка о Русском общевойсковом союзе // ГАРФ. Ф. Р-5826. Ед. хр. 15. Л. 6.

⁶⁶ Эти группы существовали в Батоновцах, Бургасе, Варне, Велико-Тырнове, Габрово, Горней-Оряховице, Кочериново, Ломе, Мездре, Нова-Загоре, Новосиелках, Орехово, Пернике, Плевне, Пловдиве, Русе, Севилево, Сливене, Софии, Станимке, Старой-Загоре, Хасково, Шумене (III Oddział R.O.W.S'u w Bułgarii, Ekspozitura 2 Oddział II Sztabu Głównego Polski. T. I // РГВА. Ф. 461/к. Оп. 1. Ед. хр. 190. Л. 33).

⁶⁷ Там же. Л. 35–37.

⁶⁸ Там же. Л. 33–35.

⁶⁹ Там же. Л. 38–45; *Карнов Б.* Русские воинские организации в Югославии // Часовой. Bruxelles, 1939. 5 июля. № 236/237. С. 14.

⁷⁰ Rumunja, Rosyjski Ogólnowojskowy związek, Kiszynów, Ekspozitura 2 Oddział II Sztabu Głównego Polski. T. II // РГВА. Ф. 461/к. Оп. 1. Ед. хр. 191. Л. 32–33.

⁷¹ Oddziały I-go korpusu R.O.W.S'u rozlokowane w Jugosławiji., Ekspozitura 2 Oddział II Sztabu Głównego Polski. T. I // Там же. Ед. хр. 190. Л. 43.

⁷² Doński Korpus znajduje się częściowo w Bułgarii, częściowo zaś we Francji i Węgrzech, Ekspozitura 2 Oddział II Sztabu Głównego Polski. T. I // Там же. Л. 82–83.

⁷³ *Иванов И.Б.* Русский общевойсковой союз. С. 5.

⁷⁴ Некоторые историки считают, что неожиданная смерть П.Н. Врангеля была связана с успешной операцией ОГПУ. Эти утверждения вызваны тем, что Врангель умер в относительно молодом возрасте, прожив всего 49 лет; причину его смерти не смогли определить ни русские, ни

бельгийские врачи; согласно утверждениям очевидцев он был незадолго перед смертью полон энергии, здоровья, но за несколько дней «просто угас»; после его смерти появились слухи об участии советских спецслужб в его ликвидации; сын Врангеля неоднократно заявлял в начале 1990-х годов, что его отца убила советская тайная полиция (см.: *Протопопов Н.Н.* Белая армия за рубежом. С. 124; *Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля... С. 9–11, 78–86; *Иванов И.Б.* Русский общевоинский союз. С. 6). Все предположения о «ликвидации» Врангеля связаны с тем, что непосредственно перед его смертью его дом в Брюсселе посетил моряк из Советского Союза, который якобы был в гостях у своего брата и после этого больше ни разу не появлялся в доме Врангеля. На этом основании делается вывод, что он намеренно заразил Врангеля «прогрессивным туберкулезом». Врачи отрицают такую возможность с точки зрения современной медицины и бактериологии, исходя как из характера самой болезни, так и из особенностей ее распространения (согласно беседе автора с И.Н. Качаки).

⁷⁵ Справка о Русском общевоинском союзе // ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 6а.

⁷⁶ Все акции этого рода заканчивались неудачно, а большинство добровольцев, направленных для их выполнения, погибли (А.Э. фон Адеркас, А.Б. Болмасов, М.В. Захарченко-Шульц, Д.С. Мономахов, Ю.С. Петерс, Г.Н. Радкович, В.А. Самойлов, С.В. Соловьев, А.А. Сольский, Н.П. Строевой, И.М. Сусалин, А.А. Шорин, и др.) (Работа там. София, 1934. См.: *Иванов И.Б.* Русский общевоинский союз. С. 6; *Протопопов Н.Н.* Белая армия за рубежом. С. 122; *Ершов В.Ф.* Белоземгрантские концепции восстановления российской государственности. С. 59; *Прянишников Б.В.* Незримая паутина: ВЧК — ОГПУ — НКВД против белой эмиграции. 2-е изд. СПб., 1993). Отдельные современные авторы, несмотря на вышеприведенные факты, известные в историографии, приходят к выводу о том, что создание антибольшевистского движения на территории СССР осталось лишь на бумаге (см.: *Россия в изгнании... С. 113*). С этим мнением можно согласиться лишь постольку, поскольку ни одна из антибольшевистских акций не вызвала заметных потрясений в стране, однако вряд ли можно отрицать сам факт существования этих, хотя и неуспешных, и самоубийственных, попыток.

⁷⁷ Справка о Русском общевоинском союзе // ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 6а; *Иванов И.Б.* Русский общевоинский союз. С. 7.

⁷⁸ Там же. С. 10; *Протопопов Н.Н.* Белая армия за рубежом. С. 124.

⁷⁹ Участие русских эмигрантов в частях Франко было единичным, всего в его армии погибли 34 русских добровольца, а 20 были ранены. Среди тех, кто особенно выделился, были генералы А.В. Фок и Н.В. Шинкаренко (см.: *Иванов И.Б.* Русский общевоинский союз. С. 8–9; *Протопопов Н.Н.* Белая армия за рубежом. С. 123).

⁸⁰ *Россия в изгнании... С. 112*; В отличие от мнения этих авторов, согласно которым РОВС официально прекратил свою деятельность с началом войны (это мнение не опирается на какой-либо исторический источник, и его практически невозможно проверить), другие авторы считают, что деятельность Русского охранного корпуса в годы Второй мировой войны на территории Югославии была частью истории РОВСа, основывая свой вывод косвенно на том, что 80% офицеров корпуса до войны были членами РОВСа (см.: *Иванов И.Б.* Русский общевоинский союз. С. 10–12).

⁸¹ *Россия в изгнании... С. 112*.

⁸² Оказание помощи и гуманитарная деятельность армейского командования в первые годы изгнания шли по двум направлениям: солдатам, инвалидам и семьям погибших выдавали ежемесячную материальную помощь либо прямо от верховного командования, либо, позднее, от РОВСа, либо через различные общества (Союз кавалеров ордена св. Георгия и св. Николая); кроме этого оказывалась медицинская, а иногда и правовая помощь, открывались дома престарелых, больницы и т.п. (*Архангельский А.П.* Об организации офицерских обществ и союзов, февраль 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 6–7; *Русская армия в изгнании... С. 22–25*; *Россия в изгнании... С. 112–113*).

⁸³ Забота о памяти павших соратников выражалась в формировании и поддержке различных мемориальных союзов и обществ, а также в открытии полковых музеев, комнат памяти отдельных частей и т.д. (*Россия в изгнании... С. 113*).

⁸⁴ Сразу же после эвакуации Крыма, еще в лагерях Галлиполи и Лемноса, несмотря на ужасные условия жизни, русские военные училища начали свою деятельность по программам мирного времени. Эта деятельность была продолжена открытием трех кадетских корпусов в Королевстве СХС и Кубанского военного училища им. генерала М.В. Алексеяева, Сергеевского артиллерийского, Атаманского военного и Николаевского кавалерийского училищ в Болгарии.

Кроме того, в первые годы изгнания армейское командование помогало молодым эмигрантам, прервавшим из-за войны свое обучение, продолжить получение образования в одном из университетов по новому месту проживания (Русская армия в изгнании... С. 19–21; *Протопопов Н.Н.* Белая армия за рубежом. С. 117–118).

⁸⁵ Справка о Русском общевойском союзе // ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 6а об.; а также: *Протопопов Н.Н.* Белая армия за рубежом. С. 118.

⁸⁶ Там же; Россия в изгнании... С. 110–111.

⁸⁷ Там же. С. 99.

⁸⁸ Распоряжение от 8 сентября 1923 г. // Бортневский В.Г. Загадка смерти генерала Врангеля... С. 119. Позиции о невмешательстве армии в политику генерал Врангель последовательно придерживался до конца жизни: П.Н. Врангель — вел. кн. Николаю Николаевичу, 7 февраля 1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 181–182.

⁸⁹ Об отношении армии к политике подробнее см.: Россия в изгнании... С. 106–109, 113.

⁹⁰ *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии 1921–1939 годы. С. 68.

⁹¹ Истории Русской православной церкви в XX в. посвящено огромное количество работ, в особенности много их было написано во второй половине века. Мы укажем здесь лишь те работы, которые могут послужить ключом к дальнейшему поиску более старой и близкой по теме соответствующей литературы: *Spinka M.* The Church and the Russian revolution. N. Y., 1927; *Hecker J.* Religion under the Soviets. N. Y., 1927; *Милоков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 2. Ч. 1. С. 203–261; *Curtiss J.* The Russian Church and the Soviet State 1917–1950. Boston, 1953; *Карташев А.В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. 1–2. Париж, 1959; *Константинов Д., прот.* Гонимая церковь: Русская Православная Церковь в СССР. Нью-Йорк, 1967 (М., 1999); *Fletcher W.* The Russian Orthodox 1917–1970. L., 1971; *Siede G.* Geschichte der Russischen orthodoxen Kirche im Ausland von der Gründung bis in die Gegenwart. Wiesbaden, 1983; *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. М., 1995; *Иоанн, архиеп.* Русская Зарубежная Церковь. Доп. В. Русаком. Jordanville, 1991; *Митрофанов Г., свящ.* Православная церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы; *Стефанов П., иером.* История на Руската православна църква през XX век. Шумен, 1997. В последние годы опубликован сборник «Акты Святейшего Тихона...» Источники, достаточно полно освещающие данную проблематику, представлены в кн.: *Митрофанов Г., свящ.* Православная церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. С. 85–142. Были опубликованы и значительные биографические (о митрополите Антонии) и автобиографические (митрополита Евлогия) работы руководящих лиц русской церкви в изгнании: *Никон, архиеп.* Краткое жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Белград, 1935; *Он же.* Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 5–7. Нью-Йорк, 1960; *Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной.*

⁹² Еще в межвоенное время публиковались исследования, обсуждавшие с позиции канонического права недавние события и отстаивавшие ту или другую сторону конфликта (см.: Каноническое положение Русской православной церкви за границей. Париж, 1927; *Федотов Г.* Зарубежная церковная смута // *Путь.* Париж, 1927. № 7; *Стратонов И.* Исходный момент русской церковной смуты последнего времени // Там же. № 12; *Он же.* Русская церковная смута 1921–1931; *Троицкий С.В.* Размежевание или раскол. Париж, 1932; *Он же.* Церковная смута и деволюционное право. Paris, s.a.; *Он же.* Митрополит Сергей и примирение русской диаспоры. Сремски Карловци, 1937). В последние годы появились работы, в которых авторы пытались историкографически объективно проанализировать события начала 1920-х годов. Однако большинство авторов, не смотря на стремление к объективности, становятся на позиции одной из сторон спора, защищая ее мнения и действия, что вызывает критику экспертов противоположного лагеря (см., напр.: *Родзянко М.* Правда о Зарубежной Церкви. Мюнхен, 1954; *Польский М., прот.* Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей. Париж, 1959; *Троицкий С.В.* О неправде карловацкого раскола: Разбор книги прот. М. Польского «Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей». Париж, 1960; *Казем-Бек А.* Прошлое и настоящее парижского раскола // *Журнал Московской патриархии.* 1969. № 4; *Зернов Н.М.* Юрисдикционные споры в русской Церкви в эмиграции и I всезарубежный собор в Карловцах в 1921 году // *Вестник Русского Христианского Движения.* Париж, 1974. № 114; *Ответ протоиерея Г. Граббе* // Там же. 1975. № 116. С. 146–152; *Комментарии Зернова* // Там же. С. 152–153; *Левитин-Краснов А., Шеваров В.* Очерки по истории русской церковной смуты. Париж, 1977. Т. 1–3; *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь...; *Григорий, еп.* К истории русских церковных разделений за гра-

ницей: Опровержение ошибок и неправд в сочинении Д. Поспеловского «The Russian Church under the Soviet regime 1917–1982». Джорданвилль, 1992; *Назаров М.* Миссия русской эмиграции. С. 143–215). Отдельные авторы писали об этой проблеме лишь в меру необходимости общего информирования читателя о природе конфликта, сознательно избегая объяснения и комментирования канонической стороны спора (*Косик В.И.* Русская церковь в Югославии 1921–1939 годы. С. 66–67).

⁹³ О Временном высшем церковном управлении и его деятельности на юге России во время Гражданской войны см.: *Росс Н.* Врангель в Крыму. С. 313–327; *Митрофанов Г., свящ.* Православная церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. С. 12–13; см. также: *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 197; *Раев М.* Россия за рубежом... С. 157.

⁹⁴ Постановление Святейшего Патриарха, Священного Синода и Высшего церковного совета от 7/20 ноября 1920 г. // *Митрофанов Г., свящ.* Православная церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. С. 86–88; митроп. Антоний — В.Н. Штрэндтману, 14 июня 1922 г., копия // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 38 об.; о значении этого акта подробнее см.: *Иоанн, архиеп.* Русская зарубежная Церковь. С. 5–6; *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 197; *Митрофанов Г., свящ.* Православная церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. С. 12–17; *Назаров М.В.* Миссия русской эмиграции. С. 156–159; The sorrowful path — the glorious path: Important dates in the history of the Russian Church Abroad // www.gocog.org/history/sorrowful_path.html. Важно подчеркнуть, что Д.В. Поспеловский, автор обширного труда по истории русской церкви в XX в., не цитирует этого акта в своем исследовании. По его мнению, ключевым документом, на котором Временное высшее церковное управление основывало свою каноническо-правовую деятельность, было разрешение Вселенского патриарха от декабря того же года: *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. С. 119; Резкую критику этого мнения Поспеловского остро см. в кн.: *Григорий, еп.* К истории русских церковных разделений за границей... С. 11–15.

⁹⁵ Митроп. Антоний — А.А. Нератову, 9 февраля 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 81; См. также: *Иоанн, архиеп.* Русская Зарубежная Церковь. С. 6; The sorrowful path...; В кругах эмиграции обращение Высшего церковного управления к Вселенской патриархии вызвало определенное недоумение с точки зрения канонического права (на это и реагировал русский посол в Константинополе А.А. Нератов). Но, как это позднее объяснил архиеп. Феофан, речь шла о непонимании того, что после переезда в Константинополь Высшее церковное управление оказалось «на территориях Константинопольской Патриархии» и поступило «согласно каноническим правилам и законам межцерковных взаимоотношений», так как, «естественно, была обязана просить о благословении Вселенской патриархии, что и было сделано» (А.А. Нератов — М.Н. Гирсу, 12 апреля и 27 мая 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 6–6 об, 77; архиеп. Феофан — А.А. Нератову, 21 мая 1921 г. // Там же. Л. 78–79).

⁹⁶ Митроп. Антоний — А.А. Нератову, 9 февраля 1921 г. // Там же. Л. 81.

⁹⁷ *Иоанн, архиеп.* Русская Зарубежная Церковь. С. 6; *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 197; *Раев М.* Россия за рубежом... С. 157; The sorrowful path...

⁹⁸ О решениях собора в Сремских-Карловцах: Деяния Русского Всеагличного Церковного Собора, состоявшегося 8–20 ноября 1921 года...; об организационной подготовке собора: В.Н. Штрэндтман — М.Н. Гирсу, 28 октября 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 55–56; митроп. Антоний — М.Н. Гирсу, 13 ноября 1921 г. // Там же. Л. 54–54 об., 58–60; Более подробно литература по этому вопросу указана в изд.: *Митрофанов Г., свящ.* Православная церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. С. 18–22; *Иоанн, архиеп.* Русская Зарубежная Церковь. С. 8; *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 198; *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии 1921–1939 годы. С. 66–67.

⁹⁹ *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. С. 120–121 (весьма резкая реакция на этот текст в кн.: *Григорий, еп.* К истории русских церковных разделений за границей... С. 8–13); *Иоанн, архиеп.* Русская Зарубежная Церковь. С. 8; *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 198; *Милоков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 1. С. 218.

¹⁰⁰ Новое время. Белград, 1921. 3 дек. № 184.

¹⁰¹ Там же. 1922. 1 марта. № 254; см. также: *Антоний, митроп.* Послание Мировой Конференции от имени Русского Всеагличного Церковного Собора // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 42–42 об.; *Никон, архиеп.* Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 6. С. 23–24; о важности этих актов см.: *Митрофанов Г., свящ.* Православная церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. С. 19–22; *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии 1921–1939 годы. С. 66–67.

¹⁰² Указ Святейшего Патриарха Тихона и соединенного присутствия Священного Синода и Высшего Церковного Совета об упразднении Карловацкого Всеамериканского Высшего Церковного Управления и подтверждении канонических прав митроп. Евлогия (Георгиевского) на управление православными русскими приходами в Западной Европе, с предложением реконструкции этого управления в будущем, 1922 г. // Акты Святейшего Тихона... С. 193–194; см. также: Указы Святейшего Патриарха Тихона, Священного Синода и Высшего Церковного Совета, № 348 и 349 от того же дня // Митрофанов Г., свящ. Православная церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. С. 95–96; В.Н. Штрандтман — М.Н. Гирсу, 10 сентября 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 28 об. — 29 об.; Согласно отдельным авторам патриарх Тихон принял этот указ под давлением большевистских властей, причем эти подозрения появились сразу же после публикации указа, встречаясь и в более поздней литературе, см. вышеуказанное письмо В.Н. Штрандтмана к М.Н. Гирсу, Л. 29 об.; *Иоанн, архиеп.* Русская Зарубежная Церковь. С. 8.

¹⁰³ Это решение описано в вышеуказанном письме В.Н. Штрандтмана к М.Н. Гирсу (Л. 29 об. — 30 об.), а также в письме архиеп. Феофана к М.Н. Гирсу 9 февраля 1923 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 109. Л. 1–1 об.; см. также: *Иоанн, архиеп.* Русская Зарубежная Церковь. С. 8; *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 198; *The sorrowful path...* Согласно некоторым не очень надежным данным «Епископский Синод в Сремски-Карловцах провозгласил себя за временного наследника Святейшего Синода Российской империи»: *Раев М.* Россия за рубежом... С. 157.

¹⁰⁴ Указы Святейшего Патриарха Тихона от 8 апреля 1921 г. и 30 января 1922 г. // Акты Святейшего Тихона... С. 174, 184–185. Вначале из-за отсутствия нормальных связей патриарха Тихона с иереями за границей митроп. Антоний понял этот указ как подтверждение компетенции и области полномочий Высшего церковного управления, но вскоре это недоразумение было устранено; см.: митроп. Антоний — М.Н. Гирсу, 31 июля 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 68; митроп. Антоний — В.Н. Штрандтману, 14 июня 1922 г. // Там же. Л. 38–38 об.

¹⁰⁵ *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 198.

¹⁰⁶ О реакции на эти решения и на распри, которые они вызвали, см.: Докладная записка еп. Серафима к предстоящему Собору по вопросу об организации Высшей Церковной Власти за границей, 23 февраля 1923 г. // ГАРФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 52–55 об.; митроп. Евлогий — Русскому архиерейскому собору 1923 года, 31 мая 1923 г. // ГАРФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 5–15; *митроп. Антоний.* Отчет об Архиерейском Собрании Русской Православной Церкви за границей 1924 г. // АЖ. Министарство вера. КJ 69. 175.276.

¹⁰⁷ Послание (Декларация) Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митроп. Нижегородского Сергия (Старгородского) и Временного при нем Патриаршего Священного Синода об отношении Православной Российской Церкви к существующей гражданской власти, 29 июля 1927 г. // Акты Святейшего Тихона... С. 512; Послание митроп. Сергия от 29 июля 1927 г. (*Митрофанов Г., свящ.* Православная церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. С. 136; *Поспеловский Д.В.* Русская православная церковь в XX веке. С. 139–154; *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 199. Согласно некоторым данным это решение было принято под давлением советских властей: *Иоанн, архиеп.* Русская Зарубежная Церковь. С. 10.

¹⁰⁸ Окружное послание Архиерейского Собора Русской православной Церкви за границей от 9 сентября 1927 г. (*Митрофанов Г., свящ.* Православная церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. С. 141, 142).

¹⁰⁹ *Митрофанов Г., свящ.* Православная церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. С. 78–80. О деятельности митроп. Платона и русской церкви в США подробнее см.: *Григорий, еп.* К истории русских церковных разделений за границей... С. 36–41; *Назаров М.* Миссия русской эмиграции. С. 171–172; *Окунцов И.К.* История русской эмиграции в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес, 1967 // www.wgconsulting.com/History/6_1-7_1.htm.

¹¹⁰ *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 199–200; *Назаров М.* Миссия русской эмиграции. С. 169–171; *Иоанн, архиеп.* Русская Зарубежная Церковь. С. 10–11.

¹¹¹ Резолюции съезда русских белых организаций. Август — сентябрь 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-5942. Оп. 5. Ед. хр. 133. Л. 3–4.

¹¹² Русская церковь в изгнании // Русская эмиграция 1920–1931: Альманах. Белград, 1931. Вып. 2. С. 9–10.

¹¹³ *The sorrowful path — the glorious path: important dates in the history of the Russian Church Abroad.*

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ О деятельности собора подробнее см.: Деяния Второго Всезарубежного Собора Русской Православной Церкви за границей...

¹¹⁶ Высшее военное руководство относилось к этой проблеме как к политическому конфликту в руководстве церкви. Он мог вызвать раскол среди эмигрантов, из-за чего всем членам РОВСа было запрещено принимать активное участие во внутрицерковных конфликтах. П.Н. Врангель — вел. кн. Николаю Николаевичу, 7 февраля 1928 г. // ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 182–183; Справка о Русском общевоеинском союзе // Там же. Ед. хр. 15. Л. 7.

¹¹⁷ The sorrowful path — the glorious path: important dates in the history of the Russian Church Abroad.

¹¹⁸ М.Н. Гирс — митроп. Антонию, 29 июня 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 105–106 об.

¹¹⁹ Митроп. Антоний — М.Н. Гирсу, 31 июля 1922 г. // Там же. Л. 68–69.

¹²⁰ А.А. Нератов — М.Н. Гирсу, 8 марта и 26 октября 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 19–20).

¹²¹ Там же. Л. 19.

¹²² Там же. Л. 17–17 об.

¹²³ А.А. Нератов — М.Н. Гирсу, 8 марта 1921 г. // Там же. Л. 26.

¹²⁴ А.А. Нератов — М.Н. Гирсу, 26 октября 1921 г. // Там же. Л. 17 об.—18 об.

¹²⁵ Там же. Л. 19.

¹²⁶ Там же. Л. 17–17 об.; опасения вмешательства Вселенской патриархии в русские церковные проблемы присутствовали и ранее, в особенности после эвакуации Крыма и появления огромного числа беженцев в Стамбуле: А.А. Нератов — М.Н. Гирсу, 8 марта 1921 г. // Там же. Л. 26 об.—27.

¹²⁷ Об устройстве русской церковной общины, 2 октября 1921 г. // Там же. Л. 22–22 об.; М.Н. Гирс — А.А. Нератову // Там же. Л. 12–12 об.; см. также: А.А. Нератов — М.Н. Гирсу, 26 октября 1921 г. // Там же. Л. 19–19 об.

¹²⁸ Об устройстве русской церковной общины, 2 октября 1921 г. // Там же. Л. 22 об.; А.А. Нератов — М.Н. Гирсу, 26 октября 1921 г. // Там же. Л. 20).

¹²⁹ Е.П. Демидов — М.Н. Гирсу, 24 марта 1921 г. // Там же. Л. 121).

¹³⁰ Ανακοίνωσις περί του Ρωσσικου νοσοκομείου και της Ρωσσικης εκκλησιας εν Πειραιει // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 174. Л. 5 об.—6.

¹³¹ Прот. П. Крахмалев — митроп. Антонию, 28 декабря 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Ед. хр. 231. Л. 36.

¹³² Русские беженцы в Греции // ГАРФ. Ф. Р-5780. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 22 об.

¹³³ Прот. П. Крахмалев — митроп. Антонию, 28 декабря 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Ед. хр. 231. Л. 36.

¹³⁴ Митроп. Хризостом — митроп. Антонию, 20 сентября 1923 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 2.

¹³⁵ Е.П. Демидов — М.Н. Гирсу, 13 июня 1922 г. // Там же. Л. 116 об. — 117; см. также: Русские беженцы в Греции // ГАРФ. Ф. Р-5780. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 22 об.

¹³⁶ Там же. Л. 22 об.

¹³⁷ Е.П. Демидов — М.Н. Гирсу, 21 июля 1920 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 150.

¹³⁸ Митроп. Хризостом — митроп. Антонию, 20 сентября 1923 г. // Там же. Л. 2.

¹³⁹ Е.П. Демидов — М.Н. Гирсу, 13 июня 1922 г. // Там же. Л. 116.

¹⁴⁰ Е.П. Демидов — М.Н. Гирсу, 19 января 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 128. Л. 129 об.

¹⁴¹ Е.П. Демидов — М.Н. Гирсу, 24 марта 1921 г. // Там же. Л. 120 об.

¹⁴² Председателем Союза был выбран протоиерей Сергей Снегирев, а в руководство вошли С.И. Демидова и Л.А. Сенько-Поповский на должностях заместителей председателя, В.В. Комстадиус — казначей, Л.А. Сербос — заместитель казначея, А.Н. Марьянов — секретарь и С.Д. Набоков — заместитель секретаря. Доклад помощника настоятеля церкви при Российской миссии в Афинах, прот. Сергия Снегирева, Высшему Церковному Управлению За границей, 12 октября 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Ед. хр. 231. Л. 17.

¹⁴³ Е.П. Демидов — М.Н. Гирсу, 13 июня 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 116.

¹⁴⁴ Митроп. Хризостом — митроп. Антонию, 20 сентября 1923 г. // Там же. Л. 2.

¹⁴⁵ Там же. Л. 5–6.

¹⁴⁶ Там же. Л. 6.

- ¹⁴⁷ Вывод косвенно основан на данных: *Хаджи-Лаззаро И.Н.* Докладная записка, 15 января 1936 г. // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 189. Л. 10.
- ¹⁴⁸ С.А. Поклевский-Козелл — М.Н. Гирсу, 26 июля 1920 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 126. Л. 4—4 об.
- ¹⁴⁹ М.Н. Гирс — С.А. Поклевскому-Козеллу, 16 августа 1920 г. // Там же. Л. 2—3.
- ¹⁵⁰ *Эйлер А.* Доклад о командировке в Румынию и Бессарабию, апрель 1922 // ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 2.
- ¹⁵¹ Материалы совещания делегатов русских меньшинств в Женеве // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 368а. Л. 4—6.
- ¹⁵² *Иннокентий, игум. (Павлов).* Русский храм в Софии // Славяноведение. М., 1994. № 4. С. 64—66.
- ¹⁵³ А.М. Петряев — М.Н. Гирсу, 24 января 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 1.
- ¹⁵⁴ Там же. Л. 2 об.
- ¹⁵⁵ *Даскалов Д.* Бялата эмиграция в България. С. 93.
- ¹⁵⁶ А.М. Петряев — М.Н. Гирсу, 24 января 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 1 об. — 3.
- ¹⁵⁷ Протокол 1-го общего собрания по образованию русского православного Св.-Николаевского прихода при церкви Российской миссии в Софии, 21 сентября 1921 г. // Там же. Л. 12—13.
- ¹⁵⁸ Там же.
- ¹⁵⁹ В самом конце Второй мировой войны, в сентябре 1944 г., когда Советская армия вошла в Болгарию, митроп. Серафим прекратил свои контакты с зарубежным Архиерейским синодом, находившимся в Карлсбаде (Карловых Варах), и перешел в подчинение к местоблестителю патриаршего престола митроп. Ленинградскому и Новгородскому Алексию, будущему Патриарху Московскому и всея Руси (*Иннокентий, игум.* Русский храм в Софии. С. 66—67).
- ¹⁶⁰ Архиеп. Евлогий — М.Н. Гирсу, 11 января 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 116. Л. 14—14 об.
- ¹⁶¹ Еп. Серафим — митроп. Неофиту, 22 июня 1934 г. // ГАРФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Ед. хр. 221. Л. 9—14; митроп. Антоний — Х. Калфову, 12 ноября 1923 г. // Там же. Л. 27—27 об.; Митроп. Неофит — митроп. Антонию, 31 декабря 1934 г. // Там же. Л. 20—30 об.; *Иннокентий, игум.* Русский храм в Софии. С. 66.
- ¹⁶² Тогда в ходе союзнических бомбардировок Софии церковь на улице Царя Калояна была разбомблена и сгорела. После присоединения к Московской патриархии митрополиту Серафиму было разрешено вернуться и вновь проводить службы в храме Св. Николая при советской миссии. (*Иннокентий, игум. (Павлов).* Русский храм в Софии. С. 67).
- ¹⁶³ *Арсеньев А.* У излуцины Дуная... С. 32; *Глигорциевич Б.* Руска православна црква у Југославији између два рата // Руска емиграција у српској култури XX века. Т. 1. С. 53.
- ¹⁶⁴ Патр. Димитрий — митроп. Антонию, 31 августа 1921 г. // АЈ. Министарство вера. КЈ 69. 175.276; *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии 1921—1939 годы. С. 74.
- ¹⁶⁵ На важность данных о том, кому принадлежало право ведения бракоразводных процессов предыдущие исследователи не обращали должного внимания, считая, что каноническо-правовые обязанности Русской православной церкви были сведены лишь к решению двух вопросов: *Троицкий С.В.* Правовое положение русской церкви в Югославии // Записки Русского научного института в Белграде. Т. 16/17. 1941. С. 106; *Јовановић М.* Досељаванье... С. 307; *Глигорциевич Б.* Руска православна црква у Југославији између два рата. С. 53; *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии 1921—1939 годы. С. 74. Только благодаря сравнительному анализу истории и деятельности русской церкви на Балканах стало ясно, что именно на территориях, находившихся под управлением Сербской православной церкви, Высшее русское церковное управление в каноническо-правовом аспекте получило те права, которые за ним не хотели признавать церковные власти Константинополя, Греции, Румынии и Болгарии.
- ¹⁶⁶ *Троицкий С.В.* Правовое положение русской церкви в Югославии. С. 109—110.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 110—111.
- ¹⁶⁸ Об этой проблеме подробнее см.: Там же. С. 111—115.
- ¹⁶⁹ *Неклюдов В., прот.* Церковная жизнь русских в Югославии // Часовой. Вгихелес, 1939. 5 июня № 236/237. С. 13.
- ¹⁷⁰ С.Н. Палеолог — представителям Правлений русских колоний в Королевстве СХС // Hoover. Paleologue. 006.14; подробнее см.: *Троицкий С.В.* Правовое положение русской церкви в Югославии. С. 107—108; *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии 1921—1939 годы. С. 69.

¹⁷¹ *Арсеньев А.* У излуцины Дуная... С. 34; *Глигорјевић Б.* Руска православна црква у Југославији између два рата. С. 54; *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии 1921–1939 годы. С. 68.

¹⁷² Наиболее известный пример защиты и покровительства, оказываемых Русской православной церкви и лично митроп. Антонию со стороны патриарха Сербского, относится к 1936 г. В телеграмме Сергей предупреждал Варнаву, что ему следует остаться в стороне от внутренних разделов и расколов в Русской православной церкви и прекратить общение с митроп. Антонием и Архиерейским синодом Русской православной церкви в Сремских-Карловцах. В ответ на телеграмму местоблестителя патриаршего престола в Москве митроп. Сергия (который руководил деятельностью Санкт-Петербургской духовной академии в то время, когда будущий сербский патриарх получал там образование) патриарх Сербский Варнава согласно словам самого Сергия ответил решительно: «...полным отказом изменить свою позицию <...> Вы и Ваш Собор можете, сколько вам будет угодно запрещать и отлучать. Мы знаем, что вы не свободны, и поэтому Вашим запретам и отлучениям мы не придаем никакого значения, и так же как и ранее, продолжаем считать, что находимся в общении с Русской Церковью...» (*Косик В.И.* Русская церковь в Югославии 1921–1939 годы. С. 75).

¹⁷³ Цит. по: *Арсеньев А.* У излуцины Дуная... С. 33–34; см. также: *Арсеньев А.* Руска интелегенција у Војводини: Културни, просветни и привредни оквири делатности // Руска емиграција у српској култури XX века. Т. 1. Београд, 1994. С. 74–75.

¹⁷⁴ О переезде монахинь в Королевство СХС и их размещении в монастыре Хопово см.: Епископ Георгий — министру социальной политики Королевства СХС, 29 јун. 1920; (ДМ бр. 3234); митроп. Димитрий — Ф. Янковичу, 2 июля и 23 октября 1920 г. // АЕБ. Р. 1645. (А.Министарство вера КЈ. 69. 175.276).

¹⁷⁵ *Арсеньев А.* Руска интелегенција у Војводини. С. 75; *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии 1921–1939 годы. С. 70–71.

¹⁷⁶ *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии 1921–1939 годы. С. 71.

¹⁷⁷ *Петковић С.* Српски женски манастир Кувеждин, Сремски Карловци 1930; см. также: За рубежом... С. 78–85; *Арсеньев А.* Руска интелегенција у Војводини. С. 75; *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии 1921–1939 годы. С. 71; *Маевский В.А.* Русские в Югославии 1920–1945 гг. С. 31. После многочисленных испытаний в ходе Второй мировой войны и после нее русские монахини из монастыря Хопово в июле 1950 г. покинули Югославию и переехали во Францию. И сегодня в монастыре рядом с селением Провемон в Нормандии существует русское монашеское сестричество, которое и далее многие по традиции называют Хоповским русским монастырем.

¹⁷⁸ *Маевский В.А.* Русские в Югославии в 1920–1945 гг. С. 30–31; *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии 1921–1939 годы. С. 70.

¹⁷⁹ Ф. Јанковић — Рачуноводству Министарства вера, 5 маја 1920 г. // А.Министарство вера. КЈ 69. 175.276; см. также: *Арсеньев А.* Руска интелегенција у Војводини. С. 74.

¹⁸⁰ Устав Руског Православног Пастирског Братства за спомен о Јована Кронштадског, 10 маја 1923 г. // А.Министарство вера. КЈ 69. 175.276.

¹⁸¹ *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии 1921–1939 годы. С. 71–72; *Глигорјевић Б.* Руска православна црква у Југославији између два рата. С. 54; *Арсеньев А.* У излуцины Дуная... С. 34. О русских религиозных кружках, действовавших среди русской молодежи и студентов, см.: За рубежом... С. 28–34. О русском студенческом христианском движении см.: За рубежом... С. 97–116.

¹⁸² *Павлов Б.Л.* Русская колония в Великом Бечкерек... С. 18–19.

¹⁸³ *Неклюдов В., прот.* Церковная жизнь русских в Югославии. С. 10.

¹⁸⁴ О жизни и деятельности протоиерея Петра Беловидова подробнее см.: Пастырь добрый: Сб. статей, посвященных памяти протопресвитера Петра Беловидова в связи с XX-летием существования русской церкви в Белграде. Белград, 1942.

¹⁸⁵ *Неклюдов В., прот.* Пастырь добрый // Пастырь добрый. С. 45; *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии 1921–1939 годы. С. 69.

¹⁸⁶ Министарство вера Кральевине СХС. Бр. 4905. 19.03.1921, Београд; архиеп. Димитрије — министру црквених послова, 23 апр. 1921 г. // А.Министарство вера. КЈ 69. 175.276.

¹⁸⁷ В.Н. Штрандтман — М.Н. Гирсу, 24 октября 1922 г., 5 и 26 марта, 5 мая 1923 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 1–2 об., 4–8.

¹⁸⁸ О постройке и деятельности церкви подробнее см.: *Неклюдов В., прот.* Церковная жизнь русских в Югославии. С. 11–12; *Неклюдов В., прот.* Пастырь добрый. С. 46–47; *Никон, архиеп.* Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Т. 5. С. 95–99;

Маевский В.А. Русские в Югославии 1920–1945. С. 23–29; *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии 1921–1939 годы. С. 69.

¹⁸⁹ *Неклюдов В., прот.* Церковная жизнь русских в Югославии. С. 12; *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии 1921–1939 годы. С. 70.

¹⁹⁰ Сведения о русских беженцах в Королевстве СХС, 1928 г. // Hoover. Paleologue. 029.44; *Неклюдов В., прот.* Церковная жизнь русских в Югославии. С. 12.

¹⁹¹ Наибольшую часть хлопот по организации сбора средств для постройки часовни взяла на себя кн. М.А. Святополк-Мирская, председатель Марининского церковного сестричества. Деньги давали и видные представители двора, сам король Александр, принц Павел и принцесса Ольга, сербские и русские церковные общины, а также массы простых людей, нередко бедных эмигрантов, рассеянных по разным странам. См.: *Тараджев А.* Четири капеле Иверске Божије Мајке // Светигора. Цетиње, 1997. Бр. 56/57. С. 46–49; см. также: *Маевский В.А.* Иверская Богоматерь на Афоне, в Москве и в Белграде. Белград, 1932.

¹⁹² *Неклюдов В., прот.* Церковная жизнь русских в Югославии. С. 12; *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии 1921–1939 годы. С. 70.

¹⁹³ *Арсеньев А.* Русский православный приход в Новом Саду 1922–55 // Православная Русь. Jordanville, 1998. 14 сентября. № 17/1914. С. 5–8; *Он же.* У излуцины Дуная... С. 34–37.

¹⁹⁴ *Павлов Б.Л.* Русская колония в Великом Бечкереке... С. 19–20; *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии 1921–1939 годы. С. 70.

¹⁹⁵ Об этом подробнее см.: *Калмыцкая колония в Белграде // Русская эмиграция 1920–1931: Альманах.* Белград, 1931. Вып. 2. С. 65–67; *Латинчий О.* Будистички храм у Београду // Архивски преглед. Београд, 1986. № 1/2. С. 212–214; *Миленковић Т.* Калмици у Србији 1920–1944. Београд, 1998. С. 93–126; см. также: *Миленковић Т.* Калмици у Београду од 1921–1941 године // Годишњак града Београда. 1998. Књ. 42. С. 149–152.

¹⁹⁶ *Врангель П.Н.* Положение о Русском совете, 12 марта 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5801. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 25.

¹⁹⁷ О деятельности Правительства Юга России в Крыму с апреля по ноябрь 1920 г. подробнее см.: *Росс Н.* Врангель в Крыму. С. 15–44, 115–226.

¹⁹⁸ *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 68–69, 105.

¹⁹⁹ *Врангель П.Н.* Положение о Русском совете, 12 марта 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5801. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 25.

²⁰⁰ *Bernachot J.* Le corps d'occupation de Constantinople. P. 387–390; *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. С. 31–32.

²⁰¹ *Врангель П.Н.* Положение о Русском совете, 12 марта 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5801. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 25.

²⁰² *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. С. 32; *Спасов Л.* Врангеловата армия в България... С. 69.

²⁰³ *Раев М.* Россия за рубежом... С. 43–44.

²⁰⁴ *Там же.* С. 49–51.

²⁰⁵ *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. С. 32.

²⁰⁶ О деятельности этого комитета подробнее см.: *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 23–24.

²⁰⁷ Правда. Београд, 1919. 21 мая; Архив Србије. Руско-српски клуб (1919–1933); *Јовановић М.* Доселовање... С. 76–79.

²⁰⁸ Записници са V и VI опште седнице, 20. и 22.06.1920. // АС. Руско-српски клуб (1919–1933).

²⁰⁹ А. Чувај, извештај, 10.12.1920 // АЈ. МТИ КЈ. 65, 45/245; Подробнее см. также: *Јовановић М.* Доселовање... С. 79–83.

²¹⁰ Об основании и деятельности Государственной комиссии подробнее см.: *Јовановић М.* Доселовање... С. 83–87.

²¹¹ Краткие сведения о Русско-болгарском культурно-благотворительном комитете. София, 1921. С. 3–5; Русско-болгарский культурно-благотворительный комитет 1920–1925. С. 1–4.

²¹² Русско-болгарский культурно-благотворительный комитет 1920–1925. С. 7.

²¹³ Краткие сведения о Русско-болгарском культурно-благотворительном комитете. С. 8–16; Русско-болгарский культурно-благотворительный комитет 1920–1925. С. 12–32; *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България... С. 95.

- ²¹⁴ Горяинов А.Н. Культурно-просветительные организации русских эмигрантов в Болгарии. С. 24.
- ²¹⁵ П.Я. Русские в Болгарии. Составлено в июле – августе 1932 г. // ГАРФ. Ф. Р-9116. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 11–12; Болгарское правительство взяло на себя финансирование деятельности комитета после того, как он потратил деньги из особого фонда (вероятно, речь тут идет о 300 тыс. долларов, собранных в течение 1921 г. для размещения частей Русской армии, что косвенно следует из вышеуказанного отчета П.Я. (Л. 12–14), а также на основании того, что способом распределения этих средств были крайне недовольны военные круги русских эмигрантов в Болгарии, имевшие множество претензий к работе Серафимова).
- ²¹⁶ Русские беженцы в Греции // ГАРФ. Ф. Р-5780. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 22; Адреса организаций к 1 января 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-5942. Оп. 5. Ед. хр. 232.
- ²¹⁷ Русские беженцы в Греции // ГАРФ. Ф. Р-5780. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 22.
- ²¹⁸ В Греции. С. 19.
- ²¹⁹ Сопровождение представителей русских организаций в Греции, 15 апреля 1936 г. // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 189. Л. 2.
- ²²⁰ Эйлер А. Доклад о командировке в Румынию и Бессарабию, апрель 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 2–2 об.; Адреса организаций к 1 января 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-5942. Оп. 5. Ед. хр. 232; Rumunja, Rosyjska misija Kozieł-Poklewskiego, Bukareszt, Ekspozitura 2 Oddział II Sztabu Głównego Polski. Т. II // РГВА. Ф. 461/к. Оп. 1. Ед. хр. 191. Л. 47.
- ²²¹ Адреса организаций к 1 января 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-5942. Оп. 5. Ед. хр. 232.
- ²²² Эйлер А. Доклад о командировке в Румынию и Бессарабию, апрель 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 2.
- ²²³ Шапоунић, Пов. бр. 198, 29 апр. 1920, Цариград // АЈ, фонд Посланство у Турској 370. Ф. 1, 1920.
- ²²⁴ Criss N.B. Istanbul... Р. 50.
- ²²⁵ Јовановић М. Досељаванье... С. 66–67.
- ²²⁶ Генерални политички директор МИП КЈ — Краљевској сталној делегацији код Друштва народа, 5 маја 1930 г., // АЈ. МП КЈ. 66, 16/42; см. также: Русская эмиграция: Альманах. Вып. 2. Б.м., 1931. С. 13.
- ²²⁷ Подробнее см.: Kačaki J. Elementi samouprave ruskih civilnih izbeglica u Kraljevini SHS 1920–1924 // Istorija 20 veka. Beograd, 1998. Кнј. 1. С. 93–97.
- ²²⁸ Спасов Л. Врангеловата армия в България... С. 17–18.
- ²²⁹ Арцишевский А. Информационный бюллетень уполномоченного Всероссийского союза городов в Болгарии, 6 января 1923 г. // ГАРФ. Ф. Р-5771. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 67–68; Там же. № 40, 13.01.1923. София // ГАРФ. Ф. Р-5771. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 65; П.Я. Русские в Болгарии. Составлено в июле – августе 1932 г. // ГАРФ. Ф. Р-9116. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 8.
- ²³⁰ Арцишевский А. Информационный бюллетень уполномоченного Всероссийского союза городов в Болгарии, № 44, 03.03.1923. София // ГАРФ. Ф. Р-5771. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 10.
- ²³¹ П.Я. Русские в Болгарии. Составлено в июле – августе 1932 г. // ГАРФ. Ф. Р-9116. Оп. 1. Ед. хр. 123. Л. 11.
- ²³² Bulgaria, Komitet Nansena w Bułgarji. Przedstawicielstwo, Sofija, Ekspozitura 2 Oddział I Sztabu Głównego Polski. Т. II // РГВА. Ф. 461/к. Оп. 1. Ед. хр. 191. Л. 264.
- ²³³ См.: Адреса организаций к 1 января 1938 г. // ГАРФ. Ф. Р-5942. Оп. 5. Ед. хр. 232.
- ²³⁴ Извештај Сједињеног комитета Руског друштва Црвеног крста... С. 3–4.
- ²³⁵ Очерк деятельности Всероссийского земского союза... С. 3–11.
- ²³⁶ Извештај Сједињеног комитета Руског друштва Црвеног крста... С. 8.
- ²³⁷ Там же. С. 4–5; Очерк деятельности Всероссийского земского союза... С. 12–13.
- ²³⁸ Извештај Сједињеног комитета Руског друштва Црвеног крста... С. 5; Очерк деятельности Всероссийского земского союза за границей... С. 13.
- ²³⁹ Там же. С. 14–15.
- ²⁴⁰ Положение о Центральном объединенном комитете Российского общества Красного Креста, Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов, 22 ноября 1920 г. // Hoover. Paleologue. 005.10; Извештај Сједињеног комитета Руског друштва Црвеног крста... С. 5.
- ²⁴¹ Там же. С. 17.
- ²⁴² На то, что деятельность в Константинополе имела особое значение, указывает и тот факт, что на тамошние нужды ВЗС было выделено больше всего денег — 67 792 турецкие лиры (т.е. около 677 тыс. франков), в то время как на деятельность в Королевстве СХС было выделено 50 257 ту-

рецких лир (около 502 тыс. франков), в Болгарии 20 813 турецких лиры (около 208 тыс. франков), а в Египте и на Кипре 4663 турецких лиры (около 46 тыс. франков). См.: Очерк деятельности Всероссийского земского союза... С. 21.

²⁴³ О деятельности бюро труда: Очерк деятельности Всероссийского Земского Союза... С. 29–37.

²⁴⁴ Там же. С. 22–26.

²⁴⁵ Там же. С. 41–45.

²⁴⁶ Там же. С. 45–46.

²⁴⁷ Там же. С. 46–56.

²⁴⁸ Там же. С. 57–66.

²⁴⁹ Там же. С. 72–79.

²⁵⁰ Там же. С. 66–72, 80–84.

²⁵¹ Там же. С. 66–72, 86–105.

²⁵² Курсы сербского языка были открыты в Алексинце, Аранджеловце, Баня-Луке, Белой-Цркве, Босанском-Броде, Глине, Горни-Стеневце, Дервенте, Заечаре, Зеленице, Карловаце, Княжеваце, Которе, Лесковаце, Неготине, Нише, Парачине, Сомборе, Суботице, Херцег-Новом, Цетине, Ягодине.

²⁵³ Извештај Сједињеног комитета Руског друштва Црвеног крста... С. 10–20; Информация о деятельности Представительства ВЗС в Королевстве СХС за январь 1923 года. 20 февраля 1923 г. // АСАНУ. 14386. Несређена грађа; см. также: Очерк деятельности Всероссийского Земского Союза... С. 106–120.

²⁵⁴ Там же. С. 121–133.

²⁵⁵ Русские беженцы в Греции // ГАРФ. Ф. Р-5780. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 22 об.

²⁵⁶ В Греции. С. 19.

²⁵⁷ *Kopřivová-Vukolová A. Ruské gymnázium v Moravské Třebové: (Konstantinopolské období 1920–1921) // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945: Sborník studií. Praha, 1994. T. 2. S. 96; Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия... С. 43.*

²⁵⁸ *Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия... С. 43; Kopřivová-Vukolová Ř. Ruské gymnázium v Moravské Třebové... S. 102–103.*

²⁵⁹ *Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия... С. 44.*

²⁶⁰ Положение о русских гимназиях Всероссийского союза городов и Зем.-гор. комитета в Болгарии. С. 1.

²⁶¹ Ведомость учреждений Всероссийского союза городов и Земско-городского комитета в Болгарии, возникших с июля 1920 года // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 38–46; *Арцишевский А.В.* Краткий обзор деятельности представительства Всероссийского союза городов и Земско-городского комитета в Болгарии с июня 1920 до января 1931 года // Там же. Л. 1–3; Культурно-просветительные учреждения в Болгарии // ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 23–24.

²⁶² *Юрнев П.* Доклад временному Главному комитету Всероссийского союза городов, 18 сентября 1926 года // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 398. Л. 5–6.

²⁶³ Записка о деятельности и неотложных задачах Представительства ВСГ в Королевстве СХС // ГАРФ. Ф. Р-5771. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 177.

²⁶⁴ *Юрнев П.* Доклад временному Главному комитету Всероссийского союза городов, 18 сентября 1926 года // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 398. Л. 2–4.

²⁶⁵ Список учреждений Всероссийского союза городов в Королевстве С.Х.С. // ГАРФ. Ф. Р-5771. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 305; Сведения о деятельности представительства ВСГ в Королевстве СХС в деле помощи русским детям, 1920 // Hoover. Paleologue. 005.10.

²⁶⁶ Извештај Сједињеног комитета Руског друштва Црвеног крста... С. 21–23.

²⁶⁷ Главное управление РОКК в Париже — М.Н. Гирсу, 22 марта 1922 г. // Hoover. Girs. 27.6.

²⁶⁸ Извештај Сједињеног комитета Руског друштва Црвеног крста... С. 23.

²⁶⁹ Russian Red Cross — Russian Embassy, 4 Febr., 1920 // Hoover. Girs. 26.63.

²⁷⁰ *Кузьмин-Караваев В.* Учреждения РОКК в Константинопольском районе, февраль 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-6021. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 1–25.

²⁷¹ Русские беженцы в Греции // ГАРФ. Ф. Р-5780. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 22 об.; А.К. Русские в Греции.

²⁷² Доклад помощника уполномоченного Российского общества Красного Креста о положении русских учреждений в Салониках // ГАРФ. Ф. Р-5780. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 116–119; А.К. Русские в Греции.

- ²⁷³ Эйлер А. Доклад о командировке в Румынию и Бессарабию, апрель 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 274. Л. 1 об.
- ²⁷⁴ Извештај Сједињеног комитета Руског друштва Црвеног крста... С. 24.
- ²⁷⁵ Учреждения Р.О.Кр. Креста на Далматинском побережье Адриатического моря и путях следования беженцев вглубь Сербии, 12 февраля 1921 г. // АСАНУ. 14386. Несређена грађа; Сведения о персонале, числе больных в госпиталях РОКК, 1 февраля 1921 г. // Hoover. Paleologue. 005.8.
- ²⁷⁶ Список учреждений Русского Красного Креста в Королевстве СХС на 1 июня 1921 года // АСАНУ. 14386. Несређена грађа; Список учреждений Русского Красного Креста в Королевстве СХС на 1 декабря 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-6792. Оп. 1. Ед. хр. 582. Л. 36–36 об.; Извештај Сједињеног комитета Руског друштва Црвеног крста... С. 24–31.
- ²⁷⁷ Извештај Сједињеног комитета Руског друштва Црвеног крста... С. 31–38.
- ²⁷⁸ Терещенко — Погачнику, 20 марта 1929 г. // АЈ. Двор КЈ. 74. 276.410.
- ²⁷⁹ Вурберг // Часовой. Вихеллес, 1939. 5 июня. № 236/237. С. 35.
- ²⁸⁰ Солонский А.А. Поликлиника Российского общества Красного Креста стационарной организации в Белграде 1920–1940. Нови Сад, 1940. С. 6.
- ²⁸¹ Жуков С.К. Краткий обзор и итоги работы софийской амбулатории с 1920–1933 гг. София, 1934. С. 6–10; Ратиев А. То, что сохранила мне память. С. 544.
- ²⁸² Ратиев А. То, что сохранила мне память. С. 544–548.
- ²⁸³ Жуков С.К. Краткий обзор и итоги работы софийской амбулатории с 1920–1933 гг. С. 6–78; см. также: Даскалов Д. Бялата эмиграция в България. С. 94.
- ²⁸⁴ Российский военный агент в Турции — юрисконсульту Общества Белого Креста, 18 декабря 1922 г. // Hoover. Wrangel. 97.18.
- ²⁸⁵ Шереметев С. Исторический очерк, 30 сентября 1920 г. // Hoover. Paleologue. 009.21.
- ²⁸⁶ Кузьмин-Караваев В. Учреждения Российского общества Белого Креста, февраль 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-6021. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 1–5.
- ²⁸⁷ Учреждения Р.О.Кр. Креста на Далматинском побережье Адриатического моря и путях следования беженцев вглубь Сербии, 12 февраля 1921 г. // АСАНУ. 14386. Несређена грађа; Сведения о персонале, числе больных, числе дней, проведенных ими в лечебном заведении, и амбулаторных больных в госпиталях РОКК, 1 февраля 1921 г. // Hoover. Paleologue. 005.8.
- ²⁸⁸ Эту эсеровскую организацию, которая кроме Чехословакии занималась деятельностью на Дальнем Востоке и в Югославии, некоторые авторы объединяли с организацией, которая находилась в Париже. Из-за этого деятельность ВСГ и ВЗС по поддержке, открытию и финансированию русских школ в эмиграции они ошибочно приписывали Земгору (Ковалевский Л.Е. Зарубежная Россия... С. 42–43; см. также: Бурий О. Руска литерарна Србија... С. 29).
- ²⁸⁹ О деятельности Земгора в Чехословакии подробнее см.: Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике... С. 57–109.
- ²⁹⁰ Бурий О. Руска литерарна Србија... С. 29–32; Арсеньев А. У излуцины Дуная... С. 73.
- ²⁹¹ Арсеньев А. У излуцины Дуная... С. 73.
- ²⁹² С.Н. Палеолог — Н.Л. Оболенскому, 16 декабря 1924 г. // Hoover. Paleologue. 023.38; В.Н. Штрандтман — М.Н. Гирсу, 14 августа 1925 г. и 3 ноября 1926 г. // Hoover. Girs. 48.4.
- ²⁹³ Бурий О. Руска литерарна Србија... С. 29–37.
- ²⁹⁴ Приблизительную численность русских организаций в отдельных балканских странах могут осветить различные списки, которые создавали сами эмигранты, а также попытки современных историков их подсчитать. Так, например, Ц. Кёсева в своей работе о русских организациях в Болгарии насчитала 172 организации, что, однако, не является окончательной оценкой (Кёсева Ц. Русские эмигрантские организации... С. 65–68); в одном недатированном (приблизительно 1922 г.) списке русских фирм, лавочек и мастерских в Королевстве СХС, который также не является полным (так как это лишь свод данных Государственной комиссии), указано 141 предприятие (Сведения, имеющиеся в Державной комиссии о русских предприятиях в Королевстве СХС // АСАНУ. 14386. Несређена грађа). Также неполный список русских хозяйственных объектов в Константинополе от 1 июня 1920 г. до прибытия 145 тыс. беженцев из Крыма упоминает 53 предприятия и фирмы (Список трудовых организаций русских беженцев в Константинополе и его окрестностях, финансируемых Всероссийским земским союзом по отделу помощи беженцам на 12 июня 1920 // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 7), а в другом списке фирм, получавших помощь Американского Красного Креста, содержится еще 20 новых объектов (см.: Там же. Л. 79–80).

- ²⁹⁵ Отчет правления Русского общества взаимопомощи по 1 сентября 1920 г. со дня возникновения о-ва // Hoover. Paleologue. 008.17.
- ²⁹⁶ Устав Союза взаимопомощи русских в Болгарии. Пловдив, 1934. С. 3–11.
- ²⁹⁷ В.И. Тимофеевский — Н. Пашичу, 6 февраля 1922 г. // АЖ. МИП КЈ. 334, ПО. Ф. 15; список сенаторов, находящихся в Белграде // Там же.
- ²⁹⁸ В.И. Тимофеевский — Н. Пашичу, 6 февраля 1922 г. // АЖ. МИП КЈ. 334, ПО. Ф. 15.
- ²⁹⁹ Устав Союза русских инженеров в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, 1920 г.; Союз русских инженеров в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев — Н. Пашичу, 25 июня 1921 г. // АЖ. Мин. Совет КЈ. 138. Несређена грађа; ту же цитату см.: *Миленковић Т.* Руски инжењери-емигранти у Србији 1919–1944 године // ПИНУС: Записи. Београд, 1995. № 2. С. 64–65; см. также: *Богословский А.В.* Русские инженеры в Югославии // Часовой. Bruxelles, 1939. 5 июня. № 236/237. С. 38.
- ³⁰⁰ Русский учитель в эмиграции. С. 70.
- ³⁰¹ Сведения, имеющиеся в Державной комиссии о русских предприятиях в Королевстве СХС // АСАНУ. 14386. Несређена грађа.
- ³⁰² Список трудовых организаций русских беженцев в Константинополе и его окрестностях, финансируемых Всероссийским земским союзом по отделу помощи беженцам на 12 июня 1920 г. // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 7.
- ³⁰³ Правление Русской кредитной задруги в Сараево — в Державную комиссию 21 января 1924 г.; Начальник отдела труда — в Державную комиссию 18 февраля 1924 г.; Державная комиссия, постановление от 27 февраля 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р-6792. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 4–5, 7–8, 14, 16–16 об.
- ³⁰⁴ Русские кредитные товарищества в Югославии // АСАНУ. 14386. 2483.
- ³⁰⁵ *Беловидов П.* О начале гимназии. С. 20. См. также: *Ермаков Б., свящ.* Историческая записка о пастырско-богословском училище в монастыре Св. Кирика... С. 3.
- ³⁰⁶ *Росс Н.* Врангель в Крыму. С. 52–84. См. также: Российская эмиграция в Турции... С. 78–116.
- ³⁰⁷ *Росс Н.* Врангель в Крыму. С. 298–303.
- ³⁰⁸ Там же. С. 52.
- ³⁰⁹ Русский учитель в эмиграции. С. 43–55. См. также: *Димий Љ.* Руско школство у Краљевини Југославији 1918–1941 // *Руска емиграција у српској култури XX века.* Т. 1. Београд, 1994. С. 38–50; *Козлитин В.Д.* Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. С. 7–19; Русско-болгарский культурно-благотворительный комитет 1920–1925. С. 12–23.
- ³¹⁰ Доклад о положении детей русских беженцев в разных государствах, по сведениям к 1 апреля 1921 года // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 11; Список... июнь 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 22; *Kopřivová-Vukolová Ř.* Ruské gymnázium v Moravské Třebové... S. 94–103.
- ³¹¹ Ведомость учреждений Всероссийского союза городов и Земско-городского комитета в Болгарии, возникших с июля 1920 г. // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 38–46; *Арцишевский А.В.* Краткий обзор деятельности представительства Всероссийского Союза городов и Земско-городского комитета в Болгарии с июня 1920 до января 1931 г. // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 1–3; *Соковнин П.Н.* Данные опыта русских учебных заведений в Болгарии по некоторым вопросам эмигрантской школы // Совещание представителей русских учебных заведений в Болгарии 12–14 ноября 1924 года. Прага, 1925. С. 42; Кадетские корпуса за рубежом. Нью-Йорк, 6 г. С. 229; *Kopřivová-Vukolová A.* Ruské gymnázium v Moravské Třebové... S. 94–103.
- ³¹² Крестовоздвиженская школа 1920–1932. С. 3.
- ³¹³ *Kopřivová-Vukolová A.* Ruské gymnázium v Moravské Třebové... S. 96; *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 43.
- ³¹⁴ *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 43.
- ³¹⁵ Русские беженцы в Греции // ГАРФ. Ф. Р-5780. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 22 об.; Речь, сказанная С.Г. Рафальским на публичном торжественном годичном акте Русской эмигрантской гимназии в Афинах 9 июля 1933 г. // Там же. Л. 13–16.
- ³¹⁶ А.К. Русские в Греции; Русский учитель в эмиграции. С. 201–206.
- ³¹⁷ Доклад о положении детей русских беженцев в разных государствах, по сведениям к 1 апреля 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 9; *Соковнин П.Н.* Данные опыта русских учебных заведений в Болгарии... С. 42; Ведомость учреждений Всероссийского союза городов и Земско-городского комитета в Болгарии, возникших с июля 1920 г. // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 41.

Л. 38–46; *Арцишевский А.В.* Краткий обзор деятельности представительства Всероссийского союза городов и Земско-городского комитета в Болгарии с июня 1920 до января 1931 года // Там же. Л. 38; Культурно-просветительные учреждения в Болгарии // ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 23–24; Уполномоченный ВСГ в Болгарии — в Российский земско-городской комитет помощи, 3 ноября 1930 г. Париж // ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 184, табл. 1.

³¹⁸ *Ратиев А. То, что сохранила мне память.* С. 558–560.

³¹⁹ Ведомость учреждений Всероссийского союза городов и Земско-городского комитета в Болгарии, возникших с июля 1920 г. // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 38–46; *Арцишевский А.В.* Краткий обзор деятельности представительства Всероссийского союза городов и Земско-городского комитета в Болгарии с июня 1920 до января 1931 года // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 39–40; Культурно-просветительные учреждения в Болгарии // ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 23–24.

³²⁰ Доклад о положении детей русских беженцев в разных государствах, по сведениям к 1 апреля 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 9; *Сокоvníк П.Н.* Данные опыта русских учебных заведений в Болгарии... С. 42; *Арцишевский А.В.* Краткий обзор деятельности представительства Всероссийского союза городов и Земско-городского комитета в Болгарии с июня 1920 до января 1931 года // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 38; Культурно-просветительные учреждения в Болгарии // ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 23–24.

³²¹ *Сокоvníк П.Н.* Данные опыта русских учебных заведений в Болгарии... С. 42; *Арцишевский А.В.* Краткий обзор деятельности представительства Всероссийского союза городов и Земско-городского комитета в Болгарии с июня 1920 до января 1931 года // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 39; *Юрнев П.* Доклад временному Главному комитету Всероссийского союза городов. Прага, 18 сентября 1926 г. // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 398. Л. 8.

³²² Крестовоздвиженская школа 1920–1932. С. 3, 6.

³²³ I русско-сербская гимназия. С. 15–19, 63–68, 85–111; Доклад о положении детей русских беженцев в разных государствах, по сведениям к 1 апреля 1921 года // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 10.

³²⁴ Државна комисија Краљевине СХС за руске избеглице — С.Н. Палеологу, 17 марта 1927 г. // Ноовер. Paleologue. 026.41; *Козлитин В.Д.* Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев... С. 16; *Димий Љ.* Руско школство у Краљевини Југославији 1918–1941. С. 49.

³²⁵ Справка о русской школе в Королевстве СХС, 30 августа 1926 г. // ГАРФ. Ф. Р-5771. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 243; Извештај руске реалке у Земуну за 1923/24 годину // АЈ. МП КЈ 66. Ф. 1107; Руска гимназија у Загребу // Там же; Мин. просвете, бр. 54531, 30.04.1928 // АЈ. МП КЈ 66. Ф. 1108/1928; *Арсеньев А.* У излучини Дунај... С. 139.

³²⁶ Доклад о положении детей русских беженцев в разных государствах, по сведениям к 1 апреля 1921 года // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 9; Справка о русской школе в Королевстве СХС, 30 августа 1926 г. // ГАРФ. Ф. Р-5771. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 243.

³²⁷ Донской императора Александра III кадетский корпус. Мадрид, 1974. С. 239–247, 294–302, 352–354; Первый Русский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус. Белая Церковь, 1920–1944; Седьмая кадетская памятка: Юбилейная 1920–1995. Нью-Йорк, 1997. С. 39–45; Кадетские корпуса за рубежом. Нью-Йорк, б.г. С. 45–137, 238–261, 353–388.

³²⁸ Харьковский институт 1812–1932: Памятка. С. 5–6; Мариинский Донской институт. С. 5–20.

³²⁹ *Арцишевский А.В.* Краткий обзор деятельности представительства Всероссийского союза городов и Земско-городского комитета в Болгарии с июня 1920 до января 1931 г. // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 40–41.

³³⁰ *Ермаков Б., священник.* Историческая записка о пастырско-богословском училище в монастыре Св. Кирика... С. 5–25.

³³¹ *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. С. 107.

³³² Доклад о положении детей русских беженцев в разных государствах, по сведениям к 1 апреля 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 9–11.

³³³ *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 43.

³³⁴ Список, июнь 1921 года // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 22.

³³⁵ *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия... С. 43.

³³⁶ *Арцишевский А.В.* Краткий обзор деятельности представительства Всероссийского союза городов и Земско-городского комитета в Болгарии с июня 1920 до января 1931 года // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 45–46; Культурно-просветительные учреждения в Болгарии // ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 23–24.

³³⁷ Доклад о положении детей русских беженцев в разных государствах, по сведениям к 1 апреля 1921 года // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 10; Сведения о положении детей русских беженцев в Королевстве СХС // А. Двор К. 74, 276/410; В Российский Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей, 22 февраля 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5771. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 198 об.; Записка о деятельности и неотложных задачах Представительства ВСГ в Королевстве СХС // ГАРФ. Ф. Р-5771. Оп. 1. Ед. хр. 29. Л. 177; Справка о русской школе в Королевстве СХС, 30.08.1926 // ГАРФ. Ф. Р-5771. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 243; Отчет по детским домам за 1930/1931 учебный год // АСАНУ. 14386. 2460.

³³⁸ *Лашков С.И.* Военно-учебное дело // Часовой. Bruxelles, 1939. 5 июня. № 236/237. С. 21–25.

³³⁹ Русский учитель в эмиграции. С. 47.

³⁴⁰ Там же. С. 67.

³⁴¹ Там же. С. 204.

³⁴² Там же. С. 48.

³⁴³ Там же. С. 68.

³⁴⁴ Р. Кошутич — Всероссийскому союзу городов, 6 ноября 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5771. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 7; Положение о русских учебных заведениях в Королевстве СХС, 03 октября 1922 г. // АСАНУ. 14386. Несређена грађа; Министар просвете, Св. Прибићевић, СНБр. 18061, 01 ноября 1922 г. // Просветни гласник. Београд, 1922. Књ. 2. Св. 11/12. С. 260.

³⁴⁵ Министар просвете, Св. Прибићевић, СНБр. 18061, 01 ноября 1922 г. С. 260–261. Документы с идентичным текстом указа были циркулярно разосланы различным русским организациям; см.: ГАРФ. Ф. Р-5771. Оп. 1. Ед. хр. 14. Л. 7, 8, 10, 11. В совет кроме министра вошли и русские представители: М.В. Челноков, член Государственной комиссии, генерал З.А. Макшеев, референт Главного школьного совета по вопросам девичьих институтов и школ гражданского типа полковник В.А. Розанов, референт Главного школьного совета по вопросам кадетских корпусов и всех школ гражданского типа В. Брянский, представитель ВСГ И. Малинин, член педагогического совета ВСГ В.Д. Плетнев, директор Первой русско-сербской гимназии, Д. Кишенский, член Высшего совета Государственной комиссии и два представителя русских научных организаций, Общества русских ученых и Русской академической группы по их выбору; из сербских представителей в совете присутствовали: Т. Радивоевич, начальник отделения среднего образования в Министерстве просвещения, А. Белич и В. Чорович, профессора Белградского университета, Р. Кошутич, также профессор университета и глава отделения русских школ при Министерстве просвещения, полковник П. Маркович, представитель Министерства армии и военного флота.

³⁴⁶ Положение о русских гимназиях Всероссийского союза городов и Зем.-гор. комитета в Болгарии. С. 1.

³⁴⁷ *Арцишевский А.* Информационный бюллетень уполномоченного ВСГ в Болгарии, 6 января 1923 г. // ГАРФ. Ф. Р-5771. Оп. 2. Ед. хр. 8. Л. 1.

³⁴⁸ *Арцишевский А.В.* Краткий обзор деятельности представительства Всероссийского союза городов и Земско-городского комитета в Болгарии с июня 1920 до января 1931 г. // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 15.

³⁴⁹ *Димий Љ.* Руско школство у Краљевини Југославији 1918–1941. С. 46.

³⁵⁰ I русско-сербская гимназия... С. 55.

³⁵¹ *Соковнин П.Н.* Данные опыта русских учебных заведений в Болгарии... С. 21.

³⁵² *Арцишевский А.В.* Краткий обзор деятельности представительства Всероссийского союза городов и Земско-городского комитета в Болгарии с июня 1920 до января 1931 года // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 17; Крестовоздвиженская школа 1920–1932 С. 9–10.

³⁵³ Донской императора Александра III кадетский корпус. С. 342.

³⁵⁴ Марининский Донской институт. С. 24–25.

³⁵⁵ *Арцишевский А.В.* Краткий обзор деятельности представительства Всероссийского союза городов и Земско-городского комитета в Болгарии с июня 1920 до января 1931 г. // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 41. Л. 21.

³⁵⁶ *Ермаков Б., свящ.* Историческая записка о пастырско-богословском училище в монастыре Св. Кирика... С. 21.

³⁵⁷ Организация и учебный план русских детских домов ВСГ и 3-Г.К. в Болгарии // ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 60 об.

³⁵⁸ Положение о русских гимназиях Всероссийского союза городов и Зем.-гор. комитета в Болгарии. С. 1–2; Правила приема воспитанниц в русские женские учебные заведения, в Коро-

левстве СХС находящиеся, 12 августа 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-6792. Оп. 1. Ед. хр. 118. Л. 269–270; Выписка из Правил приема воспитанников и воспитанниц в учебные заведения ВСГ в Королевстве СХС, 20 июня 1923 г. // ГАРФ. Ф. Р-5771. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 197–198 об.

³⁵⁹ Државна комисија Краљевине СХС... (Л. 269–270).

³⁶⁰ Там же; Выписка из Правил приема...; Организация и учебный план русских детских домов ВСГ и 3-Г.К. в Болгарии // ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 210. Л. 60 об.

³⁶¹ Крестовоздвиженская школа 1920–1932. С. 10–12; Мариинский Донской институт. С. 11.

³⁶² Журнал заседания школьно-педагогического совещания при Особоуполномоченном ВСГ в Королевстве СХС, 15 марта 1923 г. // ГАРФ. Ф. Р-5771. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 164.

³⁶³ Соковнин П.Н. Данные опыта русских учебных заведений в Болгарии... С. 29–30; см. также: Димий Љ. Руско школство у Краљевини Југославији 1918–1941. С. 43.

³⁶⁴ Соковнин П.Н. Данные опыта русских учебных заведений в Болгарии... С. 48–58; Доклад профессора-психиатра Краинского по его поездке в Крымский кадетский корпус // АСАНУ. 14386. Несређена грађа.

³⁶⁵ Арсеньев А. У излуцины Дуная... С. 143; *Halafoff I.V.* An autobiographical sketch. P. 14–16.

³⁶⁶ Первый Русский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус... С. 68–106.

³⁶⁷ Крестовоздвиженская школа 1920–1932. С. 13–15.

³⁶⁸ Мариинский Донской институт. С. 16–17.

³⁶⁹ Спекторский Е.В. Десятилетие Русского научного института в Белграде (1928–1938) // Записки Русского научного института в Белграде. 1939. Т. 14. С. 3–27; *Тарановски Т.* Руска књижевност и наука у емиграцији // Летопис Матице Српске. Нови Сад, 1930. Књ. 325. Св. 1/3. С. 219–220; о деятельности института см. также: *Арсеньев А.* Русская диаспора в Югославии. С. 62–64; *Бурић О.* Руска литерарна Србија... С. 207–215.

³⁷⁰ Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. Белград, 1931–1941. Вып. 1–2.

³⁷¹ Горяинов А.Н. Культурно-просветительные организации русских эмигрантов в Болгарии (до начала 30-х годов XX века). С. 28.

³⁷² Даскалов Д. Бялата емиграция в България. С. 127.

³⁷³ *Ruska emigracija u Jugoslaviji: (Policijski elaborat).* Bileća, 1953. S. 435. (Библиотека Института современной истории, Београд); в этом документе приводятся данные о том, что университет был закрыт в 1927 г.

³⁷⁴ Горяинов А.Н. Культурно-просветительные организации русских эмигрантов в Болгарии (до начала 30-х годов XX века). С. 31–32.

³⁷⁵ Арсеньев А. Русская диаспора в Югославии. С. 53–54.

³⁷⁶ Ратиев А. То, что сохранила мне память. С. 534–537; Даскалов Д. Бялата емиграция в България. С. 108–109.

³⁷⁷ Спасов Л. Русские ученые-белоэмигранты в Болгарии (1920–1930 годы) // *Bulgarian historical review.* Sofia, 1992. №. 4. С. 107–109; см. также: Ратиев А. То, что сохранила мне память. С. 527–542.

³⁷⁸ Спасов Л. Русские ученые-белоэмигранты в Болгарии (1920–1930 годы). С. 109.

³⁷⁹ Там же; О сотрудничестве проф. Гримма с советскими спецслужбами подробнее см.: *Jovanović M.* Boljševička agentura na Balkanu... S. 37–50.

³⁸⁰ Ратиев А. То, что сохранила мне память. С. 527–542; Спасов Л. Русские ученые-белоэмигранты в Болгарии (1920–1930 годы). С. 109–112; Даскалов Д. Бялата емиграция в България. С. 123–128.

³⁸¹ Политика. Београд, 1920. 16 марта.

³⁸² *Клисић Ј.* Медицински факултет у Београду // Српски архив за целокупно лекарство. Београд, 1922. Св. 2/3. С. 63–64.

³⁸³ Арсеньев А.Б. Культурные организации русской интеллигенции в Югославии 1920–1944 // Русская культура XX века: Метрополия и диаспора. (Блоковский сборник. XIII). Tartu, 1996. С. 327; *Бурић О.* Руска литерарна Србија... С. 27–29; *Аксенова Е.П.* Русские ученые-эмигранты первой волны в Югославии (по материалам архива А.В. Флоровского) // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 148–166; *Писарев Ю.А.* Российская эмиграция в Югославии // Новая и новейшая история. М., 1991. № 1. С. 151.

³⁸⁴ Ратиев А. То, что сохранила мне память. С. 556–557; I русско-сербская гимназия. С. 79–82.

- ³⁸⁵ Даскалов Д. Бялата емиграция в България. С. 105.
- ³⁸⁶ Јовановић М. Руски емигранти професори на факултетима и школама у Србији 1920–1940 // Руски емигранти: Професори на универзитету и у школама Србије. Каталог изложбе. Београд, 1993. С. V.
- ³⁸⁷ Очерк деятельности Всероссийского земского союза... С. 100–101, 103.
- ³⁸⁸ Арсеньев А. У излучини Дуная... С. 159.
- ³⁸⁹ Очерк деятельности Всероссийского земского союза... С. 101.
- ³⁹⁰ Очерк деятельности Русской публичной библиотеки от мая 1928 по май 1932 // АСАНУ. 14386. 2461; Бурић О. Руска литерарна Србија... С. 37.
- ³⁹¹ Горяинов А.Н. Культурно-просветительные организации русских эмигрантов в Болгарии (до начала 30-х годов XX века). С. 27; Русско-болгарский культурно-благотворительный комитет 1920–1925. С. 27.
- ³⁹² Горяинов А.Н. Культурно-просветительные организации русских эмигрантов в Болгарии (до начала 30-х годов XX века). С. 32.
- ³⁹³ Бурић О. Руска литерарна Србија... С. 37–38, 180–244; Арсеньев А. У излучини Дуная... С. 94–104; J.N. Katchaki. Bibliography of Russian refugees... P. 283–320.
- ³⁹⁴ Даскалов Д. Бялата емиграция в България. С. 121–122.
- ³⁹⁵ Бурић О. Руска литерарна Србија... С. 35–37; Даскалов Д. Бялата емиграция в България. С. 121.
- ³⁹⁶ О русской литературе в эмиграции подробнее см.: Г.П. Струве. Русская литература в изгнании.
- ³⁹⁷ Бурић О. Руска литерарна Србија... С. 45.
- ³⁹⁸ Там же. С. 45–132; Долматова Г. А мы виновны без вины: Русские югославские поэты // Новый мир. М., 1991. № 9. С. 156–163; Даскалов Д. Бялата емиграция в България. С. 118–119, 122; Струве Г.П. Русская литература в изгнании. С. 359, 362, 370.
- ³⁹⁹ О литературных кружках как части русской литературной традиции, и в особенности о парижских кружках, подробнее см.: Струве Г.П. Русская литература в изгнании. С. 135–138.
- ⁴⁰⁰ Бурић О. Руска литерарна Србија... С. 59–60.
- ⁴⁰¹ Там же. С. 45–132.
- ⁴⁰² Союз русских поэтов в Белграде («Книжный кружок»). Торжественное заседание, посвященное памяти Н.С. Лескова // ГАРФ. Ф. 9145. Оп. 1. Ед. хр. 907. Л. 6.
- ⁴⁰³ Николаев Д.Д. «Зарнишы» // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). М., 1998. Т. 2. Ч. 3. С. 224–225.
- ⁴⁰⁴ О деятельности союза и о съезде подробнее см.: Ксюнин А. Отчет о деятельности Союза за 1927–1928 года, 22 декабря 1928 г. // АСАНУ. 14386. 2449; Бурић О. Руска литерарна Србија... С. 144–168; Арсеньев А. Русская диаспора в Югославии. С. 58–61; Шумихин С.В. Союз русских писателей и журналистов в Югославии // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). Т. 2. Ч. 3. С. 58–60; Рудаков П. Руси у Београду 1928. године // Книжковне новине. Београд, 1991. 15 апр.; Жуков J. Конгрес руских књижевника и новинара // Мисао. Београд, 1928. Књ. 28. Св. 3/4. С. 252–254; Паунковић З. Одејци боравка Мерешковског, Зинаиде Хипијус, Куприна, Чирикова и Зајцева... С. 31–39.
- ⁴⁰⁵ Даскалов Д. Издательская деятельность русской эмиграции в Болгарии. С. 85; Он же. Бялата емиграция в България. С. 118–120.
- ⁴⁰⁶ С этой точки зрения крайне логичной и точной представляется оценка Д. Даскалова: «Русская литература, опубликованная в Болгарии, — это не только поток общей русской культурной традиции, но и часть болгарской культуры. Ее достижения и пики (какими бы скромными или величественными они ни были) присутствуют в болгарской литературе и дополняют ее разнообразную тематику» (Даскалов Д. Бялата емиграция в България. С. 122).
- ⁴⁰⁷ Суботић И. Руски сликари у београдском народном музеју // Руска емиграција у српској култури XX века. Београд, 1994. Т. 2. С. 68.
- ⁴⁰⁸ Вујовић Б. Улога руских уметника у развоју ликовне културе у Србији // Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. Београд, 1994. Т. 2. С. 53.
- ⁴⁰⁹ Даскалов Д. Бялата емиграция в България. С. 168–169.
- ⁴¹⁰ Ратиев А. То, что сохранила мне память. С. 564–568; Даскалов Д. Бялата емиграция в България. С. 115–116.
- ⁴¹¹ Вујовић Б. Улога руских уметника у развоју ликовне културе у Србији // Руска емиграција у српској култури XX века. Београд, 1994. Т. 2. С. 53–61; о творчестве С.Ф. Колесникова подробнее

см.: *Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л.* Художники русской эмиграции (1917–1941). С. 250–251; *Никифоров К.В.* Русский Белград: К вопросу о деятельности русских архитекторов-эмигрантов // Славяноведение. М., 1992. № 4. С. 37–38.

⁴¹² *Јовановић М.* Опленец — храм Светог Ђорђа и маузолеј Карђорђевића. Топола, 1989. С. 83–92; *Вујовић Б.* Улога руских уметника у развоју ликовне културе у Србији. С. 58–59; *Рајчевић У.* Синодска иконописна школа у манастиру Раковица код Београда // Руска емиграција у српској култури XX века. Београд, 1994. Т. 2. С. 78–82.

⁴¹³ *Милановић О.* Допринос руских уметника развоју сценографије код Срба // Руска емиграција у српској култури XX века. Београд, 1994. Т. 2. С. 92–103; *Milanović O. Vladimir Žedrninski: Scenograf i kostimograf.* Beograd, 1987; *Вујовић Б.* Улога руских уметника у развоју ликовне културе у Србији. С. 58.

⁴¹⁴ *Бодановић Ж.* Руси су дошли, или По ведром дану можете видети вечност // Руска емиграција у српској култури XX века. Београд, 1994. Т. 2. С. 70–76; *Lakićević-Pavićević V.* Ilustrovana štampa za decu kod Srba. Beograd, 1994. S. 38–53.

⁴¹⁵ *Ратишев А.* То, что сохранила мне память. С. 562–564, 678; те же данные (вероятно, заимствованные у А. Ратишева) приводятся и в кн.: *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. С. 116, 168–169.

⁴¹⁶ Велика изложба руске уметности: Каталог. Београд, 1930; *Јовановић М.* Изложба руске уметности у Београду 1930. године // Зборник Народног музеја. Београд, 1990. Књ. 14. Св. 2. С. 153–161.

⁴¹⁷ *Петров М.С.* Изложба руским уметника у Београду // Летопис Матице Српске. Нови Сад, 1928. Књ. 316. Св. 3. С. 441–443; *Стојановић С.* Руска емиграција у уметности код нас // Мисао. Београд, 1928. Књ. 27. Св. 1/2. С. 74–77.

⁴¹⁸ *Латинчић О., Ракочевић Б.* Архитекта Валериј Владимирович Сташевски: Живот и стваралаштво у Београду 1920–1944 // Архитекта Валериј В. Сташевски: Живот и стваралаштво у Београду, 1920–1944: Каталог изложбе. Београд, 1999. С. 2.

⁴¹⁹ О деятельности русских архитекторов в Белграде, Сербии и Югославии существует исключительно богатая научная литература. Стоит обратить внимание читателя лишь на те работы, которые дают общий обзор их деятельности и содержат ссылки на литературу по конкретным аспектам этой деятельности: *Шкаламера Ж.* Архитекта Никола Краснов (1864–1939) // Свеске Друштва историчара уметности Србије. Београд, 1983. Св. 14. С. 109–129; *Кадџевић А.* Изложбе руских архитеката у Београду између два светска рата // Руска емиграција у српској култури XX века. Београд, 1994. Т. 1. С. 293–300; *Никифоров К.В.* Русский Белград: К вопросу о деятельности русских архитекторов-эмигрантов. С. 33–44; *Тошева С.* Капитална дела руских архитеката у Београду // Руска емиграција у српској култури XX века. Т. 1. С. 302–307; *Кадџевић А.* Прилог проучавању дела архитекте Николе Краснова у Југославији (1922–1939) // Саопштења. Београд, 1994. Т. 26. С. 181–192; *Миловановић М.* Архитекта Григорије И. Самојлов // Руска емиграција у српској култури XX века. Т. 1. С. 293–300; *Латинчић О., Ракочевић Б.* Архитекта Валериј Владимирович Сташевски... С. 2–4.

⁴²⁰ *Межински Ј.* Дела руских уметника у београдским приватним збиркама // Руска емиграција у српској култури XX века. Т. 2. С. 84.

⁴²¹ Политика. Београд, 1920. 8 дец.

⁴²² Часть труппы Художественного театра во главе с Качаловым и Книппер-Чеховой в 1919 г. во время гастролей в Харькове оказалась на территории, находившейся под контролем антибольшевистских сил. С того момента для многих из них начались многолетние гастроли (правда, уже в 1922 г. часть труппы во главе с Качаловым и Книппер-Чеховой вернулась в Советскую Россию), в ходе которых труппа посетила многие европейские столицы. В Софии труппа дала пять представлений: «Дядя Ваня», «Вишневый сад», «У врат царства», «У жизни в лапах» и «Три сестры», а в Белграде то же, но вместо двух последних — «Братья Карамазовы» (*Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. С. 114; *Божовић З.* Допринос художественика афирмацији чеховљеве драме у Србији // Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Београд, 1994. Књ. 2. С. 109)

⁴²³ *Арсеньев А.* У излуцины Дуная... С. 192–204; *Арсеньев А.* Рацитин међу руским емигрантима. С. 249–264; *Милановић О.* Допринос руских уметника развоју сценографије код Срба. С. 92–103; *Milanović O. Vladimir Žedrninski: Scenograf i kostimograf,* Beograd, 1987; *Божовић З.* Допринос художественика афирмацији чеховљеве драме у Србији. С. 109–114; *Марјановић П.* Контроверзе реди-теля Јурија Љвовича Рацитина // Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Београд, 1994. Књ. 2. С. 115–118.

⁴²⁴ *Арсеньев А.* Показаћемо да и овде, далеко иза граница отаџбине живи моћ стварања...: Руски уметници у Краљевини Југославији // Зборник Матице Српске за сценске уметности и музику. Нови Сад, 1995. Св. 15. С. 197.

⁴²⁵ *Мосусова Н.* Руска уметничка емиграција и музичко позориште у Југославији између два светска рата // Руска емиграција у српској култури XX века. Т. 2. С. 139–149; *Павловић М.* Институционализовање опере (и балета) у Народном позоришту у Београду и руски уметници // Там же. С. 153–168; *Петровић В.* Руски оперски певачи и београдска музичка критика и публика // Там же. С. 171–177.

⁴²⁶ *Павловић М.* Институционализовање опере (и балета) у Народном позоришту у Београду... С. 153–168; *Јовановић М.* Јелена Пољакова на београдској балетској сцени // Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Београд, 1994. Књ. 2. С. 179–186; *Шукуљевић-Марковић К.* Улога руских уметника у стварању балета Народног позоришта у Београду 1920–1944 // Там же. С. 187–208.

⁴²⁷ *Русский театр в Белграде* // ГАРФ. Ф. Р-6792. Оп. 1. Ед. хр. 659. Л. 86–87 об.; *Арсеньев А.* Русская диаспора в Югославии. С. 57–58; *Марковић О., Чолић Д.* Александар Черепов и «Руско драмско позориште за народ» // Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Београд, 1994. Књ. 2. С. 129–137.

⁴²⁸ *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. С. 109–115, 168–169; *Ратиев А.* То, что сохранила мне память. С. 566–570, 678; *Дертлиева А. Н.О.* Масалитинов... С. 185–205.

⁴²⁹ Библиографические данные о ежедневных и ежемесячных изданиях систематизированы только по территории Югославии, где число выходивших газет, журналов и других периодических изданий превышало 220, а по Болгарии существуют лишь общие данные о 87 изданиях (*Katchaki J.N.* Bibliography of Russian refugees... Р. 207–242; *Даскалов Д.* Издательская деятельность русской эмиграции в Болгарии. С. 87–89); точных сведений по Константинополю нет (хотя есть данные, что там выходили по меньшей мере два издания).

⁴³⁰ *Быстрова О.В.* «Новое время» // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). М., 1997. Т. 2. Ч. 2. С. 86–91.

⁴³¹ *Трущенко Е.Ф.* «Русская мысль» // Там же. С. 251–258.

⁴³² *Николаев Д.Д.* «Зарницы». С. 221–229.

ЧЕЛОВЕК

Жизнь русских эмигрантов на Балканах определялась, с одной стороны, характеристиками группы, которые выделяли ее из окружения, а с другой стороны, самим окружением, его особенностями, возможностями и потребностями. Между этими двумя полюсами жил, творил или, будучи неудовлетворенным, терялся в бесконечных скитаниях русский человек, оказавшийся в изгнании на Балканах. Русский человек сталкивался с патриархальной балканской средой, имевшей собственные правила, потребности, возможности, менталитет и ограничения. В этой среде он оказывался обычно один или, реже, со своей семьей. Беженец был постоянно психологически напряжен, находился в стрессовом состоянии, менялся в изгнании, но все же по-своему, по-русски, выделялся из всей окружавшей его среды. Этот русский эмигрант все время находился перед выбором — либо полностью интегрироваться в новое общество и подвергнуться в результате этого опасности ассимиляции, либо любыми способами, даже ценой новых (э)миграций, сохранять свою самобытность...

Без знакомства с жизнью отдельного человека невозможно понять всю совокупность феномена русской эмиграции. Политика, которая вызвала изгнание сотен тысяч человек, представляла собой лишь поверхностный слой исторической реальности эмиграции. Тонкий внутренний слой, который формировался в политических и военных планах возврата на Родину, не имел реальных корней в межвоенной европейской действительности. Та группа, к которой принадлежали беженцы, представляла собой структурные рамки жизни в эмиграции, создавая один из важнейших факторов определения места русского человека в новом для него обществе. Специфическое эмигрантское общество и те организации, которые занимались проблемами эмигрантов, придавали русский характер общественной жизни в изгнании. Однако с социально-исторической точки зрения именно жизнь отдельного человека стала важнейшим фактором эмигрантской реальности. Внутренние переживания и восприятие сложившейся ситуации формировали историко-антропологические аспекты феномена Русского Зарубежья. Сильные психологические потрясения, которые вызывало изгнание в жизни отдельного человека, вся сумма его страхов, усиленный стресс и чувство потери были характерными для первых лет жизни в эмиграции в той же мере, как и тяжелая борьба за простое выживание. Эти переживания неизбежно отразились на семейной жизни и браке, на общественной роли русской женщины, а также на положении и самосознании детей. Помимо этого эмигрантскую повседневность в большой мере определяли проблемы трудоустройства и условий трудовых отношений. В то же время историко-антропологические вопросы, связанные со свободным временем, религией, болезнью и смертью, формировали самую глубокую, интимную реальность эмигрантской жизни. Без знакомства с этими интимными ощущениями отдельной личности невозможно до конца понять характерные особенности поведения, мышления и общественную деятельность на уровне групп или даже всего эмигрантского общества.

Конечно, тяжело (а точнее — невозможно) обработать все 100 тыс. отдельных эмигрантских биографий и описать их таким образом, чтобы получить представление о каждом конкретном человеке. Личные переживания, а значит и воспоминания разных людей всегда различались, имели особые, неповторимые черты. Вот почему эту историографически достаточно разобщенную проблему необходимо обобщить, обращая особое внимание на несколько различных исторических и антропологических проблем: психологические аспекты, проблемы детства, семейных отношений, положение женщины, вопрос трудоустройства, болезни, старости и т.д. Такой подход позволяет с помощью нескольких исторических штрихов придать объем нашим представлениям о феномене русской эмиграции.

МЕЖДУ ИДЕАЛОМ И ЖИЗНЬЮ: ЛИЧНОСТЬ И ЭМИГРАЦИЯ

Эти константинопольские русские, эти
дети бесконечных эвакуаций...

В.В. Шульгин¹

Еще Л. Февр обращал внимание на разницу между намерениями (планами) и результатами уже осуществленных действий. Теоретически намного более точно эту историографическую проблему разрешил Г. Дрессель, подчеркивая, что человек одновременно является и структурированным, и структурирующим существом. Существом, действующим в целом автономно и свободно, но на поведение которого всегда влияли исторические, социальные, общественные и культурные структуры². Именно несоответствие между планами и результатами действий и определило судьбу русского человека в изгнании. Он сам, свободно следуя различным идеалам, принимал решение бороться за ценности старой России как своей родины. Но под влиянием ряда политических и военных событий, имевших место в России со времен октябрьской революции до начала зимы 1920 г., этот человек оказался в ситуации, полностью противоположной его первоначальному замыслу, был вынужден покинуть родину и жить в изгнании.

Вся масса пережитого, по определению Ж. Гурвича, в то же время коллективна, интерперсональна и индивидуальна, идет ли речь о сознательном, несознательном или бессознательном. Психологическая жизнь развивается на всех уровнях общественного бытия, составляя важную часть этого бытия и в то же время будучи пропитана им³. Для русского человека всё пережитое было наполнено разнообразными стрессами, кризисными психологическими проблемами, субъективными и объективными ощущениями потерь, травм, бед. Русский человек участвовал в боях, был ранен, жил в разрухе, покидал родной дом, терял ближайших родственников, друзей, любимую работу, родину, жил в беженских лагерях, в палатках и вагонах, на палубах кораблей, был вынужден томиться в очередях за гуманитарной помощью, жил, осененный незримым присутствием смерти, с постоянным ощущением опасности и угрозы. Конечно, в жизни беженцев встречались и жизненные радости, большие и маленькие. Но многочисленные проблемы беженцев, как, например, безработица, вызывали ощущение нестабильности и приводили к новым скитаниям, распаду семьи, болезням, суицидальному поведению и т.д. Это влияло на то, что эмигрантская жизнь, если посмотреть на нее обобщенно, полна печали, тоски по потерянному, по неисполнившимся планам, которые были начертаны когда-то.

На уровне психологии отдельной личности эмиграция выглядела как настоящий жизненный и экзистенциальный кризис. Это был длительный процесс, в течение которого уничтожались многие точки опоры и равновесия в жизни индивида, но в то же время создавались новые опорные точки. Речь идет о тяжелом и трагическом жизненном опыте, который человек обретал, пытаясь переболеть пережитым и адаптироваться к новым условиям жизнедеятельности. Сущность этого процесса заключалась в поиске наиболее успешных и подходящих способов преодоления кризиса. Современная психология

выделяет различные психологические фазы, через которые человек проходит в ходе подобного процесса — предчувствие, интуицию, столкновение, конфронтацию, а также постконфронтацию и разнообразные механизмы и модели преодоления кризиса. В первой фазе предчувствия или интуиции наблюдалось три модели преодоления: 1. Преуменьшение проблемы (уверенность в том, что эмиграция — это ненадолго и что очень быстро, «когда ситуация стабилизируется», можно будет вернуться домой). 2. Дистанцирование от проблемы, нежелание думать об опасности (вследствие этого из страны уезжали в последний момент, без каких-либо средств для дальнейшей жизни, в панике и часто — неорганизованно). 3. Реальная оценка опасности, в результате чего некоторое количество будущих эмигрантов правильно оценивали признаки грядущей беды и с определенным имуществом покидали зоны напряженности. Фазу столкновения или конфронтации характеризуют две модели — бегство и борьба. В последней фазе (постконфронтация) эмигранты сталкивались со своими эмоциями и поэтому проходили фазу легкой эйфории (которая практически была моделью когнитивного определения проблемы — «важно, что мы живы»), затем фазу печали (во время которой приходило осознание потерь и ясно ощущалась невозможность удовлетворить две важные человеческие потребности — принадлежности к общности и самоуважения), фазу протеста (когда проявлялась ненависть ко всем) и в конце концов фазу, в которой эмигранты разделялись на две группы: на людей, готовых искать альтернативные решения (когда их поиск становится доминантным в механизме преодоления, например, поиск работы, переквалификация и т.д.), и на тех, которые следовали модели преодоления, известной как «безропотное согласие»⁴.

Отъезд в эмиграцию внес в жизнь русского человека ряд изменений, тяжелых потрясений и переломов. Существование, полное стрессов, повседневных потерь и экзистенциальных кризисов, сумрачное настоящее и неизвестное будущее были «результатом» великих усилий, вложенных в борьбу за сохранение (и обновление) «старой» России. Борцы за монархическую Россию остались без родины и в буквальном, и в переносном (символическом) смысле. Но дух этой борьбы, который они принесли с собой в изгнание, породил воображаемые конструкции, которые дали жизнь русскому зарубежью. В этом мире русский человек, где бы он ни жил, постоянно находился на полдороге между идеалом и реальностью.

Разнообразные переживания, ежедневные глубокие потрясения, с которыми сталкивался русский человек (и под влиянием которых он находился), выразились в том, что стали формироваться различные уровни воспоминания о пережитом: о России (дореволюционном спокойствии), о войнах (Первой мировой и Гражданской), о самом моменте расставания с родиной и в конце концов о жизни в изгнании.

РЕШЕНИЕ

Одна из самых характерных деталей, которые обычно присутствуют в мемуарах эмигрантов, — это воспоминания о последних днях и мгновениях, проведенных на родине, и о том моменте, когда беженцы расставались с родиной, причем большинство из них расставались с ней навсегда. В этих воспомина-

ниях сконцентрирована вся масса пережитого и страх пред грядущим, полностью раскрывается глубокая психологическая драма отдельного человека.

И.А. Быкадоров, который в межвоенный период жил в Греции, Болгарии и Югославии, описывал свой отъезд следующим образом: «Среди всеобщей паники, возникшей в силу приближения линии фронта гражданской войны, меня привезли (ходить я еще не мог) на пароход Красного Креста, который покинул русский порт Новороссийск 22.02.1920 и отплыл — в неизвестность. Все это случилось однажды утром, будто во сне. После страшной болезни (тиф) я был — живой скелет, не способный ни на что реагировать. Когда корабль отошел уже далеко в морские просторы, кто-то рядом со мной сказал: “С горизонта исчезла русская земля”, — слова, врезавшиеся в память. Все это действовало на меня ужасающе. Я стал задавать себе вопросы: “Что же все-таки происходит?! Куда я плыву? Зачем?”... На семнадцатом году жизни я не мог еще проанализировать всего хода событий. Этот эпохальный сдвиг не вмещался в мою голову, не могли понять его и взрослые, искушенные жизнью люди. Лишь в самых грубых очертаниях было ясно, что происходит. Революция победила — а что это на деле означало... Во всяком случае, ни в чьей голове не умещалась мысль, что мы покидаем родную землю навсегда... Каждый из нас надеялся, что это не так, что это временно, что все же какое-то решение будет найдено...»⁵

Свои детские ощущения при отъезде описала (много лет спустя) И.В. Ха-лафова, которая после отъезда из страны жила на Принцевых островах и в Югославии: «По дороге в Ростов умерла маленькая Верочка Марьюшкина — первая виденная мною смерть... В Новороссийске остановились на каких-то запасных путях. Дул норд-ост, и тут мы, дети, заболели корью и сыпным тифом (заболела, но легко, и Паша). Это был кошмар: красные, зеленые, всякие наступали со всех сторон. Мы, дети, с температурой сорок, мама с температурой сорок два и почти без сознания, оставаясь на ногах, ухаживала за нами вместе с Пашей и отцом... Отец потом говорил, что такого ужаса он никогда не переживал, сознавая, что в случае прорыва красных ему придется застрелить нас и себя. Но Никола Угодник был за нас, мы стали поправляться, началась эвакуация... Наголо обритые, вшивые, истощенные и слабые, мы взошли на миноносец. Маму Паша внесла на руках. Отец отправился в Крым. Он потом вспоминал то чувство необыкновенного облегчения, когда миноносец скрылся из вида»⁶.

Э.Н. Гиацинтов, офицер Белой армии, живший одно время в Югославии, передал весьма впечатляюще, хотя и по-военному кратко, ощущения и дилеммы, возникающие у человека при отъезде в изгнание: «Так или иначе, 1 ноября 1920 г. мы тронулись в полной неизвестности в открытое море, не зная, куда идти и кто и где нас примет. Итак, 1 ноября в последний раз в своей жизни я видел берега России»⁷. В подобной ситуации кн. А.Л. Ратиев, который жил в Болгарии, особое внимание обратил на личные колебания, размышления, дилеммы и ощущение ответственности и потери при разделении семьи и драме прощания с родиной: «В сотый раз за эти дни задаю себе вопрос: имел ли я право покинуть своих близких — мать, отца, брата — глухонемых. За их судьбу еще с детства я привык, в какой-то мере, чувствовать свою ответственность. Покинуть свое насиженное гнездо, Ялту, и променять его на полную неизвестность чуждого мира за границы они категорически отказались. Только логи-

кой убеждаю себя, что жертва с моей стороны оказалась бы беспредметной. Ведь только неделю тому назад я получил повторный совет-предупреждение, что мне следует уехать непременно, так как расправа в Крыму со всеми оставшимися будет жестока и беспощадна.

— Не забывайте, что у вас есть титул! Это будет вам приговором. <...>

Не отрываясь, смотрю в сторону берега. Сон или явь? Перед глазами призраки пустынного острова. Нигде ни одного проблеска, ни одного освещенного окна... Кажется, что жизнь задержалась только здесь, на палубе парохода, где тускло горят три электрические лампочки, а на мачте одиноко мерцают сигнальные ходовые огни. Несмотря на то что пароход перегружен до отказа, несмотря на то что на палубе, в гуще голов, рук и ног, среди наваленных в беспорядке узлов, чемоданов почти нет свободной щели, чтобы поставить ногу, всюду царит приглушенная тишина. Только кое-где тихо переговариваются голоса. <...>

С недоступного уже для нас и уже, кажется, враждебного берега доносится далекий шум прибоя. Дуновение ветра движет запахи просмоленных канатов, разогретого машинного масла, пересыпанных нафталином, сваленных в кучу кож, чередуя это со свежим и крепким запахом моря. Оттуда, где на полу, у парового носа, пристроилась группа из нескольких казаков, доносится тихое, чуть слышное пение:

Про-ости, проща-ай, семья родна-ая,
Прости-ите ми-илые друзья...

Как подходят эти незамысловатые слова к тому, что напоминает сейчас все мое существо. Точно древний установленный обычай, ритуал, точно заклинание дают они отдушину накопившейся горечи. Сколько казачьих поколений, уходя в далекие походы, словами старинной песни убаюкивали свою тоску, неизбежность расставаний?

Голоса замолкают, и снова слышится только шум далекого прибоя»⁸.

С таким наследием, тяжелым бременем пережитого, психологическими потрясениями и конфликтами в душе, с крайне неясным и туманным видением будущего, перспектив и самой жизни, отягощенный страхами и сомнениями, русский человек оказался в изгнании.

В ИЗГНАНИИ

С первого взгляда становится понятным, что будущие эмигранты в психологическом аспекте даже во время отъезда из страны были уверены, что уезжают в изгнание на незначительное время, т.е. стремились минимизировать проблему, каким-то образом дистанцироваться от нее и подавить мысли о потенциальной угрозе. Этот механический путь преодоления наблюдался также в первые дни и месяцы жизни в изгнании. Именно эти модели поведения можно обнаружить в упомянутых выше воспоминаниях И.А. Быкадорова: «Каждый из нас надеялся, что это не так, что это временно, что все же какое-то решение будет найдено...»⁹, как и в популярном среди беженцев в начале 1920-х

годов выражении о «сидении на чемоданах», и в типичном рождественском пожелании «встретить следующее Рождество дома»... Это вполне понятно, если учесть, что для большинства отъезд в изгнание произошел внезапно, без подготовки и, по сути дела, представлял собой бегство от смертельной опасности. Лишь небольшое количество людей, столкнувшись с угрозой и правильно оценив первые признаки приближавшейся беды, смогли материально и психологически подготовиться к изгнанию. Так поступили самые первые беженцы из России, которые появились в некоторых европейских государствах еще во время большевистского переворота и спустя несколько дней после него¹⁰.

Сам отъезд в эмиграцию сопровождался легкой эйфорией, можно даже сказать — радостью из-за того факта, что хотя бы жизнь была спасена, и что наконец-то закончилась полная стрессов и опасностей, непредсказуемая военная ситуация. Образно это появление легкой эйфории среди беженцев описал Ратиев, говоря о прибытии корабля, на котором он покинул Россию, к берегам Константинополя: «Тишина, спокойствие. В сердце невольно рождается радость за всех мирно живущих здесь. Радость и за себя! Чем она обоснована? Только чувством освобождения от неизбежной обреченности, радость готовности принять и пройти все испытания, которые нам предстоят»¹¹. Похожее ощущение облегчения у беженцев демонстрирует и утверждение П.А. Митропана: «Приезд в Югославию в 1920 году означал отдых после кровавой и жестокой, воистину фантастической борьбы гражданской войны, после страшных картин разрушения и гибели...»¹²

Понятно и то, что в течение первых нескольких месяцев или даже лет после прибытия в изгнание, столкнувшись с повседневной реальностью эмиграции, большинство было склонно в качестве пути выхода из кризиса избрать скорее модель борьбы, чем бегства. Это отлично подметил П.Н. Милоков: «Принимавшие непосредственное участие в вооруженной борьбе психологически не могут оторваться от своего прошлого, хотя события и выбросили их в совершенно иную жизненную обстановку. Они все еще считают возможным продолжать борьбу в старой форме, не успев осознать, что объективные условия делают это совершенно невозможным»¹³. Но это ощущение было таким же обманчивым, как и краткосрочным.

Как только прошло ощущение легкой эйфории после попадания в новую среду, сразу же стали проявляться эмоции. Потянулись недели, месяцы и даже годы тоски. От ностальгии не было ни спасения, ни действенного лекарства. Депрессия становилась все более частым спутником эмигрантского скитания и одиночества. Это особенно подчеркивал А.М. Тимченко, контролер представительства Всероссийского земского союза в Королевстве СХС, в конце 1920-го или в начале 1921 г.: «Размышления о минувшем прошлом, бесправие, безрезультатное гадание, чем бы заняться в настоящем и неясные, но безотрадные перспективы в будущем — вот обычное содержание мыслей и разговора такого беженца... Пребывая в полной неизвестности о том, что их ожидает, и не находя поддержки, они положительно теряются, и многие близки к отчаянию»¹⁴. Ситуацию значительно усугубляли материальные бедствия, которые испытывали в начале эмиграции большинство беженцев. Русские эксперты, изучая поведение беженцев в салоникском лагере, отмечали: «Опыт показывает, что лица, находящиеся в тяжелом материальном положении, ста-

новятся склонными к расточительности, когда в их руки попадает неожиданно крупная сумма денег»¹⁵. Депрессия, усиленная бедностью, ностальгией и ощущением бесперспективности, в некоторых случаях была настолько сильной, что требовалось медицинское лечение. Случалось даже, что родители были вынуждены оставлять своих детей, чтобы пройти курс лечения в больнице¹⁶. Были и случаи, когда продолжительные депрессии, несмотря на интенсивное лечение, вызывали неизлечимые психические расстройства¹⁷. Одним из самых доступных и наиболее опасных в психологическом и социальном плане способов, которым эмигранты пытались побороть депрессию, было чрезмерное употребление алкоголя. Еще весной 1919 г., когда шла Гражданская война в России, были зафиксированы случаи, когда русские офицеры в Белграде, получая средства от различных гуманитарных организаций, затем их «открыто, не стесняясь, пропивают с женщинами»¹⁸. Свидетельство о чрезмерном употреблении алкоголя оставила и Е.Ж. Гильотен: «Сначала все смотрели, оценивали, как будто выбирали лопату, которой они начнут расчищать свой жизненный путь. Многие пили. Пили отчаянно, и пьянство будто бы ставило на всех какую-то судьбоносную печать. Народ в стране пытался понять, жалел, но начинал и презирать. “Пьет, как русский”, — такое появилось выражение»¹⁹.

Ностальгию, депрессию и тяжелое психологическое состояние эмигрантов замечали и местные жители. Это прекрасно демонстрирует живописная цитата, окрашенная местными языковыми особенностями Лесковацкого края: «Почитай, и не вспомнить такой красоты, как, помнится, красота Иосифа Руса, офицера. Так уж ему было суждено, что был красив. Большой такой, с усами и пригожий, а воскресным днем или в другой какой праздник, как натянет тот Иосиф черную офицерскую форму да как пройдет по улице — загляденье. Но съела его тоска и жалость по России. От того ли или от чего ли — а только пил, пока у него было что выпить, как все выпьет — только курил. Както раз выбежал из дому и больше уж сам не вернулся, а нашли и принесли его назад люди, потому как Иосиф, русский офицер, повесился в сипковацком лесу. <...> Вот и “Графиня Анна”, как говорила Деска Кобылкина, “печалилась и неможилась от тоски по России и по прежней жизни”. И умерла графиня Анна в 1935 году от тоски...»²⁰

Русский человек в эмиграции, оторванный от корней и родины, оказался в новой среде без имущества, без родственников и друзей, утратив даже профессиональную идентификацию, что резко нарушает личностную идентификацию в целом, в особенности у высокообразованных людей. Это ощущение сопровождалось сильно выраженной потребностью в самоуважении и принадлежности к какой-нибудь группе. На первое ясно указал в своих воспоминаниях выдающийся русский политик В.В. Шульгин, который в межвоенный период жил сначала в Константинополе, а затем в Югославии: «Вместо уважения... Вот на Grand-rue de Pera французский “городовой” останавливает русских офицеров, проверяя документы... Тон, манеры, это наглое хватание за рукав или, что еще хуже, похлопывание по плечу, этот покровительственно-небрежный тон, жест, когда — полутрамотный — он наконец найдет на документе французское рукоприкладство: “Vue à l’arrivée” — все это заставляет стиснуть зубы... На каком основании этот господин не обращается ко мне так, как полагается солдату обращаться к офицеру? Разве я не офицер? Но ведь я

выдержал офицерские экзамены... Я потерял все решительно на свете для родины, “кроме чести”... “Sauf l’honneur”... Так почему же меня оскорбляют, за что? Ах, ведь они “державы-победительницы”... Но, наконец, кого же они победили?.. Ведь Россия была с ними, и если она не дошла до бруствера, то потому, что была тяжело ранена в бою... Почему ее зачислили в разряд побежденных? Потому что...»²¹ Это ощущение несомненно было в конфликте с его статусом беженца. Сильная потребность в самоуважении и принадлежности к какой-либо группе усиливала стремление, и без того выраженное у эмигрантов, привязываться ко всему «старому», тому, что имело какое-либо отношение к родине. Поэтому, например, ревностно, как бесценные сокровища, сберегались старые фотографии — как знак того, что их жизненный путь не начался лишь с первого дня изгнания.

Унижения беженской жизни, потребность в самоуважении и принадлежности к группе, печаль и сожаление о потерянном, тоска и ностальгия — все это способствовало тому, что беженцы привязывались к идеализированному представлению о России: «Она <эмиграция> сохранила верность тому светлому образу России, который она унесла с собою»²². Каким бы монолитным ни казалось это представление при первом стороннем взгляде, глубоко в сознании и воспоминаниях отдельных людей идеализированный образ России отражался по-разному, открывая все богатство различных трактовок собственной идентификации, своей «русскости». О существовании этих различных трактовок оставила свои воспоминания И. Грицкат: «Часто к нам приходила и другая семья, состоявшая из симпатичной бабушки, по имени Женя, ее дочка и зятя и ее внука Пети, который был гораздо младше меня (ему было тогда годик или два). Бабушка Женя, как она мне сейчас вспоминается, напоминала даже не о той России, которую тетя Шура и я воспевали уже по-новому, по-европейски, а о той Старой Руси староверов и раскольников, смутного времени и Заволжья. В то время как у тети Шуры преобладала, так сказать, мелкобуржуазность, у бабушки Жени существовала волшебная смесь двух миров, славянского и азиатского, с легконогими тройками и дикими табунами, рожками и бубнами, с юродивыми и паломниками, ручными медведями и сказочными острогрудыми челнами... Случалось, что все старшие уходили куда-то по вечерам, наверное в театр, и меня до их возвращения нянчила бабушка Женя. Что она мне тогда рассказывала, что напевала, когда убаюкивала меня? Не знаю. Но в моей душе, вне всяких воспоминаний, в глубине подсознания эти вечера связаны с давними, необъятными просторами, с лишь позднее увиденными синими морями, с кармином и пурпуром, самоцветным ал-камнем и с церквями Божьими...»²³

Россия (не важно, что под этим подразумевалось — ее современный, европеизированный образ или лубочная Россия храмов Божьих и конских табунов) была тем общим знаменателем, который объединял всех эмигрантов до их изгнания. Это идеализированное или даже лишь воображаемое (когда речь идет о новом поколении) воспоминание о России, которое каждый эмигрант хранил в себе, отражалось в каждом аспекте жизни беженцев. Необычным путем этот общий знаменатель, это коллективное представление выразилось даже в кино. Немой фильм «Россия», один из немногочисленных снятых в изгнании фильмов (с точки зрения кинематографии он даже не снят, а смонтирован из различных фрагментов киносъемок, сохраненных в частных

руках, оказавшихся в эмиграции или полученных иным путем), был задуман, именно чтобы оживить коллективное представление о России. Из 2500 метров фильма, демонстрировавшегося на ручном проекторе со скоростью 16 кадров в секунду, который популяризировало Общество распространения русской национальной и патриотической литературы в Белграде²⁴, пять восьмых фильма были посвящены России и событиям в России, две восьмых показывали события Гражданской войны, и лишь последняя, восьмая часть рассказывала об эмиграции.

На протяжении самой большой части фильма перед значительным количеством заинтересованных зрителей пролетали кадры русских городов: Архангельска, Ростова-на-Дону (?), Владикавказа (с городским ботаническим садом), Харькова, Нижнего Новгорода (со знаменитой ярмаркой), Екатеринбург, Ташкента, Самарканда, Киева, Санкт-Петербурга и Москвы. Эти кадры, объединенные в первую часть фильма под названием «Царская Россия», перемежались кадрами хроники царской семьи, известных памятников, построек, праздников, панорам, типичных русских лиц и ежедневных событий. Одни за другими сменялись картины Кавказских гор, рыбной ловли на Волге, копчения рыбы, изготовления икры, продажи мехов, Уральских гор, родных лиц, крепостей, главной улицы Киева — Крещатика, памятников Богдану Хмельницкому и св. Ольге, освящения памятника царю Александру II, Петергофского дворца, полкового праздника лейб-гвардейского кирасирского полка ее величества, провозглашения войны в 1914 г., военного парада, Царского Села, собора Василия Блаженного, Царь-пушки, Большого театра, Кремля, Иверской часовни, Спасских ворот, самоваров. На экране появлялись и кадры посещения Николаем II Киева в 1911 г., а потом царя на фронте, его торжественный прием, данный французскому послу, приезд царской семьи в Москву в 1913 г. и торжественная процессия на Красной площади, завершившаяся в Грановитой палате, и т.д.

Полную противоположность первой части фильма представляли три его последующие части: «В красном рабстве», «Освобождение от красного рабства» и «В эмиграции». Первая показывала колонны пленных, попытку побега заключенного и стрельбу охранников, большевистских комиссаров (узнаваема была фигура М.Я. Лациса), конвоирование заключенных на расстрел и сам расстрел. Вторая была смонтирована из кадров, запечатлевших вход Добровольческой армии в Киев, трупы жертв террора, выкопанные в саду на Садовой, где располагался ЧК, и панихиду по ним. И наконец, третья, которую с точки зрения социальной истории и исторической психологии можно признать самой любопытной, практически целиком состояла из кадров, снятых на двух похоронах — генерала П.Н. Врангеля в Белграде и императрицы Марии Федоровны, жены Александра III и матери Николая II, в Копенгагене. В самом конце фильма было показано возложение русскими казаками венка на могилу Неизвестного солдата в Париже и встреча Русского Сокольского общества в Белграде²⁵. Выбор музыки был особенно деликатным, кадры Москвы, по замыслу авторов фильма, сопровождала Торжественная увертюра «1812 год» П.И. Чайковского, а последние три части фильма, содержавшие многочисленные сцены страданий и похорон, сопровождал похоронный марш Ф. Шопена²⁶.

Фильм «Россия» своим замыслом и содержанием в символической форме полностью отразил ощущения человека, живущего в изгнании. В начале фильма доминировали кадры России, которые совершенно неприкрыто отдавали дань эмигрантской ностальгии. При этом Россия была представлена именно так, как она отразилась в коллективном воспоминании о родине, — богатая, великая и монархическая. Последние части фильма содержали коллективное представление беженцев о большевистских властях и о ситуации в России. На уровне символа большевистская власть идентифицировалась с тюрьмами, расстрелами и убийствами. А победа большевиков в Гражданской войне и пребывание на чужбине показаны в последней части фильма, где большую часть занимают кадры похорон, что символически означало коллективное представление о победе большевиков и жизни в изгнании как о похоронах России (точнее сказать, старой, монархической России).

Несмотря на этот минорный тон, идея Зарубежной России как единственного мира русских вне родины (мира, ценности которого в результате большевистских социальных экспериментов погибли даже в самой России) в духовном плане связывала людей в изгнании. Эта идея в некоторой степени помогла эмигрантам, после того как они вышли из фазы печали, быстрее адаптироваться к жизни в новой среде и, находя новые решения, преодолеть кризис, в котором они очутились. Многие приступили к поискам новой работы, при необходимости — переквалифицировались, получили дополнительное образование, при этом они исходили из идеи, дающей смысл и надежду русскому зарубежью, — о том, что все знания понадобятся в дальнейшем для возрождения России. Некоторые так успешно приспособились к новым условиям жизни, что стали выдающимися членами и в новой среде. Для части из них, по определению Н.И. Толстого, новая среда стала «малой родиной», в то время как Россия и далее оставалась их отечеством²⁷. Другие же в поисках лучшей доли уехали в иные страны, продолжая свои скитания. Но и эти миграции были своеобразным доказательством их готовности искать альтернативу, чтобы адаптироваться к жизни в изгнании.

Русский человек в изгнании разрывался между необходимостью обеспечения хлеба насущного, мыслью о скорейшем возврате на родину и осознанием того, что его жизни вне родины, в эмиграции, должен прийти конец. Изгнание было для него одним из самых тяжелых социальных и экзистенциальных испытаний, со всеми входящими в него компонентами краха нормальной жизни. В этой ситуации он решался либо на ассимиляцию, либо на новые скитания. Но несмотря ни на что, он старался, и зачастую это ему удавалось, сохранить свою самобытность, защитить и сохранить идею России как своего отечества, как и ту горсть родной земли, которую он упорно и прилежно берегал в любых обстоятельствах, чтобы его, пусть и символически, похоронили в русской земле.

Непостоянство жизни в эмиграции, бесперспективность, стресс, травмы, сильно изменившееся и нестабильное положение в обществе вынудили русского человека упорно бороться за любую работу, чтобы обеспечить себе хотя бы минимальный прожиточный уровень. Эти обстоятельства полностью ме-

няли жизнь каждого отдельного человека, отражались на его семейной жизни и сильно влияли на молодое поколение, выраставшее в экстремальных условиях.

¹ Шульгин В.В. Дни — 1920. С. 501.

² Дресел Г. Историческа антропология. С. 76.

³ Gurvitch G. Sociologija. S. 181–183.

⁴ *Vlajković J. Psihološki aspekti izbeglištvа // Psihologija izbeglištvа. Beograd, 1997. С. 21–25; процитированный абзац резюмирует различные позиции авторов сборника.*

⁵ *Быкадоров И.А. Воспоминания (рукопись; коллекция А.Б. Арсеньева).*

⁶ *Halafoff I.V. An autobiographical sketch. P. 13.*

⁷ *Гуаццинтюв Э.Н. Записки белого офицера. С. 81.*

⁸ *Ратиев А. То, что сохранила мне память. С. 434.*

⁹ *Быкадоров И.А. Воспоминания (рукопись; коллекция А.Б. Арсеньева).*

¹⁰ *Интересный пример предчувствия опасности проявила группа русских граждан, обратившихся к французским властям с просьбой о предоставлении въездных виз уже в ноябре 1917 г. (Note pour le Direction des affaires politiques et commerciales, le 5 novembre 1917 // ADMAE — Paris. Mf. P. 00883. Guerre 1914–1918. Dossier général. vrl. 104.*

¹¹ *Ратиев А. То, что сохранила мне память. С. 435.*

¹² *Митропан П. Након десет година: Из успомена једног руског педагога у Југославији // Nova Evropa. Zagreb, 1930. Knj. 21. Br. 4, 16. S. 244.*

¹³ *Цит. по: Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. С. 47.*

¹⁴ *Тимченко А.М. Доклад «Положение беженцев, их жизнь и нужды» // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 974. Л. 65, 71.*

¹⁵ *Доклад о положении русских учреждений в Салониках // ГАРФ. Ф. Р-5780. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 120 об.*

¹⁶ *См.: Halafoff I.V. An autobiographical sketch. P. 21.*

¹⁷ *Л.М. Семенова — председателю Державной комиссии, 4 сентября 1921 г.; Свидетельство Л.М. Семеновой, 28 апреля 1921 г. // АСАНУ. 14386. Несређена грађа.*

¹⁸ *Захарчук. Доклад П.Н. Врангелю, 21 июня 1919 г. // Hoover. Wrangel. 47.15.*

¹⁹ *Гьютен J. Две моје домовине. С. 80.*

²⁰ *Димитријевић С. Из старог Лесковца: Мурца мала // Наша реч. Лесковац, 1998. 13 јануара. С. 12.*

²¹ *Шульгин В.В. Дни — 1920. С. 502.*

²² *Зернов Н.М. Закатные годы. Эпизод хроники Зерновых. С. 16.*

²³ *Грицкат И. У ледивом ходу. С. 44.*

²⁴ *Общество распространения русской национальной и патриотической литературы в Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, 11 февраля 1936 г. // АВПРИ. Ф. 166. Оп. 508/3. Ед. хр. 263.*

²⁵ *Россия: Картины, собранные Обществом распространения русской национальной и патриотической литературы // Там же.*

²⁶ *Общество распространения русской национальной и патриотической литературы — в Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, 11 февраля 1936 г. // Там же.*

²⁷ *Терзић Б. Човек са две отаџбине: Одлазак великог слависте и пријатеља // Политика. Београд, 1996. 13 јул. С. 24.*

ТРУД

Кем я только не был: и прачкой, и клоуном, и ретушером у фотографа, мастером игрушек, судомойкой при столовке, продавал пончики, был хиромантом и грузчиком в порту.

*Г. Федоров. Путешествие без сантиментов
(Крым, Галлиполи, Константинополь)¹*

В настоящее время труд является одним из центральных понятий, связанных с идентификацией человеческой личности. Рабочее место в современном обществе развивает ощущение стабильной общественной самоидентификации и представляет собой важный элемент самоуважения каждого человека². В исторической перспективе вопрос работы можно рассматривать с различных точек зрения: экономической (право на труд, эксплуатация, человек на рынке труда и т.д.), социальной и культурологической (восприятие труда в различных обществах), антропологической (вопрос телесной и психологической, физической и умственной способности выполнять определенные виды работ и т.д.)³. Кроме того, можно рассматривать условия выполнения трудовой деятельности (прежде всего — с учетом сравнительной оценки физической и интеллектуальной деятельности в обществе, требований к квалификации работника, возможности применения индивидуального подхода на рабочем месте), а также социальное положение работающего (которое выражается в зарплатке, комплексе вопросов, связанных со стандартом и условиями труда — место проживания, досуг, здравоохранение, требования среды к работающему, и, в конце концов, проблему безработицы)⁴. В эмиграции значение рабочего места для каждого человека усиливается, так как помимо обеспечения средств для простого выживания рабочее место дает ему возможность смягчить и пережить стрессовые ситуации, тяжелые жизненные кризисы и полную общественную маргинализацию.

Поэтому вопрос трудоустройства был одним из ключевых вопросов, связанных с жизнью в эмиграции, который решающим образом влиял на социальное положение беженцев в новой среде.

ТРУДОУСТРОЙСТВО

Люди, уехавшие в эмиграцию, оказались в абсолютно незнакомом окружении, язык которого они не знали в достаточной мере (как правило — и вовсе его не знали), а привычки и менталитет были чужды, в котором у них не было социальных связей, личных знакомств и друзей, без работы, а часто и без средств к существованию. В этом новом окружении их прежняя трудовая деятельность (в большинстве случаев) не была известна, поэтому они должны были заново доказать свою социальную ценность и бороться за место в обществе. К тому же на Балканах они оказались в относительно бедной, сельской среде, которая не могла оказать им адекватной социальной помощи, поскольку в самой этой среде вследствие войны, разорения, общественных и полити-

ческих потрясений имелись свои большие экономические, социальные и демографические трудности. В то же время рабочие места, существовавшие на местном рынке труда, были крайне непривлекательны для беженцев.

Первая помощь, которую беженцам оказывали балканские государства, русские и международные гуманитарные организации, — бесплатное или дешевое питание, бесплатное лечение, помощь бельем и одеждой — имела временный характер, на эту помощь на сравнительно постоянной основе мог надеяться лишь тот, кто был совершенно не способен заниматься трудовой деятельностью⁵. По словам всех экспертов гуманитарных организаций, занимавшихся размещением беженцев, и прежде всего Всероссийского земского союза, в таких условиях одним из важнейших, если не самым важным вопросом, кроме самой доставки людей и их размещения, была помощь беженцам в подборе работы, чтобы таким способом дать им некоторую возможность самим обеспечить свое будущее⁶. Руководствуясь этой идеей, начали с организации бюро по трудоустройству, через которые беженцы могли найти свою первую работу в новой среде, курсов переквалификации (от сапожного ремесла до курсов по подготовке техников, бухгалтеров и продавцов) и, наконец, языковых курсов, чтобы эмигранты могли как можно скорее подготовиться к новой жизни⁷. Деятельность этих учреждений, хотя и была посвящена помощи беженцам, в принципе, подобно негативу, фиксировала общие социальные условия новой среды, связанные с трудоустройством и теми специфическими требованиями, с которыми русский человек сталкивался в балканских государствах.

Балканские страны, в которые в начале 1920-х годов прибыли эмигранты, были с экономической точки зрения крайне истощены. Все они участвовали в Первой и Второй балканских войнах, а затем большинство их участвовало и в Первой мировой войне. Королевство СХС, в особенности сербская его часть, где разместилось большинство беженцев, пережило тяжелое разорение и большие человеческие потери. В Болгарии, экономика которой была перегружена долгами, проистекшими из поражения в войне, кроме русских беженцев разместились еще и около 20 тыс. армянских и, что было еще важнее, около 221 тыс. болгарских беженцев из других балканских государств⁸. Греция по окончании Первой мировой войны, и в особенности после известной «малоазиатской катастрофы» 1922 г., была просто переполнена — 1200 тыс. беженцев и переселенцев из Турции и Болгарии. Константинополь в то время находился под оккупационным управлением, а в остальной части страны происходили революционные изменения, проводимые режимом Кемаль-паши.

Вследствие экономического, социального и демографического кризисов в новой среде, несмотря на усилия эмигрантских институтов, редкостью были те лица, кто мог трудоустроиться в полном соответствии со своим образованием и трудовым опытом. В первые годы жизни в изгнании, которые были самыми критическими, в процессе адаптации проблемы с трудоустройством существовали по крайней мере у трех четвертей эмигрантов⁹. В такой ситуации кто-то решался переквалифицироваться, а кто-то получал помощь эмигрантских организаций и пытался открыть собственную фирму или небольшую лавочку, приспособиваясь к местным требованиям рынка труда. Однако большинство русских эмигрантов, чтобы обеспечить средства для простого выживания, были вынуждены соглашаться на любую, даже физическую рабо-

ту, хотя к этому они не были подготовлены¹⁰. Ситуацию осложнял и тот факт, что речь шла о людях с высшим и средним образованием, которые в России занимались в основном интеллектуальным трудом.

Многочисленные свидетели описывали проблему с трудоустройством русских в Константинополе в 1921 г.: «Бывшие офицеры армии Врангеля продают на улице цветы, шнурки для ботинок, шоколад, газеты и самодельные игрушки. Сегодня на Гранд Рю де Пера офицер продает ветки миндаля в цвету. На нем военная форма и два ордена за храбрость»¹¹; «...езде русские эмигранты, которые продают цветы, кукол, масляные полотна с видом Стамбула, пирожные и бижутерию, книги и журналы на русском языке. Они спят на улицах и на ступеньках мечетей. Скитаются по улицам, просят милостыню, работают, если находят работу, а иногда плачут от голода. Некоторым русским выпал счастливый случай — нашли работу официантов и гардеробщиков в ресторанах. Случается, что княгиня приносит посетителю кофе, а генерал подает ему пальто. Профессора, бывшие миллионеры и женщины благородного происхождения умоляют купить сигареты или бумажные цветы»¹². Количество нуждавшихся в трудоустройстве беженцев в Константинополе в два-три раза превосходило спрос на рынке труда, который в большинстве случаев сводился к неквалифицированной физической работе. Правда, изредка требовались подмастерья к каким-либо ремесленникам, хотя ремеслами этими эмигранты, как правило, не владели³. В Константинополе беженцы трудились на фабриках по производству фесок, табака, молочных продуктов, работали носильщиками, грузчиками в порту, всем были известны русские уличные гармонисты — старик с ребенком и женщина 35 лет с ребенком 8–9 лет, причем все они принадлежали к более или менее интеллектуальным кругам¹⁴. Даже те, кто смог найти физическую работу, был не в состоянии приспособиться к условиям труда так, как к ним были приспособлены местные рабочие. Подыскать умственную работу было очень трудно¹⁵. Частные фирмы, создававшиеся эмигрантами, как правило, принадлежали к сфере услуг, они занимались шитьем, сапожным или столярным делом, стиркой белья, выпечкой хлеба, посредничеством при найме и т.д. Внимание эмигрантов привлекала также торговля в различных лавочках, делались попытки организовать частные предприятия и в области сельского хозяйства¹⁶. Однако вскоре возникали новые проблемы. Новые предприниматели, избравшие этот путь от эмигрантской безысходности, сталкивались с острой конкуренцией, прежде всего со стороны греческих предпринимателей, и зачастую тут же были вынуждены закрывать свои фирмы и лавочки¹⁷. Проблемы сильной конкуренции существовали даже у тех, кто решался заняться чисто физической работой, например у портовых грузчиков. Оказалось, что они никак не могли сравниться с турками, профессиональными грузчиками, ни в снижении цены труда (поскольку последние довольствовались малым), ни в количестве перенесенного груза¹⁸.

Ситуацию, в которой оказались пытавшиеся найти работу беженцы в Константинополе, рельефно отражают факты о трудоустройстве, которое предоставляло Бюро труда Всероссийского земского союза в Константинополе. В течение 1920–1921 гг. бюро обеспечило работой 3718 беженцев. В это время беженцы трудоустроивались на следующих рабочих местах (если рассматривать в процентном выражении)¹⁹:

Табл. 50. Трудоустройство русских эмигрантов в Константинополе в 1920–1921 гг.

Вид работы	Количество рабочих мест	%
Интеллектуальная	37	1
Физическая	3681	99

Табл. 51. Трудоустройство русских эмигрантов в Болгарии в 1920–1925 гг.

Вид работы	Количество рабочих мест	%
Интеллектуальная	512	3,8
Физическая	12 967	96,2

В Болгарии ситуация была несколько легче, так как определенное количество беженцев смогли получить работу на государственной службе или в университете, где преподавали около 80 русских профессоров²⁰. Однако большинство эмигрантов не могли добиться такого престижного рабочего места и вынуждены были удовлетвориться рабочими местами такого же профиля, что и в Константинополе. Из-за слабого развития промышленности в Болгарии на рынке труда преобладала физическая работа, причем предложение рабочих мест было значительно меньше спроса, на что особенно влиял высокий уровень безработицы среди местного населения²¹. Выбор рабочих мест, предлагавшихся Бюро труда Всероссийского земского союза, был крайне узок. В период 1920–1925 гг. было распределено 16 127 рабочих мест среди 13 479 эмигрантов. Им были предложены рабочие места, причем в них преобладало (96%) предложение чисто физической работы (носильщики, грузчики и т.п.)²². Несравненно меньшим было число вакансий другого, хотя также физического труда. Например, через бюро редко можно было найти работу шофера, домработницы, закройщика, сапожника, строителя, кузнеца или токаря, торговца, батрака, санитаря, учителя, машинистки, типографа, техника, переводчика и сценографа²³. И все же в Болгарии возможность подыскать интеллектуальную работу была больше, чем в Константинополе. Ее легче было получить инженерам-путейцам, железнодорожникам, врачам, преподавателям, ветеринарам, а также лицам, знавшим иностранные языки и умевшим печатать на машинке. В основном они получали работу в различных министерствах, банках и торговых фирмах²⁴.

Направления частного бизнеса, которым беженцы решались заняться, открывая свои маленькие фирмы, были почти такими же, как и в Константинополе. Большая их часть занималась оказанием услуг, открывая швейные, сапожные, столярные и слесарные мастерские, пекарни, транспортные и торговые предприятия. Возникали частные пункты приема врачами-специалистами, частные русские кафе и рестораны. В Софии был открыт даже особый русский базар²⁵. Как и в Константинополе, некоторые беженцы решились заняться сельским хозяйством. Одна из фирм, например, занималась производством сушеных слив в Кюстендиле. Несмотря на то что это была одна из самых распространенных в стране ветвей деятельности сельского хозяйства, эмигранты, надеясь на свои знания, вступили в острую рыночную борьбу. Исходя из опыта, полученного ими в этой области еще в южной России, они внесли некоторые технологические нововведения в производственный процесс и начали производство мармелада из слив и яблок. Кроме того, нес-

колько русских инженеров-специалистов открыли фирму по производству пищевого масла в Варне, положив таким образом начало производству в одной из областей, которая только начала развиваться в Болгарии. Наконец, благодаря приезду эмигрантов, происходивших из южной России, из Крыма, в Варне была открыта и специальная виноградарская фирма, занимавшаяся изготовлением вин²⁶, что, очевидно, было популярным занятием в среде беженцев (подобная фирма существовала и в Королевстве СХС).

Обобщая ситуацию, можно сказать, что тяжелее всего было найти работу русским солдатам и офицерам. Поэтому оптимальным решением для них было заключение коллективных договоров о трудоустройстве. Это в первую очередь касалось тех частей Русской армии, которые в самом большом количестве были задействованы на работах в угольных шахтах Перника (около 1000 человек) и в рудном бассейне в Балканских горах (несколько сот беженцев). Правда, в летнее время они старались найти работу «на земле», шла ли речь о сезонных строительных работах или сельском хозяйстве. Постепенно часть этих людей смогла освободиться от тяжелого и требующего полного напряжения сил шахтерского ремесла. Часть беженцев работала по групповому контракту на работах по выкорчевке лесов и постройке дорог, например ветки Рила — Рылский монастырь²⁷.

Похожая ситуация сложилась и в Королевстве СХС, где на рынке труда тоже доминировала физическая работа, в то время как умственную работу можно было найти лишь в крупных городах, таких, как Белград, Нови-Сад, Суботица, Осиек и др. В провинции практически не было возможности найти умственную работу. Например, в Южной Сербии и в Старой Сербии беженцы могли найти интеллектуальную работу исключительно в Нише, и лишь редкие счастливицы получали рабочие места на почте, железной дороге или в штабе дивизии в Заечаре (если эту работу можно отнести к интеллектуальной)²⁸. Как и в Болгарии, умственную работу было легче всего найти преподавателям, инженерам, техникам, землемерам, ветеринарам, а также учителям и священникам. В более тяжелом положении были военные, государственные служащие и юристы, которым для получения подходящей им работы мешало незнание сербского языка²⁹. В число тех, кто смог найти интеллектуальную работу, входило и определенное и не такое уж малое количество русских, трудоустроенных на государственной службе в различных министерствах, в городской управе Белграда (здесь работало более 130 эмигрантов³⁰) и в особенности в государственном статистическом комитете, через который прошло несколько сотен беженцев. Кроме того, около сотни русских ученых и профессоров работали во всех университетах страны, от Белграда, Загреба и Любляны до Суботицы и Скопья. Эмигранты также получали работу в Государственной монополии, Историческом отделе Генерального штаба, Генеральной дирекции вод, Типографии акцизных марок, начальных и средних школах, дирекциях железной дороги в Белграде, Суботице и Загребе и т.д.³¹

Несмотря на все это, далеко не все имели счастье найти умственную работу. В такой ситуации беженцы, столкнувшиеся с материальными трудностями, с радостью принимались за любой труд. Но и такую работу было тяжело найти, особенно осенью и зимой, когда останавливалось сельское хозяйство. Поэтому и не редки были случаи, когда полковник в отставке с метлой в руках дежурил и убирал на мосту Нови-Сад — Петроварадин³². В Королевстве СХС, как и

в Болгарии и Константинополе, помощь беженцам оказывали бюро труда при Государственной комиссии и при Всероссийском земском союзе. И тут эмигранты в большинстве случаев могли надеяться лишь на неквалифицированное рабочее место, в основном с применением физического труда.

В Королевстве некоторые эмигранты также использовали возможность открыть собственные фирмы. И тут они чаще всего открывали швейные, сапожные, кузнечно-слесарные и столярные мастерские, лавочки, а также специализированные русские рестораны и столовые, художественно-ремесленные мастерские и врачебные кабинеты³³. Ряд эмигрантов пытались, как и в Болгарии, организовать сельскохозяйственные фермы (а не заниматься лишь сезонным батрачеством на селе). Так, русские эмигранты в районе Смедерево взяли в аренду несколько виноградников, организовали переработку винограда и производство вина. По оценке соответствующих русских организаций, это было «одной из самых популярных областей деятельности»³⁴.

В то же время части Русской армии были, согласно политическому договору об их размещении в стране, трудоустроены на контрактной службе в Пограничной страже, Финансовом контроле и в Министерстве строительства. С точки зрения прилагаемых усилий для русских солдат самой тяжелой, безусловно, была контрактная служба в Министерстве строительства. В начале 1920-х годов они работали на постройке ряда дорог в стране, пораженной разрухой: дороги Вране — Босилеград через перевал Бесна Кобила, ветки Мурска Собота — Ормож — Лютомер, на реконструкции ветки Топчидер — Мала Крсна и Мала Крсна — Пожаревац, участвовали в работах на железных и шоссейных магистралях Горни-Милановац — Чачак, Тител — Орловат, Ужице — Вардиште и Вардиште — Вальево, Чачак — Лайковац и Чачак — Ужице, Ужице — Шарган и Шарган — Вардиште, Каньжа — Прелюбле, Бихач — Крупа, Парачин — Сталач и Ниш — Княжевац, в постройке дороги Кралево — Рашка. Кроме того, русские солдаты в Старой Сербии валили лес и чистили территорию от мин, оставшихся со времен войны³⁵.

Проблемы, с которыми сталкивались беженцы, ухудшали и без того нелегкую ситуацию. Небольшие суммы денег и ценности (например, украшения), которые они смогли привезти с собой в изгнание, очень быстро иссякали, получить работу было крайне тяжело, а заработки нерегулярны, поскольку рабочее место чаще всего не было постоянным. Крайне неудовлетворительная ситуация в обществе, связанная с трудоустройством, в значительной степени определила и само социальное положение беженцев в новой среде.

СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Жизнь в изгнании, и в особенности проблемы с трудоустройством, вызывали существенное ухудшение социального положения эмигрантов. Новая среда не давала беженцам слишком широкого выбора при поиске работы. На местном рынке труда они в основном могли получить работу неквалифицированную и обычно ручную. Но в ситуации, в которой оказались русские на чужбине, им не приходилось долго раздумывать. Работу стремились получить не только здоровые, но и значительное количество инвалидов и раненых. В такой ситу-

ации ни перемена специальности, ни социальная деградация не слишком пугали беженцев³⁶. Они соглашались почти на любую предложенную работу, потому что это был единственный способ избежать социальной деградации и маргинализации и как-то пережить первые годы в изгнании, самые тяжелые с точки зрения адаптации и преодоления экзистенциального кризиса. Однако несмотря на это, они не всегда могли собственным трудом обеспечить достаточно средств для себя и своих семей. При этом было крайне мало шансов в первые годы в изгнании самостоятельно найти работу и встать на ноги; это удавалось немногим, «остальные лишь занимались выживанием и деградировали»³⁷. Из-за тяжелых условий, в которых жили беженцы, они захлестнули местные рынки труда предложением необычайно дешевой рабочей силы.

В особенно плохой ситуации находились люди, которые находили работу у частных предпринимателей. Их работодатели во всех без исключения балканских государствах злоупотребляли крайне тяжелым положением беженцев, снижая им расценки на труд. Обычно беженцам платили меньше, чем местным, а во время экономических кризисов их еще и первыми увольняли.

В Константинополе эмигрантам, которые работали по 12–14 часов ежедневно, обычно выплачивали скудные суммы, часто бывало и так, что люди работали не за деньги, а лишь за еду и ночлег³⁸. Работодатели использовали даже такие трагические случаи, как смерть члена семьи, чтобы уменьшить беженцам зарплату, иногда почти наполовину, например с 40 до 24 турецких лир («потому что после смерти матери больше нет трат на ее содержание»). Беженцы, у которых не было другого выбора, просто вынуждены были принять и такие условия труда³⁹. В Греции наниматели почти регулярно обманывали эмигрантов при выплате зарплаты, а нередко случалось, что они пытались и вовсе ее не платить им, используя их незнание греческого языка⁴⁰.

Ничуть не лучше была ситуация в Югославии и Болгарии. Если обобщить ситуацию в Королевстве СХС, можно сказать, что заработки русских беженцев были значительно меньше, чем у местных. Если русские эмигранты и получали работу, им платили по минимальной из возможных ставок. «И вообще, даже на физическую работу русских принимали весьма неохотно». Случалось, что работодатели отказывались принять на работу какого-нибудь генерала или полковника, объясняя это тем, что им тяжело «просить их работать»⁴¹. Даже те, кто с восторгом говорили об отношении к русским в Королевстве СХС, не могли не обратить внимания на то, что заработки беженцев были крайне малы, почти на уровне жизни впроголодь. Такая мизерная зарплата давала эмигрантам, чьи потребности были значительными и весьма разносторонними, лишь «возможность не умереть с голода, но не давала им возможности пристойно одеться»⁴². У русских художников в Королевстве случалось так, что плата, которую им предлагали за их работу, была столь мала, что окупала лишь затраченный материал⁴³. В Болгарии работодатели были так же неумолимы. Пользуясь безвыходным положением беженцев, они скудно платили им за проделанную работу⁴⁴.

Практически лишь малая часть беженцев могла надеяться на достойную и относительно стабильную заработную плату: в основном на государственной службе. Но и эта работа не всегда могла обеспечить достойную оплату труда. Случалось, например, что жалование русским солдатам в Пограничной страже Королевства СХС, которого и так «едва хватало на жизнь», запаздывало на целый месяц⁴⁵. То же наблюдалось и в Болгарии, где денег, которые выплачивали

русским солдатам на шахтах Перника, было достаточно лишь для того, чтобы дожить от 10 до 25 числа каждого месяца⁴⁶. Эмигранты открыто жаловались на такое положение. В тексте «Требуем равноправия» преподаватель новосадской женской гимназии Д.В. Скрынченко обращал внимание на тот факт, что русские преподаватели находятся в худшей ситуации, чем другие, что их коллеги (венгры) имели иногда даже в два раза большую зарплату, что лишь пять русских педагогов в стране получили звание старших преподавателей («профессоров»), в то время как все остальные находились на положении «временных наставников» и т.д.⁴⁷ До какой степени зарплаты беженцев, даже работавших на, казалось бы, надежной и солидной государственной службе, были неадекватны их потребностям, наглядно подтверждают данные о зарботке русских профессоров в Болгарии и Югославии. На их примере можно проанализировать как социальное положение беженцев в новой среде, так и их жизненный уровень.

Табл. 52. Зарботная плата преподавателей русских эмигрантских школ в Болгарии в 1926 г.⁴⁸

(курсивом обозначены доходы, покрывавшие расходы прожиточного минимума, который в 1926 г. составлял 2800 левов, или 20 американских долларов)

Размер зарботной платы в левах	%
До 1000	9,6
1000 — 1500	22,4
1500 — 2000	24,8
2000 — 2500	27,2
2500 — 3000	12,0
<i>Свыше 3000</i>	4,0
Всего	100,0
Расходы на обеспечение прожиточного минимума	
Процент минимального прожиточного уровня, покрывавшегося зарплатой	%
50	19,2
75	64,8
100	16,0
Всего	100,0

Табл. 53. Зарботная плата преподавателей русских школ в королевстве СХС в 1926 г.⁴⁹

(курсивом обозначены доходы, которые покрывали расходы прожиточного минимума на одного человека)

Размер зарботной платы в динарах	%
До 500	2,4
До 700	7,6
700 — 1000	5,5
1000 — 1100	32,2
1100 — 1200	12,4
1200 — 1400	5,6
1400 — 1500	6,6
1500 — 1600	6,9
1600 — 1800	7,3
1800 — 2000	6,9
2000 — 2500	5,2
2500 — 3000	0,3

Размер заработной платы в динарах	%	
Свыше 3000	1,0	
Всего	100,0	
Прожиточный минимум в динарах	Белград	Провинция
Холостые	1500	1200
Семья из 2 членов	2500	1600
Семья из 3 членов	3000	2000
Семья из 5 членов	3500	2500
Семья из 5 членов	4000	3000

Приведенные данные являются частным, но крайне характерным описанием социального положения эмигрантов в новой среде. Это особенно ясно показывают два факта. Лишь 20–25% русских учителей и наставников средних и высших учебных заведений могли обеспечить своим трудом средства, необходимые для покрытия прожиточного минимума. И это в Югославии и Болгарии, которые с точки зрения материальной помощи и социальной защиты, по словам самих беженцев, принадлежали к группе государств, старавшихся помочь эмигрантам, и в самой большой степени были склонны рассматривать просьбы и потребности изгнанников. Эти данные еще нагляднее демонстрируют нам контраст между общепринятым представлением об общественном положении преподавателей начальных и средних школ (которые в первой половине XX в., несомненно, принадлежали к интеллектуальной элите) и их возможностями своим трудом в школе обеспечить прожиточный минимум для себя и своих семей.

Условия жизни в эмиграции, и в особенности проблемы с трудоустройством, вызвали общественную деградацию и маргинализацию почти всех беженцев. В самой острой форме этот процесс можно наблюдать на примере «сливок» русского общества, русской аристократии. Изгнанники «голубых кровей» были, как и другие эмигранты, вынуждены выполнять различную работу, чтобы обеспечить минимальные средства для простого выживания, что в течение всего XIX в. считалось неприличным и было совершенно несвойственно титулованным дворянам. Так, например, бывший волынский вице-губернатор С.В. Шереметев работал в Английском страховом обществе. При этом можно сказать, что ему даже повезло. Кн. Б.В. Гагарин работал в муниципалитете в Великом-Бечкереке. Кн. Н.П. Волконского, жившего в селе Беодра, содержала супруга, дававшая частные уроки. Бывший московский уездный предводитель дворянства кн. В.В. Голицын жил в Нови-Футоге на содержание жены, которая шила белье. В Нови-Футоге жил и гр. П.К. Ламздорф-Галаган. Его брат, Сергей Константинович, преподавал в Србобране французский язык. М.В. Кочубей работал мелким чиновником в Дирекции вод. Его жена, урожденная бар. Энгельгардт, работала машинисткой в страховом обществе «Сербия» и т.д.⁵⁰

Низкие доходы и общая социальная маргинализация негативно влияли на решение квартирного вопроса, проведение свободного времени и, в конце концов, на состояние здоровья беженцев. Заработанных денег не хватало для достойной жизни. В этих условиях эмигранты были вынуждены проводить большую часть дня на работе, чтобы обеспечить хотя бы минимально необходимое себе и своей семье, что практически лишало их свободного времени. Людям, которые работали под Константинополем на сезонных полевых работах по 12–14 часов, работодатели предоставляли неудовлетворительное жилье

и недостаточное «вегетарианское» питание, так что мясо они получали в лучшем случае два раза в месяц⁵¹. Из-за нехватки средств большая часть беженцев в Константинополе пользовалась бесплатными ночлежками и дешевыми номерами Всероссийского земского союза⁵². Потребности беженцев были крайне высокими, а средства, которыми они располагали, настолько малы, что с целью экономии эмигранты были готовы часами стоять в очередях перед киосками Всероссийского земского союза в лагере для гражданских беженцев в Тузле, где продавалось самое необходимое (сахар, молоко, жир, рис, мука, сардины, мыло и т.д.), потому что цены там были чуть ниже, чем в других местах⁵³.

В Болгарии, где ситуация была немногим лучше, беженцы терпели такие же мучения. Больше всего проблем было у солдат и офицеров Русской армии, работавших по групповому контракту. На шахтах Перника, где бытовые условия были не такими плохими (в казармах и бараках было чисто, просторно и светло, каждый солдат имел свою кровать), возникали другие проблемы. У русских солдат было всего лишь по четыре-пять часов свободного времени в день, которые они, с учетом общей депрессии, проводили «в основном со стаканом вина в руке». Рядом с казармами и бараками, где они размещались, было «множество искушений в лице бесконечного ряда кафе, пивных, русских ресторанов и др.», так что со временем среди солдат возобладало «постоянное пьянство»⁵⁴. В отличие от них солдаты, работавшие на постройке ветки Рила — Рылский монастырь, тоже размещенные в бараках, не жаловались на общие условия существования⁵⁵.

В Королевстве СХС проблема размещения беженцев была тоже крайне острой, особенно в восточной части страны, в большей степени разоренной войной. Все беженцы, которые прибывали в Белград и искали там место для жилья, сталкивались с «неординарными проблемами». Цены на сдававшиеся комнаты были недоступными для простых эмигрантов. Поэтому большинство их было вынуждено спать в общежитиях Красного Креста, условия в которых были крайне плохими, или в самых дешевых гостиницах, где женщины, мужчины и дети спали в одной комнате⁵⁶. Однако самые большие проблемы существовали у русских солдат, работавших по контракту Министерства строительства. Это особенно касалось 1-го и 2-го кубанских полков, которые трудились на постройке дороги Вране — Босилеград. Они были размещены в рабочих лагерях вне населенных мест. Так как транспорта не было, до ближайших сел нужно было идти пешком, по этой причине люди редко выбирались в располагавшиеся не так уж и близко села и городки. Тем временем по мере развития строительства запланированная дорога все дальше уходила в горы, и условия размещения рабочих становились все хуже. Солдаты спали в ненадежных землянках, которые иногда обрушались, что приводило к травмам и гибели людей. Кроме того, русские солдаты были вынуждены жить в суровых горных условиях, где им угрожал не только климат. Сохранились данные о том, что двоих казаков загрызли волки. В такой ситуации, далеко от населенных мест, в горной глуши, самой главной проблемой казаков была скука в свободное от работы время. Поэтому они «с жаром» читали любую литературу, которая случайно попадала им в руки, и даже накопили скромные средства в 4 тыс. динаров, чтобы собрать небольшую библиотеку⁵⁷.

Борьба по обеспечению условий для элементарного выживания должна была негативно отразиться на здоровье людей, которым из-за перенесенных

страданий и болезней требовалось усиленное питание и отдых. Можно с уверенностью резюмировать, что плохие условия проживания, питания и работы вызвали появление туберкулеза среди беженцев в Болгарии, что заставило русские гуманитарные и общественные организации прилагать особые усилия по врачебной помощи в области фтизиатрии⁵⁸. В то же время в Королевстве СХС вследствие низкого жизненного уровня, тяжелых условий проживания и неадекватной медицинской помощи при отправке в эмиграцию среди беженцев отмечались и другие, порой даже более тяжелые заболевания⁵⁹.

Анализ трудовой деятельности, которой русские эмигранты занимались в балканских государствах, доказывает, что их путь, несмотря на широкую культурную, научную и общественную активность, вовсе не был легким и однозначным. Ситуация, в которой находились беженцы, и возможности бедных балканских государств приводили к тому, что, несмотря на прекрасное образование и имевшийся трудовой опыт, русская эмиграция на Балканах оказалась источником дешевой рабочей силы, поставившим главным образом неквалифицированных рабочих. Надо признать, что среди беженцев были и такие, кто смог найти в новой среде престижную работу. Одиннадцать русских ученых и профессоров были избраны в состав Сербской Королевской академии (позднее САНИ). Большое количество русских работали в театре балеринами и танцорами, оперными певцами, членами хора и оркестра, актерами, режиссерами, театральными художниками, костюмерами, гримерами, беженцы становились выдающимися архитекторами, преподавателями и наставниками в учебных заведениях... То же наблюдалось и в Болгарии, где большое количество русских преподавателей работали в Софийском университете, а значительное количество театральных работников — в Народном театре, где свои частные кабинеты открывали русские врачи и юристы, и т.д. Эти люди обращали на себя внимание, были активны в общественной и культурной жизни, именно из них слагалось представление об эмиграции в целом, благодаря которому и сегодня, почти век спустя, пишут о большом русском вкладе в культуру балканских стран. Но большинство беженцев жили тяжело, у них были постоянные проблемы с трудоустройством, они с трудом могли заработать на жизнь. Жили в маленьких, темных, не приспособленных для жизни комнатных помещениях, сурово эксплуатировались местными нанимателями, содержали себя шитьем белья и частными уроками...

Психологические стрессы, проблемы с трудоустройством, общественная деградация неминуемо отражались и на семейной жизни беженцев, радикально влияли на изменение положения русской женщины в обществе и косвенно отражались на развитии и воспитании детей.

¹ Федоров Г. Путешествие без сантиментов... С. 154.

² Gidens E. Sociologija. Podgorica, 1998. S. 202.

³ Дресел Г. Историческая антропология. С. 59.

⁴ Povijest rada: Od starog Egipta do danas / Eggebrecht A., Flemming J., Meyer G., e.a. Zagreb, 1987. S. 240–253.

⁵ Представитель Государственного контроля в Болгарии. Докладная записка // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 97.

⁶ О безработице: Помощь на Ближнем Востоке. 19 марта 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 449. Л. 1–2; *Даскалов Д.* Бялата эмиграция в България. С. 74.

⁷ Главный контролер Державной комиссии. Краткий очерк помощи русским беженцам в Королевстве СХС // ГАРФ. Ф. Р-6792. Оп. 1. Ед. хр. 118. Л. 144; Очерк деятельности Всероссийского земского союза... С. 103, 111–113; Извештај Сједињеног комитета Руског друштва Црвеног крста... С. 10, 12–14.

⁸ Бежанците и условията на труда в България. С. 12–16.

⁹ Отчет по устройству русских беженцев в Королевстве СХС, 20 февраля 1921 г. // Hoover. Paleologue. 002.5.

¹⁰ В.Н. Штрандтман — М.Н.Гирсу, 19 сентября 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5680. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 5 об.

¹¹ Помощь на Ближнем Востоке, 19 марта 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 449. Л. 2.

¹² *Criss N.B.* Istanbul... P. 54.

¹³ Очерк деятельности Всероссийского земского союза... С. 31.

¹⁴ Помощь на Ближнем Востоке, 19 марта 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 449. Л. 1–2; Материал для характеристики русских, живущих в Константинополе, июль 1920 г. // Там же. Л. 13.

¹⁵ Очерк деятельности Всероссийского земского союза... С. 29–30.

¹⁶ Материал для характеристики русских, живущих в Константинополе, июль 1920 г. // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 449. Л. 13–17; Очерк деятельности Всероссийского земского союза... С. 26, 38–39.

¹⁷ Материал для характеристики русских, живущих в Константинополе, июль 1920 г. // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 449. Л. 13.

¹⁸ Помощь на Ближнем Востоке, 19 марта 1921 г. // Там же. Л. 2.

¹⁹ Очерк деятельности Всероссийского земского союза... С. 39.

²⁰ *Даскалов Д.* Бялата эмиграция в България. С. 108.

²¹ А.С. Хрипунов — в Земско-Городский комитет, 19 августа 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 183. Л. 9, 10; см. также: *Даскалов Д.* Бялата эмиграция в България. С. 72–74.

²² Данные получены на основании ежемесячных отчетов в 1920–1925 гг. // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 1–198 об.

²³ Сведения о спросе на труд (цифровые данные) // Там же.; *Даскалов Д.* Бялата эмиграция в България. С. 72–74.

²⁴ Очерк деятельности Всероссийского земского союза... С. 127.

²⁵ *Даскалов Д.* Бялата эмиграция в България. С. 72–74.

²⁶ Очерк деятельности Всероссийского земского союза... С. 124, 129–131.

²⁷ Ф.Ф. Абрамов — П.Н. Врангелю, 26 мая 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 3; см. также: *Сорокин М.* София // Вестник Главного правления Общества галлиполийцев. Белград, 1924. С. 141–142; *Даскалов Д.* Бялата эмиграция в България. С. 72.

²⁸ Выписка из доклада контролера Представительства В.З.С. в Королевстве СХС А.М. Тимченко — «Положение беженцев, их жизнь и нужды» // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 974. Л. 60.

²⁹ Краткий отчет правительственного уполномоченного по устройству русских беженцев в Королевстве СХС об организации русского дела в Королевстве с 20 февраля 1920 г. по 20 февраля 1921 г. // Hoover. Paleologue. 002.5; см. также: Выписка из доклада контролера Представительства В.З.С. в Королевстве СХС А.М. Тимченко — «Положение беженцев, их жизнь и нужды» // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 974. Л. 60.

³⁰ ИАБ. ОГБ. Опште одељење. Административни одсек. 1923. Ин. Б. 52. Ф. 21. Р. бр. 292.

³¹ *Палеолог С.Н.* Сведения о русских беженцах в Королевстве СХС // Hoover. Paleologue. 029. 44.

³² Выписка из доклада контролера Представительства В.З.С. в Королевстве СХС А.М. Тимченко — «Положение беженцев, их жизнь и нужды» // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 974. Л. 65, 61.

³³ Извештај Сједињеног комитета Руског друштва Црвеног крста... С. 10–12.

³⁴ Там же. С. 18–19; Очерк деятельности Всероссийского земского союза... С. 117–118.

³⁵ Подробнее см.: *Јовановић М.* Досељавање... С. 209–210; см. также: Контингенты Кавалерийской дивизии, 27 ноября 1923 г. // Hoover. Wrangel. 145.29.

³⁶ Нужды русских беженцев в Королевстве СХС, 1922 // АСАНУ. 14386. Несређена грађа; тот же документ см. в: ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 974. Л. 27, 35.

³⁷ Там же. Л. 39.

- ³⁸ Очерк деятельности Всероссийского земского союза... С. 30, 33.
- ³⁹ Помощь на Ближнем Востоке, 19 марта 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 449. Л. 2.
- ⁴⁰ Русские беженцы в Греции // ГАРФ. Ф. Р-5780. Оп. 1. Ед. хр. 13. Л. 22.
- ⁴¹ Выписка из доклада контролера Представительства В.З.С. в Королевстве СХС А.М. Тимченко — «Положение беженцев, их жизнь и нужды» // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 974. Л. 63.
- ⁴² Палеолог С.Н. Сведения о русских беженцах в Королевстве СХС // Hoover. Paleologue. 029. 44.
- ⁴³ Выписка из доклада контролера Представительства В.З.С. в Королевстве СХС А.М. Тимченко — «Положение беженцев, их жизнь и нужды» // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 974. Л. 60.
- ⁴⁴ Даскалов Д. Бялата емиграция в България. С. 72.
- ⁴⁵ Генерал-майор В.В. Крейтер. Памятная записка о службе и работах частей регулярной конницы Русской армии в Королевстве СХС, 27 ноября 1923 г. // Hoover. Wrangel. 145.29.
- ⁴⁶ Ф.Ф. Абрамов — П.Н. Врангелю, 26 мая 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 4.
- ⁴⁷ Скринченко Д. Тражимо једнакости // Застава. Нови Сад, 1922. 30 дец.
- ⁴⁸ Русский учитель в эмиграции. С. 71.
- ⁴⁹ Там же. С. 51.
- ⁵⁰ Палеолог С.Н. Сведения о русских беженцах в Королевстве СХС // Hoover. Paleologue. 029. 44.
- ⁵¹ Очерк деятельности Всероссийского земского союза... С. 30.
- ⁵² Там же. С. 57–66.
- ⁵³ Там же. С. 88.
- ⁵⁴ Ф.Ф. Абрамов — П.Н. Врангелю, 26 мая 1924 г. // ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 4.
- ⁵⁵ Очерк деятельности Всероссийского земского союза... С. 128–129.
- ⁵⁶ Выписка из доклада контролера Представительства В.З.С. в Королевстве СХС А.М. Тимченко — «Положение беженцев, их жизнь и нужды» // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 974. Л. 61.
- ⁵⁷ С.Н. Палеолог — П.Н. Врангелю, 17 февраля 1921 г. // Hoover. Paleologue. 006.11.
- ⁵⁸ Очерк деятельности Всероссийского земского союза... С. 122.
- ⁵⁹ Извештај Сједињеног комитета Руског друштва Црвеног крста... С. 16–17.

СЕМЬЯ И БРАК В ЭМИГРАЦИИ

Брак и семейные отношения в значительной степени определяют развитие и бытие личности, дают ей общие социальные рамки и являются одним из важнейших элементов внутренней жизни человека. Имея в виду все это, легко понять, почему в среде русских беженцев на Балканах вопрос брачных и семейных взаимоотношений представлял тему, о которой говорили неохотно, редко и лишь попутно.

На уровне психики отъезд в эмиграцию является переломной точкой, которая в значительной степени задает тон будущей жизни как отдельного человека, так и целой семьи. Жизнь в изгнании меняет семью, ее самосознание и образ жизни: «Эмиграция становится частью истории семьи, превращается в семейное наследие и предание. Эмиграция была и источником многих перемен, и в этой функции превращалась в угрозу и вызов семейной жизни и ее развитию»¹. Исследование семьи, семейных и брачных взаимоотношений и перемен, которые происходили в этой сфере, могут быть основаны на демографических показателях, исследованиях «ощущений» или на экономическом подходе².

Говоря о русских беженцах на Балканах, можно отметить, что их отношения к семье и перемены, происходившие в сфере брачных взаимоотношений, были обусловлены рядом психологических, социальных и экономических факторов.

СЕМЬЯ

Оказавшись в новом окружении, семьи русских эмигрантов функционировали с точки зрения ежедневной жизни в социальной среде, от которой они радикально отличались как с культурологической точки зрения, так и по своему менталитету. Эмигрантам казалось, что новая среда просто «не понимала» потребностей и навыков, которые они выработали еще на родине и упорно сохраняли в новых условиях. Разница между общепринятыми нормами царской России и социальными эталонами балканского общества проявлялась по-разному: привычки и стиль жизни, образовательный уровень, соотношение современного и традиционного, общественные табу, эмансипация женщины (которая была в значительно большей степени выражена у русских), отношение к частной и интимной жизни (например, в сельской и в значительной мере патриархальной среде Балкан часто с улыбкой смотрели на распространенное среди русских поведение, когда муж целует руку жене, дарит ей цветы, приносит завтрак в постель, а между членами семьи было принято обращение на «вы», и не только в обращении младших к старшим, но и старших к младшим — подобное поведение главы семьи оценивалось в местной среде как подкаблучничество, мягкотелость и т.п.).

Настойчивое следование дореволюционному домашнему и семейному этикету, которое было столь заметным в семьях эмигрантов, соответствовало социальным законам, согласно которым в изгнании существует спонтанное

стремление к консервированию культуры страны, откуда произошел исход³. Консерватизм семейной системы и стремление к консервированию культуры страны происхождения в эмигрантской или иммигрантской семье выражались в различной мере и с общественной точки зрения были обращены прежде всего к сохранению национальной идентичности через сохранение традиции и семьи. Поэтому некоторые семейные традиции и обычаи (например, питье чая в кругу семьи и с близкими друзьями перед традиционным русским самоваром) сохранялись чрезвычайно долго. Борьбой за сохранение языка и стиля, характерных для дореволюционного времени, дольше и последовательнее всего удавалось оказывать отпор культурной ассимиляции. А самым последним и отчаянным рубежом защиты русского языка была именно русская семья, причем даже в ситуации, когда возникали смешанные браки.

Кроме культурологических влияний, существование семьи в новом социальном окружении в значительной степени определяли и социально-экономические факторы. Это прежде всего сводилось к тому, что потеря прежнего социального статуса выражалась двояко. С одной стороны, она приводила к общей бедности и тем самым негативно влияла на семейную жизнь, на взаимоотношения детей и родителей и т.д. С другой стороны, перемены выражались и на уровне психики, так как сопровождалась постоянной внутренней напряженностью, которая проецировалась и на всю семью.

Все переломы, потрясения, вызовы и проблемы, с которыми сталкивались как русская эмиграция в целом, так и ее отдельные представители и эмигрантская семья как институт, яснее всего отражались на уровне демографии. Уже тот факт, что в эмиграции был нарушен баланс между мужчинами и женщинами (около 30% женщин и около 70% мужчин), доказывает, что возможность совершения мононациональных браков среди беженцев была значительно снижена. Поэтому ли или вследствие психологических потрясений, экономических проблем или культурологических различий любой доступный анализ семейной структуры показывает, что в русской эмигрантской группе был исключительно большой процент лиц, не состоявших в браке — до 40%. Этот факт недвусмысленно доказывает, что семейная структура беженцев существенно отличалась от нормального социального положения (например, по переписи населения 1921 г. в Королевстве СХС лишь 1,1% населения жил в одночленных семьях).

Табл. 54. Семейная структура русских эмигрантов в Румынии, 1919 г.⁴

Семейное положение	Количество	%
Не замужем, неженаты	584	36,4
Замужем, женаты	917	57,2
Вдовы, вдовцы	54	3,4
Дети	48	3,0
Всего	1603	100,0

Табл. 55. Семейная структура русских эмигрантов в Королевстве СХС, 27 июня 1920 г.⁵

Семейное положение	Количество семей	Количество членов семьи	%
Живут одни	4303	4303	47,4
Живут в семье		4776	52,6
Семья из 2 членов	1014	2028	22,3

Семейное положение	Количество семей	Количество членов семьи	%
Семья из 3 членов	449	1347	14,9
Семья из 4 членов	221	884	9,7
Семья из 5 членов	68	340	3,8
Семья из 6 членов	26	156	1,7
Семья из 7 членов	3	21	0,2
Семья из 8 членов	—	—	—
Всего	6084	9079	100,0

Данные 1919-го — середины 1920 г. почти в точности подтверждает и анализ случайной выборки, проведенный в Варне, за период до 1922 г.

Табл. 56. Семейная структура русских эмигрантов старше 18 лет в Варне, 1919—1922 гг.⁶ (случайная выборка)

	Мужчины	Женщины	Всего	%
Неженатые, не замужем	967	120	1087	37,4
Женатые, замужем	1210	449	1659	56,6
Вдовцы, вдовы	58	105	163	5,7
Разведенные	—	4	4	0,1
Неизвестно	3	2	5	0,2
Всего	2238	680	2918	100,0

Проблемы и испытания, которым подвергалась русская семья в изгнании, особенно наглядно отражает анализ семейного положения русских детей, находившиеся в изгнании. Гражданская война и отъезд в изгнание нередко приводили к смерти родителей и разлукам в семье. В то же время материально необеспеченная и ненадежная жизнь в изгнании вызывали частые переселения взрослых, что приводило к тому, что значительное количество детей выросло далеко от родительского надзора и заботы, в интернатах при русских школах, которые существовали в других городах или даже странах. Поэтому в эмиграции около 30% детей жили без родительской опеки, а свыше 10% детей были сиротами.

Табл. 57. Семейная структура русских детей и подростков в Королевстве СХС, 1922 г.⁷

Семейное положение	Мальчики	Девочки	Всего	%
С родителями	1956	1926	3882	68,6
С мужем	—	24	24	0,4
У родственников	68	54	122	2,1
У опекунов (не родственников)	3	8	11	0,2
Сироты, живущие в школе	1039	192	1231	21,8
Сироты, живущие вне школы	320	68	388	6,9
Всего	3386	2272	5680	100,0

Табл. 58. Семейная структура русских детей в Болгарии, 1924 г.⁸ (на примере гимназий в Шумене, Пернике и Варне)

	Шумен	Перник	Варна	Всего	%
Без родителей:				218	34,3
родители в СССР	65	65	2	132	20,8
неизвестно, где родители	2	5	—	7	1,1
сироты	31	43	5	79	12,4

	Шумен	Перник	Варна	Всего	%
С родителями:				408	64,7
оба родителя эмигранты	103	103	79	285	44,9
один из родителей эмигрант	44	57	22	123	19,4
Нет данных	5	—	4	9	1,4
Всего	250	273	112	635	100,0

Основные причины, из-за которых русские беженцы оказались в эмиграции, т.е. поражение в Гражданской войне и эмиграция всей Русской армии, решительным образом повлияли на основные функциональные и структурные особенности эмигрантских семей. В результате исключительно большой процент беженцев жил вне семей. Произошла деструкция, т.е. развод или насильственное разлучение семей, последствия которой однозначно отразились на всей структуре русской эмигрантской колонии. Частные примеры этой деструкции лишь дополняют картину общей проблемы, даже такими крайними случаями, когда деструкцией злоупотребляли, когда, например, отдельные эмигранты, чья семья оставалась в России, в изгнании вновь вступали в брак, предварительно не разведясь, что фактически было скрытым двоеженством. Такие случаи, конечно, редки, но крайне показательны для понимания проблем, возникавших у эмигрантских семей.

БРАК

Выводы о формировании и функционировании русской семьи беженцев на Балканах подтверждают точные демографические исследования брачных связей и браков среди русских беженцев в Белграде, результаты которых опубликовал в середине 1930-х годов А.А. Солонский⁹.

Условия семейного быта в эмиграции имели ряд особенностей и отличались от нормальных общественных стандартов. Это прежде всего относится к исключительно высокому проценту разводов среди беженцев¹⁰.

Табл. 59. Брачные и бракоразводные ситуации в среде русских эмигрантов в Югославии, 1929—1932 гг.

	1929	1930	1931	1932
В браке	78,3	77,2	81,8	75,0
Во вдовстве	7,5	8,9	6,8	9,1
Разведенные	14,2	13,9	11,7	15,9

В 1929 г. это соотношение среди населения Королевства СХС, проживавшего в Белграде, было следующим:

Табл. 60. Брак и бракоразводные ситуации в среде русских эмигрантов — жителей Белграда, 1929 г., %

В браке	87,0
Во вдовстве	8,5
Разведенные	4,5

Причин такого явления было много, и среди самых важных были, конечно же: высокая степень эмансипации русской женщины, стрессогенный характер жизни в эмиграции, экономическая нестабильность и т.д.

О влиянии вышеуказанных проблем и факторов на функционирование эмигрантской семьи свидетельствует и существенный процент заключения третьего брака у беженцев, на который эмигранты (от бедности, обстоятельств, эмансипации женщин или просто психологических стрессов) решались значительно чаще, чем местное население.

Исключительно важные данные о функционировании семьи в эмигрантской среде дает нам анализ данных об условиях рождения детей (в особенности их сравнительный анализ с местной средой). Анализ данных о заключении браков и рождении детей ясно показывает степень социальных потрясений, которым подвергалась русская семья¹¹.

Табл. 61. Браки и деторождение у русских эмигрантов в Югославии

	1929	1930	1931	1932
Заключено браков	106	79	88	88
Родилось детей	82	75	77	74
В среднем детей	0,77	0,95	0,87	0,84

В то же время у местного населения это соотношение совершенно иное:

Табл. 62. Браки и деторождение у местного населения Югославии

	1927	1928	1929
Заключено браков	1998	2058	2093
Родилось детей	3792	4171	3141
В среднем детей	1,90	2,03	1,50

Тот факт, что количество родившихся детей было меньше, чем заключенных браков, наглядно показывает перспективы, стоявшие перед русской семьей, и вообще характер ее существования. К похожему выводу подводит нас и детальный анализ данных о рождении детей в русских семьях беженцев. Новорожденный, появившийся в семье русских эмигрантов, в более чем 50% случаев был первым ребенком в семье (в то время как у местного населения процент первого ребенка в семье был около 35%, а 65% новорожденных были не первым ребенком). Это недвусмысленно указывает нам на негативный демографический баланс русской семьи в эмиграции¹². Кроме общих причин (сочетания экономических и психических факторов), такое положение было обусловлено, как подчеркивает А.А. Солонский, и возрастными границами русских матерей¹³. Этот фактор был прямым следствием как самой эмиграции, так и ее характера и причин возникновения.

Даже некоторые положительные демографические тенденции, которые можно выделить при анализе эмигрантских семей, а именно: значительно меньшая смертность по сравнению с местным населением (в 1929 г. среди русских — 8,11 на 1000 человек а среди местного населения — 14,94¹⁴) или то, что заметно большее количество русских детей было рождено в браке (1929 г. у русских — 95,1%, у местного населения — 86,8%¹⁵), были в значительной мере уменьшены и практически обесценены малым количеством новорожден-

ных. Малое количество новорожденных среди русских эмигрантов, в свою очередь, указывало на тот факт, что у «русской семьи не было перспективы», т.е. что в будущем количество юношей и девушек, способных создать семью, будет прогрессивно уменьшаться. Историческое развитие, новые миграции и ассимиляция лишь ускоряли эту тенденцию.

Вместо заключения можно процитировать Солонского: «...огромное число разводов, успех разведенной женщины несомненны т.е. русская семья неустойчива, неплодovита, и я не смею утверждать, от чего это зависит, во всяком случае, не от отсутствия способности деторождения. Нестойкий брак отражается на детях, а следовательно и на родах»¹⁶. К этому можно добавить и тот вывод, что подобная семья практически не имеет существенной перспективы, ни демографической, ни исторической. Причины такой ситуации были многочисленны и разнообразны, глубоко укорененные прежде всего в нестабильном и потрясенном до глубины души бытии русского человека, оказавшегося в изгнании.

¹ *Srna J.* Porodica u ratu i izbeglištivu // Psihologija izbeglištiva. Beograd, 1997. S. 30.

² *Дресел Г.* Историческа антропология. С. 45.

³ На этот феномен обращено внимание в статье: *Милић А.* Породица и друга генерација миграната // Марксистичка мисао. Београд, 1985. № 5. С. 35.

⁴ Список русских беженцев, находившихся в Румынии в 1919 г. // ГАРФ. Ф. Р-5982. Оп. 1. Ед. хр. 190. Л. 1–115 об.

⁵ Статистическая ведомость о количестве русских беженцев в Королевстве СХС на 27 июня 1920 г. // Hoover. Paleologue. 007.

⁶ Статистические данные о русских беженцах в Варне и ее районе (1919–1922). Табл. № IV.

⁷ Сведения о положении детей русских беженцев в Королевстве СХС // А. Двор К. 74. 276.410; см. также: Нужды русских беженцев в Королевстве СХС, 1922 // АСАНУ. 14386. Несређена грађа; см. тот же документ в: ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 974. Л. 11–40.

⁸ Совещание представителей русских учебных заведений в Болгарии 12–14 ноября 1924. Прага, 1925. С. 60; см. также: ГАРФ. Ф. Р-5766. Оп. 1. Ед. хр. 51. Л. 31.

⁹ *Солонский А.А.* Демография русской эмиграции в Белграде // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1935. Т. 10. С. 43–60. (Это исследование было проведено на основании выборки — в русской эмигрантской колонии в Белграде за период 1929–1932 гг. В то время в Белграде жили 8374 эмигранта, что по отношению к общему числу беженцев, которые в то время проживали в Югославии (30 тыс.), составляет почти 30%, и даже по отношению к общему числу русских эмигрантов на Балканах (54–56 тыс.) составляет 14,3%. Это доказывает, что данное исследование может быть квалифицировано как анализ достаточно репрезентативной выборки, с учетом того, что в белградской колонии были представлены все социальные слои эмигрантов.)

¹⁰ *Солонский А.А.* Демография... С. 53–54.

¹¹ Там же. С. 53–54.

¹² Там же. С. 47–48.

¹³ Там же. С. 52.

¹⁴ Там же. С. 49.

¹⁵ Там же. С. 44–45.

¹⁶ Там же. С. 60.

ЖЕНЩИНЫ В ИЗГНАНИИ

Данные о жизни русской женщины в изгнании, особенно на Балканах, очень скудны. Это вызвано рядом факторов. Самым важным из них было, конечно, традиционное отношение к роли женщины в обществе, кроме того, присутствие большого числа мужчин в изгнании и особенно типично мужских институтов вроде армии, к судьбе которых (политической и социальной) проявлялось особое внимание. В соответствии с этим авторы, которые рассматривали судьбу русской эмиграции, не обращали почти никакого внимания на проблемы русских женщин в изгнании. Всё более или менее сводилось к констатации П.Е. Ковалевского, что «особенно великая заслуга в деле хранения русских традиций и русского языка принадлежит русским женщинам, которые в своем огромном большинстве были неутомимыми труженицами и много способствовали воспитанию молодых поколений»¹. Сознательно или нет, но этой констатацией Ковалевский настаивал на традиционном видении роли женщины в семье (связывая ее с домом и детьми).

И все же, несмотря на малое количество доступных фактов, можно воссоздать основные силуэты эмигрантского мира русских женщин. Жизнь в изгнании принесла русской женщине (желала она того или нет — это уже другой вопрос) намного более значительную роль в семье и обществе. Несомненно, русские женщины и далее выполняли традиционную женскую работу и обязанности (матери, супруги, медицинской сестры, врача, учительницы и т.д.²), но в новых условиях они намного чаще брали на себя ответственность за семью в целом.

Специфическое изменение места и роли русской женщины вызвал ряд факторов: несоразмерность в количестве женщин и мужчин среди русских беженцев на Балканах (как уже было подчеркнуто, среди русских эмигрантов было всего 30% женщин и 70% мужчин), значительное число женщин, которые были вынуждены устроиться на работу ради получения средств для поддержания своих семей, формирование различных женских обществ и прочие формы общественной деятельности.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ: ИЗУЧЕНИЕ СЛУЧАЙНОЙ ГРУППЫ

Вследствие недостатка исторических источников наша реконструкция эмигрантского мира русской женщины будет в основном опираться на опрос, проведенный в Константинополе в 1922-м или 1923 г., среди русских женщин, которые в годы Гражданской войны служили медсестрами (сестрами милосердия) в различных медицинских учреждениях, а затем вместе с армией оказались в эмиграции³. Большинство из них (62,6%) поступили на военно-медицинскую службу в годы Первой мировой войны, 25,3% находились на этой службе до войны, а 12,1% поступили в армии, боровшиеся с большевиками, после начала Гражданской войны.

Более половины медицинских сестер (53,8%) были замужними женщинами, которые отправились в изгнание с семьями, незамужних было 24,2%, вдов 20,9%, и лишь одна из них была разведенной. Очевидно, что в этой группе крайне высокий процент вдов. Этот факт наглядно демонстрирует, какие последствия в жизни простого человека оставили восемь лет войны, через которые Россия прошла с 1914 г. Об этих последствиях говорит и тот факт, что среди этих женщин было 7,7% инвалидов различных степеней: две женщины перенесли ранения в годы войны, три имели инвалидность, оценивавшуюся как потеря 50% трудоспособности, одна — инвалидность на 65%, а еще одна — на 75%. К счастью, большинство женщин-медсестер прошли войну без ранений. Но тяжелые условия жизни в изгнании приносили им другие мучения. Если во время войны доминировали физические угрозы, страдания и реальная опасность смерти, то в изгнании эти женщины столкнулись с экзистенциальными угрозами, страхами и борьбой за простое выживание. Поэтому большинство из них, вольно или невольно, были принуждены изменить свое традиционное общественное положение, найти работу и таким образом помогать своим мужьям содержать семью, а порой даже полностью взять на себя эту обязанность.

Из женщин, которые участвовали в анкетном опросе, 63,7% имели какую-либо работу, а 36,3% работы не имели. Пять женщин содержали больных или тяжелораненых супругов. В лучшем случае они работали медицинскими сестрами в одной из русских или союзнических больниц в Константинополе либо занимались частной практикой у частных врачей или индивидуальных пациентов — 58,6%. Из этого количества 19 человек работали в больницах и амбулаториях, а 15 — в частном секторе (13 на постоянной основе, две имели временную работу). Встречались и те, кто смогли использовать свои знания, например И.В. Княжевич, служившая секретарем морского атташе в британском посольстве, С.В. Введенская, руководившая детским садом при школе Св. Николая, и еще четыре дамы, зарабатывавшие уроками иностранных языков или рисования. Остальные работали от случая к случаю, выполняя, как правило, одноразовую работу: стирали и гладили белье (5%), шили (10%), работали домашней прислугой или сидели с детьми (7%). Но и такая работа в тяжелом эмигрантском быту была очень важна, так как могла обеспечить необходимые средства для выживания⁴. Другие исследования приводят к аналогичному выводу — русские женщины в изгнании занимались традиционно женской работой. В Константинополе в начале 1920-х годов русские женщины могли относительно легко найти работу служанок⁵. Также существовал широкий спрос на нянек, экономок и горничных, куда реже русская женщина могла получить работу учительницы, воспитательницы или машинистки⁶. В Болгарии из 4110 женщин в 1925 г. лишь 1300 (т.е. 30%) содержались их мужьями, в то время как 2500 (60%) трудились на какой-либо работе. Самое большое количество женщин работали учительницами, фабричными работницами или прислугой в ресторанах и отелях⁷. Тем не менее на изменение в изгнании общественного положения и роли русских женщин ясно указывал большой спрос на женский труд во всех балканских странах, куда прибыли беженцы⁸. Как гипотезу можно принять и то, что в трудоустройстве русским женщинам могло помочь профессиональное образование, которое они получили в России.

На основании имеющихся опросов мы располагаем данными о полученном образовании, но из количества языков, которыми владели русские женщины, можно получить приблизительную картину их образовательного уровня. Лишь 24,2% из них заявили, что не говорят ни на одном другом языке, кроме русского, в то время как 75,8% кроме родного языка знали хотя бы еще один иностранный. Среди женщин, которые знали иностранные языки, 29,7% знали один, 36,3% — два, 8,8% — три, а одна из опрошенных — пять иностранных языков (правда, она отметила, что знает кавказские языки). Чаще всего опрошенные знали французский или французский и немецкий, а кроме того, английский, турецкий, польский, болгарский и кавказские языки:

Табл. 63. Иностранные языки, которыми владели эмигрантки⁹

Французский	60
Немецкий	35
Английский	13
Турецкий	6
Польский	3
Болгарский	2
Кавказские языки	1

Тяжелая жизнь в изгнании и непостоянство заработков у многих рождали стремление изменить среду и поискать счастья в других странах, приютивших русских эмигрантов. До 67% опрошенных были недовольны жизнью в Константинополе и выразили готовность уехать оттуда. Уже тогда среди 70% русских женщин самыми популярными были традиционные страны для эмигрантов — США и Франция. Оставшиеся разделились во мнениях: семь хотели бы уехать в Сербию, четыре в Бельгию и по одной стремились в Болгарию, Германию, Данию, Латвию (Ригу), Египет (Каир), и Чехословакию (Прагу). Лишь одна из опрошенных хотела бы вернуться в Советскую Россию. Из оставшихся 33%, которые выразили желание остаться в Константинополе, самое большое количество имели постоянную работу в одной из больниц или частную практику в качестве санитарок. Эти данные подтверждают, что на уровень жизни в эмиграции и быстрое приспособление к новой среде в решающей степени влияло трудоустройство¹⁰. Но жизнь в изгнании принесла с собой не только эти проблемы.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ЭМИГРАЦИИ

Тяжелые условия, в которых жили эмигранты, и необходимость постоянной борьбы за выживание приводили к тому, что среди них появилось значительное количество лиц, нуждавшихся в помощи. Поэтому русские женщины активно включились в работу различных благотворительных обществ, чаще всего связанную с так называемыми домашними вопросами, как, например, организация питания или размещение по общежитиям и т.п. Большая роль была и у русских сестер милосердия, которые действовали в рамках РОКК в различных учреждениях здравоохранения, санаториях, больницах и поли-

клиниках, а также основывали и собственные организации. Часто случалось, что патронессами этих здравоохранительных учреждений были супруги известных деятелей русской эмиграции, как, например, баронесса О.М. Врангель или Ю. Штрандтман, супруга бывшего русского посланника в Белграде.

Одной из важнейших форм активности женских обществ в Королевстве СХС была забота о детях. Общества русских сестер милосердия в Белграде открывали ясли для сирот до пяти лет, церковное Мариинское сестричество занималось организацией помощи женщинам и детям, в особенности матерям с новорожденными детьми, а в Леснинском женском монастыре, находившемся в Хопово, монахини занимались воспитанием детей¹¹.

Проблемы, которые сопровождали жизнь в изгнании, делали роль женщин более важной в различных формах социальной активности. Русские женщины сформировали ряд обществ, которые занимались в основном благотворительностью, как, например, Первое русское женское общество в Королевстве Югославия, основанное в 1929 г., которое занималось заботой о женщинах и детях, посылало каждый год определенное количество детей в летние лагеря отдыха, организовывало детские праздники, курсы кройки и шитья, открывало общежития для одиноких женщин¹²; Общество русских женщин «Мать» в Скопье, которое открыло в Качанике детский приют¹³, или Русско-болгарский дамский комитет в Варне, который тоже занимался благотворительностью¹⁴. Появление русских женских союзов на Балканах лишь частично представляло собой продолжение истории традиционных русских дамских обществ времен императорской России, в значительно большей степени оно было своеобразным ответом на вызовы жизни в изгнании и указывало на новую социальную роль и положение русской женщины. Эмиграция безусловно влияла на заметное изменение места русской женщины в обществе, на ее вовлеченность в политическую жизнь (например, в рамках Женского отделения младорусской партии, которое часто организовывало лекции и дискуссии на различные темы, например «Русская женщина в прошлом, настоящем и будущем»)¹⁵.

Самый крупный прорыв с точки зрения общественной эмансипации и, возможно, самую важную социальную позицию в балканских государствах русские женщины завоевали в сфере искусств, в особенности театра. Деятельность К. Исаченко, Е.Д. Поляковой или Н. Кирсановой в балете Народного театра в Белграде, М.П. Фроман в загребском и белградском балете¹⁶ или примы-балерины Е.Г. Сахновской в балете и М. Скокан в опере Народного театра в Софии¹⁷ вошла в историю этих театров. Деятельницы искусства из России в новой среде брали на себя ведущие роли, прежде всего в балете, разбивая таким образом строгие барьеры традиционного балканского понимания женской роли в обществе.

Однако не все женщины в тяжелой эмигрантской повседневности могли найти работу, адекватную своему образованию и своим наклонностям. Многие были вынуждены браться за любую работу, часто физическую, чтобы помочь содержать свои семьи или даже содержать их в одиночку. Достаточно редко, но все же были случаи, в основном в начале 1920-х годов, когда русские женщины, дезориентированные и подавленные трудностями эмигрантского быта, искали спасения в поведении, отклонявшемся от общественных стандартов. В то время Константинопольская полиция регистрировала появление

нескольких сотен русских проституток¹⁸. Впрочем, по утверждениям одного из русских экспертов, это явление не имело массового характера и большинство таких женщин «не относились к профессионалкам»¹⁹. Скорее стоило бы отметить, что это явление было результатом крайне тяжелых условий жизни в первые месяцы в изгнании. Тем не менее отдельные эмигрантские организации все-таки предпринимали меры, чтобы бороться с этим явлением²⁰.

Характер того влияния, которое жизнь в изгнании оказывала на изменение социального положения женщин, лишь частично отражался в тогдашней печати. Во всей Зарубежной России выходил лишь один дамский журнал «Современная женщина», да и это издание длилось недолго (вышли лишь два номера журнала в 1932 г.). Чаще журналы и газеты были посвящены исключительно интересам мужской части общества, как, например, «Артиллерийский вестник», «Авиационный бюллетень» или «Военный сборник». Множество периодических изданий было посвящено юношеским организациям, скаутам, кадетам, были и специализированные издания филателистов или чрезвычайно специализированные издания, как, например, «Оккультизм и йога». Несмотря на это, вряд ли можно утверждать, что эмигрантская печать избегала женскую часть беженцев. Большое внимание посвящалось акциям, которые проводили русские женщины. А заинтересованные фирмы с большой активностью, особенно через рекламу в печати, обращалось именно к женщине как потенциальному покупателю. Чаще всего появлялась реклама французского шелкового белья, французских духов (Worth Caron, Guerain, Houbigant, Coty²¹ или от парижских фирм Lubin — Douce France, Ocean Bleu, Noir-et-Or, Amaryllis²²), которые продавали в оригинальных упаковках или в розлив, затем дамских шляпок (в Русском модном салоне П. Ришкевич в Белграде²³), различных меховых предметов одежды (о продаже которых в Белграде давала объявления старая русская скорняцкая фирма «Камчатка»²⁴), декоративных пуговиц для дамских костюмов и некоторых традиционных женских товаров, как, например, машины «Зенит»²⁵. Сами русские женщины также давали объявления в печати, что указывало на значительную степень эмансипации в эмигрантской среде. Чаще всего это были врачи, как, например, гинеколог Л. Фетисова²⁶ или стоматолог Ю.М. Попова²⁷. Объявления давали и русские женские общества. Национальный союз русских женщин особенно рекламировал свой ресторан-столовую как самый дешевый (обед стоил всего 4,5 динара) и самый вкусный, а также и как ресторан, который предлагал и «строго диетическую пищу» (все блюда готовились на растительном масле)²⁸. Реклама крупных и мелких фирм, обращенная к русской женщине как потенциальному покупателю, прямо или косвенно ставит вопрос моды.

Печать того времени отражала тот факт, что русские дамы с общественной точки зрения открыли для местных дам еще одну форму активности. Речь идет об организации показов мод. В конце 1930-х годов Татьянинский комитет организовал в зале Союза сербских сестер традиционное благотворительное чаепитие, как было подчеркнуто — с весенним «Revue des modes», с коротким концертом и танцами «под звуки первоклассного джаза»²⁹.

Осталось мало следов того, в какой мере и какое число русских эмигранток интересовались новостями в области моды. Проведение показов мод несомненно доказывает, что внимание к моде существовало, но вопросом остается, какое число женщин могли в тяжелых условиях изгнания выделить

некоторое количество денег на такие потребности. Часть их, в особенности женщины старшего поколения, на вид напоминали минувшую эпоху. Об этом свидетельствует исключительно яркое описание И. Грицкат: «Тетя Шура представляла собой яркий образец русской эмигрантки. Она носила юбку до щиколоток, седые волосы зачесывала к затылку и там заплетала их в венчик, в то время как за уши она закладывала по одной прядке, намазанных для крепости дегтем»³⁰. Мода была лишь одной из многих составляющих, которые указывали на то, что в изгнании происходила эмансипация русских женщин. Разумеется, значительное количество русских эмигранток до своего отъезда с родины принадлежали к тем высшим общественным кругам, в которых и до революции ощущалась определенная эмансипация женщин. Самым наглядным показателем того нового и современного, что русская женщина принесла в своем быте в новую среду, было открытие первого на Балканах косметического салона в Белграде в 1926 г. После обучения во Франции Л.М. Ираклиди открыла его на улице Франкопана, дом 4. Основной проблемой в партиархальной балканской среде был поиск клиенток, ведь «тогда под косметикой понимали только макияж, а известно, кто носил в то время макияж...». Но со временем недоверчивость к нововведению прошла, и первые дамы осмелились посетить салон. Прежде всего пришли супруги британского и итальянского послов в Белграде, а потом стали появляться и местные клиентки, однако хозяйка должна была строго следить за тем, чтобы местные дамы случайно не встретились в салоне. Уже в начале 1930-х годов это достижение современности совершенно прижилось, а Ираклиди с 1931 г. даже вела регулярное еженедельное приложение с косметическими советами для популярной столичной газеты «Время»³¹.

Особой составляющей жизни женщин было специальное образование девочек в интернатах. На Балканах существовало два русских девичьих института и две русские женские гимназии, и все четыре эти организации действовали в королевстве СХС. Это были Харьковский женский институт в Новом Бечее, Мариинский Донской институт в Белой-Цркве, Русско-сербская женская гимназия с общежитием в Великой-Кикинде и Русско-сербская женская гимназия в Белграде (возникшая в 1930 г. после раздела Первой русско-сербской гимназии на мужскую и женскую). Наиболее кратко цель и причины образования девушек, с точки зрения русского педагога, высказала Н. Эрдели, директриса великокикиндской русско-сербской женской гимназии, в письме к королю Александру в 1923 г.: «Когда речь идет об образовании женщины, тогда прежде всего мы думаем о воспитании тех молодых поколений, которые завтра возьмут на себя роль матери и хранительницы семейных святынь. Чем сильнее воспитание направлено на это, тем надежнее залог того, что человек, окрыленный физически и морально подготовленной матерью, будет лучше и способнее к тому, чтобы выполнить свой высокий долг перед родиной. Таким образом, непосредственная задача в том, чтобы через возвышенную мать прийти до совершенной семьи, а через нее — к укреплению всего общества. Время, в которое мы сегодня живем, дает особое — первостепенное значение проблемам такого типа...»³² Эта позиция ясно описывает положение, в котором находилась русская женщина в изгнании. Жизнь русской женщины в эмиграции протекала в широких рамках — от традиционных задач женщины и роли, которую она играла в семье и обществе, до тех нововведений и модернизации,

которые входили в ее повседневную жизнь в межвоенный период. Можно очевидно заметить и консервативное стремление сохранить традиционную роль женщины в семье, которое было представлено прежде всего в процессе образования русских девочек и которое вряд ли подходило к реалиям эмигрантской жизни, так как было в основном направлено на ожидаемое возвращение на родину. Несмотря на эти противоречия, было ясно, что эмигрантская доля радикально изменила социальное положение русской женщины как в новом обществе, так и внутри феномена, называемого Зарубежная Россия.

В известной степени эта констатация может быть отнесена и к жизни и возмужанию русских детей в эмиграции.

¹ Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия... С. 15.

² Об этой классификации подробнее см.: *Крстева Ю.* Времето на жените // Времето на жените. София, 1997. С. 27–29.

³ Регистрационные карточки сестер милосердия РОКК // ГАРФ. Ф. Р-6021. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 1–91; Характер анкеты не только ограничивает круг вопросов, которые могли бы быть решены с использованием ее материалов, но и заставляет быть особенно осторожными при использовании этих материалов, так как работа с ними представляет собой специфический исторический анализ случайной выборки. Анкета охватывает ответы 91 женщины различного возраста.

⁴ Регистрационные карточки сестер милосердия РОКК // ГАРФ. Ф. Р-6021. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 1–91.

⁵ Помощь на Ближнем Востоке, 19 марта 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 449. Л. 4.

⁶ Очерк деятельности Всероссийского земского союза... С. 30.

⁷ Бежанците и условия на труда в България. С. 13.

⁸ Помощь на Ближнем Востоке, 19 марта 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 449. Л. 4; The labor question in Constantinople // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 23. Л. 22; Очерк деятельности Всероссийского земского союза... С. 30, 127.

⁹ По материалам регистрационных карточек сестер милосердия РОКК // ГАРФ. Ф. Р-6021. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 1–91.

¹⁰ Там же.

¹¹ В.Н. Штрандтман — М.Н. Гирсу // Hoover. Girs. 47.7.

¹² Прво Руско женско друштво у Краљевини Југославији — Белићу, 3 јан. 1936 г. // АСАНУ. 14386. 2610; Русские женщины в Югославии // Часовой. Bruxelles, 1939. 5 июня. № 236/237. С. 29.

¹³ Общество русских женщин «Мать» — А. Беличу, 15 июля 1930 г. // АСАНУ. 14386. 341.

¹⁴ Учредителен протокол на Руско-български дамски комитет във Варна, 16 июля 1928 г. // ЦДИА. Ф. 264к. Оп. 6. А.е. 1440.

¹⁵ Открытое собрание Женского отдела младоросской партии на тему «Русская женщина в прошлом, настоящем и будущем» // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 907. Л. 17.

¹⁶ Подробнее см.: *Јовановић М.* Јелена Пољакова на београдској балетској сцени. С. 179–186; *Шукуљевић-Марковић К.* Улога руских уметника у стварању балета Народног позоришта у Београду 1920–1944. С. 187–209.

¹⁷ *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. С. 111–112.

¹⁸ *Нансен-Хейер Л.* Книга об отце. С. 376.

¹⁹ Материал для характеристики русских, живущих в Константинополе (июль 1920 г.) // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 449. Л. 12.

²⁰ Выписка из доклада контролера Представительства В.З.С. в Королевстве СХС А.М. Тимченко «Положение беженцев, их жизнь и нужды» // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 974. Л. 69.

²¹ Царский вестник. Белград, 1933. 9 апреля. № 333. С. 4.

²² Русский голос. Белград, 1936. 23 февраля. № 255. С. 3; Там же. 13 декабря. № 297. С. 4.

²³ Царский вестник. Белград, 1933. 9 марта. № 324. С. 4.

²⁴ Там же. 1939. 10 сентября. № 674. С. 4.

²⁵ Русский голос. Белград, 1940. 6 октября. № 496. С. 3.

²⁶ Там же. 1938. 1 мая. № 369. С. 4.

²⁷ Объявления // Вестник Главного правления Общества галиполийцев. Белград, 1924.

²⁸ Русский голос. Белград, 1935. 22 декабря. № 246. С. 4.

²⁹ Там же. 1938. 1 мая. № 369. С. 4.

³⁰ Грицкат И. У лебдивом ходу. С. 37.

³¹ Jovović R. Ukinuti pipanje! Ženski razgovori: Lidija Iraklidi, prvi Yu kozmetičar // Reporter 5: Posebno izdanje «Žena '85». Beograd, 1984. № 3. S. 14–15.

³² Н. Эрдели — королю Александру, 28 октября 1923 г. // АЖ. Двор КЈ. 74. 19.32.

«МЫ, ДЕТИ, УЖЕ ТОГДА СТАЛИ ВЗРОСЛЫМИ»¹: ДЕТСТВО В ЭМИГРАЦИИ

Ежедневное столкновение со стрессом, постоянное давление проблемы выживания и частые переселения из города в город и из страны в страну отягощали жизнь эмигрантской семьи, влияли на то, что дети-беженцы были заняты необычными для своего возраста проблемами и из-за одного этого уже были подвержены процессу ускоренного созревания². Сами потрясения и перемены, которые вносил в душу каждого эмигранта отъезд в изгнание, по образному выражению В.В. Зеньковского, «леденили детские души», как некий ураган, который стирает все перед собой, как суровая, злая буря, перед которой все были бессильны, а при этом дети не могли искать утешения и опоры даже у родителей, которые были потрясены не меньше, чем их дети³. Исключительные события, которые происходили в жизни детей, как, например, встреча со смертью, потеря родителей и ближайших родственников, оставляли тяжелые травмы в детской психике. Непостоянство семейных доходов и нестабильность семей часто приводили к тому, что дети сами были вынуждены устраиваться на работу, занимаясь даже тяжелой физической работой (например, резали свиней⁴), иногда они полностью брали на себя содержание семьи. Кроме общественного и семейного положения, взросление и жизнь русских детей в изгнании усложняли и другие факторы, как, например, тот факт, что процесс их развития шел параллельно в двух средах: в эмигрантской и местной балканской.

Уже простое перечисление этих факторов показывает всю сложность и важность феномена выращивания в изгнании, феномена, который не получил достаточной разработки в современной историографии⁵.

К изучению истории детства русских детей в изгнании можно подойти на основе различных теоретических предпосылок современной науки — от исследования отношения общества к детям (что, например, Ф. Ариэс считает одним из ключевых вопросов, связанных с историей детства⁶) до рассмотрения отношения родителей и детей в исторической перспективе (на чем, например, настаивает школа психоистории во главе с Л. Дэмозом⁷). В то же время значение изучения истории детства, если согласиться с оценкой К. Тэйлор, состоит прежде всего в том факте, что знакомство с историей детства по-настоящему дает возможность понять ценности изучаемого общества и поэтому является ключевым для понимания истории любого общества и культуры⁸. Последнее особенно важно, если мы хотим понять, какие ценности русская эмигрантская группа в экстремальной ситуации стремилась сохранить, перенося их на детей.

Существование русских детей в изгнании было отягощено многими факторами. Часть их была внешними — социальными, демографическими или антропологическими, а часть была связана с личным, внутренним детским ощущением всего того, что они пережили на родине, во время эвакуации и в изгнании.

«НА ПРАЗДНИКИ ДЕТЕЙ К СЕБЕ Я НЕ ВОЗЬМУ»: ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВА НА ВЗРОСЛЕНИЕ ДЕТЕЙ В ИЗГНАНИИ

«Положение детей — особенно сложный вопрос в жизни беженцев. Если взрослые иногда могут долго выдерживать и недостаток питания, и другие тяжелые условия жизни, на детском организме даже временные лишения отражаются очень тяжело, нарушая все физическое и духовное развитие ребенка, а часто и совершенно разрушая его»⁹. Ситуация, которую русские эксперты описали еще в самом начале 1920-х годов, во многом определила дальнейшую жизнь и развитие русских детей в изгнании.

Бедность, нестабильные, ненадежные и плохие условия жизни, неурегулированное правовое положение и частые миграции представляли собой социально-исторические факторы, которые влияли на жизнь и развитие русских детей. Этот постоянный стресс влиял и на то, что русские дети еще во время своего взросления в изгнании впитали негативное отношение ко всему тому, что с ними случилось. Часто с детских уст слетали слова, необычные для детей — «я больше не хочу вспоминать»¹⁰. Современники, которые были с детьми в повседневном контакте, обращали внимание на то, что детям просто казалось, что прошлого и не было, а все, что они пережили, было дурным сном, ночным кошмаром. Эта «дематериализация прошлого», используя выражение современника, определенным образом влияла на то, что в детской психике и прошлое вообще воспринималось как «инородное тело»¹¹. Позднее уже выросшие люди связывали свое воспоминание о детстве с бедностью, особенно нехваткой игрушек (из-за чего они были вынуждены играть необычными вещами, например старыми деньгами)¹².

Кроме того, особое значение для русских детей на Балканах имело их столкновение с общественно-историческими и культурными ценностями двух общностей. В жизни (и образовании) детей доминирующее место имели ценности русской беженской группы, т.е. русские культурные и социальные ценности. В то же время русские дети вырастали, например, в югославском или болгарском окружении и ежедневно сталкивались с социальными и культурными реалиями местной среды. Взрослые объясняли и определяли эту ситуацию как «опасность денационализации и ассимиляции детей»¹³. В треугольнике «эмигрантская группа — школа — дети» эта проблема была одной из самых важных. Впрочем, отдельные авторы считали, что это явление более характерно для стран Западной Европы и США, чем для балканского региона, где беспрепятственно работали русские школы.

Частые изменения места жительства в эмиграции (переселения из города в город и из страны в страну) создавали у детей ощущение непостоянства. Поэтому случалось, что события, которые в нормальных условиях представляли собой исключительные и необычайные происшествия, становились чем-то совершенно нормальным для детей (например, резкая смена школы или места жительства, изменение общества, круга друзей...) ¹⁴. Важным в изгнании был и вопрос бытовых условий. В первые годы эмиграции дети жили в бараках и палатках, влажных и темных казармах. К тому же ощущался недостаток бе-

ля, одежды и обуви. Жизнь в таких условиях, при недостатке воздуха, солнца, прогулок и питания, драматически отражалась на здоровье детей, повышая рост заболеваемости и смертности¹⁵. Когда эмигранты могли найти хоть в какой-то мере постоянное жилье в каком-либо городе, чаще всего случалось, что дети жили в одной комнате вместе со взрослыми членами семьи¹⁶. Кроме того, из-за нужды и бедности, в которых они находились, русские люди в изгнании должны были работать по 12–16 часов в день — с утра до вечера, из-за чего большое количество детей вырастало без родительского надзора. Это крайне негативно отражалось не только на условиях жизни детей, но и на нормальном ходе их образования. Например, русские педагоги замечали, что дети после каникул частенько начинают отставать в учебе, что они связывали с отсутствием родительского надзора в течение всего дня (и вообще на протяжении всего лета)¹⁷.

Нашу констатацию влияния, которое нестабильность и тяжелая жизнь в изгнании оказывали на развитие русских детей на Балканах, весомо дополняют данные статистики, красноречиво свидетельствующие о характере трудностей, стоявших перед беженцами, и о положении детей в этой ситуации. Из массы статистических данных достаточно привести всего три факта:

1. На Балканах в межвоенное время жили около 10 тыс. русских детей¹⁸. Это число представляло всего 15–18% от всей группы русских беженцев на Балканах. Уже сама эта цифра показывает, что демографическая структура эмиграции отличалась от стандартной структуры популяции.

2. Количество русских детей, посещавших русские школы, было относительно небольшим (50–55% от всего количества русских детей), несмотря на то что на Балканах функционировало свыше 50 русских школ. Кроме того, невероятно большое количество детей (15–20%) и вовсе не посещали школу¹⁹. Эти данные точно отражают нестабильный характер жизни в изгнании.

3. Наконец, важную информацию о характере и качестве жизни русских детей в изгнании дает анализ их семейного положения. В эмиграции с родителями жили 60–70% детей, а без родителей — 30–40%²⁰. Но даже эти данные, возможно, являются слишком оптимистическими, так как, по другим сведениям, родители содержали менее 50% детей, в то время как большинство их жило в школьных интернатах²¹. В свою очередь, количество круглых сирот среди русских детей составляло порядка 10%²², что подчеркивает всю драматичность и тяжесть их взросления в изгнании.

Жизнь и взросление в переломное время революции и Гражданской войны, пребывание в изгнании, перегруженность стрессами и травмами прямо или косвенно вызывали проблемы развития у детей. Из-за бедности, круглосуточной занятости родителей и тяжелых условий жизни дети нерегулярно питались, большую часть дня проводили на улице и часто были вынуждены заниматься физическим трудом как вне дома, зарабатывая и помогая взрослым, так и работая дома. Они работали пастухами, чистильщиками обуви, помогали в лавочках и больницах, продавали газеты, а дома шили, стирали, гладили, мыли посуду, мыли полы, убирали комнаты, готовили еду и т.д., тратя свободное время на домашнюю работу, а не на игры²³. Стоит признать, что работа помогала им улучшить собственные условия существования. Например, бросалось в глаза, что осенью, после каникул, те, кто работали летом, носили

новую одежду и обувь²⁴. Но все же эти факторы влияли на физическое развитие детей и вызывали рост заболеваний. Заведующий русской больницей в Панчево обратил внимание на то, что на медосмотре русских учеников, проведенном в конце 1923 г., было выявлено, что дети крайне утомлены, с ясными признаками истощения²⁵. Это объяснялось как сильной нагрузкой в школе, так и недостаточным питанием. Кроме того, беженский быт отражался на детях и в том, что у них не воспитывались нормальные трудовые навыки, появлялись отклонения в социальном поведении и т.д.²⁶ При этом смертность детей раннего возраста среди русских была меньше, чем среди местного населения. Это объясняется большей заботой со стороны матерей и бесплатной медицинской помощью, которая была повсеместно организована для русских²⁷. Иногда специфические условия жизни в эмиграции приводили к формированию ненормальных взаимоотношений между родителями и детьми. Плохие квартирные условия в эмигрантской среде особым образом влияли на развитие детей. Дети были вынуждены слушать разговоры взрослых. В детскую жизнь очень рано вошла жизнь взрослых. Они познакомились и даже включились в решение проблем, с которыми сталкивались их родители и вся семья (взрослые члены семьи). Чаще всего это были проблемы нехватки денег, обуви и одежды. Кроме того, они очень рано познакомились с политической проблематикой (которая была одной из центральных в разговорах взрослых), с проблемами алкоголизма взрослых и т.д.²⁸

На детское развитие сильно влиял и кризис семьи, характерный для эмиграции, что в определенной степени приводило к отчуждению ребенка от семьи. Как мы уже отмечали, лишь малое количество семей в изгнании было достаточно обеспечено, чтобы нормально позаботиться о своих детях. Поэтому часто случалось, что родители, и без того на протяжении всего учебного года оторванные от детей, находившихся в общежитии, решались из-за тяжелой материальной ситуации оставить детей в интернате и на летние каникулы. Обычные объяснения такого поведения сводились к тому, что из-за чрезмерной занятости у них не было времени заботиться о детях: «Ваню я хочу оставить в гимназии и летом. Не удивляйтесь этому. Я вам сейчас объясню это решение, и вы сразу же со мной согласитесь: Ваня и не видел лета в прошлом году. Дома он ужасно беспокоен, остается там целыми днями один, потому что я с утра до вечера на фабрике; хозяйка жалуется. И чтобы не было неприятностей, я водила его с собой на работу <...> Так я промучилась все лето и едва дождалась, пока могла вернуть его назад в гимназию. Если мне придется взять его на лето, то все повторится или он будет весь день болтаться с уличными мальчишками...» Или просто не хватало денег: «На праздники детей к себе я не возьму, всего лишь с 300 левов мне с ними тяжело...»²⁹ Часто выдвигали и другие причины: «Наконец, сами условия жизни беженцев были таковы, что родители стремились сдать своих детей на полное содержание. В Королевстве СХС русские эмигранты в огромном количестве просто голодают и живут в ужасной нищете, обеспеченных почти нет <...> В каждой семье, в большинстве случаев, муж по целым дням занят на работе, жена работает по дому, а дети остаются без присмотра. Такая необеспеченность семейных людей и стремление обеспечить детям нормальное и достойное существование вынуждает родителей выбирать закрытые школы (с интернатом) — кадетские корпуса и институты»³⁰. Со своей стороны, дети, сталкиваясь с проблемами

жизни беженцев, были склонны рассматривать школьные интернаты как спасение от голода: «Не знаю, что бы мы делали, если бы не гимназия, наверное, умерли бы с голоду»³¹. Такие драматические решения, обусловленные стесненными обстоятельствами эмигрантского быта, негативно отражались на домашнем воспитании детей.

Стресс и неустроенная жизнь, вызванные революциями, Гражданской войной и эмиграцией, влияли не только на социальное и физическое развитие, но и решающим образом формировали психологическое становление русских детей в изгнании.

«Я РУССКИЙ... НЕ ЗНАЮ, ПОЧЕМУ Я РУССКИЙ»: САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ И СУБЪЕКТИВНОЕ ДЕТСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ЖИЗНИ В ИЗГНАНИИ

Первые педагоги, которые столкнулись с проблемой заботы о детях в изгнании, сразу же обратили внимание на нарушение нормального психологического развития: «Эти дети пережили все: они видели гибель своих близких, ощутили ужас несчастья и голода; были оставлены один на один с улицей, многие дети практически не знали нормального воспитания; они жили в холодных зараженных теплушках, лежали на грязных палубах эмигрантских пароходов, сотни их страдали от болезней и истощения. Одни страдали физически, а другие заражались ядовитым семенем морального извращения и запущенности»³². На это особенно повлияли драматические события и стрессы, пережитые в ранние годы: революция, Гражданская война и отъезд в эмиграцию, смерть ближайших родственников (родителей, братьев, сестер, бабушек и дедушек...), что приводило к тому, что дети тех лет относились к смерти как к чему-то обычному, существовала еще и проблема разорванных семей и т.д. Обо всем этом дети почти ежедневно слышали от взрослых, а многие из них лично переживали это на собственном опыте³³.

Русские педагоги, сознававшие всю тяжесть и драматизм пережитого для детской психики, постарались собрать детские свидетельства о годах революции и Гражданской войны. Так были записаны потрясающие душу свидетельства о пережитых психологических потрясениях и душевных травмах детей из гимназии в городке Моравска-Тршебова (которая начала свою деятельность в Константинополе в 1920 г.)³⁴, а также детей из русской начальной школы в Шумене в Болгарии³⁵, рассказы детей из русских начальных школ и гимназий на острове Проти, в Константинополе, Праге, Шумене, Загребе и Земуне³⁶. Ряд ответов и рассказов, которые чаще всего собирались при не подготовленных заранее анкетных опросах, что исключало возможность детей подготовить ответы, ярко свидетельствуют о тяжести пережитого.

Годы революции и Гражданской войны: «Революция — это когда папы не было дома, а мама не знала, что ей делать»; «Началась больная жизнь»; «Я один выжил из всей семьи»; «Самое страшное в революции — раненые. Их никто не кормил. Мы, дети, должны были сами собирать им деньги на хлеб»³⁷; «В 1917 г. была революция. В последние годы жизни в России нам было все хуже. У меня в памяти остались ужасные воспоминания»; «Я был с белыми. Уви-

дев Родину в крови, я не мог спокойно продолжать свое основное занятие — учебу и по первому призыву, с винтовкой в руках, ушел с отрядом белых бороться за честь и процветание Родины России»³⁸...

Страдания и смерть: «Они пришли, а когда ушли, то мы не узнали наш дом»; «Голод не надо описывать, теперь всем русским хорошо известно, что это такое»; «Нашего отца расстреляли, брата убили, а муж сестры застрелился сам»; «Наш отец умер от тифа, и мы стали есть гнилую картошку»; «Брата четыре раза водили на расстрел, а он умер от воспаления мозга»; «За все это время я так привык к смерти, что она больше не производила на меня никакого впечатления»³⁹; «Глубокий след в моих воспоминаниях остался от той первой жертвы, которую наша семья принесла на алтарь гражданской войны. Сама потеря не была настолько болезненной, как неожиданная весть о ней. Это была ужасная весть... Весть о смерти брата <...> Эта первая печальная весть была для меня самой тяжелой. Потом, когда год спустя я узнал, что мои отец и мать пропали, это сообщение не произвело на меня такого впечатления. Может быть, это было вызвано тем, что вскоре после смерти брата я ушел из дому и, таким образом, был уже готов к тому, что больше их никогда не увижу»⁴⁰...

По белому свету: «Мы все время переезжали из города в город, а зачем, я не знаю»; «Наш пароход отплыл, а я все плакала, потому что бабушка с нами не поехала, а сказала: я не хочу умирать на чужбине»; «И отправились мы терпеть всяческие муки и смотреть разные народы»; «Я остался в Стамбуле. Все куда-то разъехались; а мне было некуда ехать, и я решил положиться на волю судьбы. Вечерами я сидел рядом с паровой топкой. Там было тепло. Так проходили дни. Однажды я с интересом смотрел на катер, который подъезжал к нашему кораблю. Вдруг кто-то громко позвал меня по фамилии. Это был мой отец. Тогда мы вместе поехали во Францию»; «Я пережил столько, что потерял надежду на лучшую жизнь»⁴¹...

Жизнь в чужой среде, билингвизм и существование «без Родины», о которой постоянно говорили с особой эмоциональностью, психологически играли важную роль в самоопределении детей. Исключительно ценные свидетельства психологической адаптации детей к новой среде и их самоопределения собрал директор русской начальной школы в Шумене А. Дехтерев. В начале 1930-х годов он провел опрос учеников с тремя вопросами: русский ты или болгарин и почему ты считаешь себя русским (болгарином); что ты знаешь о России и любишь ли ее; любишь ли ты Болгарию? Особую ценность анкете придает то, что полученные ответы распределены по возрастному составу опрошенных.

Были получены следующие результаты.

На вопрос, *русский ты или болгарин:*

шестилетние: «я — русский, потому что мои мама и папа русские» (4 ответа), «я — русский, потому что говорю по-русски» (1), «я — русский, потому что приехал из Русы <Русе — город в Болгарии>» (1), и «я — болгарин, потому что родился в Болгарии» (4);

семилетние: «я — русский, потому что мои мама и папа русские» (5); «я — русский, потому что мой папа приехал из России» (1), «я — русский, потому что хожу в русскую гимназию» (1), «я — русский, потому что говорю по-рус-

ски» (1), «я — русский... не знаю, почему я русский» (1), и «я — болгарин, потому что живу в Болгарии» (1);

восьмилетние: «я — русский, потому что мои мама и папа русские» (8), «я — русский, потому что люблю русских» (1), и «я — русский, потому что у меня русская одежда» (1);

девятимлетние: «я — русский, потому что говорю по-русски» (1) и «я — русский, потому что больше всего на свете люблю Россию» (1).

На вопрос, *что ты знаешь о России и любишь ли ее*, ученики давали очень интересные ответы, которые показывают детское восприятие пережитого, неясные представления о родине, которую они никогда не видели, а также влияние слышанного дома от взрослых:

шестилетние: «Россия — наша родина. Я бы хотел жить в России. Я люблю Россию» (1), «папа рассказывал мне о России все хорошее» (1), «Россия большая, там живут русские. Я люблю Россию. Я хочу жить в России» (1), «в Россию нельзя ехать, там большевики. Они убьют. Я люблю Россию. Мне дома много говорили о России. Папиного брата убили большевики» (1), «о России я слышал, что там война. Больше ничего не слышал» (1), «о России я ничего не знаю» (2), «о России я ничего не знаю. Мне ничего не говорили» (1), «о России я ничего не знаю. Мне никто ничего не говорил» (1), «о России я ничего не слышал. Мама мне ничего не рассказывала» (1);

семилетние: «о России я слышал. Она за морем. Далеко. Там живут коммунисты» (1), «Россия — это город. Бедный город. Туда теперь не надо ехать, а то убьют» (1), «Россия — большая. Народа много. Я люблю Россию. Хочу жить в России. Мне папа много рассказывал о России, но я все забыл» (1), «Россия была богатая, а теперь бедная. Мама рассказывала мне, что там был голод. Я люблю Россию. Я поеду в Россию, когда там не будет большевиков» (1), «Мне сказали, что Россия — казарма за городом» (1), «мне никогда не говорили о России. Моего дедушку убили большевики. Я ничего не знаю» (1) и «о России я ничего не слышал и ничего не знаю» (3);

восьмилетние отвечали очень однообразно: «о России я ничего не слышал» (8), «Россия богатая, там все хорошо. Только там большевики. Мама мне сказала, как ей было страшно с большевиками» (1) и «Россия — это большая страна. В России мои старшие братья. Там хорошо. Я бы хотел жить в России» (1);

ответы *девятимлетних* показывали больше оттенков отношения к России: «Россия сильная, она огромная. Она богатая, я люблю Россию» (1), «Россия очень большая. Я люблю Россию» (1), «я бы хотел в Москву, потому что там было хорошо жить. Там жили мама и папа» (1), «самый хороший город — это Петербург. Я знаю о Петербурге, слышал от папы. Я люблю Россию» (1), «Россия была наша, а сейчас там коммунисты. Сейчас там все плохо: убивают и режут. Там война. Не надо туда ездить. Я люблю Россию» (1), «бабушку и дедушку убили большевики. Мне сказали дома, что там убивают плохие люди. Они не верят в Бога. Убили дедушку Ивана. Они его ужасно мучили. Отрезали ему руки и ноги» (1), «дедушку и папиного брата убили большевики. Они солдаты... Папа уехал и женился на маме. Россия далеко. Туда не надо ездить» (1) и «о России я ничего не слышал и ничего не знаю» (2);

Наконец, на вопрос, *любишь ли ты Болгарию*, получены крайне однообразные ответы. Почти все дети (25 человек) просто ответили «Болгарию люблю». Некоторые дети давали более полные объяснения, почему любят Болгарию:

«люблю и Россию, всё люблю» (6 лет), «люблю ее немного» (7 лет), «потому что тут хорошо», «потому что она такая маленькая», «потому что в ней живу» (8 лет), «потому что она нас приняла», «мы живем на ее земле» (9 лет). Среди ответов было и три исключения, которые показывают личное отношение детей к реальности или к отдельным проблемам, с которыми они сталкивались: «Болгарию совсем не люблю, потому что она не наша родина», «Болгарию я боюсь, потому что на нашей улице дерутся» (6 лет) и «Болгарию я не люблю, потому что тут говорят по-болгарски» (7 лет)⁴².

Полученные ответы показывают, что жизнь в изгнании очень повлияла на самоопределение русских детей. Представления о России, как и о собственной национальности и предназначении, были крайне туманны, не происходили из личного опыта, а создавались лишь косвенно — в школе и в семье.

Стресс, бедность, нехватка самого необходимого и неустроенность жизни в изгнании неизбежно отражались на развитии русских детей. Многие авторы, описывая поколение, выросшее в изгнании, из всех характеристик на первый план выделяли сосредоточенность детей на материальной стороне жизни. Дети необычайно рано слышали о материальных проблемах взрослых, потом начинали о них размышлять, и наконец пытались построить свою жизнь так, чтобы достичь материального достатка⁴³. Поэтому, как отмечали их преподаватели, к материальным ценностям они относились как к высшим ценностям, которые могут обеспечить нормальную жизнь. Такая жизненная позиция, сформированная в специфической кризисной ситуации эмиграции, влияла на выбор школы, позднее — на выбор факультета, а тем самым и на выбор жизненного пути. Интересно, что подавляющее большинство русской молодежи учились на естественно-технических факультетах, и лишь малый процент — на гуманитарных, поскольку естественно-технические специальности означали гарантированное трудоустройство, причем не только на Балканах, но и в других европейских государствах. Это показывает нам, что целое поколение, выросшее в нестабильных и неустроенных условиях жизни в изгнании, стремилось путем образования достичь стабильности и таким образом (сознательно или нет) подготовиться к дальнейшим переселениям. Несмотря на выраженный «материализм», русские дети имели крайне идеалистические представления о России. Эти представления чаще всего перенимались из рассказов старшего поколения⁴⁴. Так, ностальгия старших очень сильно повлияла на формирование идеализированных представлений у детей. Специфическое развитие детей, которое отличалось от обычного взросления в России до войны и революции (русские ученые обратили внимание на то, что традиционную роль няни в русской семье заменили ясли и детские сады⁴⁵), было особенно важным, так как в перспективе повлияло на функционирование русского человека в изгнании.

Обычная в эмиграции неустроенность жизни способствовала формированию у детей проблематичного и безответственного отношения к чужой собственности (например, к собственности местных жителей или к имуществу гимназии), а также и к личной собственности⁴⁶.

Наконец, из-за условий жизни в изгнании дети значительно раньше «созревали». Как отмечали отдельные современники, детям казалось, что они когда-то давно были детьми и с того времени ужасно постарели⁴⁷. Их развитие

было ускоренным, что особенно ярко выразалось в более раннем, чем в нормальных условиях, выражении детской индивидуальности⁴⁸.

Детство и развитие русских детей было отягощено проблемами эмигрантской жизни в той же степени, как и существование целых семей или их взрослых членов. Но даже в таких условиях русские эмигранты любым путем старались сохранить хотя бы часть исконной русской атмосферы, русского быта.

¹ Цуриков Н. Дети эмиграции // Дети эмиграции (этот же материал в Интернете: <http://www.rus-sky.com/history/>).

² Там же; Зеньковский В. Детская душа в наши дни // Дети эмиграции (этот же материал в Интернете: <http://www.rus-sky.com/history/>).

³ Зеньковский В. Детская душа в наши дни.

⁴ Выписка из доклада контролера Представительства В.З.С. в Королевстве СХС А.М. Тимченко — «Положение беженцев, их жизнь и нужды» // ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 974. Л. 65, 65.

⁵ Существует ряд работ, посвященных этой проблематике, но, как правило, они принадлежат перу самих эмигрантов, создававших их в межвоенное время. См.: Воспоминания 500 русских детей. Прага, 1924; Дети эмиграции; Дехтерев А. С детьми эмиграции: 1920—1930 годы. Шумен, 1931. Недавно издан еще один сборник документов по этой проблематике: Дети русской эмиграции: (Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники). М., 1997. См. также: Jovanović M. Accelerated maturity: Childhood in emigration: (Russian children on the Balkans 1920—1940) // Childhood in South East Europe: Historical perspectives on growing up in the 19th and 20th century. Belgrade; Graz, 2001. P. 199—214.

⁶ Arjes F. Vekovi detinjstva. Beograd, 1989. S. 12—13.

⁷ См.: DeMause L. Childhood and history // то же в Интернете: http://members.xoom.com/_XMCМ/childhistory/childhood/chindex.htm.

⁸ Taylor K. Disciplining the history of childhood // Journal of psychohistory. 1988. № 12 (2) (то же см. в Интернете: <http://members.xoom.com/childhistory/spwch.htm>).

⁹ Доклад о положении детей русских беженцев в разных государствах. По сведениям к 1 апреля 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 2.

¹⁰ Бем А. Наблюдения и выводы // Дети эмиграции.

¹¹ Зеньковский В. Детская душа в наши дни.

¹² Полчанинов Р.В. Собрано в Сараеве. С. 7.

¹³ Дехтерев А. С детьми эмиграции... С. 116—117; Сведения о положении детей русских беженцев в Королевстве СХС // АЖ. Двор КЖ. 74.276.410; см. также: Сведения о деятельности Представительства Всероссийского союза городов в Королевстве СХС в деле помощи русским детям, 30 октября 1920 г. // Hoover. Paleologue 005.10.

¹⁴ Соковнин П.Н. Данные опыта русских учебных заведений в Болгарии... С. 55.

¹⁵ Доклад о положении детей русских беженцев в разных государствах. По сведениям к 1 апреля 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 2.

¹⁶ Соковнин П.Н. Данные опыта русских учебных заведений в Болгарии... С. 53.

¹⁷ Сведения о положении детей русских беженцев в Королевстве СХС // ГАРФ. Ф. Р-5771. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 30; см. также: Дехтерев А. С детьми эмиграции... С. 103.

¹⁸ Доклад о положении детей русских беженцев в разных государствах. По сведениям к 1 апреля 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 1.

¹⁹ См.: Сведения о положении детей русских беженцев в Королевстве СХС // АЖ. Двор КЖ. 74.276.410; см. также: Бежанците и условия на труда в България. С. 13.

²⁰ Сведения о положении детей русских беженцев в Королевстве СХС // АЖ. Двор КЖ. 74.276.410; см. также: Соковнин П.Н. Данные опыта русских учебных заведений в Болгарии... С. 42.

²¹ Согласно данным, которые относятся к 1925 г., в Болгарии около 1200 русских детей жили с родителями, а около 1400 — в интернатах при учебных заведениях (Бежанците и условия на труда в България. С. 13).

- ²² Сведения о положении детей русских беженцев в Королевстве СХС // АЖ. Двор КЖ. 74. 276.410; см. также: *Соковнин П.Н.* Данные опыта русских учебных заведений в Болгарии... С. 60.
- ²³ Воспоминания 500 русских детей. С. 13–14; *Цуриков Н.* Дети эмиграции; *Соковнин П.Н.* Данные опыта русских учебных заведений в Болгарии... С. 49.
- ²⁴ *Соковнин П.Н.* Данные опыта русских учебных заведений в Болгарии... С. 49.
- ²⁵ В державную комиссию, 12 декабря 1923 г. // ГАРФ. Ф. Р-5771. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 179.
- ²⁶ Сведения о положении детей русских беженцев в Королевстве СХС // АЖ. Двор КЖ. 74. 276.410; *Дехтерев А.* С детьми эмиграции... С. 8–9; см. также: Доклад о положении детей русских беженцев в разных государствах. По сведениям к 1 апреля 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5809. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 2–4.
- ²⁷ *Солонский А.А.* Демография... С. 60.
- ²⁸ *Соковнин П.Н.* Данные опыта русских учебных заведений в Болгарии... С. 53–54.
- ²⁹ *Дехтерев А.* С детьми эмиграции... С. 10–15.
- ³⁰ Сведения о положении детей русских беженцев в Королевстве СХС // АЖ. Двор КЖ. 74. 276.410.
- ³¹ *Цуриков Н.* Дети эмиграции.
- ³² Сведения о деятельности Представительства Всероссийского союза городов в Королевстве СХС в деле помощи русским детям, 30 октября 1920 г. // Hoover. Paleologue. 005.10.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Воспоминания 500 русских детей.
- ³⁵ *Дехтерев А.* С детьми эмиграции...
- ³⁶ Дети русской эмиграции...
- ³⁷ Воспоминания 500 русских детей. С. 10–22.
- ³⁸ Дети русской эмиграции... С. 465, 474.
- ³⁹ Воспоминания 500 русских детей. С. 10–22.
- ⁴⁰ Дети русской эмиграции... С. 399.
- ⁴¹ Воспоминания 500 русских детей. С. 10–22.
- ⁴² *Дехтерев А.* С детьми эмиграции... С. 110–115.
- ⁴³ *Соковнин П.Н.* Данные опыта русских учебных заведений в Болгарии... С. 53–56.
- ⁴⁴ *Дехтерев А.* С детьми эмиграции... С. 116–117; см. также: *Соковнин П.Н.* Данные опыта русских учебных заведений в Болгарии... С. 53–56.
- ⁴⁵ Сведения о положении детей русских беженцев в Королевстве СХС // АЖ. Двор КЖ. 74. 276.410.
- ⁴⁶ *Соковнин П.Н.* Данные опыта русских учебных заведений в Болгарии... С. 50; см. также: *Павлов Б.* Мы и словенцы в Стрнище // Кадетская переключка. Нью-Йорк, 1974. № 8. С. 27.
- ⁴⁷ *Зеньковский В.* Детская душа в наши дни.
- ⁴⁸ *Соковнин П.Н.* Данные опыта русских учебных заведений в Болгарии... С. 50.

КАРТИНЫ РУССКОГО БЫТА

Ежедневные действия, почти всегда связанные с взаимодействием с окружающими, придают структуру и форму непосредственному образу жизни человека. Она же организована как повторение похожих образцов поведения изо дня в день, из недели в неделю, из года в год. Разумеется, то, что человек делает каждый день, не всегда одинаково. Оно может различаться в зависимости от дня недели (например, действия и поведение в рабочие будни и по выходным дням). Когда происходит какая-нибудь крупная перемена в жизни, например смена места работы, человек в значительной мере меняет устоявшиеся привычки¹. Когда перемены в жизни радикальны, с элементами резкого перелома, каковым безусловно можно считать отъезд в эмиграцию, тогда быт и привычки меняются крайне резко.

Образцы поведения русского человека в изгнании были различными. Ежедневные занятия беженцев сводились к обеспечению минимальных средств к существованию и к полному или частичному включению в местную среду. Но специфическую типичную черту русского эмигрантского бытия составляло стремление сохранить старые привычки, образцы поведения и социальные взаимоотношения. Попытки сохранения старых привычек и старых образцов ежедневного поведения ясно показывают, какие именно общественные ценности эмигрантское сообщество пыталось законсервировать. Лишь при взгляде со стороны становится ясно, почему среди русских беженцев появился особый феномен сбережения и ежедневного столкновения «двух общественных положений»: дневного, когда доминировал новый мир, со своими проблемами и тяжестью, и вечернего, когда по кабачкам, на чаепитиях и вечеринках в частных квартирах в полном сиянии воскресал мир старой России с дамскими шляпками, прядками, намазанными дегтем, с моноклями, тростями, золотыми эполетами на генеральских мундирах... Именно этот уровень сохранившихся общественных отношений и элементов старого быта, воображаемый мир Зарубежной России, и подпитывался реальными взаимоотношениями. Старые привычки, образцы поведения и невербальная коммуникация создавали реальность и повседневный быт Зарубежной России.

Само собой разумеется, что богатство эмигрантской повседневности, разбросанное по многим сотням эмигрантских колоний на Балканах, показывает почти неохватное многообразие образцов поведения и общественных взаимоотношений. Поэтому необходимо сконцентрироваться на нескольких ярких примерах, на нескольких «картинах русского быта», чтобы получить представление о сохранении старых образцов общественного поведения (которые для новой среды могли даже выглядеть как элементы социальной модернизации). Познакомившись с этой гранью эмигрантской жизни, можно углубить и расширить свои знания о функционировании социальной группы и механизмов, которые массу рассеянных по разным местам людей — вместе с эмигрантскими организациями, армией, церковью, дипломатической службой, школами и т.д. — объединяли в плотную эмигрантскую общественную структуру.

Теоретические возможности изучения быта многослойны: типологическая, функциональная, систематическая и др.², а круг вопросов, которые могут

быть рассмотрены, крайне широк, от невербальной коммуникации до социальных правил и языка мимики и жестов, манеры разговора, поведения при встрече³. В данном случае нам кажется наиболее подходящим сочетать элементы типологического и функционального подходов, которые дают возможность рассмотрения старых образцов поведения, привычек и общественных взаимоотношений, сохранившихся в изгнании, а также отдельных социальных проблем, как, например, значение питания или религиозности как на уровне быта, так и на общественном уровне всей эмигрантской группы.

ОТБЛЕСКИ ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ

Конному клубу из Ростова-на-Дону удалось во время отъезда из России в Константинополь эвакуировать и своих коней. Однако вскоре из-за тяжелых условий существования и общей дороговизны, в особенности высоких цен на корма, члены клуба были вынуждены распродать своих любимцев. Но и это не могло погасить в них страсти к бегам. На обычном столе они сделали желобки и организовали бега тараканов, которые бегали, испугавшись электрического света. Присутствовавшие делали ставки на тараканов, как на лошадей⁴. Эта на первый взгляд отталкивающая подробность на самом деле выражает привязанность беженцев к их прошлому образу жизни. Именно привязанность к прошлому была одной из характернейших черт эмигрантского быта.

Каждодневная жизнь эмигрантов была проникнута тоской по прошлым временам. Современники особенно выделяли неприспособленность беженцев к местным обычаям и быту и отсутствие желания укорениться в новой среде, хотя бы и на период своего (как тогда думали и надеялись) временного пребывания там⁵. Тем не менее, хотели они того или нет, на работе беженцы должны были привыкать к атмосфере и обычаям новой среды. Таким образом, для выражения «русскости» им оставалась лишь малая часть свободного времени и их дом. Но и эту небольшую возможность почувствовать себя «у себя» беженцы использовали максимально.

Участие в деятельности различных комитетов, обществ и союзов — от благотворительных, каким были Красный Крест, дешевые кухни и общежития или Союз инвалидов и общество «Мать», до профессиональных, как, например, Общество сенаторов, Союз инженеров, офицеров или Союз российских государственных служащих имени великой княжны Киры Кирилловны, — создавало иллюзию сохранения старых социальных моделей поведения. Кроме иллюзий членство в таких обществах давало эмигрантам возможность устанавливать и поддерживать свои социальные контакты.

Сохранение старых социальных отношений и старых образцов поведения заключалось не только в участии в деятельности русских обществ, но и в других проявлениях эмигрантского бытия, — например, в настойчивом желании носить старый гардероб, или новый, но сшитый по старым образцам (прежде всего это касалось военной формы; см. с. 225 наст. книги). С социальной точки зрения ношение старой формы выражало то, что большое количество беженцев (в особенности в начале 1920-х годов) не были готовы становиться желанными членами местной, балканской общности, а стремились показать

свою принадлежность именно к какой-то будущей предполагаемой русской общности (после возврата на родину) или же показать свою полную принадлежность к общности, которая в то время одновременно олицетворяла и возможность желанного возврата на родину и связь с национальным русским прошлым (к общности, воплощенной в идее Зарубежной России).

Старательное и внимательное сохранение «обособленной и глубоко прочувствованной русской этничности» на Балканах, «поддержание законсервированной русской атмосферы» было заметно почти во всех аспектах повседневной жизни эмигрантов. Несомненно, его можно было ощутить и в художественных произведениях, и в научных трудах, созданных в эмиграции, но последовательное поддержание традиций и обычаев дореволюционного русского общества все-таки больше всего бросалось в глаза в повседневном поведении, гардеробе, манерах, привычках, которые до приезда русских не были распространены в сельской балканской среде, во взаимоотношениях, в отношениях между мужчиной и женщиной, в перенесении специфической русской атмосферы в арендованные балканские комнатки и квартиры. Убранство квартиры, каким бы скромным оно ни было, почти всегда было направлено на реконструкцию и воскрешение «старой» атмосферы, а многие элементы свидетельствовали и об идее временности жизни в изгнании. Иногда было достаточно одной детали, которая бы напоминала о характерной русской атмосфере, чтобы человек даже в снятом уголке в Софии почувствовал особый домашний уют: «В мое отсутствие <приятель и сосед Моргунов> уже успел повесить на стену около своей кровати текинский ковер. Это сразу придает нашему примитивному жилью какой-то уют»⁶.

В большинстве случаев эмигранты обставляли квартиру теми предметами, которые у них были, а у многих имелись большие и маленькие дорожные сундуки с замками. Именно эти сундуки представляли собой основную эмигрантскую мебель. Они не только выполняли роль шкафа или буфета, но и, покрытые простынями или подстилками, использовались как столы, скамьи для сидения, тумбочки или даже кровати. Так, крылатая эмигрантская фраза «сидеть на чемоданах», которая означала готовность беженцев продержаться еще немного и вскоре вернуться домой, в быту получала живое воплощение. Роль кресел выполняли шезлонги, на которые надевали чехлы и клали ватные валики⁷. Особым элементом, создававшим видимость домашней обстановки, были абажуры на простых комнатных светильниках, которые состояли из лампочки и патрона, прикрытых обычными эмалированными тарелочками. Чтобы создать уютное неяркое освещение, на тарелочку набрасывали платок или обшитый кружевами кусочек шелка. Такой самодельный абажур отбрасывал приглушенный свет по стенам и потолку и яркий, «приятный, домашний — по столу»⁸. Конечно, речь идет о тех домах, где было электрическое освещение, в других ограничивались керосиновыми лампами⁹. По словам современников, эмигрантские дома выделялись своей необычностью: «Входя в комнату, пришельцу сразу бросались в глаза образа в углу, картины Шелоумова, портреты государя и, очень часто, семиструнная гитара или балалайка на стене. Во многих домах на столе стоял самовар — неразлучно связанный с судьбой одиночек и семейных»¹⁰. По стенам кроме икон и фотографий царской семьи часто были развешены и портреты любимых писателей, и фотографии близких. Фотографии и открытки часто вставляли в самодельные рамки, которые делали, об-

клеивая стекло и картонную подкладку полосками черной бумаги¹¹. Вскоре после приезда эмигранты начали создавать свои личные, домашние библиотеки, которые со временем разрастались, пополняясь русскими изданиями со всего мира. Так что иногда в квартире какого-нибудь эмигранта в балканской глуши могла оказаться уникальная подборка книг и журналов, которая представляла редкость даже для самых полных и богатых библиотек того времени. Из всех элементов, которые придавали эмигрантским квартирам дух старой России, особое внимание местного населения привлекали русские самовары. Никто из местных жителей не мог понять, как русские сумели сохранить эти самовары в суматохе эвакуации. При этом, конечно, они не подозревали о том, что во время бесконечных эвакуаций именно эти самовары помогли многим спастись от эпидемий и простуд¹².

Однако не всем беженцам выпала удача создать себе хотя бы маленький и неудобный, но свой уголок, это было особенно тяжело сделать в первые месяцы и годы жизни в изгнании. Поэтому эмигрантские благотворительные организации и местные власти почти во всех крупных балканских городах, в которых было сконцентрировано большое количество русских (т.е. в Константинополе, Белграде, Софии, Салониках), открывали общежития, где беженцы могли переночевать. Изредка случалось, что эти общежития были расположены в настоящих отелях, например в отеле «Континенталь» на углу улиц Клементина и Леже¹³. Чаще эти бесплатные «отели» для ночлега были обычными бараками с койками. Но и они многим помогли избежать в первые дни и ночи эмиграции сна на улице под открытым небом. Одно из самых известных и, безусловно, самых колоритных русских общежитий находилось на территории трамвайного депо на бульваре короля Александра в Белграде. Это общежитие из-за стремительности происходивших в нем событий и «внутреннего устройства» получило от своих жильцов название Дом чудес. Там можно было встретить офицеров и даже генералов, простых солдат, врачей, бывших судей, инженеров, женщин, молодежь, детей, оставшихся без родителей, — все они были перемешаны в этом доме¹⁴.

Беженцы пытались несмотря ни на что сохранить старые привычки и в изгнании. Начиная с питья чая — обычая, который лишь благодаря им появился в новой среде, с поддержания принятых норм отношений мужчины и женщины (эти нормы были непонятны балканскому миру, который обвинял русских женщин в том, что они ленивы и читают книги, слишком заботятся о себе и своих туалетах, а их мужей осуждал за то, что они занимаются домашней, «чисто женской» работой¹⁵) до обычая, отправляясь в гости, покупать цветы хозяйке — обычая, который до приезда русских эмигрантов не был характерен для этого региона.

Особый русский аромат эмигрантскому быту придавали дружеские встречи, семейные визиты и праздники. Обычно вечерами атмосфера переходила в «самобытную, исконную русскую фазу». Приятели и родственники собирались на чашку чая с сахаром и лимоном, с какими-нибудь пирожками или с ватрушками¹⁶. Это было подходящее время, чтобы поделиться новостями, конечно же, в первую очередь — о событиях в России. Эти новости в основном приводили собравшихся к выводу, что вскоре они вернуться на родину и поэтому не имеет смысла серьезно обживатьсь на новом месте¹⁷. Вечера, проведенные в обществе приятелей, чаще всего были украшены и русской песней.

Е.Ж. Гильотен вспоминала, что все вечерние встречи завершались песней под гитару¹⁸, а И. Грицкат особенно запомнила вечера, на которых присутствовал В.И. Бельский, либреттист композитора Н.А. Римского-Корсакова. Тогда обычно говорили о музыке Римского-Корсакова и в связи с этим сын Бельского наигрывал отдельные пассажи на рояле или специально приглашенная для этого оперная певица пела арии из опер прославленного композитора¹⁹. Кроме частных вечеринок, русские в Белграде собирались в ресторанах «Ялта» на Добринской улице, «Жар-птица» на улице Негоша (на Цветочной площади), «Медведь» на улице Досифея, «Русский уголок» на улице Милоша Великого, «Мимоза» на Коларчевой улице, в городе Нови-Сад — в столовых Е.В. Ванифатовой, В. Забусовой, а в Софии — в ресторане семьи Скачедубов на Регентской улице и т.д.

Одним из ключевых элементов быта, который свидетельствовал о перенесении старых привычек и вкусов в новую среду, была русская пища. Эмигранты на Балканах с трудом привыкали к местной еде и обычаям, связанным с едой и питьем, — к жирной, сильно прожаренной пище, к острому красному перцу, непременно присутствующему на столах в Южной Сербии и Болгарии, к обычаю пить ракию без закуски, а вино после обеда. Также с трудом они привыкали и к крайне распространенному местному обычаю потребления кофе по-турецки. Поэтому они старались и в новой среде сохранить свои привычки и привязанности, связанные с едой.

Сразу после приезда первых организованных групп беженцев в крупных городах появились специальные магазины и киоски, в которых русские покупали необходимые им продукты. В Московском колониально-гастрономическом магазине в Белграде можно было купить гречку, просо и ячмень, сушеные грибы, картофельный крахмал, русскую сухую горчицу, вина, водку, ликеры, сливочное масло, творог, сметану²⁰. Особой экзотикой для местных магазинов была гречка, ввозимая из Словении, селедка, которую привозили в бочках из Норвегии и Шотландии, и, конечно, чай, который продавали различные русские фирмы, как, например, магазин «Братья И. и С. Поповы», или «П.М. Кузьмичев и сыновья»²¹. В Софии гречка, творог и остальные необходимые продукты, специфические для русской трапезы, можно было приобрести в гастрономе «Измир»²². В меню, которое диктовалось особыми русскими вкусами и традициями питания, входили соленые грибы, черная и красная икра, пирожки с капустой, соленые огурцы, борщ, щи, квас, крешен (фрукты в вине с ромом)...²³ Из всей гаммы специфических русских блюд в местной среде широкую популярность получили только салат оливье (так называемый русский салат) и пирожки.

Характерную русскую пищу готовили и для детей, чем формировали у них и свои особые, русские пристрастия в еде. В детском меню в лагерях беженцев в Константинополе чаще всего фигурировали следующие блюда: первый день, завтрак — рисовая каша на молоке и какао, обед — борщ из кормовой репы и плов с солониной; второй день, завтрак — молочная каша и какао, обед — борщ и макароны с солониной; третий день, завтрак — картошка на сливочном масле с сухариками и зеленью, обед — молочная лапша, котлеты из солонины с рисом и томатной подливкой; четвертый день, завтрак — манная каша и какао, обед — картофельный суп и тушеная капуста с солониной; пятый день, завтрак — рисовая каша и какао, обед — борщ из кормовой репы и плов

с солониной; шестой день, завтрак — манная каша и какао, обед — суп с рисом и макароны с зеленью; седьмой день, завтрак — рисовая каша и какао с молоком, обед — борщ и котлеты из свежего мяса с рисом и томатной подливкой²⁴. Очевидно, что в детском меню преобладали солонина и рис. Свежее мясо дети получали лишь раз в неделю — в воскресенье.

Но питание в лагерях и дешевых или даже бесплатных столовых для беженцев, каких было особенно много открыто в Константинополе в начале 1920-х годов, вряд ли могло в полной мере удовлетворить беженцев, которые уже натерпелись голода, болезней и материальных лишений. Представитель Русского общества Красного Креста обратил внимание на то, что беженцев кормят так, чтобы они остались полуголодными (что объясняли политическими мотивами — командование союзников желало создать невозможные условия жизни, чтобы вытеснить русских из Константинополя). Также было заметно, что в русских домах инвалидов в Константинополе «питание, если брать для сравнения бесплатные столовые, значительно более удовлетворительное. Но если говорить безотносительно, то придется признать, что сокращенная, ввиду недостатка средств, выдача хлеба недостаточна»²⁵.

Одним из характернейших элементов эмигрантской трапезы была, конечно, и водка. После приезда эмигрантов в магазинах появились русская водка, зубровка и перцовка. Но водка, которая продавалась в магазинах, не была доступна каждому, ее качество также не соответствовало вкусам и привычкам всех потребителей. Поэтому водку часто делали в домашних условиях. Ее рецепт был достаточно простым. Эмигранты покупали в аптеках медицинский спирт, который в соответствующей пропорции разбавлялся кипяченой водой, например, 40% спирта и 60% воды или 45 на 55% (в зависимости от желаемой крепости напитка). В эту смесь добавляли чайную ложку глицерина, по щепотке соли и сахара. А для получения настойки можно было добавить тертую лимонную корку или стручок красного перца (если хотели получить перцовку). Приготовленный напиток должен был в течение недели выстояться в темном месте, причем время от времени его надо было встряхивать. По прошествии семи дней водка, непременно охлажденная, могла появиться на столе и в сочетании с закусками украсить дружескую компанию. Таким образом, русская атмосфера получала одну из своих важных составляющих.

Понятно, что в определенных случаях ежедневное повторение однотипных образцов поведения было достаточно монотонно, что замечали и сами эмигранты: «Мама <дававшая частные уроки игры на фортепиано> годами сидела справа от ученика и отсчитывала, хотя, конечно же, позднее у нее были и те, кому счет уже был не нужен, кто позднее и сам стал вполне пристойным пианистом или учителем музыки. Она отсчитывала свое «ен-два-три», а вечером жаловалась мужу: «Я рождена не затем, чтобы бубнить тут рядом с пианино. Мне необходимо вдохновение. Мое 'высшее я' вселилось в ошибочную личность». «Молчи, еще хорошо, что так вышло», — утешал ее отец (как мы помним, он одно время был в Константинополе). — Если бы мы решились жить в Турции, ты бы так же сидела и отсчитывала бы: 'Бир — ики — юч. Бир — ики — юч'»²⁶. Однако идет ли речь об уникальных или типичных моделях поведения, их изучение в любом случае открывает возможность для понимания

путей функционирования крупных общественных систем и организаций. Это можно особенно легко проследить на примере выражения религиозности русскими беженцами.

РЕЛИГИОЗНОСТЬ

Религия пронизывает различные области жизни и имеет центральное значение во многих событиях человеческого существования²⁷. Выражение религиозности не стоит связывать только с церковью как учреждением, так как религиозность может выражаться и в разных сегментах так называемой народной культуры, которые, впрочем, во многом определяются церковной организацией. Религиозность была одним из ключевых факторов быта русского человека на Балканах. Это происходило не случайно, нарочитое выражение религиозности нельзя объяснить лишь реакцией эмигрантов на гонения против религии, происходившие в Советской России, хотя и этот аспект не стоит упускать из виду. Религия и религиозность представляли собой важные элементы менталитета и самоидентификации населения дореволюционной России²⁸. С этой точки зрения характерные традиционные русские поклоны при молитве в церкви, припадание на колени и касание лбом земли — не очень распространенные у православных балканских народов — символизировали интуитивную природу человека и его стремление слиться с окружающей социальной и природной средой²⁹. С учетом событий в России вера приобретала особое значение в изгнании. Она давала беженцам утешение, из-за чего они привязывались к церкви как к месту, где они могли выразить свое личное, интимное отношение к вере и удовлетворить индивидуальную потребность в религиозности, а также как к месту, где эмигранты могли поддерживать важные социальные контакты.

Организация и функционирование русских церквей на Балканах представляли собой одну из специфических черт общественной жизни в изгнании. Но для внутреннего восприятия эмигрантской жизни было недостаточно только институционального аспекта религии. Характерно, что русские намного более открыто выражали свою принадлежность к церкви, нежели сербы и болгары. Многочисленная русская колония была ориентирована на церковь³⁰. Русские регулярно посещали богослужения, принимали активное участие в жизни церковной общины и были членами широко известных русских церковных хоров.

Поэтому богослужения проводились без перерыва, с первого же дня в изгнании. Сначала на палубах и в трюмах судов, а позднее, уже по обстоятельствам, в палатках и бараках, подвалах и складах, физкультурных залах, а если не было другой возможности — и под открытым небом, на берегу моря, перед переносными алтарями³¹. Привязанность эмигрантов к церкви выразилась в том, что в межвоенное время на Балканах существовало несколько десятков русских церквей. Лишь малая их часть имела адекватные здания, в то время как большинство действовало во временных пунктах, в помещениях, специально подготовленных для богослужений при русских школах, или просто в домашних условиях. Кроме того, по определенным дням богослужения для русских эмигрантов организовывались и в местных сербских, болгарских и греческих храмах, разумеется — по разрешению соответствующих церковных

властей. В местах, где действовали трудовые отряды Русской армии, существовали полевые, переносные церкви, где проводились службы³². В тех русских колониях, в которых было много беженцев, но не было русских церквей, в дни великих церковных праздников русские эмигранты приглашали священников, так что появилась особая категория разъездных батюшек, или же, при отсутствии и этой возможности, организовывались русские духовные хоры, которые украшали богослужения в сербских церквях³³.

Помимо этого беженцы в такой же степени привязывались и к отдельным церковным предметам, веруя в их глубокое религиозное значение. Отправляясь в изгнание, в марте 1920 г. в Новороссийске священники в облачении, с подобающими молитвами перенесли на корабль чудотворную икону Курской Божьей Матери. Хотя в порту была страшная толчея и кипела настоящая битва за места на пароходах, отправлявшихся на чужбину, при появлении иконы толпа расступилась, организовала проход, и священники без помех взойшли на корабль. Лишь после этого люди в толпе вновь сомкнулись и продолжили борьбу за вожаемое место на корабле³⁴. Сходное почитание и привязанность к иконам русские проявляли и в собственных домах на чужбине. Многие беженцы сумели вывезти с собой в изгнание свои семейные и подвечные иконы. Они ставили их с лампадками в красный угол, поверх особо вышитых рушников³⁵. Маленькие иконки на цепочках вешали над постелями и детскими кроватками. На стенах комнат, в которых жили престарелые женщины, вдовы, можно было обнаружить несколько десятков недорогих иконок, которые доставались им от покойных подруг³⁶.

В тесных эмигрантских квартирах, в тяжелых бытовых условиях изгнания поддержание традиционного отношения к вере лишь приоткрывало личную религиозную потребность. В первые дни и годы жизни в эмиграции, во времена тяжелых внутренних раздумий, переломов и драм, религиозность для русского человека имела большое значение. Местные священники, как, например, о. Владимир Востоков в Великом-Бечкереке, посещали русские дома, вели долгие беседы с беженцами, успокаивали людей, вселяли надежду на лучшее завтра, давали советы³⁷. Религия и церковь несли русским людям в изгнании, как писал Н.М. Зернов, «образ России, который не могла уничтожить революция»³⁸. Беседа со священником и молитва в храме представляли собой внутреннюю форму религиозности. Однако воскресный поход в церковь имел и свою социальную составляющую. Беженцы в большом количестве собирались на воскресных службах, например в русской церкви в бывшем посольстве в Софии. Среди них были гражданские лица, юнкера, солдаты, офицеры и казаки. При этих встречах они общались, обменивались информацией, давали друг другу советы. Как вспоминал А.Л. Ратиев, «в этом импровизированном клубе всегда можно было встретить того, кто тебе нужен»³⁹.

Беседа со священником, молитва, воскресный поход в церковь и общественная активность под омофором церкви и священника приносили утешение людям, уставшим от мучений, страданий и трагедий.

Испытания, с которыми сталкивался человек в изгнании, были в самом деле тяжелы и неисчислимы. Два таких испытания с точки зрения социальной ан-

тропологии являлись самыми радикальными формами проявления экзистенциальных представлений изгнанников. Это — отношение к болезни и отношение к смерти.

- ¹ *Gidens E. Sociologija. S. 61.*
- ² *Гаврилова П. Колелото на живота: Всекидневието на българския възрожденски град. София, 1999. С. 17.*
- ³ *Gidens E. Sociologija. S. 60–75.*
- ⁴ *Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. С.94.*
- ⁵ *Арсеньев А. У излуцины Дуная... С. 154.*
- ⁶ *Ратиев А. То, что сохранила мне память. С. 486.*
- ⁷ *Арсеньев А. У излуцины Дуная... С. 156–157; За рубежом... С. 50.*
- ⁸ *Грицкат И. У лебдивом ходу. С. 43; Арсеньев А. У излуцины Дуная... С. 157.*
- ⁹ *За рубежом... С. 50.*
- ¹⁰ *Павлов Б.Л. Русская колония в Великом Бечкереке... С. 77.*
- ¹¹ *Арсеньев А. У излуцины Дуная... С. 157; Павлов Б.Л. Русская колония в Великом Бечкереке... С. 24.*
- ¹² *Арсеньев А. У излуцины Дуная... С. 157.*
- ¹³ *Ратиев А. То, что сохранила мне память. С. 486.*
- ¹⁴ *Солонский А.А. Поликлиника Российского общества... С. 6.*
- ¹⁵ *Арсеньев А. У излуцины Дуная... С. 154.*
- ¹⁶ *Грицкат И. У лебдивом ходу. С. 43.*
- ¹⁷ *Гильотен Ж. Две моје домовине. С. 65.*
- ¹⁸ *Там же. С. 65–66.*
- ¹⁹ *Грицкат И. У лебдивом ходу. С. 52.*
- ²⁰ *Объявления // Вестник Главного правления Общества галлиполийцев. Белград, 1924. С. XIV.*
- ²¹ *Там же. С. VIII–XIV; Арсеньев А. У излуцины Дуная... С. 155.*
- ²² *Ратиев А. То, что сохранила мне память... С. 581.*
- ²³ *Объявления // Вестник Главного правления Общества галлиполийцев. Белград, 1924. С. VIII–XIV; Арсеньев А. У излуцины Дуная... С. 155.*
- ²⁴ *Очерк деятельности Всероссийского земского союза... С. 56.*
- ²⁵ *Кузьмин-Караваев В. Учреждения Российского общества Красного Креста в Константинопольском районе, февраль 1922 г. // ГАРФ. Ф. Р-6021. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 5, 19.*
- ²⁶ *Грицкат И. У лебдивом ходу. С. 42–43.*
- ²⁷ *Дресел Г. Историческа антропология. С. 55.*
- ²⁸ *Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 2. С. 17.*
- ²⁹ *Поликарпов В.С. История нравов в России: Восток или Запад? Ростов-на-Дону, 1995. С. 215.*
- ³⁰ *За рубежом... С. 26.*
- ³¹ *Павлов Б.Л. Русская колония в Великом Бечкереке... С. 18.*
- ³² *Сведения о русских беженцах в Королевстве СХС, 1928 г. // Hoover. Paleologue. 029.44.*
- ³³ *Неклюдов В., прот. Церковная жизнь русских в Югославии. С. 12–13.*
- ³⁴ *Гильотен Ж. Две моје домовине. С. 52–53.*
- ³⁵ *Арсеньев А. У излуцины Дуная... С. 157; За рубежом... С. 50.*
- ³⁶ *Арсеньев А. У излуцины Дуная... С. 157.*
- ³⁷ *Павлов Б.Л. Русская колония в Великом Бечкереке... С. 19.*
- ³⁸ *Зернов Н.М. Закатные годы... С. 10.*
- ³⁹ *Ратиев А. То, что сохранила мне память. С. 487.*

БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ

«Мне тогда было совсем плохо — я попал в лазарет, заразился тифом. Когда я “умирал”, я не чувствовал ничего страшного и мне было не жаль уходящей жизни, настолько мой организм был истощен болезнью. Я все понимал и все видел, как и раньше, через окно виднелся огромный олеандр, светило солнце, откуда-то доносился разговор. Крышка гроба стояла тут же, рядом с кроватью. А потом вошел фельдшер и сказал: “Ну, ты наконец пришел в себя?” Я был уверен, что он говорит с кем-то в коридоре, но его глаза были обращены ко мне. Только тогда я понял, что еще не совсем умер. Да, но зачем же крышка гроба?.. И, слабо шевеля губами, я спросил его о ней. Хотя и очень слабый, это был именно мой голос. Фельдшер ответил, что в соседней комнате умер мой школьный товарищ Костя Кленкин, тоже бывший кадет, и они, думая, что я еще без сознания, принесли в мою комнату крышку»¹. Этот эпизод, который произошел в одном из русских лазаретов в Константинополе в начале 1920-х годов, открывает нам внутреннее отношение личности к двум важным феноменам — болезни и смерти.

История тела, его заболевание и умирание, несомненно, являются феноменами, которые полностью принадлежат социальной истории. Но их место и роль в обществе определить тяжело: они очевидны, но неуловимы, являются частью коллективного опыта, но приходят всегда индивидуально². Возможности изучения этих явлений многочисленны, от естественной истории болезни и антропологического (или историко-антропологического) подхода до демографических и эпидемиологических исследований.

Болезнь и смерть на демографическом, личностном и символическом уровнях стали характерными признаками одного из самых важных и известных миграционных феноменов современной эпохи — истории русской эмиграции. За годы революции и Гражданской войны (1917–1921) Россию покинули около 2 млн. человек, из которых в начале 1920-х годов свыше 200 тыс. оказались на Балканах как на первой промежуточной станции на пути дальнейших миграций и странствий, по дороге в страны Западной Европы и заморские края. В течение межвоенного периода свыше 90% всех русских эмигрантов на Балканах было сконцентрировано в двух славянских государствах: Югославии и Болгарии³.

Переломные и беспокойные годы двух кровопролитных войн и двух революций, а затем бегство, эвакуация, дорога в далекие неизвестные заморские края, столкновение с мрачным сегодня и туманным завтра оставляли свои следы на беженцах не только в психологическом смысле (стрессы, потрясения, ощущение катаклизмов и катастрофических жизненных перемен), но и в смысле физическом. Раны, контузии, инвалидность, эпидемии, инфекционные заболевания, истощение, голод и ежедневные встречи со смертью были лишь частью всех тех физических испытаний и мук, через которые проходил в то время русский человек. Этот общий, коллективный уровень задавал лишь общие границы — границы тяжелого жизненного кризиса, — в то время как саму болезнь и встречу со смертью каждый индивидуум ощущал сам. Это бы-

ло его личным опытом и опытом его близких, всегда трагическим и тяжелым, почти всегда индивидуальным и интимным. Говоря о болезни и смерти, подчеркнем одну особенность, которая дает всему феномену изгнания общую характеристику, черту, легко узнаваемую и в коллективном опыте, это — одновременность душевных и физических мук индивида.

Анализ проблем, связанных с болезнью и смертью, а также с их восприятием в эмиграции, включает несколько проблем теоретического характера, из которых две имеют особое значение. Во-первых, рассматриваемый нами период очень короток и не дает возможности для отслеживания значительных коллективных и индивидуальных перемен в отношении к смерти. Напротив, и в эмиграции отношение к болезни и смерти развивалось в рамках современного понимания этих базовых проблем повседневной жизни человека и антропологической составляющей истории. Однако такое трагическое событие, каким была эмиграция, в корне меняло индивидуальное отношение человека к своему телу, болезни и, в конце концов, к смерти. На этом уровне болезнь и смерть кроме обычного значения для индивида, которые они имеют в современную эпоху, получают и символическое значение в интимном восприятии жизни в изгнании. При этом болезнь и смерть становятся не только связанными с личной жизнью больного и его ближайшего окружения, но и в известной степени воплощают в себе страдания и несчастья, которые приносит индивиду жизнь в изгнании и разлука с родиной. Таким образом, личное ощущение получало общие черты коллективного.

С методологической точки зрения важно также подчеркнуть, что интимное, эмоциональное ощущение болезни и смерти было выражено в сотнях тысяч различных впечатлений и ощущений. Но помимо этого существовало и несколько общих знаменателей, которые выражали одновременно и индивидуальное, и коллективное отношение к этим феноменам.

БОЛЕЗНЬ

«Болезнь — это почти всегда фактор социальной дезориентации и реорганизации; в этом смысле она часто делает видимыми базовые связи в группе, линии силы и напряженности, которые эту группу пронизывают»⁴. Это относится как к коллективному и индивидуальному отношению к болезни, так и к физическим повреждениям и заболеваниям.

Болезнь — незванный спутник всех больших общественных потрясений. Так было и с русскими беженцами. Изнуряющие условия войны и постоянного отступления, жизнь в грязных и влажных помещениях, в палатках, на голой земле, отсутствие возможности поддерживать личную гигиену, выстирать одежду, физическая изможденность и плохое питание, стресс, страх, неизвестность, травмы, повреждения, раны... Все это неизбежно ослабляло защитные силы организма и здоровье беженцев. Возникали эпидемии тифа и туберкулеза. Эпидемии начали возникать еще на юге России, однако крайне антисанитарные условия жизни на кораблях во время эвакуации сыграли большую роль в их появлении и распространении.

С широкой точки зрения отношение всего коллектива беженцев к болезни выразалось в открытии целой сети различных медицинских учреждений, больниц, санаториев, поликлиник, амбулаторий и медицинских кабинетов. К болезни относились как к беде и проклятию, которые сопровождали бежавших из страны и были результатом тяжелой жизни, плохого питания, отсутствия гигиены, скорой и необходимой медицинской помощи⁵. Именно такие условия жизни и приводили нередко к трагическому исходу даже в тех случаях, когда болезнь не была неизлечимой: «...мой восьмилетний брат расчесал ячмень на глазу, у него начался столбняк, и, в тяжелых мучениях, он умер через три дня»⁶. При появлении эпидемий в первые же дни и месяцы изгнания были предприняты энергичные и организованные меры борьбы с ними, что хорошо показывает отношение к болезни со стороны беженцев, которые в среднем были хорошо образованы и среди которых было значительное количество врачей.

Благотворительные и медицинские организации беженцев сразу же начали создавать необходимые медицинские учреждения для заботы о заболевших. Массовое распространение туберкулеза среди беженцев стало результатом того, что Крым, покинутый последними из них в ноябре 1920 г., уже с начала Первой мировой войны из-за хороших климатических условий для лечения являлся местом, куда свозили туберкулезных больных со всей страны⁷. В связи с этим на Балканах — в Константинополе, Королевстве СХС и в Болгарии — пришлось открыть несколько санаториев для лечения туберкулезных больных. Масштаб эпидемии, эффективность лечения и отношение беженцев к болезни могут быть отслежены на примере санатория Всероссийского земского совета в Константинополе. Санаторий был открыт в его северном пригороде Нишанташе. Он был обустроен при помощи Американского Красного Креста, французских оккупационных властей и Международного комитета Красного Креста. На каждого больного в санатории приходилось чуть меньше пяти квадратных метров. То, как отбирали больных для приема в санаторий, отражало отношение общества к болезни. Из всей массы беженцев принимались те больные, у которых еще были шансы на выздоровление при адекватном лечении и которые представляли опасность как разносчики инфекции. За год работы в течение 1921 г. через санаторий прошли 174 пациента, 138 мужчин и 36 женщин. Из них 52% были в первой стадии болезни, 19% во второй и 29% в третьей. Благодаря лечению у 108 больных (63%) состояние улучшилось, в то время как здоровье 36 человек (21%) осталось без изменений, у 19 (11%) наступило ухудшение, а 10 больных (6%) скончались⁸. Хотя туберкулез и был распространенным заболеванием, эпидемия тифа имела значительно большие масштабы и была более опасной.

Тиф был постоянной проблемой как армии, так и населения еще со времен Гражданской войны. Наиболее значительная эпидемия возникла в течение сентября и октября 1920 г. в Крыму. После отъезда в изгнание, в середине ноября, самое большое количество больных было сконцентрировано в лагерях вокруг Константинополя и в городках на адриатическом побережье Королевства СХС, куда беженцев привозили на кораблях. Только в течение декабря 1920-го — января 1921 г. было зарегистрировано несколько тысяч больных различными видами тифа. В районе Константинополя (в лагерях Галлиполи, Чатаджи и на Лемносе) брюшным тифом болели 404 человека, возвратным

2225 человек и сыпным 358⁹. В то же время в районе Боки Которской, где были размещены прибывшие беженцы, в середине января 1921 г., когда была кульминация эпидемии, регистрировалось 70–80 случаев сыпного тифа, 450–520 случаев возвратного и 15–25 случаев брюшного тифа в день¹⁰; к тому моменту от тифа уже умерли около 80 человек¹¹. Кроме того, появлялись случаи (хотя и единичные) чумы и холеры (от которых в лагере Чатаджи лечились 92 человека, а скончались 46¹²). Столкнувшись с эпидемиями таких масштабов, русские беженцы приступили к срочной организации госпитального лечения, дезинфекции зараженных и здоровых (зачастую в самом примитивном виде, например путем простого сжигания зараженной одежды) и профилактической вакцинации¹³.

В личной перспективе эпидемия теряла элементы коллективного, общего и социального. Больной был сконцентрирован на себе, своем теле, истощенности, проблемах и личных впечатлениях. И.А. Быкадоров, который уехал из России весной 1920 г. и потом побывал почти во всех балканских странах, заразился сыпным тифом еще на родине. В своих воспоминаниях он так описал внутренние переживания во время болезни: «Эпидемия сыпного тифа, свирепствовавшая в России в 1919–1920 гг., подкосила и меня. Больные исчислялись сотнями тысяч, больницы были переполнены, для размещения больных использовались всякие бараки, ангары и им подобные помещения, меня же “временно” поместили в вагон, на котором значилось “40 человек или 8 лошадей” — т.е. в товарный вагон, — с десятком других больных. Было это 2 января 1920 г. На мне было легкое зимнее пальто, ведь я не думал, что попаду в такую ситуацию <...> Поезд потихоньку двигался на юг, и таким образом однажды он оказался в Новороссийске, на берегу Черного моря. В этом вагоне я провел 51 день, со 02.01.1920 до 22.02.1920, одетый в пальто, ботинки и шапку — таким, каким меня в него и принесли. Людской состав постоянно менялся: одних выносили навсегда, других приносили на опустевшее место. Картина страшная: мертвецов увозили целыми железнодорожными составами. Было настоящим чудом остаться в живых в таких условиях — я был молод, организм боролся. Ни о каком уходе за нами, конечно, и речи идти не могло. Среди всеобщей паники, возникшей в силу приближения линии фронта гражданской войны, меня привезли (ходить я еще не мог) на пароход Красного Креста, который покинул русский порт Новороссийск 22.02.1920 и отплыл — в неизвестность. Все это случилось однажды утром, будто во сне. После страшной болезни я был — живой скелет, не способный ни на что реагировать ...И вот 3 марта 1920 г. я оказался в русской больнице (существовала и такая) в Пирее. После страшной давки и качки здесь были нормальные условия. Меня обтерли спиртом (выкупать не могли, так как голова была замотана бинтами: за ухом у меня сделали разрез для оттока гноя — последствие сыпного тифа, а точнее неухода за ртом во время болезни); ноги мои также были перевязаны, пальцы почернели от слабого кровообращения и холода, ботинки я не снимал 40 дней. После того как меня полностью “продезинфицировали”, сняли с меня одежду, которая чуть ли не сама могла передвигаться по полу из-за немыслимого количества насекомых “*Pediculus corporis*” (в то время я, конечно, не знал сего научного названия, их называли просто вшами), меня отнесли в палату на настоящую кровать с белыми простынями <...> Я не мог поверить, что это не во сне, а наяву <...> В больнице я быстро пошел на поправку, благода-

ря заботе персонала и хорошей пище»¹⁴. Как можно заметить из этой длинной цитаты, Быкадоров отметил общие размеры эпидемии, но только в связи с тем, как протекала его болезнь. Сама она, с его точки зрения, понималась как борьба организма, а собственное тело и происходившее с ним находились в центре внимания.

В борьбе с инфекционными заболеваниями совместно участвовали все русские медицинские учреждения, а также соответствующие медицинские учреждения стран, в которых оказались беженцы. Однако борьба с инфекционными заболеваниями представляла собой лишь один из аспектов, в котором эмигрантское общество сталкивалось с болезнями. Важной общественной проблемой была и поддержка людей, которые вследствие ранений или других причин остались пожизненными инвалидами. Тем более что из-за своих недугов они в большинстве случаев не могли позаботиться о себе сами.

Инвалидность даже с точки зрения демографии была немаловажной проблемой для эмигрантского общества. В Константинополе в начале 1921 г. было 299 человек, которые из-за ранений или травм другого рода остались полными инвалидами. Из этого числа почти половина нуждалась в протезах (141 человек), в основном — протезах нижних конечностей (69 человек)¹⁵. Несравнимо большее количество инвалидов было сконцентрировано в Королевстве СХС и Болгарии. В Королевстве СХС было 2164 инвалида (из которых первой группы 36, второй — 825, третьей — 922, четвертой — 381)¹⁶, по некоторым сведениям, их было даже больше — 2966 (из них 1733 военных и 1233 гражданских инвалида)¹⁷, что составляло 14% всех взрослых беженцев в Королевстве. В то же время в Болгарии было 2147 инвалидов (из них 70 человек со 100% инвалидностью, 69 с инвалидностью на 80–90%, 681 на 70–80%, 774 на 60–70%, 313 на 50–60% и 240 на 50%)¹⁸.

Столкнувшись с большим количеством раненых и ослабевших от болезней людей, соответствующие эмигрантские власти были вынуждены разработать инструкции и составить таблицы видов повреждений и болезней с указанием соответствующей им группы инвалидности. Градация инвалидности, зафиксированная этими таблицами, свидетельствует о нескольких социальных аспектах, важных для понимания отношения эмигрантского общества к болезни. Присутствие среди беженцев большого количества больных и раненых вынудило составителей этих таблиц лишь малое количество тяжелых телесных повреждений и болезней отнести к группе со 100%-ной степенью инвалидности — различные формы неизлечимых психиатрических заболеваний, полную слепоту на оба глаза и крайнюю потерю зрения, вызванную травмами глаз, отсутствие или паралич обеих рук или ног, либо руки и ноги одновременно. К этой же группе были отнесены больные с раковыми заболеваниями в поздних стадиях, с отдельными хроническими сердечными заболеваниями, с тяжелыми формами потери памяти или потерей равновесия. К значительно более низким степеням инвалидности были причислены такие тяжелые формы заболеваний и травм, как отсутствие ноги (60%) или болезнь Паркинсона (50–75%). Интересно отметить, что ни одна женская болезнь не была охарактеризована как повреждение со 100%-ной инвалидностью. Можно отметить и социальную дискриминацию леворуких людей с учетом того, что в таблицах неравноценно оценены травмы правой и левой руки (например, отсутствие большей части кисти на правой руке — 60%, а на левой — 50%, ограниченная

подвижность пальцев на правой руке — 60%, а на левой — 50%, отсутствие указательного, среднего, безымянного пальца и мизинца на правой руке — 55%, а на левой — 45%, и т.д.)¹⁹.

Большое количество русских беженцев, тяжело заболевших или получивших серьезные ранения и травмы во время войн и эвакуации, нуждались в особой социальной поддержке и помощи. Заботу о них на Балканах взяли на себя русские эмигрантские медицинские и благотворительные учреждения, чаще всего — Красный Крест. Он обеспечивал беженцам необходимые протезы, а также открывал специальные приюты для инвалидов. В Королевстве СХС было открыто несколько таких приютов в Рисане, Прчоне, в начале 1920-х годов группа инвалидов была размещена в Игало²⁰, а позднее такой приют действовал в городке Велика-Кикинда. В Болгарии также функционировало несколько общежитий и приютов для инвалидов. Два приюта для инвалидов были открыты в Княжево (Софийском) и на Шипке; два общежития для инвалидов существовали в Софии; были они также в Варне, Хасково, Плачковице, Пловдиве, Велико-Тырново, Горней- и Доней-Оряховицах²¹.

Социальная помощь инвалидам, конечно, в определенной мере облегчала их эмигрантский быт, но перенесенные ими душевные травмы оставляли глубокий след в их психике. Степень этих внутренних, интимных драм пытался объяснить полковник Д.А. Абрамович, автор исследования о проблемах инвалидов в Болгарии: «Казалось — самое страшное осталось позади; но оказывается не так: тогда было здоровье, а теперь... ужас беспомощности. Во что превратились?! Когда-то сильные, смелые, ловкие... А теперь!.. жалкие обрубки. Однако стыдно теряться. Не для того мы прошли свой крестный путь, чтобы остановиться на распутье...»²²

Борьба с инфекционными заболеваниями и регулирование положения инвалидов требовали совместных усилий всего общества. Но они не были единственной формой столкновения эмигрантского общества с болезнями. Люди в изгнании заболевали и обычными легкими и тяжелыми болезнями. Отношение к себе и своему телу они выражали в личной гигиене, регулярных посещениях врача и других видах профилактики.

Благодаря деятельности русских медицинских учреждений на Балканах можно составить примерный обзор типичных болезней, от которых страдали беженцы из России. Наш анализ проведен на основании данных Русской софийской амбулатории за период с 1920-го по 1934 г. и данных поликлиники Русского общества Красного Креста в Белграде с 1935-го по 1939 г. Помимо того что эти данные охватывают различные периоды времени, они отличаются и по качеству, и характеру. Данные Русской софийской амбулатории имеют больший охват и более систематизированы, так что можно проанализировать как те болезни, которыми болели русские пациенты, так и те, из-за которых в амбулаторию обращалось местное население (русские обращались за этот период 141 951, а болгары — 48 085 раз). В отличие от предыдущих, данные о деятельности поликлиники Русского общества Красного Креста в Белграде не делят посетителей и представлены суммарно, без учета того, были ли пациенты русскими или сербами, которые, кстати сказать, значительно чаще пользовались услугами поликлиники (31 935 обращений русских и 96 135 обращений сербов). Поэтому стоит отнести к данным поликлиники в Белграде с известной осторожностью. Однако и в такой форме они дают нам возможность

выполнить сравнение с данными о деятельности софийской амбулатории и таким образом получить более полную картину болезней беженцев.

Табл. 64. Болезни эмигрантов (по данным Белграда и Софии)

Болезни	Белград ²³		София ²⁴	
	Число приемов у врачей	%	Число приемов у врачей	%
Внутренние	27 157	31	45 569	32
Детские	6591	7		
Хирургические	10 794	12	32 704	23
Болезни легких (туберкулез)	1461	2	2452	2
Малярия			9328	6
Нервные	3920	4	19 826	14
Отоларингология	8052	9	4890	3
Глазные болезни	7872	9	2917	2
Женские и акушерские	6200	7	5108	4
Инфекционные		2	778	2
Кожные и венерические	16 427	19		
Кожные			5290	4
Венерические			3414	3
Сифилис			3274	2
Ревматизм			4378	3
Бешенство			23	0,01
Всего	88 474		141 951	

Согласно этим данным русские беженцы чаще всего заболели внутренними болезнями. На многочисленное количество стрессов, присущих эмиграции, ясно указывает относительно высокое количество нервных заболеваний. По данным Русской софийской амбулатории, в период с 1921-го по 1926 г. большое количество нервных заболеваний было вызвано бытовыми условиями жизни в изгнании. Большинство заболевших душевными болезнями лечились от неврастении (590) и истерии (207). Среди функциональных болезней нервной системы самыми частыми были механические повреждения спинного мозга (*Iritatio spinalis*), вызванные подъемом чрезмерных тяжестей, сном в негигиеничных условиях и т.п. (177). В то же время среди органических заболеваний нервной системы самыми частыми были боли в руках, известные в народе как костяная лихорадка (*Neuralgia pl. brachialis*) (521), расширение мозговых камер (*Hudrops cerebri*) (375) и закупорка кровеносных сосудов мозга (*Arteriosclerosis vasorum cerebri*) (102)²⁵. Количество лечившихся от туберкулеза показывает, что эпидемия, которая возникла в начале 1920-х годов, относительно успешно была ликвидирована. А одна из болезней привлекла особое внимание врачей этой амбулатории. Речь идет о ревматизме.

Увеличение количества заболевших ревматизмом доктор С.К. Жуков напрямую связывал с условиями жизни и местом жительства в изгнании, так же как и со специфическими климатическими изменениями, которые пережил русский человек, уехавший на чужбину, т.е. социальными и природными условиями, в которых жили беженцы. «Еще в начале работы в амбулатории мною было обращено внимание на значительное число больных ревматизмом, поэтому этих больных я регистрировал отдельно. Делал я это для того, чтобы своими дальнейшими наблюдениями установить причины столь значи-

тельного числа больных ревматизмом русских. В первые годы эмиграции я допускал, что русские, не имеющие необходимой теплой одежды и обуви, часто подвергались действию простуды и заболели ревматизмом. Впоследствии мне пришлось признать не только указанные причины, но также установить, что и другие условия являлись источником этого страдания. Русские селились в подвальных, очень часто сырых дешевых квартирах, что отражалось на общем состоянии их здоровья и также нередко служило причиной заболевания ревматизмом. Кроме того, нельзя исключить влияния климатических условий, способствовавших возникновению этой болезни. Резкая и быстрая смена воздушных течений разных температур, особенно осенью, зимой и весной, способствовали проявлениям заболеваний простудного характера, как известно, являющихся предрасполагающими причинами к различного рода инфекционным заболеваниям и ревматизму. Ангины, воспаления зева, носоглотки являлись частыми болезнями среди эмигрантов, и, как следствие этих страданий, русские могли заболеть ревматизмом»²⁶.

Если болезнь была лишь одной из тех мук, которые выпадали на долю беженцев в их скитаниях, эвакуации и жизни на чужбине, то смерть, вне всякого сомнения, была уникальным событием, которое с точки зрения социальной антропологии представляло собой последнюю точку человеческой жизни.

СМЕРТЬ

Ф. Ариэс полагал, что, вероятно, существует стабильная взаимосвязь смерти и представления, которое о себе имеет человек, поэтому, говоря о современных обществах, необходимо обратить внимание, с одной стороны, на ослабление воли к жизни у современного человека, а с другой стороны, на неспособность наших технократических культур вновь возродить наивную веру в судьбу, которую так долго демонстрировали при встрече со смертью простые люди²⁷. Это замечание может быть, хотя бы частично, использовано и применительно к отношению к смерти русских эмигрантов. К тому же взаимосвязь смерти и представления о самом себе, ослабление воли к жизни и веры в судьбу во многом связаны с событиями, которые принудили беженцев покинуть землю своих предков и с идеей России, которую они любили, за которую многие из них боролись с оружием в руках и ту, какую они помнили.

В изгнании отношение к смерти имело свои определенные черты, можно сказать, стандартные для современного мира. Смерть считали конечной точкой личной жизни, существовали предусмотренные, особо выделенные места для умирания (в домах престарелых или больницах), а эмигрантские кладбища стали своего рода символами. Конечно, эмиграция как переломное событие в жизни отдельных людей обусловила то, что отношение к смерти выражалось по-разному — в демографической плоскости и на уровне символики умирания. Кроме того, люди, которые оказались в изгнании, еще со времен Первой мировой войны постоянно встречались со смертью. Можно сказать, что встречи со смертью стали частью их повседневной жизни.

Встречи со смертью

Смерть в равной мере определяла и внутренние, и коллективные ощущения эмигрантов. Формировалось представление, что смерть являлась неразлучной частью эмигрантского опыта и бытия. Полковник Д.А. Абрамович, взяв в качестве девиза известное высказывание генерала Л.Г. Корнилова (который и сам погиб во время Гражданской войны) «Только смерть одна может освободить тебя на твоём служебном посту», это постоянное присутствие смерти охарактеризовал следующими словами: «Вечная память тем, кого смерть сменила на боевом посту! Но не всем суждено было “смениться”. Другим суждено было жить долгие годы под занесенной костлявой рукой смерти, постоянно чувствовать на себе её холодное дыхание и неизменно смотреть ей прямо в глаза. Этим смены не было... Только вновь полученная рана давала временную передышку на лазаретной койке. Но и тут гримаса смерти сопровождала раненого с фронта. Она следовала за ним в больничную палату, на операционный стол...»²⁸ «Костлявая рука смерти» ощущалась повсеместно в годы Гражданской войны, во время отступления зимой и ранней весной 1919 г. по замерзшему устью Днестра и во время попытки перехода румынской границы, как и на кораблях, которые отправлялись в изгнание весной и осенью 1920 г. Смерть приходила и позднее в балканских городах и всях — от горя, от болезни, от тяжелой и неустроенной жизни...

Е.Ж. Гильотен писала: «Они пили и пели, скрываясь в тумане алкоголя, убегая от реальности. Вскоре умер Петя Мейер, кавалерист, прапорщик Уланского полка. Еще совсем молодой. У него было слабое сердце, и оно не выдержало постоянных пьянок»²⁹. Умирали и из-за неподходящих и неустроенных бытовых условий. Например, П. Федоров, вместе с остальными жильцами выселенный из Ятаган-махалы, построил себе хижину у Лазаревацкого шоссе на Чукарице (пригород Белграда). Но в результате оползня хижина развалилась, и Федоров погиб³⁰.

Ежедневные встречи со смертью, шла ли речь о смерти близких, потере друзей и знакомых или о постоянных новостях, которые стали обычной темой для разговоров, привели к тому, что люди привыкли к ней. Это ясно видно из воззрений детей на смерть. Смерть для них не была страшным и неизвестным событием, о котором они имели лишь туманное представление; представление детей о смерти было реальным и очень конкретным, возникавшим нередко на основе личных наблюдений. Ученики русской гимназии в Константинополе (позднее переброшенной в городок Моравска-Тршебова в Чехословакии) о смерти говорили открыто, как о чем-то повседневном. Они не выражали страха перед мертвым телом: «За эти годы я настолько привык к смерти, что она не производит на меня никакого впечатления»; «На улице я прочитал список расстрелянных, там был отец»; «Я ходил в тюрьму и просил не резать папу, а зарезать меня. Они меня прогнали»; «Приходил доктор и, указывая на маму, спрашивал: еще не умерла? — Я лежал рядом и слушал это каждый день, утром и вечером». Несколько десятилетних детей крайне наглядно описали свою встречу со смертью в раннем детстве: «Папа поздно ночью пришел из казарм. Я понял, что он не спит. Скоренько оделся и пошел к нему. У папы были чужие глаза. Он попросил его поднять. Я сказал: ты, папа, тяжелый. Он помолчал и говорит: Николай, слушай маму. Набрал полную грудь и умер. Я побежал всех

будить»; «Чека помещалась в доме моих родителей. Когда большевиков прогнали, я обошла неузнаваемые комнаты моего родного дома. Я читала надписи расстрелянных, сделанные в последние минуты. Нашла вырванную у кого-то челюсть, теплый чулочек грудного ребенка, девичью косу, с куском мяса. Самое страшное оказалось в наших сараях. Все они доверху были набиты растерзанными трупами. На стене погребя кто-то выцарапал последние слова: “Господи, прости”»; «Днем нас убивали, а под покровом ночи предавали земле. Только она принимала всех. Уходили и чистые и грязные, и белые и красные, успокаивая навсегда свои молодые, но состарившиеся сердца. Души их шли к Престолу Господнему. Он всех рассудит»³¹.

Встреча эмигрантов со смертью содержала все элементы, характерные для современных представлений об умирании: присутствовали связь смерти и представления о самом себе, вера в судьбу, а ее саму считали конечной точкой личной жизни. Другие данные позволяют нам рассмотреть социальное значение смерти.

Демографическое значение смерти

Красноречивый анализ смертности русских эмигрантов в Королевстве СХС, выполненный шефом статистического отделения Государственной комиссии Д.Н. Иванцовым, открывает нам ряд интересных и важных демографических показателей социальной значимости жизни и смерти в изгнании. Анализ проведен на основании средств, выделявшихся Государственной комиссией на похоронные затраты эмигрантов, относится к началу двадцатых годов, что делает возможным анализ социальных причин смертности, связанных с разлукой с родной землей и адаптацией к новым условиям первых лет жизни в изгнании.

Общие данные о смерти в изгнании дают два анализа. Сравнительный анализ возрастной структуры и смертности в изгнании:

Табл. 65. Данные о смертности эмигрантов в соответствии с возрастной структурой

Возраст	Женщины		Мужчины	
	% среди эмигрантов	смертность, %	% среди эмигрантов	смертность, %
0–3 лет	4,2	20,5	1,9	10,3
4–18 лет	19,0	6,4	13,7	5,4
19–21 год	4,3	1,3	3,3	3,8
22–46 лет	59,0	47,4	63,8	44,6
47–61 год	12,7	15,4	16,9	28,3
61 год и более	0,7	9,0	0,3	7,6

И сравнительный анализ смертности в нормальных условиях по отношению к смертности в изгнании.

Табл. 66. Данные о смертности местного населения и эмигрантов

Возраст	% смертности в нормальных условиях	% смертности среди русских эмигрантов
0–14 лет	17,2	16,4
15–59 лет	66,4	75,6
60 лет и более	16,4	8,0

Приведенные данные ясно показывают, что, несмотря на очевидно высокий удельный вес смертности среди детей до трех лет по отношению к их общему количеству среди беженцев, этот процент все-таки несколько меньше, чем процент смертности детей в нормальных условиях того времени. Д.Н. Иванцов объяснял это различие тем, что «роскошь рождения детей, как правило, могли себе позволить лишь более или менее обеспеченные беженцы, способные обеспечить им относительно сносные условия»³². Аналогично, лишь на первый взгляд может показаться, что смертность среди старшего поколения по отношению к их пропорциональной доле в рядах изгнанников была достаточно высокой. Детальный анализ показывает, что более старые эмигранты умирали в два раза реже, чем их сверстники в нормальных условиях. Это можно объяснить предположением, что в ходе тяжелых испытаний войны и эвакуации среди старшего поколения произошел своеобразный естественный отбор, в результате которого выжили самые стойкие, что и отразилось в дальнейшем на проценте смертности среди них. С другой стороны, тот факт, что вместо обычных двух третей три четверти всех смертей пришлось на молодежь и беженцев среднего возраста, показывает, что кроме травм и стрессов также и чисто социальные факторы, как, например, борьба за собственное выживание и выживание всей семьи, приводили к значительному увеличению смертности среди эмигрантов. Это особенно заметно, если иметь в виду резко возросший процент смертности среди молодежи от 19 до 21 года, что можно объяснить последствиями огромного физического и психического напряжения, которому были подвержены молодые люди во время Гражданской войны и эвакуации.

Среди различных данных внимание привлекает и тот факт, что русские эмигранты в большинстве своем умирали зимой и значительно реже весной или летом. Важно также отметить, что соотношение смертности женщин и мужчин в изгнании было примерно 100 к 238. Но это несоответствие, которое значительно отличалось от ситуации в дореволюционной России (когда в нормальных условиях на 100 женских приходилось 107–108 мужских смертей), легко объясняется дисбалансом половой структуры эмигрантского общества.

Крайне важны и данные, которые дают возможность проанализировать влияние социальных факторов, например, образования или состояния в браке, на смертность эмигрантов. На основе их изучения можно заметить, что женщины с высшим образованием умирали значительно реже, чем женщины со средним, начальным и без образования. Наоборот, у мужчин более высокий процент смертей приходился на получивших высшее образование. Делая вывод, можно заключить, что для русских женщин высшее образование было своего рода «защитой» т.е. положительным фактором, который облегчал им тяжелую борьбу за существование, в то время как университетский диплом для мужчин являлся своего рода балластом в бедных, сельских условиях балканской среды, на рынках труда которой было легче найти неквалифицированную физическую работу. Эти факты дополняют общую картину социальных условий жизни в изгнании и определенным образом завершают логическую структуру вышеприведенных данных о потере социального статуса и характера трудоустройства беженцев.

Пожалуй, самые красноречивые данные о влиянии социальных факторов на смертность в изгнании дает нам анализ смертности в зависимости от семейного положения беженцев.

Табл. 67. *Смертность в соответствии с семейным положением эмигрантов*

Семейное положение	% женщин		% мужчин	
	Среди эмигрантов	Среди умерших	Среди эмигрантов	Среди умерших
Неженатые, незамужние	21,8	33,9	70,0	60,9
Главы семьи из 2 членов	4,8	1,8	16,0	18,6
Главы семьи из 3 и более членов	2,9	1,8	12,7	19,9
Зависимые члены семьи	70,5	62,5	1,3	0,6

Самыми значительными фактами, которые вскрывает этот анализ, являются те, что среди женатых мужчин, которые в непредсказуемых и неустойчивых условиях жизни несли значительно большую нагрузку по обеспечению семей, особенно если имелись дети, смертность была значительно выше, чем среди неженатых, одиноких мужчин, чья продолжительность жизни была существенно больше. Диаметрально противоположная ситуация наблюдалась среди русских женщин. Можно с уверенностью констатировать тот факт, что одиночество крайне негативно влияло на продолжительность жизни незамужних женщин. В отличие от них, женщины, состоявшие в браке, а в особенности имевшие детей, жили дольше. Этот феномен можно объяснять по-разному, но очевидно, что тяжелые условия жизни в изгнании, усиленные стрессом, потерей общественного престижа и часто превращавшиеся в настоящую борьбу за выживание, психологически намного негативнее отражались на женатых мужчинах³³.

Смерть в изгнании имела не только свое «реальное лицо» и ясно вычисляемые масштабы, но и свою символическую плоскость. Эта символика смерти выражалась по-разному.

Эмиграция как причина смерти

Жизнь в изгнании сама по себе вследствие страданий, травм, стрессов, разочарований, несбывшихся надежд, была иногда достаточна, для того, чтобы люди добровольно выбирали смерть. В газетах время от времени появлялись небольшие заметки о самоубийстве или попытке самоубийства среди беженцев. Часто приводились и причины, толкнувшие их на этот шаг: в конце марта 1921 г. одна русская женщина среднего возраста хотела совершить самоубийство из-за нищей жизни³⁴; в апреле 1922 г. жена врача Н. Штейн, совершила самоубийство, узнав о том, что у мужа в России остались жена и дети и что он собирается вернуться к ним и оставить ее³⁵; в том же месяце совершил самоубийство в возрасте 21 года Запорожцев из за несчастной любви³⁶; год спустя, в марте 1923 г. попытался совершить самоубийство Д. Цепежский от страха, что его вернут в Россию, «как сказали ему его попутчики в поезде, в котором он ехал из Константинополя»³⁷; в июле того же года на Вишницком шоссе в Белграде пытался покончить жизнь самоубийством бывший офицер В. Мослов, балалаечник в русском оркестре в кафе «Сабля Дамасская», узнав о том, что его семья в России умирает от голода³⁸. Несколькими днями позднее бывший казачий офицер Иванов, рабочий в селе Корбевце рядом с городом Вране, убил девушку, которая не желала выйти за него замуж, а потом со-

вершил самоубийство³⁹; несколько лет спустя один беженец-инвалид совершил самоубийство в Младеноваце из за бедности и нищеты...⁴⁰

Таким образом, смерть на уровне символическом и реальном представляла собой избавление от мук и лишений в эмигрантских скитаниях. Однако это не исчерпывало ее символического значения.

Символика смерти

Смерть — один из базовых параметров коллективного сознания⁴¹. Поэтому в изгнании символическая функция кончины была многозначной. В любом случае она отражала связь между смертью и представлением человека о самом себе. А если смотреть более широко, она символизировала и связь отдельного беженца с идеей России, за которую сражались, которую любили, без которой безмерно страдали и которую все помнили.

Как и во всех культурах современного мира, среди русских эмигрантов существовало представление о смерти как о конечной точке личной жизни. В то же время она ощущалась и как событие, которое символизирует весь жизненный путь: «Чтобы смерть не стала источником безысходной тоски, а послужила полному выражению духовного мира покойника, чтобы она убедительно и торжественно венчала дело всей его жизни, необходимо было быть выдающимся, особым, великим человеком»⁴².

Топография смертей русских беженцев отметила карту балканских кладбищ характерными восьмиконечными надгробными русскими крестами. Почти везде, где существовала более или менее многочисленная русская колония, от Белграда, Софии, Константинополя, Нови-Сада, Галлиполи, Панчево, Шипки, Загреба, Варны, Скопья до Сараево, Велико-Тырново, Земуна, Сомбора, на местных кладбищах существовали (и кое-где еще существуют), чаще всего у края, особые русские участки, называвшиеся «русские кладбища» или «части русской земли», на которых хоронили русских эмигрантов. В Галлиполи существовало целое настоящее русское кладбище с памятниками военным, умершим в этом военном лагере в 1920–1921 гг. В селе Корбевац близ города Вране имеется памятник, который поставили русские военные, работавшие на постройке дороги Вране — Босилеград, — белый каменный крест на белом каменном постаменте с надписью: «Кубанская казачья дивизия — Братьям казакам, умершим на чужбине 1921–1925 гг.»

Мемориальные заботы — это деятельность и политическая, и социальная, она сохраняет личные и групповые воспоминания, которые могут находиться в созвучии, если возникли в процессе напряженной борьбы или при перенесении особых потерь⁴³. Воспоминания вообще, и в этом контексте воспоминания об умерших, непосредственно связаны с проблемой идентичности. А это проблема, с которой русские беженцы столкнулись уже с первого дня на Балканах. Поэтому русские памятники, братские могилы или сами названия «русские кладбища» или «части русской земли» имеют именно социальную направленность, так как символически выражают намерение русских людей хотя бы в конце своего пути, упокоившись вместе, остаться в памяти как часть единой группы, как часть России. До какой меры в изгнании русское кладбище для беженцев символизировало часть родной земли, показывает торжественное пос-

леднее прощание с могилами и памятниками на галлиполийском кладбище, которое устроили военные, уезжавшие в 1921–1922 гг. из Галлиполи в Болгарию и Королевство СХС. Церемонию прощания описал в своем дневнике В.Х. Даватц: «27 ноября. Последние дни галлиполийской жизни... Был сейчас на кладбище: возлагали венок от Главнокомандующего. Серебряный венок на черной бархатной подушке с национальными лентами и надписью: “Главнокомандующий — родным соратникам” <...> Пел хор заупокойную панихиду. Хватающим за душу пианиссимо лились звуки молитвы. Навертывались на глаза слезы — хотелось упасть перед памятником на колени, и плакать, и молиться. Мы уезжаем. Не будет русских людей. Постепенно обветшает памятник. Осыплется дерн могил, упадут кресты... “И сохрани им вечную память...” — поет хор, и душа скорбит и возносится к Богу. Около одной могилки старушка служит панихиду. Она, вероятно, тоже уезжает. Навсегда»⁴⁴.

С символической точки зрения важными и красноречивыми были две церемонии перенесения останков и похорон двух выдающихся генералов Русской армии — М.В. Алексева и П.Н. Врангеля.

История перезахоронения останков Алексева в Белграде достаточно необычна. Генерал от инфантерии М.В. Алексеев, Верховный главнокомандующий, назначенный на этот пост Временным правительством после отставки великого князя Николая Николаевича, инициатор основания Добровольческой армии, умер еще 8 октября 1918 г., во время Гражданской войны в России, где и был похоронен. Но наступление большевиков и все более предсказуемое поражение антибольшевистских сил привели семью генерала к идее не допустить, чтобы его тело осталось в земле, где властвуют Советы. Гроб с останками был выкопан, и семья забрала его с собой в изгнание. После эвакуации из России в апреле 1920 г. семья генерала Алексева попала в Сербию, где останки генерала с высшими воинскими почестями и были похоронены на белградском Новом кладбище. На похоронах служил сам митрополит Димитрий с белградскими священниками, на похоронах присутствовали и специальный представитель престолонаследника Александра генерал М. Зечевич, помощник военного министра, а также члены правительства, представители Народной скупщины, армии и флота⁴⁵.

Десять лет спустя, 6 октября 1929 г., Белград и вся Югославия стали свидетелями еще более грандиозной церемонии — процессии, «какую в Белграде никогда не видели, даже при похоронах короля Петра», как говорили старые белградцы⁴⁶. Это были похороны останков генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля, человека, который был символом последнего отпора большевикам во время Гражданской войны и своего рода символом русской эмиграции (т.е. большей ее части, державшейся в основном военно-монархической ориентации). Генерал Врангель умер 25 апреля 1928 г. в Брюсселе. Перед смертью он выразил своей супруге Ольге Михайловне и личному секретарю Н.М. Котляревскому желание быть похороненным в белградской русской церкви, «под сенью русских военных символов и знамен, которые там хранились». Спустя год, 18 июля 1929 г., король Александр I Карагеоргиевич разрешил, а сербский патриарх Димитрий и митрополит Антоний, председатель Собора архиереев и Архиерейского синода Русской православной церкви за рубежом, благословили перенести останки главнокомандующего Русской армией в Белград, в русский храм Св. Троицы на Ташмайдане⁴⁷.

Поезд, в котором перевозились останки генерала Врангеля, на всем пути его следования торжественно встречали русские эмигранты. В Суботице вагон с гробом встретил начальник IV отдела РОВС генерал-лейтенант И.Г. Барбович, а на проводы прибыли все русские из Суботицы и Палича, которым работодатели предоставили в тот день выходной. На станции собрались представители всех русских эмигрантских организаций из Суботицы. Присутствовали и делегации от местных гражданских, военных и церковных властей. На гроб были возложены венки. Украшенный русским национальным флагом вагон продолжил путь 4 октября. Особый почетный взвод проводил его торжественным залпом. Подобная церемония повторилась и в Нови-Саде. Присутствовали представители всех местных городских, церковных и военных властей, а также всех русских военных и гражданских организаций. По окончании процессии на гроб были возложены венки. Исключительно торжественной была и церемония в городке Сремских-Карловцах, где генерал Врангель жил несколько лет по приезде из Константинополя. Там, так же как и в Суботице и Нови-Саде, состоялась панихида. Ее отслужил епископ Ириней, викарий Карловацкой митрополии, присутствовали и представители местных властей, русских организаций, а также большое количество простого народа. Вне протокола, по просьбе русского священника о. Вениамина Иванова, состав остановился и на станции Инджия, где в почетный караул со знаменем встала Полтавская сотня Кубанской казашей дивизии.

Наконец, в восемь часов вечера состав прибыл в Белград. Его встретили выдающиеся представители русской колонии в Югославии В.Н. Штрандтман, С.Н. Палеолог, генералы А.П. Кутепов и Э.В. Экк, вдова генерала М.В. Алексеева А.Н. Алексеева и М. Стефанович, председательница комитета белградских дам по оказанию помощи Топчидерской здравнице имени генерала Врангеля. Почетный караул, сопровождавший гроб в пути, сменил почетный караул солдат взвода Корниловского артиллерийского дивизиона, под командой полковника А.Г. Пио-Ульского⁴⁸.

Погребальная процессия, в которой на артиллерийском лафете находился гроб, тянулась от вокзала до Ташмайдана. Ее сопровождала масса народа, а возглавлял мальчик с крестом, за которым несли русское национальное трехцветное знамя и подушки с русскими и иностранными орденами, затем венки (первый из них был от короля Александра). За ними шли русские сокола со знаменем, русские бойскауты, русские кадетские корпуса, воспитанницы девичьих институтов, ученики гимназий, студенты и студентки Белградского университета. Проследовали отряды Русской армии, сопровождаемые хоровой музыкой, за ними шли части Армии Королевства Югославия, также с хором, затем мужской хор, сонм сербского и русского духовенства под предводительством епископа Нишского Досифея, бывшего епископа Курского и Обоянского Феофана и настоятеля белградской Русской церкви о. Петра Беловидова. За ними двигался лафет с гробом, за ним семья, представители югославского правительства, иностранных государств и Генштаба Королевской армии, потом представители югославских общественных организаций, офицеры и генералы российского Генерального штаба, члены Комитета по увековечению памяти генерала Врангеля, делегация русских граждан, представители офицерского корпуса Королевства Югославия и в конце концов публика.

Гроб с останками генерала Врангеля встретили в русской церкви Св. Троицы патриарх Сербский Димитрий и митрополит Антоний. В процессии двигалось большое количество представителей белградской политической, военной, духовной и интеллектуальной элиты. Специальным представителем короля был полковник М. Стоядинович, а кроме вышеназванных официальных лиц, шедших в процессии, на богослужении присутствовали министр Н. Узунович, представитель правительства помощник министра иностранных дел Бакотич, начальник русского отдела Министерства иностранных дел Мартинец, начальник Главного управления флота адмирал Д. Прица, вице-адмирал М. Кох, профессор Белградского университета Ч. Митрович, заместитель директора Государственного банка Радович, представитель белградского муниципалитета Пандурович, глава кабинета военного министра С. Тодорович, посол Венгрии барон Форстер с секретарем посольства и военным атташе, представитель итальянской дипломатической миссии, американский военный атташе Хезелтинг и многие другие официальные лица⁴⁹.

На похоронах присутствовали представители 129 различных эмигрантских организаций, духовных, гуманитарных, общественно-политических, научных, культурно-просветительских, художественных, профессиональных, а также представители русской печати. Было и 125 представителей военных, 34 казацких организаций, как и 72 представителя русских колоний Королевства⁵⁰. На гроб возложили 203 венка, которые заняли почти все помещение храма⁵¹. На ленте одного из венков было написано: «Герой умер — идея бессмертна. Национальному вождю — военные организации Солуни»⁵². Прощальное послание салоницких соратников последнему вождю антибольшевистского сопротивления показывает весь символический смысл ощущения смерти в русской эмиграции: тело — смертно, а идея бессмертна. Идея России, которую символизировал своей жизнью и борьбой сам П.Н. Врангель.

Символический смысл жизни и смерти в изгнании в целом связан с ощущением покинутой отчизны. От идеи о миссии русской эмиграции через осознание цели существования Зарубежной России до самого акта похорон брэнного тела — все указывало на связь с Россией.

Об этом свидетельствует и чрезвычайно распространенный обычай хоронить беженцев с горстью русской земли, которую они взяли с собой при отъезде или им кто-то при случае привез с родины и которую они до последнего дня хранили в мешочке как талисман. Этот обычай описала И. Грицкат, вспоминая о смерти Н.Ф. Корш, жившей в городке Александровце Жупском, которая умерла после Второй мировой войны, пережив свою дочь на десять лет: «Бабушка <...> больше не жила с нами в нашей долине скорби, а почти постоянно была со своей дочкой, ожидая, что она, наконец, встретит ее в райских кущах. Она просила похоронить ее в траурном платье, которое она носила после Таниной смерти, с четками в руках. И чтобы ей из ладанки посыпали на могилу ту пригоршню русской земли, которую она, уезжая, взяла с собой...»⁵³

Как бы ни воспринималась смерть в изгнании — как идея, реальное событие или как символ — она воплощала в себе весь спектр внутренних переживаний отдельного человека. Фильм «Россия» наглядно показал раскол между старой

Россией и ощущением жизни в изгнании, между воспоминаниями о славном прошлом и сознательным (или несознательным) ощущением изгнания как процесса умирания. Таким образом, символическим путем был замкнут круг из представлений об эмиграции как о символе «настоящей» и «старой» России, от идеи «миссии» эмиграции до представления об умирании, смерти героя, смерти тела — тела, не способного вернуться на родину и вынужденного упокоиться на чужбине, лишь с пригоршней земли, привезенной из России, при отблеске далекого огонька родной сторонки, — смерти, которую искупила лишь надежда на то, что «идея продолжает жить».

¹ *Воробьев Н.* Донские кадеты в английской школе в Буюк-Дере // Кадетские корпуса за рубежом. Нью-Йорк, б. г. С. 236.

² *Ревел Ж., Петер Ж.П.* Тялото: Болният човек и неговата история // Духът на «Анали»: Антология. София, 1997. С. 180.

³ По истории русской эмиграции существует достаточно обширная литература. Наиболее важные исследования: *Ковалевский П.Е.* Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа...; *Раев М.* Россия за рубежом...; *Россия в изгнании...*; *Јовановић М.* Доселовање...; *Козлитин В.Д.* Русская и украинская эмиграция в Югославии; *Бурий О.* Руска литерарна Србија...; *Маевский В.А.* Русские в Югославии 1920–1945 гг.; *Арсеньев А.* У излуцины Дуная...; *Даскалов Д.* Бялата емиграция в България; *Спасов Л.* Врангеловата армия в България...

⁴ *Ревел Ж., Петер Ж.П.* Тялото: Болният човек и неговата история. С. 181.

⁵ *Солонский А.А.* Поликлиника Российского общества Красного Креста стационарный организации в Белграде 1920–1940. С. 5–6.

⁶ *Halajoff I.V.* An autobiographical sketch. С. 14.

⁷ Очерк деятельности Всероссийского земского союза... С. 72.

⁸ *Там же.* С. 73–76.

⁹ Обзор деятельности санитарного отдела Управления заведующего беженской санитарной частью Русской армии, 1 января 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 36 об.–37 об.

¹⁰ Движение больных в лагерном расположении в Бухте Которской, декабрь 1920 — январь 1921 г. // АСАНУ. 14386. Несређена грађа.

¹¹ Политика. Београд, 1922. 22 апр.

¹² Обзор деятельности санитарного отдела Управления заведующего беженской санитарной частью Русской армии, 1 января 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 37.

¹³ *Там же.* Л. 36 об.–37.

¹⁴ *Быкадоров И.А.* Воспоминания (рукопись; коллекция А.Б. Арсеньева).

¹⁵ Обзор деятельности санитарного отдела Управления заведующего беженской санитарной частью Русской армии, 1 января 1921 г. // ГАРФ. Ф. Р-5923. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 42.

¹⁶ Ведомость об инвалидах сербской, английской и крымской эвакуации, 1 июля 1922 г. // Hoover. Paleologue. 007.15.

¹⁷ Нужды русских беженцев в Королевстве СХС, 1922 // АСАНУ. 14386. Несређена грађа; то же в: ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Ед. хр. 974. Л. 17.

¹⁸ В борьбе. С. 83.

¹⁹ *Врангель П.Н.* Расписание болезней и телесных недостатков с указанием процентов потери трудоспособностей, 10 февраля 1923 г. // ГАРФ. Ф. Р-6021. Оп. 1. Ед. хр. 6. Л. 24–24 об.; *Он же.* Распоряжение, 13 февраля 1923 г. // *Там же.* Л. 20–23 об.

²⁰ Извештај Сједињеног комитета Руског друштва Црвеног крста... С. 36.

²¹ В борьбе. С. 84.

²² *Там же.* С. 10.

²³ *Солонский А.А.* Поликлиника Российского общества Красного Креста... С. 19.

²⁴ *Жуков С.К.* Краткий обзор и итоги работы софийской амбулатории в 1920–1933 гг. Прил. к с. 78.

²⁵ *Там же.* С. 89–91.

²⁶ *Там же.* С. 73–74.

²⁷ *Аријес Ф.* Есеји о историји смрти на Западу: Од средњег века до наших дана. Београд, 1989. С. 82.

²⁸ В борьбе. С. 1.

²⁹ Гильотен Ж. Две моје домовине. С. 66.

³⁰ Политика. Београд, 1939. 11 фебр.

³¹ Воспоминания 500 русских детей. С. 14, 16–17.

³² Иванцов Д. Смертность русских беженцев в Королевстве СХС // АСАНУ. 14386. Несређена грађа.

³³ Эти данные приводятся по материалам: Иванцов Д. Смертность русских беженцев в Королевстве СХС // АСАНУ. 14386. Несређена грађа. Подобные выводы о соотношении смертности и брачного статуса эмигрантов (т.е. о большей смертности женатых мужчин и незамужних женщин) дают и другие исследования: Главный контролер Державной комиссии, краткий очерк помощи русским беженцам в Королевстве СХС // ГАРФ. Ф. Р-6792. Оп. 1. Ед. хр. 118. Л. 143.

³⁴ Политика. Београд, 1921. 27 марта.

³⁵ Там же. 1922. 22 апр.

³⁶ Там же. 20 апр.

³⁷ Там же. 1923. 7 марта.

³⁸ Там же. 10 јул.

³⁹ Там же. 1 ауг.

⁴⁰ Време. Београд, 1928. 15 нов.

⁴¹ Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993. С. 229.

⁴² Шатилова М.А. Песнь Богу: Жизнь о. Петра Беловидова // Пастырь добрый: Сб. статей, посвященных памяти протопресвитера Петра Беловидова в связи с XX-летием существования русской церкви в Белграде. Белград, 1942.

⁴³ Gillis J.R. Memory and identity: The history of a relationship // Commemorations: The politics of national identity. Princeton, 1994. P. 5.

⁴⁴ Даватиц В.Х. Галлиполи. С. 107–108.

⁴⁵ Политика. Београд, 1920. 6 апр.; Там же. 8 апр.

⁴⁶ Неклюдов В., прот. Пастырь добрый. С. 60.

⁴⁷ Перенесение праха генерала Врангеля в Белград 6 октября 1929 г. Белград, 1929. С. 5.

⁴⁸ Там же. С. 11–19.

⁴⁹ Там же. С. 23–31.

⁵⁰ Там же. С. 45–67.

⁵¹ Там же. С. 69–82; Неклюдов В., прот. Пастырь добрый. С. 60.

⁵² Перенесение праха генерала Врангеля в Белград 6 октября 1929 г. С. 71.

⁵³ Грицкат И. У лебдивом ходу. С. 140–141.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

АРХИВЫ

АВСТРИЯ

*Государственный архив —
Архив Республики (Вена)*

Botschaft Belgrad— Gesandtschaft Belgrad

БОЛГАРИЯ

*Центральный государственный архив
(София)*

Дирекция на полицията

МВРИ — Дирекция на изповеданието

Министерство на външните работи и изповеданията

Министерство на вътрешните работи и народно здраве — централно управление

Министерство на правосъдието

Монархически институт България

Народно събрание

*Центральный государственный
исторический архив (София)*

Свети синод на Българската православна църква
Александър Леонидов Ратийев

БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА

Архив Боснии и Герцеговины (Сараево)

Земальска влада за Босну и Херцеговину, Сарајево

Покрајинска управа за Босну и Херцеговину, Сарајево

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

*Государственный архив Российской
Федерации (Москва)*

Ф. 3316 — Центральный Исполнительный Комитет СССР

Ф. Р-5680 — Канцелярия Министерства иностранных дел при Главнокомандующем Вооруженными силами на юге России

Ф. Р-5763 — Союз русских государевых людей имени ее императорского высочества великой княжны Киры Кирилловны

Ф. Р-5764 — Объединение российских земских и городских деятелей ЗЕМГОР в Чехословацкой республике

Ф. Р-5766 — Уполномоченный Всероссийского союза городов в Болгарии

Ф. Р-5767 — Общество единения русских в Болгарии

Ф. Р-5771 — Представительство Всероссийского союза городов в Югославии

Ф. Р-5778 — Бюро трудовой помощи русским эмигрантам в Афинах

Ф. Р-5780 — Представительство в Греции Российского земско-городского комитета помощи российским гражданам за границей

Ф. Р-5781 — Русская гимназия в Афинах

Ф. Р-5790 — Иванцов Дмитрий Николаевич

Ф. Р-5807 — Консульский суд и кассационная инстанция при Российской дипломатической миссии в Константинополе

Ф. Р-5809 — Временный главный комитет Всероссийского союза городов

Ф. Р-5826 — Русский общевоинский союз (РОВС)

Ф. Р-5843 — Главное правление Общества галлиполийцев

Ф. Р-5853 — фон Лампе Александр Александрович

Ф. Р-5856 — Милуков Павел Николаевич

Ф. Р-5900 — Союз русских педагогов средней и низшей школ в Чехословацкой республике

Ф. Р-5909 — Паспортно-пропускное отделение при военном агенте в Турции

Ф. Р-5923 — Представительство Всероссийского земского союза (ВЗС) в Болгарии

Ф. Р-5942 — Отдел делегации, ведающей интересами русских эмигрантов в Югославии

Ф. Р-5982 — Главное справочное бюро

Ф. Р-6021 — Уполномоченный Российского общества Красного Креста в Турции

Ф. Р-6064 — Кружок «Совнарод», г. Варна

Ф. Р-6343 — Архирейский синод РПЦ(3) — Югославия

Ф. Р-6502 — Союз русских писателей и журналистов в Югославии

Ф. Р-6679 — Казачий союз в Париже

Ф. Р-6817 — Русский военно-морской агент в Королевстве сербов, хорватов и словенцев

Ф. Р-9116 — Управление III отдела Русского общевоинского союза в Болгарии

Ф. Р-9145 — Коллекция отдельных документов различных эмигрантских организаций

Архив внешней политики Российской империи (Москва)

Ф. 166 — Миссия в Белграде

Российский государственный военный архив (Москва)

- Ф. 461/к — Экспозитура № 2 II отдела Генерального штаба Польши, г. Варшава
 Ф. 471/к — Верховное командование Войска Польского, г. Варшава
 Ф. 1385/к — Югославские дипломатические представительства в разных странах

СЕРБИЯ И ЧЕРНОГОРИЯ

Архив Югославии (Белград)

- Двор Краљевине Југославије
 Министарски савет Краљевине Југославије
 Министарство вера Краљевине Југославије
 Министарство просвете Краљевине Југославије
 Министарство социјалне политике и народног здравља Краљевине Југославије
 Министарство трговине и индустрије Краљевине Југославије
 Министарство унутрашњих послова Краљевине Југославије
 Посланство у Лондону
 Посланство у Паризу
 Посланство у Турској
 Делегација Краљевине СХС на Конференцији мира у Паризу 1919—1920
 Збирка В. Јовановића—Марамбоа

Архив Србији (Белград)

- Руско-српски клуб 1903—1935
 Председништво Министарског савета Краљевине Србије 1918

Архив Србској Академији наук и уметности (Белград)

- Фонд Александра Белића
 Фонд Воје Маринковића
 Фонд Радослава Јовановића
 Збирка Бранка Јесејаеца
 Оставштина Стевана Бошковића

Архив Војно-историчког института (Белград)

- Главни Генералштаб Војске Краљевине Југославије
 Оперативно одељење Врховне команде Војске Краљевине Југославије

Библиотека Института современной истории (Белград)

- Руска белоэмиграција у Југославији

Народная библиотека Србији (Белград)

- Фонд Сергеја Смирнова

Исторически архив Белграда

- Јавна берза рада
 СО Земун
 Општина града Београда

Исторически архив Котора

- Исказ доласка и поласка бродова лука Котор (Мельне) 1919—1923
 Књига запрата општини Котор 1913—1929
 Лука Мельне
 Општина Котор

Архив Херцег-Нови

- Записници општинског вјећа Херцег Новог
 Интендантура ратне луке Херцег Нови
 Општина Херцегновска
 Општински суд Херцег Новог
 Црквени архив Топла

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

Архив Гуверовског института войны, революции и мира (Стэнфорд)

- Bazarevich collection
 Girs collection
 Miller collection
 Paleologue collection
 Wrangel collection

ФРАНЦИЯ

Дипломатически архив Министерства иностранных дел (Париж)

- Europe 1918—1940. Yougoslavie
 Guerre 1914—1918. Dossier général

ХОРВАТИЈА

Исторически архив Дубровника

- Дубровачка општина
 Записници сједница општинске управе града Дубровника 1918—1920
 Котарско поглаварство Дубровник
 Лучка капетанија Дубровник

ЧАСТНЫЕ КОЛЛЕКЦИИ

- Собрание А.Б. Арсеньева (Нови-Сад)
 Беляев С. Воспоминания
 Быкадоров И.А. Воспоминания
 Эристова кн. Е.С. Воспоминания: Отрывки из дневника 1930-х гг.
 Наследие семьи Кисловских (Нови-Сад)
 Кисловский С.А. Воспоминания
 Наследие семьи Ришковиц (Белград)
 Собрание Йована Качаки (Белград)

ЛИТЕРАТУРА

ОТДЕЛЬНЫЕ ИЗДАНИЯ

- Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943: Сб.: В 2 ч. М., 1994.
- Алдохова Е.И.* Социальный состав российской эмиграции в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев: (По материалам анкетного обследования 1921–1923 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1996.
- Александров С.А.* Лидер российских кадетов П.Н. Милюков в эмиграции. М., 1996.
- [Алексеев Н.] На службе у империалистов. М., 1923 / Перед загл. авт.: Сергей Б-ой.
- Арсеньев А.* У излуины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М., 1999.
- Афанасьев А.Л.* Полынь в чужих полях. М., 1987.
- Байдак А.А.* Участие белгородских улан в гражданской войне 1917–1920. Белград, 1931.
- Барсенков А.С., Вдовин А.И., Корецкий В.А.* Русский вопрос в национальной политике, XX в. М., 1993.
- Бежанците и условия труда в България. София, 1926.
- Белов В.* Белое похмелье: Русская эмиграция на распутьи. Опыт исследования психологии, настроения и бытовых условий русской эмиграции в наше время. М.; Пг., 1923.
- Белое движение: Начало и конец. М., 1990.
- Берберова Н.* Люди и ложи: Русские масоны XX столетия. Нью-Йорк, 1986.
- Богавац Т.* Становништво Београда 1918–1991. Београд, 1991.
- Богданов К.А.* Адмирал Колчак: Биографическая повесть-хроника. СПб., 1993.
- Бортневский В.Г.* Загадка смерти генерала Врангеля: Неизвестные материалы по истории русской эмиграции 1920-х годов. СПб., 1996.
- Брезник Д.* Становништво Југославије. Титоград, 1991.
- Брянский Г.* Отчет о деятельности представительства Всероссийского союза городов в Королевстве СХС за 1924 год. Б.м., 1925.
- Българо-съветски отношения и връзки: Документи и материали. София, 1977. Т. 1. Ноември 1917 — септември 1944.
- В борьбе. София, 1929.
- В защиту русского языка. Белград, 1939.
- Варшавский В.С.* Незамеченное поколение. М., 1992.
- Велика изложба руске уметности: Каталог. Белград, 1930.
- Верт Н.* История Советского государства, 1900–1991. М., 1992.
- Владимиров Л.* Возвратите их на Родину: (Жизнь врангелевцев в Галлиполи и Болгарии). М., 1924.
- Военная мысль в изгнании: Творчество русской военной эмиграции. М., 1999.
- Волкогонов Д.А.* Ленин: Политический портрет: В 2 кн. М., 1994.
- Воспоминания 500 русских детей. Прага, 1924.
- Врангель П.Н.* Записки: В 2 ч. М., 1995.
- Временник. Париж, 1927.
- Времето на жените. София, 1997.
- Гаврилова Р.* Колелото на живота: Всекидневието на българския възрожденски град. София, 1999.
- Геллер М.Ю., Некрич А.М.* Утопия у власти: История Советского Союза с 1917 года до наших дней: В 3 кн. М., 1995. Кн. 1–2.
- Гершельман Б.Р.* Парижское злодеяние и русская эмиграция. Белград, 1932.
- Гиацинтов Э.Н.* Записки белого офицера. СПб., 1992.
- Гильотен Ж.Ж.* Две моје домовине. Горњи Милановац, 1991.
- Голеевский М.* Материалы по истории гвардейской пехоты и артиллерии в гражданской войне 1917–1922. Белград, б.г. Кн. 2. Юг России, Крым, Галлиполи, Болгария.
- Гражданская война в СССР: В 2 т. М., 1980–1986.
- Григорий, епископ.* К истории русских церковных разделений за границей: Опровержение ошибок и неправд в сочинении Д. Поспеловского «The Russian Church under the Soviet regime 1917–1982». Джорданвилль, 1992.
- Грицкат-Радуловић И.* У лебдивом ходу: Сећања. Нови Сад, 1994.
- Гришина Р.П.* Возникновение фашизма в Болгарии 1919–1925 г. София, 1976.
- Гуревич А.Я.* Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993.
- Даватц В.Х.* Годы: Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926.
- Даватц В.Х., Львов Н.Н.* Русская армия на чужбине. Белград, 1923.
- Даскалов Д.* Бялата емиграция в България. София, 1997.

- Декреты Советской власти. М., 1983. Т. 11.
- Деникин А.И. Очерки русской смуты. М., 2005. Кн. 1–3.
- Дети русской эмиграции: (Книга, которую мечтали и не смогли издать изгнанники). М., 1998.
- Дети эмиграции: Воспоминания. Сб. статей. Прага, 1925.
- Дефинитивни резултати пописа становништва од 31 јануара 1921 године. Сарајево, 1932.
- Дехтерева А. С детьми эмиграции: 1920–1930 годы. Шумен, 1931.
- Дејанија Второго Всезарубежног Собора Русской Православной Церкви за границей, с участием представителей клира и мирян, состоявшегося 1(14)–11(24) августа 1938 г. в Сремских Карловцах в Югославии. Белград, 1939.
- Дејанија Русског Всезаграничног Церковног Собора, состоявшегося 8–20 ноября 1921 г. (21 ноября — 3 декабря) в Сремских Карловцах в Королевстве С.Х. и С. Сремски-Карловци, 1922.
- Бурић О. Руска литерарна Србија 1920–1941: Писци, кружоци, издања. Горњи Милановац; Београд, 1990.
- Димитрова С. «Възстановяване..., Репарации..., Гаранции...»: Франция и славянските балкански държави (септември 1918 — януари 1920). Благоевград, 1998.
- Документы внешней политики. М., 1959. Т. 3. Донской императора Александра III кадетский корпус. Мадрид, 1974.
- Дресел Г. Историческа антропология: Въведение. Благоевград, б.г.
- Думова Н.Г., Трухановский В.Г. Черчилль и Миллоков против Советской России. М., 1989.
- Духът на «Анали»: (Антология). София, 1997.
- Душа армии: Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. М., 1997.
- Евразийская перспектива: Сб. статей. М., 1994.
- Евразийские хроники. Берлин, 1925. Вып. 1–5; Париж, 1925–1927. Вып. 6–12.
- Евразийский временник. Берлин, 1923.
- Евразийский сборник. Прага, 1929.
- Ермаков Б., священник. Историческая записка о пастырско-богословском училище в монастыре Св. Кирика в Болгарии: 1922–1932. София, 1932.
- Ершов В.Ф. Российская военная эмиграция в 1921–1939 гг.: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1996.
- Живым и гордым. Белград, 1923.
- Жиромская В.Б., Киселев И.Н., Поляков Ю.А. Полвека под грифом «секретно»: Всесоюзная перепись населения 1937 г. М., 1996.
- Жуков С.К. Краткий обзор и итоги работы софийской амбулатории в 1920–1933 гг. София, 1934.
- За Россию: Программные положения и Устав Национально-Трудового Союза Нового Поколения. Белград, 1938.
- За рубежом. Белград—Париж—Оксфорд. Хроника семьи Зерновых 1921–1972 / Под ред. Н.М. и М.В. Зерновых. Париж, 1973.
- За Русь святую! Белград, 1937.
- Зернов Н.М. Закатные годы: Эпилог хроники Зерновых. Paris, 1981.
- Он же. Русское религиозное возрождение в XX веке. Париж, 1974.
- Иванов И.Б. Русский обще-воинский союз: Краткий исторический очерк. СПб., 1994.
- Извештај Сједињеног комитета Руског друштва Црвеног крста, Сверуског земског савеза и Сверуског савеза градова у Краљевини СХС. Београд, 1922.
- Именик дипломираних инжењера и архитеката на Техничком факултету Универзитета у Београду 1919–1938 / Средно В.С. Марковић. Београд, 1939.
- Иоанин, архиепископ. Русская Зарубежная Церковь. Дополнено В. Русаком. Jordanville, 1991.
- История отечества. Краткий очерк. М., 1992. Вып. 1–2.
- История российского зарубежья: Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. М., 1996.
- Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX веках: Сб. статей. М., 1997.
- Исход к Востоку: Утверждение евразийцев. София, 1921.
- Јелачић А. Русија и Балкан: Преглед политичких и културних веза Русије и балканских земаља 866–1940. Београд, 1940.
- Јовановић М. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919–1924. Београд, 1996.
- Он же. Опленена — храм светог Борђа и маузолеј Карађорђевића. Топола, 1989.
- Јонов М. Българската армия като държавна институция след Първата световна война 1919–1929. София, 1995.
- Јубиларни зборник живота и рада Срба, Хрвата и Словенаца 1918–1928. Београд, 1928–1929. Т. 1. 1928; Т. 2. 1929.
- К вопросу о Русской армии. Париж, 1921.
- Кабузан В.М. Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Фор-

- мирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996.
- Кадетские корпуса за рубежом (1920–1945). N.Y., с.а.
- Казаки за границей: 1921–1925. София, 1925.
- Казаки за границей: Декабрь 1927 — март 1928. София, 1928.
- Казаки за границей: Апрель — июнь 1928. София, 1928.
- Казаки за границей: Март 1930 — январь 1931. София, 1931.
- Казаки за границей: Февраль 1931 — февраль 1932. София, 1932.
- Казаки за границей: Март 1932 — март 1933. София, 1933.
- Казаки за границей: Март 1933 — март 1934. София, 1934.
- Казаки за границей: Апрель 1935 — октябрь 1937. София, 1937.
- Каноническое положение Русской православной церкви за границей. Париж, 1927.
- Каратеев М.Д. Белогвардейцы на Балканах: Воспоминания белого офицера. Буэнос-Айрес, 1977.
- Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. Париж, 1959. Т. 1–2.
- Качаки Ј. Руске избеглице у Краљевини СХС (Југославији): Библиографија радова 1920–1944. Покушај реконструкције. 2, доп. и прерађ. Изд. Београд, 2003.
- Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: Дополнительный выпуск. Париж, 1973.
- Он же. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Париж, 1971.
- Козлитин В.Д. Русская и украинская эмиграция в Югославии. Киев, 1998.
- Константинов Д., протоиерей. Гонимая церковь: Русская Православная Церковь в СССР. М., 1999.
- Косик В.И. Русская церковь в Югославии: (20–40-е гг. XX века). М., 2000.
- Краинский Н.В. Без будущего: Очерки по психологии революции и эмиграции. Белград, 1931.
- Краљевина Југославија: Статистички годишњак 1937. Београд, 1938. Књ. 8.
- Краљевина Југославија: Статистички годишњак 1938–1939. Београд, 1939. Књ. 9.
- Крамптън Р. Кратка история на България. София, 1994.
- Краткие сведения о Русско-болгарском культурно-благотворительном комитете. София, 1921.
- Крестный путь Русской армии генерала Врангеля: Из семейного архива Апраксиных — Котляревских / Сост. П.Г. Паламарчук. Рыбинск, 1996.
- Крестовоздвиженская школа 1920–1932: Отчет-памятка. София, 1932.
- Крюков П.И. Казаки в Чаталдже и на Лемносе в 1920–1922. Белград, 1924.
- Кудрявцев Р. Белогвардейцы за границей. М., 1932.
- Лебедев В. У земли ружа и крови / С предговором К. Тодорова. Београд, 1934.
- Левитин-Красное А., Шваров В. Очерки по истории русской церковной смуты. Париж, 1977. Т. 1–3.
- Лехович Д. Белые против красных: Судьба генерала Антона Деникина. М., 1992.
- Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940): В 2 т. М., 1997–1998.
- Лукић-Крстановић М. Срби у Канади: Живот и симболи идентитета. Београд, 1992.
- Лунченков И. За чужие грехи: (Казаки в эмиграции). М.; Л., 1925.
- Львов Н.Н. Белое движение. Белград, 1924.
- Маевский В.А. Иверская Богоматерь на Афоне, в Москве и в Белграде. Белград, 1932.
- Он же. Русские в Югославии 1920–1945 гг., Нью-Йорк, 1966.
- Мариинский Донской институт. N.Y., 1975.
- Марковић П.Ј. Београд и Европа 1918–1941: Европски утицаји на процес модернизације Београда. Београд, 1992.
- Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. Белград, 1931–1941. Вып. 1–2. 1. 1920–1930. 1931; 2. 1931–1940. 1941.
- Медаковић Д. Ephemeris I: Хроника једне породице. Београд, 1992.
- Мещеряков Н.Л. На переломе: (Из настроения белогвардейской эмиграции). М., 1922.
- Миланковић Ј.Д. Успомене из Сибира 1918–1919 и пут океаном у домовину 1920. Београд, 1926.
- Миленковић Т. Калмици у Србији 1920–1944. Београд, 1998.
- Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1994. Т. 1–3.
- Миљуков П., Сењобос Ш., Езенман Л. Историја Русије. Београд, 1939.
- Мирский Н. За кулисами Чекы: Из архивов Советской миссии Красного креста в Болгарии. Документы чрезвычайки. София, 1923.
- Митровић А. Време нетрпеливих: Политичка историја великих држава Европе 1919–1939. Београд, 1974.
- Митрофанов Г., священник. Православная церковь в России и в эмиграции в 1920-е годы. СПб., 1995.
- Мухачев Ю.В. Идеино-политическое банкрот-

- ство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982.
- На путях. Берлин, 1922.
- На службе России: Народно-Трудовой Союз. Frankfurt a.M., 1978.
- Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992. Т. 1.
- Нансен-Хейер Л. Книга об отце. Л., 1986.
- Наумов В.П. Летопись героической борьбы: Советская историография гражданской войны и империалистической интервенции в СССР. М., 1972.
- Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала — середины 1920-х гг. М., 2000. Ч. 1.
- Незабытые могилы: Российское зарубежье: Некрологи 1917—2001: В 6 т. / Сост. В.Н. Чуваков. М., 1999—2005. Т. 1—6.
- Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. М., 1990.
- Николов Ц. Дейността на БКП в защита на Съветска Русия. София, 1960.
- Никон, архиепископ. Жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Нью-Йорк, 1960. Т. 5—7.
- Он же. Краткое жизнеописание блаженнейшего Антония, Митрополита Киевского и Галицкого. Белград, 1935.
- Окорочков А.В. Молодежные организации русской эмиграции (1920—1945). М., 2000.
- Окунцов И.К. История русской эмиграции в Северной и Южной Америках. Буэнос-Айрес, 1967 (http://www.wrconsulting.com/History/19_1.htm).
- Отечественная история XX век: Атлас. М., 1996.
- Очерк деятельности Всероссийского земского союза за границей (апрель 1920 — 1 января 1922). София, 1922.
- Павлов Б.Л. Русская колония в Великом Бечкереке (Петровграде-Зренянине). Зрењанин, 1994.
- Пайпс Р. Русская революция. М., 1994. Ч. 1—2.
- Палеолог С.Н. Около власти: Очерки пережитого. С приложением архивных документов. М., 2004.
- Памятка Русского Сокола. Белград, 1934.
- Пастырь добрый: Сб. статей, посвященных памяти протопресвитера Петра Беловидова в связи с XX-летием существования русской церкви в Белграде. Белград, 1942.
- I русско-сербская гимназия. Памятка. Белград 1920—1944. N.Y., 1986.
- Первый Русский Великого князя Константина Константиновича кадетский корпус. Белая Церковь 1920—1944. Седьмая кадетская памятка: Юбилейная 1920—1995. Нью-Йорк, 1997.
- Перенесение праха генерала Врангеля в Белград 6 октября 1929 г. Белград, 1929.
- Петковић С. Српски женски манастир Кувежин. Сремски Карловци, 1930.
- Пио-Ульский Г.Н. Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. Белград, 1939.
- Поликарпов В.С. История нравов в России: Восток или Запад? Ростов-на-Дону, 1995.
- Политическая история русской эмиграции 1920—1940 гг.: Документы и материалы. М., 1999.
- Положение о русских гимназиях Всероссийского союза городов и Земско-городского комитета в Болгарии. София, 1925.
- Польский М. Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей. Париж, 1959.
- Поляков Ю.А. Гражданская война: Взгляд сквозь годы. Уфа, 1994.
- Он же. Советская страна после окончания гражданской войны: Территория и население. М., 1986.
- Поповић Н. Односи Србије и Русије у Првом светском рату. Београд, 1977.
- Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. М., 1995.
- Правила руске кредитне задруге са ограниченим јемством. Београд, 1927.
- Проблемы изучения российского зарубежья. М., 1993.
- Проблемы отечественной истории XX века: Сб. статей. М., 1997.
- Прянишников Б.В. Незримая паутина: ВЧК — ОГПУ — НКВД против белой эмиграции. 2-е изд. СПб., 1993.
- Он же. Новопоколенцы. Silver Spring, 1986.
- Путь моей жизни: Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной. М., 1994.
- Работа там. София, 1934.
- Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919—1939. М., 1994.
- Ратиев А.Л. То, что сохранила мне память. София, 1999.
- Раух Г.К. История Советской России. Нью-Йорк, 1962.
- Родзянко М. Правда о Зарубежной Церкви. Мюнхен, 1954.
- Роль русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры: Тезисы докладов. М., 1993.
- Росс Н. Врангель в Крыму. Frankfurt a/M, 1982.
- Российская военная эмиграция в 1920—30-е

- годы / *Бегидов А.М., Ершов В.Ф., Парфенова Е.Б. и др.* Нальчик, 1998.
- Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов (гражданские беженцы, армия, учебные заведения): Учебное пособие для студентов / *Пивовар Е.И., Герасимова Н.П., Голотик С.И. и др.* М., 1994.
- Россия в изгнании: Судьбы российских эмигрантов за рубежом / *Алдюхова Е.И., Бегидов А.М., Владимирская Т.Л. и др.* М., 1999.
- Россия и латинство. Берлин, 1923.
- Россия, 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995.
- Россия: Энциклопедический словарь. Л., 1991.
- Руска емиграција у Југославији: (Полицијски елаборат). Билећа, 1953.
- Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. Београд, 1994. Т. 1–2.
- Русская армия в изгнании 1920–1923. Б. м., 6. г.
- Русская военная эмиграция 20–40-х годов: Документы и материалы. М., 1998. Т. 1. Кн. 1–2; 2001. Т. 2; 2002. Т. 3.
- Русская молодежь в высшей школе за границей: Деятельность Центрального Комитета по обеспечению высшего образования русскому юношеству за границей. 1922–23 — 1931–32 учебные годы. Париж, 1933.
- Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами: Результаты и перспективы исследований. Сб. докладов. Прага, 1993.
- Русская эмиграция в Европе: 20–30-е годы XX века. М., 1996.
- Русская эмиграция в Югославии. М., 1996.
- Русские в Болгарии. София, 1999.
- Русские в Галлиполи 1920–1921. Берлин, 1923.
- Русский народный университет в Белграде: Отчет за 1925 учебный год. Белград, 6. г.
- Русский учитель в эмиграции. Прага, 1926.
- Русско-болгарский культурно-благотворительный комитет 1920–1925. София, 1925.
- Русское зарубежье: Государственно-патриотическая и военная мысль. М., 1994.
- Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997.
- Рутыч Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России: Материалы к истории Белого движения. М., 1997.
- Северюхин Д.Я., Лейкинд О.Л.* Художники русской эмиграции (1917–1941): Биографический словарь. СПб., 1994.
- Серапионова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995.
- Соболевский В.* Второй Смольный в Кикинде. (Рукопись).
- Советское общество: Возникновение, развитие, финал. М., 1997. Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира.
- Советские представители русских беженских организаций Болгарии в Софии 1–12 августа 1921. Б. м., 6. г.
- Советские представители русских учебных заведений в Болгарии 12–14 ноября 1924. Прага, 1925.
- Солонский А.А.* Поликлиника Российского Общества Красного Креста стационарной организации в Белграде, 1920–1940. Нови-Сад, 1940.
- Сонищева Н.Е.* На чужом берегу. М., 1991.
- Союз возвращения на Родину. София, 1923.
- Спасов Л.* Врангеловата армия в България 1919–1923. София, 1999.
- Статистически годишник на Българското Царство: 1913–1922. София, 1924. Години 5–14.
- Статистически годишник на Царство България. София, 1931. Г. 23.
- Статистически годишник на Царство България. София, 1940. Г. 32.
- Статистические данные о русских беженцах в Варне и ее районе (1919–1922). Варна, 1922.
- Стенографске белешке Народне скупштине Краљевине СХС: Редован сазив за 1921/22. годину. Од 1 претходног до 38 редовног састанка. Београд, 1922.
- Стенографске белешке Народне скупштине Краљевине СХС: Редован сазив за 1923–1924. Београд, 1924. Књ. 1. Од 1 претходног до 42 редовног састанка.
- Стенографске белешке Уставотворне скупштине Краљевине СХС. Београд, 1921. Књ. 1. Од 1 претходног до 37 редовног састанка.
- Стефан Дж.* Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции 1925–1940. М., 1992.
- Стефанов П., иеромонах.* История на Руската православна църква през XX век. Шумен, 1997.
- Стратонов И.* Русская церковная смута 1921–1931. Берлин, 1932.
- Струве Г.П.* Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. 3-е изд. М., 1996.
- Таубер Л.Я.* Лига Наций и юридический статус русских беженцев. Белград, 1933.
- Тесемников В.А.* Из истории русской эмиграции в Югославии (1919–1945) (рукопись).

- Тодоров К. Изповедта на една луда балканска глава. София, 1994.
- Тридцатые годы. Париж, 1931.
- Трифонов С. История на България 1878—1944. София, 6. г.
- Троцкий С. В. Митрополит Сергей и примирение русской диаспоры. Сремски Карловци, 1937.
- Он же. О неправде карловацкого раскола: Разбор книги прот. М. Польского «Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей». Париж, 1960.
- Он же. Размежевание или раскол. Париж, 1932.
- Он же. Церковная смута и деволуционное право. Р., с. а.
- Троцкий Л. Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. М., 1991.
- Трубецкой Н. Европа и человечество. София, 1920.
- Универзитет у Београду: Зборник радова. Београд, 1988.
- Устав союза взаимопомощи русских в Болгарии. Пловдив, 1934.
- Ушаков А. И. История Гражданской войны в литературе русского зарубежья: Опыт изучения. М., 1993.
- Федоров Г. Путешествие без сантиментов (Крым, Галлиполи, Стамбул): Воспоминания беженца. Л.; М., 1926.
- Федюк В. П. Белые: Антибольшевистское движение на юге России 1917—1918 гг. М., 1996.
- Фельштинский Ю. Г. К истории нашей закрытости: Законодательные основы советской иммиграционной политики. М., 1991.
- Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж, 1937.
- Харьковский институт 1812—1932: Памятка. N.Y., 1983.
- Чему свидетели мы были...: Переписка бывших царских дипломатов, 1934—1940. Сб. документов в 2 кн. М., 1998.
- Черкашин Н. А. Звезда Колчака: Размышления над старыми фотографиями. М., 1993
- Чернявский Г. И., Даскалов Д. Борбата на БКП против врангелисткия заговор. София, 1964.
- Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. 3-е изд. М., 1987.
- Шульгин В. В. Дни — 1920. М., 1990.
- Antropologija danas. Beograd, 1972.
- Arijes F. Eseji o istoriji smrti na Zapadu: Od srednjeg veka do naših dana, Beograd 1989.
- Ibid. Vekovi detinjstva. Beograd, 1989.
- Avramovski Ž. Britanci o Kraljevini Jugoslaviji: Godišnji izveštaji Britanskog poslanstva u Beogradu 1921—1938. Beograd; Zagreb, 1986. T. 1: (1921—1930).
- Bernachot J. Le corps d'occupation de Constantinople. P., 1972.
- Boffa G. Povijest Sovjetskog Saveza. Opatija, 1985. Knj. 1. Od revolucije do Drugoga svjetskog rata: Lenjin i Staljin 1917—1941.
- Bradley J. Civil war in Russia 1917—1920. London; Sidney, 1975.
- Bugarski R. Jezik u društvu. Beograd, 1986.
- Castles S., Miller M. J. The age of migrations: International population movements in the modern world. L., 1993.
- Citizenship, nationality and migration in Europe. L., 1996.
- Commemorations: The politics of national identity. Princeton, 1994.
- Curtiss J. The Russian Church and the Soviet State 1917—1950. Boston, 1953.
- Davidović M. J. Druga generacija jugoslovenskih ekonomskih emigranata u zemljama Zapadne Evrope: Sociološka analiza. Beograd, 1998.
- Deleon J. The White Russians in Istanbul. Istanbul, 1995.
- DeMause L. Childhood and history (http://members.xoom.com/_XMCM/childhistory/childhood/chindex.htm).
- Dervichevitch Ch. Evolution de Belgrade: Étude géographique, climatologique, historique et urbanistique. P., 1939.
- Eistenstadt S. N. The absorption of immigrants. L., 1954.
- Fedorov N. Ruska emigracija: Historija, suština, rad, značenje. Zagreb, 1939.
- Fletcher W. The Russian Orthodox 1917—1970. L., 1971.
- Gakovich R. P. Russian emigrees in Jugoslavia between two world wars. Madison, 1963.
- Galitzi C. A study of assimilation among the romanians in the United States. N.Y., 1957.
- Gidens E. Sociologija. Podgorica, 1998.
- Gould J., Kolb W. L. A dictionary of the social sciences. Glencoe, 1964.
- Der große Exodus: Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. München, 1994.
- Gurvitch G. Sociologija. Zagreb, 1966. T. 1.

- Halafoff I.V.* An autobiographical sketch. Melbourne, 1988.
- Hecker J.F.* Religion under the Soviets. N.Y., 1927.
- Huntington W.C.* The homestick million: Russia-out-of-Russia. Boston, 1933.
- Izbeglice: Međunarodna zaštita, pravni položaj i životni problemi izbeglica, prognanika i raseljenih lica. Beograd, 1998.
- Jelačić A.* Ruska revolucija. Zagreb, 1925;
- Johnston R.H.* New Mecca, new Babylon: Paris and the Russian exiles 1920–1945. Kingston; Montreal, 1988.
- Jugoslavija 1918–1988: Statistički godišnjak. Beograd, 1989.
- Karolyi M.* Vjera bez iluzija: Memoari «Crvenoga grofa». Zagreb, 1982.
- Katchaki J.N.* Bibliography of Russian refugees in the Kingdom of S.H.S (Yugoslavia) 1920–1945. Arnhem, 1991.
- Krizman B.* Vanjska politika jugoslavenske države 1918–1941: Diplomatsko-historijski pregled. Zagreb, 1975.
- Kulisher E.* Europe on the move: War and population changes 1917–1947. N.Y., 1948.
- Lakićević-Pavićević V.* Ilustrovana štampa za decu kod Srba. Beograd, 1994.
- Marrus M.R.* The unwanted-European refugees. N.Y., 1985.
- Milanović O.* Vladimir Žedrinški: Scenograf i kostimograf. Beograd, 1987.
- Obolensky V.* Russians in exile: The history of a diaspora (<http://www.geocities.com/SoHo/Studios/5254/dias1-13.html>).
- Ossorguine-Bakounine T.* L'Émigration russe en Europe: Catalogue collectif des périodiques russe (en langue russe) 1855–1940. P., 1976.
- Pavlowitch S.K.* A history of the Balkans 1804–1945. L.; N.Y., 1999.
- Petranović B.* Istorija Jugoslavije 1918–1988. Beograd, 1988. T. 1: Kraljevina Jugoslavija 1914–1941.
- Pospelovsky D.* The Russian Church under the Soviet regime 1917–1982. N.Y., 1984.
- Povijest rada: Od starog Egipta do danas / *Eggebrecht A., Flemming J., von Müller A. e.a.* Zagreb, 1987.
- Primorac M.* Strani radnici: Sociološki aspekti privremene ekonomske emigracije. Beograd, 1980.
- Prof. Hickmann's geographisch-statistischer universal Atlas — 1921. Wien, 1921.
- Psihologija izbeglištva. Beograd, 1997.
- Refugees. N.Y., 1953.
- Refugees and the League. L., 1935.
- Réfugiés arméniens et russes. Genève, 1927.
- The refugees: Information section. Geneva, 1938.
- Refugees: Showing the causes, the facts, the administrative and economic difficulties. Philadelphia, 1939.
- von Rimscha H.* Der russische Bürgerkrieg und die russische Emigration 1917–1921. Jena, 1924.
- Ibid.* Russland jenseits der Grenzen 1921–1926: Ein Beitrag zur russischen Nachkriegsgeschichte. Jena, 1927.
- Rot N.* Psihologija grupa: Prvenstveno malih grupa i organizacija. Beograd, 1988.
- Šatava L.* Národnostní menšiny v Evropě: Encyklopedická příručka. Praha, 1994.
- Siede G.* Geschichte der russischen orthodoxen Kirche im Ausland von der Grundung bis in die Gegenwart. Wiesbaden, 1983.
- Simpson J.H.* The refugee problem: Report of a survey. Oxford, 1939.
- Ibid.* The refugee question. Oxford, 1939.
- Sociologija. Zagreb, 1966. Sv. I.
- Sociološki leksikon. Beograd, 1982.
- The sorrowful path — the glorious path: Important dates in the history of the Russian church abroad (www.rocor.org/history/sorrowful_path.html).
- Spinka M.* The Church and the Russian revolution. N.Y., 1927.
- Stjuart Dž.* Teorija kulturne promene: Metodologija višelinjske evolucije. Beograd, 1981.
- Šukuljević-Marković K.* Nina Kirsanova: Primabalerina, koreograf i pedagog. Beograd, 1999.
- Vlachos E.C.* The assimilation of Greeks in the United States. Athens, 1968.
- Vlajković J.* Životne krize i njihovo prevazilaženje. Beograd, 1992.
- Williams B.* The Russian revolution 1917–1921. N.Y., 1987.
- Williams R.C.* Culture in exile: Russian emigres in Germany 1881–1941. L., 1972.
- Wrangel A.* General Wrangel: Russia's white crusader. N.Y., 1987.
- Zapantis A.L.* Greek-Soviet relations 1917–1941. N.Y., 1982.
- Zernov N.* The Russian religious renaissance of the twentieth century. L., 1963.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ

- Абданк-Коссовский В.* Русское Белое воинство в изгнании // Наши вести. N.Y., 1984. № 3.
- Аксенова Е.П.* Из переписки Г.В. Вернадского и А.В. Флоровского // Славяноведение М., 1994. № 4. С. 92–101.
- Она же.* Русские ученые-эмигранты первой волны в Югославии (по материалам архива А.В. Флоровского) // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 148–166.
- Алексеева Л.* Воспоминания о Белграде // Русский альманах. Париж, 1981.
- Арсеньев А.Б.* Культурные организации русской интеллигенции в Югославии 1920–1944 // Русская культура XX века: Метрополия и диаспора. (Блоковский сборник. XIII). Tartu, 1996. С. 309–334.
- Он же.* Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996.
- Он же.* Русский православный приход в Новом Саду 1922–55 // Православная Русь. Jordanville, 1998. 14 сентября. № 17 / 1914. С. 5–8.
- Арсенев А.* Подвизи и край храброг генерала // Наше слово: Српско-руски магазин. 1998. № 2/3. С. 16.
- Он же.* «Показаћемо да и овде, далеко иза граница отацбине живи моћ стварања...»: Руски уметници у Краљевини Југославији // Сборник Матице Српске за сценске уметности и музику. Нови Сад, 1995. 36. 15.
- Он же.* Ракигин међу руским емигрантима // Сборник Матице Српске за сценске уметности и музику. Нови Сад, 1995. Књ. 16/17.
- Он же.* Руска интеллигенција у Војводини: Културни, просветни и привредни оквири делатности // Руска емиграција у српској култури XX века: Сборник радова. Београд, 1994. Књ. 1.
- Байдалаков В.М.* Новое поколение // За Россию. Париж, 1932. Ноябрь. № 9.
- Бальмонт К.* Слава славянам // Славянский глас. София, 1926. Кн. 1/2.
- Бартош М.* Доказивање односа руских избеглица // Архив за правне и друштвене науке. Београд, 1930. Књ. 5. С. 372–379.
- Беленский И.Л.* Библиография «Русское зарубежье» // Россия и зарубежный мир. М., 1998. Вып. 3–4.
- Беловидов П., прот.* О начале гимназии // I Русско-сербская гимназия: Памятка. Белград 1920–1944. N.Y., 1986.
- Бем А.Л.* Наблюдения и выводы // Дети эмиграции: Воспоминания. Сб. статей. Прага, 1925.
- Бобчев С.С.* Ние и руското бежанче // Бежанче. София, 1921. Бр. 1. С. 3.
- Богдановић Ж.* Руси су дошли, или По ведром дану можете видети вечност // Руска емиграција у српској култури XX века: Сборник радова. Београд, 1994. Књ. 2. С. 70–76.
- Богословский А.В.* Русские инженеры в Югославии // Часовой. Bruxelles, 1939. 5 июня. № 236/237. С. 38.
- Божовић З.* Допринос художественика афирмацији чеховљеве драме у Србији // Руска емиграција у српској култури XX века: Сборник радова. Београд, 1994. Књ. 2.
- Бочарова З.С.* Документы о правовом положении русской эмиграции 1920–30-х годов // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX веках: Сб. статей. М., 1997.
- Број руских избеглица // Политика.* Београд, 1921. 18 апр.
- Бунин И.А.* Миссия русской эмиграции: (Речь, произнесенная в Париже 16 февраля <1924 г.> // Собр. соч. М., 2000. Т. 8. С. 409–419.
- Быстрова О.В.* «Новое время» // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). М., 1997. Т. 2. Ч. 2. С. 86–91.
- В Болгарии: Второй слет в Софии // Сокольская газета.* Вране, 1939. Июнь — июль. № 57/58.
- В Греции // Зарницы.* Константинополь, 1921. 20 марта. № 3. С. 19.
- В Румынии // Там же.* 20 февраля. № 2. С. 13.
- В Салониках // Зарницы.* Константинополь, 1921. 20 февраля. № 2. С. 13.
- В Союзе ревнителеев чистоты русского языка // Русский голос.* Белград, 1936. 13 декабря. № 297. С. 4. Подп.: Ревнитель.
- Валентинов А.А.* Крымская эпопея: (По дневникам участников и по документам) // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 5–100.
- Велева М.* Из архивного наследство на П.М. Бицили // Болгарский ежегодник. Харьков; София, 1996. Т. 2.
- Воробьев Н.* Донские кадеты в английской школе в Буюк-Дере // Кадетские корпуса за рубежом. Нью-Йорк, б. г.
- Вујовић Б.* Улога руских уметника у развоју ликовне културе у Србији // Руска емиграција у српској култури XX века: Сборник радова. Београд, 1994. Књ. 2. С. 53–61.
- Вурберг // Часовой.* Bruxelles, 1939. 5 июня. № 236–237. С. 35.
- Георгиевский М.А.* Вопросы программы // За Россию. Париж, 1933. 16 июня.

- Он же.* Сущность спора // Там же. 1932. Май. № 3.
- Гетманенко О.Д., Юшко А.А.* Черная белая гвардия // Военно-исторический журнал. М., 1989. № 11. С. 41–50.
- Глигорџевић Б.* Руска православна црква у Југославији између два рата // Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Београд, 1994. Књ. 1.
- Горски В.* Руски студент у емиграцији // Nova Евгора. Zagreb, 1921. Кпј. 2. Sv. 11. 1 стр.
- Горьянов А.Н.* Из забытых «мелочей» журнала «Славянски глас» (1919–1933) // Славяноведение. М., 1992. № 4. С. 56–67.
- Он же.* Культурно-просветительные организации русских эмигрантов в Болгарии (до начала 30-х годов XX века) // Славяноведение. М., 1994. № 4.
- Губици савезника у светском рату 1914–1918 године // Ратник. Београд. 1926. № 11. С. 117–132.
- Даватиц В.Х.* Галлиполи: Отрывки из дневника // Вестник Главного правления Общества галлиполийцев. Белград, 1924. С. 87–110.
- Он же.* Русская школа и наука // Часовой. Bruxelles, 1939. 5 июня. № 236–237. С. 19–21.
- Даскалов Д.* Борбата на българския народ под ръководството на БКП против заговора на Врангел през 1922 г. // Военноисторически сборник. София, 1956. Т. 2. С. 38–81.
- Он же.* Бялата емиграция в България между двете световни войни // Военно исторически сборник. София, 1994. Т. 1.
- Он же.* Издательская деятельность русской эмиграции в Болгарии // Славяноведение. М., 1996. № 5.
- Денежные знаки революции и гражданской войны // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 8. С. 183–199.
- Дертлиева А. Н.О.* Масалитинов (1880–1961): «Бих искал да работа и да творя докато дишам» // Родина. София, 1997. Кн. 3/4. С. 185–205.
- Джигиты в Югославии // Вольное казачество. Прага, 1932. № 103. С. 23–25.
- Димитријевић С.* Из старог Лесковца // Наша реч. Лесковац, 1998. 13 јан. С. 12.
- Димий Љ.* Руско школство у Краљевини Југославији 1918–1941 // Руска емиграција у српској култури XX века. Београд, 1994. С. 38–50. 36. 1.
- Далматова Г.* А мы виновны без вины: Русские югославские поэты // Новый мир. М., 1991. № 9. С. 156–163.
- Дамнин И.В.* Русское военное зарубежье: Дела, люди и мысли (20–30-е годы) // Вопросы истории. М., 1995. № 11/12. С. 109–120.
- Донские страницы за рубежом // Иллюстрированная Россия. Париж, 1932. 8 октября. № 41/387. Подп.: Н.М.
- Друзья армии. С.Н. Палеолог // Вестник Главного правления Общества галлиполийцев. Белград, 1924. С. 76–78.
- Дубова Л.Л.* Из истории русской театральной культуры в Болгарии в 20–30-х годах // Болгарский ежегодник. Харьков; София, 1996. Т. 2.
- Евгеније Спекторски // Годишњак Српске краљевске академије. Београд, 1933. Т. 42. С. 230–239.
- Евразийство (формулировка 1927 г.) // Политическая история русской эмиграции 1920–1940 гг.: Документы и материалы. М., 1999. С. 260–272.
- Ершов В.Ф.* Адаптация российской военной эмиграции в странах размещения в 1920-е годы // История российского зарубежья: Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. М., 1996. С. 84–92.
- Он же.* Белоземмигрантские концепции восстановления российской государственности // Кентавр. М., 1995. № 4. С. 56–70.
- Жуков Ј.* Конгрес руских књижевника и новинара // Мисао. Београд, 1928. Књ. 28. Св. 3/4. С. 252–254.
- Жуков Е.* Результаты «ленинизма» // Вестник Главного правления Общества галлиполийцев. Белград, 1924.
- Заболотный В.* Эвакуация киевлян из Одессы в 1920 году // Кадетская переключка. Нью-Йорк, 1973. № 7. С. 28–30.
- Захаров Е.* Живот девет хиљада Руса у Београду // Београдске општинске новине. 1930. № 1. С. 80–83.
- Зеньковский В.В.* Детская душа в наши дни // Дети эмиграции: Воспоминания. Сб. статей. Прага, 1925.
- Зернов Н.М.* Юрисдикционные споры в Русской Церкви в эмиграции и I всезарубежный собор в Карловцах в 1921 году // Вестник русского христианского движения. Париж, 1974. № 114.
- Иванцов Д.Н.* Русские беженцы в Югославии в 1921 году // Русский экономический сборник. Прага, 1925. Вып. 2.
- Иннокентий, игумен.* Русский храм в Софии // Славяноведение. М., 1994. № 4. С. 64–66.
- Ипполитов С.С., Карпенко С.В., Пивовар Е.И.* Российская эмиграция в Константинополе

- в начале 20-х годов: (Численность, материальное положение, репатриация) // Отечественная история. М., 1993. № 5.
- История с привидением // Кадетская перекличка. Нью-Йорк, 1973. № 7. С. 35–37.
- Јелачић А. Руска емиграција у Југославији // Nova Evropa. Zagreb, 1930. 16 trav. Knj. 21. Bg. 4. S. 241–244.
- Јовановић Љ. Руси у нас // Нови живот. Београд, 1921. Књ. 6.
- Јовановић М. Изложба руске уметности у Београду 1930. године // Зборник Народног музеја. Београд, 1990. Књ. 14. Св. 2. С. 153–161.
- Он же. Јелена Пољакова на београдској балетској сцени // Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Београд, 1994. Књ. 2. С. 179–186.
- Он же. О једној забуни у нашој историографији, или Ко је В. Лебедев? // Зборник филозофског факултета. Сер. А, Историјске науке. Књ. 18: Споменица Радована Самарцића. Београд, 1994. С. 337–354.
- Он же. Прогнана елита: Социјална структура руске избегличке колоније у Краљевини СХС // Годишњак за друштвену историју. Београд, 1995. Књ. 2. Св. 3. С. 297–321.
- Он же. Русија у егзилу: Оквири, домети и начелни проблеми истраживања // Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Београд, 1994. Т. 1. С. 22–37.
- Он же. Руски емигранти професори на факултетима и школама у Србији 1920–1940 // Руски емигранти: Професори на Универзитету и у школама Србије. Каталог изложбе. Београд, 1993.
- Јованович М. Чехословачка и Југославија на карте Зарубежне Русије (у првој половини 20-х гг. XX в.) // Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами: Результаты и перспективы исследований: Сборник докладов. Прага, 1995. С. 675–684.
- Кадичевић А. Изложбе руских архитеката у Београду између два светска рата // Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Београд, 1994. Књ. 1. С. 293–300.
- Он же. Прилог проучавању дела архитекте Николе Краснова у Југославији (1922–1939) // Саопштења. Београд, 1994. Т. 26. С. 181–192.
- Казем-Бек А.Л. Первые итоги // Молодая Россия: Сборник младороссов. Париж, 1928. С. 7–22.
- Он же. Прошлое и настоящее парижского раскола // Журнал Московской Патриархии. 1969. № 4.
- Казнина О.А. Н.С. Трубецкой и кризис евразийства // Славяноведение. М., 1995. № 4. С. 89–95.
- Калмыцкая колония в Белграде // Альманах «Русская эмиграция 1920–1931». Белград, 1931. Вып. 2. С. 65–67.
- Карпов Б. Русские воинские организации в Югославии // Часовой. Bruxelles, 1939. 5 июля. № 236/237.
- Кастратовић-Ристић В. Руски професори на Београдском универзитету 1919–1925 // Идеје и покрети на Београдском универзитету од оснивања до данас. Београд, 1989. Књ. 2. С. 51–55.
- Кёсева Ц. Русские эмигрантские организации в Болгарии // Русские в Болгарии. София, 1999. С. 45–68.
- Клисић Ј. Медицински факултет у Београду // Српски архив за целокупно лекарство. Београд, 1922. Св. 2/3.
- Козлитин В.Д. Общественная жизнь русских и украинских эмигрантов в Югославии (1920–1930-е годы) // Славяноведение. М., 1996. № 5. С. 30–42.
- Он же. Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (1919–1923) // Там же. 1992. № 4. С. 7–19.
- Козьякин Н. Наше поколение // Кадетская перекличка. Нью-Йорк, 1980. № 25.
- Калосова В.О. Мысли о вере пассажиров «филозофского корабля» // Русская эмиграция в Европе: 20–30-е годы XX века. М., 1996. С. 102–116.
- Калосова В.О. Русские эмигранты о христианских добродетелях // Там же. С. 117–128.
- Комментарии Зернова // Вестник Русского Христианского Движения. Париж, 1975. № 116. С. 152–153.
- Коренчевский В.Г. Доклад профессора В.Г. Коренчевского IV Съезду представителей русских академических организаций за границей // Деловое объединение русской эмиграции. Прага, 1928.
- Косик В.И. Из истории начала российской эмиграции // Славяноведение. М., 1992. № 4. С. 3–6.
- Он же. Русская церковь в Югославии 1921–1939 годы // Там же. 1996. № 6.
- Он же. Русская Югославия: Фрагменты истории 1919–1944 // Там же. 1992. № 4. С. 20–32.
- Кошутий Р. Извештај о ревизији руских кадетских корпуса који је поднео господину Министру просвете министарски изасланик, професор Београдског универзитета,

- Радован Кошутић // Просветни гласник. Београд, 1922. Књ. I. Св. 7/8.
- Красильников А. Русско-Югославянская Лига // Россия и славянство. Париж, 1931. 26 дек.
- Краснов В. М. Из воспоминаний о 1917–20 гг. // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 11. С. 106–166.
- Кръстева Ю. Времето на жените // Времето на жените. София, 1997.
- Крымский кадетский корпус // Кадетские корпуса за рубежом (1920–1945). N.Y., s.a.
- Кускова К. Судбина руске емиграције // Nova Evropa. Zagreb, 1930. 16 trav. Knj. 21. Br. 4. S. 236–241.
- Лаверов С. Б. Гумилев и Евразийство // Гумилев Л. Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 7–19.
- Лазарев Б. П. Армия генерала Врангеля // Военная мысль и революция. М., 1922. Кн. 3. С. 103–114.
- Латинчић О. Будистички храм у Београду // Архивски преглед. Београд, 1986. Св. 1/2. С. 212–214.
- Латинчић О., Ракочевич Б. Архитекта Валериј Владимирович Сташевски: Живот и стваралаштво у Београду 1920–1944 // Архитекта Валериј Владимирович Сташевски: Живот и стваралаштво у Београду, 1920–1944: Каталог изложбе. Београд, 1999. С. 2–4.
- Лашков С. И. Военно-учебное дело // Часовой. Bruxelles, 1939. 5 июля. № 236–237. С. 21–25.
- Лебедев В. Поред колевке једног фашизма: (Руски фашизам — оруђе нове политике Јапана) // Руски архив. Београд, 1936. Br. 38/39. С. 112–134.
- Ленин В. И. Дополнения к проекту вводного закона к Уголовному кодексу РСФСР и письма Д. И. Курскому // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. С. 189–191.
- Он же. Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих, 27 марта 1921 г. // Там же. Т. 43. С. 130–144.
- Он же. III конгресс Коммунистического Интернационала: Тезисы доклада о тактике РКП // Там же. Т. 44. С. 30–55.
- Лукишић И. Руска емигрантска периодика у Југославији између два рата // Прилози за историју српске књижевне периодике: Споменица Драгиши Витошевићу. Нови Сад; Београд, 1990. С. 223–238.
- Майбородов В. С французами // Архив русской революции. Берлин, 1925. Т. 16. С. 100–161.
- Макљецов А. Руска емиграција: Факта и мисли // Nova Evropa. Zagreb, 1922. 11 stud. Knj. 6. Br. 8. S. 238–243.
- Маликовић Д. Насељавање руских емиграната на територијама Краљевине СХС током 1920 и 1921 године // Гласник Баштина. Приштина, 1993. Св. 4. С. 91–105.
- Малинин И. М. 1920–1930 гг. // I Русско-сербская гимназия: Памятка. Белград, 1920–1944. N.Y., 1986.
- Манакин В. Руси у Краљевини // Алманах Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Загреб, 1922. Св. 1: 1921–1922.
- Марковић О., Чолић Д. Александар Черепов и «Руско драмско позориште за народ» // Там же. С. 129–137.
- Марјановић П. Контроверзе редитеља Јурија Љвовича Ракитина // Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Београд, 1994. Књ. 2. С. 115–118.
- Марковић П. Европски утицаји на Београдски универзитет између два светска рата // Идеје и покрети на Београдском универзитету од оснивања до данас. Београд, 1989. Књ. 1. С. 181–191.
- Мартинов З. А. Последние галлиполийцы // Вестник Главного правления Общества галлиполийцев. Белград, 1924.
- Межински Ј. Дела руских уметника у београдским приватним збиркама // Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Београд, 1994. Књ. 2.
- Мережковский Д. Первое письмо. О мудром жале // Новый дом. Париж, 1926. № 2.
- Милановић О. Допринос руских уметника развоју сценографије код Срба // Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Београд, 1994. Књ. 2. С. 92–103.
- Миленковић Т. Калмици у Београду од 1921–1941 године // Годишњак града Београда, 1998. Књ. 42. С. 149–152.
- Он же. Руски инжењери-емигранти у Србији 1919–1944 године // ПИНУС. Записи. Београд, 1995. Br. 2. С. 64–65.
- Милић А. Породица и друга генерација миграната // Марксистичка мисао. Београд, 1985. № 5.
- Милвановић М. Архитекта Григорије И. Самојлов // Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. Београд, 1994. Књ. 1. С. 293–300.
- Митев Ђ. Борбата на Българската комунистическа партия против белогвардейците и в защита на светската страна (1919–1923 г.) // Исторически студии. София, 1963. С. 70–170.
- Митковић. Трећа скупштина Лиге народа // Nova Evropa. Zagreb, 1922. 11 stud. Knj. 6. Br. 8. S. 244–252.
- Митропан П. Након десет година: Из успомена

- једног руског педагога у Југославији // Ibid., 1930. 16 trav. Knj. 21. Br. 4. S. 244–247.
- Мосусова Н.** Руска уметничка емиграција и музичко позориште у Југославији између два светска рата // Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Београд, 1994. Књ. 2. С. 139–149.
- Наше руске избеглице** // Nova Evropa. Zagreb, 1922. 11 stud. Knj. 6. Br. 8. S. 233–238. Подп.: К. и М.
- Некљудов В., протоиерей.** Пастырь добрый // Пастырь добрый: Сб. статей, посвященных памяти протопресвитера Петра Беловидова в связи с XX-летием существования русской церкви в Белграде. Белград, 1942.
- Он же.** Церковная жизнь русских в Югославии // Часовой. Bruxelles, 1939. 5 июня. № 236/237. С. 10.
- Никифоров К.В.** Русский Белград: К вопросу о деятельности русских архитекторов — эмигрантов // Славяноведение. М., 1992. № 4. С. 33–44.
- Николаев Д.Д.** «Зарницы» // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). М., 1998. Т. 2. Ч. 3. С. 221–229.
- Николаев К.Н.** Что ожидает Россию // Русский голос. Белград, 1940. 17 марта.
- О русской школе** // Возрождение. Париж, 1926. 4 января. № 216. Подп.: Зарубежник.
- Орехов В.В.** Несколько предварительных слов // Часовой. Bruxelles, 1939. 5 июня. № 236/237.
- Ответ протоиерея Граббе Г.** // Вестник Русского христианского движения. Париж, 1975. № 116. С. 146–152.
- Очерк взаимоотношений Вооруженных сил Юга России и представителей французского командования** // Архив русской революции. Берлин, 1925. Т. 16. С. 233–262.
- Павлов Б.** Мы и словенцы в Стрнице // Каледтская переключка. Нью-Йорк, 1974. № 8. С. 27–31.
- Павлович М.** Институционализация опере (и балета) у Народном позоришту у Београду и руски уметници // Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Београд, 1994. Књ. 2. С. 153–168.
- Паламарчук П.** Белое дело // Крестный путь Русской армии генерала Врангеля: Из семейного архива Апраксиных — Котляревских. Рыбинск, 1996.
- Палеолог С.Н.** Записка о беженских настроениях // Палеолог С.Н. Около власти: Очерки пережитого. С приложением архивных документов. М., 2004. С. 307–313.
- Панайотов П.** Руските емигранти в България и движението сред тях за връщане в Съветска Русия (1920–1923 г.) // Исторически преглед. София, 1963. № 5.
- Паунковић З.** Одејци боравка Мерешковског, Зинаиде Хипијус, Куприна, Чирикова и Зајцева на конгресу писача 1928 године у београдској и загребачкој штампи // Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Београд, 1994. Књ. 2. С. 31–39.
- Петров М.С.** Изложба руских уметника у Београду // Летопис Матице Српске. Нови Сад, 1928. Књ. 316. Св. 3. С. 441–443.
- Петровић В.** Руски оперски певачи и београдска музичка критика и публика // Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Београд, 1994. Књ. 2. С. 171–177.
- Петровић Т.** Сећања // Зборник Матице Српске за књижевност и језик. Нови Сад, 1977. Књ. 25. Св. 3. С. 538–546.
- Писарев Ю.А.** Российская эмиграция в Югославии // Новая и новейшая история. М., 1991. № 1. С. 152–155.
- Он же.** Русский дипломат князь Г.Н. Трубецкой о начале первой мировой войны // Новая и новейшая история. М., 1990. № 5. С. 132–144.
- Плешко Н.** Из прошлого провинциального интеллигента // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. 9. С. 195–240.
- Погодин А.Л.** Русска школа у С.Х.С. // Мисао. Београд, 1927. Књ. 25. Св. 1/2. 1–16 септ. С. 102–105.
- Полчанинов Р.В.** Кадеты-сербы // Кадетская переключка. Нью-Йорк, 1980. № 25. С. 80–82.
- Он же.** Русские в Сараеве // Там же. 1984. № 36. С. 114–117.
- Он же.** Собрано в Сараеве // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1986. 8 марта. С. 7.
- Поляков Ю.А.** Адаптация и миграция — важные факторы исторического процесса // История российского зарубежья: Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. М., 1996. С. 4–18.
- Он же.** Российское зарубежье: Проблемы истории // Проблемы изучения российского зарубежья. М., 1993.
- Пономарева Л.В.** Вселенская миссия Русской православной эмиграции в XX веке // Русская эмиграция в Европе. 20–30-е годы XX века. М., 1996. С. 35–45.
- Правилник за българските наисени паспорти** // Държавен вестник. София, 1937. 5 нов. Г. 62. Бр. 245. С. 4321–4324.
- Предисловие к сборнику «Исход к Востоку»** // Политическая история русской эмиграции

- 1920–1940 гг.: Документы и материалы. М., 1999.
- Протопопов Н.Н.* Белая армия за рубежом // Кадетская переключка. N.Y., 1984. № 37. С. 103–127.
- 15-летний юбилей о-ва «Русский Сокол» в Земуне // Сокольская газета. Вране, 1937. Июнь — июль. № 34/35. С. 4. Подп.: Зему-нец.
- Рајчевић У.* Синодска иконописна школа у ма-настиру Раковица код Београда // Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Београд, 1994. Књ. 2. С. 78–82.
- Ревел Ж., Петер Ж.П.* Тялото: Болният човек и неговата история // Духът на «Анали»: Ан-тология. София, 1997.
- Ристовић М.* «Слика непријатеља»: Српске те-ме у берлинском сатиричном часопису «Kladderadatsch» 1914–1915 године // Го-дишњак за друштвену историју. Београд, 1996. Књ. 3. Св. 1/2.
- Роселевич А.* Первые студенты // Кадетская переключка. Нью-Йорк, 1973. № 6. С. 9–17.
- Он же.* Отход Одесского кад<етского> корпуса на румынскую границу в 1920 г. // Кадетские корпуса за рубежом (1920–1945). N.Y., s.a.
- Рудаков П.* Руси у Београду 1928 године // Књижевне новине. Београд, 1991. 15 апр.
- Руки прочь // Наше будущее. Белград, 1926. Май. № 1.
- Русија: Број становништва // Ратник. Београд, 1922. № 5. С. 115–116.
- Русија: Људске жртве у грађанском рату // Там же. № 8. С. 153–154.
- Руски емигранти // Nova Европа. Zagreb, 1925. Књ. 12. Вр. 6. С. 161–164. Подп.: С.
- Русская церковь в изгнании // Альманах «Русская эмиграция 1920–1931». Белград, 1931. Вып. 2. С. 9–10.
- Русская эмиграция в Дарданеллах // Военная мысль и революция. М., 1923. № 4. С. 129–146.
- Русские в Греции // Последние новости. Париж, 1922. №. 757. Подп.: А.К.
- Русские женщины в Югославии // Часовой. Вухelles, 1939. 5 июня. № 236/237. С. 29.
- Русский сокол в Софии // Сокольская газета. Вране, 1937. Июнь — июль. № 34/35. С. 8. Подп.: А. Б.
- Русско-сербские гимназии в Белграде (1920–1944) // Кадетская переключка. Нью-Йорк, 1973. № 5. С. 52–57.
- Рыбинский Н.З.* Выставка русских художников в Белграде // Россия и Славянство. Париж, 1930. 15 марта.
- Он же.* Дипломатическое представительство России // Часовой. Вухelles, 1939. 5 июня. № 236/237. С. 18–19.
- Он же.* Карта Югославии // Там же. С. 7.
- Он же.* Русский девичий институт (Белая Цер-ковь) // Там же. С. 28–29.
- Савицкий П.Н.* Европа и Евразия // Русская мысль. София, 1921. № 1/2.
- Сазонов Р.* Три школы // Кадетская переключка. Нью-Йорк, 1980. № 25. С. 69–80.
- Свечникова (Саликова) А.* Наш институт // Там же. 1974. № 8. С. 56–60.
- Скорбная годовщина: Эвакуация Крыма (1920–1930) // Иллюстрированная Россия. Париж, 1930. 22 нояб. № 48/289.
- Скоропадская К.В.* Значение низшей школы в деле национального развития // совеща-ние представителей русских учебных заведе-ний в Болгарии 12–14 ноября 1924. Пра-га, 1925.
- Скринченко Д.* Тражимо једнакости // Застава. Нови Сад, 1922. 30 дец. № 298.
- Славянофилы эпохи футуризма // Политическая история русской эмиграции 1920–1940 гг.: Документы и материалы. М., 1999.
- Сладек З.* Русская и украинская эмиграция в Чехословакии // Советское славяноведение. М., 1991. № 6. С. 24–36.
- Смештај руских избеглица // Епоха. Београд, 1921. 2 марта.
- Соковнић П.Н.* Данные опыта русских учебных заведений в Болгарии по некоторым воп-росам эмигрантской школы // Совещание представителей русских учебных заведе-ний в Болгарии 12–14 ноября 1924 года. Прага, 1925.
- Соколов К.Н.* Правление генерала Деникина // Белое дело: Кубань и Добровольческая ар-мия. М., 1992. С. 5–284.
- Солонский А.А.* Демография русской эмигра-ции в Белграде // Записки русского науч-ного института в Белграде. Белград, 1935. Т. 10. С. 43–60.
- Сорокин М.* София // Вестник Главного прав-ления Общества галиполийцев. Белград, 1924. С. 141–142.
- Спасов Л.* България и южноруските правитель-ства на Деникин и Врангел (март 1919–но-ември 1920) // Исторически преглед. Со-фия, 1990. № 2. С. 3–19.
- Он же.* Врангелистите и българската общест-веност във Великотърновски окръг през 1922 г. // Трудове на Великотърновский университет «Кирил и Методий». Велико Търново, 1978. Т. 14. Кн. 3.

- Он же. Врангеловата армия и англо-френската дипломатия през април–ноември 1920 година // Военноисторически сборник. София, 1990. № 1. С. 21–31.
- Он же. Правителството на БЗНС, българо-съветските отношения и руските белоэмигранти // Исторически преглед. София, 1979. № 2. С. 63–74.
- Он же. Русские ученые-белоэмигранты в Болгарии (1920–1930 годы) // Bulgarian historical review. Sofia, 1992. № 4.
- Он же. Союзът за заврштане в родината // Исторически преглед. София, 1987. № 11.
- Спекторский Е.В. Десятилетие Русского научного института в Белграде (1928–1938) // Записки Русского научного института в Белграде. 1939. Т. 14. С. 3–27.
- Статус држављанства бивших русских држављана-емиграната // Гласник: Службени лист Српске православне цркве. Београд, 1948. Бр. 1/2.
- Степанов Н.Ю. Научная и преподавательская деятельность евразийцев в Европе в 1920–1930-е гг. // Русская эмиграция в Европе: 20–30-е годы XX века. М., 1996. С. 199–221.
- Стихи из конвертов // Русские в Болгарии. София, 1999. С. 33–44.
- Стојановић Г. Меѓународни избеглички проблем // XX век. Београд, 1938. № 9. С. 581–582.
- Стојановић С. Руска емиграција у уметности код нас // Мисао. Београд, 1928. Књ. 27. Св. 1/2. С. 74–77.
- Стратонов И. Исходный момент русской церковной смуты последнего времени // Путь. Париж, 1928. № 12.
- Сук (Борисова) Н.В. Харьковский институт // Кадетская переключка. Нью-Йорк, 1973. № 7. С. 31–34.
- Суботић И. Руски сликари у београдском народном музеју // Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Београд, 1994. Књ. 2.
- Тарановски Т. Руска књижевност и наука у емиграцији // Летопис Матице Српске. Нови Сад, 1930. Књ. 325. Св. 1/3. С. 217–221.
- Тарасјев А. Четири капеле Иверске Божије Мајке // Светигора. Цетиње, 1997. № 56/57. С. 46–49.
- Тарле Г.Я. Об особенностях изучения истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX веках // История российского зарубежья: Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках. М., 1996. С. 19–33.
- Она же. Эмиграционное законодательство России до и после 1917 года: (Анализ источников) // Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX–XX веках: Сб. статей. М., 1997.
- Теодор Тарановски // Годишњак Српске краљевске академије. Београд, 1935. Књ. 44. С. 207–235.
- Терзић Б. Човек са две отаџбине: Одразак великог слависте и пријатеља // Политика. Београд, 1996. 13 јул. С. 24.
- Тесемников В.А. Российская эмиграция в Югославии (1919–1945) // Вопросы истории. М., 1982. № 10. С. 128–137.
- Тошева С. Капитална дела руских архитеката у Београду // Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Београд, 1994. Књ. 1. С. 302–307.
- Троицкий С.В. Правовое положение русской церкви в Югославии // Записки Русского научного института в Белграде. 1941. Т. 16/17.
- Трущенко Е.Ф. «Русская мысль» // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). М., 1997. Т. 2. Ч. 2. С. 251–258.
- Улитин В.Г. Политическое наследие русской эмиграции // Кадетская переключка. N.Y., 1984. № 37.
- Федотов Г. Зарубежная церковная смута // Путь. Париж, 1927. № 7.
- Филлипов А. Русские в Сербии // Общее дело. Париж, 1921. 6 марта. № 234. С. 3.
- Хижняков Г. Полтава — Владикавказ — Крым // Кадетская переключка. Нью-Йорк, 1974. С. 22–27.
- Храбак Б. Југословени у интервенционистичким трупама на северу Русије 1918–1919 године // Историјски гласник. Београд, 1963. № 2. С. 3–51.
- Црнић-Пејовић М. 55 година од објављивања листа «Россика» у Игалу // Библиографски вјесник. Цетиње, 1985. Год 14. Бр. 2. С. 281–284.
- Цуриков Н.А. Дети эмиграции // Дети эмиграции: Воспоминания. Сб. статей. Прага, 1925.
- Чиняева Е.В. Русские интеллектуалы в Праге: Теория Евразийства // Русская эмиграция в Европе: 20–30-е годы XX века. М., 1996. С. 177–198.
- Шабанов Я.В. Становление и развитие Русского Обще-Воинского Союза в 1920–1930-х гг.

- // Проблемы отечественной истории XX века: Сб. статей. М., 1997. С. 49–78.
- Шатилова М.А.* Песнь Богу: (Жизнь о. Петра Беловидова) // Пастырь добрый. Сб. статей, посвященных памяти протопрезвитера Петра Беловидова в связи с XX-летием существования русской церкви в Белграде. Белград, 1942.
- Шкаламера Ж.* Архитекта Никола Краснов (1864–1939) // Свеске Друштва историчара уметности Србије. Београд, 1983. Св. 14. С. 109–129.
- Шмелев И.С.* Событие // Собр. соч. М., 1999. Т. 7. С. 417–420.
- Штейнман Ф.* Отступление от Одессы: (Январь 1920 г.) // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. 2. С. 87–97.
- Шукльевич-Марковић К.* Улога руских уметника у стварању балета Народног позоришта у Београду 1920–1944 // Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Београд, 1994. Књ. 2. С. 187–208.
- Шульгин В.В.* Размышления: Две старых тетради // Неизвестная Россия: XX век. М., 1992. Т. 1. С. 312–346.
- Шумихин С.В.* Союз русских писателей и журналистов в Югославии // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). М., 1998. Т. 2. Ч. 3. С. 58–60.
- Эйснер А.В.* Путь в эмиграцию. Сербия. Прага // Русская эмиграция в Европе 20–30-е годы XX века. М., 1996. С. 241–282.
- Эрцегнови* // Вестник Главного правления Общества галиполийцев. Белград, 1924.
- Arsenjev A.B.* Tivot, kulturna i izdavačka delatnost Rusa emigranata u Novom Sadu // Književna smotra. Zagreb, 1987. № 65/66. С. 39–56.
- Balawyder A.* Russian refugees from Constantionopole and Harbin, Manchuria enter Canada (1923–1926) // Canadian slavonic papers. 1972. Vol. 14. № 1. P. 18–32.
- Celio Cega A.* Žedrinski u Zagrebu // Milanović O. Vladimir Žedrinski: Scenograf i kostimograf. Beograd, 1987.
- Criss N. B.* Istanbul: Die russischen Flüchtlinge am Bosphorus // Der große Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. München, 1994.
- Ćurčin M. > Ruski emigranti // Nova Evropa. Zagreb, 1925. 21 kolov. Knj. 12. Sv. 6.
- Despotović T.* Problem separacije u izbeglištvu // Psihologija izbeglištvа. Beograd, 1997.
- Dimić L.* Ruska emigracija u kulturnom životu građanske Jugoslavije // Istorija XX veka. Beograd, 1990. Sv. 1/2. S. 7–38.
- Drahn E.* Russische Emigration: Eine kulturstatistische Studie // Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft. 1930. Bd. 89.
- Gillis J.R.* Memory and identity: The history of a relationship // Commemorations: The politics of national identity. Princeton, 1994.
- Hrabak B.* Zapisnici sednica Davidovićeve dve vlade od avgusta 1919 do februara 1920 // Arhivski vjesnik. Zagreb, 1970. № 13. S. 7–92.
- Jakovljević B.* Sistem međunarodne zaštite izbeglica // Izbeglice: Međunarodna zaštita, pravni položaj i životni problemi izbeglica, prognanika i raseljenih lica. Beograd, 1998.
- Jelačić A.* Ruska emigracija u Jugoslaviji // Nova Evropa. Zagreb, 1930. Knj. 21. Br. 4.
- Ibid.* Slučaj Jefremov i ruska emigracija u Jugoslaviji // Ibid., 1925. Knj. 12. Br. 6.
- Jovanović M.* Accelerated maturity: Childhood in emigration (russian children on the Balkans 1920–1940) // Childhood in South East Europe: Historical perspectives on growing up in the 19th and 20th century. Belgrade; Graz, 2001. P. 199–214.
- Ibid.* Boljševička agentura na Balkanu 1920–1923: (Teze o organizaciji, strukturi, planovima i praksi) // Istorija 20 veka. Beograd, 1995. Knj. 2. S. 37–50.
- Ibid.* «Instability and infertility» — family and marital relations of the Russian refugees in the Kingdom of Yugoslavia: Three theses towards understanding of some basic problems // Between the archives and the field: A dialogue on historical anthropology of the Balkans. Belgrade; Graz. 1999. P. 101–114.
- Ibid.* Kraljevina SHS i antiboljševička Rusija 1918–1924: Skica za sveobuhvatno tumačenje // Tokovi istorije. Beograd, 1995. Knj. 1/2. S. 93–126.
- Jovović R.* Ukinuti pipanje! Ženski razgovori: Lidija Iraklidi, prvi Yu kozmetičar // Reporter 5: Posebno izdanje «Žena '85». Beograd, 1984. Br. 3. S. 14–15.
- Kačaki J.* Elementi samouprave ruskih civilnih izbeglica u Kraljevini SHS 1920–1924 // Istorija 20 veka. Beograd, 1998. Knj. 1. S. 93–97.
- Kneely R.J., Kasinec E.* The Slovanska knihovna in Prague and its RZIA collection // Slavonic review. 1992. P. 122–130.
- Kopřivová-Vukolová A.* Ruské gymnázium v Moravské Třebové: (Konstantinopolské

- obdobi 1920–1921) // Ruská a ukrajinská emigrace v ČSR v letech 1918–1945: Sborník studií. Praha, 1994. T. 2. S. 96.
- Kulikowski M.A.* A neglected source: The bibliography of Russian emigré publication since 1917 // Solanus: International Russian and East European bibliography. Library and public studies. New series. 1989. Vol. 3. P. 89–102.
- Lukšić I.* Ruski emigranti u Jugoslaviji između dva rata // Književna smotra. Zagreb, 1987. № 65/66. S. 57–65.
- Medarić-Kovačić M.* Ruska književnost u dijaspori 1918–1940 // Ibid. S. 18–29.
- Oberländer E.* Die Allrussische Faschistische Partei // Internationaler Faschismus 1920–1945. München, 1966. P. 218–239.
- Ibid.* The «All-Russian Fascist Party» // Journal of contemporary history. 1966. Vol. 1. P. 152–189.
- Osnivanje jugoslovensko-ruske lige // Južoslovenska pošta. Sarajevo, 1931. 1 dec.
- Popović N.* Jugoslovenska historiografija o diplomatskim jugoslovensko-sovjetskim odnosima između dva svetska rata // Časopis za suvremenu povijest. Zagreb, 1976. № 1. S. 69–77.
- Ruski izbjeglice // Narodna svijest. Dubrovnik, 1921. 19 siječ. Br. 3. S. 3.
- Schlögel K.* Einführung: Die Zentren der Emigration // Der große Exodus: Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. München, 1994.
- Srna J.* Porodica u ratu i izbeglištvu // Psihologija izbeglištva. Beograd, 1997.
- Subotić M.* Evroazijska interpretacija ruske istorije // Tokovi istorije. Beograd, 1995. № 1/2. S. 127–146.
- Taylor K.* Disciplining the history of childhood // Journal of psychohistory (Special issue «On writing childhood history»), 12 (2) Fall 1988 (<http://members.xoom.com/childhistory/spwch.htm>).
- Ubijeno dva Rusa u Ljutomeru // Riječ. Zagreb, 1924. № 104.
- Vinaver V.* Jugoslovensko-sovjetski odnosi 1919–1929 // Istorija XX veka: Zbornik radova. Beograd, 1965. T. 7. S. 93–186.
- Vješeslavski V.* Izgubljena tajna: Događaj iz doba građanskog rata u Ukrajini // Hrvatski list. Zagreb, 1942. 14 velj. S. 13.
- Vlajković J.* Psihološki aspekti izbeglištva // Psihologija izbeglištva. Beograd, 1997. S. 21–29.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- А.Б. (псевд. автора «Сокольской газеты») 219
А.К. (псевд. автора «Последних новостей») 68, 220, 366–368
Абранк-Коссовский Венедикт Александрович (1918–1994) 351
Абрамов Сергей Семёнович 332
Абрамов Фёдор Фёдорович (1870–1963) 72, 91, 127, 196, 251, 255, 257, 259, 398–399
Абрамович Дмитрий Александрович 437, 440
Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881–1925) 348
Аврамовски Живко 28, 127
Агура Александр Дмитриевич 198, 286, 332
Адамович Борис Викторович (1870–1936) 228
фон Адеркас Александр Э. 357
Адор Густав 182
Айвазовский Иван Константинович (1817–1900) 338
Айзенштэйт Шмуэл Ноах (1923) 240
Айрапетов Олег Рудольфович 6
Акимович М.К. 190
Аксёнова Елена Петровна (1946) 69, 371
Алдохова Елизавета Игоревна 19, 160
Александр II Николаевич (1818–1881), имп. 67, 202, 384
Александр III Александрович (1845–1894), имп. 67, 383, 384
Александр I Карагеоргиевич (1888–1934), кор. 28, 32–33, 97, 108, 204, 206, 279, 323, 339, 364, 411, 413, 445–447
Александр Михайлович Романов (1866–1933), вел. кн. 22
Александра Георгиевна Романова (урожд. Александра принц. эллинов), вел. кн. (1870–1891) 267
Александров Сергей Александрович 19, 68
Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918) 446–447
Алексеев Н. 15, 18
Алексеева (урожд. Пирощкая) Анна Николаевна (?–1960) 447
Алексеева (Алексеева-Девель, урожд. Девель) Лидия Алексеевна (1909–1989) 232, 242, 337
Алексей Николаевич Романов (1904–1918), вел. кн., наследник-цесаревич 67
Алексий (в миру Сергей Владимирович Симанский) (1877–1970), патр. 362
Алексинский Григорий Алексеевич (1879–1967) 281
Алексинский Иван Павлович (1871–1945) 281
Алехин Александр Александрович (1892–1946) 328
Алисов 341
Алисов Сергей Павлович 332
Амвросий (в миру Владимир Зиновьевич Курганов) 276
Анагности Пётр Дмитриевич 342
Анастасий (в миру Александр Алексеевич Грибановский) (1873–1965) 22, 86, 262, 265, 266
Андреев Леонид Николаевич (1871–1919) 22
Андросов Василий Михайлович 341
Аничков Евгений Васильевич (1864–1937) 22, 328, 333, 338
Анненков Юрий Павлович (1890–1974) 22
д'Ансельм Филип Анри Жозеф (1864–1936) 86
Антоний (в миру Медведев), игум. 276
Антоний (в миру Алексей Павлович Храповицкий) (1863–1936) 22, 48, 68, 81, 175, 241, 262, 264, 269, 271, 273–274, 277–278, 346, 358–362, 446, 448
Антонов Николай Иванович (1859–1938) 281
Аполлинарий (в миру Андрей Васильевич Кошевой) (1864–1933) 265
Арас Тевфик Рюштю (1883–1972) 224
Аристархова 301
Ариэс Филип (1914–1984) 414, 422, 439, 449
Арнаудов Михаил Петров (1878–1978) 338
Арсеньев Алексей Борисович 5, 13, 19, 68, 70–72, 82, 160, 172, 218, 220, 240–243, 350, 361, 363–364, 371–374, 386, 432, 449
Артамонов Виктор Алексеевич (1873–1942) 104, 106, 109, 124, 285, 289
Архангельский Алексей Петрович (1872–1959) 259, 355, 357
Арцишевский А.В. 229, 273, 297, 329, 365–366, 368–370
Астров Е.М. 338
Атанасов Никола (Радулов Никола Атанасов) (1877–1947) 338
Ататюрк Мустафа Кемаль (1881–1938) 40, 41, 208, 388
Афанасьев Анатолий Леонидович 15
Ашкенази 86
Б-ой Сергей — см. Алексеев Н.
Бабкин Борис Петрович (1877–1950) 333
Бабкин В. 62
Базанов Иван Александрович 233, 287, 331–332
Базаревич Владимир Иосифович (—1943) 106, 108, 110
Базилевич Екатерина 345
Байдалаков Виктор Михайлович (1900–1967) 61, 70, 71
Бакотич 448
Бакст (Розенберг) Лев Самойлович (1866–1924) 22, 239
Балабанов Александр Михайлов (1879–1955) 338

- Балашов А. 347
 Балмазов С. 329
 Бальмонт Константин Дмитриевич (1867–1942) 198, 218, 327
 Барбович 44
 Барбович Иван Гаврилович (1874–1947) 98, 255, 257, 447
 Барк Питер 193
 Баронов Сергей Азадович 6
 Бартош Милан (1901–1974) 192
 Барту Жан Луи (1862–1934) 95
 Баскаков В.И. 328
 Баталов Коста 37
 Батлер Б.Г. 184
 фон Баумгартен Василий (Вильгельм) Фёдорович (1879–1962) 139, 257, 340
 Бегидов Анзор Михайлович 19, 352, 356
 Безобразов 50
 Белевский 44
 Беленький Иосиф Львович (1941) 16, 19
 Белич Александр (1876–1960) 12, 161, 285, 370, 386, 412
 Белов Вадим Михайлович 15, 18
 Беловидов Пётр, протоиерей 198, 218, 275, 277–278, 363, 368, 447
 Бельский 427
 Бельский Владимир Иванович (1866–1946) 427
 Бем Альфред Людвигович (1886–1945) 421
 Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) 22, 239, 338, 339
 Берберова Нина Николаевна (1901–1993) 161, 172
 Бердяев Николай Александрович (1874–1948) 22, 62, 76
 Берегулько В. 62
 Берестовский Михаил Алексеевич (1882–) 44
 Берзин Роберт Юрьевич (1887–1950) 301
 Бернашо Ж. 125, 364
 Бертло Анри Матьяс (1861–) 37
 Билимович Александр Дмитриевич (1875–1963) 333
 Бинешкий, священник 271
 Бинички Станислав (1872–1942) 342
 Бицилли Пётр Михайлович (1879–1953) 129, 327, 330, 332
 Блек Михаил 338
 Бобринский гр. Владимир Алексеевич (1867/1868–1927) 50, 68, 304
 Бобчев Никола Савов (1863–1938) 338
 Бобчев Стефан Савов (1853–1940) 201, 219, 286, 328
 Богаевский Африкан Петрович (1872–1934) 22
 Богаевский Пётр Михайлович (1866–1929) 22, 233, 331
 Богданов Н.Н. 51
 Богданович Жика 375
 Богословский А.В. 368
 Богоявленский 291
 Бодиско Владимир Васильевич 239
 Божович З. 373–374
 Болмасов Александр Борисович 357
 Бологовская Мария (–1973) 344
 Болотов Владимир Александрович (1893–1956) 331
 Бортневский Виктор Георгиевич (1954–1996) 18, 19, 68, 81, 104, 241, 351–352, 354–357
 Ботев Христо (Петков Христо Ботев) (1848–1876) 201
 Бочарова Зоя Сергеевна 191–192
 Бошкович Стеван (1868–1957) 328
 Браиловская Римма Никитична (1877–1959) 343
 Браиловский Леонид Михайлович (1867–1937) 340, 343
 Бредов Николай Эмильевич (1883–) 257
 Бриан Аристид (1862–1932) 96
 Бригз Чарлз Джеймс (1865–1941) 23
 Броз-Тито (Броз) Йосип (1892–1980) 238
 Брянский Виктор Диодорович (1868–1944) 127, 297
 Брянский Г. 18, 370
 Бугарски Ранко 241
 Будённый Семён Михайлович (1883–1973) 53
 Булгаков Михаил Афанасьевич (1891–1940) 347
 Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) 265
 Бунин Иван Алексеевич (1870–1953) 22, 161, 172, 331, 336
 Буржуа Леон Виктор (1851–1925) 62
 Бутаков Г.А. 70
 Быкадоров Иван Афанасьевич (–1985) 14, 211, 218, 220, 378–380, 386, 435–436, 449
 Быстрова Ольга Васильевна 374
 Бюксеншоц 107–108, 124–125
 Бюссон 90, 106–107
 Вагнер Юлий Николаевич (–1945) 333
 Вадимов Евгений (Лисовский Юрий Ипполитович) (1879–1944) 347
 Ванифатова (урожд. Мелешкина) Евдокия Васильевна (1880–1954) 427
 Варнава (1880–), патр. 363
 Варпаховский 300
 Варун-Секрет 341
 Варшавский Владимир Сергеевич (1906–1978) 57, 70
 Васильев 88
 Васильев Афанасий Васильевич (1851–1929) 198, 275, 278
 Васильев Николай Матвеевич 344
 Васильев Фёдор 344
 Васильева Яна 344
 Ващенко Евгений Петрович 338, 344
 Введенская Серафима Владимировна 406
 Вениамин (в миру Иван А. Федченков) (1880–1961) 262, 266–267
 Вениамин, игум. 276
 Венизелос Элефтериос (1864–1936) 30
 Вербицкий Ананий Алексеевич 340, 343
 Вергун Кирилл Дмитриевич (–1945) 61
 Верещагин Александр А. 343–344
 Вернадский Георгий Владимирович (1887–1973) 22, 54

- Верховский Роман Николаевич (1881–1968) 339–340
 Видич Бранко 340
 Виктория Фёдоровна Романова (урожд. Виктория Мелита принц. Саксен-Кобург-Готская) (1876–1936), вел. кн. 67
 Винавер Вук 15, 19, 45
 Виноградский Сергей Николаевич (1856–1953) 22
 Витковский Владимир Константинович (1885–1978) 100, 255
 Владимиров Л. 15, 18
 Владимирская Т.Л. 19
 Влайков Тодор Генчов (1865–1943) 338
 Влайкович Елена 242, 386
 Власов Андрей Андреевич (1901–1946) 66, 79
 Влахос Эвангелос 240
 Волвач Неонилла Георгиевна (1891–) 343
 Волков Владимир Константинович (1930–2005) 6
 Волковский Н. 225, 240
 Волкогонов Дмитрий Антонович (1928–1995) 81
 Волконская кн. 394
 Волконский кн. Николай Петрович (1868–1924) 394
 Волошин Г.Ф. 338
 Волошин (Кириенко-Волошин) Максимилиан Александрович (1877–1932) 349
 Вонсяцкий Анастасий Анастасиевич 64
 Воробьёв Владимир Петрович (1876–1937) 331–332
 Воробьёв Н. 449
 Воронец Константин Петрович (1902–1974) 333
 Воронов 201
 Воронова 201
 Вороновы 201
 Востоков Владимир Игнатъевич, протоиерей (1868–1957) 279, 431
 Врангель А. 352
 Врангель (урожд. Иваненко) бар. Ольга Михайловна (1882–1968) 301, 409, 446
 Врангель бар. Пётр Николаевич (1878–1928) 12, 22, 24–28, 31–33, 40, 48, 50, 52, 61, 68, 81, 84–86, 90, 92–93, 95–101, 104–109, 114, 129, 139, 167, 172, 175, 180, 187, 197, 204, 229–230, 241, 248–258, 260, 262, 280–282, 287, 292, 298, 305, 312, 347–348, 351–357, 361, 364, 382, 384, 386, 389, 398–399, 446–449
 Врангель бар. Пётр Петрович 357
 Вуйович Бранко 372–373
 Выгран Владимир Николаевич (1889–1983) 98
 Вышеславцев Борис Петрович (1877–1954) 22
 Вязьмитинов Василий Ефимович (1874–1929) 99–101, 251
 Габриэльянц А.Г. 304
 Гаврилова Райна 432
 Гаврилович Стоян 127, 190–191
 Гагарин кн. Борис Владимирович (1876–1966) 394
 Гакочич Роберт Предраг 19
 Галиши Кристин 240
 Гальперин 86
 Гальский Владимир 58
 Гальяченко 273
 Ганев Венелин Йорданов (1880–1966) 329
 Ганзен Алексей Васильевич (1876–1937) 339
 Ганзен (урожд. Айвазовская) 339
 Гартвиг Александра П. 279
 Гартвиг Николай Генрихович (–1914) 33, 279
 Гартман Борис Георгиевич (1878–1950) 255
 Геллер Михаил Яковлевич (1922–1997) 70
 Георг I (Вильгельм) (1845–1913), кор. 267
 Георг V (1865–1936), кор. 23–24
 Георгиев Кимон (Стоянов Кимон Георгиев) (1882–1969) 37
 Георгиевский Михаил Александрович 60–61, 70–71
 Георгий (в миру Летич) (1872–), еп. 363
 Георгий (в миру Ярошевский) (–1923) 86
 Герасимова Наталья Петровна 19
 Гербов (Гербенке) 50
 Гермоген (в миру Максимов) (–1945) 268–269
 Гернгросс Борис Владимирович (–1943) 98
 Геруа Александр Владимирович 37, 49, 104, 289
 Гетманек О.Д. 137, 159, 352
 Гиацинтов Эраст Николаевич (1894–1975) 218, 378–379, 385–386
 Гидденс Энтони (1938) 397, 432
 Гильотен Елизавета Жерардовна 105, 172, 203, 211, 219–220, 382, 386, 427, 432, 441, 450
 Гинс Георгий Константинович (1887–1971) 62
 Гинцбурги, бар. 22
 Гиппиус (в браке Мережковская) Зинаида Николаевна (1869–1945) 22, 212, 214, 216, 220, 328, 336–337, 348
 Гирс Михаил Николаевич (1856–1932) 12, 45, 46, 68, 81, 104, 109, 124, 192, 240, 272, 274, 283, 359–363, 366–367, 369, 397, 414
 Гитлер (Шикльгрубер) Адольф (1889–1945) 60, 66, 79, 80
 Глигориевич Бранислав 361–363
 Глубоковский Николай Никанорович (1863–1937) 332
 Голенищев-Кутузов Илья Николаевич (1904–1969) 227, 241, 337, 338
 Голицын кн. Владимир Владимирович 397
 Голицына кн. 393
 Головин Николай Николаевич (1875–1944) 260, 328
 Голотик Сергей Иванович (1954) 19
 Гончарова Наталья Сергеевна (1881–1962) 22, 339–340
 Горький М. (Пешков Алексей Максимович) (1868–1936) 76
 Горяинов Андрей Николаевич (1929) 126, 365, 371–372
 Горянский Валентин Иванович (1887–1949) 349
 Граббе — см. Григорий

- Греков 258
 Греков Александр Димитров (1884–1922) 203
 Григорий (в миру гр. Георгий Павлович Граб-бе) (1902–1995) 358–360
 Григорьев Борис Дмитриевич (1886–1939) 340
 Гримм Эрвин Давидович 331–332, 371
 Грицкат-Радулович Ирина (Грицкат Ирина Георгиевна) 14, 18, 74, 81–82, 222, 234, 239–243, 383, 388, 411, 413, 430, 435, 448, 450
 Гришина Ритта Петровна (1930) 354
 Громько Василий 225
 Гронский Павел Павлович (1883–1937) 191
 Грузев Сергей Сергеевич (1864–1936) 273
 Грузинцевы, братья 336
 Гувер Герберт Кларк (1874–1964) 182
 Гукасов Нерсес Данилович 345
 Гумилёв Лев Николаевич (1912–1992) 69
 Гумилёв Николай Степанович (1886–1921) 348
 Гурвич Жорж (Георгий Давыдович) (1894–1965) 172, 218, 377, 386
 Гуревич Арон Яковлевич (1924) 450
 Гурий, митроп. 271
 Гурский Н. 62
 Гучков Александр Иванович (1862–1936) 22
- Даватц Владимир Христианович (1883–1944) 18, 28, 80, 108–110, 201, 218, 241, 346, 351, 446, 450
 Давидович Милена Й. 240, 242
 Дамиан (в миру Говоров) (–1936) 266
 Даскалов Дончо Атанасов 15–16, 19, 67–72, 81, 105–106, 109–110, 124, 126, 128, 218, 362, 365, 367, 369, 372–374, 398–399, 412, 449
 Даскалов Райко Иванов (1886–1923) 251
 Демидов Олег Анатольевич 6
 Демидов кн. Сан-Донато Елим Павлович (1868–1943) 31, 45, 49, 85, 192, 269–271, 289–290, 296, 299, 361
 Демидова кн. Сан-Донато (урожд. гр. Воронцова-Дашкова) Софья Илларионовна 299
 Демосфенов Семён Сергеевич 233, 332
 Деникин Антон Иванович (1872–1947) 22–27, 31–33, 35–37, 40, 57, 81, 85–87, 89–90, 187, 104, 113–114, 117–118, 209, 257, 259, 263, 281, 289–291, 297, 304
- Депре 96
 Дертлиева Ася 242–243, 374
 Дехтерев Александр 419, 422–423
 Джемиль-бей — см. Уйбадын М.Дж.
 Джиллис Джон Р. (1939) 450
 Джонсон М.Ф. 184
 Джонстон Роберт Х. 15, 69
 Джурич Остоя 20, 68, 82, 241–242, 367, 371–372, 452
 Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926) 76
 Дикой Иван Петрович (–1955?) 340
 Дилевский Николай Михайлович 332
 Дмитриевич Сава 386
 Димитрий (в миру Павлович) (1848–1930), патр. 262, 274–275, 277–278, 362–363, 366, 446, 448
 Димитрова Снежана 6
 Димич Любодраг 5, 368–371
 Дмитриев Юрий 347
 Дмитрий Павлович Романов (1891–1942), вел. кн. 22
 Доброклонский Александр Павлович (1856–1937) 328, 333
 Добророльский Михаил Николаевич (1874–1949) 258
 Дойкович 336
 Долгоруков кн. Павел Дмитриевич (1866–1927) 52, 281, 348
 Долинский Н.В. 338
 Долматова Галина 372
 Домнин Игорь Владимирович 352
 Дорофей, митроп. 263
 Досифей (в миру Васич) (1877–) 278, 447
 Достоевский Фёдор Михайлович (1821–1881) 336, 348
 Драусаль Софья Рудольфовна 343
 Дресель Герт 218, 377, 386, 397, 405, 432
 Дубова Л.Л. 243
 Дубяго Георгий Александрович (1884–1954) 226
 Дубянский Н.И. 338
 Дуван-Торцов Исаак Эзрович (1873–1939) 338, 345
 Дуке Лидия 345
 Думова Наталья Георгиевна (1933) 15, 27
 Дураков Алексей Петрович (1899–1944) 337–338
 Дурнов В. 62
 Дурнов М. 62
 Лучич Йован (1874–1943) 347
 Дэлеон Жак 19
 Лэмоз Ллойд (1931) 414, 422
 Дюмениль (1868–) 107
 Дюркгейм Эмиль (1858–1917) 62
 Дягилев Сергей Павлович (1872–1929) 22
- Евграфов Пётр Фёдорович (–1972) 347
 Евлогий (в миру Василий Семёнович Георгиевский) (1868–1946) 14, 18, 22, 212, 215, 220, 264–266, 271, 274, 304, 358, 360, 362
 Евреинов Владимир Дмитриевич (–1927) 299
 Европеус 49
 Екатерина (в миру гр. Екатерина Борисовна Ефимовская) (1850–1925) 277
 Елачич Алексей Кириллович 45, 219, 333
 Емельянов В.А. 305
 Ермаков Борис, священник 241, 368–370
 Ершов Виталий Фёдорович 241, 352, 356–357
 Ефремов Виктор 206, 219
- Жабчинская Елена 345
 Жардецкий Вячеслав Сигизмундович (1896–1962) 333
 Жедринский Владимир Иванович (1899–1974) 239, 340, 343–344

- Живанович Воя 285
 Живкович Зоран 6
 Жиромская Валентина Борисовна 18, 158–160
 Жуков Евгений Андреевич (–1959) 80, 81, 339, 372
 Жуков Степан Константинович (1885–1959) 304, 367, 442, 449
 Жуковский Анатолий 344
 Забусова Вера 430
 Завьялов Василий Васильевич (1873–1930) 286, 331–332
 Завьялов Всеволод Васильевич 332
 Загороднюк Владимир Павлович 340–341, 343
 Зайцев Борис Константинович (1881–1972)
 Зайцев Кирилл Иосифович (в монашестве Константин) (1887–1975) 348
 Замятин Евгений Иванович (1884–1937) 336
 Запантис Эндрю Л. 45
 Запорожцев (1901–1922) 447
 Захарченко-Шульц (урожд. Лысова, в первом браке Михно) Мария Владиславовна (1893–1927) 357
 Захарчук 386
 Збышевский Владимир Ксаверьевич (1901–1980) 70
 Зверев Л. В. 51
 Зеленецкий Александр Алексеевич (–1960) 72
 Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962) 18, 22, 51, 330, 422–423
 Зернов М. В. 18
 Зернов Николай Михайлович (1898–1980) 18, 197, 213, 235–236, 242, 358, 386, 431–432
 Зерновы 14
 Зечевич Миливое И. (1872–) 446
 Зидэ Гернот 358
 Зинкевич А. И. 70
 Зинкевич Михаил Михайлович (1883–1944) 100, 252
 Златаров Асен Христов (1885–1936) 329
 Златарский Васил Николаев (1866–1935) 329
 Златин Моисей Маркович (1880–1952) 345
 Зогу Ахмет (1895–1961) 42–44
 Золотович Н. 345
 Зубов гр. Николай Георгиевич (1898–1925) 338
 Иванников Михаил Дмитриевич (1904–1968) 337
 Иванов (–1923) 448
 Иванов Вениамин, священник 450
 Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949) 336
 Иванов И. Б. 108, 241, 352, 356–357
 Иванцов Дмитрий Николаевич (1895–1944) 12, 446, 450
 Иванченко 301
 Игнатовский Александр Иосифович (1875–1955) 328, 333
 Игнатьев гр. Павел Николаевич (1870–1945) 104
 Изгоев (Ланде) Александр (Арон) Соломонович (1872–1935) 81
 Илчев Иван 6
 Ильин Иван Александрович (1882–1954) 328, 338
 Иннокентий (в миру С. Н. Павлов) 362
 Иностранцев Михаил Александрович (1872–1938) 328
 Иоанн (в миру Михаил Борисович Максимович) (1896–1966) 22, 277, 359–360
 Иоанн (в миру кн. Дмитрий Алексеевич Шаховской) (1902–1989) 22, 280, 288
 Ипатьев Владимир Николаевич (1867–1952) 22, 328
 Ипполитов Сергей Сергеевич 106, 108, 124
 Ираклиди Лидия 410
 Ириной (в миру Чирич) (1884–1955) 447
 Ирманов (Ирман) Владимир Александрович (1852–1931) 22, 225
 Ирошников Пётр Иванович (–1933) 62
 Исаченко Клавдия 344, 409
 Йованович Борис 6
 Йованович Весна 6
 Йованович Й. П. 109
 Йованович Люба 168, 172, 218
 Йованович Любомир 286
 Йованович Миливой 127, 190–191
 Йованович Милутин 276
 Йованович Мирослав (1962) 19, 28, 45, 68, 81, 104, 107, 109–110, 124, 126, 159, 197, 218, 242, 308–309, 362, 364, 366–367, 371–375, 398, 412, 422, 449
 Йованович-Марамбо В. 68, 81
 Йовович Радмила 413
 Йоцов Борис Иванов (1894–1945) 338
 Кабузан Владимир Максимович 18
 Каганович Лазарь Моисеевич (1893–1991) 148
 Кадиевич А. 373
 Казем-Бек Александр Львович (1902–1977) 58–59, 70, 80, 358
 Казнина Ольга Анатольевна 69
 Кайчев Наум 6
 Калинин Михаил Иванович (1875–1946) 182
 Калининков Иван Михайлович (1892–1924) 348, 351
 Калфов Христо Димов (1883–1945) 362
 Карагеоргиевичи (Караджорджевичи), династия 32, 340
 Караджич Вук Стефанович (1787–1864) 341
 Каракаш Михаил Николаевич (1887–1937) 343
 Каратеев Михаил Дмитриевич (1904–1978) 352
 Каренин Константин Иванович (1897–1966) 345
 Кароль I (1839–1914), кор. 38
 Карпенко Сергей Владимирович (1955) 106, 108, 124
 Карпов Борис Николаевич (1897–1971) 356
 Карсавин Лев Платонович (1882–1952) 76
 Карсавина Тамара Платоновна (1885–1978) 345
 Карташёв Антон Владимирович (1875–1960) 358

- Качаки Йован Николаевич 5, 16, 19, 74, 241, 358, 365, 374
 Качалов (Шверубович) Василий Иванович (1875–1948) 342, 373
 Кедров Михаил Александрович (1878–1945) 352
 Кемаль-паша — см. Ататюрк
 Керенский Александр Фёдорович (1881–1970) 52
 Кёртисс Джон Шелтон 358
 Кёсева Цветана 105, 126, 367
 Кизеветтер Александр Александрович (1866–1933) 22, 328, 338
 Кинкель Иван Германович 233, 332
 св. Кирилл 324
 Кирилл, архимандрит 277
 Кирилл Владимирович Романов (1876–1938), вел. кн. 22, 49–51, 58, 67
 Кирсанова Нина (1899–1989) 344, 409
 Кирьяков В.А. 301
 Киселёв И.Н. 18, 158–160
 Киселёва-Билимович Елена Андреевна 340
 Кисловские 13, 219, 240
 Кисловский Сергей Андреевич (1899–1995) 14, 240, 434
 Кишенский Дмитрий Павлович (1856–1933) 370
 Клемансо Жорж Бенжамен Эжен (1841–1929) 95
 Кленкин Константин 432
 Клисич Йован 332, 371
 Книппер-Чехова (урожд. Книппер) Ольга Леонардовна (1868–1959) 342, 373
 Княжевич Ирина Владимировна 406
 Князев Борис (1900–1975) 344–345
 Ковалевский Пётр Евграфович (1901–1978) 15, 19, 20, 28, 105–107, 116, 125–126, 190–192, 240, 242, 359–360, 364, 366–369, 371–372, 408, 412, 449
 Ковалёв М.Г. 336
 Козлитин Владимир Дмитриевич 19, 67, 159, 368–369, 449
 Козлов 110
 Козьякин Николай Васильевич (—1991) 226, 241
 Коковцов гр. Владимир Николаевич (1853–1943) 22
 Кокошкин Владимир Фёдорович (1874–1926) 51
 Коларов Васил Петров (1877–1950) 110, 353
 Колесников Степан Фёдорович (1879–1955) 341, 342, 373
 Колков А. 62
 Колчак Александр Васильевич (1874–1920) 32, 33, 81, 87, 187, 259, 293, 297
 Комстадиус (урожд. Малама) Вера Владимировна (—1948) 361
 Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) 129, 331–332
 Кондырев Кронид Платонович 65, 72
 Конев Дмитрий Фёдорович 333
 Кононович С.Н. 296, 315
 Конради Дмитрий 344
 Константинов Димитрий, протоиерей 358
 Коньяв Г. 62
 Копршилова-Вуколова Анастасия 366, 368
 Коренчевский Владимир Георгиевич (1880–1959) 81, 329, 330, 334
 Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) 254, 444
 Корш Нина Фёдоровна 448
 Косаковский Григорий 277
 Косик Виктор Иванович (1944) 6, 19, 68, 82, 359–360, 362–364, 366
 Косицкий Александр Иванович 333
 Костурков Стоян Пенчев (1866–1949) 330
 Косьмин В.Д. 64
 Котельников Александр Александрович (1887–1966) 128, 240, 288
 Котляревский Николай Михайлович (1890–1966) 446
 Котовский Григорий Иванович (1881–1925) 88, 209
 Котранс 300
 Кох Метод Ф. (1874–1952) 448
 Кочаровский Карл Август Романович (1870–после 1940) 161–162, 172
 Кочубей Михаил Васильевич 397
 Кочубей (урожд. бар. Энгельгардт) Наталия Александровна (—1965) 397
 Кошутич Радован (1866–1949) 196, 205, 218–219, 370
 Краинский Н.В. 371
 Краковецкий Аркадий Антонович (1884–1938) 43
 Крамарёв 68
 Красенский (—1944) 44
 Красин Леонид Борисович (1870–1926) 27
 Краснов Василий Михайлович 105
 Краснов Николай Петрович (1865–1939) 341
 Краснов Пётр Николаевич (1869–1947) 22–23
 Крат Павел Васильевич 342
 Крахмалёв Павел, протоиерей 267, 361
 Крейтер Владимир Владимирович (—1950) 399
 Кретьен Адриен Поль Александр (1862–) 35
 Кривошеин Александр Васильевич (1858–1921) 22
 Крисс Нур Бильге 104, 106, 125, 365, 398
 Кропоткин кн. Пётр Алексеевич (1841–1921) 62
 Крылов Дмитрий Дмитриевич 332
 Крыстева Юлия 414
 Крюков П.И. 18, 352
 Ксюнин Алексей Иванович (1882–1938) 80, 339, 372
 Кудрявцев Р. 351
 Кузнецов Константин Константинович 341
 Кузьмин 252
 Кузьмин-Караваев В. 366–367, 432
 Кузьмина Варвара Павловна 315, 333
 Кузьмичёва Людмила Васильевна 6

- Кукич Сава 287
 Кулишер Евгений Михайлович (1881—1956) 19, 106—107, 116, 125—126, 172
 Кульбакин Степан Михайлович (1873—1941) 328, 333
 Кунев Христо 286
 Куприн Александр Иванович (1870—1938) 22, 197, 336, 338
 Курвоазье де Лонгемен Андрей Николаевич (—1931) 226, 241
 Кускова (урожд. Есипова, в первом браке Ювеналиева, в третьем Прокопович) Екатерина Дмитриевна (1869—1958) 76, 166, 172
 Кусонский Павел Алексеевич (1880—1941) 72, 253, 281, 357
 Кутепов Александр Павлович (1882—1930) 22, 73, 77, 91, 105, 175, 196, 252, 259, 261, 281, 447
 Куячич 285
 Кэстлз С. 240

 Лавров Сергей Борисович (1928—2000) 69
 Лажечников Александр Иванович 339, 340
 Лазарев Б.П. 109—110, 352
 Лазаревский Борис Александрович (1871—1936) 349
 Лазаркевич Вадим Владимирович 339
 Лакичевич-Павичевич Весна 373
 Лалкова Милча 6
 Ламздорф-Галаган гр. Павел Константинович 393
 Ламздорф-Галаган гр. Сергей Константинович (1876—1928) 393
 фон Лампе Алексей Александрович (1885—1967) 70, 256, 357
 Лаппо Иван Иванович (1869—1944) 328
 Лапшин И.И. 328
 Ларионов Михаил Фёдорович (1881—1964) 339
 Ласкарёв Владимир Дмитриевич 333
 Латинчич Олга 6, 364, 373
 Лацис Мартын Янович (Судрабс Ян Фридрихович) (1888—1938) 384
 Лашкевич В.В. 282
 Лашков С.И. 370
 Лебедев Владимир Иванович (1882—1956) 53, 71, 211, 213—215
 Левенец О.В. 299
 Левензон Филипп (Фишель) Яковлевич (1893—1938) 88
 Левитин-Краснов (Левитин) Анатолий Эммануилович (1915—1991) 358
 Левитский Валерий Михайлович (—1946) 349
 Левицкий Сергей Александрович (1908—1983) 62
 Левский Васил Иванов (1837—1873) 201
 Лейт Жан Клод Жорж (1857—1933) 26, 90
 Лейкинд Олег Леонидович 20, 373
 Лейхтенбергский герц. Сергей Николаевич (1903—1966) 61
 Ленерао Себастьян 340

 Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924) 54, 75—77, 81, 180, 181, 191, 332
 Ленский Владимир 349
 Леонтович 257
 Лермонтов Михаил Юрьевич (1814—1841) 336
 Леру Пьер (1797—1871) 62
 Лесков Николай Семёнович (1831—1895) 338, 372
 Леушин В. 62
 Лехович Дмитрий В. 15, 27, 104, 106
 Ливен светл. кн. Андрей Александрович 55, 56, 65
 Лилиев (Попиванов) Николай Михайлов (1885—1960) 338
 Лисенко Андрей Кононович (1868—1925) 301
 Лисовский Александр Львович (1878—1933) 272
 Литвинов Максим Максимович (Валлах Мер-ир-Генох Моисеевич) (1876—1951) 37, 39
 Ллойд Джордж Дэйвид (1863—1945) 75
 Лобанов-Ростовский кн. 288
 Лобановы-Ростовские, кн. 22
 Лобачёв Юрий (Георгий) Павлович 341
 Лобов Г.П. 252
 Ловшинская Е. 343
 Лозо Светозар 15
 Локоть Тимофей Васильевич (1869—1942) 333, 347
 Лопухин Пётр Сергеевич (1885—1962) 219
 Лосский Николай Онуфриевич (1870—1965) 22, 62, 330
 Лукич-Крстанович Мирослава 240—241
 Лукомский Александр Сергеевич (1868—1939) 106, 124, 216, 220
 Лукомский Виктор Викторович (ок. 1884—1947) 341
 Лунченков Иван И. 15, 18
 Львов Николай Николаевич (1865—1940) 18, 97, 281, 348, 351
 Люцканов К. 353
 Ляцкий Евгений Александрович (1868—1942) 328

 Маевский Владислав Альбинович (1893—1975) 19, 363—364, 449
 Майер 397
 Макаров Аполлон Аполлонович (—1953) 299
 Макдональд Джеймс Рамсей (1866—1937) 27
 Маклаков Василий Алексеевич (1869—1957) 106
 Маклецов А.В. 51, 159
 Максимов Сергей Павлович 333
 Максеев Захарий Андреевич (1858—1935) 370
 Максеев Леонид Захарович 342
 Максеев Н.Н. 219
 Малинин Владимир Фёдорович (1873—1943) 282, 372
 Малинин Иван М. 370
 Малинов Александр Павлов (1867—1938) 35, 332
 Малинов Ю.А. 286
 Малявин Филипп Андреевич (1869—1940) 340

- Манакин Виктор Константинович (—1964) 169, 172
 Мандельштам Андрей Николаевич (1869—1949) 191
 Манухина (урожд. Крундышева) Татьяна Ивановна (1885/1886—1962) 18, 358
 Манцев Василий Николаевич (1888—1939) 81
 Маньковский Александр Фёдорович 331—333
 Мария Павловна Романова (1890—1958), вел. кн. 22
 Мария Фёдоровна Романова (урожд. Мария София Фредерика Дагмара принц. Датская) (1847—1928), имп. 22, 67, 384
 Марков Иван Павлович (—1962) 333
 Маркович Велимир, протоиерей 279
 Маркович Никола 6
 Маркович О. 374
 Маркович Предраг 370
 Маркс Карл Генрих (1818—1883) 62
 де Мартель гр. 25, 107
 Мартин Йоханн 193
 Мартинец 448
 Мартино Владимир Иммануилович (1893—1979) 333
 Мартынов Захарий Александрович (1861—1944) 109
 Марьюшкина Вера 379
 Марьянов Александр Николаевич (—1929) 361
 Марьянович П. 374
 Марьяшеч Евгений Семёнович 343
 Масич 301
 Маслов Сергей С. 51, 53
 Массалитинов Николай Осипович (Иосифович) (1880—1961) 129, 234, 238, 328, 346, 347
 Матвеев Геннадий Филиппович (1943) 6
 Махин Фёдор Евдокимович (1882—1945) 52, 53, 68, 75, 81, 306
 Медакович Деян (1922) 220
 Медведев Анатолий Константинович 331, 333
 Межински Елена 373
 Мейендорф бар. Николай Богданович (1888—1969) 340
 Мейер Пётр 444
 Мейерхольд Всеволод Эмильевич (1874—1940) 342, 343
 Мейснер Дмитрий Иванович (1900—) 15
 Мелания (в миру Кривокучина) 277
 Мелетий, митроп. 269
 Мелетий (в миру Заборовский) (—1946) 266
 Мельников 300
 Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865—1941) 22, 47, 67, 214, 328, 336—338
 Мессинг Станислав Адамович (1890—1937) 81
 Метальников Сергей Иванович (1870—1946) 328
 св. Мефодий 324
 Мещерские, кн. 22
 Мещеряков Николай Леонидович (1865—1942) 18
 Миклашевский 44
 Миланович Олга 373—374
 Миланкович Йован Д. (1870—) 33
 Миленкович Тома 364, 368
 Милтич А. 405
 Миллер Евгений Людвиг Карлович (1867—1939) 12, 22, 70, 73, 77, 109, 139, 175, 252, 253, 259—261, 351
 Миллер Марк Дж. 240
 Милованович М. 373
 Милошевич Миладин 6
 Милутинович Драгутин 328
 Милутинович Милан, протоиерей 279
 Милуков Павел Николаевич (1859—1943) 12, 22, 116, 121, 125—128, 161, 172, 359, 381, 432
 Мироненко Сергей Владимирович (1947) 6
 Митев Йоно 15, 19, 354
 Миткевич Григорий Григорьевич (—1962) 311
 Митрович Андра 5
 Митрович Чедомиль (1870—1934) 448
 Митропан Пётр Андреевич (1891—1988) 381, 386
 Митрофан (в миру Николай Иванович Абрамов) (ок. 1877—1944) 277
 Митрофанов Георгий, священник 18, 241, 359—360
 Михаил Александрович Романов (1878—1918), вел. кн. 67
 Михайлов Николай Петрович (—1938) 66
 Михалчев Димитр Георгиев (1880/1881—1967) 329
 Мишин Г. 209
 Младенов Стефан (Стоянов Стефан Младенов) (1880—1963) 338
 Мономахов Дмитрий Сергеевич 357
 Моргунов 429
 Морет 42
 Москвин Виктор Александрович 6
 Мослов Василий (—1923) 444
 Мосусова Н. 374
 Мочульский Константин Васильевич (1892—1948) 331—332, 348—349
 Мошин Владимир Алексеевич (1894—1987) 333
 Мусин-Пушкин гр. Владимир Владимирович (1870—1923) 282, 349
 Муссолини Бенито (1883—1945) 65, 66
 Мутафчиев Пётр Стоянов (1883—1943) 329
 Мухачёв Юрий Васильевич (1926) 15, 106, 116, 125
 Мякотин Венедикт Александрович (1867—1937) 332
 Набоков Владимир Владимирович (1899—1877) 338, 349
 Набоков С.Д. 361
 Навоев Николай Павлович (1913—1940) 340
 Наживин Иван Фёдорович (1874—1940) 349
 Назаров Александр Иванович (1898—) 349
 Назаров Михаил Викторович 19, 68—71, 172, 359—360
 Нансен Фритъф (1861—1930) 27, 120—121, 125, 127, 183—184, 190—191
 Нансен-Хейер Лив (1893—) 125, 190—191, 412

- Наполеон I (де Бонапарт Наполеон) (1769–1821) 7
- Невадовский Николай Дмитриевич (1878–1939) 289
- Негош — см. Пётр II Петрович-Негош
- Неклюдов Владислав, священник 280, 362–364, 366, 432, 450
- Некрич Александр Моисеевич (1920–1993) 70
- Нелидов Владимир Александрович (1887–1978) 344
- Немирович-Данченко Владимир Иванович (1858–1943) 342
- Неофит (в миру Никола Митев Караабов) (1868–1971) 362
- Нератов Анатолий Анатольевич (1863–1938) 36, 85, 109, 268, 290, 316, 359, 361
- Нератова (урожд. Молостова) Варвара Владимировна (—1936) 314–315
- Нидер К. 30
- Нижинский Вацлав Фомич (1889–1950) 22
- Никифоров Константин Владимирович (1957) 6, 373
- Николаев Дмитрий Дмитриевич (1967) 372, 374
- Николаев Константин Николаевич (1882–1963) 80, 82
- Николаев Николай Петров (1887–1961) 126, 128
- Николаевский Борис Иванович (1887–1966) 68
- Николаенко 105, 124, 220
- св. Николай (— ок. 345) 324
- Николай I Павлович (1796–1855) 67
- Николай II Александрович (1868–1918) 28, 51, 67, 166, 341, 343, 384, 290, 429
- Николай Николаевич Романов (1856–1929), вел. кн. 22, 49–51, 53, 67–68, 231, 256–257, 259, 357–358, 361, 446
- Никольская (урожд. Булкина) Елизавета Николаевна (1904–1955) 344
- Никон (в миру Николай Павлович Рклицкий) (1892–1976) 241, 358–359
- Нилов Иван Петрович (1892–1933) 333
- Нина (в миру Наталья Григорьевна Косаковская) (—1949) 277
- Нинчич Момчило 290
- Новиков Всеволод Николаевич (1878–1971) 333
- Ноли Фан (Теофан) Стилиан (1882–1965) 42, 43
- Нольде бар. Борис Эммануилович (1876–1948) 191
- Оберлендер Э. 71
- Оболенские, кн. 22
- Оболенский В.З. 51
- Оболенский кн. Н.Л. 367
- Образков Борис Иванович 340
- Обручев Николай Афанасьевич (1864–1929) 68
- Одинец Дмитрий Михайлович (1882–) 105, 219
- Озеров Иван Христофорович (1869–1942) 81
- Около-Кулак Болеслав Францевич 302
- Околович 335
- Околович Георгий Сергеевич (1901–1980) 62
- Окороков Александр Васильевич 19
- Окунцов Иван Кузьмич (1874–1939) 360
- Оленина (в браке Драгович) Марина Михайловна (1901–1963) 344
- св. Ольга (— 969) 384
- Ольга (урожд. вел. кж. Ольга Константиновна Романова) (1851–1926) 268, 269
- Ольга принц. Карагеоргиевич (урожд. принц. эллинов) (1903–) 364
- Ольденбург Сергей Сергеевич (1888–1940) 348
- Опсеница Драган 6
- Орехов Василий Васильевич (1896–1990) 213, 219–220
- Осоргина-Бакунина (урожд. Бакунина) Татьяна Алексеевна (1905–1995) 16, 19, 241
- Острогорский Георгий Александрович (1902–1976) 129, 327, 333
- Острожский К. (Гогель Константин Сергеевич) (1886–1929) 349
- П.Я. (псевд. деятеля РОВСа в Болгарии) 68, 172, 241, 365
- св. Павел 324
- Павел Александрович Романов (1860–1919), вел. кн. 67
- Павел принц Карагеоргиевич (1893–) 31, 342, 364
- Павличенко 206
- Павлов Борис Л. 19, 167, 172, 240, 243, 350, 363–364, 423, 432, 435
- Павлов Иван Петрович (1849–1936) 327, 333
- Павлова Анна Павловна (Матвеевна) (1881–1931) 22
- Павлович Дража 285
- Павлович М. 374
- Павлович Стеван К. 46
- Павловский Феофан Венедиктович (1880 или 1881–1936) 345, 346
- Паламарчук Пётр Георгиевич (1955–1998) 104, 353
- Палеолог Морис Жорж (1859–1944) 384
- Палеолог Сергей Николаевич (1877–1933) 12, 68–70, 81, 105–108, 110, 124–125, 127, 149, 154, 158, 160, 203–204, 216, 219–220, 241, 286, 287, 291, 302, 304, 363–369, 397–399, 407, 447, 449
- Палицын В.А. 36, 290
- Панайотов Панайот 124, 126
- Пандурович 448
- Пантюхов Олег Иванович (1882–1973) 325
- Папанастасу 31
- Папков Андрей Васильевич (1890–1972) 340, 342
- Парфёнова Е.Б. 352
- Пастухов Борис Иванович 339, 341
- Паункович Зорислав 218, 372
- Пашич Джурджина 279
- Пашич Никола (1845–1926) 33, 75, 97, 109, 196, 279, 305, 368
- Пеин Йован 6
- Пелли М. 90, 96
- Петерс Юрий Сергеевич (1906–) 357

- Петкович Сава 363
 Петров М.С. 373
 Петровацкий 337
 Петрович В. 374
 Петровичи-Негоши, династия 32
 Петрониевич Бранислав (1873—1954) 328
 Петрушева Лидия Ивановна 6
 Петряев Александр Михайлович (1874—1933) 36—37, 85, 99, 100, 192, 272, 286, 290, 362
 Петэр Жан Пьер 449
 св. Пётр 324
 Пётр I Алексеевич (1672—1725) 7, 263
 Пётр I Карагеоргиевич (1844—1921) 109, 149, 160, 449
 Пётр II Петрович-Негош (1813—1851) 343
 Пётр (в миру Пётр Фёдорович Полянский) (1862—1937) 265
 Пивовар Ефим Иосифович (1945) 19, 106, 108, 124
 Пико Жорж 99, 197
 Пиленко А.А. 191
 Пильц Александр Иванович (1870—1944) 281
 Пио-Ульский Антоний Георгиевич (1894—1956) 447
 Пио-Ульский Георгий Николаевич (1864—1938) 19, 161, 172, 328, 333
 Пионтковская Валентина 345
 Писарев Юрий Алексеевич (1916—1993) 372
 Платон (в миру Порфирий Фёдорович Рождественский) (1866—1934) 86, 263, 265, 268, 269
 Платонов 359
 Плевинский Н.И. 339
 Плевацкая (урожд. Винникова) Надежда Васильевна (1884—1941) 345
 Плетнёв Владимир Дмитриевич 52, 286, 370
 Плеханов Георгий Валентинович (1856—1918) 282
 Погачник 367
 Погодин Александр Львович (1872—1947) 241, 328, 333, 348, 349
 Погорелов Валерий Александрович (1972—1955) 273
 Подвырзачов Димитр (1881—1937) 338
 Подчерков Александр Александрович (1889—1954) 110
 Поклевский-Козелл Станислав Альфонсович (1868—1937) 38, 45, 49, 85, 104, 116, 124—125, 127, 192, 272, 289, 362, 365
 Полевицкая Елена Александровна (1881—1973) 338
 Ползиков Михаил Николаевич (1876—1938) 252
 Поликарпов Виталий Семёнович 432
 Политис 269
 Политов, священник 272
 Полчанинов Ростислав Владимирович 206, 219
 Польский Михаил Афанасьевич, протоиерей (1891—1960) 358
 Поляков Владимир, священник 272
 Поляков Юрий Александрович (1921) 18, 158—160, 239
 Полякова Елена Дмитриевна (1884—1972) 344, 409
 Полянец Франё 198
 Полянский В.С. 349
 Попадопов 288
 Поплавский Борис Юлианович (1903—1935) 2
 Попов Николай Михайлович 332
 Попова (в браке Каракаш) Елизавета Ивановна (1889—1967) 343
 Попова Юлия Михайловна (в постриге Варвара) (—1966) 412
 Поповитиев К.С. 286
 Попович Н. 45
 Попруженко Михаил Георгиевич (1866—1944) 331—332
 Порошин А. — см. Суворин А.А.
 Поснов Михаил Эммануилович (1873—1931) 332
 Поспеловский Дмитрий Владимирович (1935) 358—359, 360—362
 Потощий Дмитрий Николаевич (1880—1949) 109, 127
 Потощий Сергей Николаевич (1877—1954) 355
 Потресов Александр Николаевич (1869—1934) 81
 Предоевич Владимир Яковлевич 340
 Прибичевич Светозар (1875—1936) 196, 370
 Приморац Милена 172
 Прица Драгутин М. (1867—) 448
 Проскураков Б.К. 349
 Протопопов Николай Николаевич (1921—1998) 352, 355—358
 Прянишников Борис Витальевич (1902—) 71, 357
 Путятин кн. 49
 Пушин Николай Антониевич (1875—1947) 333
 Пушкин Александр Сергеевич (1799—1837) 198, 336, 350
 Радивоевич Тодор 370
 Радич Стёпан (1871—1928) 75
 Радкович Георгий Николаевич (—1928) 357
 Радович 448
 Радойчич Милена 6
 Раев Марк (1923) 15, 19—20, 69, 116, 125, 127—128, 172, 191, 239, 242, 359—360, 364, 370, 449
 Раевский Сергей Михайлович (ок. 1862—1922) 272
 Райчевич Углеша 373
 Ракигин Юрий Львович (1882—1952) 79, 129, 148, 166, 197, 214—215, 328, 344, 346, 349
 Ракич Милан (1876—1938) 347
 Раковский (Станчев) Христиан Георгиевич (1873—1941) 353
 Ракочевич Бранка 6, 373
 Рамзин Сергей Константинович (1892—1981) 333
 Ранхнер Алексей Борисович (1897—1942) 340
 Рапапорт Юрий 338

- Раскольников (Ильин) Фёдор Фёдорович (1892–1939) 273
- Ратиев кн. Александр Леонидович 12, 14, 18, 68, 218, 240, 242, 369, 371–374, 379–380, 386, 381, 388, 431–432
- фон Раух Георг (1904 –)
- Рафальский С.Г. 368
- Рахманинов Сергей Васильевич (1873–1943) 22
- Рашич М. 104, 109
- Ревель Жак 449
- Ревнитель (псевд. автора «Русского голоса») 242
- Редькин М.Н. 301
- Рейн Георгий Ермолаевич (1854–1942) 331– 332
- Ремизов Алексей Михайлович (1877–1957) 22, 336
- Ренненкампф Владимир Николаевич (1862–1925) 233, 331–332
- Ренников (Селитренников) Андрей Митрофанович (1882–1957) 347
- Репин Илья Ефимович (1844–1930) 340
- Репнинский Яков Николаевич (1877–1948) 349
- Рёрих Николай Константинович (1874–1947) 340
- Римский-Корсаков Владимир Валерианович (1859–1933) 167
- Римский-Корсаков Николай Андреевич (1844–1908) 430
- фон Римша Ханс (1899–) 15, 18
- Ристович Милан 5, 220
- Ришкевич Персида 412
- Роговская-Христич (урожд. гр. Ефимовская) Ксения Евгеньевна (1896–1961) 343
- Родзаевский Константин Владимирович (1907–1946) 58, 64–65, 71
- Родзевич 301
- Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) 22
- Родзянко Михаил Михайлович (1884–1956) 358
- Родионов А. 241
- Рождественский Александр Петрович, протоиерей (ок. 1863–1930) 273, 332
- Рожов Николай Александрович (1868–1927) 81
- Розанов Владимир Александрович (1880–1952) 370
- Розанов Владимир Николаевич (1876–1938) 81
- Романов Борис Георгиевич (1891–1957) 344
- Романов Владимир Фёдорович (ок. 1874–1929) 106
- Романовский 274
- Романовский Иван Павлович (1877–1920) 89
- Романовский Николай Александрович (– 1928) 252
- Романовы, династия 32, 51, 268
- Ронжин Иван Александрович (1867–1927) 252, 357
- Росляков Михаил Сергеевич (1871–1929) 98
- Росс Николай 106, 124, 359, 368
- Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) 22
- Ростовцев Николай Александрович (1871–1923) 282
- Ростовцев Николай Евгеньевич 339
- Рубинштейн Яков Львович (ок. 1879–1963) 191
- Рудаков Павел 372
- Руднев Вадим Викторович (1879–1940) 242
- Русинов 44
- Рустковский Н.П. 338
- Ручимский 300
- Рыбинский Николай Захарович (1887–1955) 205, 219, 346, 349
- Рык Иван Афанасьевич (1888–1970) 340, 342
- Рюштю-бей Т. — см. Арас Т.Р.
- Рябушинский Дмитрий Павлович (1882–1962) 328
- Саблин 49
- св. Савва 328
- Савва (в миру Константин Петрович Струве) (1900–1949) 276
- Савёлов Леонид Михайлович (1868–1947) 49
- Савинов Алексей Сергеевич 289
- Савицкий Николай Петрович (ок. 1866–1942) 282
- Савицкий Пётр Николаевич (1895–1968) 55–56, 69–70
- Савов Сава Панайотов (1864–1940) 35
- Сазонов 301
- Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) 33, 266, 283
- Салтыков Николай Николаевич (1872–1961) 328, 333
- Салтыков Сергей Николаевич 50, 333
- Салтыков-Шедрин (Салтыков) Михаил Евграфович (1826–1889) 339
- Самойлов Василий Александрович (– 1927) 357
- Самойлов Григорий Иванович (1904–1989) 341
- Самохвалов П.Т. 204, 251, 354
- Сарафов Иван Константинов (1856–1935) 35
- Сахновская Евгения Григорьевна 345, 409
- Сахновский Григорий Григорьевич (1891–1931) 51
- Свищёв Иван Сергеевич (1875–1973) 328, 333
- Святополк-Мирская (урожд. Гудим-Левкович) кн. Мария Александровна (1876–1959) 278, 364
- Северюхин Дмитрий Яковлевич 20, 373
- Северянин Игорь (Лотарёв Игорь Васильевич) (1887–1941) 22, 328
- Сейдер Райнгард 193
- Семёнова Любовь Михайловна 386
- Семченко С.Г. 51
- Сенько-Поповский Леонид Александрович (1885–1931) 361
- Серапионова Елена Павловна (1957) 127–128, 191–192, 242, 367
- Серафим (в миру Николай Борисович Соболев) (1881–1950) 273, 274, 360, 362
- Серафимов Борис Саввич (1882–) 288, 292

- Сербос Л.А. 361
 Сергей (в миру Иван Николаевич Старогородский) (1867–1944), патр. 265, 360
 Сергей, иеромонах 273
 Сибинович Миодраг 5
 Сикорский Игорь Иванович (1889–1972) 328
 Симпсон Джон Хоуп (1868–1967) 14, 19
 Симчук С. 62
 Сирин В. — см. Набоков В.В.
 Скачедубы 430
 Скокан Мария 409
 Скоростовцев 282
 Скрынченко Дмитрий Васильевич (1874–1947) 392, 399
 Сладек Зденек 191
 Смирнова 300
 Снегирёв Сергей, протоиерей 361
 Собинов Б. 347
 Сокаль Иоанн, священник 280
 Соковнин П.Н. 368–369, 371, 422–423
 Соколов Константин Николаевич 52, 105, 214, 233, 331–332
 Соловьёв Александр Васильевич (1890–1971) 333
 Соловьёв Владимир Сергеевич (1853–1900) 62
 Соловьёв Сергей 340
 Соловьёв Сергей Владимирович (1908–1927) 357
 Солоневич Борис Лукьянович 337–338
 Солоневич Иван Лукьянович (1891–1953) 66, 72, 338, 340
 Солоневич Тамара Владимировна (— 1938) 66
 Солонский А.А. 369, 403–405, 423, 432, 449
 Сольский Александр Александрович (1904–) 357
 Сомов 273
 Соничева Наталья Евгеньевна 15, 19, 125
 Сорокин М. 398
 Софронов Пимен Максимович 340
 Спалайкович Мирослав 33
 Спасов Людмил 6, 19, 34, 45, 104–110, 124–126, 364, 367, 371, 374, 452
 Спекторский Евгений Васильевич (1875–1951) 241, 328, 333, 371
 Сперанский 225
 Спинка Мэтью (1890–1972) 358
 Спица С. 62
 Срна Й. 405
 Ставицкий Иван Павлович (1873–1966) 252
 Стайков С.М. 336
 Сталин (Джугашвили) Иосиф Виссарионович (1878–1953) 59, 71, 78–79, 81, 148, 239
 Стамболийский Александр Стоименов (1879–1923) 36, 93, 99, 100, 202–203, 251–252, 287, 331, 353–354
 Стаменкович Владимир, протоиерей 279
 Станиславский (Алексеев) Константин Сергеевич (1863–1938) 239, 344
 Станич Милета 6
 Старынкевич С.З. 191
 Шашевский Валерий Владимирович 279–280, 343, 376
 Степанов Н.Ю. 69
 Степанов Цветелин 6
 Степун Фёдор Августович (1884–1965) 76
 Стефан (в миру Стоян Попгеоргиев Шоков) (1878–1957) 161, 172, 287
 Стефан Джон 15, 19, 68, 70–71
 Стефанов Павел, иеромонах 358
 Стефанович Мара 447
 Стефанович Митра 336
 Стефанский 333
 Столица Евгений И. 345
 Столица (урожд. Ершова) Любовь Никитична (1884–1934) 337–338
 Стольпин Александр Аркадьевич (1863–1925) 68, 347
 Стоунквист Эверет Вернер (1901–1979) 242
 Стоядинович М. 448
 Стоянович Г. 126, 191–192
 Стоянович Любомир (1860–) 196
 Стоянович С. 191, 373
 Стравинский Игорь Фёдорович (1882–1971) 22
 Стратонов Иринарх Александрович (1881–1942) 19, 358
 Стремоухов Николай Петрович (1861–1938) 258
 Стрешнев Сергей 344
 Строевой (Стрекаловский) Николай Павлович 357
 Струве Глеб Петрович (1898–1985) 19, 172, 372
 Струве Пётр Бернгардович (1870–1944) 22, 70, 80, 328, 333, 338, 347–348
 Ступницкий Арсений Фёдорович 128
 Суботич Ирина 372
 Суботич Милан 69
 Суворин Алексей Алексеевич (1862–1937) 70
 Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) 70, 347
 Суворин Борис Алексеевич (1879–1940) 347
 Суворин Михаил Алексеевич (1880–1931) 347
 Сувчинский Пётр Петрович (1892–1985) 55
 Сукачёв Лев П. 14, 44, 46
 Сусалин Иван Михайлович (— 1927) 357
 Тарановский Фёдор Васильевич (1875–1936) 328, 333, 371
 Тарасьев Андрей 366
 Тарасьев Виталий, священник 280, 364
 Тарданов Г.В. 71
 Тарле Галина Яковлевна (1931) 81, 190–191, 239, 241
 Таубер Екатерина Леонидовна 190, 337–338
 Таубер Леонид Яковлевич (1872–1943) 19, 51, 190–192
 Теодоров Теодор Иванов (1859–1924) 35, 36
 Теоклит, митроп. 270
 Терещенко 367
 Терзич Богдан 386
 Тесемников Владимир Алексеевич (1938) 6
 Тесленко Николай Васильевич (1870–1942) 191
 Тимановский Николай Степанович (1889–1919) 87, 209
 Тимофеев Алексей Юрьевич (1962) 6

- Тимофеевский Виктор Иванович 308, 368
 Тимченко А.М. 381, 160, 383, 386, 398–399, 422
 Тито — см. Броз-Тито Й.
 Титулеску Николае (1882–1941) 39
 св. Тихон (в миру Василий Иванович Беллавин) (1865–1925), патр. 18, 263–265, 271, 272, 358, 360
 Тихон (в миру Лященко) (— 1945) 264
 Тодоров Коста Василев (1889–1947) 220
 Тодорович Сибин 448
 Толстой гр. Илья Ильич (1895–1970) 80, 82
 Толстой гр. Лев Николаевич (1828–1910) 80, 338
 Толстой гр. Никита Ильич (1921–1996) 82, 385, Томассен 96
 Томов Константин Коцев (1888–1935) 99
 Топалджиков Никола Тодоров (1871–1925) 100, 101
 Тошева С. 373
 Траянов Тодор (Теодор) Василев (1882–1945) 338
 Трегулов Сергей Николаевич 70
 Трифонов Станчо 252
 Троицкий Сергей Викторович (1878–1972) 333, 358, 362–363
 Трубещкая кн. 273
 Трубещкой кн. Григорий Николаевич (1874–1930) 36, 105, 291, 351
 Трубещкой кн. Николай Сергеевич (1890–1938) 54, 55, 69, 331–332
 Трухановский Владимир Григорьевич (1914–2000) 27
 Трущенко Евгений Филиппович (1916–) 374
 Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) 336, 338
 Туркул Антон Васильевич (1892–1957) 65, 66, 72
 Тыркова-Вильямс (урожд. Тыркова) Ариадна Владимировна (1869–1962) 354
 Тэйлор Карен Мэлпид (1945) 422
 Уваров гр. И.А. 282
 Узунович Никола Т. (1873–) 448
 Уитмор 289, 314
 Уйбадын Мемед Джемиль (1881–1957) 224
 Улагай 44
 Улитин Владимир Г. 71
 Ушаков Александр Иванович 6, 19
 Фармаковский Владимир Владимирович 333
 Февр Люсьен Поль Виктор (1878–1956) 377
 Федотов Георгий Петрович (1886–1951) 358
 Федок Владимир Павлович 104, 124
 Фельдман 273
 Фельдман Леонтий Евгеньевич 302
 Фельштинский Юрий Георгиевич 190
 Феофан (в миру Быстров) (— 1940) 263, 359–360
 Феофан (в миру Гаврилов) 447
 Ферлачи Шефкет 42
 Фетисова Людмила 412
 Фёдоров Александр Митрофанович (1868–1949) 337–338
 Фёдоров Георгий 15, 19, 389, 397
 Фёдоров Николай Яковлевич 19, 161, 166, 172, 387
 Фёдоров Павел (— 1939) 444
 Филипп (в миру Гарднер) 277
 Филиппов Ал. 205, 219
 Филонов С.М. 336
 Флемминг Дж. 397
 Флетчер Уильям Катэрвуд (1932) 358
 Флобер Гюстав (1821–1880) 348
 Флоровский Антоний Васильевич (1884–1968) 330, 374
 Флоровский Георгий Васильевич (1893–1979) 55, 56, 273, 349
 Флоровский Михаил 62
 Фок Анатолий Владимирович 357
 Форстер бар. 448
 Фостиков Михаил Архипович (1886–1966) 91, 98, 282
 Франк Семён Людвигович (1877–1950) 62, 76, 81, 330
 Франко Баамонде Франсиско Паулино Эрменехильдо Теодуло (1892–1975) 66, 258, 359
 Франц Иосиф I Габсбург (1830–1916) 44
 Франше д'Эспре Луи Феликс Мари Франсуа (1856–1942) 86, 229
 Фроман Маргарита Петровна (1890–1970) 344, 409
 Фроман П.П. 343
 Фрост Дмитрий Владимирович 333
 Фурту 102
 Хаджи-Лаззаро Иван Николаевич 290, 362
 Хайретдинов Харис Хасьянович (1942) 6
 Халафова Ирина Владимировна 71, 204, 219, 371, 379, 386, 381, 388, 449
 Хантингтон У. 15, 19
 Харингтон Чарлз 91
 Хардинг ов Пэнзхёрст лорд Чарлз Хардинг (1858–1944) 95
 Харузин Мстислав Алексеевич 90
 Хвостов А.А. 81, 204
 Хезелтинг 448
 Хеккер Джульес Ф. 358
 Хесин В. 347
 Хлыгчиев Яков Матвеевич 333
 Хмельницкий Богдан (Зиновий) Михайлович (ок. 1595–1657) 384
 Ходжа Энвер (1908–1985) 44
 Ходорович Николай Александрович (1857–1936) 256
 Холмэн Херберт Кэмпбелл (1869–1949) 23
 Холодков Павел Фёдорович 343
 Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) 62
 Хорн Роберт Стивен (1871–1940) 27
 Храбак Богумил (1927) 45, 105
 Хризостом (— 1938), митроп. 270, 361
 Хрипунов Алексей Степанович 97, 293, 398
 Цакони Ольга 344
 Цамутали Ю.М. 117, 126, 198
 Цанков Александр Цолов (1879–1959) 252

- Цветаева (в браке Эфрон) Марина Ивановна (1892–1941) 22
 Цветанов Г.Д. 286
 Целио-Цега Антун 243
 Цепежский Дмитрий 447
 Црнич-Пейович Мария 352
 Цувай Адольф 105, 364
 Цуриков Николай Александрович (1886–1957) 422–423
- Чайковский Пётр Ильич (1840–1893) 344, 384
 Чебышёв Николай Николаевич (1865–1937) 348–349
 Челищев Виктор Николаевич (1870–1952) 338
 Челноков Михаил Васильевич (1863–1935) 297, 370
 Черепов Александр 345
 Чернявский Георгий Иосифович (1931) 19–20, 354
 Черский Пётр Васильевич (1877–1939) 63–64
 Чертков 109
 Черчилль Уинстон Ленард Спенсер (1874–1965) 23
 Чехов Антон Павлович (1860–1904) 326, 336, 343
 Чёрчурд 315
 Чилингилов Стилиан Хаджидобрев (1881–1962) 338
 Чиняева Елена Владимировна 69
 Чириков Евгений Николаевич (1864–1932) 328, 349
 Чичерин Георгий Васильевич (1872–1936) 93
 Чоколов 273
 Чолич Д. 374
 Чорович Владимир (1885–1941) 331, 370
 Чубинский Михаил Павлович (1871–1943) 51, 53, 333, 338
 Чурчин Милан (1880–1960) 214, 220
- Шабанов Я.В. 352, 356
 Шавельский Георгий Иванович (1871–1954) 272, 332
 Шаляпин Фёдор Иванович (1873–1938) 345
 Шапонич 104, 365
 Шапшал Илья Фёдорович 332
 Шарпантье 42, 224
 Шарпи Ш. 90, 95
 Шатава Леон 18
 Шатилов Павел Николаевич (1881–1962) 97, 99, 100, 108–109, 127, 251, 255, 354
 Шатилова М.А. 450
 Шацкий Б.В. 191
 Шаров В. 358
 Шварц Алексей Владимирович (1874–1953) 86
 Шведов 100
 Шебунин Алексей Фёдорович (–1937) 46, 240
 Шевляков 335
 Шевцов Виктор Николаевич 340
 Шелоумов Афанасий Иванович 339, 426
 Шемякин Андрей Леонидович 6
 Шеншин Алексей Иванович 333
 Шеншин Иван Иванович 340
 Шереметев Сергей 367
- Шереметев Сергей Владимирович (1880–) 397
 Шиллинг Николай Николаевич (1870–1946) 87, 208
 Шилькевич С.П. 293
 Шинкаренко Н.В. 357
 Ширай Василий Сергеевич 345
 Шкаламера Ж. 373
 Шкаренков Леонид Константинович (1921–1999) 15, 19, 70–71, 81, 106–107, 109, 125–126, 190–191, 352, 354–355, 364, 366, 386, 432
 Шкуро (Шкура) Андрей Григорьевич (1887–1947) 22, 148
 Шмелёв Иван Сергеевич (1873–1950) 22, 205, 219
 Шмурло Евгений Францевич (1853–1934) 328
 Шопен Фредерик Франсуа (Фридерик Франтишек) (1810–1849) 384
 Шорин Александр Александрович 357
 Шпаковский 225
 Штейн 447
 Штейн Наталья (–1922) 447
 Штейнман Ф. 105
 Штрандтман Василий Николаевич (1877–) 33–34, 45–46, 49, 52, 68, 75, 81, 85, 97, 109, 241, 285, 290, 302, 359–360, 363, 367, 398, 409, 412, 447
 Штрандтман Юлия 409
 Шувалов Яков 344
 Шукулевич-Маркович Ксения 374, 412
 Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) 22, 28, 80, 281, 338, 349, 351, 377, 382, 386
 Шульгин Сергей Феликсович 68
 Шумахер 104
 Шумихин Сергей Викторович (1953) 372
 Шумлевич Константин Яковлевич 346
 Шурупов Н.П. 272
- Щербаков Алексей Иванович 333
 Щербатской Александр Ипполитович 105
- Щербина Владимир Степанович 288
- Эгтебрехт А. 397
 Эгер К.К. 257
 Эйлер А. 45, 104, 108, 116, 124, 127, 197, 240, 362, 365, 367
 Эйснер Алексей Владимирович (1905–1984) 70, 241
 Экс Эдуард Владимирович (1851–1937) 22, 139, 255, 257, 356, 447
 Эмерсон Херберт Уильям (1881–1962) 186
 Эмигрант — см. Макшеев Н.Н.
 Эрдели Иван Георгиевич (1870–1939) 35
 Эрдели Наталья 411, 413
 Эренбург Илья Григорьевич (1891–1967) 349
 Эрстова кн. Екатерина Сергеевна 14, 220, 228, 241
- Юденич Николай Николаевич (1862–1933) 33
 Юренев (Близнюк) Георгий Митрофанович (1891 – после 1948) 343

- Юренев Пётр Петрович (1874—1943) 297, 366, 369
 Юрьев Сергей Владимирович 289
 Юсуповы, кн. 22
 Юшко А.А. 137, 159, 352
- Яблонский (—1920) 300
 Яджута 333
 Якимович Милош 279
 Яковлев Ю.Д. 345
 Яковлевич Бошко 190
 Янишевский Алексей Эрастович (1873—1936) 332
 Янкович Джука 340
 Янкович Франё 363
- Arijes F. — см. Ариэс Ф.
 Arseniev A. — см. Арсеньев А.Б.
 Avramovski Ž. — см. Аврамовски Ж.
- Balawyder A. — см. Балэуайдер Э.
 Bazarevich — см. Базаревич В.И.
 Bernachot J. — см. Бернашо Ж.
 Bugarski R. — см. Бугарски Р.
- Ć. — см. Чурчин М.
 Castles S. — см. Кэстлз С.
 Celio Sega A. — см. Целио Цера А.
 Cesarini D. — см. Чезарини Д.
 Criss N.B. — см. Крисс Н.Б.
 Curtiss J. — см. Кёртисс Дж.Ш.
- Davidović M.J. — см. Давидович М.Й.
 Deleon J. — см. Дэлеон Ж.
 DeMause L. — см. Демоз Л.
 Dervichevitch Ch. — см. Дервишевич Ч.
 Despotović T. — см. Деспотович Т.
- Еggebrecht A. — см. Эгтебрехт А.
 Eisenstadt S.N. — см. Айзенстэдт Ш.Н.
- Fedorov N. — см. Фёдоров Н.
 Flemming J. — см. Флемминг Дж.
 Fletcher W.C. — см. Флетчер У.К.
 Fulbrook M. — см. Фалбрук М.
- Gakovich R.P. — см. Гакович Р.П.
 Galitzi C. — см. Галици К.
 Gidens E. — см. Гидденс Э.
 Gillis J.R. — см. Джиллис Дж.Р.
 Girs — см. Гирс М.Н.
 Gould J. — см. Гаулд Дж.
 Gurvitch G. — см. Гурвич Ж.
- Halafoff I.V. — см. Халафова И.В.
 Hecker J.F. — см. Хеккер Дж.Ф.
 Huntington W.C. — см. Хантингтон У.
- Jakovljević B. — см. Яковлевич Б.
 Jelačić A. — см. Елачич А.
 Johnston R.H. — см. Джонстон Р.Х.
 Jovanović M. — см. Йованович М.
 Jovović R. — см. Йовович Р.
- Kačaki J.N. — см. Качаки Й.Н.
 Karolyi M. — см. Каройи М.
 Kasinec E. — см. Касинец
 Katchaki J.N. — см. Качаки Й.Н.
 Kneely R.J. — см. Кнэли Р.Дж.
 Kolb W.L. — см. Колб У.Л.
 Kopřivová-Vukolová A. — см. Копршивова-Вуколова А.
 Krizman B. — см. Кризман Б.
 Kulikovski M.A. — см. Куликовский М.А.
 Kulisher E.M. — см. Кулишер Е.М.
- Lakičević-Pavičević V. — см. Лакичевич-Павичевич В.
 Lukšić I. — см. Лукшич И.
- Marrus M.R. — см. Мэррас М.Р.
 Medarić-Kovačić M. — см. Медарич-Ковачич М.
 Meyer G. — см. Майер
 Milanović O. — см. Миланович О.
 Miller M.J. — см. Миллер М.Дж.
 Miloukoff P. — см. Милоков П.Н.
 von Müller A. — см. фон Мюллер А.
- Oberländer E. — см. Оберлендер Э.
 Obolensky V. — см. Оболенский В.
 Ossorguine-Bakounine T. — см. Осоргина-Бакунина Т.А.
- Pavlowitch S.K. — см. Павлович С.К.
 Paleologue — см. Палеолог С.Н.
 Petranović B. — см. Петранович Д.
 Popović N. — см. Попович Н.
 Pospelovsky D. — см. Поспеловский Д.В.
 Primorac M. — см. Приморац М.
- von Rimscha H. — см. фон Римша Х.
- Šatava L. — см. Шатава Л.
 Schlögel K. — см. Шлөгель К.
 Siede G. — см. Зидэ Г.
 Simpson J.H. — см. Симпсон Дж.Х.
 Spinka M. — см. Спинка М.
 Srna J. — см. Срна Й.
 Stuart Dž. — см. Стюарт Дж.
 Stoupnitzky A. — см. Ступницкий А.Ф.
 Subotić M. — см. Суботич М.
 Šukuljević-Marković K. — см. Шукулевич-Маркович К.
- Taylor K.M. — см. Тэйлор К.М.
- Vinaver V. — см. Винавер В.
 Vlachos E.C. — см. Влахос Э.
 Vljaković J. — см. Влайкович Е.
- Williams B. — см. Уильямс Б.
 Williams R.C. — см. Уильямс Р.
- Wrangel A. — см. Врангель А.
- Zapantis A.L. — см. Запантис Э.Л.
 Zernov N. — см. Зернов Н.М.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- А.е. — архивная единица (болг.)
АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел Российской Федерации
АЈ — Архив Югославии (серб.)
АС — Архив Сербии
АСАНУ — Архив Сербской Академии наук и искусств (серб.)
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
Ед. хр. — единица хранения
ИАБ — Исторический архив Белграда
ИАК — Исторический архив Котора
КЈ — Королевство Югославия (серб.)
Королевство СХС — Королевство сербов, хорватов и словенцев
МВ — Военное министерство (серб.)
МТИ — Министерство торговли и промышленности (серб.)
МУД, МУП — Министерство внутренних дел (серб.)
Оп. — опись
Пов. — распоряжение (серб.)
Р. бр. — регистрационный номер (серб.)
РГВА — Российский государственный военный архив
САНИ, САНУ — Сербская Академия наук и искусств (рус. и серб.)
Ф. — фонд
ЦДИА — Центральный государственный исторический архив Болгарии (София)
ADMAE — Дипломатический архив Министерства иностранных дел Франции (Париж)
Hoover — Архив Гуверовского института мира, войны и революции при Стэнфордском университете (шт. Калифорния, США)
- В библиографических описаниях:
Б.г. — без года
Б.м. — без места издания
Бр. — номер (серб.)
Г. — год (болг., серб.)
Св. — выпуск, номер журнала (серб.)
Е.а. — и другие авторы (лат.)

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5
Россия и Балканы	7
Взгляд на русскую эмиграцию в зеркале всемирной истории	9
Источники и литература	11
ПОЛИТИКА	21
МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА И СУДЬБА РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ	23
В НОВЫХ ГОСУДАРСТВАХ	29
БАЛКАНСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ МЕЖДУ БЕЖЕНЦАМИ, СОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКОЙ: ГРЕЦИЯ, КОРОЛЕВСТВО СХС, БОЛГАРИЯ	30
Отношение Греции к русскому вопросу	30
Отношение Королевства СХС к русскому вопросу	31
Русский вопрос в болгарской политике	34
БЕССАРАБИЯ И ПОЛИТИКА РУМЫНИИ ПО ОТНОШЕНИЮ К СОВЕТСКОЙ РОССИИ, РУССКИМ НАЦИОНАЛЬНЫМ МЕНЬШИНСТВАМ И БЕЖЕНЦАМ	37
ПОД МЕЖДУНАРОДНЫМ ПРОТЕКТОРАТОМ: ПРОБЛЕМА КОНСТАНТИНОПОЛЯ	40
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РУССКИХ БЕЖЕНЦЕВ В БАЛКАНСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СМУТАХ: АЛБАНСКИЙ ЭПИЗОД	42
ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ (ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ) ГОРИЗОНТЫ НА РУССКИХ БАЛКАНАХ	47
МИР ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИДЕЙ: ПЕРВОЕ ПОКОЛЕНИЕ	48
Монархизм	49
Республиканские (левые) идеи	51
Антисемитизм	53
Евразийство	54
ИДЕИ ЭМИГРАНТСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ВТОРОЕ ПОКОЛЕНИЕ	57
«Молодая Россия»	58
Национальный союз нового поколения (НТС)	59
Русская фашистская партия	63
РУССКИЕ БАЛКАНЫ И СССР: ПОЛИТИЧЕСКАЯ НЕТЕРПИМОСТЬ	73
«КТО ВИНОВАТ ЗА НАШУ ЗЛУЮ ДОЛЮ...»: РАЗМЫШЛЕНИЯ НАЧАЛА 1920-х ГОДОВ	74
«РОДИНА В ОПАСНОСТИ», ИЛИ ВОЗМОЖНОСТЬ «ОКОНЧАТЕЛЬНО РАССЧИТАТЬСЯ»: ВЗГЛЯДЫ КОНЦА 1930-х ГОДОВ	78
ГРУППА	83
ФОРМИРОВАНИЕ	85
ИЗГНАНИЕ	86
Первая эмиграционная волна (весна 1919 года)	86
Вторая эмиграционная волна (зима—весна 1920 года)	87
Эвакуация Одессы	87
Эвакуация Новороссийска	89
Третья эмиграционная волна (ноябрь 1920 года)	90
НА БАЛКАНАХ	92
Разгрузка Константинополя	92
Проблема армии	94
Политическая борьба	95
Продолжение политического давления	96
Переговоры и переселение	97
Переселение малых групп	102
Королевство СХС	102
Болгария	102

ЧИСЛЕННОСТЬ И РАЗМЕЩЕНИЕ	111
ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ НА БАЛКАНАХ	112
Прибытие	113
Ситуация в Румынии	115
Внутренние балканские миграции	117
Сокращение численности	119
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА	129
ВЗРОСЛОЕ НАСЕЛЕНИЕ С УЧЕТОМ РАЗДЕЛЕНИЯ ПО ПОЛУ И ВОЗРАСТУ	129
Возрастная структура	130
Половая структура	133
«РОССИЙСКАЯ» ИЛИ «РУССКАЯ» ЭМИГРАЦИЯ: НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ СТРУКТУРА ЭМИГРАНТСКОЙ ГРУППЫ	136
Национальный состав	136
Религиозная структура	140
ИЗГНАННАЯ ЭЛИТА: ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА	141
Образовательная структура	142
Профессиональная структура	144
ИЗ ГЕНЕРАЛОВ В САПОЖНИКИ: СОЦИАЛЬНОЕ ДЕКЛАССИРОВАНИЕ	147
Сравнение с Россией	148
Балканские параллели	149
«МИССИЯ» ИЛИ «ОБЩЕСТВО В ИЗГНАНИИ»: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ, СТРУКТУРНЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ	161
РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА	162
Группа как реальный и неполный коллектив	163
Группа как структурированные социальные рамки	163
Неразрывные и действенные коллективные представления и идеи	166
Общая цель	168
ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ	169
ОБЩЕСТВО	173
ПРАВОВОЙ СТАТУС	177
МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ	180
Советское законодательство и проблема беженцев	180
Решение эмигрантской проблемы в рамках международных институтов и международного права	182
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ НОРМЫ БАЛКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ	187
«ОЙ, НЕСЧАСТНАЯ МАТУШКА РОССИЯ...»: РУССКИЕ И БАЛКАНЫ — ОБРАЗ «ДРУГОГО»	193
«Я СЛАВЯНИН. МОЯ СЕМЬЯ БОГАТА»: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ И СТЕРЕОТИПЫ — ТРАДИЦИОННЫЙ ВЗГЛЯД	195
«МЫ — ИЗГНАННИКИ, МЫ ВСЮДУ ЧУЖИЕ»: РЕАЛЬНОСТЬ СОВМЕСТНОЙ ЖИЗНИ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О «ДРУГОМ»	199
«ПРОСТОТА, ИНТИМНОСТЬ И ФАМИЛЬЯРНОСТЬ ЗАМЕТНЫ ТУТ ПОВСЮДУ»: КОМПЛЕКСНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О «ДРУГОМ» — СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЯ В КУЛЬТУРЕ И ТРАДИЦИЯХ	210
СТОЛКНОВЕНИЕ С ОКРУЖЕНИЕМ: АДАПТАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ	221
ОБЩИЕ РАМКИ ИНТЕГРАЦИИ	221
КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА	223
КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ: САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ	225
КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ: ОТ ИДЕИ СКОРОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ К ИДЕЕ «МИССИИ» РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ	228
ПОЧЕМУ ЗАРУБЕЖНАЯ РОССИЯ? ВАЖНОСТЬ ФЕНОМЕНА И ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ В ИЗГНАНИИ	234
ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ	244
ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ	245
Общественные организации первого поколения эмигрантов	246

Русская армия и РОВС	248
Русская православная церковь за границей	261
Русский совет	280
Государственные и неправительственные учреждения	283
Представительства центральных эмигрантских организаций на Балканах	291
Местные эмигрантские организации на Балканах, их деятельность и место в Зарубежной России	305
Общественные организации второго поколения эмигрантов:	
педагогические и молодежные организации	311
Реконструкция численности русских школ на Балканах	313
Преподавательский состав	318
Деятельность школ	319
Молодежные организации	325
РУССКАЯ КУЛЬТУРА НА БАЛКАНАХ	326
Наука	327
Мир русской книги	334
Художественная литература	336
Изобразительное искусство	339
Архитектура	341
Театр	342
Журналистика	346
ЧЕЛОВЕК	375
МЕЖДУ ИДЕАЛОМ И ЖИЗНЬЮ: ЛИЧНОСТЬ И ЭМИГРАЦИЯ	377
РЕШЕНИЕ	378
В ИЗГНАНИИ	380
ТРУД	387
ТРУДОУСТРОЙСТВО	387
СОЦИАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ	392
СЕМЬЯ И БРАК В ЭМИГРАЦИИ	400
СЕМЬЯ	400
БРАК	403
ЖЕНЩИНЫ В ИЗГНАНИИ	406
ОБЩЕСТВЕННЫЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ: ИЗУЧЕНИЕ СЛУЧАЙНОЙ ГРУППЫ	406
ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ В ЭМИГРАЦИИ	408
«МЫ, ДЕТИ, УЖЕ ТОГДА СТАЛИ ВЗРОСЛЫМИ»: ДЕТСТВО В ЭМИГРАЦИИ	414
«НА ПРАЗДНИКИ ДЕТЕЙ К СЕБЕ Я НЕ ВОЗЬМУ»:	
ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВА НА ВЗРОСЛЕНИЕ ДЕТЕЙ В ИЗГНАНИИ	415
«Я РУССКИЙ... НЕ ЗНАЮ, ПОЧЕМУ Я РУССКИЙ»: САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ	
И СУБЪЕКТИВНОЕ ДЕТСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ЖИЗНИ В ИЗГНАНИИ	418
КАРТИНЫ РУССКОГО БЫТА	424
ОТБЛЕСКИ ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ	425
РЕЛИГИОЗНОСТЬ	430
БОЛЕЗНЬ И СМЕРТЬ	433
БОЛЕЗНЬ	434
СМЕРТЬ	440
Встречи со смертью	441
Демографическое значение смерти	442
Эмиграция как причина смерти	444
Символика смерти	445
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	451
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	469
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	484

Йованович М.

И-75 Русская эмиграция на Балканах: 1920—1940 / Пер. с сербск. А.Ю. Тимофеева; научное редактирование А.В. Громова-Колли, Е.В. Михайлова. — М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2005. — 488 с. (Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Ex cathedra. Вып.1)

ISBN 5-98854-001-5

ISBN 5-85887-235-2

После бурного 1917-го и Гражданской войны значительное количество русских людей были вынуждены навсегда покинуть свою родину. Многие обрели новый дом на Балканах. Исследование базируется на обширных и зачастую впервые вводимых в научный оборот статистических и документальных материалах, ярко показывающих реальный трагизм существования русской диаспоры как уникального социального слоя и культурно-психологического феномена российского общества.

ББК 63.3(2)6-4

Мирослав Йованович

**Русская эмиграция на Балканах
1920 – 1940**

Корректор: *О.А. Савичева*
Верстка: *П.А. Сандомирский*

Подписано в печать 1.10.2005
Формат 70х100/16. Тираж 2000 экз.

Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»
ЗАО «Издательство «Русский путь»
109240, г. Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: (095) 915-10-47. E-mail: info@rp-net.ru
Сайт в Интернете: www.rp-net.ru
Сайт Библиотеки-фонда «Русское Зарубежье»: www.bfz.ru

Книжный магазин «Русское Зарубежье»
www.kmrz.ru

ISBN 5-98854-001-5

9 785988 540014 >

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

Мирослав Йованович

родился 1 мая 1962 г. в Белграде (Сербия). Работает на кафедре всеобщей новейшей истории философского факультета Белградского университета, с 1989 г. — ассистентом, а с 2001 г. — внеочередным профессором. В 1993 г. защитил кандидатскую диссертацию «Переселение русских беженцев в Королевство СХС. 1919–1924 », в 2001 г. — докторскую диссертацию «Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940». В 1997 и 2000 гг. читал лекции, а в 2001 г. — спецкурс на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова.

Является одним из учредителей белградского Общества социальной истории (с 1998 г.), членом редколлегии и одним из редакторов журнала «Ежегодник по социальной истории» (с 1994 г.). В рамках совместного международного проекта «History and History Teaching in Southeast Europe» (2000–2002 гг.) курировал публикации в академических изданиях Университета в Граце (Австрия), Юго-Западного университета им. Неофита Рильского в Благоевграде (Болгария) и белградского Общества социальной истории.

М. Йованович — автор более 50 научных работ, среди которых: монографии «Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС. 1919–1924» («Переселение русских беженцев в Королевство СХС. 1919–1924». Београд, 1996) и «Језик и друштвена историја» («Язык и социальная история». Београд, 2002); совместная монография с Л. Димичем и Д. Стойнович «Србија 1804–2004. Три виђења или позив на дијалог» («Сербия 1804–2004. Три точки зрения, или Приглашение к диалогу». Београд, 2005); сборник «Сербия о себе» (М., 2005) и др.